

ИНСТИТУТ
СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Коллективная монография

Москва
2022

УДК 811.512.151
ББК 81.63

Авторы:

Акалын Ш.Х.	Мызников С.А.	Софронова Л.В.
Алексеева О.А.	Напольнова Е.М.	Субраков А.Д.
Верхова К.А.	Нуриева Ф.Ш.	Сулейманова А.С.
Гибаева М.А.	Образцов А.В.	Сунгатуллина М.М.
Глашев А.А.	Оганова Е.А.	Суриков К.А.
Ельяшевич В.А.	Петрова М.М.	Телицин Н.Н.
Йылмаз М.	Псянчин Ю.В.	Уртегешев Н.С.
Кадырова О.М.	Пылев А.И.	Учгюль С.
Каменева О.Н.	Репенкова М.М.	Чертыкова М.Д.
Караджа Б.	Самситова Л.Х.	Чугункова А.Н.
Лаврова М.А.	Сахатова Г.С.	Шамина Л.А.
Лебедев Э.Е.	Селютина И.Я.	Экба З.Н.
Лосева-Бахтиярова Т.В.	Сибатагов Ф.Ш.	

Рецензенты:

д.ф.н., профессор кафедры японской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова *А.Р. Садокова*
к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока
МГИМО МИД РФ *А.В. Штанов*

Ответственный редактор: *Е.А. Оганова*

Редакторы: *М.М. Репенкова, К.А. Верхова*

Тюркские языки и литературы в исторической перспективе. Коллективная монография / отв. ред. Е.А. Оганова. 414 с.
ISBN 978-5-6048406-1-0

В коллективной монографии рассматривается широкий круг актуальных для современной науки проблем тюркской лингвистики и литературоведения. Исследования, представленные в разделе «Лингвистика», касаются различных языковых уровней и периодов развития тюркских языков, а также результатов взаимодействия тюркских языков с неродственными. В разделе «Литературоведение» исследования концентрируются вокруг современного литературного процесса в Турции и вокруг историко-теоретических проблем тюркского литературоведения. Широкий охват проблематики, затронутой в коллективном труде, открывает перспективы для дальнейшей продуктивной научной деятельности в области написания теоретической грамматики тюркских языков и истории тюркских литератур.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективный труд «Тюркские языки и литературы в исторической перспективе» подготовлен группой ведущих тюркологов-филологов, представляющих такие известные тюркологические центры России и дальнего зарубежья, как Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Восточный факультет СПбГУ, Институт востоковедения РАН, Институт языкознания РАН, Институт славяноведения РАН, Институт филологии Сибирского отделения РАН, Научно-исследовательский центр национальных проблем образования Федерального института развития образования РАНХиГС, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Дипломатическая академия МИД России, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Национальная библиотека имени А.З. Валиди Республики Башкортостан, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, Анкарский государственный университет (Турция, Анкара), Университет Хаджеттепе (Турция, Анкара), Эрджесский государственный университет (Турция, Кайсери), Отделение тюркологических и ближневосточных исследований Кипрского университета (Кипр) и др.

Исследования охватывают широкий круг актуальных вопросов тюркской лингвистики (фонетики, лексикологии, морфологии, синтаксиса) и литературоведения (средневековых и современных тюркских литератур), что открывает перспективы для дальнейшей научной деятельности, в частности, для написания теоретической грамматики тюркских языков (в области лингвистики) и истории тюркских литератур (в области литературоведения). Проблематика монографии во многом перекликается с проблематикой Международной тюркологической научной конференции «Дмитриевские чтения», которая с 1993 года ежегодно проводится в ИСАА МГУ кафедрой тюркской филологии.

В структурном отношении коллективная монография разделена на два обширных раздела: лингвистика и литературоведение.

Исследования, представленные в разделе «Лингвистика», касаются различных языковых уровней и периодов развития тюркских языков, а также результатов взаимодействия тюркских языков с неродственными. Наибольшее внимание тюркологов привлекают явления в сфере морфологии и синтаксиса, а также лексические особенности.

Традиционный интерес научного сообщества вызывают древние памятники, в которых со временем открываются интересные факты, способные скорректировать представления об истории тюркских народов и их культур. Это направление представлено в статьях А.А. Глашева, В.А. Ельяшевича, Н.Н. Телицина.

Широкий ареал распространения тюркских языков на всем протяжении истории обуславливал их активное взаимодействие с языками других групп, что находит отражение прежде всего на лексическом уровне. Результаты исследований процессов такого рода изложены в работах Ш.Х. Акалына, Т.В. Лосевой-Бахтияровой, С.А. Мызникова, Е.М. Напольновой, К.А. Верховой, Ф.Ш. Нуриевой, М.М. Петровой, М.М. Сунгатуллиной, С. Учгюль, М. Йылмаз, Л.А. Шаминой, З.Н. Эжбы. На некоторых специфических лексических явлениях тюркских языков фокусируются исследования Л.Х. Самситовой, А.Д. Субракова, М.Д. Чертыковой. Проблеме стилистики башкирского языка посвящена работа Ю.В. Псянчина.

К морфологическим особенностям чувашского, туркменского и хакаского языков привлекают внимание Э.Е. Лебедев, Г.С. Сахатова и А.Н. Чугункова. Новые подходы к известным языковым фактам морфологии турецкого языка представлены в исследованиях М.А. Гибаевой, О.М. Кадыровой, Е.А. Огановой. Пунктуационные особенности турецкого медиатекста становятся объектом изучения в работе О.А. Алексеевой.

Традиционно новосибирская школа исследователей вносит вклад в коллективную монографию своими трудами по фонетике тюркских языков. К таким исследованиям относятся работы И.Я. Селютинной и Н.С. Уртегешева.

В разделе «Литературоведение» наибольшее внимание уделено творчеству известных современных турецких прозаиков. В этом плане выделяется исследование О.Н. Каменевой о Серай Шахинер, Б. Караджа о Ферите Эдгю, М.М. Репенковой о Хакане Гюндае, Л.В. Софроновой о Семе Кайгусуз. Указанные работы демонстрируют новые подходы к осмыслению современного литературного процесса в Турции.

Другая группа литературоведческих исследований посвящена истории и теории литературы. Традиционно актуальной проблемой остается жанровая структура турецкой прозы. В работе М.А. Лавровой она анализируется на примере массовой литературы. Историческая составляющая в формировании литературного поля вокруг города Анкары на протяжении нескольких веков (с XIV по XX вв.) рассматривается в работе А.В. Образцова и А.С. Сулеймановой. Сюжетика и мотивика тюркоязычных литератур в историческом ракурсе представлена в исследованиях А.И. Пылева (среднеазиатская тюркская поэзия эпохи Караханидов) и Ф.Ш. Сибэгатова (башкирская литература). Межлитературные связи рассматриваются в работе С. Учгюль и К. Сурикова на примере освоения турецкой литературоведческой мыслью творчества великого русского поэта Г.Р. Державина.

Широкий охват тем, глубокая проработка поставленных научных проблем, новые подходы к их решению и богатая палитра тюркских языков, исследования по которым представлены в данной монографии, позволяют редакционной коллегии надеяться, что данное издание будет востребовано тюркологическим сообществом в России и за рубежом.

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

*И.Я. Селютина*¹

Фонетические маркеры синтеза аналитических конструкций в южносибирских тюркских языках

Фонотактика как языковая фонетическая универсалия, включающая алгоритмы сочетаемости звуков в потоке речи, закономерности комбинаторики, фонотаксические ограничения, — это один из доминантных параметров артикуляционно-акустической базы (ААБ), определяющий специфику языка.

Закономерности звуковых преобразований, в том числе и фонетических модификаций в позиции сандхи, необходимо учитывать как при изучении современного языкового состояния, так и при решении проблем языковой ретроспективы и фонетической типологии. Вместе с тем, позиционно-комбинаторно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ — внешнее сандхи, и на стыке морфем внутри словоформы — внутреннее сандхи [Ахманова 1966: 394] на материале аналитических глагольных форм в тюркских языках Южной Сибири не получали систематического освещения.

Если общие и частные вопросы изучения глагольных аналитических конструкций (ГАК) в тюркских языках вообще и в южносибирских тюркских языках в частности описаны в литературе [Юлдашев 1965; Карпов 1980; 2007 а; 2007 б; 2007 в; Черемисина 1995; Шенцова 1997; Чугунецова 2002; 2012; Кокошникова 2004; Озонова, Тазранова 2004; Тазранова 2005; Озонова 2006; Шамина 2010; Боргояков 2011; Кызласова 2011; Абумова 2013; Ооржак 2014; Чертыкова 2014; 2016; Бурнакова, Боргоякова 2019; 2020], то в экспериментально-фонетических работах, выполненных ранее на материале тюркских языков алтае-сааянского региона, проблема звуковых изменений в составе звуковых оболочек ГАК в процессе их синтеза либо не затрагивалась, либо освещалась фрагментарно.

Первые в сибиреведении попытки интерпретации фонетических изменений на стыке слов и морфем в корреляции с процессами упрощения ГАК были пред-

---

¹ Селютина Ираида Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН; siya_irina@mail.ru

приняты на материале шорского и хакасского языков. Экспериментально-фонетические данные по сагайскому и кызыльскому диалектам хакасского языка показали, что в свободном словосочетании позиции начала и конца слова маркируются долгими согласными фонемами, если же сочетание стягивается в сложное слово и лексикализуется, позиция начинает осознаваться как внутреннее сандхи, происходит чередование долгих глухих реализаций фонем с краткими звонкими или озвонченными [Субракова 2006: 212–213; 2017], то есть фонетические трансформации в позиции внешнего анлаутного и аусллаутного сандхи являются маркерами степени синтеза ГАК [Курпешко, Широбокова 1991: 8].

Инструментальные исследования фонетических преобразований ГАК, выполняемые на материале трех южносибирских тюркских языков — чалканского, шорского и тувинского, в сопоставлении с языками хакасских, шорских и тувинских фольклорных героических сказаний [Селютина и др. 2018, 2021; Уртегешев и др. 2017, 2020] позволили определить доминантные признаки, сопровождающие процессы синтеза ГАК на сегментном и суперсегментном уровнях.

К анализу привлекались выявленные методом сплошной выборки звучащие высказывания из текстов художественной литературы и эпических произведений, содержащие ГАК с различными структурно-семантическими характеристиками. Тексты, конвертированные в формат **.wav**, были сегментированы с использованием программы Audacity, контексты с ГАК выделены в самостоятельные звуковые файлы, проанализированы аудитивно и с помощью акустической программы SpeechAnalyzer 3.0.1, записаны в символах транскрипционной системы УУФТ [Наделяев 1960; Артикуляторные базы 2012], систематизированы и описаны.

Маркеры синтеза ГАК в произведениях художественной литературы

Результаты аудитивного и аппаратного анализа бивербальных конструкций чалканского и шорского языков и соответствующих им тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций позволили выявить, с одной стороны, типологическую общность структурных фонетических преобразований, сходство направленности фонотактических трансформаций, сопровождающих процессы стяжения аналитических конструкций в алтае-саянских тюркских языках, с другой — существенные различия в степени, скорости развития этих явлений.

Общими для всех исследуемых языков показателями синтеза ГАК являются процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, утраты базовой семантики и лексико-грамматических характеристик, выпадения деепричастных показателей, что, в свою очередь, детерминирует устранение внешних межсловных речевых пауз, выполнявших делимитативную функцию между основным (ОГ) и вспомогательным (ВГ) глаголами, и преобразование их во внутрисловные паузы, последующее слияние компонентов ГАК в единое фонетическое слово, модификацию позиций внешнего сандхи во внутрен-

нее, формирование нового фонетического контекста с дальнейшей реализацией ассимилятивных закономерностей, порождаемых этим контекстом, в том числе и трансформации сингармонических моделей.

Результаты анализа репрезентативной выборки, полученной на материале южносибирских тюркских языков художественной литературы и фольклорных героических сказаний, свидетельствуют о доминантном характере двух маркеров синтеза вербальных аналитических конструкций — степени редукции внешней межсловной паузы с трансформацией ее во внутреннюю межслоговую и утрате деепричастного глагольного форманта.

Анализ аналитических конструкций по указанным параметрам позволил в каждом из исследуемых языков сгруппировать выявленные ГАК в три класса в соответствии со степенью выраженности фонетических преобразований.

В чалканском языке выделены следующие группы ГАК:

1. ГАК с абсолютной степенью стяженности основного и вспомогательного глаголов — 3 модели, включающие вспомогательные глаголы *тур*= ‘стоять’, *ий*= ‘посылать’, *тым*= ‘лежать’: $Tv=(n)+тур$ -, $Tv=n+ий$ -, $Tv=(n)+тым$ -.

2. ГАК с сильной степенью стяженности ОГ и ВГ — 5 моделей, в состав которых входят вспомогательные глаголы *сал*= ‘класть’, *қал*= ‘оставаться’, *ал*= ‘брать’, *пер*= ‘дать’, *кел*= ‘приходить’: $Tv=n+сал$ -, $Tv=n+қал$ -, $Tv=n+ал$ -, $Tv=n+пер$ -, $Tv=n+кел$ -.

3. ГАК со слабой степенью стяженности ОГ и ВГ — 4 модели со вспомогательными глаголами *тьор*= ‘ходить’, *ошур*= ‘сидеть’, *нар*= ‘идти (от говорящего)’, *чық*= / *щық*= ‘выходить’: $Tv=(n)+тьор$ -, $Tv=(n)+ошур$ -, $Tv=n+нар$ -, $Tv=n+чық$ = / $Tv=n+щық$ -.

Примеры чалканских конструкций 1-го класса – с абсолютной степенью стяженности ОГ и ВГ:

$Tv=(n)+тур$ =: (1). *Тьоқ топтым* [h̄øχ̄/=/t̄p̄>=t̄m] ‘пересказывал=я’ — *тьоқ то=n-ты=m* (< *тьоқ то=n тур=ды=m*).

Между ОГ и ВГ устранена внешняя межсловная делимитативная пауза, оба глагола воспринимаются как единое фонетическое слово; позиция в слове, являющаяся по происхождению внешним сандхи, реализуется — вследствие стяжения исторически самостоятельных лексем в единое слово — как внутрисандхиальная с сильной (/=/) или умеренной (=) паузой; сохранившийся деепричастный показатель *-n*, оказавшись внутри словоформы, реализуется как ослабленный импозивный согласный; ВГ *тур*- представлен в усеченной форме: *турдым* > *тым*; на стыке морфем произошли ассимилятивные преобразования.

$Tv=n+ий$ =: (2). *Айдыйди* [ʔá:j̄=d̄j̄=d̄ʔ] ‘сказала=она’ — *айд=ый=ди* (< *айд=ий=ди* =< *айд=ып ий=ди* =).

(3). *Ньан ийим* [n̄a:~r̄im] ‘вернулась=я’ — *ньан=ий-им* (< *ньан=ып ий=им*).

(4). *Төлөв ийдивис* [t̄ø̄:/= /β̄ʔ=d̄ʔ=β̄ʔs̄^o] ‘заплатили=мы’ — *төлө=в ий=ди=вис* (< *төлө=n ий=ди=вис*).

Если в (1) примере — [h̄øχ̄/=t̄p̄>=t̄m] — ОГ сохраняет еще деепричастный аффикс *-n*, то во (2) и (3) высказываниях основным глаголом этот показатель утерян вследствие утраты им информативности. Вспомогательный глагол *-ий* реализуется как в полной форме (2) [ʔä:j̄=d̄j̄=d̄ʔ], так и в усеченной (3) [ɲa:=ɲim̄], (4) [t̄øɛ: /=β̄ʔ=d̄ʔ=β̄ʔis̄^c].

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на сегментном уровне на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслота ОГ по звонкости-глухости ((4) *tölvöw iydıwıs* [t̄øɛ: /=β̄ʔ=d̄ʔ=β̄ʔis̄^c]). В результате стяжения компонентов ГАК (3) *ɲan iym* [ɲa:= ɲim̄] — *ɲan*=₁ *ий*=*им* на стыке основного и вспомогательного глаголов произошла трансформация сочетания *-ний-* в малошумный среднеязычный «ɲ», что можно трактовать как процесс двусторонней дистантной ассимиляции (*n* ↔ *ɲ*): регрессивной по активному артикулирующему органу (*n* ← *ɲ*) и прогрессивной по назальности (*n* → *ɲ*). Происходит ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) настроек в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением соседних гласных в один долгий и утратой этой долготы — в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных ГАК фиксируются крайне редко.

В примере (4) [t̄øɛ: /=β̄ʔ=d̄ʔ=β̄ʔis̄^c] стяженная долгота гласного *ö* «øɛ:», компенсирующая редукцию консонанта *л* «l», поддерживается действием закона позиционной длительности гласных, в соответствии с которым в открытом слоге (более) широкий гласный перед слогом с (более) узким гласным подвергается значительному удлинению, происходит фонологизация позиционной долготы. Этот алгоритм, впервые выявленный М.И. Боргояковым [1966], реализуется в различных модификациях во всех саяно-алтайских тюркских языках, но особенно последовательно — в хакасском языке и в северных диалектах алтайского.

На суперсегментном уровне сингармонизация — дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций осуществляется значительно медленнее, чем на линейном, что осложняет процессы их синтезаций. Но тем не менее, в чалканском звучащем тексте в ряде случаев констатируется полное выравнивание сингармонической рядности по 1-му гласному ОГ — твердорядному в ГАК (2) *айдыйди* [ʔä:j̄=d̄j̄=d̄ʔ] или мягкорядному — в (4) *tölvöw iydıwıs* [t̄øɛ: /=β̄ʔ=d̄ʔ=β̄ʔis̄^c], (3) *ɲan iym* [ɲa:=ɲim̄]. В аналитической по происхождению синтезированной словоформе (5) *тоозыйенис* [t̄ ö: /=z̄ʔə: n̄ ʔs̄^c] — < *тооз*=*ып* *ий*=*ген*=*ивис* ‘закончили=мы’ процесс дистантной гармонизации еще не завершен. Что касается лабиальной гармонии, в современном языке чалканцев огубленные гласные далее 1-го слога, как правило, не распространяются даже в основах ОГ: *Төк топтым* [h̄øχ̄/=t̄p̄>=t̄m] ‘пересказывал=я’, *Ол ла онноптым* [ʔöŋ̄>=n̄lp̄> /=t̄n̄=λ̄m] ‘знаю’.

Указанные преобразования свидетельствуют о том, что в современном чалканском языке бивербальные конструкции, исторически восходящие к аналити-

ческим, подверглись высокой степени синтетизации и осознаются носителями языка как единое стяженное слово.

Соответственно в ГАК 2-го класса — с сильной степенью стяженности ОГ и ВГ — все указанные фонетические трансформации осуществляются не столь последовательно, а в ГАК 3-го класса они и вовсе находятся на более ранней стадии формирования.

Глагольные аналитические конструкции в шорском и тувинском языках переживают тот же процесс фонетического и грамматического опрощения. Но на современном этапе развития идиомов фиксируются различные стадии процесса синтетизации ГАК — от полной утраты прозрачности структуры словосочетания в языке чалканцев до более ранних этапов их редукции по пути потери лексическими компонентами самостоятельности в тувинском языке через промежуточную стадию в языке шорцев. Специфика звуковых изменений в языках обусловлена особенностями артикуляционно-акустических баз этносов — носителей языков.

В современном шорском языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. По способности подвергаться звуковым преобразованиям на стыке слов и морфем шорские деепричастные ГАК разделены на три группы:

1. ГАК с облигаторностью звуковых модификаций — это модели, включающие ВГ *одур* = ‘сидеть, садиться’, *ыс* = ‘посылать’, *ал* = ‘брать’, *пер* = ‘давать’: $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$, $a(лын)+V^{сн}$, $Tv=V+пер=$.

2. ГАК с факультативными фонетическими изменениями — 4 модели, включающие вспомогательные глаголы *пер* = ‘давать’, *кел* = ‘приходить’, *сал* = ‘класть, положить’, *қал* = ‘оставаться’: $Tv=(n)+пер=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+қал=$.

3. ГАК, характеризующиеся стабильностью звуковых оболочек — 5 типов ГАК, включающих вспомогательные глаголы *нар* = ‘идти, уходить’, *тур* = ‘стоять’, *шық* = ‘выходить’, *көр* = ‘смотреть’, *чөр* = ‘ходить’: $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+тур=$, $Tv=n+шық=$, $Tv=(n)+көр=$, $Tv=(n)+чөр=$.

Для звукового облика ГАК с регулярно повторяющимися звуковыми изменениями наиболее характерны процессы озвончения глухих ауслаутных и анлаутных согласных: *чылыб-одурча* [^hç:ɪl/=bó:=dör=^hç:aʔ] ‘ползёт’, ассимиляции по назальности: *айланмысты* [ʔá:j=ʔan>/mʔs^c=tʔ] ‘вывернул’, выпадения компонентов слова: *ашықты* [ʔá:./ʔʔ:i=q>tʔ] (*ал=шық=ты* < *ал=ын шық=ты*) ‘вынес’, геминации согласных: *аккелер* [ʔáks>=ʔk:e=ʔer ~ ʔá:./ʔk:e=ʔer] ‘принести’, фиксируемые в позициях сандхи.

Для бивербальной конструкции $a(лын)+V^{сн}$ облигаторна сильная редукция деепричастной формы ОГ, представленного в современном шорском языке лишь инициальным гласным *a*-. *апарган* [ʔáp>/ʔp:áɣ=qʔánp> ~ ʔá:./ʔp:áɣ=qʔánp>] ‘унёс’. Столь значительное усечение основного глагола в составе конструкции, аналити-

ческой по происхождению, свидетельствует о том, что процесс синтезаций, уходящий корнями в далекое прошлое, в настоящее время полностью завершен и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы.

В ГАК с факультативно происходящими звуковыми изменениями преобразования затрагивают конструкции указанных подтипов в тех случаях, когда к основному глаголу в отрицательной форме на *-паан / -пан* присоединяется вспомогательный глагол с инициальным глухим согласным: межсловная пауза устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее, вследствие чего формируются фонетические условия для озвончения глухого анлаутного консонанта ВГ, оказавшегося в постсонантно-превокальной позиции: *шаппанберди* [ʃ'ap>=p'ân>=b'εr'='d'ǃʔ ~ ʃ'ap>=p'ân>=p'εr'='d'ǃʔ] 'не ударил'; *келбенқалды* ['k:ε:='l'b'εn>='q:ǎ:='ldǃʔ ~ 'k:ε:='l'b'εn>=q:ǎ:='ldǃʔ] 'не вернулся'.

Отсутствие звуковых преобразований в бивербальных комплексах свидетельствует об устойчивости конструкций, сохранении ими статуса аналитических: *айдын шықты* [ʔǎ:='dǃp> 'ʃ':='q>tǃʔ] 'заговорил'; *қампап чөр* ['q:am>='n:ǎp> 'ḥc:øʀ'] 'камлая'.

В результате фонетического анализа тувинских трехкомпонентных деспричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения внешней звуковой паузы. При этом ГАК одного и того же типа могут входить в различные с точки зрения фонетических преобразований классы, что может быть обусловлено отличиями в частотности использования конструкций в речи.

Первый класс ГАК тувинского языка характеризуется отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. В обобщенном виде ГАК 1-го класса можно представить формулой $V_1 + V_2 + V_3$: *чыдын каап чоруур* [tʃ'adǎp>k'ǎ:p> tʃ'ç'øʀ'yr'] 'упрекая'. Такая ГАК воспринимается как единое фонетическое слово, внешнее сандхи становится внутренним. Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в ГАК первого класса не происходит: чаще всего один из трех компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных: *сөөртүп чедип келген* [s'œ:p>ç'ç'εt'ǃr'øʀʒp] 'таща, пришел'. Наиболее продуктивны явления синтезаций в аналитических конструкциях с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

ГАК второго класса наиболее частотны. Они характеризуются тем, что основной глагол (1-й компонент ГАК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (2-го и 3-го компонентов сочетания), комплекс же вспомогательных глаголов воспринимается как единое фонетическое слово. В обобщенном виде ГАК 2-го класса можно представить формулой $V_1 / V_2 + V_3$: *базып кире бээр* [bá:zǃp>='k'œr'εβ'εr'ε] 'войдешь'; *эдерип кирип келгеш* [ʔzd'zr'='k'ç'ir'kǎlgǎʃ'] '(за ним) следуя, войдя'.

Спецификой третьего класса тувинских деепричастных трехкомпонентных аналитических конструкций является отсутствие межсловной паузы между основным глаголом и первым вспомогательным, в то время как между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый — V_1+V_2 , второй — V_3 ; общая формула ГАК — $V_1+V_2 \neq V_3$: *озалдан каап турар улус* [ʒáldáɸ_ɸk^cá:p>≠/t^cúr{lus'}] 'отстающие'; *нарлап берип көрүңер дээш* [párl'æɸ> p^cɛ:r'ip>≠/kög'ɪzɸ' {d'ɜɸ''}] 'напечатайте'.

Таким образом, в чалканском, шорском и тувинском разговорных и литературных языках зафиксированы различные стадии процесса синтеза ГАК. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском выделение вспомогательных глаголов в бивербальных комплексах, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами ГАК самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения ГАК находится на более ранних этапах, уже пережитых контактными южносибирскими тюркскими языками — чалканским и шорским.

Маркеры синтеза ГАК в фольклорных произведениях

Для выявления общности и специфики фонетических модификаций, сопровождающих процессы синтеза деепричастных аналитических конструкций в различных репрезентациях вербальных культур народов алтае-саянского региона, были проанализированы звучащие тексты героических сказаний хакасов, шорцев и тувинцев в сопоставлении с литературными и разговорными языками. Материалом для исследования послужили хакасское эпическое произведение «Ай-Хуучын», опубликованное в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [1997: Т. 16], шорское сказание «Күннү көрген Күн Көөк» (Солнце увидевшая Кюн Кёк) в исполнении яркого носителя шорской эпической традиции В.Е. Таннагашева [Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева 2015], представителя мрасской сказительской школы, тувинские эпические произведения «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», опубликованные в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [1997: Т. 12] и озвученные носителем тувинского языка.

Сопоставление языков художественной литературы с языками фольклорных произведений свидетельствует о значительно более высокой встречаемости ГАК

в фольклоре по сравнению с литературой. Статистический подсчет абсолютной и относительной частотности ГАК в текстах художественной прозы, с одной стороны, и в эпических сказаниях, с другой, свидетельствует о том, что в шорском героическом эпосе вербальные аналитические конструкции встречаются в 3,8 раза чаще, чем в литературных сочинениях, в тувинском — в 3,87 раза.

При этом в хакасском эпосе «Ай-Хуучын» максимально частотными являются конструкции трех структурно-семантических типов бивербальных аналитических конструкций — со вспомогательными глаголами *тур*= ‘стоять’, *пар*= ‘идти’, *кил*= ‘приходить’: $Tv=n+тур$ (464 примера из 1 775, что составляет 26,14% всей выборки), $Tv=n+пар$ (417 примеров — 23,5%), $Tv=n+кил$ (350 примеров — 19,72%). ГАК указанных типов в сумме составляют 69,36% всего массива выявленных высказываний (рис. 1).

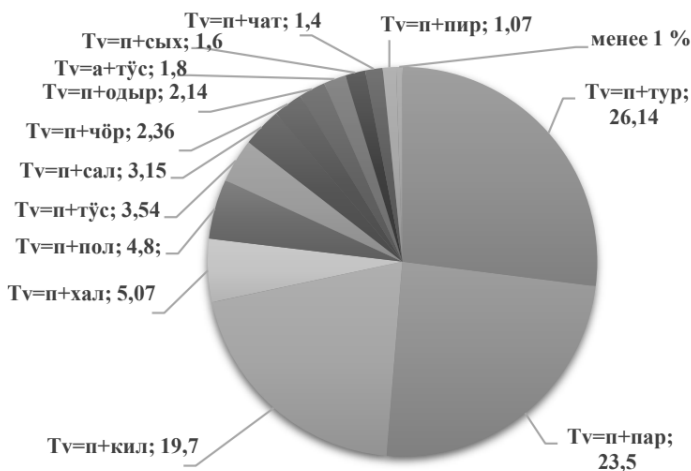

Рис. 1. Круговая диаграмма частотности ГАК в хакасском эпосе «Ай-Хуучын»

В шорском фольклоре, как и в языке художественных произведений, в системе ГАК преобладают конструкции со вспомогательными глаголами движения *пар*= ‘идти, уходить’ и *кел*= ‘приходить’, на долю которых приходится около половины всех рассматриваемых ГАК. Но если в художественных текстах структуры с *пар*= и *кел*= имеют примерно одинаковую частотность, то в фольклорном эпическом сказании со значительным отрывом (в 3,4 раза) преобладают аналитические конструкции с глаголом *кел*= (рис. 2).

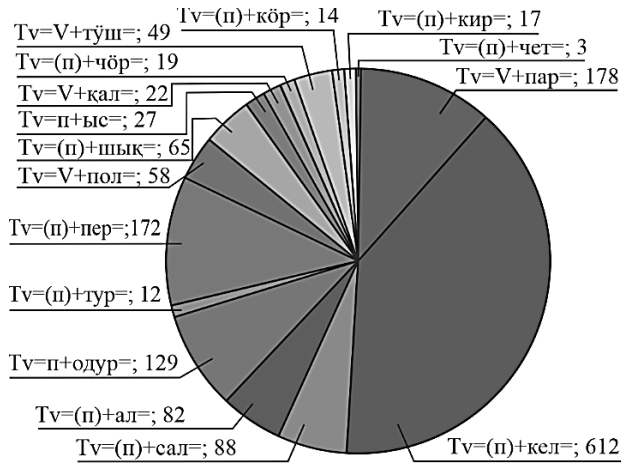

Рис. 2. Круговая диаграмма частотности ГАК в шорском сказании «Күннү көргөн Күн Көөк»

В тувинском фольклорном тексте основной массив ГАК составляют структуры четырех типов: $\{Tv=n + ЧОРун\}$ олур= (17,86%), $\{Tv=n + ЧОРуй\}$ бар= (16,96%), $\{Tv=a + СОП/ТЫРТ/ШАП\}$ ал= (16,07%), $\{Tv=n + ЧОРун\}$ каг (10,71%), на которые приходится в сумме 61,6% всей выборки (рис. 3):

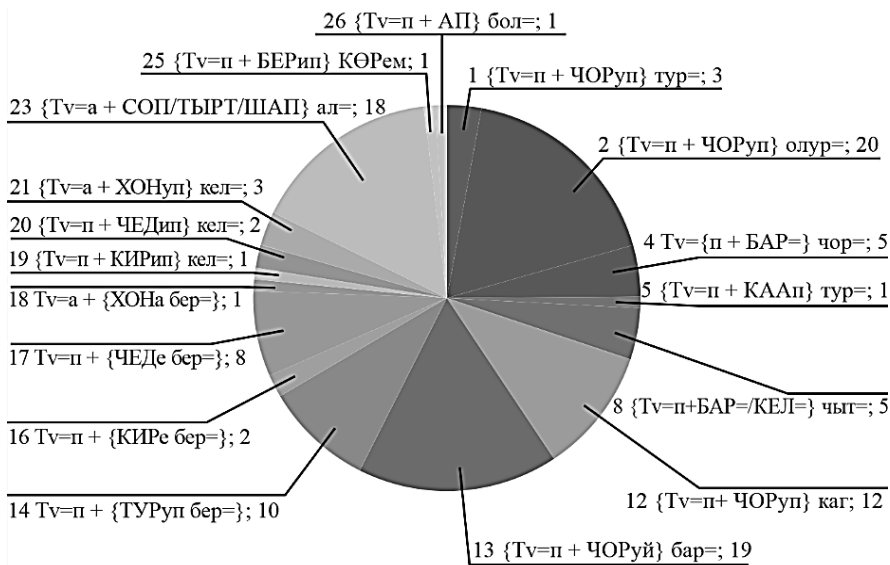

Рис. 3. Круговая диаграмма частотности ГАК в тувинском героическом эпосе

Сравнительный анализ текстов хакасских, шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического признака — речевой паузации, маркирующей процессы синтеза ГАК, показал, что во всех рассматриваемых фольклорных традициях в аналитических конструкциях делимитативная словесная пауза между глагольными компонентами словосочетания полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов. Во всех эпических культурах ГАК реализуются лишь с межслоговыми паузами — сильными или умеренными, генетически восходящими к внешним межсловным.

В хакасском фольклоре 24 ГАК (из 36, т. е. 66,7% выборки) реализуются с сильной внутренней межслоговой паузой, разделяющей основной и вспомогательный глаголы: $Tv=n+тур$ — *көр турадыр* [^h{ $K^{\circ} \phi \cdot \dot{x} / = / t^{\circ} \dot{u} \cdot = r^{\circ} \dot{\lambda} \cdot = d \cdot \ddot{x} \cdot (u \ddot{u}^{\circ}) : \}$] ‘смотрит’, $Tv=n+нар$ — *көөн нарган* [^h{ $K^{\circ} (\ddot{a} \ddot{a}) : / = / p^{\circ} \dot{\lambda} \cdot = \dot{x} \dot{a} = o^{\circ} \dot{\lambda} (n \cdot \ddot{u}) : \}$] ‘вспучилось’, при этом функционирование сильной паузы в качестве демаркационного показателя, сигнализирующего о стыке основного и вспомогательного глаголов конструкции, не коррелирует ни с наличием-отсутствием деепричастного показателя (то есть с полнотой или усеченностью формы ОГ), ни с количеством слогов в структуре ОГ.

В 12 примерах ГАК (из 36, т. е. 33,3% выборки) все паузы — умеренные: $Tv=n+тур$ — *харлап турадыр* [^h{ $\ddot{x} \ddot{a} \dot{x}^{\circ} = l \ddot{x} \cdot b \cdot = t^{\circ} / \dot{\lambda} (\dot{\lambda} \dot{\lambda}) : = d \ddot{x} \dot{x} : \}$] ‘ревёт’, $Tv=n+кил$ — *ибірлеп килген* [^h{ $(\ddot{r} \ddot{r} \ddot{r} \ddot{r}) : = b \cdot \ddot{x} \cdot = \dot{x} \ddot{x} = l^{\circ} \ddot{e} (\ddot{u} \ddot{u}) \ddot{r} \}$] ‘поворачивает’.

Сильная пауза может локализоваться только после ОГ, в порядке исключения может дополнительно реализоваться внутри неоднослогового ОГ, отделяя составляющие его слоги. На вспомогательные глаголы сильная пауза не распространяется.

Превалирование конструкций с сильной внутренней паузой, отделяющей основной глагол от вспомогательного и генетически восходящей к внешней межсловной паузе, свидетельствует на фонетическом уровне о незавершенности процесса преобразования ГАК во вторичные синтетические формы, неполноте стяжения компонентов конструкции в одно фонетическое слово и его грамматикализации.

Еще одним доминантным показателем степени синтеза ГАК является сохранение или утрата основным глаголом деепричастного аффикса. В хакасском эпическом сказании из 36 примеров ГАК с деепричастиями на *-n* (35 высказываний) и на *-a* (1 предложение) в функции основного глагола в 11 случаях (30,6% выборки) аффикс утрачен, в 25 высказываниях (69,4%) сохранился.

Преобладание в тексте произведения «Ай-Хуучын» аналитических сочетаний с полной формой деепричастия в функции основного глагола свидетельствует о том, что, несмотря на активные процессы синтеза ГАК, позиции аналитизма остаются довольно устойчивыми. Сохранение деепричастных формантов *-n* и *-a*, в целом не зависящее от типа конструкции и ее частотности в звучащей фольклорной речи, препятствует стяжению ГАК в единую ритмическую группу, вклю-

чающую основной глагол и примыкающие к нему служебные элементы, не имеющие самостоятельного значения.

На рис. 4 и 5 приведены осциллограммы и спектрограммы хакасских глагольных аналитических конструкций *хызыбысхан* [$\chi\dot{\text{z}}_{\text{r}}\text{z}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{z}(\text{zs}):=\chi\text{q}\chi^{\text{h}}\lambda(\text{n}\text{?n}\text{?n}):$] ‘подмигнул’ и *кõдп парган* [$\text{h}^{\text{h}}\{\text{K}^{\text{c}}(\text{õõõ}):/=/\text{p}^{\text{c}}\lambda_{\text{r}}\text{ä}=\text{q}^{\text{c}}\lambda(\text{n}:\text{n}):?\}$] ‘вспучилось’.

ГАК *хызыбысхан* (*хыс=ын+ыс=хан*) представляет собой образец фактически полностью стянувшегося синтезированного фонетического слова: межсловные паузы полностью утрачены, основной глагол в форме деепричастия не отделен от вспомогательного сильной внутренней паузой — реализуются лишь умеренные межслоговые интервалы; во вновь сформировавшемся фонетическом контексте согласные, оказавшись в интервокальном положении, озвончаются; вся конструкция реализуется как твердорядная и неогубленная. Единственным рефлексом аналитизма остается формант *-n* в составе деепричастия (рис. 4).

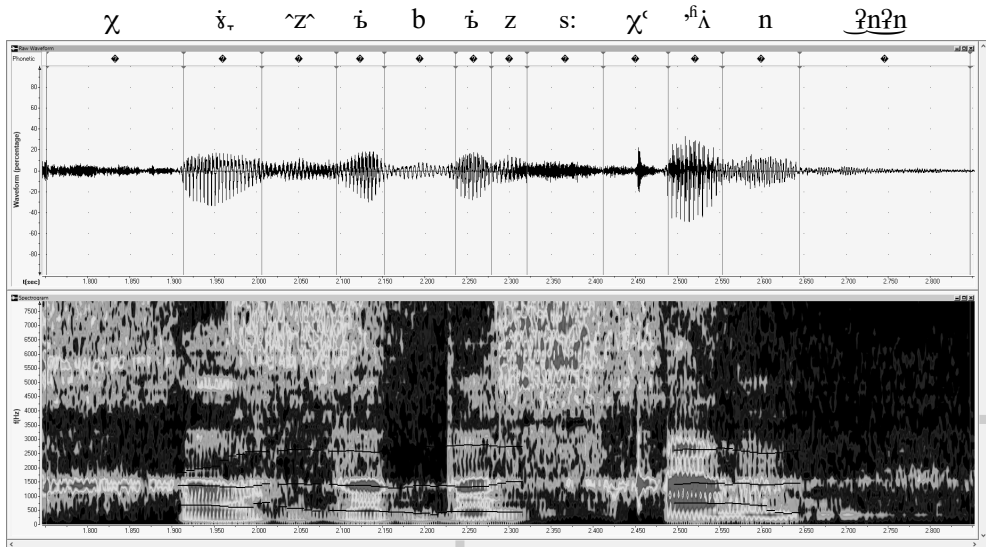

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма ГАК *хызыбысхан* [$\chi\dot{\text{z}}_{\text{r}}\text{z}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{z}(\text{zs}):=\chi\text{q}\chi^{\text{h}}\lambda(\text{n}\text{?n}\text{?n}):$] ‘подмигнул’

Аналитическая конструкция *кõдп парган* [$\text{h}^{\text{h}}\{\text{K}^{\text{c}}(\text{õõõ}):/=/\text{p}^{\text{c}}\lambda_{\text{r}}\text{ä}=\text{q}^{\text{c}}\lambda(\text{n}:\text{n}):?\}$] ‘вспучилось’ демонстрирует вариант ГАК, находящийся на значительно более ранней стадии синтеза, о чем свидетельствует наличие сильной межслоговой паузы, разграничивающей основной и вспомогательный глаголы, сильный придыхательный p^{c} , маркирующий анлаут вспомогательного глагола, реализация в пределах глагольного комплекса двух сингармонических моделей — мягкоряд-

ной огубленной в пределах звуковой оболочки основного глагола *кӧӧп* и твердо-рядной неогубленной на вспомогательном глаголе *парган* (рис. 5).

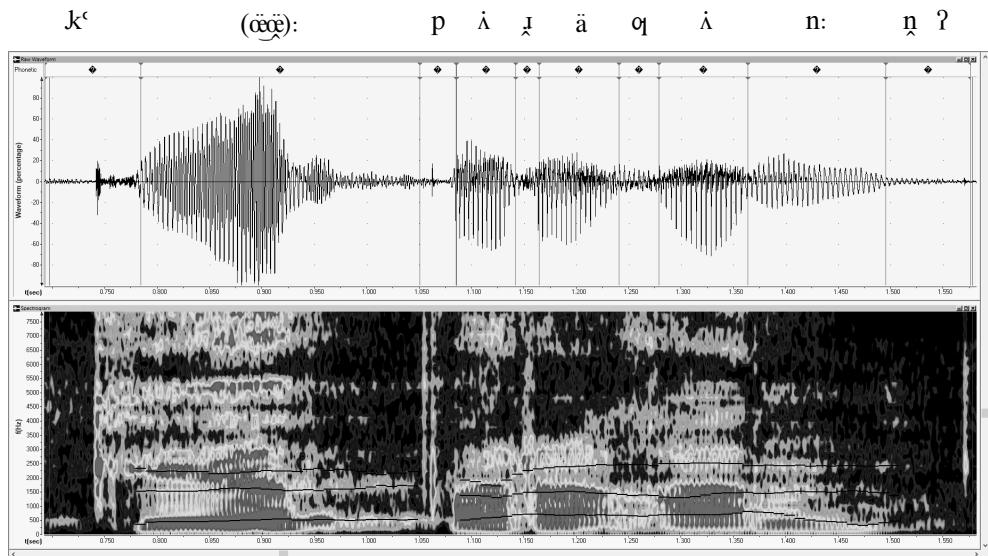

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма ГАК
кӧӧп парган [^h{к'(ӧӧ):/=/р'л₁=дä=ɔ'л(п:п):?}] 'вспучилось'

В шорском фольклорном тексте «Кӱннӱ кӧрген Кӱн Кӧӧк» во всех проанализированных аналитических по происхождению конструкциях (109 примеров) словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами полностью устранена, бивербальный комплекс воспринимается перцептивно как единое слово с различной степенью стяженности ОГ и ВГ. В подавляющем большинстве случаев (77 примеров, т. е. 70,6% выборки) аналитические конструкции реализуются с сильной межслоговой паузой, восходящей к внешней межсловной: *чадыб-одурча* [hçad/=βd̥=d̥ɔr'f=ʃ'e] 'лежит', *шыгыбысты* [ʃ'λ: /=bь=st'ɛ] 'вышел', *тудуб-алып* [t'ü=d̥/=βä: =l'p'ç] 'схватив', *қаишап-келип* [kãʃ=tãp/=k'e: =l'ʔiʔp'ç] 'приходя берегом'.

Меньший по численности кластер (32 примера, т. е. 29,4% выборки) составляют ГАК с умеренной межслоговой паузой, свидетельствующей о полном слиянии бивербального комплекса в одно слово: *тоқтап тур* [toχ=t'λp=t'ɔr] 'остановись!', *уқ-қалды* [ü:=q'äl=d'č'ç] 'услышал', *чӱзӱр-чӧрӱп* [hçy=q̥ɔr'=hç'ø=r'y] 'бегая'.

Что касается второго основного показателя синтезации ГАК — деэпричастного форманта *-(ы)n*, то в шорском героическом сказании «Кӱннӱ кӧрген Кӱн Кӧӧк» проанализированы 87 примеров ГАК с деэпричастиями на *-(ы)n*, из них в 46 случаях (52,9% выборки) аффикс утрачен, в 41 высказывании (47,1%) сохранился. В трех конструкциях — *Tv=n+одур=*, *Tv=n+ыс=*, *Tv=(n)+пер=*, вклю-

чающих вспомогательные глаголы *одур* = ‘сидеть, садиться’, *ыс* = ‘посылать’, *пер* = ‘давать’, деепричастный показатель реализуется во всех 21 примере: *көрб-одурганнары* [kör=βò=dör/=βλn=nl=гъ] ‘видят’, *тезибискен* [tз=z'e=β'is=k'en] ‘убежал’, *адан-перейин* [(ʔäð)ä=ðä/=ʔp'ε=г'e=ип] ‘назову-ка’. В ГАК типа *Tv=n+al* = (со вспомогательным глаголом *ал* = ‘брать’) — формант *-(ы)n* сохранился в большинстве (в 10 из 11) примеров: *тудуб-алып* [t'öd'/=βä:=l'p'ç] ‘схватив’.

В ГАК типа *Tv=(n)+тур* = (со вспомогательным глаголом *тур* = ‘стоять’) — в половине случаев констатируются формы с аффиксом *-(ы)n*: *тоқтап тур* [toχ=t'är=t'or] ‘остановись!’. Не реализуется показатель *-(ы)n* в большинстве примеров (в 29 из 37), представляющих пять глагольных аналитических конструкций со вспомогательными глаголами *кел* = ‘приходить’, *нар* = ‘идти’, *сал* = ‘класть, положить’, *көр* = ‘смотреть’, *чөр* = ‘ходить’: *Tv=(n)+кел* =, *Tv=(n)+нар* =, *Tv=(n)+сал* =, *Tv=(n)+көр* =, *Tv=(n)+чөр* =, например: *одур-келип* [ò:=dör'/=k'e:=l'ep'ç] ‘сев’, *кес-парды* [g'e:s'/=pä:r=dý] ‘отрезал’, *тур-салтыр* [t'öj'/=säl=trý] ‘встал, оказывается’, *қачыр көрейин* [ʔq'ä:=tʃ'ij'/=kõ=г'e=jin] ‘прогнать попробую-ка’, *қағыш-чөрча* [(qλ)=çλ:=çýj'/=ʃ'øx'='e] ‘щебетали’. Утрачен аффикс *-(ы)n* полностью во всех зафиксированных случаях в ГАК четырех типов со вспомогательными глаголами *шық* = ‘выходить’, *қал* = ‘оставаться’, *а(лын)+V^{всп.}*, *кир* = ‘входить’: *Tv=(n)+шық* =, *Tv=(n)+қал* =, *а(лын)+V^{всп.}*, *Tv=(n)+кир* =: *нас шықты* [p'ä:s:ʃ'it:q=tý] ‘вышел’, *уқ-қалды* [ò:=q'äl=d'çý] ‘услышал’, *аққир-салғанда* [ä=k'ir'/=säl=qλn=d'ä] ‘когда внесла’, *чүгүр-кирди* [hçy=qög'/=k'el'='e] ‘вбежал’.

Специфика тувинских тривербальных конструкций, соответствующих хакасским и шорским бивербальным, заключается не только в их более сложной лексико-грамматической структуре, но и в большей, по сравнению с хакасским и шорским фольклором, устойчивости паузальности как маркера степени анализа.

Хотя в эпических текстах «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» во всех проанализированных аналитических по происхождению трехкомпонентных деепричастных конструкциях (105 примеров) словесная пауза между основным и вспомогательными глаголами полностью устранена и тривербальный комплекс воспринимается перцептивно как единое слово с различной степенью стяженности ОГ и ВГ, тем не менее, отражением утраченной внешней паузы является в подавляющем большинстве примеров (101 случай) из текстов современных тувинских эпических произведений сильная внутрисловная пауза.

Если в хакасском эпосе сильная внутренняя межслоговая пауза разделяет основной и вспомогательный глагол ГАК в 66,7% выборки, в шорском — в 70,6%, то в тувинском — в 96,2% всего списка примеров, то есть фактически на всем массиве предложений с ГАК; сильная межслоговая пауза как рефлекс межсловной значительно сохраннее у тувинцев.

При этом в 74 тувинских фольклорных примерах (из 101) трехкомпонентные ГАК произносятся лишь с одной сильной межслоговой паузой. Максимально

частотной локализацией такой паузы является позиция после основного глагола (67 примеров из 105): *бастырын чоруп орган* [pʰs:ʰ=ʔtʰx/ʔx.p./=hɕʰɔ.r=ʔ(ɔ):r=ɕʰʌ./nʒ(r:ʰ=ʰɕʰ/ny=ʰxɕn)] ‘ступал’; *углап бар чыдар* [(k.r.ʰ:ʌ:/j)ö=öɕ.r=ʌp./=pʰä:=zʰ=däʔ] ‘(Куда) направляешься-едешь?’.

Таким образом, хотя в звуковой оболочке тривербальных комплексов, звучащих в тувинских эпических произведениях, внешняя межсловная пауза полностью устранена, что свидетельствует об активном продвижении ГАК по пути утраты аналитизма, тем не менее, сохранение в подавляющем большинстве примеров сильной межслоговой паузы как рудимента внешней межсловной указывает на незавершенность процессов фонетической трансформации ГАК.

Что касается второго доминантного маркера синтеза глагольных аналитических конструкций, то в звучащих текстах тувинских героических сказаний «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» выявлено 87 высказываний (из 105) с тривербальными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)n* в функции основного глагола. При этом почти во всех примерах (83 из 87, т. е. 95,4% выборки) показатель деепричастия *-(ы)n* сохранился: *доозуннап чоруп олуруп-тур эвеспе* [tʰɔ:/zö=nar./=hɕɔ.r=vo=ʌɔ.r/ʔtʰü.r=ʔ(ē=vʰɕsʰ)] ‘мчался (оказывается)’; *боданып чоруп олуруп-тур* [pʰɔ=dʌ=nʂp./=hɕʰɔ:=ʔɔ=ʌɔ.r./=tʰüʔ] ‘едет и думает’.

В проанализированном языковом материале представлены все стадии фонетической эволюции тувинского аффикса *-(ы)n* по пути его постепенного ослабления вплоть до полной элизии. Схематически этот процесс можно представить следующим образом:

$$-p \rightarrow p_{\text{с}} \rightarrow \text{b} \rightarrow \text{b} (\text{b}) \rightarrow \text{b}_{\text{с}} \rightarrow \text{m} \rightarrow \text{v} \rightarrow \text{y} \rightarrow \text{y} \rightarrow \sim \sim \sim \sim \sim \rightarrow 0.$$

Многовариантность и факультативность произношения деепричастного форманта, фиксируемая на данном этапе развития языка тувинского фольклора, является следствием незавершенности, переходности процессов фонетических преобразований.

Итак, деепричастный аффикс *-(ы)n* как один из основных показателей степени утраты аналитизма ГАК в хакасской, шорской и тувинской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую в каждой из них свою специфику, обусловленную закономерностями собственного имманентного развития, а также под интенсивным воздействием контактирующих языков.

Анализ инновационных фонетических трансформаций, происходящих в южно-сибирских тюркских вербальных аналитических конструкциях, позволяет заключить, что на синтагматическом уровне реализуются одновременно два разнонаправленных процесса: существенное упрощение фонетического кода, структуры ГАК, сокращение глагольных лексических единиц и общей длины звуковой цепи путем их стяжения при одновременном усложнении синтезированной словоформы вследствие увеличения количества ее морфологических и фонетических составляющих, непрозрачности и неочевидности морфологического членения.

В результате утраты аналитизма сложными глагольными конструкциями основные фонетические преобразования распространяются, прежде всего, на вспомогательные глаголы, в меньшей степени затрагивая основной глагол.

Таким образом, результаты сопоставительного исследования фонетических трансформаций глагольных аналитических конструкций в двух репрезентациях алтае-саянских тюркских вербальных культур — в языках литературы и фольклора — свидетельствуют о типологической общности структурных модификаций, обусловленной паттернами, сохранившимися в генетической памяти южно-сибирских этносов. Однако в эпосе инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, стереотипности, формульности, сохранению языковой архаики, следованию архетипическим моделям, свойственным эпической фольклорной традиции и расцениваемым носителями культуры как показатели престижности, высокого языкового стиля [Кузьмина 2019: 18].

Литература

- Артикуляторные базы 2012 — Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) / И.Я. Селютина, Н.С. Уртегешев, А.Ю. Летагин, А.И. Шевела, А.А. Добринина, Г.А. Эсенбаева, А.А. Савелов, М.В. Резакова, Ю.А. Ганенко. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2012.
- Ахманова 1966 — *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1966.
- Боргояков 1966 — *Боргояков М.И.* Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан. 1966. Вып. XII. С. 81–98.
- Кузьмина 2019 — *Кузьмина Е.Н.* Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.
- Курпешко, Широбокова 1991 — *Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово: Кузбасский политехнический институт. 1991.
- Наделяев 1960 — *Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л. 1960.
- Селютина, Уртегешев 2018 — *Селютина И.Я., Уртегешев Н.С.* Фонетические процессы в позициях сандхи // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / Коллективная монография. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео». 2018.
- Селютина и др. 2021 — *Селютина И.Я., Байыр-оол А.В., Добринина А.А.* Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 181–198.
- Субракова 2006 — *Субракова В.В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: Сопоставительный аспект. Новосибирск: ИД «Сова». 2006.
- Субракова 2017 — *Субракова В.В.* Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина». 2017.

- Уртегешев и др. 2017 — *Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Рыжикова Т.Р.* Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 230–242.
- Уртегешев и др. 2020 — *Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Добринина А.А., Рыжикова Т.Р.* Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 138–169.

Источники

- Ай-Хуучын — Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин» / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука. 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16. С. 62–423).
- Күннү көргөн Күн Кёёк — *Таннагашев В.Е.* Шорское героическое сказание «Күннү көргөн Күн Кёёк» // Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева / отв. ред. Е.Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. С. 53–143.
- Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей — Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / Сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск: Наука. 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. С. 298–527).
- Хунан Кара — Хунан Кара // Тувинские героические сказания / Сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск: Наука. 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. С. 54–297).

Сокращения и условные обозначения

- ААБ** — артикуляционно-акустическая база
- ГАК** — глагольная аналитическая конструкция
- ОГ** — основной глагол
- ВГ** — вспомогательный глагол
- Тv** — основа глагола
- v^{всп}** — вспомогательный глагол
- V₁, V₂, V₃** — глагольные компоненты ГАК
- =** — слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой слабой ~ умеренной паузе
- /=/** — слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе

Н.С. Уртегешев¹

**Атрибутивно долгие ларингализованные
фарингализованные гласные фонемы
шорского языка**

У специалистов-шороведов практически единодушное мнение относительно вокальной фонематической системы: 16 единиц (табл. 1) — 8 кратких (а, э(е), ы, и, о, ө, у, ү) и 8 долгих (аа, ээ(ее), ыы, ии, оо, өө, уу, үү) [Дыренкова 1941: 7–10; Бабушкин, Донидзе 1966: 468; Донидзе 1996: 498; Чиспияков 1992: 12–14; Чиспиякова, Шавлова 1992: 11–15]. Например: *ак*- ‘течь; уноситься течением’ — *аак* ‘мелкий’; *ал*- ‘брат’ — *аал* ‘селение’; *кол* ‘рука’ — *коол* ‘пустой, полный; дуплистое дерево; дупло’; *ол* ‘он; тот’ — *оол* ‘парень; сын’; *пар*- ‘идти, ехать (туда)’ — *паар* ‘печень’; *сак* ‘трезвый; осторожность; ожидание’ — *саак* ‘ступа’; *сын* ‘хребет, спина; рост’ — *сыын* ‘марал’; *тан* ‘ветер (хиус)’ — *таан* ‘галка’; *чок* ‘нет’ — *чоок* ‘разговор’; *чон* ‘народ’ — *чоон* ‘толстый’; *чыш* ‘густой лес, чернь’ — *чыыш* ‘сбор’.

Таблица 1

**Система гласных фонем шорского языка
(по Г.И. Донидзе [1996: 498])**

Раствор	Ряд			
	Передний		Задний	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Узкий	и, ии	ү, үү	ы, ыы	у, уу
Широкий	э(е), ээ(ее)	ө, өө	а, аа	о, оо

¹ Уртегешев Николай Сергеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН; urtegeshev@mail.ru

Продолжая тему долготы гласных, Н.П. Дыренкова пишет, что она «во многих случаях является результатом выпадения тех или иных звуков, чаще всего заднеязычного z (y , g), например: *чыгыл-* (в говоре шорцев р. Кондома) // *чылл-* (в литературном языке — говоре шорцев р. Мрассу) ‘собираться’; *пүзүн* (р. Кондома) // *пүүн* (р. Мрассу — лит. язык) ‘сегодня’; *пагыр* (р. Кондома) // *паар* (р. Мрассу — лит. язык)» [Дыренкова 1941: 11]. Кроме того, «долгота гласного наблюдается в некоторых формах (имен, глаголов и т.д.) при удлинении гласного стяженного слога» [Там же]. Подобные выводы мы встречаем в работах Г.И. Донидзе [1996: 543], Э.Ф. Чиспиякова [1992].

В «Грамматике шорского языка» в одном из примечаний к §7, посвященном долготе гласных, мы находим следующее: «Фонетически мы имеем в ряде случаев не удвоение гласного, а долготу, и передача ее удвоенным гласным является условной» [Дыренкова, 1941: 11]. Судя по работам, написанным позже, на это примечание никто не обращал внимания, как следствие, упуская, что в шорском есть *удвоенные* гласные. Если разбирать это примечание дальше, то получается, что кроме удвоенных, которые обозначаются двойным написанием однородных гласных, есть простые долгие гласные, которые обозначаются так же, но произносятся иначе. К сожалению, в «Грамматике» такие примеры не приведены, в наших записях такая долгота фиксируется в следующих случаях, например: *кебең* < *кебениң* ‘лодки’, *узуурга* < *узу* + *урга* ‘спать’, *келаар* < *кел* + *-аар* ‘приходите=вы’, *парзаар* < *пар* + *-за* + *-ар* ‘если поедете=вы’, *келдаар* < *кел* + *-ды* + *-лар* ‘приехали=вы’, *краа* < *қыраа* ‘иней’.

По нашим данным, встречаются одноядерные² долгие гласные, употребляющиеся в не первом слоге, в отличие от двуядерных, для которых первый слог является обязательным — кроме тех случаев, когда выпадает гуттуральный согласный типа «г», например: *абаа* < *абага* ‘к отцу’, *энеэ* < *энеге* ‘к матери’, *палаа* < *палага* ‘к ребенку’ и т.д.

Объект нашего исследования — долгие гласные вторичного образования (в основном первого слога).

Результаты выполненного комплексного анализа, проведенного как на аудиовизуальном уровне, так и с применением инструментальных соматических и акустических методов³, позволяет дать фонемам этого подкласса следующие определения:

² О ядерности гласных материал представлен в статье «Двуядерные гласные в шорском языке и языках Сибири» [Уртегешев 2021a].

³ Сбор и обработка инструментальных данных осуществлялись с использованием методик, традиционно применяемых в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Надеяева Института филологии СО РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН) [Надеяев 1981: 3–26; Куркина 2000; Кыштымова 2001; Сарбашева 2001; Уртегешев 2002; Селютина 2004]. Анализ МРТ- и рентгеносхем, дентопалатограмм и лингвограмм производился по традиционной методике, используемой в экспериментально-фонетических исследованиях, с уточнениями и добавлениями, принятыми в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН [Надеяев 1980а; 1980б; 1983; 1984; Тамбовцев 1980; Селютина 1983; Сарбашева 2004; Уртегешев 2002; 2004; 2009: 3–12; 2020: 63–77; 2021а: 57–58; 2021б; Рыжикова 2005; Дамбыра 2005; Шевела, Морозов, Куликов, Селютина, Рыжикова, Уртегешев 2014; Рыжикова, Добринина, Тимкин 2021: 102–111].

Фонема /^s(aʁa):/ ~ /^sa:/. Гортанно-связочная гортанно-неокругленная двуядерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная /^s(aʁa):/ ~ /^sa:/. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий реализуется в смешаннорядных [^sʲe:], центральнозаднерядных [ǎ₄], [ǎ₃], [ǎ₂] и заднерядных [ǎ₁], [ǎ₀] аллофонах 4–6 ступени отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются только в твердорядных словоформах, например:

aa [ʔ^s(ǎʁǎ):ɣ]⁴ ‘ему’, aal [ʔ^s(ǎʁǎ):lʃ] ‘селение’ (рис. 1), aac [ʔ^s(ǎʁǎ):sʃ] ‘рот’, aaq [ʔ^s(ǎʁǎ):q] ~ [ʔ^sǎ:q] ‘крик’, aaq [ʔ^s(ǎʁǎ):q] ~ [ʔ^sǎ:q] ‘мелкий’, aat [ʔ^s(ǎʁǎ):tʃ] ‘дикая утка’, aary [ʔ^s(ǎʁǎ):rʃʲ] ‘пчела’, saasqan [s̄^s(ǎ, ǎ, ǎ, ǎ): (zs):χǎ, nʲ] ~ [s̄^s(ǎ, ǎ, ǎ, ǎ): (zs):χǎ, nʲ] ‘сорока’ (рис. 2–3), naa [nʲ:ʳ(ǎʁǎ):ʔ] ‘новый’, ma [mʲ(ǎʁǎ):ʔ] ‘мне’, saa [s̄:ʳ(ǎʁǎ):ʔ] ‘тебе’, saat [s̄:ʳ(ǎʁǎ):tʃ] ‘час, время’, saaq [s̄:ʳ(ǎ, ǎ, ǎ):q] ~ [s̄:ʳǎ:q] ‘ступа’, taan [tʲ:ʳ(ǎʁǎ):n] ‘галка’, naar [pʳ(ǎʁǎ):rʃ] ~ [pʳǎ:rʃ] ‘печень’, qaam [qʳ(ǎʁǎ):t:] ~ [qʳǎ:t:] ‘бумага’, nuzaa [pʳ:zʳ(ǎʁǎ):ʔ] ‘теленки’, naa [pʳ(ǎʁǎ):ʔ] ~ [pʳǎ:ʔ] ‘цена, стоимость’, qyraa [qʳ:ʳʳ(ǎʁǎ):ʔ] ~ [qʳ:ʳʳǎ:ʔ] ‘иней’.

Рис. 1. Гласный звук в слове *aal* ‘селение’: звукотип «а» центральнозаднего умереннопродвинутого вперед ряда, 6-й основной ступени отстояния, лабиально-дентализованный, неназализованный, невуларизованный, фарингализованный, эйктивный: индекс — d//8//6; точный индекс — (cd²/3)(l¹/3de) // (78⁹/10)(l¹/1089) // 6 — [↑^sǎ₄], д. СЮД⁶

Рис. 2. Гласный звук в слове *saasqan* ‘сорока’: звукотип «а» смешанного умереннопродвинутого вперед ряда, 6-й слабопризакрытой ступени отстояния, лабиально-дентализованный, неназализованный, невуларизованный, фарингализованный, эйктивный: индекс — be//79//6; точный индекс — ¹/₄cd¹/₄ ¹/₇8¹/₄ // 6 (65) — [↑^sʲe], д. СЮД⁶

⁴ Фонетисты Сибири опираются в своих исследованиях на Универсальную унифицированную фонетическую транскрипцию (УУФТ), разработанную В.М. Надеяевым [Надеяев 1960] и получившую в дальнейшем развитие на материале многочисленных языков различных систем.

⁵ «↑» — движение гортани (вверх).

⁶ д. СЮД — диктор Судочакова Юлия Дмитриевна, 1961 г.р., родом из с. Малый-Азасс Таштагского района Кемеровской области. Всего в экспериментально-фонетических исследованиях приняло участие 18 человек.

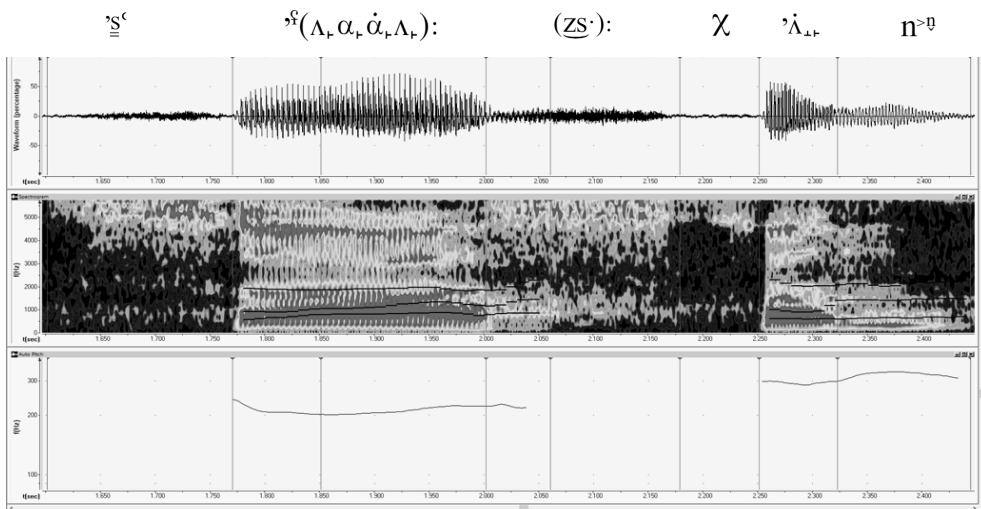

Рис. 3. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *saasqan* [ʲsʲʷ(Λ_r α_r ȁ_r Λ_r):(zSʲ):χʲλ_r nʲʷ] ‘сорока’, ОДГ⁷ = 164 % к СДЗ, д. СЮД

Фонема $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})]/\sim/[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}]/$. Гортанно-связочная гортанно-неокругленная двужадерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})]/\sim/[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}]/$. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий, реализуется в переднерядных $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{.1}}]$, $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$, $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$, передне-центральнорядных $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{.1}}]$, $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$, $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$ и центральнорядных $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{.1}}]$, $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$, $[\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$ аллофонах 1–3 ступеней отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются только в мягкорядных словоформах, например:

ээ $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})_{\text{.1}}] \sim [\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}]$ ‘хозяин’ (рис. 4), ээлер $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})_{\text{.1}}:\text{er}'] \sim [\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}:\text{er}']$ ‘хозяева’, ээм $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})_{\text{.1}}:\text{m}] \sim [\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}:\text{m}]$ ‘хозяин=мой’, ээн $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})_{\text{.1}}:\text{n}] \sim [\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}:\text{n}]$ ‘хозяин=твой’, ээзе $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})_{\text{.1}}:\text{z'e}_{\text{.1}}] \sim [\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}:\text{z'e}_{\text{.1}}]$ ‘хозяева=его’, ээбис $[\text{ʃ}^{\text{с}}(\text{e}\text{ʃ}\text{e})_{\text{.1}}:\text{b}^{\text{r}}\text{is}^{\text{с}}] \sim [\text{ʃ}^{\text{с}}\text{e}_{\text{:}}:\text{b}^{\text{r}}\text{is}^{\text{с}}]$ ‘хозяин=наш’.

⁷ ОДГ — относительная длительность гласного; СДЗ — средняя длительность звука.

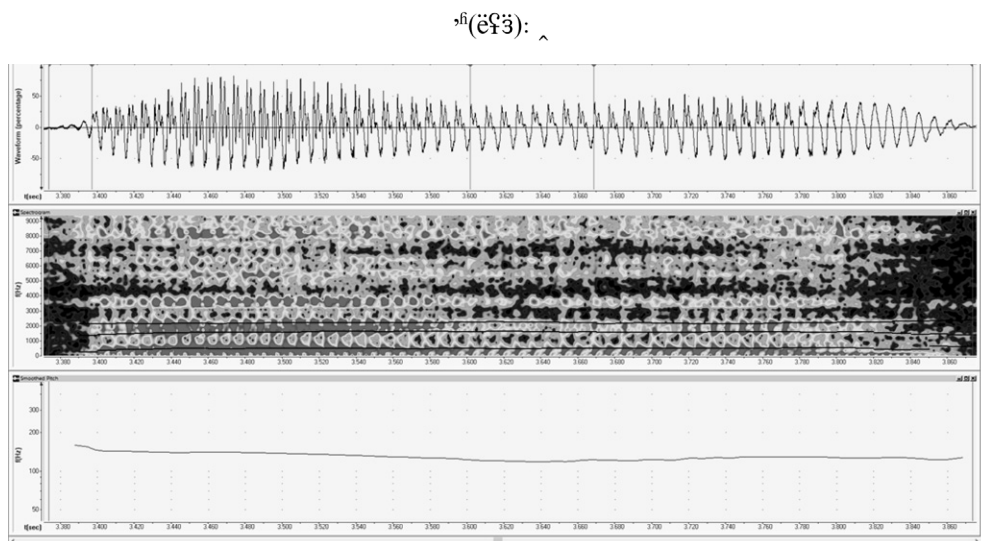

Рис. 4. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова ээ
 [ᠰᠢ(ᠡᠭᠢᠰᠢ):]ᠰ ‘хозяин’, ОДГ = 299 % к СДЗ, д. СЮД

Фонема /ᠰᠢ(ᠡᠭᠢᠰᠢ):/ ~ /ᠰᠢᠣ:/ *Гортанно-связочная гортанно-округленная двуждерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная лабиализованная* /ᠰᠢ(ᠡᠭᠢᠰᠢ):/ ~ /ᠰᠢᠣ:/ *В препозиции к гуттуральным согласным отмечается увуларизация. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий данная фонема реализуется в центральнорядном [ᠰᠢᠣᠰᠢ:], центральнотаднерядных [ᠰᠢᠣᠰᠢ:], [ᠰᠢᠣᠰᠢ:] и заднерядных [ᠰᠢᠣ:], [ᠰᠢᠣ:], [ᠰᠢᠣ:] аллофонах 2–5 ступеней отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются только в твердотрядных словоформах, например:*

оол [ᠵᠢᠣᠰᠢ:]ᠰ ‘сын, парень’ (рис. 5, 7), *сооқ* [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣ ‘холодно’ (рис. 6, 8), *ноо* [ᠨᠢᠣᠰᠢ:]ᠰ ~ [ᠨᠢᠣᠰᠢ:]ᠰ ‘что’, *коол* [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣ ~ [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣ ‘дупло’, *оорла* [ᠵᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ~ [ᠵᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ‘воровать’, *шоор* [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ~ [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ‘дудка (музыкальный инструмент)’, *чооқ* [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ~ [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ‘разговор’, *чоон* [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ~ [ᠰᠢᠣᠰᠢ:]ᠰᠢᠣᠰᠢᠣᠰᠢᠣ ‘толстый’.

Рис. 5. Гласный звук в слове *оол* ‘сын’:
звукотип «о» центральнозаднего
умеренновыдвинутого вперед ряда,
4-й сильноприоткрытой ступени отстояния,
огубленный, неназализованный,
невуларизованный, нефарингализованный,
инъективный: индекс — d//8//4;
точный индекс — (cd^{1/2})(^{1/2}de) //
(78^{17/20})(^{3/20}89) // 4 (45) — [↓δ_{4m}], д. СЮД

Рис. 6. Гласный звук в слове *сооқ* ‘холодно’:
звукотип «о» центральнозаднего ряда,
5-й основной ступени отстояния,
лабиализованный, сверхслабоназализованный,
увуларизованный,
сверхслабофарингализованный, эйективный:
индекс — d//9//5; точный индекс —
(cd^{7/16})^{1/16} // 89^{1/13} // 5 — [↑ʁ̥^o], д. СЮД

Фонема /^{ʁ̥}(ö̥ö̥):/ ~ /^{ʁ̥}ö̥:/. Гортанно-связочная гортанно-округленная двужадерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная лабиализованная /^{ʁ̥}(ö̥ö̥):/ ~ /^{ʁ̥}ö̥:/. Реализуется в [^{ʁ̥}ö̥:], [^{ʁ̥}ö̥:] аллофонах 2–6 ступеней отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются только в мягкорядных словоформах, например:

сөөк [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):k^{ʁ̥}] ‘кость’ (рис. 9–10), *өөн* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):ŋʔ] ~ [ʁ̥^{s̥}ö̥:ŋʔ] ‘большая, главная (река)’, *өөй* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):j] ‘неродной’, *өөл* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):l] ~ *өл* [ʁ̥^{s̥}ö̥:l] ‘мокрый’, *сөөт* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):t^{ʁ̥}] ~ [ʁ̥^{s̥}ö̥:t^{ʁ̥}] ‘ива; тальник’, *төө* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):ʔ] ~ [ʁ̥^{s̥}ö̥:ʔ] ‘верблюду’, *өөр* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):r] ~ [ʁ̥^{s̥}ö̥:r] ‘стая, табун’, *көөк* [ʁ̥^{s̥}(ö̥ö̥):k^{ʁ̥}] ~ [ʁ̥^{s̥}ö̥:k^{ʁ̥}] ‘кукушка’.

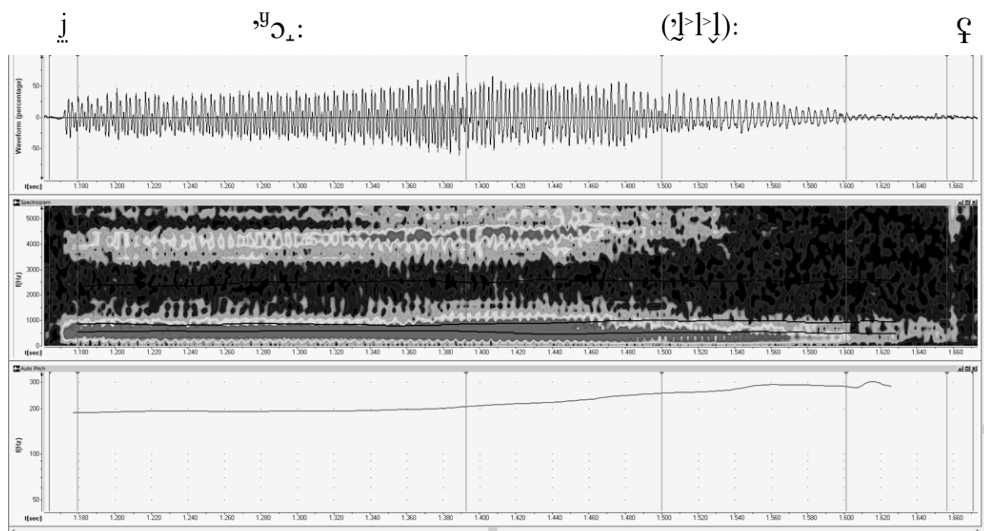

Рис. 7. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова оол [j^oo₁:(l>l>l):f] ‘сын, парень’, ОДГ = 168 % к СДЗ, д. СЮД

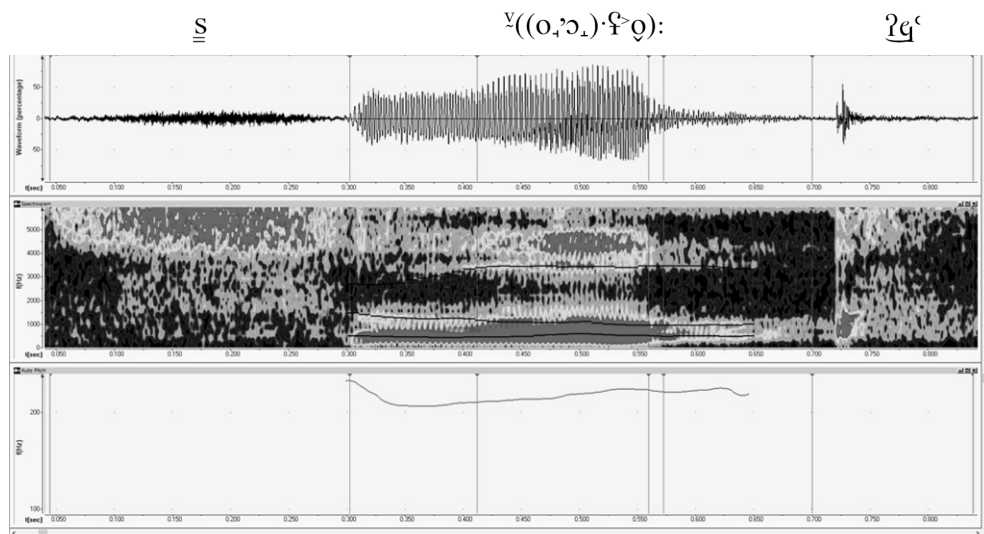

Рис. 8. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова соок [s^o((o₁o₁)·f>o):ʔkʰ] ‘холодно’, ОДГ = 153 % к СДЗ, д. СЮД

Рис. 9. Гласный звук в слове *сѳѳк* 'кость':
звукотип «о» смешанного ряда,
6-й основной ступени отстояния,
лабиализованный, неназализованный,
неувуларизованный, нефарингализованный,
эйективный: индекс — $cd//8//6$; точный
индекс — $^2/sd // \underline{7}8^9_{/10} // 6$ — [$\uparrow \underline{D}$], д. СЮД

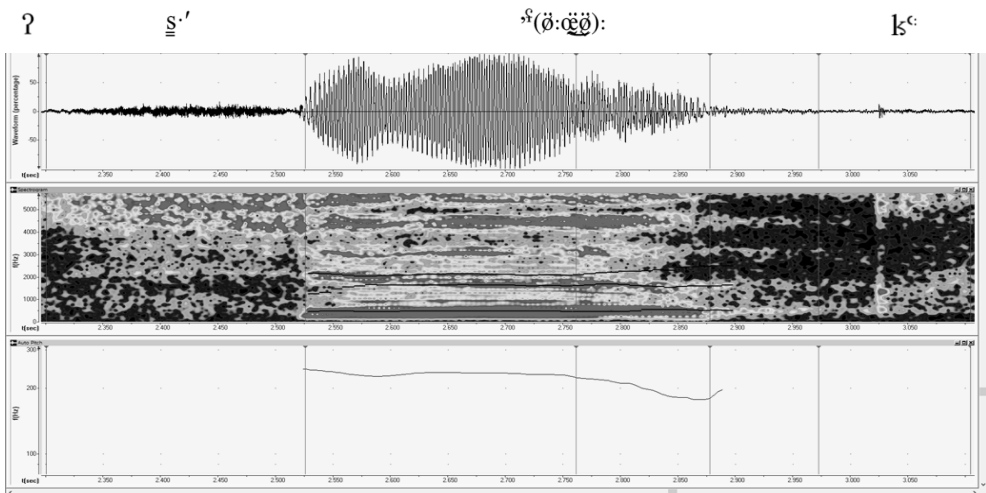

Рис. 10. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *сѳѳк*
[$\uparrow \underline{s}^s(\underline{\phi}:\underline{\phi}\underline{\phi}):k^c$] 'кость', ОДГ = 155 % к СДЗ, д. СЮД

Фонема $/^s(\underline{y}\underline{y}):/ \sim /^s\underline{y}:/$. Гортанно-связочная гортанно-неокругленная двудерная ~ однодерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная $/^s(\underline{y}\underline{y}):/ \sim /^s\underline{y}:/$. Данная фонема реализуется в переднерядных [$^s\underline{1}_{ш}:$], [$^s\underline{1}_{т}:$], центральнорядных [$^s\underline{\ddot{y}}:$], [$^s\underline{\ddot{y}}:$], центральнотзаднерядных [$^s\underline{\ddot{y}}_4:$], [$^s\underline{\ddot{y}}:$] аллофонах 2–3 ступеней отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются в твердорядных и мягкорядных словоформах, при этом в мягкорядных словоформах — после согласного типа «т», например:

сыыт [ʔs̄ːːʲ((ʃʃʲ):)(ʃʃʲ):ʃʃʲʲ] ‘плач’ (рис. 11, 13), *сыын* [ʔs̄ːː(ʃʃʲ:ʃʲ):(nʲnʲ)] ‘марал’ (рис. 12, 14), *қыыр* = [kʲːʲ(ʃʲʃʲ):rʲ] ~ [kʲːʲʃʲʲ:rʲ] ‘читать’, *тиш* [tʲːʲ(ʃʃʲ):n] ~ [tʲːʲʃʲ:n] ~ [tʲːʲ(ʃʃʲ):n] ~ [tʲːʲʃʲ:n] ‘белка’.

Рис. 11. Гласный звук в слове *сыыт* ‘плач-рыдание’: звукотип «ы» центральнозаднего умереннопродвинутого вперед ряда, 2-й основной ступени отстояния, лабиально-дентализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный, инъективный: индекс — d//8//2; точный индекс — (cd^{1/3})^{1/3}// (78^{11/20})^{3/20} // 1 — [↓ʃʲ], д. СЮД

Рис. 12. Гласный звук в слове *сыын* ‘марал’: звукотип «ы» переднего слабоотодвинутого назад ряда, 2-й умеренноприкрытой ступени отстояния, дентализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный, инъективный: индекс — c//8//2; точный индекс — ^{1/7}cd// (78^{1/10})^{1/10} // 2 (21) [↓_т], д. СЮД

Фонема /^ʃ(иʃи):/ ~ /^ʃи:/. Гортанно-связочная гортанно-неокругленная двуядерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная /^ʃ(иʃи):/ ~ /^ʃи:/. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий, данная фонема реализуется в переднерядных [ʃʲ:], [ʃʲʲ:], передне-центрально-рядных [ʃʲ:], [ʃʲʲ:] аллофонах 2–3 ступеней отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются в постпозиции к ларингалу и к умереннопалатализованным согласным (в широком смысле) в мягкорядных словоформах, а также в твердорядных после шипящей аффрикаты типа «ч», например:

чиши [ʔʃʃʲ(ʲ,ʲ):ʃʃʲʲ] ‘еда’ (рис. 15, 17), *шир* [ʃʲ(ʲ,ʲ):ʃʲʲʲʲʲʲ] ‘вечер’ (рис. 16, 18), *кийис* [ʲk̄:ʲʲʲ:] ~ *киис* [ʲk̄:ʲʲ(ʲʲ):sʲ] ‘войлок’, *миийс* [mʲʲʲʲ:] ~ [mʲːʲʲ(ʲʲ):sʲ] ‘мозг’, *ийги* [ʲʲʲʲʲʲ] ~ *ииги* [ʲʲʲʲ(ʲʲ):gʲʲ] ‘два’, *кийик* [ʲk̄:ʲʲʲʲ:] ~ *киик* [ʲk̄:ʲʲ(ʲʲ):kʲ] ‘косуля’, *чыыш* = [ʃʃʲʲʲʲʲʲ:] ‘собратиться вместе’, *чыылыг* [ʃʃʲʲʲʲʲʲ:] ‘собрание’.

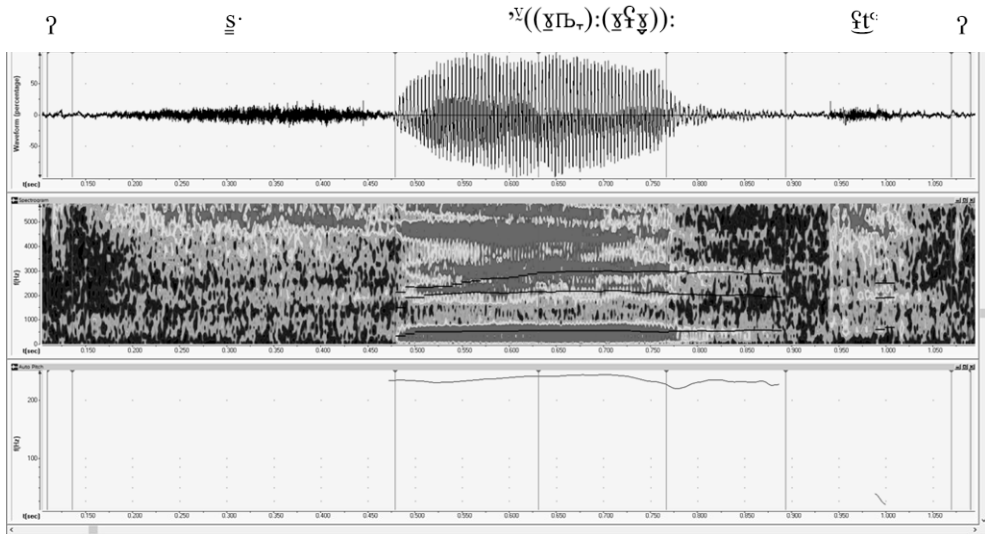

Рис. 13. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *сыт*
 [ʔɬːˈɣ̃((ɣ̃ɬː):)(ɣ̃ɣ̃):ʃtˢʔ] ‘плач-рыдание’, ОДГ = 169 % к СДЗ, д. СЮД

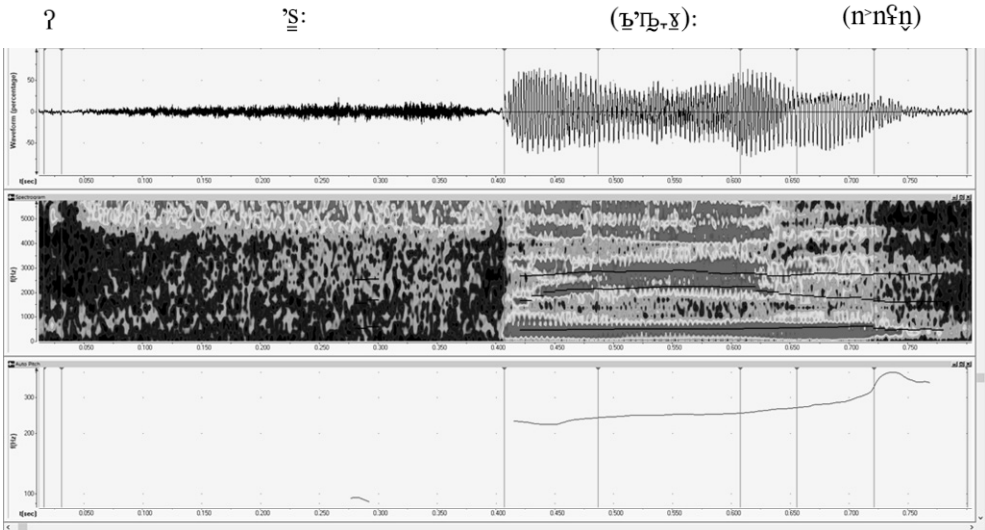

Рис. 14. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *сын*
 [ʔˈɣ̃ː(ɣ̃ːɬː):(n̄n̄ɣ̃)] ‘марал’, ОДГ = 157 % к СДЗ, д. СЮД

Рис. 15. Гласный звук в слове *чиши* ‘еда, пища’: звукотип «и» переднего ряда, 1-й слабоприоткрытой ступени отстояния, лабиально-дентализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный, эйективный: индекс — $c//7//2$; точный индекс — $(bc^2/3)(1/3cd) // (\underline{67}^{17}/20)(\underline{3}/2078) //$
2 — [↑I], д. СЮД

Рис. 16. Гласный звук в слове *шир* ‘вечер’: звукотип «и» переднего ряда, 2-й основной ступени отстояния, лабиально-дентализованный, неназализованный, неувуларизованный, нефарингализованный, эйективный: индекс — $c//7//2$; точный индекс — $(bc^{11}/12)(1/12cd) // (\underline{67}^9/10)(\underline{1}/1078) //$
2 — [↑I], д. СЮД

Фонема $/^s(y\text{ɣ}y):/ \sim /^s y: /$. Гортанно-связочная гортанно-округленная двуждерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная лабиализованная $/^s(y\text{ɣ}y):/ \sim /^s y: /$. Данная фонема реализуется в центрально-заднерядных $[^s\text{ó}:]$, $[^s\text{ó}:\text{.}]$ и заднерядных $[^s\text{ó}:]$, $[^s\text{ó}:\text{.}]$ аллофонах 2–3 ступеней отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются только в твердорядных словоформах, например:

уут $[^s\text{ó}:\text{.} > \text{ó}:\text{.}] \cdot t^c] \sim [^s(\text{ó}\text{ɣ}\text{ó}):t^c]$ ‘солод’ (рис. 19), *пуун* $[p:^s(\text{ó}\text{ɣ}\text{ó}):n\text{ɥ}] \sim [p:^s(\text{ó}:\text{ó}):\text{.}] \cdot n\text{ɥ}]$ ‘сустав’, *нуудай* $[p:^s(\text{ó}:\text{ó}):\text{.}] \cdot d\text{ó}j^s] < \text{нугдай}$ ‘пшеница’.

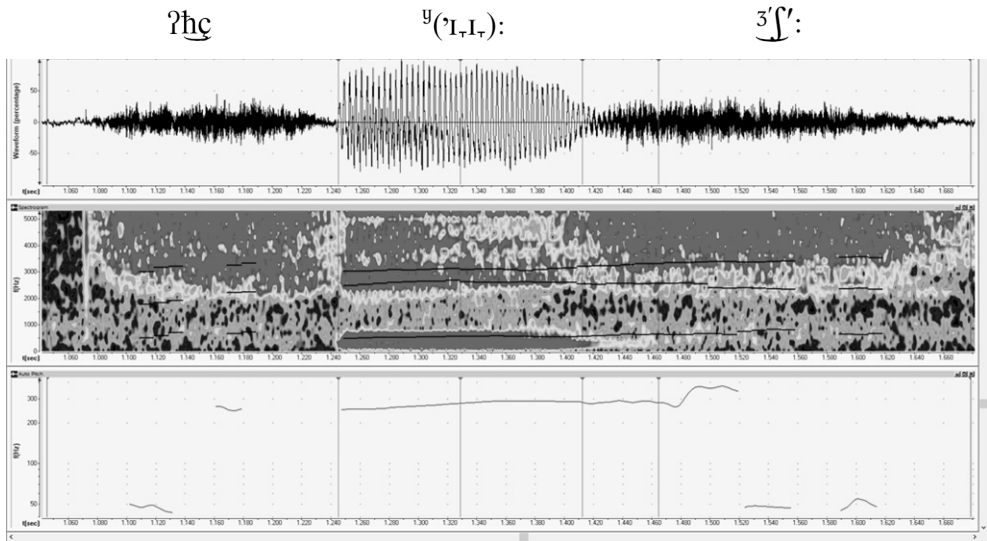

Рис. 17. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *чиши* [ʔhɕy̞(ʔɪɪɪ):ʒʃʃ:] ‘еда’, ОДГ = 156 % к СДЗ, д. СЮД

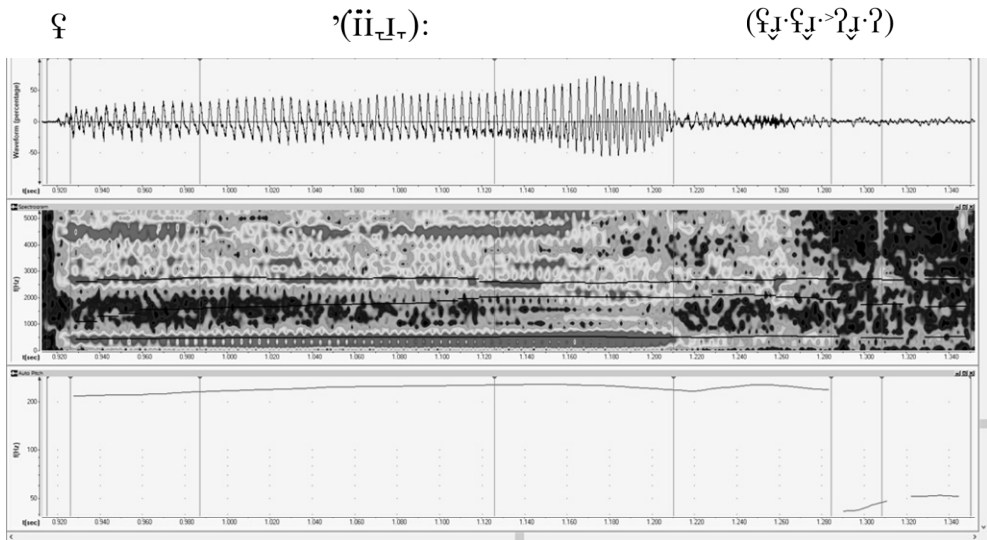

Рис. 18. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *шир* [ʃʔ(ʃɪɪɪ):(ʃɪɪɪ>ʃɪɪʔ)] ‘вечер’, ОДГ = 196 % к СДЗ, д. СЮД

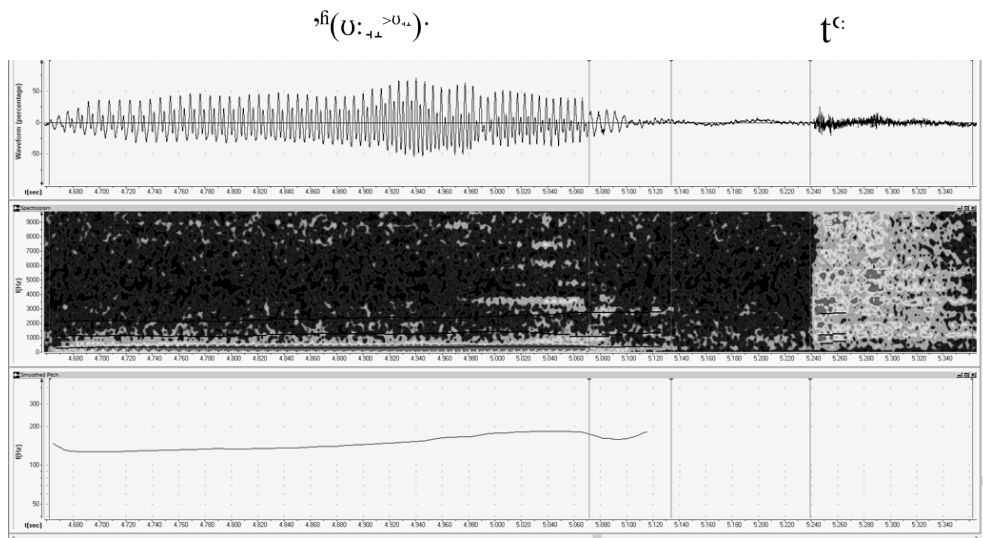

Рис. 19. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *уут*
 $[^{h^s}(U:_{44} >^{0.4}) \cdot t^c]$ ‘солод’, ОДГ = 135 % к СДЗ, д. СЮД

Фонема $^{h^s}(\ddot{y}\ddot{y})$:/ ~ $^{h^s}\ddot{y}$:/ . Гортанно-связочная гортанно-округленная двуядерная ~ одноядерная атрибутивно долгая фарингализованная ларингализованная лабиализованная $^{h^s}(\ddot{y}\ddot{y})$:/ ~ $^{h^s}\ddot{y}$:/ . В зависимости от позиционно-комбинаторных условий, данная фонема реализуется в переднерядном $[^{h^s}\ddot{y}]$, переднецентральнорядном $[^{h^s}\ddot{y}]$, центральнорядном $[^{h^s}\ddot{y}]$ и центральнозаднерядном $[^{h^s}\ddot{y}]$ аллофонах 2-й ступени отстояния. Оттенки данной фонемы фиксируются только в первом слоге мягкорядных словоформ, например:

$\ddot{y}\ddot{y}che$ $[^{h^s}(\ddot{y}\ddot{y}) : \ddot{h} \ddot{y} \cdot e \cdot \ddot{y}]$ ~ $[^{h^s}\ddot{y} : \ddot{h} \ddot{y} \cdot e \cdot \ddot{y}]$ (<= *улуг иче* ‘старшая мать’) ‘бабушка по отцу’, $\ddot{y}\ddot{y}n$ $[^{h^s}\ddot{y} : \ddot{y} \cdot n]$ ‘стог’, $m\ddot{y}\ddot{y}s$ $[m^{h^s}(\ddot{y}\ddot{y}) : s]$ ~ $[m^{h^s}\ddot{y} : s]$ ‘рог’, $n\ddot{y}\ddot{y}n$ $[n^{h^s}(\ddot{y}\ddot{y}) \cdot n]$ (*n\ddot{y}\ddot{y}n* <= *по к\ddot{y}n* ‘этот день’) ‘сегодня’, $t\ddot{y}\ddot{y}s$ $[t^{h^s}(\ddot{y}\ddot{y}) : (z's)]$ ‘туес’ (рис. 20).

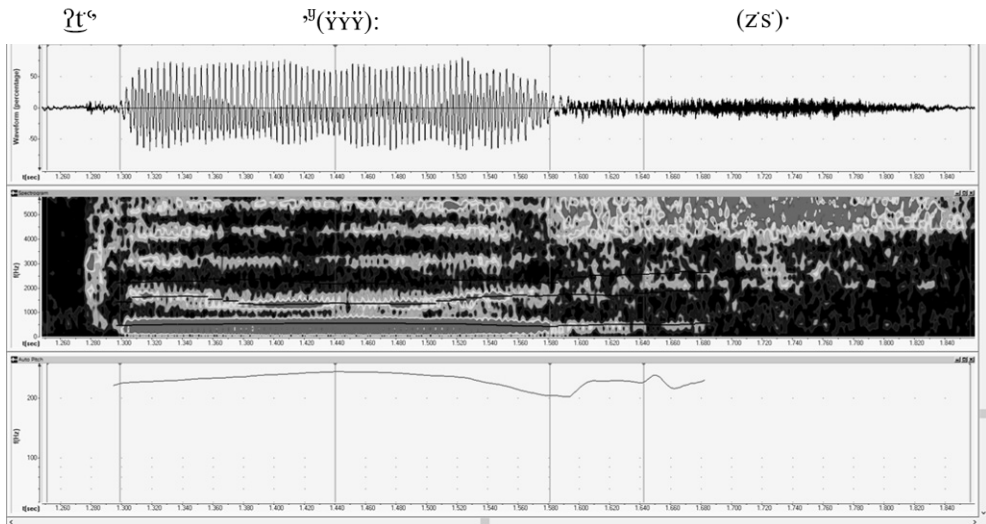

Рис. 20. Спектрограмма, осциллограмма и график основного тона слова *ᠲᠦᠢᠰ* [ᠲᠦᠢᠰᠶᠡᠶᠡ:(ᠵᠰᠰ)] 'туес', ОДГ = 151 % к СДЗ, д. СЮД

Заключение

1. Атрибутивно долгие (акустически долгие) ларингализованные фарингализованные гласные фонемы шорского языка могут быть двудерными (прерывистыми) и однодерными: /ᶦ(aʁa):/ ~ /ᶦa:/, /ᶦ(eʁe):/ ~ /ᶦe:/, /ᶦ(oʁo):/ ~ /ᶦo:/, /ᶦ(öʁö):/ ~ /ᶦö:/, /ᶦ(ɸʁɸ):/ ~ /ᶦɸ:/, /ᶦ(ɰʁɰ):/ ~ /ᶦɰ:/, /ᶦ(yʁy):/ ~ /ᶦy:/, /ᶦ(ʏʁʏ):/ ~ /ᶦʏ:/ (схема 1).

2. Двудерные (прерывистые) — сложные по своей природе вокальные настройки, состоящие из трех компонентов: двух вокальных ядер, разделенных вокализованным ларингалом (межвокальное заполнение); сопутствующим дополнительным признаком облигаторно выступает фарингализация и ларингализация, включающая в себя глоттализацию, вестибуляризацию, эпиглоттализацию. Все компоненты образуют один слог, чем обеспечивается их фонетическая целостность, единство. Фонологическим свойством является их принципиальная нечленимость на три фонемы [Уртегешев 2021б: 154–167].

3. В последнее время наметилась структурная редукция (стяжение двудерных гласных в однодерные) при сохранении длительности, ларингализации (в широком смысле: глоттализация, вестибуляризация, эпиглоттализация) и фарингализации⁸. Данный тип редукции фиксируется в следующих случаях:

⁸ В настоящее время процесс стяжения двудерных гласных в однодерные (полу)долгие охватил почти все говоры шорского языка, а особенно в г. Таштаголе и его окрестностях; прерывистые лучше сохраняются в г. Мыски и г. Междуреченск и их окрестностях.

А. *Позиционно-комбинаторно обусловленное стяжение*. Реализуется при наращении аффиксов к основам с двудерными гласными, например: *aaq* «ʔá·áq» ‘мелкий’, но *aaqta* «ʔá:~qʔt:áʔ» ‘мельчить, разменивать (деньги)»; *söök* «sʔ:ö·ök» ‘кость’, но *söögim* «sʔ:ö:~q ʔmʔ» ‘кость=моя’.

Б. *Факультативное стяжение*. Отмечается в потоке речи, когда двудерные чередуются с однодерными, например: (орфография — транскрипция — перевод) *naa* ʔn:á·áʔ ʔn:á:~ ‘новый’, *noo* ʔn:ö·öʔ ʔn:ö:~ ‘что’, *maa* mʔá·áʔ mʔá:~ ‘мне’, *aa* ʔá·áʔ ʔá:~ ‘ему’, *aaq* ʔá·áq ʔá:~q ‘крик’, *aam* ʔá·áʔʔ ʔá:~ʔʔc ‘дикая утка’, *saam* sʔá·áʔʔc sʔá:~ʔc ‘час; время’, *caa* sʔá·áʔʔ sʔá:~ ‘тебе’.

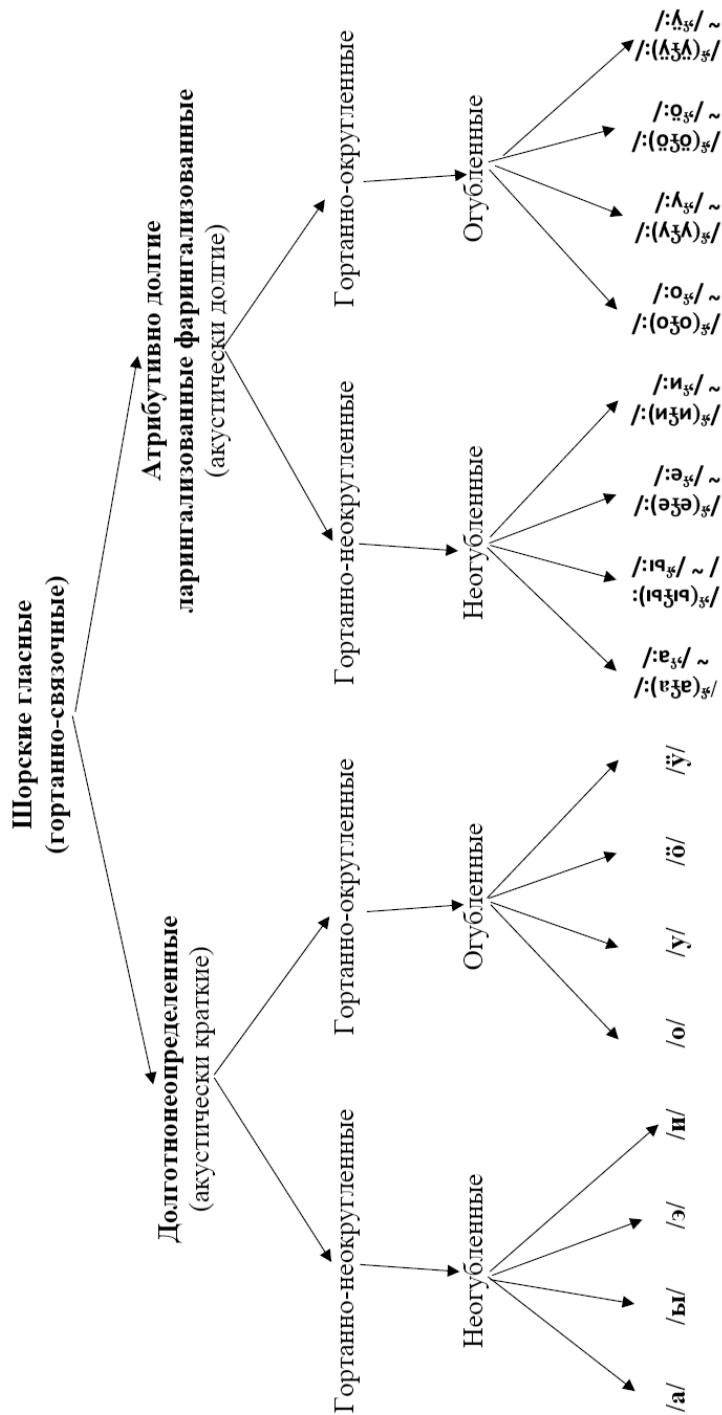
Описанные трансформации можно связать со следующими причинами: 1) язык развивается по пути упрощения, стремясь избавиться от сложных конструкций; 2) в процессе преподавания шорского языка не учитывалась и не учитывается специфика реализации гласных.

4. Дополнительные артикуляции: лабиализация (после губно-губных согласных; усиливает округленность у гортанно-округленных типа «о», «у», «ö», «ü») и назализация (в пре- и постпозиции к назальным согласным) обусловлены позиционно-комбинаторными условиями. В препозиции к глухим смычным согласным типа «t» и «k» последняя треть фонации гласного носит приглушенный характер. Препозитивный свистящий (типа «s»), шипящий согласный (типа «ʃ», «ɬʃ») имеют перед началом своей артикуляции глоттальный согласный (в некоторых случаях этот согласный фарингализованный ларингализованный), не относящийся к данному свистящему или шипящему консонанту, т.е. самостоятельный звук. В пре- и постпозиции к реализациям рассматриваемых атрибутивно долгих ларингализованных фарингализованных гласных фонем у смычных согласных основному импульсу взрыва предшествует глоттальный *взрыв*.

5. Долгота гласных в шорском языке не зависит от наличия или отсутствия фарингализации и ларингализации, так же как и фарингализация, и ларингализация не зависят от долготы вокального фона — это независимые характеристики.

6. Принято считать, что в словоформах, твердоядных с точки зрения сингармонизма, реализуются гласные только твердоядные (по функциональной характеристике) заднерядные (по артикуляторным параметрам), а в мягкорядных — только мягкорядные переднерядные, но, как показывает наш экспериментальный материал: 1) в твердоядных словоформах после умереннопалатализованных, передне-среднеязычных, а также среднеязычных согласных констатируются сильные аккомодационные процессы — гласные типа «ы» заменяются фонами типа «и», звукотипы «о», «у», «а» смещаются в центральнозадний и в центральный ряды, а звукотип «ы» после свистящих согласных фиксируется как фон переднего ряда; 2) так называемые мягкорядные гласные типа «ö», «ü» в артикуляционном, а также в акустическом плане в определенных позициях ничем не отличаются от твердоядных типа «о», «у».

Схема 1

Литература

- Бабушкин, Донидзе 1966 — *Бабушкин Г.Ф., Донидзе Г.И.* Шорский язык // Языки народов СССР. М.: Наука. 1966. Т. II: Тюркские языки. С. 467–481.
- Дамбыра 2005 — *Дамбыра И.Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск. 2005.
- Донидзе 1996 — *Донидзе Г.И.* Шорский язык // Языки мира: Тюркские языки. М. 1996.
- Дыренкова 1941 — *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1941.
- Куркина 2000 — *Куркина Г.Г.* Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск. 2000.
- Кыштымova 2001 — *Кыштымova Г.В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск. 2001.
- Наделяев 1960 — *Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л. 1960.
- Наделяев 1980a — *Наделяев В.М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск. 1980. С. 3–43.
- Наделяев 1980b — *Наделяев В.М.* Экспериментально-фонетическое рентгенографирование артикуляторных настроек гласных (Методические заметки) / Приложение к статье «Артикуляционная классификация гласных» // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск. 1980. С. 44–91.
- Наделяев 1983 — *Наделяев В.М.* Артикуляторная классификация гласных // Фонетика-83. Материалы к X Междунар. конгрессу фонет. наук (авг. 1983 г., Утрехт, Нидерланды). М. 1983. С. 123–135.
- Наделяев 1984 — *Наделяев В.М.* Палатографирование. Методические заметки // Фонетика языков Сибири. Новосибирск. 1984. С. 3–38.
- Наделяев 1981 — *Наделяев В.М.* Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск. 1981. С. 11–37.
- Рыжикова 2005 — *Рыжикова Т.Р.* Консонантизм языка барабинских татар. Сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск. 2005.
- Рыжикова, Добринина, Тимкин 2021 — *Рыжикова Т.Р., Добринина А.А., Тимкин Т.В.* Изучение прерывистых гласных сургутского диалекта хантыйского языка методом прямой цифровой ларингоскопии: предварительные результаты // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 102–111.
- Сарбашева 2004 — *Сарбашева С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сиб. Хронограф. 2004.
- Селютинa 1983 — *Селютинa И.Я.* Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука. 1983.
- Селютинa 2004 — *Селютинa И.Я.* Фонологические системы языков народов Сибири: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ. 2004.
- Селютинa 2002 — *Селютинa И.Я.* Экспериментально-фонетические исследования языков народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 83–104.
- Тамбовцев 1980 — *Тамбовцев Ю.А.* Гласные мансийского языка по данным рентгенографирования // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск. 1980. С. 78–89.
- Уртегешев 2002 — *Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: НГУ. 2002.
- Уртегешев 2004 — *Уртегешев Н.С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Сова. 2004.

- Уртегешев 2009 — *Уртегешев Н.С.* Соматические параметры настроек гласных: методика определения ступеней отстояния // *Туркология*. 2009. № 3–4 (41–42). С. 3–12.
- Уртегешев 2020 — *Уртегешев Н.С.* Гласные: соответствие формант артикуляции // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2020. № 2. (вып. 40). С. 63–77.
- Уртегешев 2021a — *Уртегешев Н.С.* Двухдверные гласные в шорском языке и языках Сибири // *Сибирский филологический журнал*. 2021. № 4. С. 154–167.
- Уртегешев 2021б — *Уртегешев Н.С.* Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: дис. ... д.ф.н. Новосибирск. 2021.
- Чиспияков 1992 — *Чиспияков Э.Ф.* Графика и орфография шорского языка. Кемерово. 1992.
- Чиспиякова, Шавлова 1992 — *Чиспиякова Ф.Г., Шавлова Н.В.* Учебное пособие по фонетике шорского языка. Новокузнецк. 1992.
- Шевела, Морозов, Куликов, Селютина, Рыжикова, Уртегешев 2014 — *Шевела А.И., Морозов В.В., Куликов В.Г., Селютина И.Я., Рыжикова Т.Р., Уртегешев Н.С.* Методика цифровой ларингоскопии и ларингографии при проведении артикуляционно-акустических исследований. Кемерово: ИНТ. 2014.

Морфология и синтаксис

*О.А. Алексеева*¹

Пунктуационные особенности турецкого новостного медиатекста

Пунктуационное оформление турецкого предложения, в том числе новостного медиатекста, до настоящего времени не получило должного освещения ни в турецкой, ни в российской науке. В турецкой лингвистике можно выделить статью Юсуфа Сюлюкчу, в которой он выявляет проблемы и несоответствия в правилах турецкой пунктуации в целом, и предлагает пути разрешения этих противоречий [Sülükçü 2018]. Правила постановки знаков препинания кратко изложены в отечественных грамматиках А.Н. Кононова [Кононов 1941: 289–293] и Ю.В. Щеки [Щека 2007: 448–451], более подробное описание приводит в своем учебнике по турецкому языку А.В. Штанов [Штанов 2010].

Это обуславливает актуальность и научную новизну данного исследования, целью которого является проанализировать наиболее частотные случаи употребления знаков препинания и выявить случаи их нерегламентированного применения в турецких новостных медиатекстах.

При проведении исследования автор опирался на основной нормативный документ по турецкой пунктуации: справочник Турецкого лингвистического общества [TDK Yazım Kılavuzu 2014] и его онлайн-версию [TDK Yazım Kuralları].

В работе не рассматривается постановка тех знаков (например, тире, дефисов, апострофов и т.д.), употребление которых в турецких новостных медиатекстах не отличается от их использования в любых других стилях речи и типах текстов. Также в статье не затрагивается употребление знаков препинания в прямой речи.

---

¹ Алексеева Ольга Андреевна — востоковед-тюрколог; worksign@yandex.ru

1. Тело медиатекста

1.1. Точка, вопросительный и восклицательный знаки

В турецких новостных медиатекстах точка является одним из самых часто встречающихся знаков препинания, поскольку в теле новостного сообщения предложения всегда завершаются этим знаком препинания, что демонстрируют практически все рассмотренные ниже примеры.

Также точкой обозначается порядковое числительное (пример 1).

- (1) *Böylece N, ABD tarihinde Senato'da aklanan 3. başkan oldu.*

‘Таким образом N стал третьим президентом в истории США, оправданным в Сенате’.

Такая функциональная особенность новостных материалов, как нейтральность изложения, исключает употребление вопросительного и восклицательного знаков в теле турецких новостных медиатекстов, поэтому они встречаются только в прямой речи.

1.2. Кавычки

В турецких новостных медиатекстах употребляются как двойные, так и одинарные кавычки.

Двойные кавычки используются для обозначения названий (пример 2), неполного и полного цитирования (примеры 3 и 4 соответственно). Нужно отметить, что в турецком языке используются кавычки-«лапки» (“ ”), а не «елочки» (« »).

- (2) *Libya 2010'da günlük 1,6 milyon varil petrol üretirken, "Arap Baharı" adı verilen sürecin ardından yaşanan istikrarsızlık nedeniyle bu oran giderek düşmüştü.*

‘Несмотря на то что в 2010 году Ливия в день производила 1,6 млн баррелей нефти, вследствие нестабильности, переживаемой после процесса, названного «Арабской весной», этот показатель постепенно снизился’.

- (3) *Filipinler Devlet Başkanı N'nin Çin'e yaptığı ve "başarılı" olarak nitelediği ziyaretinden bu yana iki ülke arasındaki ilişkilerde sakinlik hakim.*

‘После визита президента Филиппин N в Китай, который он охарактеризовал как «успешный», и до настоящего времени отношения между двумя странами спокойные’.

- (4) *ABD Dışişleri Bakanı N, yaptığı açıklamada, "Çin'in Güney Çin Denizi'ne erişimini engellemeliyiz." dedi.*

‘«Мы должны заблокировать доступ Китаю в Южно-Китайское море», — заявил госсекретарь США N в своей речи’.

В случае завершения прямой речи восклицательным, вопросительным знаком или точкой эти знаки ставятся перед закрывающими двойными кавычками (пример 5).

- (5) *N, İran ile muhtemel bir savaşa ilişkin “Bu tam bir felaket olur. Nihayetsiz savaşlar arzu eden Ulusal Güvenlik Danışmanı M’i durdurmalısınız.” ifadelerini kullandı.*
 ‘«Это будет настоящая катастрофа. Мы должны остановить советника по национальной безопасности М, желающего вести бесконечные войны», — заявил N по поводу возможной войны с Ираном’.

Одинарные кавычки используются в тех случаях, когда необходимо поставить кавычки внутри предложения, уже находящегося в кавычках (пример 6).

- (6) *N, “M, FETÖ’cü yapılanmaya ‘bilerek isteyerek yardımcı olmak’ suçundan mahkûm olmuş birisidir” diyerek tepki gösterdi.*
 ‘«М — человек, осужденный за ‘сознательное и добровольное содействие’ структуре ФЕТО», — отреагировал N’.

Также одинарными кавычками могут обозначаться названия (пример 7) и производиться неполное цитирование (пример 8), однако данные случаи употребления одинарных кавычек в правилах пунктуации турецкого языка отсутствуют [TDK Yazım Kılavuzu 2014: 46]. С этими целями в турецких новостных медиатекстах значительно чаще используются двойные кавычки (примеры 2 и 3).

- (7) *Dünya Sağlık Örgütü (DSÖ), koronavirüsü salgınına ilişkin son açıklamasında Türkiye’nin adını ‘Avrupa’da vaka sayılarının hâlâ yükseldiği ülkeler’ arasında gösterdi.*
 ‘Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в своем последнем заявлении касательно эпидемии коронавируса указала Турцию в списке «стран Европы, в которых число случаев заражения продолжает расти»’.
- (8) *N yaşananların Türkiye açısından ‘adil olmadığını’ söylemişti.*
 ‘N заявил, что происходящее «является несправедливым» для Турции’.

1.3. Скобки, двосточие, многоточие

Скобки в теле турецкого новостного сообщения используются для введения аббревиатур (пример 9) и пояснений (пример 10).

- (9) *Lübnan **Birleşmiş Milletlerdeki (BM)** temsilcisine İsrail’in Güney Lübnan sınırına yapmaya başladığı beton duvardan dolayı şikayette bulunmasını istedi.*
 ‘Ливан хотел передать жалобу своему представителю в **Организации объединенных наций (ООН)** из-за бетонной стены, которую Израиль начал возводить на границе с Южным Ливаном’.

- (10) *N, "Başkan (Trump), Washington'a geldiği zaman ona (Erdoğan'a) bunu çok açık bir şekilde söyleyecek" ifadelerini kullandı.*
 '«Президент (Трамп) по приезду в Вашингтон скажет ему (Эрдогану) это в предельно открытой форме», — заявил N'.

Двоеточие в теле турецкого новостного сообщения употребляется только для введения прямой речи после указательных местоимений *şu* и *şöyle* (пример 11).

- (11) *Savaşın durdurulma ihtimali olduğunu vurgulayan N, şu ifadeleri kullandı: "<...>"*
 'N подчеркнул, что существует вероятность остановить войну, и заявил следующее: «<...>»'.

В проанализированных нами турецких новостных материалах многоточие в теле турецкого новостного сообщения не используется.

1.4. Запятая

Несмотря на наличие подробных правил постановки запятой [TDK Yazım Kılavuzu 2014: 35–38], в турецких новостных медиатекстах некоторые из данных правил регулярно нарушаются.

К нормативным случаям употребления запятой в теле турецкого новостного медиатекста относятся:

1. Разделение однородных членов (пример 12).

- (12) *Adreslerde yapılan aramalarda, 1850 litre etil alkol, 100 litre gliserin yağı, 60 litre izopropil alkol, 40 litre koku esansı ve konsantresi ile 1200 sahte etiket bulundu.*
 'Во время обысков по адресам было обнаружено 1850 л этилового спирта, 100 л глицеринового масла, 60 л изопропилового спирта, 40 л парфюмерной эссенции и парфюмерного концентрата и 1200 поддельных этикеток'.

2. Выделение подлежащего главного (пример 13) и придаточного предложений (пример 14).

- (13) *N, Katar'a yılın 9 ayında yapılan ihracatın 707 milyon dolara ulaştığını belirtti.*
 'N заявил, что экспорт в Катар за девять месяцев года составил 707 млн долларов'.

- (14) *N, ABD'nin teklifinin, M hükümetinin Venezuela'ya müdahale etmeye yönelik ilgisinin kanıtı olduğuna dikkati çekerek, "<...>" şeklinde konuştu.*
 'N подчеркнул, что предложение США является доказательством того, что правительство М заинтересовано во вмешательстве в дела Венесуэлы, и отметил следующее: «<...>»'.

3. Выделение слов- и фраз-связок (примеры 15 и 16) и ссылок на источник информации (примеры 17 и 18).

- (15) **Öte yandan**, *N, M'nin yakınlarına başsağlığı dileklerini iletti.*
 ‘С другой стороны, N выразил соболезнования близким М’.
- (16) *ABD Savunma Bakanı ayrıca, Suriye'nin kuzeyinden Irak'a nakledilecek bin civarındaki Amerikan askerinin burada bir süre kaldıktan sonra ABD'ye döneceğini de açıkladı.*
 ‘Министр обороны США также заявил, что около тысячи американских военных, которые будут переброшены с севера Сирии в Ирак, через некоторое время вернуться в США’.
- (17) **Diplomatik kaynaklardan edinilen bilgiye göre**, *N Finlandiyalı mevkidaşı M ile telefon görüşmesi gerçekleştirdi.*
 ‘Согласно сведениям, полученным из дипломатических источников, N провел телефонные переговоры со своим финским коллегой М’.
- (18) **Açıklamada**², “<...>” *değerlendirmesinde bulunuldu.*
 ‘В заявлении было сказано следующее: «<...>»’.

Тем не менее в турецких новостных медиатекстах правило 3 может нарушаться: запятая не ставится при оформлении слов- и фраз-связок в 50% случаев (примеры 19 и 20), ссылок на источник информации — в 27% (пример 21).

- (19) **Öte yandan aynı raporun İsrail bölümünde Gazze Şeridi ve Batı Şeria ile ilgili ifadelerde de «işgal edilmiş» ya da «işgal altındaki» gibi ifadelere hiç yer verilmemesi de dikkat çekti.**
 ‘С другой стороны, обращает на себя внимание то, что в разделе про Израиль из того же отчета в высказываниях про сектор Газа и Западный берег реки Иордан выражения типа «оккупированный» или «под оккупацией» не использовались’.
- (20) **N ayrıca ilk yurt dışı ziyaretini bir Arap ülkesine büyük ihtimalle de Körfez ülkelerinden birine yapacağını sözlerine ekledi.**
 ‘N также добавил, что свой первый зарубежный визит нанесет в арабскую страну, вероятнее всего, в одну из стран [Персидского] Залива’.
- (21) **Elysee Sarayı'ndan yapılan açıklamaya göre N, Saray'da M ile görüşti.**
 ‘По заявлению Елисейского дворца, N во Дворце встретился с М’.

К случаям нарушения правил использования запятой в теле турецкого новостного медиатекста относятся:

1. Выделение деепричастий и деепричастных оборотов (примеры 22 и 23), преимущественно перед прямой речью (пример 24).

² Интересно отметить, что, если слово *açıklamada* ‘в заявлении’ и производные словосочетания типа *upartiği açıklamada* ‘в своем заявлении’, *yapılan açıklamada* ‘в сделанном заявлении’ употребляются в качестве ссылок на источник информации, почти в 100% случаев они выделяются запятой.

(22) *Bazı göstericiler öldürülenlerin fotoğraflarını ellerinde tutarken, bir grup da can yelekleri taşıyarak Avrupa'nın mülteci politikasını protesto etti.*

‘Некоторые демонстранты держали в руках фотографии убитых, в это время другая группа, неся спасательные жилеты, протестовала против европейской миграционной политики’.

(23) *CHP üyeleri, Kanal İstanbul Projesi'nin kente uygun olmadığını öne sürerek, ret oyu vereceklerini ifade etti.*

‘Члены НРП, утверждая, что проект канала «Стамбул» не нужен городу, заявили, что проголосуют против’.

(24) *Devlet Başkanı N, Venezuela'nın egemenliğini her zaman savunacağına vurgu yaparak, “<...>” şeklinde konuştu.*

‘Президент N подчеркнул, что он всегда будет защищать суверенитет Венесуэлы, и заявил: «<...>»’.

Данное употребление запятой является нарушением правил пунктуации турецкого языка, согласно которым запятая после одиночного деепричастия или деепричастного оборота не ставится, но может использоваться при разделении двух и более деепричастий и деепричастных оборотов [TDK Yazım Kılavuzu 2014: 37]. При этом интересно отметить, что применительно к наиболее распространенному в турецких новостных медиатекстах деепричастию на *-(y)ArAk* нарушение правила, т. е. постановка запятой, происходит в 32,5% предложений, а применительно к следующему по распространенности деепричастию на *-(y)ken* — в 67% предложений.

2. Выделение отдельных членов предложения или отдельных синтагм (примеры 25, 26 и 27). Такая постановка используется с целью облегчения восприятия, поскольку в турецких новостных медиатекстах часто употребляются развернутые предложения с распространенными членами. Данное употребление не регламентируется правилами пунктуации турецкого языка.

(25) *N'ye, Vali M, Belediye Başkanı K ve AK Parti Diyarbakır Milletvekili L da eşlik etti.*

‘N сопровождали губернатор M, мэр K и депутат ПСР от Диярбакыра L’.

(26) *Senato'da oylamada, yeni tanıkların dinlenebilmesi için Demokratlar dört Cumhuriyetçi senatörden destek almayı umuyordu. Ancak oylamada sadece iki Cumhuriyetçi senatörün Demokratlar'la aynı safta yer almasıyla, yeni tanıklarının dinlenmesinin önü kapandı.*

‘На голосовании в Сенате для того, чтобы заслушать новых свидетелей, демократы надеялись получить поддержку четырех сенаторов-республиканцев. Однако поскольку только два сенатора-республиканца во время голосования разделяли точку зрения демократов, это исключило возможность заслушать новых свидетелей’.

(27) *İstanbul Büyükşehir Belediye Meclisi'nde, Kanal İstanbul'un çevresinde yeni yerleşim alanının planlamasına ilişkin, protokol imzalanması teklifi kabul edildi.*

‘В муниципальном совете Стамбула было принято предложение о подписании протокола по планированию нового населенного пункта в районе канала «Стамбул»’.

Исходя из распространенности указанных случаев несоблюдения правил пунктуации, можно заключить, что данные нарушения не воспринимаются редакторами турецких новостных изданий и в целом носителями турецкого языка как пунктуационные ошибки. При этом интересно отметить, что выделенные нами нарушения правил пунктуации (обособление запятой деепричастий и деепричастных оборотов, отдельных членов предложения и синтагм) также наблюдаются в турецких новостных материалах, опубликованных в 2000 г., т. е. более 20 лет назад³. Таким образом, указанные случаи употребления запятой можно отнести к постоянным чертам турецких новостных медиатекстов.

1.5. Точка с запятой

Точка с запятой в теле турецкого новостного медиатекста может использоваться для выделения подлежащего (пример 28).

- (28) *Oylamada N'nin azledilebilmesi için üçte iki çoğunluk; yani 67 senatörün oyu gerekiyor.*
 ‘На голосовании для отстранения N необходимо большинство в две трети голосов, то есть 67 сенаторов’.

Также точка с запятой может разделять части бессоюзного сложного предложения (пример 29).

- (29) *DSÖ açıklamasında, son dönemdeki [koronavirüs] vakaların yüzde 90'ının Avrupa ve ABD'den bildirildiği belirtildi; "..." denildi.*
 ‘В заявлении ВОЗ указывалось, что 90% сообщений о случаях заражения [коронавирусом] за последнее время поступает из Европы и США, а также сообщалось следующее: «...»’.

Точкой с запятой, как и запятой, могут оформляться ссылки на источники информации (пример 30) и отдельные члены предложения и синтагмы, выделение которых упрощает восприятие текста (пример 31).

- (30) *Sözcü'den N'in haberine göre; M avukatı aracılığıyla İstanbul Cumhuriyet Başsavcılığı'na dilekçe vererek, "hakaret" suçlamasıyla şikayetçi oldu.*
 ‘По сообщению N из издания «Sözcü», M через своего адвоката подал прошение в прокуратуру Стамбула с жалобой на «оскорбление»’.

- (31) *Kabul edilen yasa ile; yeni tip koronavirüs salgını nedeniyle açık ceza infaz kurumlarında bulunan hükümlüler, 31 Mayıs 2020'ye kadar izinli sayılacak.*

³ Подробнее см. [Sülükçü 2018].

‘По принятому закону из-за эпидемии нового типа коронавируса осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях открытого типа, до 31 мая 2020 года будут считаться находящимися в отпуске’.

Оба употребления (примеры 30 и 31) представляют собой единичные случаи и не прописаны в правилах пунктуации турецкого языка. Нам не удалось выявить закономерность при выборе запятой или точки с запятой в рассмотренных примерах, однако можно предположить, что выбор зависит от индивидуальной манеры письма автора новостного сообщения.

2. Заголовок медиатекста

2.1. Точка, вопросительный и восклицательный знаки

В заголовках турецких новостных медиатекстов точкой обозначается порядковое числительное (пример 32), для завершения предложения точка не используется.

(32) *Porto Rikolular ABD'nin 51. eyaleti olmayı seçti*

‘Жители Пуэрто-Рико проголосовали за то, чтобы стать 51-м штатом США’

Восклицательный знак используется в заголовках, представляющих собой восклицательное предложение (пример 33), часто в сочетании с лексическими средствами — в восклицаниях со словами *son dakika* ‘срочная новость’, *şok* ‘шок’, *flaş* ‘экстренная новость’, предваряющих основную мысль заголовка (пример 34).

(33) *Son dakika haberi: ABD medyası duyurdu! ABD ile Taliban arasında 7 günlük ateşkes*

‘Срочная новость: СМИ США объявили! Семидневное прекращение огня между США и Талибаном’

(34) *N'den flaş açıklama! 'Türkiye olmasaydı başaramazdık'*

‘Экстренное заявление от N! «Если бы не Турция, мы бы не справились»’

Вопросительный знак употребляется в заголовках (пример 35), а также подзаголовках (пример 36), представляющих собой вопросительные предложения:

(35) *İstanbul seçiminde seçmen listeleri değişecek mi?*

‘Поменяется ли список выборщиков на стамбульских выборах?’

(36) *Körfezde ne oluyor?*

‘Что происходит в [Персидском] Заливе?’

Восклицательный и вопросительный знаки являются наиболее часто встречающимися знаками препинания в заголовках турецких новостных медиатекстов, что объясняется рекламной функцией заголовков: громкие восклицания и вопросы, передаваемые этими знаками препинания, позволяют привлечь внимание к новостному сообщению.

Отметим, что постановка восклицательных и вопросительных знаков в заголовках является чертой газетных материалов, в то время как в заголовках информационных агентств данные пунктуационные средства не используются. Для материалов информационных агентств «характерно использование стилистически нейтральных языковых средств, создающих впечатление объективности, фактологичности текста» [Лашук 2004: 10], в то время как в газетных материалах могут использоваться различные выразительные средства, поскольку каждое периодическое издание стремится дать свою оценку и характеристику описываемому событию.

2.2. Кавычки

В заголовках турецких новостных медиатекстов одинарные кавычки употребляются для оформления цитат (пример 37).

- (37) *'Türkiye 'ye karşı karar alırsanız karşılık veririz'*
 «Если вы примете решение против Турции, мы примем необходимые меры»

Заметим, что в английских новостных заголовках цитаты также оформляются с помощью одинарных кавычек, что является особенностью именно языка СМИ [Chicago Manual of Style Online].

В случаях, когда цитата образует одноаффиксный изафет с последующим существительным из лексико-семантической группы «форма речевого воздействия» (*iddia* ‘заявление’, *çağrı* ‘призыв’, *uyarı* ‘предупреждение’ и др.), кавычки могут как использоваться (пример 38), так и не использоваться (пример 39).

- (38) *BM'den 'Yemen'de Kovid-19 hızla yayılıyor' uyarısı*
 ‘Предупреждение от ООН: «В Йемене быстро распространяется COVID-19»’

- (39) *Taliban'dan ABD ile anlaşmışlık iddiası*
 ‘Заявление «Талибана»: Мы договорились с США’

2.3. Двоеточие, многоточие, скобки

В заголовках двоеточие используется для обозначения причинно-следственной связи (пример 40), пояснения (пример 41) и после лексических средств типа *son dakika* ‘срочная новость’, *şok* ‘шок’, *flaş* ‘экстренная новость’ и т.п. (пример 42).

- (40) *ABD'de ilkokulda silahlı saldırı: 2 ölü*
 ‘Вооруженное нападение в начальной школе в США: 2 погибших’
- (41) *Liste açıklandı: AB Türkiye'ye dış sınırlarını açmayacak*
 ‘Список объявлен: ЕС не откроет внешние границы для Турции’
- (42) *N'dan flaş karar: Hepsini durdurdu*
 ‘Экстренное решение N: он все остановил’

Многоточие в заголовках употребляется для завершения предложения (пример 43) и после лексических средств типа *son dakika* ‘срочная новость’, *şok* ‘шок’, *flaş* ‘экстренная новость’ и т.п. (пример 44).

- (43) *Son dakika: Büyük kaos yaşandı...*
 ‘Срочная новость: произошел хаос...’
- (44) *Son dakika... Saadet Partisi genel merkez binası için flaş gelişme*
 ‘Срочная новость... Экстренная ситуация для центрального офиса Партии счастья’

Важно отметить, что постановка многоточий является чертой заголовков газет; в материалах информационных агентств многоточия не используются.

В заголовках турецких новостных медиатекстов скобки, как правило, не используются.

2.4. Запятая и точка с запятой

В заголовках запятая может использоваться для выделения подлежащего предложения (пример 45), несмотря на то что заголовкам несвойственно употребление развернутых и сложных предложений.

- (45) *ABD, artık bunu konuşuyor: N'i ve M'i durdurmalıyız*
 ‘США уже заявляют: Мы должны остановить N и M’

Случаи употребления точки с запятой в заголовках турецких новостных медиатекстов нами не были обнаружены.

Выводы

Полученные результаты исследования можно обобщить следующим образом:

1. Подавляющее большинство случаев употребления знаков препинания в турецких новостных медиатекстах соответствует правилам пунктуации турецкого языка.

2. В турецких новостных материалах регулярно встречаются случаи нарушения правил пунктуационного оформления турецкого предложения при постановке запятой, одинарных кавычек и точки с запятой: использование запятой для выделения деепричастий и деепричастных оборотов и для обособления отдельных членов предложения или синтагм; употребление одинарных кавычек для оформления прямой речи и использование точки с запятой для выделения вводных слов и словосочетаний (слов- и фраз-связок и ссылок на источник информации). Данное явление может быть объяснено тем, что в турецких новостных медиатекстах широко употребляются сложные предложения, развернутые члены предложения и т.п., и постановка знаков, не соответствующих пунктуационным правилам, позволяет упростить восприятие, а также повысить удобочитаемость новостного сообщения.

3. Пунктуационное оформление тела и заголовка новостного медиатекста значительно различается.

4. На постановку знаков препинания в турецких новостных медиатекстах оказывают влияние ведущая функция (информативная) и функциональные особенности (информативность, динамичность, иллюзия объективности, нейтральный стиль изложения) новостных материалов.

Литература

- Кононов 1941 — *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка. М.: Издательство Академии наук СССР. 1941.
- Лашук 2004 — *Лашук О.Р.* Редактирование информационных сообщений: учебное пособие. М.: Аспект Пресс. 2004.
- Штанов 2010 — *Штанов А.В.* Турецкий язык: базовый курс: учебник. В 4 ч. Ч. 1. В 2 кн. Кн. студента. М.: МГИМО-Университет. 2010.
- Щека 2007 — *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007.
- Chicago Manual of Style Online — Chicago Manual of Style Online. 16th edition. URL: <https://www.chicagomanualofstyle.org/search.epl> (дата обращения: 15.06.2022).
- Sülükçü 2018 — *Sülükçü Y.* TDK'nin Yazım Kılavuzu'ndaki Noktalama İşaretleri Hakkında Bir İnceleme ve Tespit Edilen Problemler İçin Öneriler // *Türklük Bilimi Araştırmaları*. 2018. No. 43. S. 225–255. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/483057> (дата обращения: 18.06.2022).
- TDK Yazım Kılavuzu 2014 — TDK Yazım Kılavuzu. 2014. URL: <https://turkdiliblog.files.wordpress.com/2016/10/tdk-yazim-kurallari-ve-kilavuzu-derlemesi.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).
- TDK Yazım Kuralları — <https://www.tdk.gov.tr/icerik/yazim-kurallari/noktalama-isaretleri-aciklamalar/> (дата обращения: 17.06.2022).

М.А. Гибаетова¹

**Семантика будущего времени в турецком языке:
сравнительный анализ функционирования
временных форм на *-(y)AcAk*, *-Or* и *-(I)yor*
(на материале разговорного турецкого языка)**

В настоящем исследовании автор ставит своей целью провести сравнительный анализ функционирования временных форм на *-(y)AcAk*, *-Or* и *-(I)yor* на основе высказываний, взятых из современных турецких сериалов², и выявить общие тенденции их использования в разговорном турецком языке. Для выяснения взаимозаменяемости временных форм в отдельных случаях автор обращался к мнению носителей³.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу временных форм, необходимо обратить внимание на специфику будущего времени. Несмотря на то, что категория будущего времени традиционно считается одной из составляющих категории темпоральности, по мнению ряда лингвистов, его природа значительно отличается от настоящего и прошлого ввиду того, что события прошлого и настоящего можно наблюдать или зафиксировать факт их осуществления, в то время как высказывания о будущих действиях являются гипотезой, даже при условии полной уверенности говорящего в их осуществлении. Согласно утверждениям исследователей, этот факт придает будущему характер ирреальности и обеспечивает его тесную связь с категориями наклонения и модальности [Лайонз 1978: 328–329; Мельчук 1998: 153; Плунгян 2000: 268–269; Князев 2007: 148].

---

¹ Гибаетова Мария Андреевна — студентка 4 курса отделения тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; gibich.m@yandex.ru

² В данной работе приведены высказывания героев турецких сериалов «*Aşk-ı Memnu*» («Запретная любовь»), «*Leyla ile Mecnun*» («Лейла и Меджнун»), «*Bizimkiler*» («Наши»), «*Üç kuruş*» («Три копейки»), «*Öğretmen*» («Учитель»), «*Yasak elma*» («Запретный плод») и «*Hükümsüz*» («Бесправные»).

³ Информанты: мужчина и женщина — 62 года, высшее образование; две девушки и один мужчина в возрасте 20–21 года.

Временные формы на *-(y)AcAk*, *-(Or)* и *-(I)yor* относятся к простым временным формам изъявительного наклонения турецкого языка. Несмотря на то, что категория изъявительного наклонения не выражает отношения говорящего к действию, эти формы не лишены модальных компонентов значения, которые, как отмечает А.М. Щербак, не составляют их основного содержания, однако провести четкую границу между их темпоральным и модальным значениями не всегда получается: например форма на *-(Or)* «так сочетается со значением модальности, что объективно трудно определить, какое из них (темпоральное или модальное значение — М.Г.) является основным» [Щербак 1981: 69–70]. Тем не менее, наличие модальной семы возможности у формы на *-(Or)*, по мнению А.М. Щербака, не отесняет ее темпоральную сему. Относительно формы категорического будущего времени⁴, «модальность которой выступает более выпукло», у лингвистов возникает больше вопросов относительно того, к какому наклонению ее отнести — к изъявительному или долженствовательному [там же].

Референция к будущему представляет собой своего рода предсказание и оценку говорящим возможности осуществления действия. Поскольку рассматриваемые нами примеры представляют собой диалогическую речь, коммуникативная задача лица состоит в том, чтобы убедить собеседника в возможности осуществления будущего действия. Это предполагает разную степень уверенности говорящего, которая может основываться на собственном опыте, регулярности события, привычках, объективно наблюдаемых явлениях и других факторах. Степень убежденности коммуниканта в подобных фактах может быть важным обстоятельством для процесса грамматикализации значений. С целью уточнения и разграничения значений конкретных временных форм, мы пошли по пути сравнения возможности их использования в определенных схожих ситуациях.

Сравнительный анализ форм на *-(Or)* и *-(y)AcAk*

В современной тюркологии считается, что временные формы на *-(y)AcAk* и на *-(Or)* передают значение будущего, т.е. «следующего за настоящим периодом ориентации», времени, отличаясь друг от друга степенью уверенности говорящего в выполнении действия [Гузев 2015: 198]. Собранный нами материал содержит большое количество примеров использования данных временных форм для выражения плана будущего времени, причем разница в их значениях не ограничивается степенью уверенности коммуниканта.

Одним из наиболее распространенных значений формы наст.-буд. времени является указание на (не)возможность осуществления действия, а именно выражение участником коммуникативного акта предположения относительно возможности будущего события (значение предсказания). Нами было отмечено, что

⁴ Грамматические термины в данной работе приводятся в том варианте, в котором их принято давать в работах А.Н. Кононова, Ю.В. Щеки и В.Г. Гузева.

в репликах героев сериалов временная форма на *-(/)r* описывает внутреннюю способность участников речевого акта выполнить действие (примеры 1; 2):

- (1) — *Yapamat. Yapamat.*
 — *Yaparsın, Gizem. Yaparsın!*
 ‘— Я не могу (*букв.* не могу сделать), не могу (*букв.* не могу сделать).
 — Ты **сможешь** (*букв.* сделаешь), Гизем. **Сможешь** (*букв.* сделаешь)!⁵’
- (2) — *Abla, yaparsın, hadi!*
 ‘— Сестра, ты сможешь (*букв.* сделаешь), давай!’

Другим основанием для предсказания развития ситуации могут быть сложившиеся традиции, привычки, определенные закономерности и т.д. В этом случае также замечено употребление формы наст.-буд. времени. Это значение описывает один из возможных вариантов развития событий, так как сама ситуация не предполагает уверенности в дальнейшем будущем. В примерах (3; 4) говорящий выражает мнение о том, что действие (*başlar; çalar malar*) возможно ввиду того, что подобное уже случалось ранее, это стало закономерным явлением:

- (3) — *Ablacığım, yoğunluk birazdan başlar.*
 ‘— Сестра, народ скоро **подойдет** (*букв.* ‘скоро начнется интенсивность’)’;
- (4) — *Ben telefonu kapatacağım. Bana ulaşamazsan merak etme, tamam mı? Ellerim titriyor. Yani sonra telefonum açılıp çalar malar, bir şey olmasın, anladın mı?*
 ‘— Я выключу телефон. Если не сможешь дозвониться, не беспокойся, хорошо? У меня дрожат руки. Ну, вдруг телефон **включится, зазвонит** или еще что-нибудь (*букв.* ‘включившись, зазвонит’ — *парный глагол*), не хочу, чтобы что-то такое произошло, понимаешь?’.

В (5; 6) предсказание говорящего о возможном развитии ситуации основано на особенностях поведения участников разговора: характер объектов обсуждения таков, что они имеют склонность вести себя подобным образом, хотя на момент разговора может не быть объективно наблюдаемой предпосылки, которая бы убедила говорящего, что именно так и случится:

- (5) — *Kim bunu yapıyor be? — Sarhoşlar. — Ama sen kendine dikkat et. Kavga falan çıkarırlar. Silah bıçak çekerler.*
 ‘— Да кто же это делает? — Пьяницы. — ‘Но ты береги себя. Они **могут** драку какую-нибудь **устроить** (*букв.* устроят). **Повытаскивают** пистолеты, ножи’;
- (6) — *Bak, ben çantayı kapıp kaçıyorum, sen de arkamdan geliyorsun, çıkmaz sokakta beni yakalyorsun. Yakaladın, yakaladın. Yakalamazsan ben kaçır⁶ giderim, meslek alışkanlığı.*
 ‘— Смотри, я хватаю сумку и убегаю, ты бежишь (*букв.* приходишь) за мной и ловишь меня в каком-нибудь тупике. Если поймал, то поймал. А не поймаешь, я **сбегу** (*букв.* сбегу уйду) — профессиональная привычка’.

⁵ Здесь и далее перевод примеров из сериалов, приведенных в статье, принадлежит автору работы. В некоторых случаях сохраняются фонетические особенности речи говорящего. Исследуемая глагольная форма выделяется жирным шрифтом в оригинальном предложении и в переводе.

⁶ При однородных членах предложения грамматический показатель лица может опускаться.

Относительно будущего коммуникант может не только строить догадки (предсказания), но и иметь некоторые намерения, под которыми подразумеваются его собственные сознательные и контролируемые действия:

- (7) — *Yardım edeyim mi? — Taşırım ben.*
 ‘— Тебе помочь? — ‘Я **дonesу** (букв. несу)’.
- (8) — *Bahçeye çıkacağıм. Bütün gün yattım. Biraz çalışırım belki.*
 ‘— Мне надо выйти (букв. выйду) в сад. Весь день пролежала. Может, **смогу поработать** (букв. поработаю) немного’.
- (9) — *Ben bugün okula sınav var diye geldim. Madem sınav yapmayacaksan ben kaçарım.*
 ‘— Я пришел сегодня в школу ради экзамена. Но если ты не собираешься его (букв. экзамен) проводить, то я **могу уйти** (букв. я сбегу)’.

Сема возможности позволяет здесь выразить намерение на основе того, что коммуникант *может* совершить это действие: имеются в виду его физические (7), психологические (8) возможности или какие-либо факторы, которые создают благоприятные условия для осуществления действия (9).

Для обозначения намерений также используется форма *-(y)AcAk*, причем во многих репликах героев сериалов формы на *-(r)* и *-(y)AcAk* используются параллельно. Выбор одной или другой формы отражает семантические различия между ними (10; 11).

В ходе анализа полученного материала были обнаружены примеры использования формы на *-(y)AcAk* для описания «чистого» будущего (то есть действий или ситуаций без дополнительных модальных оттенков значений):

- (10) — *Akşama karniyarık yapacam⁷. Bir program yok dımı⁸ bugün?*
 — *Var. Ama! Ekstra... Dün gece barda... yani ekstra koydu. Ben gece geç gelirim.*
 — *Tamam, hadi ne yapalım. Yarın öğlene yapарım. Taze taze yersin.*
 ‘— Я **сделаю** карньярык⁹ вечером. У тебя ведь нет планов на сегодня?
 — Есть. Но! Сверхурочно.... Вчера вечером в баре... то есть сверхурочно дали. Я **могу** поздно **прийти** (букв. приду) вечером.
 — Ладно, что поделатъ. Я **могу** и завтра на обед **сделать** (букв. сделаю). **Поешь** свежим’.

Несмотря на кажущиеся сходства между использованием глаголов *çıkacağıм* в (8) и *yapacam* в (10), в первом случае коммуникант указывает, что он уже не может больше лежать, поэтому ему *необходимо* выйти на улицу, то есть речь идет не о плане, а внутренней потребности говорящего.

- (11) — *Kiminle mesajlaşıyorsun sen?*
 — *Mete ile. Sen kendine yap. Ben dışarıda yiyeceğim. Bir iki saate gelirim.*
 ‘— С кем это ты переписываешься?
 — С Мете. Ты для себя делай. Я **поем** где-нибудь (букв. буду есть снаружи). **Вернусь** через час-два’.

⁷ Стяженная разговорная форма буд. категорич. времени (от *yapacağıм*).

⁸ Стяженная разговорная форма от «*değil mi*».

⁹ Карньярык — фаршированные баклажаны по-турецки.

В примерах (10; 11) говорящий использует форму на *-(y)AcAk* для описания своих намерений, планов, подчеркивая именно будущий характер действий, не давая им никакой субъективной оценки (необходимости, долженствования и т.д.). Помимо временной формы на *-(y)AcAk*, в высказываниях используется форма наст.-буд. времени, однако, в отличие от категорич. буд. действия, выражаемые формой на *-(r)*, не являются планами коммуниканта: это варианты возможного развития событий.

В ряде примеров использование формы категорич. буд. времени мотивировано рядом внешних обстоятельств (нормами, обязательствами и т.д.), которые вызывают говорящему выполнение действия:

(12) — *Bak, elektrik faturasını ödeyeceğiz sana söylüyorum, sen de neyi düşünüyorsun?*

‘— Послушай, я тебе говорю, что мы **должны оплатить** (букв. оплатим) счет за электричество, а ты о чем думаешь?’.

Пример (13) взят из сериала «*Üç kuruş*»: офицеру полиции необходимо найти человека, убившего его друга, чтобы не только отомстить за него, но и раскрыть дело, которым он занимается:

(13) — *Önce bu herifi bulamaz¹⁰. Ve sen bana yardımcı olacaksın.*

‘— Сначала мы **должны найти** (букв. найдем) этого парня. А ты мне будешь помогать’.

В (12; 13) коммуникант использует форму категорич. буд. времени для описания своих намерений, обусловленных внешней необходимостью, обязанностью: контекстуально при невыполнении этих действий последуют разного рода взыскания (12) или ситуация закончится невыгодным для говорящего образом (13).

Помимо значения обусловленной внешними факторами обязательности осуществления действия, форма на *-(y)AcAk* выражает внутреннюю необходимость выполнить действие ввиду физических или психологических потребностей говорящего:

(14) — *Aa böyle olur mu, hocam, aç bile aç! Yiyeceğiz ki güçlü olacağız.*

‘— Да разве можно так голодать, учитель! Мы же **должны есть** (букв. будем есть), чтобы у нас силы были’.

(8) — *Bahçeye çıkacağım. Bütün gün yattım. Biraz çalışırım belki.*

‘— Мне **надо выйти** (букв. выйду) в сад. Весь день пролежала. Может **смогу поработать** (букв. поработаю) немного’.

В (14; 8) использование временной формы на *-(y)AcAk* обусловлено разного рода внутренней (*yiyeceğiz; çıkacağım*) потребностью говорящего в осуществлении этого действия. И, напротив, использование формы наст.-буд. времени в (8) (*çalışırım*) указывает на то, что это уже не необходимость для говорящего, а по-

¹⁰ Стяженная разговорная форма категорич. буд. времени (от *bulacağız*).

тенциальная возможность (если получится, говорящий *сможет* поработать, но в этом нет необходимости).

При использовании формы на *-(y)AcAk* уверенность говорящего может быть обусловлена рядом не зависящих от него самого факторов: необходимостью, правилами, договоренностью, угрозой расплаты и т.д., на основании которых коммуникант может делать предсказания дальнейшего развития событий, основываясь при этом не на собственном опыте или знании физических или психологических особенностей лица, а на логическом выводе, объективной оценке ситуации, не зависящей от самого коммуниканта:

(15) — *Millet korktu, işte ondan uzak duruyor. Başına bir şey gelecek diye.*

‘— Люди испугались и поэтому стоят в стороне. Боятся, что и с ними что-то произойдет (букв. придет на их голову)’.

Использование в данном случае времени на *-(y)AcAk*, на наш взгляд, обусловлено тем, что субъект ситуации (люди) становится непосредственным свидетелем пугающего случая, и на основе этой объективной информации говорящий предполагает, что теперь что-то произойдет и с ними. Вероятно, в примере (15) коммуникант с помощью данной временной формы стремится убедить адресата в том, что потенциальное событие не является абстрактным предсказанием, осуществление которого не ограничено во времени, а реально ожидаемо в будущем на основе наблюдаемых им фактов.

В примере (16) разговор происходит после того, как в школе был взорван соседний класс:

(16) — *Bir şey söylesenize ulan! Biz öleceğiz burda!*

— *Niye susuyorsun ya? Hocaya cevap versene, Gizem! Senin yüzünden birazdan hepimiz öleceğiz!*

‘— Может, вы уже что-нибудь скажете, а? Мы здесь **умрем!**

— Почему ты молчишь? Ответь уже учителю, Гизем! Мы из-за тебя здесь скоро все **умрем!**’.

Здесь следует отметить мнение информантов, касающееся использования времени на *-(y)AcAk* в данном контексте. На вопрос, как изменится смысл высказывания, если форму категорич. буд. времени заменить на форму наст.-буд., некоторые из них отметили, что здесь можно использовать форму наст.-буд. времени, однако категоричность ситуации значительно снизится. По мнению носителей, здесь форма на *-(y)AcAk* выражает непосредственно наблюдаемую говорящим ситуацию. Некоторые опрошенные, исходя исключительно из использованной временной формы, предположили, что в данном отрывке на говорящего направлен пистолет или ему угрожает какая-то другая опасность.

На примере (17) можно проследить, как коммуникант грамматически разграничивает потенциальность исполнения описываемых событий:

- (17) — *Sonuçta Rüya geri girmeyecek.*
 — *Doğru. Bunları bilmek geçmişleri değiştirmeyecek. Rüya'yı da geri getirmeyecek. Ama bunları bilmek geleceği değiştirebilir.*
 ‘— В конце концов, Рюя назад **не вернется** (букв. не войдет).
 — Правильно. То, что мы будет знать это, прошлого **не изменит**. И **не вернет** Рюю. Но это **может изменить** будущее’.

Использование формы категорич. буд. времени в (16; 17) сигнализирует об уверенности говорящего в осуществимости своего предположения (*öleceğiz; geri girmeyecek; değiştirmeyecek; getirmeyecek*). Эта уверенность основана на объективных фактах, на которые коммуникант не может повлиять: в сцене из сериала «Öğretmen» описывается ситуация смерти персонажа и невозможность его возвращения (17), а также непосредственная угроза жизни, которую говорящий не может устранить (16). При этом формой наст.-буд. времени, которая для усиления указания на возможность такого развития событий дополнительно сопровождается аффиксом формы возможности *-(y)Abil (değiştirebilir)*, говорящий подчеркивает, что его предсказание основано исключительно на его мнении и других субъективных факторах.

Еще одной сферой использования обеих временных форм является побуждение к действию. Как было выявлено при анализе материала, формой на *-(/r)* может выражаться любого рода вежливое побуждение к действию одного из коммуникантов в виде просьбы, совета, предложения и т.д.

- (18) — *Siz ona çok yakınsınız. Uygun bir zamanda konuşursunuz.*
 ‘— Вы для нее близкий человек. **Поговорите** (букв. вы поговорите) с ней, (пожалуйста), в подходящий момент’.
- (19) — *Sahildeyim ben, oraya gelirsin.*
 ‘— Я на набережной. **Приходи** (букв. придешь) туда’.

На этих примерах мы можем проследить, что утвердительная форма наст.-буд. времени используется для побуждения коммуниканта к действию, однако по сравнению с вопросительной формой (напр. *Gelir misiniz?* ‘Приходите/подойдите, пожалуйста!’ (букв. вы придете/подойдете?)) утвердительная форма менее официальна и носит характер совета, вежливой просьбы, предложения и т.д.

В противоположность этому в некоторых ситуациях говорящий с целью выражения категоричности приказа, настойчивой просьбы, требования и т.д. использует категорич. буд. время. Категоричность указания с использованием формы на *-(y)AcAk* непосредственно связана с ее описанным выше значением должностования:

- (20) — *Ben “ders bitti arkadaşlar” demeden hiç biriniz bu sınıf dışı çıkmayacaksınız.*
 ‘— Пока я не скажу: «Урок закончен, друзья», — никто из вас **не выйдет** из класса’;

(21) — *Altını çize çize söylüyorum sana. Bu sefer elinde delil olmadan kimseyi yakasından **tu-tup getirmeyeceksin!***

‘— Обращаю особое внимание на это. В этот раз пока у тебя не будет на руках доказательств, ты никого **не будешь хватать** за шиворот и **тащить** сюда (букв. схватив, не будешь тащить)!’.

Использование двух временных форм в похожих контекстах дает основание утверждать, что различие между ними состоит в степени категоричности высказывания, которое варьируется от мягкого побуждения до жесткого требования: форма наст.-буд. времени используется для выражения вежливой мягкой просьбы, предложения; форма категорич. буд. времени вносит оттенок обязательности, внешней необходимости, сухого требования, условия, поставленного перед собеседником.

Сравнительный анализ форм на *-(I)r* и *-(I)yor*

Остановимся подробнее на грамматических и семантических особенностях форм наст.-буд. и наст. времен при описании будущих действий. Для того, чтобы проанализировать использование указанных временных форм в будущем, необходимо учитывать особенности их семантики в настоящем.

Традиционно отмечается, что форма на *-(I)r* описывает действия, относящиеся к пласту настоящего и будущего. Согласно ведущим тюркологам, наст.-буд. время выражает [Кононов 1956; Щека 2007; Гузев 2015]:

1) действие, которое является общеизвестным фактом, универсальной истиной:

(22) *Kaplumbağa yavaş yürür.*

‘Черепашки **передвигаются** (букв. ходят) медленно’.

2) действие, которое рассматривается как устойчивая характеристика какого-либо конкретного объекта:

(23) *O konuşur, efendim!*

‘Он (постоянно) **болтает!**’

Можно предположить, что значение «неконкретного будущего», которое традиционно выделяется у этой формы, является логическим продолжением семы «неконкретного действия» в настоящем, т.е. «действия, которое совершается не здесь и не сейчас» [Гузев 2015: 186]. Действие, которое выполняется согласно привычке, традиции, является характеристикой какого-либо объекта и т.д., предполагает повторяемость, что способствует тому, что говорящий ожидает продолжения этого действия в будущем — отсюда возникает значение потенциаль-

ности. Так, в примере (24) говорящий утверждает, что героиня вскоре вернется, основываясь на том факте, что она всегда выходит в аптеку ненадолго:

- (24) *Eczaneye kadar gitti. Şimdi **gelir**, merak etme.*
 ‘Она ушла в аптеку. Сейчас **придет**, не переживай’.

Как указывалось выше, форма наст.-буд. времени выполняет функцию побуждения собеседника к действию, для чего используется форма 2 лица ед. и мн. числа:

- (25) *Gerekiyorsa para filan da **verirsin**.*
 ‘Если будет нужно, **дашь денег**’.

Кроме того, были замечены редкие случаи использования этой формы для обозначения инклюзивного императива (призыва, приглашения к совместному действию):

- (26) *Berber **otururuz**. Çay da **söyleriz**.*
 ‘**Давай посидим** (букв. посидим) вместе. Чай **попросим** (принести)’.

Обратимся к анализу примеров использования формы наст. времени. Согласно традиционным представлениям тюркологов, наст. время на *-(I)yor* выражает [Кононов 1956; Щека 2007; Гузев 2015]:

1) действие, которое осуществляется в момент коммуникации;

- (27) *Bülent yatağı **topluyor**.*
 ‘Бюлент **убирает** (букв. собирает) постель’;

2) продолжительное действие, которое является частью парадигмы настоящего, но не обязательно происходит в данный момент;

- (28) *Zaman zaman **gidiyorum** holdinge.*
 ‘Я иногда **хожу** в холдинг’.

Как стало очевидно в результате анализа языкового материала, временная форма на *-(I)yor* продуктивна с точки зрения описания действий, осуществление которых ожидается в будущем. На примерах устной речи нам удалось проследить ряд оттенков значений, которые по-разному раскрываются формой на *-(I)yor*.

Во-первых, форма наст. времени описывает действие, осуществление которого ожидается в будущем согласно ранее установленным планам. В частности, к данной разновидности будущего относятся утверждения о ситуациях, наступление которых регламентировано графиком:

- (29) *Birazdan benim dersim **başlıyor**.*
 ‘У меня скоро урок **начинается**’;

(30) *Peykerler öbür gün balayına çıkıyorlar, bu akşam bizim bahçede küçük bir yemek yiyeceğiz.*

‘Пейкер с мужем послезавтра **уезжают** (букв. выезжают/выходят) в свадебное путешествие, поэтому сегодня вечером у нас будет небольшой ужин (букв. мы будем есть еду)’.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, форма наст. времени (с референцией к будущему) более приспособлена к выражению значения намерения, что отличает ее от формы наст.-буд. времени, которая, как указывалось выше, более приспособлена к выражению значения предсказания (на основе привычки, традиции, устойчивых характеристик объекта разговора, собственных предположений говорящего и т.д.).

Во-вторых, с помощью формы наст. времени последовательно описываются действия, которые, по мнению коммуниканта, могут произойти в ближайшем будущем согласно предлагаемому плану, но, в отличие от значения запланированности, это придает будущему действию описательный характер, оттенок «живой речи» [Кононов 1956: 224–225]. Указанное действие, возможно, не произойдет в реальности, это воображаемый сценарий в голове говорящего, а не твердое намерение что-либо сделать:

(31) *Leyla, tamam, güzel işte. Leyla... Bak benzini yere döküceğiz. Leyla yazacağız benzinle. Tamam mı? Ondan sonra...eee kibrit çaktık mı tamam bu iş. Abla bakıyor pencereden, görüyor aşağıda ismini alev alev. Sen şöyle kral gibi bir poz veriyorsun ateşin yanında. Ondan sonra abla tıpış tıpış iniyor.*

‘Лейла, значит, ладно. Лейла... Так, смотри, мы нальем бензин на землю, напишем им ее имя. Как тебе? После этого... зажигаем спичку, и готово. Вот она **выглядывает** из окна и **видит** свое имя, написанное огнем. Ты **стоишь** (букв. позируешь) король королем рядом с этим огнем. И потом девушка бегом **спускается** (к тебе)’.

В приведенном выше примере (6) говорящий сочетает форму наст. времени для описания сцены, которая как бы предстает перед его взором, с формой наст.-буд. времени в отношении предполагаемых собственных действий (*kaçar giderim*) и действий собеседника (*yakalamazsan*), выполняемых «обычно»:

(6) *Bak, ben çantayı kapıp kaçıyorum, sen de arkamdan geliyorsun, çıkmaz sokakta beni yakalyorsun. Yakaladın, yakaladın. Yakalamazsan ben kaçar¹¹ giderim, meslek alışkanlığı.*

‘Смотри, я **хватаю** сумку и **убегаю**, ты **бежишь** (букв. приходишь) за мной и **ловишь** меня в каком-нибудь тупике. Если поймал, то поймал. А **не поймаешь**, я **сбегу** (букв. сбегу уйду) — профессиональная привычка’.

Пример (6) показывает то, как говорящий, благодаря различиям в семантике временных форм, четко разграничивает описываемую «картинку» из будущего (*kaçıyorum; geliyorsun; yakalyorsun*) и ее возможные последствия (*kaçar giderim*).

¹¹ При однородных членах предложения грамматический показатель лица может опускаться.

Использование формы наст.-буд. времени не позволяет отразить воображаемую картинку будущего, но сразу переносит действие в сферу потенциальности.

Еще одним высокоупотребительным значением формы на *-(I)yor* является значение имедиатного будущего, т.е. действия, следующего непосредственно за моментом речи.

(32) — *Kahvaltı ettiniz mi? — Evet, ama kahve içerim. — Hemen söylüyorum.*

‘— Вы уже завтракали? — Да, но я бы выпила кофе. — **Уже заказываю** (букв. говорю)’.

(33) — *Ben hemen garsonunuzu gönderiyorum.*

‘— Я сейчас же **направлю** (букв. посылаю) к вам официанта’.

Из приведенных примеров видно, что форма наст. времени на *-(I)yor* используется для описания ситуации, которая произойдет в ближайшем будущем. Ее наступление не совпадает с моментом речи, однако максимально приближено к нему, а непосредственно в момент речи часто присутствуют предпосылки для реализации соответствующей ситуации. Поэтому именно эта временная форма передает значение имедиатного будущего (есть предпосылки для осуществления действия в ближайшее время), а также значение запланированного будущего. Оно может быть запланировано спонтанно во время коммуникации или заранее, или же можно предположить, что данная ситуация пересекается с имедиатным будущим, как в (34):

(34) *Yavrularımızı kurtaracağız. Kurtarmadan buradan ayrılmıyoruz.*

‘— Мы должны спасти (букв. спасем) наших детей. Пока не спасем, отсюда никуда **не уйдем** (букв. не уходим)’.

В (34) герои находятся рядом со школой, где происходят главные события сериала: они уже начали и собираются продолжать действие. Можно предположить, что использование в данном случае формы наст. времени для описания запланированных событий в будущем продиктовано тем, что ситуация уже начала развиваться, говорящий находится в процессе выполнения действия, а форма наст. времени описывает ее логичное продолжение.

Сравнительный анализ форм на *-(I)yor* и *-(y)AcAk*

Учитывая то, что форма на *-(I)yor* способна в речи передавать контекстуальный смысл, который можно соотнести с запланированным или ожидаемым действием в будущем, необходимо сравнить значения форм наст. и категорич. буд. времен.

Рассмотрим использование временных форм на *-(y)AcAk* и *-(I)yor* в области описания намерений и планов говорящего. Как указывалось ранее, форма категорич. буд. времени может использоваться для обозначения «чистого» будущего:

- (35) — *Büyükünce ben de topuklu ayakkabı giyeceğim.*
 ‘— Когда я вырасту, я тоже **буду носить** туфли на каблуках’.
- (36) — *Ben zengin olacam*¹², *Zeynep.*
 ‘— Я **стану** богатой, Зейнеп’.

Тем не менее, использование формы категорич. буд. времени не ограничивается описанием общефактического будущего, лишённого оценки говорящим потенциальных действий. Если придерживаться точки зрения о том, что предполагаемые будущие события не являются реальным фактом и их описание всегда является гипотетическим, правомерно предположить, что грамматические формы буд. времени могут соприкасаться с семантической зоной модальности. Так, традиционно считается, что категорич. буд. время выражает высокую степень уверенности говорящего в осуществлении запланированного действия. Уверенность может быть обусловлена какими-либо вынужденными обстоятельствами, долгом, обещанием, обязанностями и другими внешними, не зависящими от коммуниканта факторами:

- (37) — *Zaten girtlağımıza kadar borca batmışız. Dayanacağız. Mecbur.*
 ‘— Мы и так по горло в долгах. Я **должна справиться** (букв. я выдержу). Обязана’.
- (38) — *Bu ayın başı gibiydi. O günlere bakarsak.*
 — *Ooo... bayağı geriye döneceğiz demektir.*
 ‘— Это было примерно в начале месяца. Надо бы посмотреть те дни.
 ‘— Ooo... Значит, **придется отмотать** (букв. вернемся) намного назад’ (о видео).

На основе того факта, что в собранных нами примерах для описания намерений используется форма 1 лица ед. (*dayanacağız*) или мн. (*döneceğiz*) числа, можно предположить, что значение намерений, обусловленных необходимостью, преимущественно реализуется именно в 1 лице.

Утверждение о значении намерения собеседника (второго лица) в утвердительном контексте неестественны, чаще значение намерения собеседника выражается в вопросительной форме:

- (39) — *Günaydın! Sen ne yapacaksın bugün?*
 ‘— Доброе утро! Ты что **будешь делать** сегодня?’;
- (40) — *Senin planın ne planı! Nasıl bulacaksın?*
 ‘— Ну что у тебя может быть за план? Как ты **собираешься** (его) **найти** (букв. найдешь)?’.

Рассмотрим использование формы наст. времени для описания намерений и планов. Ранее было отмечено, что форма на *-(I)yor* типична для сообщения о запланированных действиях. Так, на примере (41) становится ясно, что герой сериала «Hükümsüz» говорит о своих планах и данном обещании приехать:

¹² Стяженная разговорная форма категорич. буд. времени (от *olacağım*).

- (41) — *Gitmiyor musun Serkan'ın yanına? İptal mi oldu?*
 — *Yoo, gidiyorum. Ben söz verdim zaten. Bir de otel filan ayarladım.*
 ‘— Ты **не собираешься идти** (букв. не идешь) к Серкану? Все отменилось?
 — Нет, я еду. Я дала слово. К тому же я уже забронировала отель и все такое’.

Касаемо примера (41) отметим, что двое носителей турецкого языка (возрастом 62-х лет) категорически не согласились с использованием формы наст. времени для описания будущих действий: один из них предположил, что так сказал иностранец; другой отметил, что использование в этом случае формы наст. времени характерно для молодежи. В полном соответствии с последним утверждением трое молодых опрошенных согласились с использованием формы наст. времени для описания будущих действий, отметив, что в данном контексте можно также использовать форму на *-(y)AcAk*. Исходя из этого можно утверждать, что использование формы на *-(I)yor* для выражения действий в будущем — это новая тенденция, поэтому носители старшего поколения могут не признавать возможность ее использования в подобных контекстах.

Как уже отмечалось выше, форма наст. времени используется для описания имедиатного будущего, что также можно рассмотреть в рамках значения намерения:

- (42) — *Ben size kartımı veriyim. Oraya CVinizi yollayın arkadaşlar baksın.*
 — *Gerçekten mi? — Buyur. — Çok teşekkür ederim. Hemen gönderiyorum.*
 ‘— Я дам вам свою визитку. Отправьте туда свое резюме, пусть коллеги посмотрят.
 — Правда? — Пожалуйста. — Большое спасибо. Сейчас же **отправляю**’.

Различия в значениях форм на *-(y)AcAk* и *-(I)yor* хорошо прослеживаются в приведенном нами ранее примере (34), где использование формы наст. времени во втором предложении обусловлено тем, что говорящий уже начал действие, которое собирается продолжить:

- (34) — *Yavrularımızı kurtaracağız. Kurtarmadan buradan ayrılmıyoruz.*
 ‘— Мы **должны спасти** (букв. спасем) наших детей. Пока не спасем, отсюда **никуда не уйдем** (букв. не уходим)’.

Форма на *-(y)AcAk* (*kurtaracağız*) выражает значение уверенного обещания, которое коммуникант обязан выполнить по долгу службы. Помимо этого, учитывая тенденцию выражения формой наст. времени значения имедиатного будущего, а также запланированных действий, можно предположить, что форма категорич. буд. времени используется для описания более абстрактного намерения, относящегося к сравнительно отдаленному будущему.

Кроме того, необходимо отметить, что значение намерения, запланированных действий, которое выражается формой на *-(I)yor*, как было выявлено в ходе анализа полученных материалов, преимущественно выражается в формах 1 лица (33; 41; 42). В случае, если говорящий говорит о намерении третьих лиц, то в основном используется форма категорич. буд. времени:

- (43) — *Bizim şirketi başka bir grup satın aldı. Onlar da gelecekler birazdan, proje onlara kaldı.*
 ‘— Нашу фирму купила другая группа. Они скоро **подойдут** (букв. придут), проект теперь их’.

Использование формы на *-(y)AcAk*, по нашему мнению, здесь более оправдано ввиду того факта, что говорящий переосмысливает намерения третьего лица как предсказание о его возможных последующих действиях: коммуникант говорит о ранее обговоренном намерении других участников ситуации приехать и на основании этой информации высказывает свое предположение об их дальнейших возможных действиях.

Рассмотрим особенности выражения событий, осуществление которых регламентировано расписанием, графиком, фиксированным распорядком действий. Как было отмечено выше, форма наст. времени используется для выражения действия, осуществление которого ожидается согласно расписанию:

- (44) — *Ders kaçta başlıyor?*
 ‘— Во сколько (по расписанию) **начинается** урок?’.

Относительно примера (44) информанты также дали свои комментарии, утверждая, что если бы в данном случае использовалось время на *-(y)AcAk*, то мы бы говорили не о расписании, а просто о возможном начале урока, времени которого мы точно не знаем.

По нашему мнению, использование формы категорич. буд. времени в аналогичных ситуациях без изменения смысла невозможно. В приведенном ниже примере (45) описана сцена из сериала «*Öğretmen*», в которой учитель нарушает расписание и не отпускает учеников на перемену:

- (45) — *Peki ders ne zaman bitecek, hocam?*
 — *Güzel sorularına doğru cevap vereceğiniz zaman o zaman bitecek bence. Belki bir gün belki bir ay, orası size kalmış.*
 ‘— Ладно, ну и когда урок **закончится**, учитель?’
 ‘— Когда вы дадите правильные ответы на мои прекрасные вопросы, тогда, я думаю, и **закончится**. Может через один день, а может через месяц, это уж от вас зависит’.

Таким образом, при использовании формы на *-(I)yor* описываемая ситуация имеет значение запланированности, знания о ней основаны на внешнем источнике (расписании, графике и т.д.), в то время как форма на *-(y)AcAk* описывает предполагаемое действие в будущем, зависящее не от графика, а от личных умозаключений говорящего.

Обратимся к другой области значений, в которой задействуются формы на *-(I)yor* и *-(y)AcAk*. Как показывают собранные примеры, форма наст. времени может выражать любого рода недовольство происходящим: нежелание выполнить действие, несогласие со сложившейся ситуацией, возмущение и т.д. В приведенном ниже диалоге из сериала «*Leyla ile Mecnun*» герои пришли домой к девушке

просить ее руки в позднее время суток. Героини дома не оказалось, а ее недоумевающие родители сразу не поняли, что к ним пришли свататься:

- (46) — *Olur kahve de, kahve de yaparım.*
 — *Ay yok canım, siz niye yapıyorsunuz?*
 ‘— Конечно, кофе, так кофе, сейчас сделаю.
 — Нет, что вы, дорогая, с чего это вы **будете делать** (букв. делаете) (кофе)?’.

В следующем эпизоде действие происходит в полицейском участке:

- (47) — *En az on yıl yersin o zaman.*
 — *Niye on yıl yiyeceğim ya? Bir şey yapmadım ki ben, yanlışlıkla aldılar beni içeri.*
 ‘— Ну тогда минимум лет десять получишь (букв. съешь).
 — С чего это я **должен получить** (букв. ем) десять лет? Я не сделал ничего, меня по ошибке забрали сюда’.

В аналогичных ситуациях можно встретить форму на *-(y)AcAk*:

- (48) — *Niye arayacağım seni be?*
 ‘— С чего это я **должен** тебе **звонить** (букв. буду звонить)?’

Как видно из приведенных примеров, глаголы в форме на *-(I)yor* и *-(y)AcAk* в данном значении обычно сопровождаются вопросительным словом *niye* ‘зачем’ или *neden* ‘отчего, почему’, а также могут сопровождаться восклицательными междометиями с грубым оттенком *ya*, *be* и т.д.

Выводы

В турецком языке временные формы, описывающие будущие действия, имеют широкий спектр значений. Одна временная форма может совмещать в себе несколько значений, которые реализуются в зависимости от конкретной ситуации. Это положение определяется спецификой буд. времени по сравнению с прошедшим и настоящим: фактически говорящий высказывает свои предположения о том, как будет развиваться ситуация, какие действия будут совершены. Сложная система распределения дополнительных значений турецких глагольных временных форм, используемых для описания будущих действий, отражает многообразие возможных оттенков уверенности в осуществимости будущих действий.

Подведем итог и обозначим общие тенденции использования указанных временных форм для описания будущих действий в разговорном турецком языке.

Форма на *-(y)AcAk* выражает следующий спектр значений:

1) намерение говорящего, под которыми подразумеваются его сознательные и контролируемые действия в будущем. В рамках значения намерения можно выделить следующие семантические особенности:

- констатация общефактического будущего без дополнительных модальных оттенков,
- выражение высокой степени уверенности говорящего в осуществлении действия, которая может быть обусловлена какими-либо внешними обстоятельствами: долгом, обещанием, обязанностями и т.д.,
- выражение внутренней необходимости говорящего выполнить действие ввиду его физических или психологических потребностей;

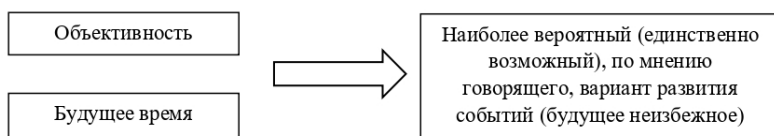
2) предсказание возможного хода развития событий, которое основано на уверенности коммуниканта, подкрепленной внешними обстоятельствами: необходимостью, правилами, договоренностью, угрозой, объективными, непосредственно наблюдаемыми фактами реальности и т.д. (т.е. не зависящими от говорящего факторами);

3) строгое побуждение к действию или его запрет (данное значение в силу своей семантики преимущественно реализуется во 2 лице);

4) действия, осуществление которых ожидается не по графику;

5) риторический вопрос, выражающий непонимание, возмущение, несогласие говорящего по поводу возможного будущего действия.

Такая трактовка значений исследуемой временной формы позволяет сделать вывод о том, что именно неизбежность ситуации, которая описывается формой категорич. буд. времени, определила появление в семантике этой формы значения долженствования. На основании вышеизложенного можно схематически изобразить семантическое содержание формы категорич. буд. времени следующим образом:

Форма наст.-буд. времени при описании будущих действий имеет следующие значения:

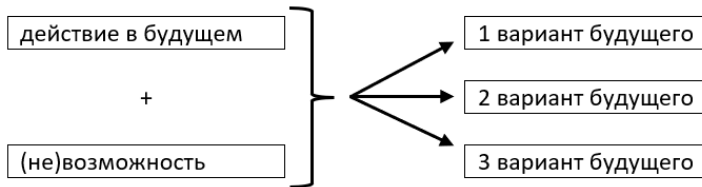
1) предсказание говорящего относительно будущего. Как удалось проследить на примерах, подобные умозаключения коммуниканта могут быть основаны на:

- привычках, установленном порядке, определенных закономерностях и т.д.,
- характерных особенностях коммуникантов или другого объекта разговора,
- личной оценке говорящим имеющейся ситуации. Здесь следует уточнить, что выбор этой формы для выражения значения предсказания обусловлен наличием у формы наст.-буд. времени семы возможности;

2) намерение говорящего с акцентом на то, что он *может* совершить действие ввиду своих физических, психологических возможностей или каких-либо других благоприятных факторов;

3) любого рода вежливые побуждения к действию: просьбы, предложения и т.д.

На основании всего вышеизложенного, можно схематически представить семантическое содержание формы наст.-буд. времени следующим образом:

Форма на *-(I)yor* для описания будущих действий выражает следующие значения:

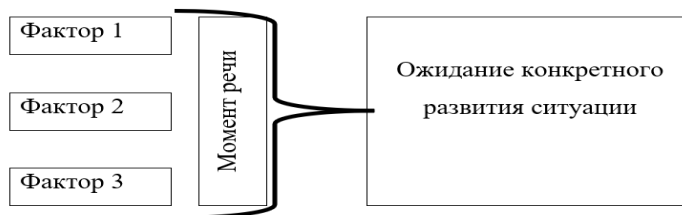
1) намерение говорящего совершить действие. Указанная временная форма имеет следующие семантические особенности, которые можно рассмотреть в связи со значением намерения:

- констатация договоренностей или планов говорящего относительно будущего,
- имедиатное будущее, т.е. действия, срок осуществления которых максимально приближен к моменту речи, а в сам момент речи часто присутствуют предпосылки для реализации данной ситуации,
- описание действия, осуществление которого ожидается согласно установленному расписанию, регламентируемому графику;

2) риторический вопрос, выражающий разного рода нежелательные действия, которые навязываются объекту какими-либо внешними обстоятельствами и не соответствуют его намерениям;

3) «сценарий» возможных последовательных будущих действий говорящего или других участников ситуации: осуществление описываемых действий может и не предполагаться, это воображаемый говорящим ход событий, а не твердое намерение что-либо сделать.

На основании вышеизложенного, можно представить семантическое содержание формы наст. времени для описания будущего следующим образом:

Литература

- Гузев 2015 — *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. 2015.
- Князев 2007 — *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М. 2007.
- Кононов 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. Л. 1956.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М. 1978.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва-Вена. 1998.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В.А.* Общая морфология: введение в проблематику. М. 2000.
- Щека 2007 — *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М. 2007.
- Щербак 1981 — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л. 1981.

**Турецкие конвербы на *-IncA*:
встречаемость, синтаксические свойства,
переводные эквиваленты**

Номенклатура конвербов² современного турецкого языка включает более ста форм [Кадырова 2017, Gülsevin 2012, Tiken 2009]. Конвербиальные формы имеют длинную историю развития [Doğan 2015, Gülsevin 2012, Kahya 2008, Şimşek 2016], при этом семантика и особенности их употребления не всегда достаточно описаны. Наша работа посвящена турецким конвербам на *-IncA*. Эта форма в разных фонетических вариантах встречается в древнетюркских памятниках, в османской литературе и в разных диалектах Анатолии: *-GıncA* (древнетюркский), *-Gaç* или *-GaçtIn* (османский язык, татарский говор), *-InçA* (западно-тюркский), *-IncA* (тракийское, эрзинджанское, караманское наречие) [Kahya 2008]. Турецкие конвербы, в частности форма на *-IncA*, были исследованы во второй половине XX в. [Кононов 1956: 481, Кузнецов 1982: 54–104, Lewis 1967]. Однако некоторые вопросы требуют дальнейшего изучения. В течение последних 25 лет наблюдается интерес ученых к турецким конвербиальным формам. Дэн Слобин демонстрирует взрослым и детям ситуации, которые те должны описать, и фиксирует употребляемые конвербиальные формы, в том числе *-IncA*. В результатах он указывает на казуальное значение этой формы, на тесную связь событий выражаемых в конвербиальной клаузе с *-IncA* и главной клаузе [Slobin 1995]. Филиз Ыылдырым подчеркивает, что формы с *-IncA* являются временными и выражают не просто предшествование, а непременно завершенное действие [Yıldırım 2005], также исследователь приходит к выводу о присутствии казуальных отношений

---

¹ Кадырова Ольга Михайловна — младший научный сотрудник Отдела Языков народов Азии и Африки ФГБУН Института Востоковедения РАН; alfabem@yandex.ru

² Термин «конверб» был создан финским алтаистом Г. Рамстедтом для обозначения явлений алтайских языков, включающих «все глагольные образования, которые своими окончаниями и значениями указывают на то, что предложение не закончено и что основной глагол, завершающий высказывание, следует дальше» (в переводе на русский язык указывается термин «деепричастие») [Рамстедт 1951]. В последние три десятилетия термин все чаще применяется в общелингвистическом смысле [Haspelmath 1995], в том числе для явлений русского языка [Weiss 1995].

между конвербом с *-Inca* и предикактом [Yıldırım 2015]. Сейит Ахмет Чапан подсчитывает встречаемость этих форм в детской речи (у пятилетних чаще, чем у четырехлетних) [Çapan 2013]. Грамматические характеристики конвербов вызывают больший интерес исследователей, изучающих турецкий язык как иностранный. Например, структура конвербиальной клаузы и подлежащие свойства конверба [Гращенков 2011; Кадырова 2017], линейная позиция, видовременная семантика переводного эквивалента [Кадырова 2016]. Также представляется важным уточнить, каким стилям речи наиболее присуща данная форма.

Наше исследование ставит перед собой задачи:

1. Уточнить частоту встречаемости форм на *-Inca* в разных функциональных стилях речи, так как каждый функциональный стиль имеет свой инвентарь языковых средств [Евтюгина 2018].

2. Проанализировать внутреннюю структуру ковербиальной клаузы с *-Inca* и ее место в структуре предложения, так как необходимо уточнить ее синтаксические свойства, в том числе подлежащие.

3. Исследовать инвентарь переводных эквивалентов русского языка.

Исследование встречаемости форм проводилось методом изучения турецких оригинальных устных и письменных текстов в Национальном корпусе турецкого языка, состоящем из 50 млн слов [TUD].

Синтаксические и семантические характеристики изучались на материале текстов романа турецкого писателя-современника О. Памука «Снег» [Pamuk 2002] и параллельного перевода произведения на русский язык, осуществленного А. Аврутиной [Памук 2006]. Исследование параллельных текстов разнотипных языков является эффективным сопоставительным методом, позволяющим обратить внимание на особенности грамматики исследуемых форм [Кашкин 2007: 12] и подобрать возможные переводные эквиваленты, рекомендуемые для переводчиков и студентов, изучающих язык.

Мы рассматриваем только простые словоформы с показателем *-Inca*. Сложные конструкции *-Incaya kadar* не рассматриваем, так как они являются отдельным видом конвербов. Также и конструкции *имя+olunca* 'став' не подвергались исследованию в связи с тем, что они структурно отличаются от отглагольных образований и требуют отдельного изучения.

Результаты исследования

1. Частота встречаемости

В Национальном корпусе турецкого языка обнаружено примерно 38983 вхождений форм на *-Inca*, в том числе 3820 вхождений (ЧВ 75 на 1 млн. слов) единиц *olunca*, оформляющих именные формы. Соответственно частота встречаемо-

сти (ЧВ) *-InсА* после исключения именных форм на 1 млн. слов составляет 770 вхождений. Результаты исследования текстов устной и письменной речи показали, что ЧВ форм на *-InсА* в устной и письменной речи близка по количественному значению: в письменной 771, в устной 693. Распределение ЧВ по функциональным стилям выглядит следующим образом:

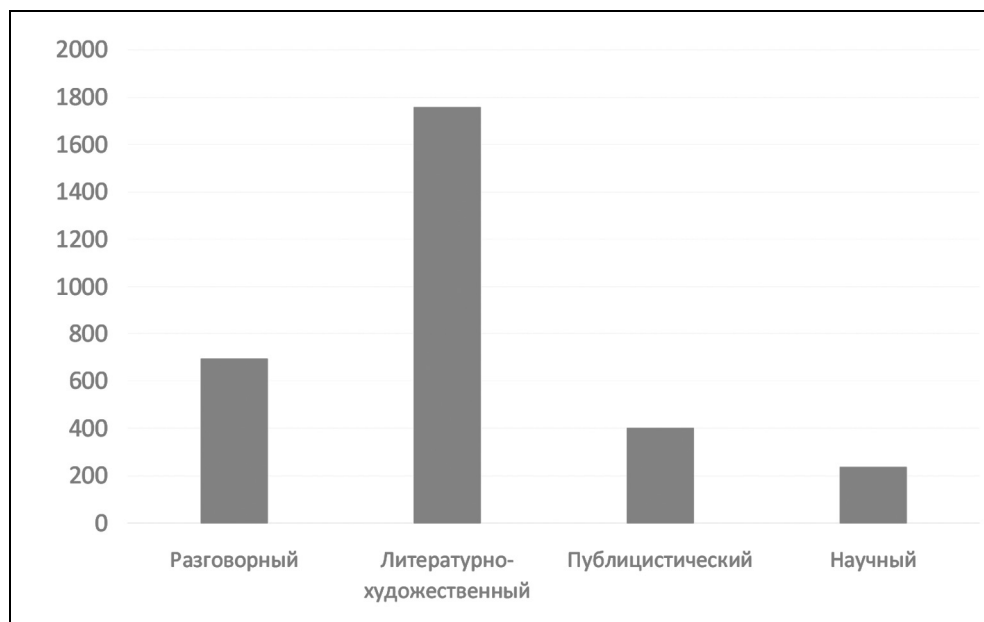
Таблица 1

**Частота встречаемости форм на *-InсА* на 1 млн. слов
в разных функциональных стилях языка**

Разговорный стиль	Литературно-художественный стиль	Публицистический стиль	Научный стиль
693	1542	402	237

График 1

Распределение ЧВ *-InсА* по функциональным стилям языка

Полученные результаты говорят о том, что употребление конвербов на *-InсА* наиболее характерно для литературно-художественного и разговорного стилей речи. В романе «Снег» формы на *-InсА* встречаются 245 раз. Соответственно, мы исследовали 245 предложений, выявляя синтаксические свойства, видовременную семантику конвербов на *-InсА*, а также анализируя выбор переводного эквивалента в русском языке.

2. Синтаксические свойства

2.1. Линейная позиция

В романе «Снег» в 100% случаев вхождений оборот с конвербом на *-Inca* находится в положении препозиции по отношению к слову, которому он подчиняется (примеры 1–17). Этот факт подтверждает правило турецкого языка о препозиции подчиненных единиц главным.

В примере 1 конверб *yapınca* ‘сделав’ предшествует предикату *anladı* ‘понял’, которому подчиняется. В разносубъектном примере 2 *yayımlayınca* ‘когда были опубликованы’ предшествует предикату *önemsemiş* ‘придали значение’, которому подчиняется. В примере 3 *dönünce* ‘вернувшись’ подчиняется конвебу *çıkıp* ‘поднявшись’ и предшествует ему.

- (1) *Ka*   *bunu yap-ınca*   ...*anla-dı*.
Ка   это сделать-CVB   понять-PST3sg

‘Подумав об этом, Ка понял...’ (дословно: ‘сделав это...’)

- (2) *Alman ve Fransız*   *gazete-ler-i-nin*   *Türkiye*   *temsilci-ler-i*
немецких и французских   газет-1sg-GEN   Турция   представитель-PL-1sg
...*reportaj-ları*   *ülke-leri-nde*   *yayımla-yınca*   *Türk gazete-leri de*
репортажи-3pl   страна-3pl-LOC   опубликовать-CVB   турецкий газета-3pl тоже
intihar-lar-ı   *önemse-miş...*
самоубийство-PL-ACC   значение придать-PST3pl

‘Турецкие же газеты сочли это важным тогда, когда представители немецких и французских газет в Турции... написали об этом в своих странах...’

- (3) ...*İpek onu bırak-ıp*   *otele dön-ünce*   *Ka iki kat merdiven-i hemen*
Ипек его оставит-CVB   в отель вернуться-CVB   Ка два этажа лестница-ACC сразу
çık-ıp...   *işsiz-ler,*   *çık-ırlar, ayak-lar*
подняться-CVB   безработный-PL   подмастерье-PL нога-PL
ara-sı-nda   *oyalan-dı.*
между-1sg-LOC   слоняться-PST3sg

‘Когда Ипек оставила его... и вернулась в отель, Ка поднялся по лестнице на второй этаж... остался среди безработных, подмастерьев и других...’

2.2. Синтаксическая связь в составе сложной предикации

В исследованных случаях 100% конвербов на *-Inca* являются сирконстантами по отношению к своей вершине.

В примере 2 *yayımlayınca* ‘когда были опубликованы’ — обстоятельство причины. В примере 3 *dönünce* ‘вернувшись’ — обстоятельство времени.

2.3. Внутренняя структура конвербиальной клаузы и выражение подлежащего

В половине случаев в состав конвербиальной клаузы входят актанты (примеры 1, 2). При этом 50% выделенных предложений обороты с *-Inca* имеют собственный субъект действия (примеры 3, 4), а в 47% всех случаев они имеют актанты в подчинении. 100% конвербов на *-Inca* обладает собственными зависимыми. 24% конвербов имеют в подчинении сирконстанты (примеры 3, 4). В 29% случаев конвербам на *-Inca* подчинялись и актанты, и сирконстанты (пример 2).

В примере 1 выше актант конверба *уаринса* ‘сделав’ (здесь ‘подумав’) — местоимение *bunu* ‘это’.

В примере 2 конверб *уауимлайинса* ‘когда написали’ имеет актанты *temsilcileri* ‘представители’ (субъект), *reportajları* ‘репортажи’ (дополнение, эквивалент ‘об этом’) и сирконстанты — *ülkelerinde* ‘в своих странах’.

В примере 3 конверб *dönünce* ‘когда вернулась’ имеет собственный субъект, который выражен именем существительным *İpek* ‘Ипек’, и сирконстант *otele* ‘в отель’, который тоже выражен именем существительным.

- (4) *İyice bastır-inca şoför uzak ışık-lar-ı-nı kapat-tı...*
 хорошенько нажать-CVB шофер дальний свет-PL-1sg-ACC выключить-PST3sg
 ‘Когда буря **разыгралась** не на шутку, водитель выключил дальний свет...’

Конверб *bastırınca* ‘разыгралась’ имеет собственный субъект и сирконстант *iyice* ‘не на шутку’. В турецком варианте субъект конверба имеет нулевое выражение, в русском переводе введен субъект ‘буря’, восстановленный из контекста.

75% собственных субъектов конвербов на *-Inca* выражены именной группой (примеры 3, 5), 0% — местоимением, не выраженных материально субъектов 25% (примеры 4, 9).

Конвербов на *-Inca*, не обладающих своими зависимыми, в изучаемом тексте не найдено.

3. Видовременная семантика

Формы на *-Inca* по отношению к основному действию могут выражать:

1. Непосредственное предшествование. Ситуация возникает в момент события, выраженного через конверб *-Inca* (80%)

- (5) *Karı-m da beni tanı-yınca başta hiç sevme-miştı.*
 жена-1sg тоже меня узнать-CVB сначала совсем не любить-PST3sg
 ‘Моя жена, познакомившись со мной, сначала меня не любила’.

Предположение об одновременности событий, выражаемых конвербом и его предикатом, появляется из контекста. Знакомство молодой жены с мужем и возникновение ее отрицательных эмоций происходят одновременно.

- (6) ...*yuvurlak Kars peynir-i kutu-ları-yla çarşı-da-ki dükkan-lar-ın*
 Круглый Карс сыр-1sg коробка-3PL-Post рынок-LOC-RCS магазин-PL-GEN
vitrin-ler-de karşlaş-inca öylesine Mutlu ol-uyor-du ki...
 витрина-PL-LOC встретиться-CVB так счастлив становится-dur -PST3sg IN

‘Заметив в витринах рыночных лавок коробки круглого карского сыра..., он почувствовал себя таким счастливым...’

2. Предшествование (20%).

- (7) *Daha sonra askeri darbe ol-unca ev değıştirenler*
 еще позже военный переворот случиться-CVB дом меняющие
de yavaş yavaş yakalanmaya başla-mış...
 тоже постепенно вылавливаться начать-PST3sg

‘Спустя некоторое время, когда произошел военный переворот, тех, кто скрывался, стали потихоньку ловить...’

Итак, конструкции с *-IncA* обычно передают предшествующее завершенное действие, что еще раз подтверждает данные, полученные в [Yıldırım 2005].

4. Переводной эквивалент

Для перевода оборотов с конвербом на *-IncA* в 68% случаев были использованы финитные глаголы, ставшие предикатами придаточных (пример 2, 3, 4, 5, 8) или сложносочиненных (примеры 9) предложений, в 30% случаев деепричастия (примеры 1, 6, 7, 10), 2% — причастие (пример 11). В примере 12 русский эквивалент *gelince* ‘придя’ опущен переводчиком, так как основную смысловую нагрузку несет его сирконстант *peronun bittiği yere* ‘на место, где кончается перрон’. Конвербиальная клауза полностью заменена на обстоятельство, выраженное существительным с предлогом ‘в конце перрона’.

- (8) *İpek gazete-nin birinci sayfa-sı-nı pur dikkat okuma-ya*
 Ипек газета-GEN первый страница-1sg-ACC внимательно читать-DAT
başla-ynca Ka ... kork-tu.
 начать-CVB Ка испугаться-PST3sg

‘Когда Ипек начала внимательно читать первую страницу газеты, Ка испугался...’

- (9) *Yemek-ten sonra*   *oda-sı-na çekil-ince*   *şah-ın kız-ı içeri*
 пир-ABL после   комната-1sg-DAT уйти-CVB   шах-GEN дочь-1sg туда
gir-ip Rüstem'e   *aşk-i-ni*   *anlat-mış.*
 войти-CVB Рустам-DAT   любовь-1sg-ACC   рассказать-PST3sg

‘После пира Рустем прошел в комнату, приготовленную для него, туда вошла дочь шаха и призналась ему в любви’.

- (10) *Umutsuzluk*   *ve intihar isteğ-i-ne*   *bir çare*   *bul-ma-yınca*
 Несчастье   и самоубийство желание-DAT   Аг выход   найти-NEG-CVB
aynı gökdelen-e   *dön-müş...*
 тот же небоскреб-DAT   вернуться-PST3sg

‘**He найдя** выхода своему желанию покончить с собой и освободиться от чувства безнадежности, он вернулся в тот же небоскреб...’

- (11) *...polis tarafından*   *hurpalan-ınca*   *aşağıdan almaya*
 полиция post   быть битым-CVB   fr ‘покорно разговаривать’
... alış-mış...
 привыкнуть-PST3sg

‘...привык покорно разговаривать с полицейскими, грубо с ним **обращавшимися**...’

- (12) *Peronun bittiği yere*   *gel-ince*   *karanlığ-ın iç-i-nde*
 туда, где заканчивается перрон   прийти-CVB   темнота-GEN нутро-3sg-LOC
delikanlıyı ileride gör-ür   *gibi ol-up*   *demiryolu boyunca*
 юношу впереди увидеть-PRS1   post стать -CVB   вдоль железной дороги
korkuyla yürü-dü.
 со страхом пойти-PST3sg

‘**В конце перрона** он, казалось, увидел юношу, впереди в темноте, и со страхом пошел вдоль железной дороги’.

Выбор финитных предикатов придаточных предложений в качестве переводных эквивалентов *-InçA* связан в первую очередь с разносубъектностью турецких предложений с конвербами [Кадырова 2017]. Русское деепричастие с собственным субъектом было бы неграмматично.

5. (Не)совпадение видовременного значения

В русском языке видовременное значение передается прежде всего лексическим способом, а именно для создания предиката выбирается глагол совершенного или несовершенного вида, а также подходящий глагол движения (ходить, идти, сходить, ехать, ездить, съездить и т.д.). В турецком языке видовременное значение может определяться аффиксами временной, причастной или конвербиальной конструкции. Формы с *-InçA*, как было сказано выше, обозначают в основ-

ном предшествующее завершенное действие. Соответственно, переводной эквивалент — это глагольная или отглагольная форма совершенного вида.

В переводе на русский язык романа «Снег» выбранное переводчиком видовременное значение совпадает в 91% случаев.

- (13) *Doğ-an çocuk* ...*yıl-lar sonra ana-sı-ndan baba-sı-nın efsanevi*
 родиться-PTCP ребенок год-PL спустя мать-1sg-ABL отец-1sg-GEN легендарный
Rüstem ol-duğ-u-nu öğren-ince de-miş ki...
 Рустем быть-FN-ACC узнать-CVB сказать-PST что
 ‘...через много лет он **узнал** от своей матери, что его отец — легендарный Рустем, и сказал так...’

Конверб *öğrenince* передает семантику непосредственного предшествования, а его эквивалент ‘узнал’ — глагол совершенного вида.

- (14) *Yüzlerce kere okuma-m-a rağmen bu hikaye-nin bura-sı-na*
 сотни раз чтение-1sg-DAT post этот рассказ-GEN это местj-3sg-DAT
gel-ince bir ürpeti-yile kalb-im atmaya başla-r.
 прийти-CVB какой-то трепет-post сердце-1sg биться начинать-PRS3sg
 ‘Хотя я читал этот рассказ сотни раз, всегда, когда **дохожу** до этого места, меня охватывает ужас’.

Конверб *gelince* передает значение непосредственного предшествования, а его эквивалент ‘когда дохожу’ — глагола несовершенного вида, что соответствует грамматическим нормам русского языка, т.к. речь идет о постоянно совершающемся действии в широкий период времени. В данном примере можно наблюдать исключительный случай несовпадения видовременного значения эквивалентов в разноструктурных языках.

6. Выражение субъекта переводного эквивалента

Собственный субъект у переводных эквивалентов конвербов на *-Inca* встречается в 63% случаев вхождения, что на 13% чаще, чем в турецком тексте. Из них 77% выражены именной группой, 10% — местоимением, 13% имеют нулевое выражение как сегментные единицы, так как конструкция при переводе претерпела трансформацию (пример 17).

- (15) *Bilekliğ-i-nden öldür-düğ-ü-nün oğl-u ol-duğ-u-nu*
 нарукавник-3sg-ABL убить-FN-3sg-GEN сын-3sg быть-FN-3sg-ACC
anla-yunca Rüstem yer-e diz çök-er,oğl-u-nun
 понять-CVB Рустем земля-DAT колено приклонять-PRS3sg сын-3sg-GEN
kanlı cesed-i-ni kucağ-ı-na al-ır ve ağla-r.
 окровавленный тело-3sg-ACC объятия-3sg-DAT брать-PRS3sg и плакать-PRS3sg
 ‘Узнав нарукавник, **Рустем понимает**, что убил своего сына, он падает на колени, обнимает окровавленное тело и плачет’.

Конверб *anlayınca* не имеет собственного материально выраженного подлежащего, но его эквивалент ‘понимает’ является финитным глаголом, предикатом с подлежащим ‘Рустем’.

(16) <i>Eski arkadaş-ı-nın</i>	<i>yak-tığ-ı kibrit-in alev-i-nde,</i>	<i>parti il</i>
старый друг-3sg-GEN	зажечь-FN-3sg спичка-GEN пламя-3sg-LOC	партия область
<i>merkez-i-nde-ki</i>	<i>hayaletimsi, eşya-lar-in eski</i>	<i>bir sehpa-nın,</i>
отделение-3sg-LOC-RCS	призрачный предмет-PL-GEN старый	один столик-GEN
<i>gaz soba-sı-nın</i>	<i>yer-i-ni gör-ünce</i>	<i>kalk-ıp</i>
газовая печь-3sg-GEN	место-3sg-ACC увидеть-CVB	встать-CVB
<i>pencere-ye git-ti,</i>	<i>yağ-an kar-ı hayranlık-la</i>	<i>seyret-ti.</i>
окно-DAT пойти-PST3sg	падать-PTCP снег с восторгом	наблюдать-PST3sg

‘В пламени спички, зажженной его старинным приятелем, **Ка** увидел призрачные силуэты предметов в областном отделении партии, старый журнальный столик, газовую печку. Он встал, подошел к окну и стал с восторгом смотреть на падающий снег’.

В русском переводе построены не одно, а два предложения. Эквивалент конверба *görünce* стал предикатом первого предложения ‘увидел’ с подлежащим ‘Ка’.

Иногда бывают и обратные случаи: собственный субъект турецкого конверба «исчезает» в переводе:

- (17) *Okuma-sı bit-ince* ... *di-ye sor-du.*
 чтение-3sg закончиться-CVB говорить-CVB спросить-CVB

‘Закончив читать, он спросил’.

Конверб *bitince* имеет субъект *okuması* ‘чтение’, но его русским эквивалентом стало деепричастие совершенного вида ‘закончив’, которое не может иметь собственный субъект. Потребовалась трансформация.

Тот факт, что в тексте на русском языке материально выраженных подлежащих оказалось на 13% больше, чем в турецком тексте-источнике, обусловлен доминированием финитных предикатов среди переводных эквивалентов форм на *-IncA*, а также использованием личных местоимений в качестве подлежащих переводных эквивалентов.

Выводы

Конвербы на *-IncA* — это подчиненные единицы предложения, выполняющие роль сирконстантов, выражающие значение предшествования и непосредственного предшествования. При этом конвербиальные клаузы с *-IncA* обладают внутренней структурой, сходной со структурой предложения: присутствуют актанты и сирконстанты, примерно в половине случаев клауза содержит собственный

субъект-подлежащее, выраженное именной группой или материально невыраженное. Во всех обработанных фразах присутствуют собственные зависимые единицы. Абсолютное большинство русских переводных эквивалентов этих конвербов — финитные глаголы совершенного вида, чуть менее трети — деепричастия совершенного вида. Выбор финитных предикатов для перевода прежде всего связан с запретом на разносубъектность для русского деепричастия.

Формы на *-InсA* одинаково характерны для письменной и устной речи. Среди функциональных стилей письменной речи *-InсA* чаще всего встречается в литературно-художественном.

Условные обозначения

ЧВ — частота встречаемости	NEG — маркер отрицания
л. аф. — личный аффикс	PL — множественное число
принадлеж.	PTCP — причастие
ACC — аккузатив	PST — прошедшее время
ABL — аблатив	PSTP — прошедшее перфективное время
DAT — датив	post — послелог
dur — дуратив	RCS — релятивный аффикс
CVB — конверб	PRS1 — настоящее время на (-)r
FN — имяобразующий маркер	1/2/3sg — личный аффикс сказуемости,
fr — фразеологизм	аффикс принадлежности ед. ч
GEN — генитив	1/2/3pl — личный аффикс сказуемости,
IN — междометие	аффикс принадлежности мн. ч
IND — индикативная частица	3sg — нулевой маркер сказуемости 3л.ед.ч.
LOC — локатив	

Литература

- Гращенков 2011 — *Гращенков П.В.* Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // Вестник ТГГПУ. 2011. №4 (26). С. 182–185.
- Евтюгина 2018 — *Евтюгина А.А.* Функциональная стилистика. РГППУ. 2018.
- Кадырова 2016 — *Кадырова О.М.* Эквиваленты турецкий деепричастий в русскоязычном тексте (по материалам корпусного исследования) // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы VIII международной тюркологической конференции 22 апреля 2016 г. Елабуга. 2016. С. 238–242.
- Кадырова 2017 — *Кадырова О.М.* Фонологическое выражение субъекта действия в турецких и русских предложениях с конвербами // Высшая школа. 2017. Том 2. Уфа: Инфинити. 2017. С. 12–17.
- Кадырова 2018 — *Кадырова О.М.* Успехи изучения тюркских языков методом исследования параллельных текстов // Вопросы тюркской филологии. XII. М: МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСАА. 2018. С. 62–72.
- Кашкин 2007 — *Кашкин В.Б.* Сопоставительная лингвистика. Воронеж. 2007.
- Кононов 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1956.

- Кузнецов — *Кузнецов П.И.* Система функциональных форм глагола в современном турецком языке. Дис. ... к.ф.н. М. 1982.
- Памук 2006 — *Памук О.* Снег / в пер. А.С. Аврутиной. СПб.: Амфора. 2006.
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Москва: иностранная литература. 1957.
- Gülsevin 2012 — *Gülsevin G.* Türkiye Türkçesinde Birleşik Zarf-fiiller. Sosyal Bilimler Dergisi. 2012. S. 125–144.
- Kahya — *Kahya H.* Karamanlıca zarf-fiil eklerinden örnekler // Selçuk Üniversitesi. 2008. Fen-Edebiyat Dergisi. 19. Konya (Türkiye). 2008.
- Pamuk 2002 — *Pamuk O.* Kar. İstanbul (Türkiye): İletişim Yayıncılık. 2002.
- Tiken 2009 — *Tiken K.* Türkiye Türkçesinde Basit ve Birleşik Zarf-fiillerin İfadesi ve İşlevleri. 2009. [Электронный ресурс]: URL: http://turkoloji.cu.edu.tr/makale_sistem/tumview.php?id=4648 (дата обращения 02.02.2016)
- Şimşek 2016 — *Şimşek Umaç Z.* -IncAzZarf-Fiil Eki ve Türkiye Türkçesi Ağızlarında Görünümü Üzerine. Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2016.
- Yıldırım 2005 — *Yıldırım F.Ç.* Türkçe'de Zaman Anlatan Ulaçların Görünüş Özellikleri // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul (Türkiye). 2005.
- Çapan 2013 — *Çapan S.A.* An Analysis Of Converb Use In Turkish-speaking Pre-school children. // Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. V. 8/3. Ankara (Türkiye). 2013. P. 101–110.
- Haspelmath 1995 — *Haspelmath M.* The Converb as a cross-linguistically valid category. // Martin Hspelmath, Ekkehard König. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds.* Berlin-New York. 1995.
- Johanson 1995 — *Johanson L.* On Turkic converb clauses. // Martin Hspelmath, Ekkehard König. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds.* Berlin-New York. 1995. P. 313–348.
- Lewis 1967 — *Lewis G.L.* Turkish grammar. Oxford. 1967.
- Slobin 1995 — *Slobin D.I.* Converbs in Turkish child language: a grammaticalization of event coherence. // Martin Haspelmath, Ekkehard König. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds.* Berlin-New York. 1995. P. 349–372.
- Weiss — *Weiss D.* Russian converb: a typological outline // Martin Haspelmath, Ekkehard König. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds.* Berlin-New York. 1995. P. 239–282.
- Yıldırım 2015 — *Yıldırım F.Ç.* Subjectivity in Complex Sentences: The Effects of Converbs to Causal Relations // Dil Eğitimi ve Araştırmaları Dergisi. 2015. P. 1–13.

Источники

TUD 'Национальный корпус турецкого языка': [сайт] <https://v3.tnc.org.tr>

О некоторых отличительных чертах в морфологии чувашского языка

Об особом положении чувашского языка в ряду тюркской языковой семьи ученым известно уже давно. Множество научных публикаций посвящено описанию его отличительных черт, относящихся к различным языковым уровням. В первую очередь тюркологов всегда интересовали фонетические особенности, которые настолько сильно изменяют звуковой облик чувашского слова, что это в целом препятствует взаимопониманию между чувашами и носителями других, так называемых «стандартных», тюркских языков. Наиболее известные звуковые явления, представляющие своеобразие чувашского языка, — это ламбдаизм и ротацизм (общетюрк. *кыш* = чув. *хёл* ‘зима’, общетюрк. *кыз* = чув. *хёр* ‘девушка’).

Данное исследование посвящено некоторым отличительным чертам морфологии чувашского языка, которым в научных работах обычно уделяют меньше внимания, по сравнению с фонетическими отличиями. Считаем, что подобный обзор актуален и способствует поиску ответов на некоторые вопросы в области теоретической грамматики тюркских языков.

Говоря об отличительных чертах в морфологии чувашского языка, необходимо понимать, что одной из причин их возникновения является влияние на его структуру других, неродственных языков, к которым относятся, прежде всего, финно-угорские (преимущественно, марийский) и славянские (русский) языки. Это влияние обусловлено длительным проживанием народов, говорящих на указанных языках, на одной территории. В случае с русским языком речь идет, в первую очередь, о многочисленных лексических заимствованиях, вошедших в чувашский язык в разные периоды его развития (напр. *кӓмпа* ‘гриб’, *кушак* ‘кошка’, *витре* ‘ведро’). Но и на уровне морфологии имеются случаи влияния русского языка. К ним можно отнести отрицательную форму вопросительных местоимений, образуемую при помощи префикса *ни*: *никам* ‘никто’, *нимён* ‘ничто’

---

¹ Лебедев Эдуард Евгеньевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; edlebed@gmail.com

[Андреев 1957: 138]. Что касается влияния финно-угорских языков, то эти случаи мы рассмотрим подробнее ниже.

Другой причиной появления различий на морфологическом уровне можно считать естественный ход развития языка, его постоянную изменчивость, что является сущностной особенностью любого живого языка. У каждого языка со временем могут появляться или же, наоборот, исчезать какие-либо грамматические формы или категории. Чувашский язык в этом отношении не является исключением и его морфологический строй тоже претерпевал определенные изменения на протяжении своего многовекового развития. К наиболее важным, на наш взгляд, морфологическим отличиям чувашского языка относятся следующие: 1) категория выделения, образуемая при помощи аффиксов *-и* и *-скер*; 2) краткая и полная форма имен числительных; 3) отрицательная препозитивная частица *ан*; 4) форма множественного числа с показателем *-сем*. Рассмотрим каждое из них подробнее.

1. Категория выделения

Формы этой категории образуются в чувашском языке посредством присоединения аффиксов *-и* либо *-скер*. Она интересна прежде всего тем, что в таком виде отсутствует в других тюркских языках. Интересно и происхождение обоих аффиксов. Аффикс *-и*, по всей вероятности, имеет тюркское происхождение — в частности, он, несомненно, родственен турецкому аффиксу *-ki* (*evdeki* ‘находящийся в доме’). Что касается аффикса *-скер*, то он представляет собой очевидное заимствование из марийского языка — слово *ўзгар* по-марийски означает ‘вещь, предмет’ [Павлов 1985: 9; Васильев 2003: 231]. Оба этих аффикса практически не отличаются друг от друга, в функциональном отношении являясь средствами субстантивации. Термин «выделение» в данном случае, на наш взгляд, не совсем удачен, так как значение выделения прослеживается у данных аффиксов лишь в определенных контекстах.

Аффиксы *-и* и *-скер* присоединяются к основам и словоформам, образованным от разных частей речи: имен существительных (*килти*, *килтискер* ‘тот, что находится дома’), местоимений (*манӑнни*, *манӑнскер* ‘тот, что принадлежит мне’), имен числительных (*вӑтӑрти* ‘тридцатилетний’), причастий (*кайни*, *кайнӑскер* ‘уход; тот, кто ушел’). Как видно из примеров, в случае с именными частями речи эти аффиксы не могут присоединяться напрямую к их основам — и присоединяются, как правило, к их падежным формам. Это вполне объяснимо, так как в значении исходной основы уже присутствует семантика субстантива. Но после присоединения к ней аффикса падежа вновь возникает потенциальная возможность для ‘вторичной’ субстантивации получившейся словоформы, которую и выполняют аффиксы выделения [Лебедев 2016: 138–140].

2. Краткая и полная формы имен числительных

Это грамматическое явление также в целом нехарактерно для языков тюркской группы. Заключается оно в том, что бо́льшая часть количественных числительных в чувашском языке могут иметь две формы: краткую и полную. Полная форма числительных образуется при помощи удлинения (геминации) согласного в инлауте основы: *пёр* — *пёрре* ‘один’, *икё* — *иккё* ‘два’, *виçё* — *виççё* ‘три’ и др. Но такие числительные как *çирём* ‘двадцать’, *вăтăр* ‘тридцать’, *хёрёх* ‘сорок’, *утмăл* ‘шестьдесят’, *çитмĕл* ‘семьдесят’ имеют только одну форму.

Так как это явление практически не встречается в «стандартных» тюркских языках, ученые пришли к выводу, что оно заимствовано из марийского языка, где числительные также могут быть полными и краткими [Serebrennikov 1964: 137]: *ик* — *икте* ‘один’, *кок* — *кокыт* ‘два’, *кум* — *кумыт* ‘три’ и др. Правда, образование полной формы, как мы видим, происходит без геминации согласного. Существует и другая точка зрения, согласно которой полная форма числительных возникла в процессе их эволюции на собственно чувашской почве. П.Я. Яковлев считает, что эта форма не что иное, как результат слияния основ числительных с древнетюркским аффиксом **ayu/äyü*, передающим собирательное значение, в результате чего и образовались инлаутные долгие согласные [Яковлев 2020: 126]. Что же касается функционально-семантического содержания этих форм, то краткая форма выступает в функции атрибутива: *икё çурт* ‘два дома’, а полная форма — в функции субстантива [Левитская 1976: 45]: *Миçе ача?* — *Иккё* ‘Сколько детей? — Двое’.

3. Отрицательная препозитивная частица *ан*

Образование отрицательной формы 2-го и 3-го лица повелительного наклонения глагола в чувашском языке совершенно отличается от «стандартного» способа, представленного в других тюркских языках. Отличается оно как с точки зрения формального показателя — частица *ан* вместо обычного аффикса глагольного отрицания *-ма/-ме* — так и с точки зрения расположения по отношению к основе глагола — препозиция вместо постпозиции: чув. *ан кай* = тат. *китмэ* ‘не уходи’.

По поводу происхождения такой необычной формы глагольного отрицания в чувашском языке имеется несколько мнений. Н.И. Ашмарин и Ю. Вихман считают частицу *ан* возможным заимствованием из удмуртского или коми-зырянского языков [Ашмарин 1898: 317; Wichmann 1903: 148]. С этим мнением также соглашался профессор В.Г. Егоров [Егоров 1964: 27]. Но среди ученых имеется и другое предположение, согласно которому эта частица имеет исконно алтайское происхождение, а пермские языки, наоборот, сами заимствовали ее от тюрков [Федотов 1980: 54]. Наконец, интересный факт можно обнаружить в известном

словаре М. Кашгарского, где похожая отрицательная частица указана в форме *anġ* [Булатов 1980: 157].

Частица *an* в чувашском языке встречается только в формах 2-го и 3-го лица повелительного наклонения: *an ил* ‘не бери’, *an илĕр* ‘не берите’, *an илтĕр* ‘пусть не берет’, *an илчĕр* ‘пусть не берут’. В остальных случаях употребляются более привычные для тюркских языков отрицательные аффиксы и частицы: *-ма/-ме*, *-мас/-мес*, *-м*, *-масĕр/-месĕр*, *çук*, *мар*.

4. Форма множественного числа с показателем *-сем*

Принято считать, что аффикс множественного числа в чувашском языке не подчиняется закону гармонии гласных и поэтому употребляется в единственном варианте: *-сем*. Однако в верховом диалекте данный аффикс все же имеет два алломорфа: *-сам/-сем* и изменяется, как и во всех остальных тюркских языках, в зависимости от ряда последнего гласного звука основы: *çуртсем* ‘дома’, но *алĕсам* ‘руки’.

В «стандартных» тюркских языках подобной формы множественного числа нет совсем. В них значение множественности передается при помощи аффикса *-лар/-лер* или его алломорфов: *-нар/-нер*, *-дар/-дер*, *-тар/-тер* и др. В связи с этим решение вопроса о происхождении такого необычного для тюркских языков аффикса приобретает особую важность. И здесь учеными также было предложено несколько версий. В соответствии с одной из них этот аффикс возводится к слову *san*, сохранившемуся в ряде тюркских языков в значении ‘большое количество’, ‘множество’ [Левитская 1976: 11]. Другая версия указывает на его связь с тюркским словом *sajin* со значением ‘каждый’, ‘еже-’ [Рясянен 1955: 69, 177]. Наконец, существует точка зрения о марийском происхождении этого аффикса. В частности, М.Р. Федотов пишет, что аффикс *-сам* (то есть алломорф, представленный в верховом диалекте) был заимствован из марийского языка, где имеется показатель множественного числа *-шамыч* [Федотов 1980: 55].

С функционально-семантической стороны форма с показателем *-сем* ничем не отличается от соответствующих форм других тюркских языков. Пожалуй, единственным отличием здесь можно назвать необычный порядок присоединения аффиксов именного словоизменения к основе. Аффикс множественного числа не предшествует аффиксу принадлежности, как в остальных тюркских языках: тур. *ev-ler-imiz*, а следует за ним: *çурт-ăмăр-сем* ‘наши дома’. И здесь также прослеживается финно-угорское (марийское) влияние.

Перечисленные выше морфологические отличия чувашского языка от других языков тюркской семьи имеют большое значение с точки зрения контрастивного исследования, проводимого с целью создания общей теории грамматики тюркских языков. Часть из указанных отличий, вероятно, имеет иноязычное происхождение, то есть представляет собой заимствованные явления. Но при этом они возникли и существуют в строгих рамках исконной тюркской структуры чуваш-

ского языка, и не только не нарушили, а наоборот, обогатили ее. Несомненно также и то, что развитие морфологического уровня чувашского языка происходило по определенным внутренним законам. Именно в результате действия этих законов и был сформирован грамматический строй современного чувашского языка, включающий в себя все рассмотренные в настоящем исследовании отличительные черты.

Литература

- Андреев 1957 — *Андреев Н.А.* Местоимение // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая: Морфология. Чебоксары: Чув. Госиздательство. 1957. С. 124–150.
- Ашмарин 1898 — *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолиитография Императорского Университета. 1898.
- Булатов 1980 — *Булатов Д.Б.* О генезисе отрицательных слов ан «не» и мар «не» в чувашском языке. // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. № 97. 1980. С. 155–157.
- Васильев 2003 — *Васильев В.М., Учаев З.В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Мар. книжное изд-во. 2003.
- Егоров 1964 — *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чув. книжное изд-во. 1964.
- Лебедев 2016 — *Лебедев Э.Е.* Формы выделения в чувашском языке как средство вторичного гипостазирования // Ашмаринские чтения. X Международная научно-практическая конференция. Чебоксары, 20–21 октября 2016 г. Сборник трудов. Чебоксары. 2016. С. 138–140.
- Левитская 1976 — *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука. 1976.
- Павлов 1985 — *Павлов И.П.* Категория выделения в современном чувашском языке. // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары. 1985. С. 3–15.
- Рясянен 1955 — *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит. 1955.
- Федотов 1980 — *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Часть 1. Чебоксары: Чув. книжное изд-во. 1980.
- Яковлев 2020 — *Яковлев П.Я.* Фонетика и фонология чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН. 2020.
- Serebrennikov 1964 — *Serebrennikov B.A.* Über Tschuwaschische Themen // Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae. 1964. S. 129–138.
- Wichmann 1903 — *Wichmann Y.* Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors: Suomalais-ugrilainen Seura. 1903.

Категория числа в турецком языке как лингводидактическая проблема

Категории числа в турецком языке посвящено достаточно большое количество специальных работ как в отечественной, так и в зарубежной тюркологии. Наиболее ранние полные сведения о функционально-семантическом использовании категории числа в тюркских языках содержатся в монографии польского ученого Т. Ковальского [Kowalski 1936] и в систематизирующем труде датского тюрколога К. Грэнбека [Gronbech 1936].

В отечественной науке изучение категории числа начинается со второй половины XX в.: она исследуется, прежде всего, в специальных разделах, содержащихся в грамматиках различных тюркских языков. Особую роль в разработке этой категории сыграл выдающийся советский тюрколог, чл.-кор. АН СССР Н.К. Дмитриев. На материале кумыкского и башкирского языков ученый рассмотрел морфологические и синтаксические способы выражения категории числа в соответствующих тюркских языках [Дмитриев 1956]. Подробнее о роли Н.К. Дмитриева в изучении категории числа в тюркских языках см. [Фаттахова 2015].

Категории числа в турецком языке посвящена статья С.А. Соколова «Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями» [Соколов 1970], а также совместная статья В.Г. Гузева и Д.М. Насилова «К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках» [Гузов, Насилов 1975].

В статье С.А. Соколова достаточно подробно рассматриваются значения, передаваемые формой имени в единственном числе (ЕЧ) и во множественном числе (МЧ), делается важное замечание о соотношении форм ЕЧ и МЧ в передаваемых ими значениях (см. ниже). С.А. Соколов также указывает на значимость лексемы *bir* для смыслового разграничения таких значений единственного числа, как: а) 'представительство вида' и б) 'обобщенное выражение вида': «Единственное число существительного, употребленное в значении 'представительства вида',

---

¹ Оганова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu); ova8@yandex.ru

сопровождается обычно неопределенным артиклем *bir*, а в значении ‘обобщенного понятия вида’ употребляется без него. Это противопоставление имеет как смысловое, так и собственно грамматическое значение. Именно здесь и находит, в частности, свое проявление функциональная связь, существующая между категорией числа, с одной стороны, и категорией определенности-неопределенности — с другой» [Соколов 1970: 75].

Это замечание тем более важно, что в нём С.А. Соколов делает выход к довольно актуальной проблеме, а именно взаимосвязи между категорией определенности-неопределенности, с одной стороны, и категорией числа, с другой, однако далее эту тему ученый не развивает.

В последующих исследованиях по категории числа, насколько нам удалось выяснить, этот вопрос также не получил освещения.

В [Гузев, Насилов 1975: 45] указывается: «Категория множественности — одна из словоизменительных категорий, ярко демонстрирующих своеобразие суффиксальных агглютинативных языков. В отличие от флективных языков агглютинативное слово — имя существительное в речи, не снабженное количественными показателями (в частности, показателем множественности *-lar*), не является в них словоформой единственного числа и, будучи лишенным и функционального нуля (значимого отсутствия), не представляет никакого количественного значения».

Там же исследователи делают следующий вывод: «Лишенное показателя множественности существительное (слово) в речи индифферентно к количеству называемых предметов» [Гузев, Насилов 1975: 45], а также не лишенный, на наш взгляд, оснований вывод о том, что: «Наиболее корректным выводом был бы, по-видимому, следующий: форма без *-lar* вообще индифферентна к количеству передаваемых существительным предметов и едва ли является одной из форм к а т е г о р и и ч и с л а » [там же]. Новым ракурсом исследования по отношению к предшествующим работам, посвященным категории числа в ТЯ, является достаточно хорошо проработанный вопрос о сочетании имени с показателем *-lar* с лексемой *bir*.

С этих же позиций категория числа рассматривается позднее и в «Теоретической грамматике турецкого языка» В.Г. Гузева [Гузев 2015].

Соответствующие разделы содержатся и в других отечественных грамматиках турецкого языка.

В наиболее ранней по времени выхода грамматике А.Н. Кононова делается важное замечание: «Формальное выражение категории числа в турецком языке имеет значительно меньшее распространение, чем, например, в русском. Это обстоятельство объясняется тем, что турецкое единственное число содержит наряду с выражением ‘единичности’ также нерасчлененное коллективное множественное: так, например, слово *kuş* может значить: 1) ‘птица’, 2) ‘птицы’, т.е. индивидуальное представление и род в его целом» [Кононов 1941: 40].

В этой работе А.Н. Кононов рассматривает как языковые ситуации, когда МЧ не получает формального выражения, так и, наоборот, случаи, когда имя оформляется показателем МЧ, а также анализирует некоторые передаваемые им значения.

В «Практической грамматике турецкого языка» Ю.В. Щеки приводятся способы образования МЧ и передаваемые им стандартные значения [Щека 2007: 90–94].

В популярной англоязычной грамматике Дж. Льюиса МЧ подробно рассматривается с точки зрения образования, приводятся некоторые частные случаи употребления МЧ (типа *kirk haramiler* ‘сорок разбойников’) и др. [Lewis 2001: 25–28].

В числе прочего Дж. Льюис исследует интересные особенности, связанные с образованием МЧ, не попавшими в поле зрения других ученых. Так, английский лингвист указывает случаи образования МЧ от формы арабского «ломаного», или «разбитого» МЧ²: *tüccar* (арабское ломаное МЧ от слова *tajir*) — *tüccarlar* ‘торговцы’; *eşya* (арабское ломаное МЧ от слова *şay*) — *eşyalar* ‘вещи’, и др.

Также ученый приводит несколько примеров слов из греческого языка (*domates* ‘помидоры’, *мн.ч.*, *patates* ‘картофель’, *мн.ч.*), которые, будучи заимствованными из греческого языка в форме МЧ, употребляются в турецком языке как в форме ЕЧ (*domates*, *patates*), так и в форме МЧ (*domatesler*, *patatesler*).

В фундаментальной грамматике турецкого лингвиста З. Кокмаз [Korkmaz 2007: 257–259] также рассматриваются способы образования МЧ, место расположения аффикса МЧ и указываются основные стандартные значения, передаваемые формой МЧ.

Дискуссии относительно категории числа в тюркских языках продолжаются по сей день. Р.Ф. Фаттахова в своей статье «Вопрос о грамматической категории числа в тюркологии и вклад Н.К. Дмитриева в ее изучение» справедливо указывает: «Спорными являются различные интерпретации абсолютной формы имени существительного и вопрос о том, имеет ли аффикс *-lar*, присоединяемый к конкретным именам, лишь одно значение — обозначает формально неуточненное множество или же два значения, противопоставленные двум значениям, так называемой формы единственного числа. До сих пор не установлена грамматическая сущность показателей собирательной множественности в древнетюркских языках, следы которых обнаруживаются и в современных языках. Спорным, в конечном счете, остается вопрос о наличии категории числа в тюркских языках» [Фаттахова 2015: 197].

В многочисленных отечественных учебниках по турецкому языку объяснение категории числа зачастую сводится к указанию на необходимость постановки соответствующего аффикса *-lar* (например, в учебнике Ю.В. Щеки [Щека 2008: 35–36] и др.), значения, передаваемые формами ЕЧ и МЧ, не указываются.

Исключение представляет учебник турецкого языка А.В. Штанова [Штанов 2010], в котором, помимо указания на образование МЧ и основных передаваемых им значений, ученый выделяет более мелкие значения и выявляет случаи, когда при упоминании предметов в количестве большем, чем один, используется фор-

² Об арабском ломаном, или разбитом, множественном числе см., напр. [Лебедев, Бочкарев 2014: 94].

ма ЕЧ. Так, например, А.В. Штанов отмечает такое значение формы ЕЧ имени, как «отрицание всей группы референтов», и делает справедливое замечание: «Во фразе “В комнате столов нет” указывается на отсутствие столов вообще как группы референтов, а не каждого или какого-либо стола в отдельности, поэтому в данном случае в ТЯ актуальной будет категория нечленимое множество, т.е. имя аффиксом множественного числа оформляться не будет: *Bu odada masa yok*» [Штанов 2010: 195].

Также в п. 3.1.11. «Категория “неисчисляемые имена”, “имена с абстрактным понятием” и множественное число в ТЯ» А.В. Штанов делает важное замечание: «Благодаря категории “членимое — нечленимое множество” можно утверждать, что в ТЯ в отличие от РЯ все имена существительные могут изменяться по числам: *Limon bir meyvedir*. — Лимон — это фрукт. / *Bu meyve çürüktür*. — Эти фрукты гнилые. / *Bu meyve çürük, şu meyve çürük, o meyve çürük. Ah şu çürük meyveler*. — Эти фрукты гнилые, вот эти фрукты гнилые, те фрукты гнилые. Ох уж эти гнилые фрукты» [Штанов 2010: 195].

Однако и в этом достаточно подробном освещении категории числа в ТЯ указаны далеко не все его особенности, определяющие выбор между формой ЕЧ и формой МЧ.

Таким образом, основной проблемой как теоретических, так и учебно-методических материалов, посвященных категории числа в турецком языке, является то, что в имеющихся учебниках и грамматиках турецкого языка содержатся указания о том, какие значения передает форма МЧ существительного, в ряде исследований есть указания на то, что форма ЕЧ может передавать не только единичность, но и собирательную множественность [Щека 2007: 90 и др.], но нигде системно не рассматривается вопрос о конкретных реализациях форм ЕЧ и МЧ и особенностях выбора между ними.

Многолетняя преподавательская практика показывает, что одним из камней преткновения у студентов, изучающих турецкий язык, является именно выбор формы ЕЧ/МЧ вследствие того, что категория числа регулируется в русском языке и в турецком языке при помощи совершенно разных механизмов. Это расхождение наглядно можно проиллюстрировать, например, следующим предложением и его переводом на русский язык: *Dondurulmuş limonun şaşırtıcı faydaları var* ‘Есть удивительная польза от замороженных лимонов’ (пример из интернета). Как видим, в турецком примере, слово *limon* ‘лимон’ употребляется в ЕЧ (по-русски переводится словом во МЧ), а *fayda* ‘польза’ употребляется во МЧ — *faydalar* (по-русски переводится словом в ЕЧ).

Таким образом, актуальность, научная новизна, а также практическая значимость предпринятого исследования обуславливается тем, что в нём впервые комплексно рассматривается и структурируется категория числа в турецком языке с пяти позиций: 1) особенности образования (применительно к форме МЧ, т.к. форма ЕЧ не имеет формального выражения); 2) семантические особенности категории числа с акцентом на случаи, когда форма без показателя *-lar* передает значение множественности, а форма с показателем *-lar* передает значение еди-

ничности; 3) взаимосвязь категории числа и категории определенности/неопределенности; 4) взаимосвязь категории числа и синтаксической позиции имени в предложении (вопрос, который вообще не затрагивался в предшествующих работах); 5) согласование подлежащего и сказуемого (именного и глагольного) в числе.

I. Особенности образования формы МЧ

1. Аффикс МЧ (*-lar*) может присоединяться к существительным (*araba — arabalar* ‘машина — машины’), личным местоимениям (*siz — sizler* ‘вы — вы’ /для выражения экспрессивных оттенков/), вопросительным местоимениям (*kim — kimler* ‘кто /ед.ч./ — кто /мн.ч./’), неопределенным местоимениям (*kimse — kimseler* ‘кто-то’), прилагательным (*büyük — büyükler* ‘большой — великие, взрослые’) и послелогу *gibi* в субстантивированной форме (*onun gibisi — onun gibileri* ‘подобный ему — подобные ему’).

Важно отметить, что прилагательные при присоединении аффикса МЧ субстантивируются, так, приведенное выше слово *büyükler* имеет значение ‘взрослые, великие’: *Büyükler bile hata yapar* ‘Даже великие делают ошибки’.

Другим нюансом, о котором не упоминалось в предыдущих работах, является вопрос о сочетаемости аффикса МЧ с глагольными именами на *-mA-* и *-Dik-*. Так, аффикс МЧ может употребляться с глагольным именем на *-Dik-* (в функции подлежащего, дополнения и сказуемого, а также в составе двухаффиксного изафета): *Söylediklerin bana mantıklı gelmiyor* ‘То, что ты сказал, не кажется мне логичным’; *Söylediklerini anlamadım* ‘Я не понял, что ты сказал’; *Söylediklerinin anlamı yok* ‘В том, что ты сказал, нет никакого смысла’. Аффикс МЧ не может употребляться с глагольным именем на *-mA-*: *Senin bana yalan söylemenden korkuyorum* ‘Я боюсь, что ты мне говоришь неправду’; *söylemelerinden — ошибочный вариант употребления.

Сказанное не распространяется на отглагольные имена на *-mA*³ типа *görüşme* ‘переговоры’, *anlaşma* ‘соглашение’, которые могут употребляться во множественном числе: *görüşmeler* ‘переговоры’, *anlaşmalar* ‘договоры’.

Аффикс МЧ может употребляться с причастиями на *-An-* и *-AcAk-*: *Burada yazılanları anlamıyorum* ‘Я не понимаю, что здесь написано’; *Bu yaz harcancakları hesaplamak mümkün değil* ‘Невозможно посчитать, сколько будет потрачено этим летом’.

2. При присоединении к ряду заимствованных слов (прежде всего, арабского происхождения, а также французского происхождения, заканчивающихся на букву *l*) наблюдается принцип нарушения сингармонизма гласных: *saat — saatler*

³ Мы разграничиваем понятия «отглагольное имя» (способ деривации, например, *açıklama* ‘заявление’, *sorgulama* ‘расследование’) и «глагольное имя» (морфологическая категория, например, *Ali'nin gelmesi* ‘приход Али’).

‘час/часы (ед.ч.) — часы (мн.ч.)’, *kalp* — *kalpler* ‘сердце — сердца’, *rol* — *roller* ‘роль — роли’.

Заемствованные из греческого языка в форме МЧ слова *domates* ‘помидоры’, *patates* ‘картофель’ употребляются в турецком языке как в форме ЕЧ (*domates*, *patates*), так и в форме МЧ (*domatesler*, *patatesler*).

Другая группа заимствований представляет собой слова арабского происхождения, вошедшие в турецкий язык в форме так называемого арабского «ломаного», или «разбитого», множественного числа. На эту особенность обращал внимание в своей грамматике Дж. Льюис (см. выше), а также в своей статье С.А. Соколов: «Целый ряд слов, заимствованных из арабского языка в форме множественного числа, имеет в турецком языке значение как единственного, так и множественного числа. Таковы, например, следующие слова, заимствованные из арабского языка в форме “ломаного множественного числа”: *fukara-fikara* множ. от *fakir* “бедняк, бедняки”. Употребительно также “дважды” множ. число: *fukaralar-fikaralar*; *ahbap* (-b) множ. от *habib* “друг, друзья”. Употребительно также “дважды” множ. число *ahbaplar*; *eşya* множ. от *şey* “вещи”. Употребительно также “дважды” множ. число *esyalar*; *akraba* множ. от *karib* “родственник, родственники” <...>. Но такая сингуляризация, связанная с процессом заимствования, не носит, естественно, грамматического характера в системе самого турецкого языка, оставаясь явлением лексического порядка, да и то в ограниченной сфере заимствованных арабских слов» [Соколов 1970: 81].

II. Семантические особенности категории числа

Еще в 1956 г. Н.К. Дмитриев указывал: «Синтаксическое употребление множественного числа и его семантика подчиняются особым нормам, которые отличаются от норм русского и других индоевропейских языков» [Дмитриев 1956: 65].

Одной из проблем для русскоязычных студентов, изучающих турецкий язык, является то, что в русском языке есть строгие ограничения на употребление ЕЧ и МЧ (большое количество слов, употребляющихся только в форме ЕЧ /информация, полиция, молодость, золото, бензин и др./ или только в форме МЧ /очки, брюки, сутки, деньги и др./), в то время как в турецком языке любое имя существительное может иметь как форму ЕЧ, так и форму МЧ.

Так, любое из приведенных выше слов русского языка в турецком языке может иметь обе указанные формы: *bilgi* — *bilgiler* ‘информация’, *polis* — *polisler* ‘полиция’, *gözlük* — *gözlükler* ‘очки’, *para* — *paralar* ‘деньги’ и т.д.

Частным случаем этого правила является то, что аффикс МЧ в турецком языке может присоединяться как к исчисляемым, так и к неисчисляемым существительным: *kömürler* ‘уголь’, *sular* ‘вода’, *elektrikler* ‘электричество’, *havalalar* ‘погода’ и т.д.

1. Значения, передаваемые именем без аффикса *-lar*:

1) «Один» (для исчисляемых существительных). Часто в этом значении имя употребляется с лексемой *bir*, которая может передавать как значение количественного числительного «один», так и значение, близкое к значению, передаваемому неопределенным артиклем в западных языках ‘некий, какой-то’: *Kitap güzel miydi?* ‘Книга была хорошей?’. *Dün bir kitap okudum* ‘Вчера я читал одну книгу’.

2) «Некоторый объем вещества» (для неисчисляемых существительных): *Dün marketten süt aldım* ‘Вчера я в магазине купил молоко (некоторый объем молока)’.

3) «Больше, чем один» — так называемое **собирательное, обобщающее значение** (по С.А. Соколову, «собирательная, недифференцированная множественность» [Соколов 1975: 75]): *Ben çorba sevmiyorum* ‘Я не люблю суп/супы’. *Ben her gün kitap okuyorum* ‘Я каждый день читаю книги’. *Çarşıdan elma aldım* ‘Я купил на рынке яблоки’. Следует обратить внимание, что значение собирательной множественности имя чаще всего передает в позиции дополнения (см. п. IV).

Для понимания этого значения принципиально важным является наблюдение, сделанное в работе В.Г. Гузева и Д.М. Насилова: «...из способности существительного без показателя *-lar* обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, следует сделать вывод, что оно само по себе “не выражает ни единичности, ни множественности”⁴, т.е. не несет никакой информации о количестве обозначаемых предметов. Так, из турецкого предложения, взятого вне контекста, — *Dün bizde misafir vardı* ‘У нас вчера был гость (или: были гости)’ — слушающий не может заключить, идет ли речь об одном госте или о некоем множестве гостей⁵» [Гузев, Насилов 1975: 103].

Обобщающее значение может также передаваться сочетанием имен, связанных по принципу одноаффиксного изафета: *Ben korku filmi severim* ‘Я люблю фильмы ужасов’ (пример информанта⁶). *Ben domates çorbası sevmem* ‘Я не люблю томатный суп/томатные супы’ (пример информанта).

Исключением из этого правила чаще всего являются устойчивые словосочетания: *AB liderler zirvesi* ‘саммит глав Евросоюза’, *yöneticiler kurulu* ‘совет директоров’, *Mali İşler Komitesi* ‘Комитет по финансовым вопросам’ и др., а также образования типа *ressamlar cemiyeti* ‘общество художников’. Как указывают В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, в этом примере «форма множественности, по-видимому, может рассматриваться как средство обозначения класса предметов “в сово-

⁴ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. С. 33; ср.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. 1938. С. 139.

⁵ См. аналогичные примеры: Соколов С.А. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями // Советская тюркология. 1970. № 4. С. 74–75; Любимов К.М. Указ. соч. С. 81–82.

⁶ При написании данной статьи привлекались три информанта-носителя турецкого языка в возрасте 20–50 лет, имеющих высшее образование.

купности его элементов»⁷», А.В. Штанов такое явление называет «членимым множеством в пределах нечленимого референта» [Штанов 2010: 198].

Если вторым компонентом одноаффиксного изафета является имя с показателем МЧ, то первый компонент при передаче значения «больше, чем один» употребляется, как правило, без показателя МЧ: *Bu sitede uçak bileti fiyatlarını karşılaştırabilirsiniz* 'На этом сайте вы можете сравнить цены на авиабилеты'. *Yazlık elbise modellerine hazır mısınız?* 'Вы готовы к новым моделям летних платьев?'

В ряде случаев при передаче обобщающего значения показатель МЧ может употребляться как инвариант: *Ben timsahlardan korkuyorum // Ben timsahtan korkuyorum* 'Я боюсь крокодилов' (примеры информантов). Однако по утверждению опрошенных информантов, предпочтительнее в таких случаях использовать форму ЕЧ, особенно если в предложении используется настоящее-будущее время на *-Ar* (подробнее см. [Оганова 2020]), которое «усиливает» обобщение: *Ben timsahtan korkarım* 'Я боюсь крокодилов'.

Приведенный пример значим еще с одной точки зрения. Он демонстрирует, что для того, чтобы имя существительное передавало обобщающее значение, оно не обязательно должно занимать позицию прямого дополнения (однако именно в позиции прямого дополнения обобщающее значение передается именем без показателя *-lar* чаще всего), оно также может быть и косвенным дополнением: *Çocuğa bakar anne* 'Мама заботится о ребенке/детях' (пример из песни). *Ben kanuna güveniyorum* 'Я верю в закон/законы' (пример информанта). *Türk askerine sesleniyorum* 'Я обращаюсь к турецкому солдату/воину / турецким солдатам/воинам' (пример информанта).

4) Значение «больше, чем один» формой имени без аффикса *-lar* также передается в следующих случаях:

А) После количественных числительных: *iki bardak* 'два стакана', *üç kalem* 'три ручки', *beş insan* 'пять человек'.

Здесь нужно обратить особое внимание на случай, когда аффикс МЧ *-lar* входит в состав аффикса притяжательности 3 л. мн.ч. (*-larI*), в этом случае он передает не множественность, а притяжательность: *Onların iki çocukları* (также возможно: *çocuğu*) *var*. 'У них два ребенка'.

Исключением из данного правила является описанная многими учеными (Дж. Льюис, Ю.В. Щека, А.В. Штанов и др.) ситуация, когда каждый из «считаемых» объектов значим сам по себе; чаще всего это происходит в названиях литературных произведений, в географических названиях и т.п.: *Üç Silahşörler* 'Три мушкетера', *Pamuk Prenses ve Yedi Cüceler* 'Белоснежка и семь гномов', *Ali Baba ve Kirk Haramiler* 'Али Баба и 40 разбойников'.

Однако из этого исключения тоже есть исключения: *Kirk Vezir Hikayeleri* 'Сказки 40 везиров', *Üç Kızkardeş* 'Три сестры'.

⁷ Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. 1972. С. 31.

Б) После неопределенно-количественных числительных и вопросительного числительного *kaç* ‘сколько’: *çok ağaç* ‘много деревьев’, *birçok insan* ‘достаточно много людей’, *çoğu insan* ‘большинство людей’ (но: *insanların çoğu* ‘большинство людей’), *birkaç saat* ‘несколько часов’, *az iş* ‘мало работы’, *biraz un* ‘немного муки’, *çok fazla değişiklik* ‘слишком много изменений’, *kaç kişi* ‘сколько людей’.

В) После усилительной частицы *hiçbir* ‘никакой’ (в сочетании с отрицательной формой сказуемого), обобщающего местоимения *her* ‘каждый’ и разделительного местоимения *herhangi bir* ‘любой, всякий, никакой’ (последнее значение — в сочетании с отрицательной формой сказуемого): *Hiçbir anne buna katlanamaz* ‘Никакая мать не может с этим смириться’. *Her çocuk bunu anlayabilir* ‘Каждый ребенок может это понять’. *Bu odada herhangi bir ayna yok* ‘В этой комнате никаких зеркал/никакого зеркала нет’.

Здесь следует подчеркнуть, что после лексемы *bir* возможно употребление имени с аффиксом *-lAr* для передачи дополнительных (прежде всего, экспрессивных) значений: *Burada bir şeyler yazıyor ama anlamıyorum* ‘Здесь что-то написано, но я не понимаю что’ (пример информанта).

Г) После нумеративов (счетных слов) и примыкающим к ним по значению словосочетаниям *bir dizi/bir sürü/bir takım* ‘ряд’, *bir yığın* ‘куча, гора’ и т.п.: *İki şişe su alabilir miyim?* ‘Могу ли я купить две бутылки воды?’ *Kutunun içinde bir yığın yeni elbise bulduk* ‘В коробке мы нашли целую кипу новой одежды’. *Hükümet bir dizi reform yaptı* ‘Правительство провело ряд реформ’.

Д) Если имя занимает позицию определения и употребляется с аффиксом *-ll:* *orman meyveleri* ‘лесные ягоды’, но *orman meyveli yoğurt* ‘йогурт с лесными ягодами’.

2. Значения, передаваемые именем с аффиксом *-lAr*:

1) «Больше, чем один»: *Masada defterler ve kitaplar duruyor* ‘На столе лежат тетради и книги’ (пример информанта). *Resimlerimi gördün mü?* ‘Видел ли ты мои рисунки?’ *Vakar mısın?* *Çocuklar evde mi?* ‘Ты не согласишься? Дети дома?’

Все последующие значения, передаваемые формой с аффиксом *-lAr*, целесообразно предварить крайне важным замечанием С.А. Соколова: «Если единственное число в турецком языке объективно может выражать собирательную, недифференцированную множественность, то и множественное число отнюдь не представляет собой неподвижную категорию и не замыкается в рамках выражения собственно множественности. Форма единственного числа существительного без неопределенного артикля объективно может иметь также значение множественности. Форма множественного числа, обычно служащая для выражения множественности в собственном смысле этого слова, в ряде случаев объективно выражает единичность. Но если в первом случае речь идет о коренном, глубоко проникающем свойстве, то во втором — об особом, образном, метафорическом, эмфатическом использовании формы множественного числа» [Соколов 1975: 75].

2) Обозначение сортов, видов, разновидностей, пород и пр.: *Beyaz şaraplardan ne var?* ‘Что [у вас] есть из белых вин?’ *Türkiye'nin en iyi üzüm^{leri} Elazığ ve Diyarbakır yöresinde yetişiyor* ‘Самые лучшие сорта винограда в Турции выращиваются в окрестностях Элагиза и Диярбакыра’. *Berna Hanım kursta bilezikler ve küpeler örüyor* ‘Госпожа Берна плетет на курсах [различные] браслеты и серьги’.

3) Обозначение группы людей, выступающих «под одним именем/фамилией», являющихся родственниками, друзьями, партнерами и пр.: *Ablanlar geldi mi?* ‘Твоя сестра с семейством приехала?’⁸. *Murat beyler ne zaman gelecek?* ‘Когда придет господин Мурат и его семья/коллеги (в зависимости от контекста)?’ *Hakanlar tatilden döndü mü?* ‘Хакан с семьей вернулся из отпуска?’

4) Эмоциональное выделение, экспрессия: *Neler gördük, neler!* ‘Чего мы только ни видели!’. *Bu ülkede kanlar dökülüyor* ‘В этой стране проливаются реки крови’. *Neler oluyor burada?* ‘Да что же здесь происходит-то?’

5) Выражение почтительности, вежливости, для подчеркивания высокого социального статуса (по терминологии А.В. Штанова, «для усиления “почтительно-уважительного” компонента содержания» [Штанов 2010: 196]): *Sizleri aramızda görmekten mutluluk duyuyoruz* ‘Мы будем рады видеть Вас среди нас’. *Merhabalar!* ‘Здравствуйте!’ (в отличие от стилистически нейтрального *Merhaba*), *Günaydınlar!* ‘Доброе утро!’ (в отличие от стилистически нейтрального *Günaydın*).

Здесь следует обратить внимание на то, что для усиления почтительности, вежливости аффикс *-lar* может присоединяться к глагольному сказуемому (подробнее см. п. V): *Sayın Büyükelçi aradılar mı?* ‘Уважаемый господин посол уже звонил?’

6) В большом ряде фразеологизмов и устойчивых выражений: *Seni dünyalar kadar seviyorum* ‘Я тебя очень сильно люблю /букв. как миры’. *Dünyalar benim olacak* ‘Я буду на седьмом небе от счастья’. *Denizler kadar gözyaşı döktüm* ‘Я пролил море слез’. *Onun yerinde yeller esiyor* ‘Его давно уже и след простыл /букв. на его месте дуют ветра’.

Сюда же относится большое количество коммуникативных клише: *İyi günler!* ‘Добрый день!’, *İyi dersler!* ‘Хороших занятий!’, *İyi seyirler!* ‘Приятного просмотра!’, *İyi tatiller!* ‘Хорошего отдыха!’

7) Уподобление: *Daha nice Fatihler yetiştireceğiz* ‘Сколько еще Фатихов (имеется в виду султан Мехмет Фатих-завоеватель — Е.О.) мы еще взрастим’.

8) В парных конструкциях, представляющих собой одноаффиксный изафет, первым компонентом которого является имя с аффиксом *-lar*, вторым — без

⁸ Здесь также следует обратить внимание на то, что при таком значении показатель *-lar*, вопреки общему правилу, располагается не до, а после аффикса притяжательности (*abla-n-lar*, а не *abla-lar-in*) — это еще раз свидетельствует о том, что данное значение не передает множественность в чистом виде, а несет дополнительные значения.

аффикса *-lAr*, и используемых для усиления значения: *Yıllar yılı seni bekliyorum* ‘Я жду тебя из года в год/уже долгие годы’. *Aslanlar aslanı şehit düşmüş* ‘Какие люди погибли за веру — настоящие львы’.

9) Для передачи приблизительного временного (темпорального) или пространственного (локативного) значения (по терминологии А.В. Штанова, «узкий/широкий/ темпоратив /локатив/» [Штанов 2010: 197]): *Yarın seni aynı saatlerde bekliyorum* ‘Завтра я жду тебя приблизительно в это же время (с точностью до нескольких часов)’. *Bu kadın 40 yaşlarında olsa gerek* ‘Этой женщине должно быть около 40 лет’. *Buraları beğendin mi?* ‘Тебе понравились здешние края?’

10) Для передачи «укрупненно-приблизительного подсчета» (термин А.Н. Кононова [Кононов 1941: 40]) с последующим аффиксом *-ca*: *binlerce* ‘тысячами’, *haftalarca* ‘целыми неделями, многие недели’.

11) Для передачи значения «регулярности» (термин А.Н. Кононова [там же]) с последующим аффиксом притяжательности 3 л. ед. ч.: *sabahları* ‘по утрам’, *aşamları* ‘по вечерам’.

Подчеркнем, что все значения, передаваемые именем с аффиксом *-lAr*, «разбросаны» по многочисленным научным и учебно-методическим работам, причем нами не было выявлено ни одной, где бы все эти значения были систематизированы.

III. Взаимосвязь категории числа и категории определенности/неопределенности

Не углубляясь специально в вопрос о категории определенности/неопределенности в турецком/тюркских языках, чему можно было бы посвятить целую диссертацию, остановимся лишь на том аспекте, который непосредственно связан с категорией числа.

Имя с показателем *-lAr* часто, но не всегда указывает на определенность объекта, что ведет к необходимости оформления его аффиксом винительного падежа *-I*: *Çiçek beğenmiyorum* ‘Я не люблю цветы (вообще цветы, любые цветы, какие бы то ни было цветы)’ (пример информанта). *Çiçekleri beğenmedim* ‘Цветы (конкретные цветы) мне не понравились’ (пример информанта). *Her gün çiçek sulamak çok zor* ‘Каждый день поливать цветы (вообще цветы, любые цветы, какие бы то ни было цветы) очень сложно’ (пример информанта). *Çiçekleri suladın mı?* ‘Ты полил цветы?’ (пример информанта).

Такая закономерность объясняется тем, что аффикс *-lAr*, как правило, «снимает» значение собирательности и передает значение дифференцированности, конкретности, которое поддерживается показателем аккузатива.

Однако эту частотно проявляющуюся закономерность (т.е. постановку аффикса аккузатива после аффикса *-lAr*) не стоит абсолютизировать и возводить в правило: нередки случаи, когда форма МЧ не передает значения определенности.

Например: *Orhan her zaman yapıcı fikirler teklif ediyor* ‘Охран всегда предлагает конструктивные идеи’ (пример информанта). *Dün önemli görüşmeler yaptık* ‘Вчера мы провели важные переговоры’ (пример информанта). *Bu yenilgiden dersler çıkardık* ‘Мы вынесли уроки из этого поражения’ (пример информанта). В приведенных примерах при помощи аффикса *-lar* значение собирательности не «снимается», в данных примерах он служит для подчеркивания разнообразия объектов (разные по форме, виду, характеру и пр.).

Таким образом, неправомерно утверждать, что показатель *-lar* «автоматически» указывает на определенность объекта (и, следовательно, диктует необходимость постановки показателя винительного падежа).

В то же время наблюдается непосредственная корреляция между оформлением имени показателем *-lar* и показателем аккузатива *-ı* в том случае, если имя является дополнением и занимает дистантное положение по отношению к глаголу-сказуемому (см. п. IV).

IV. Взаимосвязь категории числа и синтаксической позиции имени в предложении

Сразу оговоримся, что в этом разделе мы будем рассматривать взаимосвязь категории числа и синтаксической позиции имени с двух точек зрения: каким членом предложения является имя; если имя является дополнением, то какое положение относительно глагола-сказуемого (контактное или дистантное) оно занимает.

Проблема оформления/неоформления имени аффиксом *-lar* стоит в тех случаях, когда имя в предложении является подлежащим и дополнением (прямым или косвенным).

1. Имя является подлежащим:

Если имя в предложении является подлежащим, то в случае его неоформления аффиксом *-lar* оно, как правило, не может передавать значение собирательной множественности: *Çorba güzeldi* ‘Суп был вкусным’. *Çorbalar güzeldi* ‘Супы были вкусными’. *Bilezik kayıp* ‘Браслет потерялся’. *Bilezikler kayıp* ‘Браслеты потерялись’. Приведенный В.Г. Гузевым и Д.М. Насиловым пример про гостя/гостей *Dün bizde misafir vardı* ‘У нас вчера был гость (или: были гости)’ (см. выше) не показатель, т.к. само по себе слово *misafir* имеет собирательное значение.

Исключением являются ситуации, когда имя существительное обозначает класс объектов целиком: *Kedi mi köpek mi daha akıllıdır?* ‘Кто умнее: кошки или собаки?’ (пример информанта) — здесь обобщающее значение подчеркивается наличием аффикса утвердительной модальности *-Dir*. *Kedi mi köpek mi daha akıllı?* ‘Кто умнее: кошки или собаки? / Кто умнее: эта конкретная кошка или эта конкретная собака?’ (пример информанта) — в таком употреблении (т.е. без аффикса утвердительной модальности *-Dir*) помимо обобщения речь может идти также и о конкретной кошке и собаке.

Рассмотрим еще одну пару примеров. *Limon sulu mu?* ‘Лимон (этот конкретный) сочный?’ / ‘Лимон (как вид фруктов) — это сочный фрукт?’. *Limonlar sulu mu?* ‘Лимоны (эти конкретные) сочные?’ / ‘Лимоны (как вид фруктов) — это сочный фрукт?’

Следует выделить случаи, когда имя является субъектом при сказуемом, выраженным предикативным именем *yok* ‘нет, не имеется’: если указывается отсутствие группы референтов вообще, а не каких-то конкретных, то аффикс *-Ar* не ставится. На эту особенность указывает в своем учебнике А.В. Штанов (см. выше). В то же время если речь идет о каких-то конкретных предметах (например, мы ищем столы, которые перенесли из одной аудитории в другую), то аффикс *-Ar* будет ставиться, т.к. «столы» будут представлять собой членимое множество конкретных предметов: *Bu odada masalar yok* ‘В этой комнате столов (которые нам нужны) нет’.

2. Имя является дополнением:

2.1. Имя является дополнением и занимает контактное положение:

Значение собирательной множественности передается формой без показателя *-Ar*, если имя является дополнением и занимает контактное положение: *Ben her akşam film seyredirim* ‘Я каждый вечер смотрю фильмы’. *Her gün kitap okuyor musun?* ‘Ты каждый день читаешь книги?’

Частным случаем является ситуация, когда имя в позиции прямого дополнения представляет с собой «единое целое» с глаголом, на что указывал в своей статье С.А. Соколов: «В других случаях существительные единственного числа в значении “обобщенно-собирательного понятия вида” в позиции прямого дополнения стремятся как бы слиться в один комплекс с глаголом, превратившись во “внутренний объект”. В подобных случаях возникают такие полусвободные словосочетания, как: *söz söylemek* ‘говорить, произносить речь’; *şarkı söylemek* ‘петь песни’; *yazı yazmak* ‘писать (статью или вообще какое-либо сочинение)’; *yemek yemek* ‘есть, кушать’; *ders vermek* «дать урок, научить»; *cevap vermek* ‘дать ответ, ответить’» [Соколов 1970: 74].

Если возникает необходимость подчеркнуть единичность объекта (в случае если объект является исчисляемым существительным) при дополнении, занимающем контактную позицию, возможно использование лексемы *bir* (см. п. I): *Dün bir kitap okudum* ‘Вчера я читал одну (некую) книгу’ (пример информанта). Ср. *Dün bütün gün kitap okudum* ‘Вчера я целый день читал книги’ (пример информанта).

Если имя не передает значение собирательной множественности, то оно в контактном положении употребляется с аффиксом *-Ar*: *Elmaları beğendin mi?* ‘Тебе понравились (эти конкретные) яблоки?’ (пример информанта).

2.2. Имя является дополнением и занимает дистантное положение:

Если имя в позиции прямого дополнения занимает дистантное положение, то для передачи значения множественности оно обязательно должно быть оформлено аффиксом *-Ar*, а также показателем аккузатива *-I*: *Ben filmleri her akşam*

seyrederim ‘Я смотрю фильмы каждый вечер’. *Kitapları her gün okumuyorum* ‘Я не читаю книги каждый день’.

Таким образом, дистантное положение прямого объекта, передающего значение собирательной множественности, диктует необходимость постановки как аффикса *-lar*, так и аффикса аккузатива *-I*.

Этим отчасти объясняется и факт частотной встречаемости аффиксов в паре *-lar + -I* (см. п. III), однако подчеркнем, что в дистантной позиции показатель аккузатива *-I* может служить не только для выражения определенности объекта, но также выполнять синтаксическую функцию, связывая глагол-сказуемое с объектом в дистантном положении (подробнее об этом см. [Юхансон 1987]).

Если в предложениях такого типа поставить дополнение в дистантной позиции без аффикса *-lar*, то значение собирательности уйдет, т.е. мы будем говорить об объекте в ЕЧ (при этом показатель аккузатива сохранится!): *Ben filmi her akşam seyrederim* ‘Я смотрю (определенный) фильм каждый вечер’. *Kitabı dün okudum* ‘Книгу (определенную) я прочитал вчера’.

V. Согласование подлежащего и сказуемого в числе

Согласование подлежащего и сказуемого в числе в турецком языке тесно связано с категорией одушевленности/неодушевленности.

Если подлежащее употребляется с аффиксом *-lar* и является **неодушевленным**, то сказуемое употребляется в форме ЕЧ: *Ağaçlar çiçek açtı* ‘На деревьях распустились цветы’. *İnekler süt içmez* ‘Коровы не пьют молоко’. *Yıllar su gibi akarmış* ‘Годы утекают, как вода’.

Если подлежащее употребляется с аффиксом *-lar* и является **одушевленным**, то сказуемое может употребляться как в единственном, так и во множественном числе: *Çocuklar geldi mi? / Çocuklar geldiler mi?* ‘Дети пришли?’ *Öğrenciler sınavı verdi mi? / Öğrenciler sınavı verdiler mi?* ‘Студенты сдали экзамены?’.

Если в группу подлежащего, выраженного одушевленным существительным, входит количественное числительное или неопределенное числительное *birkaç* ‘несколько’, а также если подлежащим является собирательное местоимение *herkes* ‘все’, то сказуемое употребляется в форме ЕЧ: *Koridorda birkaç hasta bekliyor* ‘В коридоре ждут несколько больных’. *Bugün sizi iki müşteriniz aradı* ‘Сегодня вам позвонили два ваших клиента’. *Herkes miting alanında toplandı* ‘Все собрались на площади для митинга’.

В предложениях с именным сказуемым и подлежащим с аффиксом *-lar* именное сказуемое, как правило, употребляется в форме ЕЧ: *Bu gruptaki kadınlar öğretmen* ‘Женщины в этой группе — преподаватели’. *Bunlar kim? Bunlar öğrenci* ‘Кто это? Это студенты’. *Sokakta kimsecikler yoktu* ‘На улице совершенно никого не было’ — аффикс *-lar* в данном примере имеет усилительное значение.

Существуют и обратные примеры, когда при подлежащем в форме ЕЧ сказуемое ставится в форме МЧ. Это происходит, как правило, если в предложении

подчеркивается уважительное или насмешливое отношение к субъекту действия: *Sayın Büyükelçi geldiler mi?* ‘Уважаемый господин посол уже прибыл?’ *Bakan bey burada kalacaklar* ‘Господин министр останется здесь’. *Küçük bey henüz uyanmamışlar* ‘Маленький господин еще не соизволил проснуться’.

Выводы

Итак, к наиболее существенным выводам предпринятого исследования можно отнести следующее:

1. Понятие категории числа в русском и турецком (шире — тюркских) языках существенно расходится, на чём необходимо делать особый акцент в практике преподавания турецкого языка.

2. Форма имени без аффикса *-lar* может передавать значение множественности (так называемая собирательная множественность), а форма с аффиксом *-lar* — значение единичности. При этом если случаи, когда форма без *-lar* передает значение множественности, имеют системный характер, то форма с *-lar* для передачи значения единичности употребляется значительно реже, в основном для подчеркивания высокого социального статуса.

3. Форма имени с аффиксом *-lar* помимо значения «больше, чем один» используется для выражения совокупности, породы, вида, сорта; для обозначения группы людей, представляющих собой одну семью, родственников, членов одной компании, коллектива и пр.; в целом ряде фразеологизмов и устойчивых сочетаний и др.

4. Значение собирательной множественности передается именем без аффикса *-lar* в позиции дополнения при его контактном положении относительно глагола.

5. Если имя в позиции дополнения при его контактном положении относительно глагола употребляется с аффиксом *-lar*, такая форма указывает не на множественность объектов, а привносит дополнительные смысловые оттенки (как правило, совокупность, сорт, род, вид и т.п.): *Marketten üzümler aldım* ‘Я купил в магазине виноград (различные сорта винограда)’.

6. Значение собирательной множественности не передается именем в позиции дополнения при его дистантном положении относительно глагола. В случае использования формы без показателя *-lar* речь идет о единичном предмете.

7. Значение собирательной множественности не передается именем, выступающим в роли подлежащего в предложении (за исключением случаев, когда имя обозначает класс предметов целиком или само имя имеет собирательное значение, например, *misafir* ‘гость’).

8. Показатель *-lar* «автоматически» не указывает на определенность объекта. В то же время наблюдается непосредственная корреляция между оформлением имени показателем *-lar* и показателем аккузатива *-ı* в том случае, если имя является прямым дополнением и занимает дистантное положение по отношению

к глаголу-сказуемому, однако в этом случае показатель аккузатива может как указывать на определенность объекта, так и играть синтаксическую роль, связывая дистантно расположенный объект с глаголом.

9. Согласование подлежащего и сказуемого по числу, за исключением особо оговоренных случаев, обуславливается в первую очередь категорией одушевленности/неодушевленности имени существительного, выступающего в роли подлежащего.

Литература

- Gronbech 1936 — *Gronbech, K.* Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen. 1936.
- Korkmaz 2007 — *Korkmaz, Z.* Türkiye Türkçesi Grameri. Şekil Bilgisi. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları. 2007. S. 257–259.
- Kowalski 1936 — *Kowalski, T.* Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Türk Sprachen. Krakow. 1936.
- Lewis 2001 — *Lewis, G.L.* Turkish Grammar. Oxford University Press. 2001.
- Гузев 2015 — *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2015.
- Гузев, Насилов 1975 — *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98–111; то же: «Sözüm Munda Qalır, Barır Bu Özüm» Scripta in memoriam D.M. Nasilov. Коллективная монография памяти Д.М. Насилова. М.: МБА. 2019. С. 117–133.
- Дмитриев 1956 — *Дмитриев Н.К.* Категория числа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М. 1956. С. 65–71.
- Кононов 1941 — *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка. Москва-Ленинград. 1941.
- Лебедев, Бочкарев 2014 — *Лебедев В.В., Бочкарев Г.И.* Читаем арабские тексты. Основной этап. Учебное пособие для первого года обучения. М. 2014.
- Оганова 2020 — *Оганова Е.А.* Настоящее-будущее время на -Ag в турецком языке как лингводидактическая проблема // Вопросы тюркской филологии. Вып. XIII. М.: МБА. С. 179–201.
- Соколов 1970 — *Соколов С.А.* Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями // Советская тюркология. № 4. 1970. С. 71–81.
- Фаттахова 2015 — *Фаттахова Р.Ф.* Вопрос о грамматической категории числа в тюркологии и вклад Н. К. Дмитриева в ее изучение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (47). 2015. Часть 1. С. 197–199.
- Штанов 2010 — *Штанов А.В.* Турецкий язык. Базовый курс. Учебник в четырех частях. Часть 1. М.: МГИМО-Университет. 2010.
- Щека 2007 — *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М. 2007.
- Щека 2008 — *Щека Ю.В.* Интенсивный курс турецкого языка. В 2-х ч. М. 2008.
- Юхансон 1987 — *Юхансон Л.* Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19: Проблемы современной тюркологии / сост. А.Н. Барулин; ред. А.Н. Кононов. М.: Прогресс. 1987. С. 398–425.

О выражении значения ‘чуть было не’ в туркменском языке

Объект и задачи исследования

Для выражения значения начавшегося, но прервавшегося действия, согласно Т. Кутевой [Kuteva 1998, Kuteva et al. 2019], авертивного значения <*V was on the verge of V-ing, but did not V*> языки мира используют различные как лексические, так и грамматические средства, которые в типологически ориентированных работах рассматриваются, прежде всего, в аспектуально-временной зоне [Плунгян 2011; Comrie 1976]. В отношении данного явления в тюркских языках Л. Юхансон [Johanson 2017] предлагает определение *propinquities*, также подчеркивая аспектуальную значимость высказывания. Ряд научных исследований был посвящен описанию данного значения и в модальной зоне, где определяющим параметром считается отношение говорящего к возможному событию и его оценка [Добрушина 2006, Kuteva et al. 2019]. Термин «апрехенсив/опасение» использован здесь для обозначения, прежде всего, оценки модальной, когда говорящий оценивает событие как нежелательное или с нежелательными последствиями [Плунгян 2011: 337] (см. *антирезультатив* [Плунгян 2001]; [Kuteva et al. 2019: 852, 859]). Наиболее подробный анализ данного значения в модальной зоне был произведен Н.Р. Добрушиной [Добрушина 2006], где автор в числе более 40 языков мира анализирует также и апрехенсивные глагольные конструкции в тюркских языках, таких как алтайский, кумыкский, мишарский, татарский и т.д.

Обзор тюркологической научной литературы показал, что на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные выражению значения ‘чуть было не’ (далее также ‘событие чуть было не произошло’/‘событие было возможным, но не реализовалось’) в туркменском языке. В действительности, конструкции с показателем {*tas*} имеют широкое употребление в живой разговорной речи и едва ли могли остаться незамеченными другими исследователями. Тем не менее, в современной тюркологии отсутствуют также и работы, посвященные исследованию

---

¹ Сахатова Гюльшен Сахатовна — доктор филологических наук, доцент отделения тюркологических и ближневосточных исследований Кипрского университета, Республика Кипр; gulshen.sakhatova@ucy.ac.cy

функций форманта {*tas*}. Что же касается описаний данного показателя в грамматиках туркменского языка, то, как мы писали выше, имеется общепринятое положение о том, что показатель {*tas*} семантически *пустой*. На наш взгляд, данное видение является неполным и дает весьма фрагментарную характеристику.

В связи с этим в настоящем исследовании наряду с описанием средств выражения значения ‘событие чуть было не произошло’, где особое внимание будет уделено функции форманта {*tas*} с целью определения его грамматического и модального статуса, обсуждается также и положение о том, что {*tas*}, находясь на стыке двух зон — аспектуальной и модальной, является как грамматически, так и модально-семантически наполненным формантом, прошедшим различные пути грамматикализации. Исследование предпринято на языковом материале туркменского языка как койне, собранного на территории Туркменистана в юго-западном континууме (ареальные зоны Ахал/Балкан).

В первой части исследования дается краткий обзор, посвященный описаниям форманта {*tas*} в грамматиках туркменского языка. Во второй части будут представлены примеры и описаны формальные характеристики конструкций, выражающих обсуждаемое значение. В последнем разделе обобщаются и анализируются полученные результаты. Примеры будут транскрибированы согласно нормам, принятым в лингвистической тюркологической традиции.

1. Формант {*tas*} в грамматических описаниях

Грамматики современного туркменского языка по-разному трактуют показатель {*tas*}. «Грамматика туркменского языка» [ГТЯ 1970: 463–465; 471] рассматривает его как модальное слово, не имеющее лексического значения, в то время как «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков» [СГРТ 1964: 271–273] толкует {*tas*} как количественную частицу, выражающую особые смысловые оттенки, определяя лексическую единицу ‘почти’ в качестве ее эквивалента в русском языке. Э.А. Грунина [Грунина 2005: 268] отмечает, что данный показатель является эквивалентом русской частицы ‘чуть не’. В других грамматиках формант выделяется как семантически пустое модальное слово, подчеркивающее лишь отношение говорящего к событию [Esenmedowa 2010: 343].

Как будет видно из приведенных ниже примеров, в действительности, природа форманта {*tas*} нуждается в более глубоком понимании, что связано, в первую очередь, с весьма узким диапазоном его употребления.

2. Выражение значения в туркменском языке

Рассмотрим примеры более подробно.

1. *taθ ukl-ap-dij*
AVER заснуть-PST-PRF2S
‘Ты чуть не заснул’.

2. *taθ* *ilgap* *jikil-jar-dīm*
 AVER бежав падать-PRES-PRF1S
 ‘Побежав, я чуть не упала’.
3. *taθ* *awarija* *bol-up-dī*
 AVER авария происходить-PST-PRF3S
 ‘Чуть не произошла авария’.
4. *taθ* *ajd-īp-dīm*
 AVER говорить-PST-PRF1S
 ‘Я чуть не проговорила’.
5. *it* *taθ* *dišle-jär-di* *o-nī*
 собака AVER кусать-PRES-PRF3S он-ACC
 ‘Его чуть не укусила собака’.
6. *taθ* *jatip* + *gal-jan* *ekeni*
 AVER проспав остаться-PRC оказывается
 ‘Оказывается, она чуть не проспала’.
7. *taθ* *čaga-ni* *äkid-en* *ekeni*
 AVER ребенок-ACC забрать-PRC оказывается
 ‘Оказывается, он чуть не забрал ребенка’.

Итак, выделим следующие формальные особенности конструкций с *{tas}*.

Во-первых, показатель *{tas}* является основным грамматическим маркером для выражения значения ‘событие было возможно, но не произошло’, так как глагольные формы на *{-IpDI}* (1, 3, 4) как маркер давнопрошедшего времени и *{-yArdI}* (2, 5) как маркер продолженного действия в прошлом без обсуждаемого форманта передают всего лишь действия в давнопрошедшем времени или продолженное действие в прошлом. Это также касается примеров (6) и (7), где употреблены показатели причастия настоящего времени *{-yAn}* и прошедшего времени *{-An}* с модальной частицей *{eken}*.

Во-вторых, *{tas}*, как правило, находится в начале высказывания.

В-третьих, формант *{tas}* демонстрирует свою автономию, будучи не связанным ни с одной из глагольных форм.

3. Результаты исследования

Приведенные примеры позволяют сделать следующие выводы:

1. Грамматическим маркером выражения обсуждаемого значения в туркменском языке является формант *{tas}*.

2. Говорящий описывает при этом фрагмент динамического действия ретроспективно, что грамматически кодируется показателями $\{-IpDI\}$ или $\{-\acute{y}ArdI\}$; неактуальность и нереализация описываемого фрагмента в момент речи кодируется посредством показателя $\{tas\}$.

3. В связи с позицией форманта $\{tas\}$ в начале высказывания слушающий воспринимает сообщаемое в следующей последовательности: говорящий в течение очень короткого периода времени испытал испуг по причине внезапного/неожиданного изменения курса события, которое могло бы иметь нежелательные последствия, а затем испытал облегчение, так как событие не реализовалось.

4. Таким образом, формант $\{tas\}$ в туркменском языке находится на стыке двух зон — аспектуально-грамматической и модальной², что и определяет его функции как грамматического, так и модально-эмоционального показателя, обладающего способностью кодировать:

а) изменение курса события (образ действия), которое имело внезапное/неожиданное начало и быстрый конец;

б) эмоциональное состояние ‘испуг/тревога’, испытываемое в связи с нежелательными последствиями в случае реализации события;

в) эмоциональное состояние ‘облегчение’, поскольку событие с нежелательными последствиями не произошло.

5. $\{tas\}$ является грамматикализованным формантом, прошедшим различные пути грамматикализации. Что касается степени его грамматикализации, то необходимо обозначить следующие аспекты. М. Хаспельмат [Haspelmath 1999: 1058] вслед за К. Лейманном [Lehmann 1986] отмечает, что функциональные элементы, становясь обязательными, закрепляются в своем положении, то есть говорящие уже не вольны выбирать их в определенных контекстах. Таким образом, большинство исследований по теории грамматикализации признают, что фактор ‘обязательности употребления’ является одним из параметров высокой стадии грамматикализации (см. [Lehmann 2002: 124–125; Hopper and Traugott 2003; Heine et al. 1991] и др.). Согласно шкале, разработанной М. Хаспельматом [Haspelmath 1999: 1058], пути грамматикализации могут пролегать в следующей последовательности:

экстравагантность > *повышенная частотность* > *рутинизация* > *обязательность* > *правило*.

Учитывая обязательность и автономность форманта $\{tas\}$, можно утверждать, что он достиг достаточно высокой стадии грамматикализации.

² Аргумент, высказываемый в отношении модальной функции форманта $\{tas\}$, основан на положении о возможной лексической этимологии/первоосновах форманта в туркменском языке [Сахатова 2022], где выдвигается идея вероятности лексико-этимологической связи форманта с глаголами движения с основами на $\{tas/-daz/-tis\}$. Характерной особенностью данной группы глаголов является то, что они несут не только информацию о скорости/способе/манере движения (*быстро*, *стремительно*, *стремглав* и т.д.), но и описывают как издаваемые при этом звуки (*громко*, *шумно* и т.д.), так и испытываемые эмоции (*испуг*, *страх*).

7. Грамматическое обозначение и модально-семантическая оценка в выражении значения ‘событие было возможным, но не реализовалось’ в туркменском языке могут быть проиллюстрированы следующим образом:

{*tas*} + {-*IpDI*} или {-*yArdI*} <говорящий испугался в связи с неожиданным поворотом хода события, которое могло бы иметь нежелательные последствия, и испытал облегчение, так как событие не реализовалось>.

Глоссы

1	1-е лицо
2	2-е лицо
3	3-е лицо
ACC	винительный падеж
AVER	авертивный маркер
PRC	причастие
PRF	перфект
PRES	настоящее время
PST	прошедшее время
SG	единственное число

Литература

- Comrie 1976 — *Comrie, B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems.* Cambridge. 1976.
- Добрушина 2006 — *Добрушина Н.Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
- Грунина 2005 — *Грунина Э.А.* Туркменский язык. Москва. 2005.
- ГТЯ 1970 — *Баскаков Н.А., Хамзаев М.Я., Чарьяров Б.* Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ч. 1. Ашхабад. 1970.
- Esenmedowa 2010 — *Esenmedowa, A.* Häzirki zaman Türkmen dili. Morfologiýa. Ashgabat. 2010.
- Haspelmath 1999 — *Haspelmath, M.* Why is grammaticalization irreversible? // *Linguistics.* 1999. № 37(6), С. 1043–1068.
- Heine et al. 1991 — *Heine, B., Claudi, U., Hünnemeyer, F.* Grammaticalization: A Conceptual Framework. Chicago and London. 1991.
- Hopper, Traugott 2003 — *Hopper, P.J., Traugott, E.C.* Grammaticalization. Cambridge. 2003.
- Johanson 2017 — *Johanson, L.* Prospectives and proximatives. In *A. Korn & I. Nevskaya* (Eds.), *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond.* Wiesbaden. 2017. С. 29–35.
- Kuteva 1998 — *Kuteva, T.* On Identifying an Evasive Gram: Action Narrowly Averted // *Studies in Language.* 1998. № 22(1). С. 113–160.
- Kuteva et al. 2019 — *Kuteva, T. et al.* The Grammar of ‘non-realization’ // *Studies in Language,* № 43(4). С. 850–895.

-
- Lehmann 1986 — *Lehmann, Chr.* Grammaticalization and linguistic typology // *General Linguistics*. № 26 (1). С. 3–22.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В.А.* Антираезультатив: до и после результата // Плунгян В.А. (ред.) *Глагольные категории*. С. 50–88.
- Плунгян 2003 — *Плунгян В.А.* *Общая морфология. Введение в проблематику*. 2 изд. Москва. 2003.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В.А.* *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва. 2011.
- Сахатова 2022 — *Сахатова Г.С.* Об особой группе глаголов движения и их возможной этимологической связи с формантом *tas* в туркменском языке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 288–298.
- СГРТ 1964 — *Баскаков Н.А., Хамзаев М.Я.* *Сравнительная грамматика русского и туркменского языков*. Ашхабад. 1964.
- TDG — *Söyegow, M., Saryhanov, M., Borjakov, A., Hocaýev, B., Ärnazarov, S.* *Türkmen Diliniň Grammatikasy: Morfologiya*. Aşgabat. 2000/1999.

*А.Н. Чугунекова*¹

Модели изъяснительных полипредикативных конструкций в хакасском языке

Введение

Основной целью нашей статьи является выявление и описание моделей изъяснительных полипредикативных конструкций (далее — ППК) хакасского языка. Фактическим материалом послужили примеры из произведений художественной, драматургической литературы хакасских писателей, публицистических текстов и записи устной речи.

Основным методом исследования является метод структурного моделирования предложения, сущность которого заключается в выделении из речи образцов (моделей), по которым строится высказывание.

Модели изъяснительных ППК были объектом внимания многих исследователей на материале разных языков: бурятского [Скрибник 1988]; японского [Подлесская 1990]; тувинского [Шамина 1998; 2016]; алтайского [Черемисина 2002; 2004; Озонова, 2020]; хантыйского [Кошкарева 2004]; шорского [Зыкин 2007; 2008]; калмыцкого [Князева 2009]; русского [Сердобольская 2017] и других языков. Кроме того, важно отметить, что коллективом сотрудников сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск), изъяснительные конструкции на материале языков алтайской семьи получили сравнительно-сопоставительное описание, которые подробно отражены в сериях статей и двух известных монографиях [Предикативное склонение... 1984; Структурные типы... 1986].

На фоне вышеуказанных исследований, посвященных проблемам исследования ППК изъяснительного типа, следует отметить, что в хакасоведении на сегодняшний день подобные конструкции еще не нашли должного отражения. Кратко представленные сведения о них мы находим в «Грамматике хакасского языка»

---

¹ Чугунекова Алена Николаевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова; chugunekowa@yandex.ru

под редакцией профессора Н.А. Баскакова [ГХЯ 1975: 392]. Все это показывает необходимость обратить внимание исследователей на этот вопрос.

Итак, изъяснительные ППК выражают «отношения, которые связывают диктум — содержание или тему информации — с модусом, представляющим процесс оперирования этой информацией» [Черемисина, Колосова 1987: 64]. «Зависимая часть (диктум) отображает событие действительности, главная часть (модус) — субъективное восприятие человеком этого события» [Озонова 2020: 207].

Общими для тюркских языков Южной Сибири является существование «монофинитных и бифинитных ППК изъяснительного типа» [Черемисина и др. 1984]. «В монофинитных конструкциях ЗПЕ замещает одну из валентностей главного сказуемого. ЗПЕ подчиняется сказуемому главной части, выступая в качестве предикативного дополнения или подлежащего. В бифинитных конструкциях зависимое предложение вводится скрепой *деп* ‘что’ (в хакасском языке *тiп* — А. Ч.)» [Озонова 2020: 207].

1. Монофинитные причастно-падежные конструкции (Tv=PART=POSS=CASE) [L^{оценка}/V_{фин}]

В хакасском языке в монофинитных причастно-падежных конструкциях сказуемое ЗПЕ активно оформляется тремя формами причастий: настоящего на *-чатхан-четкен/-бинчатхан/-бинчеткен*, прошедшего — *-ган/-ген/-баан/-беен*, будущего — *-ар/-ер/-бас/-бес*. Выступая в функции зависимого сказуемого, эти причастия принимают формы неопределенного (-Ø), винительного (*-ны/-ни; -ты/-ти*), дательного (*-га/-ге; -ха/-ке; -а/-е*), исходного (*-наң/-нең; -даң/-дең; -таң/-тең*) и делиберативного (*-наңар/-неңер; -даңар/-деңер; -таңар/-теңер*) падежей.

Конструктивным центром рассматриваемых ППК является сказуемое главной предикативной единицы (далее — ГПЕ), выраженное глаголами разных лексико-семантических групп, оценочных слов, требующих от ЗПЕ конкретной падежной формы.

ЗПЕ в роли подлежащего оформляется формой неопределенного (именительного) падежа с притяжательными аффиксами. ЗПЕ в роли дополнения оформляется формами винительного, дательного, исходного и делиберативного падежей с притяжательными аффиксами. Важно отметить, что ГПЕ в конструкциях с ЗПЕ в роли подлежащего «бывает представлена только составом сказуемого, связанного предикативными отношениями с “предикативным подлежащим — подлежащей ЗПЕ”» [Черемисина 2002: 76].

1.1. Конструкции с ЗПЕ в роли подлежащего

В хакасском языке, как и в других тюркских языках Южной Сибири, конструкции с предикативным подлежащим могут быть представлены «двумя существенно разными типами» [Черемисина 2002: 75]. К первому типу относятся пред-

ложения, где главным сказуемым выступают слова с оценочным значением: *чахсы* ‘хорошо’, *хомай* ‘плохо’, *хыныг* ‘интересно’, *іле* ‘ясно, отчетливо’ и др., а ко второму — предложения с глагольными сказуемыми ментальной или эмотивной семантики в разных залоговых формах: *истіл-* ‘слышаться’, *көрін-* ‘виднеться’, *хайхат-* ‘удивлять’, *сагыссырат-* ‘волновать’, *өріндір-* ‘радовать’ и др.

1.1.1. Предложения с именным конечным сказуемым (Tv=PART=POSS=NOM) [L^{оценка}]. В предложениях данного типа конечным сказуемым выступают слова и устойчивые сочетания, выражающие субъективную оценку какой-либо ситуации говорящим лицом. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной. В тюркских языках Южной Сибири (алтайский, тувинский, шорский) число типов оценочных предикатов насчитывается от 7 до 14: *дедуктивные, эмоциональные, количественные, достоверности, этические, утилитарные, экспрессивные* и др. [Черемисина 2002; Шамина 2004; Зыкин 2007; Ознова 2020]. Субъект ЗПЕ чаще выражается формой притяжательного (родительного) падежа, реже — неопределенного. Объект оценки выражается ЗПЕ.

Судя по нашему материалу, в текстах хакасской художественной литературы наиболее активны оценочные предикаты *дедуктивной, количественной, достоверной, эмоциональной и этической* оценки.

Итак, среди дедуктивных оценочных предикатов, формирующих предложения с предикативным подлежащим, наиболее активным является предикат *іле* ‘четко, отчетливо’², например:

- (1) *Надяның ідіргектенгені іле* (ГК Т, 46)
 Надя=ның ідіргектен=ген=і іле
 Надя=GEN раздражаться=PP1=POSS.3 отчетливо
 ‘Видно, что Надя раздражается’.
- (2) *Ырах көр полбинчатханы іле* (ВТ АТ, 126)
 ырах көр пол=бин=чатхан=ы іле
 далеко смотреть AUX: быть=NEG=PP2=POSS.3 отчетливо
 ‘Видно, что он далеко не видит’.

Что касается количественных оценочных предикатов, то среди них выделяются *ас* ‘мало’ / *асхынах* ‘мало’, *көп* ‘много’, например:

- (3) *Пістің азыбыс пасхлатханы ас полча* (МК П, 13)
 піс=тің аз=ыбыс пасхлат=хан=ы ас пол=ча
 мы=GEN зерно=POSS.3 топтать=PP1=POSS.3 мало быть=Pt
 ‘То, что натоптали наши поля, им этого мало’.

Предикатом группы достоверной оценки выступают оценочные предикаты *сын* ‘правда’, *орта* ‘правильно’, *тайма* ‘неправильно’, которые «подтверждают или опровергают какое-то мнение о событии» [Черемисина 2002: 79], например:

² Следует отметить, что в составе сказуемого оценочные слова могут выступать в сочетании со связкой *пол* ‘быть’: *ас полган* ‘было мало’, *көп полтыр* ‘было много’ и др.

- (4) *Колхозха кирген кизилерге чылан таңма салчатханнары сын полган* (МК П, 16)

колхоз=ха кир=ген кизи=лер=ге чылан таңма
 колхоз=DAT вступать=PP1 человек=PL=DAT клеймо змеи
 сал=чатхан=нар=ы сын
 ставить=PP2=PL=POSS.3 правда

‘Слухи о том, что вступившим в колхоз ставят клеймо в виде змеи, были правдой’.

Среди эмоционально-оценочных предикатов, формирующих данную модель, наиболее активными являются предикаты, выраженные именами прилагательными *таңнастыг* ‘удивительный, изумительный’, *хайхастыг* ‘удивительный, поразительный, восхитительный’, *хыныг* ‘смешной’. В предложениях этой группы мы наблюдаем эмоциональное высказывание от произошедшего события, например:

- (5) *Хароолның іди полчатханы таңнастыг* (МК П, 12)

Хароол=ның іди пол=чатхан=ы таңнас=тыг
 Хароол=GEN так быть=PP2=POSS.3 удивление=ADJ
 ‘Поразительно, что Хароол так себя ведет’.

Оценка этических пропозиций выражается предикатами *арыстыг* ‘постыдно, неприлично, непристойно’, *уйадыстыг* ‘постыдно, стыдно, совестно’, например:

- (6) *Андаг нимені сагысха киргені арыстыг* (АС КА, 73)

андаг нимені сагыс=ха кир=ген=і арыстыг
 такой дело ум=DAT вводит=PP1=POSS.3 стыдно
 ‘Вспоминать такое — стыдно’.

1.1.2. Предложения с глагольным конечным сказуемым (Tv=PART=POSS=NOM) [V_{fin}]. В хакасском языке предложения с предикативным подлежащим могут формировать также «глаголы со специфической системой валентностей: их подлежащая валентность (требование формы именительного падежа) направлена не на субъект, а на объект действия (состояния), субъект которого остается совсем не названным» [Черемисина 2002: 85].

Итак, в роли сказуемых в предложениях данного типа выступают «лексикализовавшиеся производные глаголы с аффиксами каузативного, возвратного и страдательного залога» [Озонова 2020: 209]. Таковыми в хакасском языке являются глаголы восприятия (*көрін-* ‘показываться’, *истіл-* ‘слышаться’) и эмотивные глаголы (*өріндір-* ‘радовать’, *сагыссырат-* ‘беспокоить, тревожить’, *хомзындыр-* ‘огорчать, расстраивать’, *ачыргандыр-* ‘огорчать’ и др.) [Чертыкова 2016: 11; 148], например:

- (7) *Күгүрт күзүреені истілген* (ХРС, 138)

күгүрт күзүре=ен=і истіл=ген
 гром греметь=PP1=POSS.3 слышаться=PAST1
 ‘Послышались раскаты грома’

- (8) *Концертте чииттер араласханы өріндірді* (ХЧ, 2022, с. 7)
 концерт=ге чиит=тер аралас=хан=ы
 концерт=LOC молодежь=PL участвовать=PP1=POSS.3
 өрін=дір=ді
 радоваться=CAUS=PAST2
 ‘То, что молодежь участвует в концерте, обрадовало’.
- (9) *Чииттернің кибірлерге тартылчатханы өріндірче* (ХРС, 328)
 чииттер=нің кибірлер=ге тарт=ыл=чатхан=ы
 молодежь=GEN традиции=DAT тянуть=PASS=PP2=POSS.3
 өрін=дір=че
 радоваться=CAUS=Pr
 ‘Радует соблюдение традиций молодыми’.
- (10) *Аның ам даа килбинчеткені міні сағыссыратча* (ХРС, 428)
 аның ам даа кил=бин=четкен=і мин=і сағыссыра=т=ча
 его еще приходит=NEG=PP2=POSS.3 я=GEN тревожить=CAUS=Pr
 ‘Меня тревожит, что он до сих пор не пришел’.
- (11) *Ибзер ысчатханнары оолахты тың хомзындырған* (АС КА, 42)
 иб=зер ыс=чатхан=нар=ы оолах=ты тың
 дом=LAT отправлять=PP2=PL=POSS.3 мальчик=ACC очень сильно
 хомзын=дыр=ған
 огорчаться=CAUS=PAST1
 ‘То, что мальчика отправляли домой, [его] очень сильно огорчило’.

В рассматриваемой конструкции в роли конечных сказуемых могут выступать также фразеологизмы (или их называют также «глагольными средствами, выражающими операции памяти»): *сағысха кір*- ‘вспоминаться, входить в мысли’, *сағысха түзір*- ‘заставлять задуматься’ и «с общим значением любви и доброжелательного отношения»: *көңніне кір*- ‘нравиться; букв. входить в душу’ [Чертыкова 2016: 26–32], например:

- (12) *Өөремнің ырлапчатханы көңніме кірче.*
 өөре=м=нің ырла=п=чатхан=ы көңнім=е кір=че
 подруга=POSS.1=GEN петь=CV=PP2=POSS.3 настроение=DAT входить=Pr
 ‘Мне нравится, как поет моя подруга’.
- (13) *Тігі хыстың сарнапчатханы сағысха түзірче.*
 тігі хыс=тың сарна=п=чатхан=ы сағыс=ха түз=ір=че
 тот девушка=GEN петь=CV=PP2=POSS.3 мысль=DAT спускаться=CAUS=Pr
 ‘То, как поет та девушка, заставляет задуматься’.

1.2. Конструкции с ЗПЕ в роли дополнения

В рамках данной группы мы выделяем три типа ППК: 1) ППК, формируемые ментальными глаголами, глаголами говорения, восприятия и управляющими винительным падежом; 2) ППК, формируемые эмотивными глаголами и управляющими дательным и исходным падежом; 3) ППК, формируемые глаголами говорения и управляющими причинно-следственным падежом.

1.2.1. ППК с ЗПЕ в форме винительного падежа³ (Tv=PART=POSS=ACC) [N_{Nom} V_{fin}]. Основная семантика данной модели — «отношение интеллектуального действия к некоторой ситуации действительности». Главное сказуемое выражается:

1) ментальными глаголами (*пiл-* ‘знать, понимать’, *оңна-* ‘понимать, усваивать’; *оңар-* ‘понимать, разуметь’, *сизiн-* ‘догадываться’ и др.) [Чертыкова 2016: 11-29], например:

(14) *Мин синiң килчеткенiңнi ырахтаңоң пiл салғам* (МК П, 75)

мин синiң кил=четкен=iң=нi ырах=таң=оң
я твой приходит=PP2=POSS.2=ACC далеко=ABL=PTCL: же
пiл салғам
знать AUX: (выражает законченное действие)
‘О том, что ты идешь, я издалека понял’.

(15) *Хайдағ аттығ кино килгенiн пiр дее кiзi пiлбеен* (НТ КК, 55)

хайдағ ат=тығ кино кил=ген=i=н один дее
какой имя=ADJ кино приходит=PP1=POSS.3=ACC пiр PTCL=даже
кiзi пiл=бе=ен
человек знать=NEG=PAST1
‘Никто не знал, какой фильм привезли’.

(16) *Оолахтың хайдағ көңнiлiг полғанын Халтарах таа сизiнген* (НТ КК, 54)

оолах=тың хайдағ көңнi=лiг пол=ған=ы=н
мальчик=GEN какой настроение=ADJ быть=PP1=POSS.3=ACC
Халтарах таа сизiн=ген
Халтарах PTCL=даже догадываться=PAST1
‘О настроении мальчика догадывался и Халтарах (кличка собаки)’.

³ Винительный падеж в хакасском языке оформляется аффиксами *-ны/-нi*, *-ты/-тi*. Стандартная форма винительного падежа не всегда выдерживается. Так, в личных местоимениях единственного числа появляются аффиксы без начального *н*, т.е. в виде *-ы/-i*: мин ‘я’ — *минi*, син ‘ты’ — *синi* и т.д. Слова в форме принадлежности 3-го лица оформляется аффиксом *н*: книга — *книгазы-н* и т.д. [ГХЯ 1975: 70]. Также ведут себя субстантивированные причастия в качестве прямого дополнения в рассматриваемых нами конструкциях: *халғаны*, *ылғапчатханын*, *чоохтанчатханын* и др.

- (17) *Игурак кізілернің нима итчеткеннерін пір дее оңар полбинча* (АС КА, 61)

Игурак кізі=лер=нің нима ит=четкен=нер=i=н
 Игурак человек=PL=GEN что делать=PP1=PL=POSS.3=ACC
 пір дее оңар пол=бин=ча
 никак понимать AUX: быть=NEG=Pr

‘Игурак никак не может понять, чем это занимаются люди’.

2) глаголами говорения (*чоохта*- ‘говорить’, *искір*- ‘сообщать’, *сөле*- ‘сообщать’, *хонта*- ‘доносить’ и др.) [Чертыхова 2016: 78–116], например:

- (18) *Хайдаг нима полчатханын пастабох чоохтап ниргеннер* (МК П, 81)

хайдаг нима пол=чатхан=ы=н пастаб=ох
 какой что быть=PP1=POSS.3=ACC сразу=PTCL: же
 чоохта=п пир=ген=нер
 говорить=CV AUX: (выражает законченное действие)=PAST1=PL
 ‘Сразу сказали, что происходит’.

- (19) *Оолагас Покроп апсахтаң хайдаг кирек полчатханын сурыбысхан* (АС КА, 60)

оолагас Покроп апсах=таң хайдаг кирек
 мальчик Покроп старик=ABL какой дело
 пол=чатхан=ы=н сур=ыбыс=хан
 быть=PP1=POSS.3=ACC спрашивать=PFV=PAST1

‘Мальчик спросил у старика Покропа о происходящих делах’.

3) глаголами восприятия (*көр*- ‘смотреть, видеть’, *көрін*- ‘виднеться’, *ис*- ‘слышать’, *тыңна*- ‘внимательно слушать; прислушиваться’ и др.) [Чертыхова 2016: 148–152]:

- (20) *Хыйгалар нима чоохтанчатханын истербіс* (МК П, 66)

хыйгалар нима чоохтан=чатхан=ы=н истер=біс
 умные что говорить=PP1=POSS.3=ACC слушать=1PL
 ‘Будем слушать, что говорят умные люди’.

- (21) *Аалда мал сохчатханнарын искем* (МК П, 27)

аал=да мал сох=чатхан=нар=ы=н ис=ке=м
 село=LOC скот колоть=PP1=PL=POSS.3=ACC слышать=PAST1=1SG
 ‘Слышал, что в селе забивают скот’.

- (22) *Хабым ахсы систілчеткенін көрбинчезің ме?* (МК П, 102)

хаб=ым ахсы систіл=четкен=i=н
 мешок=POSS.1 открытый конец емкости развязываться=PP1=POSS.3=ACC
 көр=бин=че=зің ме
 смотреть=NEG=Pr=2SG PTCL: а

‘Ты что, не видишь, что у меня развязывается мешок?’

- (23) *Минің көгле=енім=ни прайзы көрче, / Минің чобалчатханымны пирдеезі көрбес* (МК П, 114)

минің көгле=ен=ім=ни прайзы көр=че минің
 мой веселиться=PP1=POSS.1=ACC все видеть=Pr мой
 чобал=чатхан=ым=ны пирдеезі көр=бес
 переживать=PP2=POSS.1=ACC никто видеть=NEG
 ‘Мою радость все видят, / Мою печаль никто не увидит’.

- (24) *Пастагы куннерде аалдагы ипчилер ниме тирлерін тыңнан чөрген* (СЧ АҰХ, 11)

пастагы куннерде аал=дагы ипчи=лер ниме
 первый дни деревня=ADJ женщина=PL что
 тирлер=i=н тыңна=н чөр=ген
 скажут=POSS.3=ACC прислушиваться=REFL ходить=PAST1
 ‘В первые дни он прислушивался к тому, что говорят сельские женщины’.

Активны в роли конечного сказуемого, как и в предложениях с ЗПЕ в роли подлежащего, некоторые фразеологизмы, например: *сағысха кір-* ‘вспоминать; букв. входить в мысли’, *сағысха кир-* ‘вспоминать; букв. вводить в мысли’, например:

- (25) *Ол паланың тыны ағырыгдаң чадап ла халғаны сағысха кірген* (ГК Т, 43)

ол пала=ның тын=ы ағырыг=даң чадап ла
 тот ребенок=GEN душа=POSS.3 болезнь=ABL кое-как
 хал=ған=ы сағыс=ха кір=ген
 оставаться=PP1=POSS.3 мысль=DAT входить=PAST1
 ‘Вспомнилось, как тот ребенок еле выкарабкался (из-за болезни)’.

- (26) *Пабазының ылғапчатханым полған на сай сағысха кирче* (ХЧ, 2021, 10)

паба=зы=ның ылға=п=чатхан=ы=н полған на сай
 отец=POSS.3=GEN плакать=CV=PP1=POSS.3=ACC каждый раз
 сағыс=ха кир=че
 ум=DAT вводить=Pr
 ‘Каждый раз вспоминает, как плакал его отец’.

Главным предикатом в рассматриваемой модели также может быть глагол *тохтат-* ‘останавливать’, который входит в группу глаголов межличностных отношений, например:

- (27) *Піс ол оолның хайнирын тохтат салдыбыс*

піс ол оол=ның хайнир=ы=н тохта=т
 мы тот парень=GEN бушевать=POSS.3=ACC останавливаться=CAUS
 сал=ды=быс
 PFV=PAST2=1PL
 ‘Мы остановили этого парня (т.е. его скандал)’.

1.2.2. ППК с ЗПЕ в форме дательного падежа (Tv=PART=POSS=DAT)

[N_{Nom}V_{fin}]. Основное значение конструкции с ЗПЕ в форме дательного падежа — «эмотивное отношение к событию, представленному в ЗПЕ». Главное сказуемое выражается многочисленными глаголами эмотивной семантики, среди которых глаголы радости (*örin*- ‘радоваться’), веры (*киртин*- ‘верить’), надежды (*изен*- ‘надеяться’), сомнения (*икінчїле*- ‘сомневаться’), удивления (*чапсы*- ‘удивляться, изумляться’, *хайха*- ‘удивляться’, ‘радоваться’), удовлетворения (*чöпсін*- ‘быть удовлетворенным, удовлетворяться’), злости и раздражения (*тарын*- ‘обижаться’), сожаления (*хомзын*- ЛСВ ‘сожалеть о чем-либо; огорчаться’); *ыдыргахтан/идиргектен/хыпчахтан*- ‘раздражаться, злиться’), зависти и ревности (*атаана/атаарха*- ‘завидовать’, *күнне*- ‘ревновать’), печали и тоски (*ачырган*- ЛСВ ‘растравиваться’, *сагысыра*- ‘беспокоиться’) с общим значением отрицательной эмоционально-этической оценки (*ачырган*- ЛСВ ‘жалеть о чем-либо; сожалеть’) [Чертыкова 2016: 31–77] и др., например:

(28) *Хазых-амыр айланганыңа öринчем* (МК П, 110)

хазых-амыр айлан=ган=ың=а öрин=че=м
здоровье возвращаться=PP1=POSS.2=DAT радоваться=Pr=1SG
‘[Я] рад, что ты вернулся живым и здоровым’.

(29) *Пістің чолыбыс паза даа пірігізерлеріне ікінчїленчем* (МК П, 34)

пістің чол=ыбыс паза даа
наш дорога=POSS.3PL и: CONJ даже: PTCL
піріг=із=ер=лер=і=не⁴ ікінчїле=п=че=м
соединяться=RECIP=FUT=PL=POSS.3=DAT сомневаться=CV=Pr=1SG
‘Я сомневаюсь, что наши пути еще пересекутся’.

(30) *Кайның ол син пілчеткеніне чоо чапсаабыс* (ГК ПАО, 77)

Кай=ның ол син піл=четкен=і=не чоо чапсаабыс
Кай=GEN тот мера знать=PP2=POSS.3=DAT очень удивлялись=PAST1=1PL
‘Мы очень удивились, что Кай так много знает’.

(31) *Андаг устагчының холындагы үгредіг кирее майың парчатханына хайхаабыс*
(ВТ АТ, 126)

андаг устагчы=ның хол=ын=дагы үгредіг кирее
такой руководитель=GEN рука=POSS=ADJ учеба дело=POSS.3
майың пар=чатхан=ы=на хайхаабыс
медленно двигаться=PP2=POSS.3=DAT удивлялись=PAST1=1PL
‘[Мы] были удивлены, что дела такого руководителя продвигаются медленно’.

⁴ Как было указано в п. (1), дательный падеж в хакасском языке оформляется аффиксами *-га/-ге; -ха/-ке; -а/-е*. Субстантивированные причастия в будущем (на *-ар/-ер*) и настоящем (на *-чатхан/четкен*) времени в дательном падеже в форме принадлежности 3-го лица ед. и мн. ч. так же, как и винительный падеж, не выдерживают стандартную форму. Так, у субстантивированных причастий в указанных временных формах перед аффиксом *-а/-е* появляется согласный *-н* и дательный падеж приобретает аффикс *-на/-не: пірігізерлері=не, пілчеткені=не* и др.

- (32) [Каврис] машина килеріне *ізенмеен* (НТ КК, 70)
 Каврис машина кил=ер=i=не ізен=ме=ен
 Каврис машина приезжать=FUT=POSS.3=DAT надеяться=NEG=PAST1
 '[Каврис] не надеялся, что подьедет машина'.
- (33) *Сини учух парчатхан ылачынны тўзіре атарына киртінмеен полгам* (МК П, 59)
 син=i учух пар=чатхан ылачын=ны тўзіре
 ты=ACC лететь AUX: идти=PP2 сокол=ACC вниз
 ат=ар=ы=на киртін=ме=ен пол=га=м
 стрелять=FUT=POSS.3=DAT верить=NEG=PAST1 AUX: быть=PAST1=1SG
 'Я не верил, что ты можешь сбить выстрелом пролетающего сокола'.
- (34) *Тай ічезі аның хормачыланчатханнына чөпсін парган* (НТ КК, 6)
 тай іче=зи аның хормачылан=чатхан=ны=на чөпсін
 бабушка=POSS.3 его шутить=PP2=POSS.3=DAT удовлетворяются
 пар=ған
 AUX: PAST1
 '[Его] бабушке понравилось то, как он шутит'.
- (35) *Хоостар хоостирга ла тус чидіспинчеткеніне хомзынча* (ХЧ, 2)
 хоос=тар хоостирга ла тус чидіс=пин=четкен=i=не
 картина=PL рисовать PTCL время хватать=NEG=PP2=POSS.3=DAT
 хомзын=ча
 сожалеть=Pr
 '[Он] сожалеет лишь о том, что не хватает времени рисовать картины'.

Важно отметить, что в хакасском языке в качестве главного предиката в данной модели очень активны фразеологизмы, выражающие как положительные, так и отрицательные эмоции. Наиболее активными являются фразеологизмы с отрицательной эмотивной семантикой, в частности, с **общим значением проявления чувства гнева, злости, негодования** (*хырт тут-* 'испытывать раздражение к кому-л., недолюбливать; букв. держать ненависть', *хыртызы тут-* 'сердиться, злиться; букв. его держит ненависть'; *хылыгы тут-* 'злиться, вспылить; букв. его охватывает его нрав', *чабалы тут-* 'букв. [его] плохое держит'; *ідіргек тут-* 'раздразниться на кого-л.; букв. раздражение держать') и **зависти** (*істі чохтан-* 'завидовать, оставаться без нутра', *істі күй-* 'завидовать, страдать от зависти; букв. нутро горит'; *істі чараба-* 'завидовать; букв. нутро не подходит'; *істі чарыл-* 'букв. [его] нутро разрывается') [Чертыкова 2016: 31–77].

Приведем примеры:

- (36) *Аның іди тўптестіргеніне хырым тудыбысхан*
 аның іди тўптестір=ген=i=не хырт=ым
 его так допытывать=PP1=POSS.3=DAT раздражение=POSS.1
 туд=ыбыс=хан
 держать=PFV=PAST1
 'Я стал раздражаться из-за того, что он так допытывался' [Чертыкова 2016: 42].

(37) *Хончим минің чахсы чуртапчатханьма хачан даа істі чохтанча.*

хончим мин=ің чахсы чурта=п=чатхан=ым=а
 сосед=POSS.1 я=GEN хорошо жить=CV=PP2=POSS.1=DAT
 хачан даа істі чохтан=ча
 всегда=PTCL нутро отсутствовать=Pr

‘[Мой] сосед всегда завидует моему благополучию (тому, что я живу хорошо)’.

У этих конструкций субъект ЗПЕ может стоять в форме родительного падежа (36) и, кроме конструкций с главным предикатом-фразеологизмом *істі чохтан-*, в которых субъект стоит только в неопределенном падеже (37).

1.2.3. ППК с ЗПЕ в форме исходного падежа (Tv=PART=POSS=ABL)

[N_{Nom} V_{fin}]. Главным сказуемым выступают эмотивные глаголы и фразеологизмы с семантикой страха (*хорых-* ЛСВ ‘опасаться’, *чалтан-* ЛСВ ‘бояться, робеть’, *чочы-* ‘бояться, пугаться’; *сагыс сых-* ‘сильно бояться, испытывать сильный страх; букв. мысли улетучились’; *хут сых-* ‘сильно напугаться; букв. душа выходит’) и глаголы с отрицательной эмоционально-этической оценкой (*уйат-* ‘стыдиться, смущаться, стесняться’; *чалтан-* ЛСВ ‘стесняться, смущаться’) и др. [Чертыкова 2016: 31–77], например:

(38) *Озырлап апарыбызарларынаң хорыхча полар* (МК II, 89)

оғырла=п апар=ыбыз=ар=лар=ы=наң хорых=ча
 воровать=CV уносить=PFV=FUT=PL=POSS.3=ABL бояться=Pr
 пол=ар
 AUX: быть=FUT

‘Наверное, боится, что скоромчат (т.е. насильно выдадут замуж) [ее]’.

1.2.4. ППК с ЗПЕ в форме делиберативного падежа⁵ (Tv=PART=POSS=DELIV) [N_{Nom} V_{fin}]. У этой конструкции сказуемое ЗПЕ стоит в форме делиберативного падежа, главное сказуемое выражается ментальными глаголами (*ніл-* ‘знать’, *ніліп ал-* ЛСВ ‘получить сведения о происходящей ситуации’, *хыгыр-* ‘читать’ и др.). Доминирующее положение занимает глагол *ніл-*.

Приведем примеры:

⁵ В хакасском языке делиберативный падеж оформляется аффиксами *-наңар/-неңер, таңар/-теңер, -даңар/-деңер*. В [ГХЯ] данная форма наряду с аффиксом *-ча/-че, -ча/-че* представлена как послелог-аффикс, восходящий «к сочетанию аффикса исходного падежа с аффиксом *-ар/-ер*, сопровождает имена, местоимения и причастные формы глагола, используется: 1) для указания на объект речи, мысли или чувства, передаваемого сказуемым; 2) для выражения причинно-следственных отношений, если сказуемое не содержит в себе значений речи, мысли и чувства» [ГХЯ 1975, с. 267]. По мнению М.И. Боргоякова, в хакасском языке делиберативный падеж «получил распространение, главным образом, в литературном языке, т.е. в период после создания хакасской письменности. В разговорном языке дооктябрьского времени она редко, но все же встречается» [Боргояков 1976: 116].

- (39) *Чүгүріс кизи хылиин тыытчатханынаңар чахсы пілчебіс* (ХЧ, 13)
 чүгүріс кизи хылиин тыыт=чатхан=ы=наңар
 бег человек характер.POSS.3 укреплять=PP2=POSS.3=DELIB
 піс чахсы піл=че=біс
 мы хорошо знать=Pt=1PL
 ‘Мы хорошо знаем о том, что бег укрепляет характер человека’.
- (40) *Томск облазында илееде хакастар чуртапчатханынаңар піліп алгабыс* (ХЧ, 10)
 Томск облас=ы=нда илееде хакас=тар
 Томск область=POSS.3=LOC много хакас=PL
 чурта=п=чатхан=ы=наңар піл=іп ал=га(н)=быс
 жить=CV=PP2=POSS.3=DELIB знать=CV AUX: брать=PAST1=1PL
 ‘(Мы) узнали о том, что в Томской области живет много хакасов’.

2. Бифинитная конструкция со скрепой *тiп* (...V_{fin} *тiп*) [N_{Nom} V_{fin}]

В хакасском языке скрепа *тiп* служит для формирования ППК с ЗПЕ причины, цели, синтаксических конструкций с прямой и косвенной речью, а также конструкций изъяснительного типа. Судя по языковому материалу, в хакасском языке, как и в других тюркских языках, скрепа *тiп* в бифинитных изъяснительных конструкциях входит «в состав ЗПЕ, оформленной финитным сказуемым» [Озонова 2020: 217]. В хакасском языке в роли главного предиката в бифинитных конструкциях со скрепой *тiп* активно выступают глаголы говорения, восприятия, интеллектуального процесса и эмотивной семантики, например:

- (41) *Мин ічеме аалчылар килді тiп чоохтаам.*
 мин ічем=е аалчы=лар кил=ді тiп
 я мама=DAT гость=PL приходит=PAST2 CONJ
 чоохтаам
 говорить=PAST1.1SG
 ‘Я сказал маме, что приехали гости’.

В хакасском языке в формировании бифинитных конструкций активная роль отводится глаголам интеллектуальной деятельности, среди которых, по нашим данным, самым употребительным является глагол *сагын-* ‘думать’:

- (42) *Мин көрiндес алнында хыстар ла чиркеенненедiр тiп сагынчаңмын* (МК П, 51)
 мин көрiндес алнында хыс=тар ла чиркееннен=едiр
 я зеркало перед девушка=PL PTCL красоваться=Pt
 тiп сагын=чаң=мын
 CONJ думать=PAST3=1SG
 ‘Я думал, что перед зеркалом красуются только девушки’.

- (43)
- Мині инейімнең чөпнең хонган тiп сағынчазың ма?*
- (МК П, 53)

мин=i	иней=iм=нең	чөп=нең	хон=ған
я=ACC	жена=POSS.1=INSTR	согласие=INSTR	жениться=PAST1
тiп	сағын=ча=зың	ма	
CONJ	думать=Pr=2SG	PTCL	

‘Ты думаешь, что я женился по любви?’.

- (44)
- Мин аны хығырған полар тiп сағынгам*
- (МК П, 81)

мин	аны	хығыр=ған	пол=ар	тiп	сағын=ғам
я	его	звать=PAST1	AUX: быть=FUT	CONJ	думать=PAST.1SG

‘Я думал, что он ее позвал’.

- (45)
- А ноға оларны хорыхчалар тiп сағынчазар?*
- (МК П, 64)

а	ноға	олар=ны	хорых=ча=лар	тiп	сағын=ча=зар
а	почему	они=ACC	бояться=Pr=3PL	CONJ	думать=Pr=2PL

‘А почему вы думаете, что они бояться’.

- (46)
- Алай син минің сарынымны чүректең сыхпинча тiп сағынчазың ма?*
- (МК П, 50)

алай	син	мин=iң	сарын=ым=ны	чүрек=тең
или	ты	я=GEN	песня=POSS.1=ACC	сердце=ABL
сых=пин=ча		тiп	сағын=ча=зың	ма
выходить=NEG=Pr	CONJ	думать=Pr=2SG	PTCL	

‘Или ты думаешь, что мои песни исполняются не от души?’.

В примере (41) субъект ЗПЕ выражен неопределенным падежом, а сказуемое маркировано аффиксом 1 лица. В примерах (43), (45), (46) субъект зависимой части употребляется в форме винительного падежа, а сказуемое оформлено аффиксом 2 и 3 лица.

Кроме того, предикат ЗПЕ может оформляться формой 3 лица императива (-зын/-зiн; -сын/-сiн):

- (47)
- Синнеңер чон чахсы чоохтассын тiп сағынчам*
- (МК П, 86)

син=неңер	чон	чахсы	чоохта=с=сын	тiп	сағын=ча=м
ты=DELIV	народ	хорошо	говорить=RECIP=3Sg	CONJ	думать=Pr=1SG

‘Я хочу, чтобы народ о тебе думал хорошо’.

В роли главного сказуемого в рассматриваемых конструкциях также может выступать фразеологизм «сағыста даа чох полган ‘в мыслях не было’» [ХРС 2006: 428], например,

- (48)
- Сiрернi ол оңдайнаң чуртааннар тiп сағыста даа чох полган*
- (МК П, 54)

сiрер=нi	ол	оңдай=наң	чурта=ан=нар	тiп
вы=ACC	тот	принцип=INSTR	жить=PAST1=PL	CONJ
сағыс=та	даа	чох	пол=ған	
мысли=LOC	PTCL	не	быть=PAST1	

‘Даже в мыслях не было, что вы жили по такому принципу’.

Отдельно следует сказать о конструкциях, формируемых лексикализовавшимся производным глаголом в форме понудительного залога *ўгрет*- ‘учить’. По нашим наблюдениям, если в бифинитной конструкции со скрепой *min* главным предикатом выступает глагол *ўгрет*- ‘учить’, то предикат зависимой части выражается нормативными оценочными словами *сын* ‘правда’ и *тайма* ‘неправда, ложь’ в сочетании со связкой *пол*- ‘быть’ в финитной форме, например:

(49) *Библия пісті пір ле киртініс сын полчаң тін ўгретче* (ВТ АТ, 50)

библия	піс=ті	пір	ле	киртінис	сын	пол=чаң
библия	мы=ACC	один	PTCL	вера	правда	быть=PAST3

тіп   ўгрет=че

CONJ   учить=Pr

‘Библия нас учит тому, что существует только одна вера’.

Выводы

В результате проведенного исследования нами установлено:

1) для хакасского языка характерно использование причастно-падежных монофинитных и бифинитных изъяснительных конструкций со скрепой *min*;

2) в причастно-падежных монофинитных конструкциях с ЗПЕ в роли подлежащего в качестве главного предиката широкое употребление получают оценочные слова, среди которых наиболее активными являются слова с дедуктивным значением и лексикализовавшиеся залоговые формы глаголов понудительного, возвратного и совместно-взаимного залогов;

3) причастно-падежные монофинитные конструкции с ЗПЕ в роли дополнения формируются преимущественно ментальными глаголами, глаголами говорения и эмотивными глаголами;

4) в монофинитных причастно-падежных конструкциях с дательным падежом в роли главного предиката, кроме глаголов, активно участвуют фразеологизмы с эмотивным значением, чаще с отрицательным оттенком;

5) бифинитные конструкции со скрепой *min* формируются в основном глаголами мыслительной деятельности, среди которых доминирует глагол *сағын*- ‘думать’ и глаголами говорения;

6) в монофинитных конструкциях субъект ЗПЕ оформляется формой притяжательного или неопределенного падежа, а в бифинитной — формой неопределенного падежа;

7) важную роль в оформлении ЗПЕ играет семантика главного предиката, за счет которого выявляются типы моделей изъяснительных ППК.

Литература

- Боргояков 1976 — *Боргояков М.И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан. 1978. 160 с.
- ГХЯ — Грамматика хакасского языка. Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Изд-во «Наука». 1975. 417 с.
- Зыкин 2007 — *Зыкин А.В.* Модели полипредикативных конструкций изъяснительного типа в шорском языке // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 75–80.
- Зыкин 2008 — *Зыкин А.В.* Полипредикативные конструкции актантного типа в шорском языке: автореф. дисс... к.ф.н. М. 2008. 27 с.
- Князев 2009 — *Князев М.Ю.* Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // Acta linguistica petropolitana. Тр. Ин-та лингвист. исслед. РАН. СПб.: Наука. 2009 Т. 5. Ч. 2: Исследования по грамматике калмыцкого языка. С. 525–580.
- Кошкарева 2004 — *Кошкарева Н.Б.* Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2004 Т. 3, № 1 С. 49–63.
- Озонава 2020 — *Озонава А.А.* Изъяснительные конструкции в алтайском языке (на материале художественных и научных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 205–223.
- Подлеская 1990 — *Подлеская В.И.* «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 93–106.
- Сердобольская 2017 — *Сердобольская Н.В.* Бессоюзные актантные предложения с глаголом думать в русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 7–35.
- Скрибник 1998 — *Скрибник Е.К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском. Новосибирск: Наука, 1988. 198 с.
- Структурные типы 1986 — Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / Отв. ред. Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин. Новосибирск: Наука, 1986. 320 с.
- Предикативное склонение 1984 — Предикативное склонение причастий в алтайских языках / Под ред. Е.И. Убрятовой, Ф.А. Литвина. Новосибирск: Наука. 1984. 192 с.
- Черемисина, Колосова 1987 — *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука. 1987. 198 с.
- Черемисина 2002 — *Черемисина М.И.* Структурно-семантические типы изъяснительных предложений с ЗПЕ в функции подлежащего // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск. 2002 С. 75–88.
- Черемисина 2004 — *Черемисина М.И.* Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука. 2004. 896 с.
- Чертыкова 2016 — *Чертыкова М.Д.* Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности): учебно-методический комплекс по дисциплине: словарь справочник / М.Д. Чертыкова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова». 2016. 172 с.
- Шамина 1998 — *Шамина Л.А.* Структурно-семантические типы изъяснительных ППК в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 81–86.
- Шамина 2004 — *Шамина Л.А.* Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дисс.... д.ф.н.. Новосибирск. 2004. 52 с.
- Шамина 2016 — *Шамина Л.А.* Морфосинтаксические характеристики модус-диктумных бипредикативных конструкций тувинского языка (на материале фольклорных и современных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 229–245.

Источники

- АС КА — А. Султреков. Кўнўр ағас. (Дуплистое дерево) Повесть (на хакасском языке). Абакан. Хакасское книжное изд-во. 1996. 96 с.
- ВТ АТ — В. Татарова. Аат табызы. (Крик турпана) Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1991. 232 с.
- ГК ПАО — Г. Казачинова. Пистің аалның олғаннары (Ребята нашего аала). Рассказы для детей младшего школьного возраста (на русском и хакасском языке). Абакан: Хак. издат. 1991. 112 с.
- ГК Т — Г. Казачинова, А. Халларов. Той. Повесть и рассказы на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1979. 160 с.
- НТ КК — Н. Тиников. Кавристің көглері (Песни Кавриса). Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1977. 135 с.
- СЧ АҰХ — С. Чарков. Ах Ұёс хазында. (На берегу Белого Июса). Сборник рассказов. Абакан: Хакасское кн. изд-во. 1994. 176 с.
- МК П — М.Е. Кильчичаков, В.Г. Шулбаева, Туран Митхас, Г.Г. Котожеков Пьесалар. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хак. издат. 1991. 264 с.
- ХРС — Хакасско-русский словарь [Текст] / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука. 2006. 1114 с.
- ХЧ — Хакас чирі. 2021. № 91. С. 10; 2022. № 15. С. 2.; № 39. С. 13.

Глоссы

= — граница между морфемами;	PART — причастная форма;
[ ] — границы ГПЕ;	PASS — страдательный залог;
( ) — границы ЗПЕ;	CV — деепричастная форма;
1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо;	PP1 — прошедшее время причастия на =ган;
ABL — исходный падеж;	PP2 — прошедшее время причастия на =чатхан;
ADJ — прилагательное;	SG — единственное число;
ACC — винительный падеж;	PAST1 — прошедшее время глагола на =ган;
AUX — вспомогательный глагол;	PAST2 — прошедшее время на глагола =ды;
CASE — падеж;	PAST3 — прошедшее время глагола на =чан;
CAUS — понудительный залог;	Pr — аффикс настоящего времени;
CONJ — союз;	FUT — аффикс будущего времени на =ар;
DAT — дательный падеж;	INSTR — орудный падеж;
DEL — причинно-следственный падеж;	POSS — аффикс принадлежности;
GEN — притяжательный (родительный) падеж;	POST — послелог;
LOC — местный падеж;	PL — множественное число;
L^{оценка} — оценочные слова;	PTCL — частица;
NEG — отрицание;	PFV — совершенный вид;
NOM — именительный падеж;	Tv — основа глагола;
RECIP — совместно-взаимный залог;	V_{fin} — финитный глагол.
REFL — возвратный залог;	

Лексикология и фразеология

*Ф.Ш. Нуриева*¹
*М.М. Петрова*²
*М.М. Сунгатуллина*³

Лексикографический материал в тюрко-латинской грамматике Иеронима Мегизера «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» (1612)

Для XVI–XVII веков, характеризующихся активностью экономической, социальной и политической жизни, яркой приметой времени было появление ученых, поражающих многосторонностью своих интересов и высокой образованностью, стремлением к изучению мира путем своего опыта, знающих несколько языков. Важным явлением, отразившим интерес к языкознанию, стали первые справочники о языках мира, их письменности, истории, родственных связях с другими языками, содержащие отдельные лексические сопоставления, образцы слов и текстов, реже — сведения о грамматике [Gessner 1555]. В числе ученых, которые дали ценный материал для развития сравнительно-исторического языкознания необходимо упомянуть и Иеронима Мегизера, написавшего целый ряд интересных работ, посвященных языкам разных языковых систем. Среди них примечателен труд, посвященный тюркским языкам. Попытки изучения тюркских языков в Европе предпринимались и раньше. Знаменитый рукописный Кодекс Куманикус, до сих пор вызывающий пристальное внимание исследователей был написан, по мнению ряда исследователей, не позднее XIV в. Рукописное пособие,

---

¹ Нуриева Фануза Шакуровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета, ведущий научный сотрудник Института системного программирования Российской академии наук; fanuzanurieva@yandex.ru

² Петрова Маргарита Михайловна — доцент Казанской православной духовной семинарии; benelat926@gmail.com

³ Сунгатуллина Миляуша Масхутовна — учитель английского языка школы № 30 г. Казани; milaushateacher@gmail.com

составленное флорентийцем Филиппо Ардженти, «Regola del parlare Turcho» ('Правила разговорного турецкого языка'), датируемое 1533 годом; первая турецкая грамматика, написанная в 1611 году итальянским монахом Пьетро Феррагудо, тоже являются свидетельством этого [Гузев 1972: 84–86]. Наверняка имелись и другие попытки изучения тюркского языка, поскольку в этом была историческая необходимость, но они пока остаются неисследованными. Ведь и Куманский сборник попал в руки лингвистов значительно позже. Перечисленные рукописные пособия, к сожалению, в настоящее время труднодоступны для изучения, так как хранятся в частных коллекциях, в зарубежных библиотеках. Актуальность представленной работы состоит в том, что тюрко-латинская грамматика Иеронима Мегизера, которая является одним из важных источников для тюркского языкознания и истории тюркологии, до начала XXI века не была предметом специального исследования. К ней спорадически обращались специалисты в связи с изучением истории тюркологии. Первым описанием работы Мегизера считаются исследования турецкого ученого А. Dilacar [Dilacar 1970: 197–210]. Он дал общую структуру грамматики, указал некоторые неточности в передаче тюркских слов. Известный тюрколог А.Н. Кононов упоминает труд Мегизера как один из первых грамматических трудов по тюркским языкам [Кононов 1976: 16]. Татарский ученый А. Каримуллин, автор исследований истории татарской печатной книги, отнес грамматику Мегизера к первой печатной татарской книге [Каримуллин 1992: 142–146]. Татарский фольклорист М. Махмудов в своих исследованиях использовал часть пословиц для выявления их схожести с пословицами татарского языка [Махмудов 2002: 175–178]. Немецкий ученый Н. Stein опубликовал результаты сравнительных исследований пословиц грамматики Мегизера с пословицами современного турецкого языка [Stein 1984: 55–104]. В процессе перевода грамматики и анализа ее материала нашей рабочей группой был написан ряд статей. В них рассматривались личность автора, время создания книги, структура книги и краткая характеристика ее содержания, рассмотрены вопросы грамматики, проанализирован хрестоматийный материал [Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2018, 2019]. Часть материала была переведена на татарский язык [Мегизер 2012], сопоставление с татарским языком проводилось систематически.

Настоящее исследование посвящено одному из аспектов исследования грамматики — лексикографическому аспекту. Цель исследования — показать характерные особенности лексикографической деятельности Мегизера, выявленные при анализе его грамматики.

Методы решения задач научного исследования

Сравнительно-исторический и сопоставительный методы для описания материала родственных и неродственных языков для выявления их сходства и различий на всех уровнях языковой структуры. Метод статистического анализа, лексикографический метод для инвентаризации словарных единиц.

Теоретическая часть

Иероним Мегизер (1550–1616) наряду с другими учеными, посвятившими свою деятельность сбору словарного материала разных языков, осуществил фиксацию этого сокровища, важного для появления и дальнейшего развития сравнительного и сопоставительного языкознания. Мегизер получил хорошее гуманитарное образование: закончил классическое отделение университета в Тюбингене, учился правоведению в Падуе. В течение всей своей жизни он продолжал изыскания в области филологии, был придворным историком при дворе эрцгерцога Карла в Граце, путешествовал по разным странам (был в Италии, на Мальте, в Англии, в Голландии), занимался картографией, издательской и переводческой деятельностью, миссионерством. Был директором протестантской школы. Вся эта разносторонняя работа, разумеется, требовала широкого кругозора и активного отношения, стремления быть в курсе событий научной и общественной жизни. Он имел для этого все условия, поскольку в течение нескольких лет был заведующим библиотекой в г. Линц в Австрии; также помогала этому его издательская деятельность.

Иероним Мегизер был видным ученым своего времени, авторитетным историком и филологом. Он заявил о себе в литературе как издатель исторических, географических, философских и поэтических произведений; ему мы обязаны первым немецким изданием путешествий Марко Поло, компиляций из рассказов путешественников о Сибири, первых карманных путеводителей, первой печатной тюркской грамматики [Алексеев 1968: 75–282]. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев изданных по нескольку раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу раритетов библиотек. Слава Мегизера была закреплена изданным впервые в 1592 г. (2-е издание — 1603 год) сравнительным словарем «Сокровищница всех языков, или Многоязычный словарь» объемом 759 страниц, включающим в себя все важнейшие наречия старого и нового света. В этом словаре к латинским словам приведены многочисленные соответствия на различных языках, насколько позволяли источники, находившиеся в распоряжении автора. Так, например, латинские слова с начальными буквами *A*, *Ab* сопровождаются примерами из 31 языка, слово *brevis* — из 19, *cavea* — из 13, *color* — из 16 и т.д. [Алексеев 1968: 55–56].

Грамматика Иеронима Мегизера являлась одной из ранних попыток осмыслить тюркологический материал языка иной системы с точки зрения европейского ученого и первой печатной работой, посвященной этой теме: «*Quam enim praeclara sit atque honorifica, magna; cum laude conjuncta, quam ad omnes vitae humanae partes conducibilis, quam deniq; pace et bello, domi et militia, omnino necessaria, cum aliarum linguarum, tum vero, praeferim hoc nostro seculo, etiam sermonis Turcici cognitio et intelligentia*». ‘Ведь как прекрасно и почетно, возвышенно и похвально, как для всех сторон человеческой жизни полезно, как, наконец, в мирное время и во время войны, дома и в военном походе — всюду необходимо как знание других иностранных языков, так, в особенности в этот наш

век, знание и понимание тюркской речи' [Мегизер 2012: 15–16] (перевод с латинского языка Петровой М.М.).

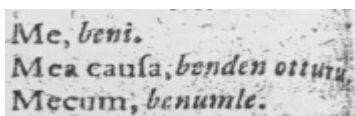
Само название грамматики «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*» говорит о том, что она состояла из четырех книг (*libri quatuor*). Общий объем грамматики составляет 340 страниц: в первой книге помещено введение, сведения о тюркской фонетике, дана общая характеристика арабо-тюркскому алфавиту. Вторая книга посвящена частям речи и грамматическим категориям тюркского языка, в нее включены элементы словообразования. Третья книга содержит иллюстративный материал в виде пословиц и глав из религиозных источников. Четвертая книга «*Dictionarium Latino-Turcicum et Turcico-Latinum*» представляет собой тюрко-латинский и латино-тюркский словари. Словарный материал грамматики представляет интерес как важный источник изучения лексикографии первой четверти XVII в. и как материал для изучения тюркской лексики периода написания труда. Конечно, это не всегда чистые данные, поскольку собрание слов нередко является результатом компиляции автором материала разных рукописных источников, собранных другими авторами в более раннее время и на других территориях, но сама фиксация этих слов — это уже некий конкретный факт, на который можно опереться, делая выводы.

Текст грамматики Мегизер писал на латинском языке и использовал всем известную латинскую графику для транслитерации тюркского материала. Латинская графико-орфографическая система при передачи тюркской речи отличается вариативностью. Например, звук [к] передается при помощи букв и буквосочетаний *k, c, ch, kh*. Такие явления могли быть обусловлены разными причинами, а именно: использовались разные источники материала, могло сказаться отражение особенностей диалектной речи информантов, к тому же наличие вариативности являлось характерной чертой этого времени, когда только еще начали складываться языковые нормы.

Материал словаря показывает, что скорее всего, набор производился разными людьми и в разное время. Так, например, одни части словаря набраны с прописной буквы, а другие фрагменты со строчной. Это не связано у него с собственными и нарицательными именами. Легко это заметить по непоследовательности изображения первой буквы *s* и *s*-вытянутое (*ſ*) [Megiser 1612: 274–277]. Особо нужно остановиться на использовании в словарном материале графических знаков *u, v, j, i*. Употребление этих букв в латинице современных европейских языков не было таковым в период создания грамматики. Отличие *I i*, которое произносилось как русское [и], и *J j*, которое соответствует в произношении русскому [й], не имело в латинском языке смыслоразличительной функции (то есть в латинском языке не существовало слов, различие которых определялось бы противопоставлением *i* и *j* [Тронский 2001]). Латино-тюркский словарь грамматики Мегизера содержит 130 единиц лексики, начинающейся с этих букв. В заголовок словарной статьи вынесена только буква *i*. Слова с *I, J* оказались в одном столбце. Из 130 слов 22 из них с *J*, условия использования соблюдены, т.е. *J* использовался в начале слова перед гласным и в интервокальной позиции. Но в ря-

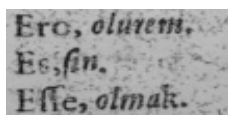
де слов, как правило, данных в словаре с заглавной буквы, вместо *J* используется *I* (11 случаев). Тюрко-латинский словарь включает в себя 250 подобных слов, из них с *J* — 51 слово, но написанных с буквой *i* вместо *J* почти втрое больше. По-видимому, не было выработано четких правил набора текста словаря. В латинско-тюркском словаре под заголовочной буквой *V* представлены слова на *U–V*, всего 153 слова. По правилам латинского языка *V* использовалась в начале слова перед гласными (*vita* ‘жизнь’ [284], *verbum* ‘слово’ [282], *vir* ‘мужчина’ [284], исключение составляет слово *Vltimo* ‘в последнюю очередь’ [284]). Буква *U* употребляется в начале слова перед согласным или группой согласных (*unus* ‘один’ [284], *uncia* ‘унция’ [284], *urbs* ‘город’ [285]). К моментам, возможно имеющим какое-то значение, можно отнести тот факт, что буква *V* выступает в словах как заглавная и как прописная, а буква *u* — исключительно как прописная. В тюрко-латинском словаре представлены слова только с начальной *V*, хотя это не отражает произношения данных слов. Например, в словах *vermek* ‘дать’ [336], *vizier* ‘советник’ [336], *vimak* ‘следовать’ [336] произносится как русское [в], а в словах *vdi* ‘желчь’ [336], *vltum* ‘смерть’ [337], *vn* ‘мука’ [337] произносится как русский гласный звук [у]. Таким образом, произношение данной буквы зависит от позиции в слове перед согласной или гласной буквой, но это не отражено в графике.

Словарная часть грамматики начинается с латино-тюркского словаря [228–285] Это может служить подтверждением того, что словарь писался автором для европейского читателя. Причем для людей грамотных, получивших образование, хорошо знающих латинский язык. Латинский язык в Европе был не только языком науки: он изучался в школах, использовался в богослужении, нередко употреблялся и в обыденной жизни. Римская империя являлась совокупностью множества территориальных и государственных объединений, и население говорило на разных языках — романских, германских, славянских, албанских, тюркских. Латинский язык был своеобразным связующим звеном, поэтому не должно вызывать удивление замечание биографов о том, что Мегизер писал на понятном всем, простом языке, а ведь работа написана на латыни. На протяжении длительного периода латинский и греческий языки были основным признаком образованности. Об этом свидетельствует тот факт, что словарь не включает в себя большое количество лексики, приведенной в материалах хрестоматии, то же можно сказать и о словах текстовой части грамматики, например, о лингвистической терминологии автора. Подача латинской части словарного материала грамматически малоинформативная: у существительных указан лишь номинатив, у прилагательных — форма мужского рода, у глаголов — только инфинитив. Это предполагает довольно хорошее знание читателем латинского языка и некоторое знакомство с лингвистической терминологией. В особые словарные статьи Мегизер включает иногда словоформы. Это касается в основном личных местоимений:

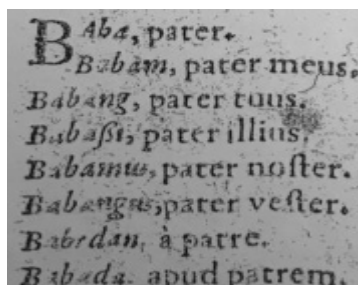

Me, beni.
Mca causa, benden otturu
Mecum, benumle.

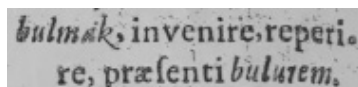
И форм неправильного глагола *esse* ‘быть’:

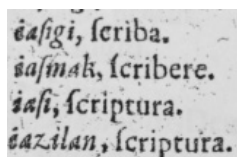
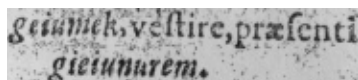
В тюрко-латинском словаре тюркские слова в основном представлены в начальной форме. Словоформы указываются у ряда существительных, означающих родственные связи, у личных, указательных и притяжательных местоимений:

У тюркских глаголов кроме инфинитива, как правило, еще дается первое лицо настоящего времени при некоторых наиболее употребительных глаголах:

и другие формы:

Объем каждого словаря достаточно большой, если принять во внимание тот факт, что это словарь к учебнику — две с половиной тысячи слов [228–338]. Заметим, что словари значительно превышают количество слов, необходимых для чтения хрестоматийного материала грамматики. Создается впечатление, что автор и не ставил своей целью создать словарь конкретно для данного учебника. Он пытался воспользоваться возможностью запечатлеть в своем труде как можно более широкий круг тюркской лексики. Интересно, что далеко не все слова, использованные в третьей, хрестоматийной части грамматики, где расположен религиозный материал и более двухсот пословиц, а также и в других книгах грамматики, отмечены в словаре.

Примечательно то, что латино-тюркский и тюрко-латинский словарь нельзя рассматривать как абсолютно однозначные. Это повышает ценность каждого из словарей, нередко помогает уточнить значения слов. В тюрко-латинском словаре дается некоторое предпочтение отдельной подаче каждого слова, в латинско-тюркском — автор часто дает ряд синонимов. Это позволяет в случае многозначности слов понять их значение. При работе над словарем синонимические ряды или даже вариативные дублеты оказывают неоценимую помощь в получении представления о тюркской речи, распространенной среди слоев населения Малой Азии на рубеже XVI–XVII вв. По оценке профессора Д.М. Насилова, автор отразил в своей книге определенный этап установления языковой нормы [Насилов 2012: 9]. Иногда в качестве отдельных статей словаря встречаются целые устойчивые фразы, восклицания, разговорные модели. Например, *baschum itschun* ‘клянусь своей головой’ [293]; *tangrihakitschun* ‘клянусь справедливым Богом’ [267] и другие.

Как уже говорилось, латино-тюркский словарь предназначен непосредственно для европейского читателя грамматики. В большинстве случаев при переводе латинских слов на тюркский язык автор старается дать все синонимы, фонетические и лексические варианты тюркских слов. Например, *bulbil, bulbul* ‘соловей’ [257]; *geykmak, jumak* ‘мыть’ [256]; *biuk, quibir* ‘большой’ [257]; *sabah, erken, dangla, danda, jarunsabach, tschinsabach* ‘утро’ [257]. В тюрко-латинском словаре эти лексемы обычно даются отдельной статьей.

С точки зрения частей речи, материал словаря распределяется следующим образом: существительные составляют около 60% всех слов, глаголы — около 15%, прилагательные — 8%, наречия — 7%, а остальное приходится на местоимения, предлоги, союзы, междометия. Тематика словаря весьма разнообразна и охватывает практически все сферы жизни.

В данном исследовании мы остановимся на наиболее представленной части речи — именах существительных. Основная масса существительных обозначает наименования употребительных понятий, явлений, предметов и обычна для многих словарей, дающихся в приложениях к учебникам иностранных языков.

При рассмотрении словарного материала были выделены наиболее значимые тематические группы существительных. С точки зрения статистики, распределение по этим группам следующее: наименований лица — 233 единицы, лексемы из сферы анатомии, медицины — 102 единицы; ботаники — 127 единиц, зоологии — 122 единицы, географии — 91 единица и другие. Для иллюстрации остановимся на некоторых тематических группах.

Географические наименования. Эта группа дает полезный и интересный материал для изучения исторической топонимики. В словари включены названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа, политико-административных единиц, имеющих отношение к событиям времени написания книги или недавнего прошлого.

Названия государств: *Anatoli* ‘Анатолия, часть Азии’ [229], *Arnaut* ‘Албания’ [230], *Azamia* ‘Ассирия’ [231], *Bagdat* ‘Вавилон ассирийский’ [231], *Briquia* ‘Фри-

гия» [235], *Carabogdania* ‘Молдавия’ [237], *Curdistan* ‘Халдея’ [238], *Dierbech* ‘Месопотамия, область между Тигром и Ефратом’ [240], *Dobra benedik* ‘Словения’ [241], *Dumaghi* ‘Катар’ [242], *Frenistan* ‘Италия’ [245], *Horasson* ‘Месопотамия’ [251], *Magiarfilaeti* ‘Венгрия’ [259], *Miszir* ‘Египет’ [260], *Mitzir* ‘Египет’ [260], *Nimce meleketi* ‘Германия’ [262], *Petsch* ‘Вена’ [265], *Petschjilaet* ‘Австрия’ [265], *Pharsik* ‘Персия’ [265], *Rum* ‘Европа’ [266], *Rumvilaget* ‘Греция’ [266], *Sait* ‘Фивы, провинция Египта’ [267], *slobin filaethi* ‘Словения’ [271], *Rodosta* ‘остров Родос’ [266], *Magrip* ‘Запад’ [259], *Maschrik* ‘Восток’ [259]. Как явствуют материалы, в грамматике зафиксированы тюркские названия стран Востока и Запада. Если в Посвятительном послании Венгрия дана была как *Hungaria* [Мегизер 2012: 11], то в словаре зафиксировано тюркское наименование *Magiarfilaeti* [Мегизер 2012: 259]. Эти материалы ценны тем, что предоставляют нам важный исторический материал по тюркским названиям стран и государств, использовавшихся в XVII в. Часть этих названий исчезло, другие изменили фонетический облик или семантическое наполнение, некоторые из них сохранились до настоящего времени.

Названия городов: *Achelo* ‘г. Анхиал’ [227], *Acseray* ‘Аксаaray (белая крепость)’ [227] *Aksaray*, *Acsebeheri* ‘Акшэхир (белый город)’ [227] *Akşehir*, *Aldephe* ‘г. Алепо’ [229], *Arachlea* ‘г. Гераклеа’ [229], *Bargama* ‘г. Пергам’ [232], *Bursa* ‘г. Пруса (сейчас Брусса)’ [236], *Café* ‘город Кафа’ [236], *Cetine* ‘Афины’ [237], *Chemes* ‘Эмиса (город в Сирии)’ [237], *Conia* ‘г. Конья’ [238], *Cudsimuharec* ‘Иерусалим’ [238], *Dangori* ‘г. Анкира, ныне Анкара’ [239], *Dimotu* ‘г. Димоту’ [241], *Duraz* ‘г. Диррахий’ [242], *Edrenos* ‘г. Адран’ [243], *Edrini* ‘г. Адрианополи’ [243], *Edremit* ‘г. Адрамитгий’ [243], *Gag Stamboli* ‘до Константинополя’ [245], *stamboli* ‘Константинополь’ [271], *Ismed* ‘г. Никомедия’ [255], *Ismyr* ‘г. Измир’ [255], *Komidi* ‘г. Никомедия’ [258], *Kudzimubarck* ‘Благословенное место, так турки называют Иерусалим’ [258], *Manissa* ‘г. Магнесия’ [259], *Melatige* ‘г. Мелитиной’ [260], *Nigeboli* ‘г. Никополь (гр. «град победы»)» [262], *Philibe* ‘Филиппополь во Фракии (ныне Пловдив)’ [265], *Rim* ‘Рим’ [266], *scham* ‘Дамаск’ [268]. В грамматике зафиксировано больше 30 наименований городов стран Европы и Азии.

Названия морей и рек: *Acdenizi* ‘Средиземное море’ [227], *Akdeniz*, *Aytoszu* ‘Галис, река в Малой Азии’ [231], *Bogazi* ‘Босфор’ [235], *Caradenizi* ‘Черное море’ [237], *Derkoz* ‘река Борисфен’ [240], *Mariza* ‘река Гебр’ [259], *Pachicolan* ‘река Ахелой’ [264], *tuna* ‘Дунай’ [275].

Названия гор: *Cocaz* ‘гора Тавр’ [238], *Costegnaz* ‘гора Гем’ [238], *Geschir dage* ‘монашеская гора, так Олимп в Вифинии называют’ [247]. Некоторые наименования снабжены примечаниями автора. Например, «*Geschir dage* ‘монашеская гора, так Олимп в Вифинии называют’».

Топонимический материал словаря далеко не случаен, он связан с историческими событиями, с важностью населенных пунктов для торговых отношений или имеющих ценность в религиозном отношении.

Наименования лица. Это наиболее объемистая часть словаря. Она представляет собой сложную систему. Материал можно подразделить на несколько лек-

сико-семантических групп: термины родства и свойства; имена, обозначающие лицо по отношению к должности, профессии, занятию; наименование лиц по месту проживания, национальности [Сунгатуллина 2014: 198–201]. Для более компактного изложения мы не всегда указываем номера страниц в приведенных словарных примерах.

Наименования, обозначающие внутрисемейные и личные связи. В восходящей родословной линии встречаются следующие наименования: *baba* ‘отец’ или *uge baba* ‘отчим’, *ana* ‘мать’ и *uge ana* ‘мачеха’, *atta babam* ‘дед’, *biukanna* ‘бабушка’, *anam ana* ‘бабушка’, *dede* ‘прадед’ и *teise* ‘прабабка’. В нисходящей линии отмечены: *oglu, oglan* ‘сын’ и *uge ogul* ‘пасынок’, *kisoglan* ‘девочка’ и *ügeküs* ‘падчерица’.

Из наименований родственников по боковой линии зафиксированы лексемы *babam kardasch* ‘двоюродный дядя (по отцу)’, *anam ana* ‘бабушка по материнской линии’, *amuga* ‘родственник, дядя по отцу’, *hisim kaumlük* ‘кровное родство’, *hisim kaum* ‘кровный родственник’, *kiskardasch* ‘сестра’, *mischricler* ‘родственники’, *sagditsch* ‘двоюродный со стороны отца’.

Отдельно можно рассмотреть термины родства по браку (или термины свойства). Для обозначения наименований каждого из супругов в словаре даны слова *coga* ‘муж, супруг’ *hatan, menkiuha* ‘жена’. Поскольку брак установлен Богом для помощи в сложных семейных отношениях были опекуны, наименование *lala* ‘опекун’. К терминам брака относятся слова *giuvei* ‘жених’, *gelin* ‘невеста’. В случае смерти по отношению к супругам используются термины *dul adem* ‘вдовец’, *dul abret ~ dul avrat* ‘вдова’.

Согласно традициям подхода к человеческой жизни, отражены все этапы, и в большинстве случаев автор находит эквиваленты в тюркском языке. Человек сначала бывает *oglangik* ‘младенцем’, затем *oglu, oglan* ‘мальчиком’, затем *gentsch, jigit* ‘юношей’, после этого *er* ‘мужем’, в значении «взрослый мужчина», затем *kogla, koga* ‘стариком’. Относительно женского пола даны следующие термины *kisoglan* ‘девочка’, *kis* ‘девушка’, *abret ~ affaret ~ avurat* ‘женщина’, *cari* ‘пожилая женщина’.

Стоит подчеркнуть, что лексема *er* использована как общее наименование мужчины, зрелого человека, а в значении ‘супруг (муж)’ используется слово *coga*.

Наиболее представительной в количественном отношении является группа слов, обозначающих профессию, должность, занятие. Отмечено более 180 наименований. Интересно, что значительная часть слов представляет собой производные слова. Этим наименованиям Мегизер уделил особое внимание в грамматике. Рассматривая тему «Имена», он включил туда сведения о наиболее продуктивных словообразовательных типах: «Патронимические же имена и имена, образующие название соплеменников образуются присоединением частиц *-li* либо *-ge*, как например: *Stamboldili* или *Stamboldige* ‘константинополец’, *Petschli* ‘житель Вены’, *Ottomanli* ‘оттоманский’, *Edringli* ‘андрианополец’, *Turkige* ‘тюркский’, *Arabge* ‘арабский’, *Musurmange* ‘мусульманский’. Наименование же деятеля или того, кто ремеслом каким-нибудь владеет, образуют добавлением частицы

-gi, ее добавляют к наименованию той вещи, по отношению к которой проявляется способность или осуществляется деятельность лица, как например: *etmek* ‘хлеб’ — *etmekgi* ‘пекарь’, *khilitsch* ‘сабля’ — *khilitschgi* ‘мастер по изготовлению сабель’, *demir* ‘железо’ — *demirgi* ‘кузнец’, *raputsch* ‘сапог’ — *raputschgi* ‘сапожник’, *araba* ‘повозка’ — *arabagi* ‘возничий’, *chiur* ‘мех’ — *chiurgi* ‘меховщик’, *gemi* ‘корабль’ — *gemigi* ‘моряк’, *perma* ‘лодка’ — *permagi* ‘моряк’, *hal* ‘ковер’ — *halgi* ‘ковровщик’, *basargi* ‘продавец’ и бесчисленные другие [Megiser 1612: 91–92].

Таким образом, автор правильно уловил наиболее продуктивные типы аффиксального (по терминологии Мегизера «при помощи частиц») словообразования наименований лиц. Слова, образованные по этим моделям, широко представлены в словарной части. Нужно подчеркнуть, что автор не касается других способов словообразования, хотя в словарной части зафиксированы и способы словосложения, конверсия. Например, образование сложных слов с помощью компонента *-bass* ‘голова, начальник, руководитель, глава’. В тюрко-латинском словаре слова с этим компонентом даются отдельной статьей словаря — отмечено тринадцать слов. Примеры: *arabbagibass* ‘начальник возничих’, *capigi bassa* ‘начальник стражи’, *bostangi bassa* ‘начальник садовников’, *bracerbassa* ‘начальник конюхов’ или ‘погонщик ослов, начальник постоялого двора’ и другие. Вариативность написания показывает отсутствие норм по отношению к сложным словам.

Зафиксированные наименования лиц по сословному положению, официальной должности отражают реалии эпохи XVII в. К данной подгруппе относятся слова: *chan* ‘глава, государь, князь’, *chanoglan* ‘государев сын, царевич’, *hankiar* ‘повелитель’, *beg* ‘господин, господь’, *danisbik* ‘советник’, *emir* ‘эмир, князь’, *emir quibir* ‘эмир, князь’, *kadi* ‘судья’, *muderü* ‘наставник’, *mufti* ‘муфтий’, *vizier* ‘визирь’, *ustacier* ‘мастер’, *ustak* ‘учитель’ и другие.

Значительное место занимают лексемы, обозначающие наименования лица, занятого ведением хозяйства, обслуживанием: *basargi* ‘торговец’, *ekingi* ‘земледелец’, *tschissgi* ‘земледелец’, *ekhim* ‘врач’, *halaik* ‘служанка’, *hizmeth khiair* ‘слуга’, *hogsialar* ‘учителя’, *schagirt* ‘ученик’, *jasirigi* ‘официальный служащий’, *jasigi* ‘писарь’, *kull* ‘пленный’, *tschoban* ‘пастух’, *dulgier* ‘плотник (мастер по дереву)’, *nakas* ‘художник’, *oracgi* ‘жнец-косарь’, *saraptor* ‘виночерпий’ и другие.

Из воинских титулов зафиксированы слова: *spabi* ‘всадник’, *sangiat* ‘начальник конармии’, *olach* ‘конный гонец’ и другие.

Проведенный анализ выявил существенное преобладание наименований лиц по профессии и социальному статусу мужского рода.

Системный анализ позволил определить наиболее значимые термины данной группы. Подавляющая часть рассмотренных слов является словами тюркского происхождения, однако имеются общепринятые заимствования из арабского языка. В некоторых случаях наблюдается вариативность написания, типа *abret* ~ *affaret* ~ *avurat*, что можно объяснить неточной передачей слухового восприятия слов или отражением диалектного произношения. Показательно, что эти терми-

ны, зафиксированные в словарях грамматики, до сих пор остаются активной лексикой в тюркских языках, в частности, в турецком языке.

В словаре богато представлена лексика, связанная с наименованиями объектов животного и растительного мира. Среди представителей животного мира можно выделить наименования диких и домашних животных.

Наименования диких животных: *aslan* ‘лев’ [290], *aslan dischi* ‘львица’ [290], *ay* ‘медведь’ [291], *eja* ‘медведица, медведь’ [303], *caplan* ‘тигр’ [296], *chater* ‘самка мула’ [297], *dilki* ‘лиса’ [301] ~ *tilki* ‘лиса’ [333], *füll* ‘слон’ [305], *geijk* ‘олень’ [306], *geijk dishfifi* ‘олениха’ [306], *gugen* ‘куница’ [308], *jaban domus* ‘кабан’ [311], *kurt* ‘волк’ [318], *maimon* ‘обезьяна’ [319], *schadi* ‘обезьяна’ [328], *schebek maimoni* ‘хвостатая обезьяна’ [328], *paru* ‘пантера, барс’ [324], *sitschan* ‘мышь’ [331], *jarisse* ‘летучая мышь’ [312], *surnaba* ‘жираф’ [331], *tauschan* ‘заяц’ [332], *tschursege* ‘буйвол’ [335]. Обращает на себя внимание наличие синонимии (‘обезьяна’ — *maimon* ~ *schadi*) и фонетической вариативности (‘лиса’ — *dilki* ~ *tilki*), видимо, опять связанное с диалектным произношением информаторов.

Наименования домашних животных: *ath* ‘лошадь, конь’ [290], *begür* ‘кобыла’ [293], *busak* ‘теленоч’ [296], *coın* ‘овца’ [298], *deve* ‘верблюд’ [301], *domuz* ‘свинья’ [301], *essek* ‘осёл’ [304], *giopek* ‘собака’ [307], *tasi* ‘собака’ [332], *cangiek* ‘собака’ [296], *kiopagik* ‘щеноч’ [317], *inek* ‘корова’ [314], *kusi* ‘ягненок, агнец’ [318], *oglak* ‘козел’ [322], *tcheluk* ‘козел’ [332], *sigur* ‘крупный рогатый скот, корова’ [330] ~ *tseger* ‘корова’ [335], *tossun* ‘бык’ [334], *vku* ‘бык’ [336]. Наибольшая вариативность наблюдается в наименованиях животных, играющих важную роль в хозяйстве. Например, ‘корова’ — *inek* ~ *sigur* ~ *tseger*; ‘бык’ *tossun* ~ *vku*; ‘собака’ — *giopek* ~ *tasi* ~ *cangiek* и другие.

В списке домашних птиц представлены: *gas* ‘гусь’ [306], *horos* ‘петух’ [311] ~ *oros* ‘петух’ [324], *imlük* ‘каплун’ [314], *tauk* ‘курица’ [332], *vrdeek* ‘утка’ [277], *pillitschter* ‘цыплята, птенцы’ [325].

В словаре зафиксированы свыше 37 наименований диких птиц. При видовых названиях птиц Мегизер в латино-тюркском словаре ссылается на Гесснера:

avofetta, avis, Zeluk
(Gef.)

Bubo, uqa, (Gef.)

Наименования диких птиц: *agascakan* ‘дятел’ [287], *agulgussim* ‘синица лесная’ [288], *ala* ‘пестрая птица’ [288], *babare* ‘чайка’ [292], *baigus* ‘сова’ [292], *balakzel* ‘цапля’ [292], *belbek* ‘трясогузка желтая’ [293], *buldurschni* ‘перепел’ [295], *bulbul* ‘соловей’ [295], *dudi* ‘попугай’ [302], *felbeck* ‘дрозд’ [304], *garatauk* ‘дрозд’ [306], *garga* ‘ворона’ [306], *gulguruk* ‘чибис’ [308], *gunergfid* ‘голубь’ [308], *jabantais* ‘куропатка’ [311], *kirlangitsch* ‘ласточка’ [317], [318], *kusgon* ‘ворон’ [318], *leglek* ‘аист’ [319], *sagsagan* ‘сорока’ [327], *sagarick* ‘дятел’ [327], *sakagusch* ‘шегол’ [327], *schabau* ‘утиный орел’ [328], *schabin* ‘сокол’ [328], *serge* ‘воробей’ [330], *serce* ‘королек’ (птица) [330], *Sigersuk* ‘скворец’ [330], *suglun* ‘фазан’ [331], *sumurek* ‘гриф, грифон’ [331], *suveile* ‘пеликан’ [332], *tauschan* ‘павлин’ [332], *tschauka* ‘галка’ [334], *turna* ‘журавль’ [335], *vseik* ‘дрозд’ [336], ‘филин’ [336], *vtlugan* ‘воробей’ [337], [338], *zeluk* ‘птица’ [338].

Наименования рыб и земноводных: *baluk* ‘рыба’ [292], *dengis baluk* ‘морская рыба’ [300], *alabaluk* ‘форель’ [288], *chella baluk* ‘угорь’ [297] ~ *ilam balugi* ‘угорь’ [314], *turnabaluk* ‘щука’ [335], *engets* ‘рак’ [304], *tekeler* ‘рак’ [333], *esterha* ‘змея’ [304], *gilan bilugi* ‘хелидр — водяная змея’ [307], *gilan* ‘змея’ [307], *kurbaga* ‘лягушка’ [318].

Данная лексика включает как наименования обычных представителей животного мира, так и названия животных, имеющих значение в охоте, промысле, добычи пушнины.

Растительный мир также имеет огромное значение для человека, дает ему пищу (сельскохозяйственные и пряные растения), лекарства (лекарственные растения). Поэтому достаточно большое количество наименований отражено в словаре Мегизера.

Растения, имеющие сельскохозяйственное значение: *arpa* ‘ячмень’ [290], *bakla* ‘боб’ [292], *bogdai* ‘пшеница’ [295], *boguizi* ‘фасоль’ [295], *cotame* ‘горох’ [298], *dari* ‘пшено’ [299], *gette* ‘огурец’ [307], *iulass* ‘овес’ [316], *kabag* ‘тыква’ [316], *lahana* ‘капуста’ [319], *mersinek* ‘чечевица’ [320], *nohut* ‘бобы’ [322], *perinzhsorba* ‘рис’ [325], *pirinsch* ‘рис’ [325], *prassa* ‘порей’ [325], *trup* ‘редька, редиска’ [334], *pambuk* ‘хлопчатник’ [324].

Лекарственные растения: *cebar* ‘алоэ’ [297], *chetme* ‘мальва’ [297], *dischoti* ‘шалфей’ [301], *fasa* ‘растение’ [305], *garansil* ‘гвоздика’ [306], *haschasch* ‘мак’ [310], *japsigan* ‘крапива’ [312], *pellin* ‘полынь’ [325].

Пряности: *baigan* ‘миндаль’ [292], *hardal* ‘горчица’ [310], *kismisch* ‘кориандр’ [317], *koziriban* ‘перец’ [318], *mandanos* ‘петрушка’ [319], *piber* ‘перец’ [325], *püg* ‘мустак — разновидность лавра’ [325], *resene* ‘фенхель’ [326], *saffran* ‘крокус, шафран’ [326], *saroth* ‘пырей, шафран’ [327], *sarumsak* ‘чеснок’ [328], *sathar* ‘тимьян’ [328], *sogan* ‘лук’ [331].

Цветы: *aslah* ‘львиный зев’ [290], *giul* ‘роза’ [308], *iulla* ‘роза’ [316], *meudheudi* ‘вьюнок’ [320], *raponesch* ‘марьянник’ [324], *sakaik* ‘анемона’ [327].

Деревья: *sarub* ‘кипарис’ [327] ~ *serbi* ‘кипарис’ [330] ~ *setss* ‘кипарис’ [330], *caba* ‘липа’ [296], *sassaf* ‘ива, верба’ [328], *cestene* ‘каштан’ [297], *desle* ‘олеандр’ [299].

Весьма точные наименования представителей животного и растительного мира, судя по ссылкам, взяты были автором грамматики из книг знаменитого Конрада Гесснера [Gessner 1555]. Среди этих наименований есть названия промысловых животных, например, кабан, утка, перепелка, форель и др., интересных для любителей охоты. К таковым любителям, в частности, относился и сам император. Но значительная часть наименований птиц и животных предполагает не столько практический, сколько познавательный интерес.

Весьма широко представлена в словаре военная лексика. Прямо к теоретическим выкладкам этот материал не относится, но ведь книги в это время, как известно, издавались под покровительством и при финансовой поддержке важных лиц государства. Сложная политическая обстановка (шла война с турками-османами) выдвигала на первый план знание особенностей тюркской речи. Неслучай-

ны в этом отношении наименования воинских подразделений и обустройства военного лагеря, видов доспехов, слова, необходимые для описания принадлежности конной упряжи, кухонных принадлежностей, очень широко представлены наименования повседневной одежды и обуви как европейской, так и иноземной. Военные возгласы — тоже дань времени, поскольку император был и военачальником.

Интересна лексика, относящаяся к торговле, административной деятельности. Даны наименования различного рода провианта, яств, напитков, в том числе национальных тюркских блюд.

Такая подробность в подаче лексического материала непривычна, если принять во внимание тот факт, что это не отдельный словарь, а приложение к грамматике. Объяснить это, видимо, можно тем, что автор создает первое пособие по тюркскому языку и стремится как можно более полно отразить специфику этого материала.

В качестве общей характеристики можно отметить, что понятие словарной статьи еще недостаточно разработано. Иногда нарушается алфавит при подаче слов, допускаются явные ошибки, не имеющие отношения к автору — поскольку это указывает на незнание латинского языка, скорее всего, это ошибки наборщиков. Создается ощущение некой спешки при наборе словаря: использование строчной и прописной не всегда мотивировано. Например, в начале латинско-тюркского словаря на букву А, на одних страницах мы видим все слова с заглавной буквы [229–231], а на других же с прописной [232–234]. Иногда автор дает в отдельных статьях не только слова, но и словоформы. Это, впрочем, оправдано спецификой каждого из языков. Так, личные местоимения в латыни характеризует супплетивизм, и этим объясняется подача каждой формы, а в тюркском языке притяжательность может быть выражена альтернативным способом, и эти возможности указаны в словаре в статьях притяжательных местоимений. В таком случае в некоторых статьях мы имеем не просто перевод формы, а краткое изложение теории, да еще снабженное ссылками на точные местоположения теории в грамматике. В словаре нередко включаются разговорная лексика, бытовые наименования, пояснения. Например, «*leβilbas* ‘зеленая голова’ (так турки называли татар)», «*kezilbassi* ‘красная голова’ (так тюрки называют персов)».

Иногда вместо названия города — калькированная передача значения: *Bithyniae geschis dage* ‘гора монахов’ — так Олимп в Вифинии называют; *carachisar* ‘черная крепость’ (Шварцбург); *Aiem memleket*, *Aiem vilaget* ‘царство персов’ и др. Не всегда можно идентично передать значения слов, особенно слов, касающихся религиозной сферы. Автор пытается передать лишь самое общее значение, в то время как они имеют свою специфику и даже в некоторой мере свою терминологичность. Например, *papa* — *имам*, *суд* — *шариат*, *общая молитва* — *массовая молитва*, *сунна* — *совет* и другие. Впрочем, это может наблюдаться и в бытовой лексике, например, в названиях блюд: *вареный рис* — *плов*, *кислое молоко* — *йогурт*, *одежда: тога* — *плащ*, *башмаки* — *сандали* и т.д. В отдельных словах Мегизер уточняет их значение с помощью немецкого или латинского, итальянского, греческого языков.

Словарь грамматики, так же как и список более чем двухсот пословиц на все случаи жизни, был ценным материалом для изучающего тюркский язык и открывал широкие перспективы для использования его самыми разными людьми: от властного правителя до торговца и простого воина. Он был полезен и лингвистам, и людям, самостоятельно желающим выучиться тюркскому языку, и тем, кто занимался поэзией, миссионерской деятельностью, обучением иностранным языкам.

Литература

- Dilacar 1970 — *Dilacar A.* 1612 de Auropada yayimlanan ilk turkce grammerinin ozellikleri. TDAYB. 1970. S. 197–210.
- Gessner 1555 — *Gessner C. Mithridates.* De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt <...> observationes. Tiguri: Froshoverus. 1555. № 2. 78 pp.
- Megiser 1612 — *Megiser H.* Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig. 1612. 340 pp.
- Stein 1984 — Stein H. “Eine turkische Sprichsammlung des 17. Jahrhunderts”. Acta Orientalia Academiae Scientiarum. Hung. Tomus XXXVIII (1-2). Leipzig. 1984. Pp. 55–104.
- Алексеев 1968 — *Алексеев М.П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л.: Наука. 1968. 155 с.
- Гузев 1972 — *Гузев В.Г.* Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII–XVI вв. // Тюркологический сборник: Наука. 1972. С. 69–93.
- Каримуллин 1992 — *Каримуллин А.* У истоков татарской книги. Казань: Татар. кн. изд-во. 1992. 207 с.
- Кононов 1976 — *Кононов А.Н.* Очерк истории изучения турецкого языка. Л.: Наука. 1976. 118 с.
- Махмудов 2002 — *Махмудов Х.* Слово, сказанное предками (Афоризмы в тюркско-татарских памятниках VIII–XVII вв.). Казань: Фикер. 2002. 256 с.
- Мегизер 2012 — *Мегизер И.* Основы тюркского языка (перевод и комментарии Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина). Казань. 2012. 288 с.
- Насилов 2012 — *Насилов Д.М.* К публикации грамматики Иеронима Мегизера // Мегизер И. Основы тюркского языка (перевод и комментарии Ф.Ш. Нуриевой, М.М. Петровой, М.М. Сунгатуллиной). Казань. 2012. С. 5–9.
- Нуриева 2018 — *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* Translated grammar books of the Western Europe: the category of the verb in the Grammar book by Hieronym Megiser “Institutiones linguae Turcicae libri quatuor” (1612) // NORDSCI conference on social science. 17–19 July. 2018 meeting park forum Helsinki. Finland, conference proceedings. Book 1, volume 1.
- Нуриева 2018 — *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* General Characteristics of the Grammar book by H. Megiser // «Урало-алтайские исследования». №4. 2018 г. С. 227–232.
- Нуриева 2019 — *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* Графические и фонетические особенности передачи тюркского материала в грамматике И. Мегизера «Institutiones linguae turcicae libri quatuor» (1612) // Российская тюркология. 2019. С. 52–67.
- Сунгатуллина 2014 — *Сунгатуллина М.М.* Имя существительное в грамматике И. Мегизера “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” («Основные правила тюркского языка») 1612 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. 2. С. 198–201.
- Тронский 2001 — *Тронский И.М.* Историческая грамматика латинского языка. Общенноевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Москва. 2001. 591 с.

Ю.В. Псянчин¹

К вопросу о роли Мустая Карима в развитии ораторского подстиля башкирского языка

1. Функциональные стили современного башкирского языка

Функциональная стилистика башкирского языка, как, впрочем, и любого другого языка, по мнению известного отечественного лингвостилиста М.Н. Кожиной, представляет собой «<...> одно из направлений стилистики, изучающее закономерности функционирования языка в различных сферах речевого общения, соответствующих тем или иным разновидностям деятельности и представляющих прежде всего функциональные стили, а также их более частные разновидности, специфику, речевую системность, стилевые нормы этих разновидностей речи с учетом их экстралингвистических стилеобразующих факторов <...>» [Кожина 2003: 576], с чем мы выражаем свое согласие.

Еще в 1989 г. башкирским языковедом Э.Ф. Ишбердиным в коллективной монографии «Очерки истории башкирского литературного языка» была разработана теория дифференциации функционально-стилевой сферы башкирского литературного языка, согласно которой она делилась на книжную (литературно-художественный стиль, научный стиль, публицистический стиль, официально-деловой стиль) и разговорную (разговорный стиль) речи [ОИБЛЯ 1989: 231–235]. Далее в 1993 г. эта работа была опубликована на башкирском языке, в которой в таком же виде была представлена эта мысль Э.Ф. Ишбердина [Ишбирзин 1993: 250–279]. Стили, входящие в книжную сферу, являются вариантами башкирского литературного языка.

Сегодня книжная сфера современного башкирского литературного языка по нашим наблюдениям объединяет научный, публицистический, официально-деловой, эпистолярный, религиозный, литературно-художественный стили, а также стиль

---

¹ Псянчин Юлай Валиевич — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник ГАУ Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Минсельхоза Республики Башкортостан (г. Уфа); yulayps@yandex.ru

башкирского устно-поэтического творчества и стиль рекламы [Псянчин, Султанова 2019]. Все процессы, имевшие место в данной сфере функциональных стилей башкирского языка, были описаны нами и представлены в ряде наших публикаций [Псянчин 2014; Псянчин 2016].

Разговорный стиль башкирского языка, как и в других языках, противопоставляется книжным стилям своей устной формой реализации [Крылова 1979: 176].

2. Публицистический стиль башкирского языка

Публицистический стиль башкирского литературного языка (башк. *башкорт азэби теленең публицистик стиле*) традиционно располагает такими тремя группами жанров, как информационные (заметка, репортаж, интервью, отчет), аналитические (беседа, статья, корреспонденция, рецензия, обзор, обозрение) и художественно-публицистические (эссе, очерк, фельетон, памфлет). Он распадается на: а) газетно-журнальный (т.е. газетно-публицистический — *Ю.П.*) подстиль; б) подстиль телевидения и радио; в) подстиль общественно-политической деятельности; г) подстиль ораторской речи [Салимов 2003: 12].

Первые три подстиля уже были описаны в ряде работ башкирских языковедов [ОИБЛЯ 1989; Ишбирзин 1993; Салимов 2003], из-за чего считаем актуальным обратиться к вопросу об ораторском подстиле. Однако мы бы хотели отметить одну особенность нашего подхода к данному вопросу, а именно — всестороннюю характеристику специфики митинговой речи литературных персонажей. В связи с этим считаем вполне уместным известное высказывание той же М.Н. Кожиной, касающееся специфики художественной речи: «<...> Художественная речь использует языковые средства всех других стилей, в том числе и типичные для них <...>» [Кожина 1993: 200]. Таким образом, нами ставится цель творчески развить эту мысль патриарха отечественной лингвостилистики.

3. Проза Мустая Карима и ораторский подстиль башкирского языка

Ораторским выступлениям народного поэта Башкортостана, лауреата Ленинский и Государственных премий СССР и РСФСР, Героя Социалистического Труда Мустая Карима (1919–2005) [ПЗБ 2006: 227–229] посвящено два тома его сочинений [Кәрим 2016; Кәрим 2017]. Однако нами для стилистического анализа были выбраны две его известные повести — «Помилование» (1985) [Кәрим 2014: 315–472] и «Долгое-долгое детство» (1976) [Кәрим 2014: 7–314]. Эти две повести были успешно переведены на русский язык [Карим 1981; Карим 1987] и получили положительные отзывы у читателей.

3.1. Повесть «Помилование»

В качестве классического примера жанра митинговой речи можно привести фрагмент, взятый из повести М. Карима «Помилование» [Кәрим 2014: 454–455], посвященной Великой Отечественной войне:

«<...> Комбригтың ипле, аталарса, өгөтсән тауышы яңгыраны:

— Яугирзар! Яузаитарым минең! Канлы һугыш майзанына аяк бақыр алдынан без бөгөн шәфкәтһез, әммә бәхәсһез бурысты башкарабыз. Бик каты, ләкин гәзел хөкөм еренә еткереләсәк бөгөн. Кылган кылығы менән илгә хыянат иткән, хәрби Фитты бозоп, хәрби уставты һанга һужмай, дезертирлык юлына басқан, бригадабыз байрагына мәсхәрәлә кара тап төшөргән элекке сержант, Кызыл Армияның элекке сержанты Любомир Дмитриевич Зухка хәрби трибунал үлем язаһы сыгарзы. Ошо хөкөм хәзер бына һезең алда еренә еткереләсәк. Әммә без бөгөн бер Любомир Зухты ғына түгел, ә бүтән бәгзе берәүзәрзе лә булган баш-баштаклыкты, азынлыкты, гәмһезлекте, илке-һалкылыкты, яуапһызлыкты, кыскаһы, хәрби антка, уставка, корос дисциплинага каршы килгән барлык яман нәмәләрге аяһуыз язаға тарттырабыз, йәғни атып үлтерәбез, һәм, анау кәбергә күмеп, батырзарса яуга китәбез! — Үзенең яғымлы, хатта йығуаш тауышы менән бына ниндәй усал, куркыныс һүзәр һөйләне комбриг <...>» (М. Кәрим. Ярлыкау).

Пер. «<...> — Воины! Соратники мои! — разносился мягкий, назидательный голос комбрига. — Перед тем, как ступить на кровавое поле боя, мы должны исполнить тяжкий, но непреложный долг. Жестокий, но справедливый приговор будет сейчас приведен в исполнение. За измену Родине, за измену военной присяге, за нарушение воинского устава — сержант, бывший сержант Красной Армии Зух Любомир Дмитриевич, вставший на путь дезертирства и запятнавший позором знамя нашей бригады, приговорен военным трибуналом к расстрелу. Но мы сегодня расстреливаем не только бывшего сержанта Зуха, мы расстреливаем самоволие, недисциплинированность, расхлябанность, которые есть в каждом из нас, беспечность и безответственность... Короче говоря, все дурное, что противоречит присяге, уставу, железной дисциплине, мы сегодня судим безжалостным судом, приговариваем к расстрелу и вот здесь, в этой могиле, похороним. Да, похороним и геройски устремимся в бой!.. — вот такие беспощадные, страшные слова говорил комбриг своим мягким голосом <...>» (Пер. И. Каримова).

Итак, выбранный нами для анализа фрагмент текста представляет собой типичный образец жанра митинговой речи, относящийся к ораторскому подстилю публицистического стиля. Известно, что публицистический стиль, в отличие от остальных функциональных стилей, характеризуется двумя функциями — функцией информативной (стандарт) и функцией воздействия (экспрессивной) [Плещенко, Федотова, Чечет 1999: 48], которые актуализируются благодаря требованиям конкретного жанра.

В нашем фрагменте основной целью эмоционального выступления комбрига является строгое напоминание слушателям-солдатам об их большой ответственности на войне, что в результате должно сформировать у воинов очень серьезное отношение к своим обязанностям. Естественно, здесь в языковом аспекте реализуется такая стиливая черта, как экспрессивность.

Проявление экспрессивности на морфологическом уровне напрямую связано с употреблением инвертированной формы первого лица единственного числа морфолого-синтаксического способа выражения принадлежности [Дмитриев 1948: 34] *яузаитар-ым мин-ең* 'боевые соратники мои', сила выразительного воздействия которого на умы и сердца публики достигается путем сравнения с нейтральным в стилистическом плане обращением в форме назывного предложения *яугурзар* 'воины'. Примененные друг за другом в выступлении комбрига назывные предложения *Яугурзар!* 'Воины!', *Яузаитарым минең!* 'Соратники мои (Боевые соратники мои)!' представляют собой градацию, т.е. они постепенно увеличивают эмоциональную нагрузку в речи оратора.

В выступлении комбрига мы выделяем две части, которые логически взаимосвязаны между собой.

Выразительности речи комбрига в первой части его ораторского выступления (<...> — *Яугурзар! Яузаитарым минең! Канлы һугыш майзанына аяк баһыр алдынан без бөгөн шафкәтһез, әммә бәхәһез бурысты башкарабыз. Бик каты, ләкин ғәзел хөкөм еренә еткереләсәк бөгөн.* <...>) способствует и эмоционально-оценочный, экспрессивный характер лексики, которую в коннотативном аспекте можно квалифицировать как возвышенно-патетическую: например, *канлы һугыш майзаны* 'кровавое поле битвы', *аяк баһыу* 'ступать, ступить', *шафкәтһез бурыс* 'тяжкий (жестокий) долг', *бәхәһез бурыс* 'непреложный долг', *каты хөкөм* 'суровое наказание', *ғәзел хөкөм* 'справедливый приговор, справедливое наказание'.

Словосочетание *канлы һугыш майзаны* 'кровавое поле битвы' является эпитетом, т.е. образным определением [Никитина, Васильева 1996: 154]. Далее примененные автором контекстуальные антонимические пары *шафкәтһез бурыс* 'тяжкий долг' — *бәхәһез бурыс* 'непреложный долг', *каты хөкөм* 'суровое наказание' — *ғәзел хөкөм* 'справедливый приговор, справедливое наказание', обладая определенным окказиональным оттенком, способствуют раскрытию семантики такого эпитета, каким является *канлы һугыш майзаны* 'кровавое поле битвы' в речи комбрига [Фомина 1990: 148]. Это и есть авторская установка Мустая Карима.

Главной синтаксической особенностью ораторского подстиля является частое обращение выступающих в своей речи к инверсивному порядку слов [Плещенко, Федотова, Чечет 1999: 55]: например, в предложении *Бик каты, ләкин ғәзел хөкөм еренә еткереләсәк бөгөн* досл. 'Очень суровое, однако справедливое наказание будет доведено до конца сегодня' усиливается логически значимый член предложения — обстоятельство времени *бөгөн* 'сегодня', т.е. логическое выделение оратором времени исполнения наказания также привносит дополнительный эмоционально-экспрессивный оттенок в атмосферу выразительности.

Основное требование жанра митинговой речи, непосредственно относящееся к ораторскому подстилю [Плещенко, Федотова, Чечет 1999: 48] публицистического

стиля, связано с выдвиганием на первый план экспрессии (инструментов функции воздействия), тогда как стандарт (инструменты функции информации) в этих условиях остается на втором плане.

Вторая часть выступления комбрига фактически представляет собой передачу информации посредством использования типичной лексики, характерной для речи представителей среднего и старшего командного состава периода Великой Отечественной войны (например, *кылган кылык* ‘совершенный поступок’, *илгэ хыянат итеу* ‘предавать родину’, *хэрби антты бозоу* ‘нарушить воинскую клятву’, *хэрби уставты ханга хужмау* ‘не признавать боевой устав’, *дезертирлык юлына басуу* ‘встать на путь дезертирства’, *байракка мэхэрале кара тап төшөрөү* ‘запятнать знамя позорным черным пятном’, *хэрби трибунал* ‘военный трибунал’, *үлем язаһы* ‘смертная казнь’, *баш-баштаклык* ‘разгильдяйство’, *азгынлык* ‘развратность, распутство’, *гэмһезлек* ‘равнодушие’, *илке-һалкылык* ‘беспечность’, *яуапһызык* ‘безответственность’, *корос дисциплина* ‘стальная дисциплина, железная дисциплина’, *яман нәмәләр* ‘скверные явления’, *аяуһыз язага тарттырыу* ‘привлечение к жестокому наказанию’), которые из-за частого употребления в той или же в несколько видоизмененной форме (например, причинами этого могут быть поэтапная потеря стандартными формами точной семантики, экспрессивно-оценочных качеств, а также их перемещение в совершенно противоположные зоны коммуникации) превратились в речевые штампы и активно функционировали в речи руководителей предприятий, госслужащих различных уровней, партийных функционеров бывшего СССР.

Сама же речь комбрига является образцом подъязыка военно-правового воспитания личности.

Усиление экспрессии в речи комбрига во второй части его выступления («<...> *Кылган кылыгы менән илгэ хыянат иткән, хэрби антты бозоп, хэрби уставты ханга хужмай, дезертирлык юлына басқан, бригадабыз байрагына мэхэрале кара тап төшөргән элекке сержант, Кызыл Армияның элекке сержанты Любомир Дмитриевич Зухка хэрби трибунал үлем язаһы сыгарзы. Ошо хөкөм хәзер бына һезең алда еренә еткереләсәк. Әммә без бөгөн бер Любомир Зухты ғына түгел, ә бүтән бәгзе берәүҙәрҙе лә булган баш-баштаклыҡты, азгынлыҡты, гэмһезлекте, илке-һалкылыҡты, яуапһызыҡты, кысқаһы, хэрби антка, уставка, корос дисциплинага қаршы қилгән барлық яман нәмәләрҙе аяуһыз язага тарттырабыз, йәғни атып үлтерәбез, һәм, анау кәбергә күмеп, батырҙарса яуга китәбез!* <...> ‘За измену Родине, за измену военной присяге, за нарушение воинского устава: сержант, бывший сержант Красной Армии Зух Любомир Дмитриевич, вставший на путь дезертирства и запятнавший позором знамя нашей бригады, приговорен военным трибуналом к расстрелу. Но мы сегодня расстреливаем не только бывшего сержанта Зуха, мы расстреливаем самоволие, недисциплинированность, расхлябанность, которые есть в каждом из нас, беспечность и безответственность... Короче говоря, все дурное, что противоречит присяге, уставу, железной дисциплине, мы сегодня судим безжалостным судом, приговариваем к расстрелу и вот здесь, в этой могиле, похороним. Да, похороним и геройски устремимся в бой!.. — вот такие беспощадные,

страшные слова говорил комбриг своим мягким голосом'») в дополнительном плане достигается путем обращения к трем синонимическим рядам контекстуальных синонимов. Добавим только, что мы полностью согласны с М.И. Фоминой в том, что их появление «<...> обусловлено индивидуальным замыслом пишущего или говорящего, особенностями его языка, стиля и рядом других причин. <...>» [Фомина 1990: 106].

Итак, первый ряд таких синонимов составляют глаголы *хыянат итеу* 'предать', *антты бозоу* 'нарушить присягу', *ханга хукмау* 'не признавать'. Все три представленных глагола строго ограничены в употреблении в качестве синонимов, т.е. они могут функционировать в качестве таковых только в рамках речи комбрига.

Второй синонимический ряд контекстуальных глаголов представлен глаголами *баи-баишаклык* 'разгильдяйство', *азгынлык* 'развратность, распутство', *гамһезлек* 'равнодушие', *илке-һалкылык* 'беспечность', *яуапһызылык* 'безответственность'. Все перечисленные пять имен существительных с абстрактным значением [БТГ-2 2018: 15], образуя названный синонимический ряд, также ограничены в своем употреблении. Рассмотрим, например, имя прилагательное *азгын* '1) развратный, распутный, распущенный, похотливый, блудливый прост.; *азгын кеше* развратный человек...' [БРС 1996: 10]. Как видим, это прилагательное применяется в речи для характеристики морально-этического облика человека в сугубо негативном аспекте. Именно в этом значении оно образует в литературном языке синонимический ряд [Ураксин 2000: 15] с прилагательными *бозок* перен. 'испорченный, порочный распущенный, распутный' [БРС 1996: 95], *азган-тузган* развратный, распутный, распущенный, блудливый прост.' [БРС 1996: 10]. Путем присоединения к имени прилагательному *азгын* аффикса *-лык* [БТГ-1 2018: 243] образовано имя существительное *азгынлык*.

Третий синонимический ряд контекстуальных синонимов представлен именами существительными *хэрби ант* 'присяга', *устав* 'устав' (*корос*) *дисциплина* '(стальная) дисциплина'. Более того, словосочетание *корос дисциплина* досл. 'стальная дисциплина' можно квалифицировать в качестве примера публицистической фразеологии, поскольку способствует быстрой и точной подаче информации [Плещенко, Федотова, Чечет 1996: 49]. В нашей ситуации этот фразеологизм конкретизирует суть понятия «присяга».

Все экспрессивные средства группируются вокруг инвертированной формы первого лица единственного числа морфолого-синтаксического способа выражения принадлежности *яуашитар-ым мин-ең* 'боевые соратники мои', являющегося назывным предложением. Тем самым увеличивается сила воздействия на объект речи. Этому способствует и то, что лексические и грамматические средства с эмоционально-экспрессивным значением уступают место речевым стандартам, стереотипам, которые в стилистическом плане абсолютно нейтральны. Как известно, стандартные формулы, умело примененные оратором в связи с определенной коммуникативной задачей, заметно облегчают общение, из-за чего воздействие достигает цели.

Этим еще раз доказывается распространенный в языкознании тезис о том, что любой инвертированный компонент (например, член предложения, часть члена предложения и даже группа членов предложения) воспринимается как коммуникативно выделенный, привлекающий к себе внимание элемент речи [КСЛТ 1995: 42–43].

Все проанализированные нами здесь особенности представляют собой специфику типичной митинговой речи периода Великой Отечественной войны, т.е. жанр ораторского стиля на примере выступления комбрига можно охарактеризовать как сочетание официально принятой военной лексики и средств экспрессивного воздействия.

3.2. Повесть «Долгое-долгое детство»

В 1976 г. Мустай Карим завершил работу над повестью «Долгое-долгое детство» [Кэрим 2014: 9–283]. В повести есть раздел «Два суда» [Кэрим 2014: 104–116], повествующий о том, как был совершен самосуд в отношении председателя сельского кооператива Самигуллы. Сельчане несправедливо обвинили его в краже мирских, т.е. общественных денег. Однако не все односельчане согласились с этим и выступили против такого обвинения.

Например, «<...> *Инде акты-караны күрмәс сиккә еткән кешеләр, кайһыһы йозрок йомарлап, кайһыһы таяк һелтәп, кайһыһы күсәк күтәрәп, арбага табан ябырылды. Шул сак Йоморо Талип әллә кайзан килеп сыкты ла, үтә йылдам һикереп, арбага менеп басты. — Йәмәгәт! — тип кыскырзы ул, бөтә майзанды яңгыратып. — Мин был кешене тыумышынан беләм. Ата-әсәһен, нәсел-ырыуын беләм. Харамлаша торган заттан түгел ул. Күрә тороп, кеше хақына кермәс. Хилаф эш эшләйһегез, аһакалдар, дыуамал кылык кылаһығыз, йәш-елкенсәк! Әгәр һез йөз кеше бер булып бынау гәйенһез, бер таянышыз йән эйәһен һәләк итһәгез, һәр кайһығыз йөзәр кеше үлтергән булып сыгасак, һәр кайһығыззың өстөнә йөзәр язык төшәсәк. Иман хақында уйлағыз, йәмәгәт! Мин уны бынау сагынан беләм. Күңелем һизә — гәйенһез ул! Акылығыззы юймағыз, йәмәгәт! Таибулат! Һин — ил башы кеше. Тый халыкты. Әйт халыкка. Теймәһендәр Сәмигуллага. Уның алма кеүек ике балаһы бар, йүгереп кенә йөрөйзәр. Етем иттермә шул балаларзы. Әйт, Таибулат! Әйт ил ағаларына! ...*

Капыл Талип, ике кулын алга һузып, йәш аралаш ялбарырга тотондо: — Әзәмдән оялмаһағыз, хозайзан куркығыз, йәмәгәт! Язаламағыз Сәмигулланы! Юқиһә бөтә ауылыбызга каза килер. Алла һугыр! <...>» [Кэрим 2014: 109–110].

Пер.: «<...> Разъяренные люди, видно, уже черное-белое не различали, размахивая кулаками, палками, дубьем, они ринулись к телеге. И вот тут откуда-то вывернулся Круглый Талип. Он проворно вспрыгнул на телегу.

— Ямагат! — выкрикнул он звонко, на весь майдан. — Я этого человека с рождения знаю. Отца-мать, племя-породу его знаю. Подлости не сделают, чу-

жого не возьмут. Неправое дело творите, аксакалы! Люди! Сто вас человек на одного — безвинного и беззащитного. Если погубите его сто грехов на каждого ляжет, не отмоетесь! О вере подумайте, ямагат! Я его с таких вот пор знаю! Сердцем чую, неповинен он. Не теряйте рассудка, ямагат! Ташбулат! Ты голова. Уйми народ. Пусть не трогают Самигуллу. Два малыша у него, как два яблочка, по избе катаются. Не осироти их, скажи аксакалам, Ташбулат! <...>...

Вдруг Талип простер обе руки к толпе и сквозь слезы стал молить:

— Людей не стыдитесь — бога побойтесь, ямагат. Не губите Самигуллу. На весь аул невзгоды обрушатся. Ударит гнев божий! <...>» (Пер. И. Каримова).

Итак, выступивший с речью в защиту несправедливо обвиненного Самигуллы оратор от народа Круглый Талип является человеком верующим, т.е. истинным мусульманином, и одновременно придерживающимся тех этических норм, которые на протяжении эпох сформировались в башкирском патриархальном обществе.

Выступление Круглого Талипа состоит из трех частей.

Первая часть его выступления («<...> *Инде акты-караны курмәс сиккә еткән кешеләр, кайһыһы йозрок йомарлап, кайһыһы таяк һелтәп, кайһыһы күсәк күтәрәп, арбага табан ябырылды. Шул сак Йоморо Талип әллә кайзан килеп сыкты ла, үтә йылдам һикереп, арбага менеп баһты. — Йәмәгәт! — тин кыскырзы ул, бөтә майзанды яңгыратып. — Мин был кешене тыумышынан беләм. Ата-әсәһен, нәсел-ырыуын беләм. Харамлаша торған заттан түгел ул. Күрә тороп, кеше хақына кермәс. <...>»* — Ямагат! — выкрикнул он звонко, на весь майдан. — Я этого человека с рождения знаю. Отца-мать, племя-породу его знаю. Подлости не сделают, чужого не возьмут...») представляет собой характеристику Самигуллы как честного человека, т.е. здесь реализуется такая информативная составляющая, каким является стандарт. Это подтверждается путем обращения к таким словам и словосочетаниям, как *был кешене* ‘этого человека’, *ата-әсәһен* ‘отца-мать’, *нәсел-ырыуын* ‘племя-породу’, *тыумышынан* ‘с рождения’, *беләм* ‘знаю’ и т.д.

В синтаксическом плане этот фрагмент состоит из двух простых двусоставных, распространенных предложений (*Мин был кешене тыумышынан беләм* ‘Я этого человека с рождения знаю’; *Харамлаша торған заттан түгел ул...* ‘Подлости не сделают, чужого не возьмут...’) [БТГ-3 2018:101–103] и трех односоставных предложений (*Йәмәгәт! Ямагат!* (рус. ‘Общество’; *Ата-әсәһен, нәсел-ырыуын беләм* ‘Отца-мать, племя-породу его знаю’; *Күрә тороп, кеше хақына кермәс* досл. ‘Чужого не возьмёт’ ...) [БТГ-3 2018: 221–234].

Итак, рассмотрим логическую цепочку предложений, представленных в первой части выступления Круглого Талипа: это — односоставное назывное предложение (*Йәмәгәт! Ямагат!* рус. ‘Общество’) [БТГ-3 2018: 232–234] → простое, двусоставное, распространенное предложение (*Мин был кешене тыумышынан беләм* ‘Я этого человека с его рождения знаю’) [БТГ-3 2018:107–111] → опреде-

ленно-личное предложение (*Ата-эсэһен, нэсел-ырыуын белэм* ‘Отца-мать, племя-породу его знаю’) [БТГ-3 2018: 222–224] → простое, двусоставное, распространенное предложение (*Харамлаша торган заттан түгел ул...* ‘Подлости не делают, чужого не возьмут...’) → неопределенно-личное предложение (*Күрә торор, кеше хақына кермәс* досл. ‘Чужого не возьмёт...’) [БТГ-3 2018: 224–225].

В итоге эта цепочка, состоящая из пяти предложений, служит усилению эмоционально-экспрессивного воздействия на присутствующих, характерного для речи Круглого Талипа.

Как видим, именно синтаксическая организация первой части выступления Круглого Талипа несет в себе большую экспрессивную нагрузку.

Вторая часть его выступления («<...> *Хилаф эш эшлэйһегез, акһакалдар, дыуамал кылык кылаһығыз, йәш-елкенсәк! Әгәр һез йөз кеше бер булып бынау гәйенһез, бер таянышыз йән эйәһен һаләк итһегез, һәр кайһығыз йөзәр кеше үлтергән булып сығасак, һәр кайһығыздың өстөнә йөзәр язык төшәсәк. Иман хақында уйлағыз, йәмәгәт! Мин уны бынау сағынан беләм. Күңелем һизә — гәйенһезул! Ақылығызды юймағыз, йәмәгәт! Ташбулат! Һин — ил башы кеше. Тый халыкты. Әйт халыкка. Теймәһендәр Сәмигуллаға. Уның алма кеүек ике балаһы бар, йүгереп кенә йөрөйзәр. Етем иттермә шул балаларзы. Әйт, Ташбулат! Әйт ил агаларына! <...>» ‘Неправое дело творите, аксакалы! Люди! Сто вас человек на одного — безвинного и беззащитного. Если погубите его сто грехов на каждого ляжет, не отмоетесь! О вере подумайте, ямагат! Я его с таких вот пор знаю! Сердцем чую, неповинен он. Не теряйте рассудка, ямагат! Ташбулат! Ты голова. Уйми народ. Пусть не трогают Самигуллу. Два малыша у него, как два яблочка, по избе катаются. Не осироти их, скажи аксакалам, Ташбулат!..) имеет свои, отличающиеся от первой, особенности.*

Круглый Талип, судя по содержанию второй части, взывает к совести присутствующих в лице всех поколений: *акһакалдар* ‘аксакалы’, *йәш-елкенсәк* ‘собир. молодежь, молодые люди’. Далее он в своем выступлении переходит уже на официальную общественную терминологию, которая представлена именами существительными *йәмәгәт* ‘люди, народ, граждане (при обращении)’, *ил башы* ‘голова (староста деревни)’. Основная идея выступления Круглого Талипа связана с понятием *иман* ‘вера, совесть’. Присутствие этого понятия в речи Круглого Талипа усиливается за счет использования таких слов, как *хилаф эш* ‘книжн. незаконное дело (т.е. дело, противоречащее установленным в исламе и обществе нормам)’, *гәйенһез йән эйәһе* ‘безвинное живое существо’, *таянышыз йән эйәһе* досл. ‘живое существо без поддержки’, *язык* ‘грех’, *ақыл* ‘ум’. Получается, что Круглый Талип, выступая в защиту Самигуллы, пытается воздействовать на слушателей через их веру.

Синтаксическая организация второй части выступления Круглого Талипа состоит из пятнадцати предложений. Но здесь мы считаем правильным остановиться только на нескольких из них, поскольку этого будет вполне достаточно для

определения их роли в усилении функции воздействия на адресата в лице присутствующих на суде.

Первое предложение *Хилаф эш эшлэйһегез, акһакалдар, дыуамал кылык кылаһығыз, йәш-елкенсәк!* досл. ‘Неправое дело творите, аксакалы, поступаете безрассудно, молодежь!’ — является бессоюзным сложносочиненным предложением, состоящим из двух односоставных, определено-личных, распространенных, осложненных обращениями, восклицательных предложений. Второе предложение *Әгәр һез йөз кеше бер булып бынау гәйенһез, бер таянышыз йән эйәһен һаләк итһәгез, һәр кайһығыз йөзәр кеше үлтергән булып сыгасак, һәр кайһығызың өстөнә йөзәр ызык төшәсәк* досл. ‘Если вы все как сто человек загубите это безвинное, беспомощное живое существо, то получится так, что каждый из вас убил по сто человек, каждый из вас в итоге получит по сто грехов’, — являясь сложноподчиненным предложением с придаточным причины, раскрывает суть обращения Круглого Талипа, представленное в первом предложении. Третье предложение *Иман хақында уйлағыз, йәмәгәт!* ‘О вере подумайте, ямагат!’ — квалифицируется в качестве односоставного, определено-личного, распространенного, осложненного обращением восклицательного предложения. Этим предложением оратор еще раз предостерегает присутствующих от безрассудного поступка, делая упор на их веру. Остальные предложения содержат положительные характеристики несправедливо обвиняемому Самигулле, в некоторых имеются даже назидательные мотивы.

Особо хочется отметить роль лексических средств в данной части ораторского выступления Круглого Талипа: с одной стороны, они несут информационную нагрузку, а с другой стороны, также усиливают воздействие на слушателей. В связи с этим хотелось бы особо выделить такие контекстуальные синонимические ряды, как: 1) *хилаф эш* ‘неправое дело’ — *дыуамал эш* ‘безрассудное дело’; 2) *гәйенһез йән эйәһе* ‘безвинное живое существо’ — *таянышыз йән эйәһе* ‘беспомощное живое существо’; 3) *тый халыкты* ‘уйми народ’ — *әйт халыкка* ‘скажи народу’ — *теймәһендәр (Сәмигуллаға)* ‘пусть не трогают (Самигуллу)’.

Здесь также имеются и абсолютные синонимы: *һаләк итеү* ‘погубить, загубить’ — *үлтәреү* ‘убить’, которые в башкирском языке составляют синонимический ряд [Ураксин 2000: 168] с такими глаголами действия, как *кырыу* ‘перен. уничтожать, истреблять’ [БРС 1996: 398], *бөтөрөү* ‘перен. 5) изживать, устранять, искоренять; ликвидировать; 6) уничтожать, истреблять’ [БРС 1996: 104–105], *юк итеү* ‘сводить на нет, ликвидировать’ [БРС 1996: 826] и т.д.

Также в качестве дополнительного средства усиления воздействия выступает антонимичная пара *акһакалдар* ‘аксакалы’ — *йәш-елкенсәк* ‘собир. молодежь, молодые люди’.

Далее в речи Круглого Талипа есть такое предложение: *Уның алма кеүек ике балаһы бар, йүгереп кенә йөрөйзәр* ‘Два малыша у него, как два яблочка, по избе катаются’. Здесь хотелось бы подчеркнуть употребление оратором сравнения *алма кеүек ике балаһы* досл. ‘двое детей как яблоки (два малыша у него, как два яблочка)’. Итак, сравнение *алма кеүек ике балаһы* строится на внешней стороне,

т.е. форме сравниваемого объекта и является первым из четырех принятых в башкирской лингвопоэтике типов таких выразительных средств [Псәнчин 2003: 8]. Данное сравнение образовано при помощи послелого *кеуек* (послелог употр. с осн. п. сущ., прил., род. п. мест., с гл. буд. времени как, как будто, словно, вроде, подобно, наподобие; ...*шаг кеуек* шырышы ёлка прямая, как свеча ...) [БРС 1996: 268; Псәнчин 2003: 12]. Сам факт употребления этого типа сравнения мы опять же связываем со справедливой позицией Круглого Талипа: он, как мы видим, стремится использовать все средства для воздействия на толпу односельчан, жаждущую крови Самигуллы. Дети для него являются последним аргументом, в связи с чем он сравнивает их с яблоками.

Перейдем к третьей части выступления Круглого Талипа, который звучит в такой форме: «<...> *Капыл Талип, ике кулын алга һузып, йәш аралаш ялбарырга тотондо: — Әзәмдән оялмаһағыз, хозайзан куркығыз, йәмәгәт! Язаламағыз Сәмигулланы! Юғиһә бәтә ауылыбызға каза килер. Алла һугыр! <...>*». 'Вдруг Талип простер обе руки к толпе и сквозь слезы стал молить:

— Людей не стыдитесь — бога побойтесь, ямагат. Не губите Самигуллу. На весь аул невзгоды обрушатся. Ударит гнев божий!'

Здесь также все традиционно, т.е. основную экспрессивную нагрузку несет синтаксическая организация этой части. Но у нее есть своя специфика: она выполняет резюмирующую функцию, т.е. завершает выступление в виде маленького вывода. Да, оратор остается на своей позиции, т.е. он фанатично защищает невинного человека, обращаясь при этом к религиозным чувствам присутствующих.

Его выступление состоит из четырех предложений: это — сложноподчиненное предложение с придаточным условия; главное предложение осложнено обращением *йәмәгәт* 'общество' (*Әзәмдән оялмаһағыз, хозайзан куркығыз, йәмәгәт!* 'Людей не стыдитесь — бога побойтесь, ямагат') → односоставное определенно-личное, восклицательное предложение (*Язаламағыз Сәмигулланы!* 'Не губите Самигуллу') → простое, двусоставное, распространенное предложение (*Юғиһә бәтә ауылыбызға каза килер.* 'На весь аул невзгоды обрушатся') → простое, двусоставное, нераспространенное, восклицательное предложение (*Алла һугыр!* 'Ударит гнев божий!').

Представленная религиозная лексика (например, *хозай* 'бог, господь' *алла* 'бог, господь; всевышний, божество') актуализирует информативную функцию публицистического стиля.

Силу экспрессивного воздействия той же лексики можно ограниченно проследить на примере антонимичной пары *азәм* 'человек' — *хозай* 'бог, господь'.

Подводя итоги, сразу же особо подчеркнем тот факт, что выступление Круглого Талипа как таковое не было подготовлено заранее, оно возникло спонтанно. Естественно, автором повести Мустаем Каримом это было подано мастерски. Самая главная специфическая особенность этого выступления кроется только

в одном: здесь, помимо стилеобразующих черт публицистического стиля (информативная и экспрессивная — Ю.П.), активно представлены и такие стилеобразующие черты разговорного стиля, как непринужденность, непосредственность и неподготовленность; эмоциональность, экспрессивность, оценочную реакцию; конкретность содержания [Федотова, Плещенко, Чечет 2018: 73]. Действительно, получилось удачное в творческом плане сочетание применения стилеобразующих черт двух стилей, что только усилило трагичность ситуации с Самигуллой.

4. Заключение

Комплексный стилистический анализ митинговых выступлений двух литературных персонажей, имеющих разный социальный статус, мировидение и психологию, показал, что подобный прием имеет перспективу. Сама перспектива заключается в моделировании образцового жанра митинговой речи. Однако следует заметить, что такие исследования необходимо проводить параллельно с анализом реально имевших место митинговых выступлений на башкирском языке [Кәрим 2016; Кәрим 2017]. Такой подход будет способствовать изучению природы ораторского стиля башкирского языка в аспекте описательной стилистики, что может привести к появлению подобных исследований уже в историческом плане.

Литература

- Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. Москва — Ленинград (Санкт-Петербург). 1948.
- Карим 1981 — *Карим М.* Долгос-долгое детство: Повесть / Пер. с башк. И. Каримова. Москва. 1981.
- Карим 1987 — *Карим М.* Помилование: повесть / Пер. с башк. И. Каримова. Москва. 1987.
- Кожина 1993 — *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. Учеб. для студентов пед. ин-тов. Москва. 1993.
- Кожина 2003 — *Кожина М.Н.* Функциональная стилистика (учение о функциональных стилях) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. Москва. 2003. С. 576 — 577.
- Крылова 1979 — *Крылова О.А.* Основы функциональной стилистики русского языка: (Пособие для филологов-иностранцев). Москва. 1979.
- Никтина, Васильева 1996 — *Никтина С.Е. Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. Москва. 1996.
- Плещенко, Федотова, Чечет 1999 — *Плещенко Т.П. Федотова Н.В. Чечет Р.Г.* Основы стилистики и культуры речи. Учеб. пособ. для вузов. Минск. 1999.
- Псянчин 2014 — *Псянчин Ю.В.* Функциональные стили башкирского языка // Урал-Алтай: через века в будущее: матер. VI Всерос. тюркологической конференции (с международным участием). Уфа. 2014. С. 72–76.

- Псянчин 2016 — *Псянчин Ю.В.* Функциональная стилистика башкирского языка в XXI веке: достижения, направления и задачи // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы. К 90-летию академика Г.Г. Гамзатова: матер. Межд. науч. конф. (Махачкала. 5–6 мая 2016 г.). Махачкала. 2016. С. 479–491.
- Псянчин, Султанова 2019 — *Псянчин Ю.В. Султанова Г.И.* Функциональные стили башкирского языка: современное состояние, направления и задачи изучения // Единство. Гражданственность. Патриотизм: Сб. науч. тр. К 100-летию Республики Башкортостан. Уфа. 2019. С. 217–220.
- Фомина 1990 — *Фомина М.Н.* Современный русский язык. Лексикология. Учеб. для филол. спец. вузов. Москва. 1990.
- Ишбирзин 1993 — *Ишбирзин Э.Ф. н.б.* Башкорт эзби теленең тарихы. Өфө. 1993.
- Кәрим 2014 — *Кәрим М.* Әсәрзәр. V том: повестар. Өфө. 2014.
- Кәрим 2016 — *Кәрим М.* Әсәрзәр. VII том: һайланма публицистик язмалар. Өфө. 2016.
- Кәрим 2017 — *Кәрим М.* Әсәрзәр. VIII том: сығыштар, телмәрзәр, әңгәмәләр. Өфө. 2017.
- Псянчин 2003 — *Псянчин В.Ш.* Телдең күркәмлек саралары. Күнегеүзәр менән. Өфө. 2003.
- Сәлимов 2003 — *Сәлимов Н.* Башкорт теленең публицистик стили. Өфө. 2003.
- Ураксин 2000 — *Ураксин З.Ф.* Башкорт теленең синонимдар һүзлеге. Өфө. 2000.

Источники

- ПЗБ 2006 — Писатели земли башкирской. Справочник. Уфа. 2006.
- ОИБЛЯ 1989 — Очерки истории башкирского литературного языка. Москва. 1989.
- КСЛГ 1995 — *Васильева Н.В. и др.* Краткий словарь лингвистических терминов. Москва. 1995.
- БРС 1996 — Башкирско-русский словарь: 32000 слов. Москва. 1996. С. 884.
- БТГ-1 2018 — Башкорт теле грамматикаһы. 3 томда. Т.1: Фонетика. Графика. Өфө. 2018.
- БТГ-2 2018 — Башкорт теле грамматикаһы. 3 томда. Т.2: Морфология. Өфө. 2018.
- БТГ-3 2018 — Башкорт теле грамматикаһы. 3 томда. Т.3: Синтаксис. Өфө. 2018.

*Л.Х. Самситова*¹

**Безэквивалентная лексика башкирского языка:
опыт описания реалий и понятий
в аспекте межкультурной коммуникации**

В связи с обострившимся в последнее время вниманием к проблеме языка и культуры в парадигму лингвистических исследований включается выявление национально-культурного компонента значений языковых единиц разного уровня. Более всего этот компонент выражен на лексическом и фразеологическом уровнях. Лексика, как наиболее тесно соприкасающийся с миром действительности уровень языка, помимо традиционных характеристик с точки зрения значения слов, связей слов по значению (антонимы, синонимы), по степени актуальности и сфере употребления (литературная лексика, диалекты, специальная лексика), нуждается в характеристике в аспекте национально-культурной специфики.

В системе любого языка важное место занимает лексика с национально-культурным компонентом значения. Носителем национально-культурного своеобразия является прежде всего безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика.

Данному пласту лексики посвящены работы таких ученых, как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин, И.Е. Аверьянова, А.О. Иванов, С. Влахов, С. Флорин, Л.С. Бархударов, М.Л. Вайсбурд, В.Г. Шатков, В.Т. Чернов, А.В. Федоров, В.В. Молчановский, В.В. Воробьев, Л.Г. Саяхова, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Хисамитдинова и др.

Основополагающее значение в изучении лексики как носителя национально-культурной информации сыграли работы Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» (1973, 1976, 1980, 1983, 1990, 2005), «Лингвострановедческая теория слова» (1980). Выделяя в значении (семантике) слова лексическое понятие и лексический фон, авторы намечают описание лексики в двух планах:

1. В противопоставлении лексики эквивалентной и безэквивалентной, обозначающей реалии, свойственные только данной культуре.

---

¹ Самситова Луиза Хамзиновна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан; luiza_sam@mail.ru

2. В противопоставлении лексики с эквивалентными и неполноэквивалентными фоновыми компонентами значений.

Последние названы фоновой лексикой, к которой авторы относят каждое второе русское слово. Например, даже такие общечеловеческие понятия, как «книга», «письмо», называются в разных языках словами, общими по значению, но различающимися лексическими фонами. Например, «письмо» в нашей стране и в Германии оформляется совершенно по-разному. Слово-понятие «школа» в разных странах наполняется разным содержанием (11-летняя, 12-летняя, начальная, музыкальная, вечерняя и т.д.) [Верещагин, Костомаров 2005: 50].

Рассматривая культурно окрашенную лексику в рамках теории перевода, И.Е. Аверьянова выделяет четыре типа слов по степени их культурной окрашенности, а также уровня семантической структуры слова:

1. Реалии — уровень реальной действительности. Отсутствие самой реалии, денотата в культуре народа, на языке которого осуществляется перевод, приводит к тому, что культурно-своеобразной становится вся семантическая структура слова, включая его основное значение и его лексический фон.

2. Уровень понятийного содержания слова. Несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности. В подтверждение этого положения мы можем привести пример из башкирско-русских сопоставлений. Отсутствие понятий — специальных слов в русском языке, обозначающих общие понятия «старший брат», «младший брат» (то же самое «сестра»), наличие их в башкирском (*агай, эне, кусты*), но отсутствие в нем слов, обозначающих общие понятия «брат», «сестра» безотносительно к понятиям «старший», «младший». Сюда же относятся слова-понятия, отражающие специфическую картину языкового видения мира данного народа. Например, множество различных названий снега у американских эскимосов, названий оленей у северных народов.

3. Фоновая лексика — это слова, которые совпадают в плане предметно-логического содержания, но не могут выступать в роли эквивалентных соответствий при переводе в силу особой культурной информации, которая обуславливает употребление слова в речи и его тематические связи (то есть его лексический фон).

4. Культурно-коннотативная лексика, национальная окраска относящихся к ней слов проявляется не в предметно-логической части их семантического значения, а в тех элементах его, которые актуализируются в самом акте коммуникации и определяются особенностями, в том числе и национально-культурными, коммуникантов, их отношением друг к другу и предмету речи. Эта добавочная информация называется коннотацией.

Все четыре группы лексики объединяются термином культурно окрашенная лексика [Аверьянова 1981: 3–8].

Носителем национально-культурного своеобразия является прежде всего безэквивалентная лексика, обозначающая специфические реалии национальной культуры. Безэквивалентная лексика выявляется при сопоставлении двух культур. Обычно под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, не

имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков по следующим причинам: 1) в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий; 2) из-за отсутствия в нем лексических единиц, обозначающих соответствующие понятия [Томахин 1980: 47]. Как отмечает Г.Д. Томахин, к первой группе относятся личные имена, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и т.п., а также имена нарицательные типа русских «субботник», «стахановец»; ко второй группе относятся, например, такие слова русского языка, как «погорелец», «сутки», которые в английском языке не имеют соответствующих лексических единиц, обозначающих данные понятия [Томахин 1980: 48]. Или же отсутствие понятия в русском языке, обозначающего «вечерние сумерки», и наличие его в башкирском языке *эңер*.

Безэквивалентная лексика обычно заимствуется из языка в язык. Например, для английского языка безэквивалентными являются русские ключевые слова актуальной социальной тематики, поэтому их пришлось в свое время заимствовать. Так было заимствовано из русского языка впервые появившееся понятие «спутник» (в космическом смысле слова).

В случае заимствования безэквивалентные слова называют *экзотизмами*; они не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее. Так, слова «спикер», «шиллинг» прочно ассоциируются с Англией; «джейлау», «кишлак», «арык» — со Средней Азией; «сакура», «икебана» — знаки традиционной японской культуры; «баз», «курень», «майдан» — донского казачьего быта и т.д. [Воробьев, Саяхова 2006: 101].

Если же безэквивалентное слово не заимствовано (например, из той же социальной сферы: «исполком» и т.д.), то его ни в коем случае нельзя выразить на иностранном языке с помощью точного соответствия, однословного перевода. В этом случае лексическое понятие приходится описывать примерно так, как это делается в толковых словарях.

Безэквивалентная лексика выявляется на уровне реалий и понятийного содержания, то есть несовпадения понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности.

В докторской диссертации «Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка)» Г.Д. Томахин отметил роль лингвострановедческого аспекта при обучении иностранным языкам [Томахин 1984]. Особое внимание уделено реалиям. «Если в лингводидактических целях эти реалии сгруппировать по тематически-смысловому принципу, дать им объяснение и возможные способы перевода, то в итоге может быть создан курс лингвострановедения, включающий установочные тексты, словарь реалий, лингвострановедческий комментарий и систему упражнений в соответствии с задачами обучения» [Молчановский 1985: 13].

Слово «реалия» — латинское прилагательное среднего рода, множественного числа (*realis* ‘вещественный’, ‘действительный’), превратившееся в русском языке под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода.

Существует, как уже отмечалось, двойное понимание реалии: 1) реалия — это «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов»; 2) реалия — это «слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно фразеологизм, пословица, поговорка, присловье), включающее такие слова» [КЛЭ 1971: 227].

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на “общих основаниях”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1980: 47].

Реалии — слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Например, «хоровод», «частушка», «русская» (пляска), «бала-лайка», «палехская миниатюра», «гармонь»; «калач», «квас», «пирог», «каша» и др.

Эту группу слов можно считать на 100% национально-специфичной, т.к. реалии и их названия свойственны только данной культуре (например, «скоморох», «петрушка», «щи», «рассольник» — в русском языке; «курай», «кубыз», «бишбармак», «баурсак» — в башкирском языке). Требуют особого внимания слова, не совпадающие в языках по объему значения. Так, башкирское *кесе* соответствует русским словам «младший» и «малый» (небольшой), *оло* — «старший», «старый» и «большой», «значительный»; слово *альши* — словом «схватка», «сражение» и «соревнование», «состязание». Русское слово «спутник» заимствовано другими языками только в специальном значении («спутник Земли»), башкирское слово *юлдаш* означает «попутчик», «спутник», «товарищ», «друг» [Саяхова 2006: 22].

Национальной спецификой обладают и такие группы слов, как и с т о р и з м ы (аршин, верста, фунт; кафтан, армяк; уезд, губерния); л е к с и к а ф р а з е о л о г и ч е с к и х е д и н и ц (ни зги не видно; попасть впросак; узнать всю подноготную); с л о в а и з ф о л ь к л о р а (суженый, чистое поле, Снегурочка, Баба-Яга, домовая и др.) [Муллагалиева, Саяхова 2003: 11].

«По сравнению с другими словами языка, — пишет Г.Д. Томахин, — отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, то есть тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный (местный и / или исторический) колорит» [Томахин 1981: 64].

Понятие «колорит» пришло в литературоведческую терминологию из искусствоведения (лат. *color* ‘цвет’, ср. англ. *local colo(u)r*) и наряду со значением «общий характер сочетания цветов» имеет значение «совокупность особенностей (эпохи,

местности), своеобразие чего-либо» [СИС 1979: 242]. «Именно колорит делает из нейтральной, неокрашенной лексической единицы национально окрашенную, то есть реалию, — пишет Г.Д. Томахин. — В переводоведении определение реалий основано, с одной стороны, на национальной окрашенности их референтов (колорите), а с другой — на безэквивалентности обозначающих их слов, выявляемой в процессе перевода» [Томахин 1981: 65].

Реалии в лингвострановедении охватывают более широкий круг языковых средств и в плане выражения. Если в переводоведении под реалиями понимают «слова», «лексические единицы», добавляя иногда «словосочетания», то в лингвострановедении «понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (щи, пятак), словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха), предложениями (Не все коту масленица), сокращениями (БАМ, гороно)» [Вайсбурд 1972: 98].

Слова, обозначающие реалии, принадлежат к безэквивалентной лексике, выявляемой в процессе перевода. Реалии не переводятся на другие языки — и переводчикам приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы.

Когда речь идет о необъяснимом отсутствии какого-то понятия в переводящем языке, то в таких случаях употребляется термин «лакуна», который означает «пробел», «пропуск». «Говоря о семантических лакунах, — пишет А.О. Иванов, — мы имеем в виду отсутствие в переводящем языке конкретного, определенного понятия, обозначаемого в исходном языке данной лексической единицей (словом, словосочетанием), что связано с особенностями языкового членения объективного мира каждым из данной пары языков. Однако было бы неверным распространять его на всю безэквивалентную лексику. Во-первых, не все типы безэквивалентной лексики могут быть отнесены к лакунам (то есть связываться с необъяснимым отсутствием понятия), и, во-вторых, подобное объединение в одну группу различных по характеру типов лексики, каждый из которых требует своего подхода при переводе, не может быть оправдано» [Иванов 1985: 52, 53].

По А.О. Иванову, существует несколько способов передачи значения реалий в переводе.

1. Калькирование, то есть повторение внутренней формы исходного слова (и словосочетания) оригинала.
2. Использование существующего аналога.
3. Транслитерация (транскрипция).
4. Описательный или приближенный перевод.

После каждого способа автор приводит примеры на английском и русском языках. А.О. Иванов также отмечает, что каждый из перечисленных способов имеет свои достоинства и недостатки. «Так, калькирование имеет то преимущество, что указывает на принадлежность реалий к быту и культуре исходного языка, тем самым обращая внимание получателя перевода на национальное своеобразие стоящего за данной реалией понятия. Вместе с тем, чрезмерное увлечение этим способом ведет к снижению восприятия смысла получателя, для которого остаются

непонятыми не только нюансы, но подчас и вся реалья в целом» [Там же: 86]. Анализируя переводы, автор убеждается в том, что использование калькирования при переводе реалий объясняется не столько сознательным стремлением переводчика донести до читателя национальное своеобразие подлинника, сколько нежеланием как следует подумать о смысле того, что он переводит или незнанием реалий.

«Использование аналогов при переводе реалий имеет по сравнению с калькированием то преимущество, что текст перевода воспринимается как естественный текст на этом языке, — пишет А.О. Иванов. — Это делает его полезным при переводе художественной литературы. Однако аналог — это упрощение, потому что аналогия никогда не бывает полной, и поэтому аналогом редко не пользуются при переводе специальной литературы» [Иванов 1985: 88].

Что касается транскрипций, то автор отмечает, что они «используются только при переводе отдельных слов, обозначающих понятия или явления, настолько специфичные для английского языка, что они не могут быть адекватно переданы на русском при помощи аналогов. Однако этим методом, так же как и калькированием, следует пользоваться с большой осторожностью, не перегружая текст перевода ненужными заимствованиями там, где можно было бы обойтись аналогом».

Описательный перевод, в отличие от калек и транслитераций, обладает абсолютной прозрачностью содержания. Соответствие, получаемое в результате применения этого способа, дает лишь приблизительное представление о понятии и длиннее и менее выразительно, чем исходное слово оригинала. Например: англ. *bear* ‘биржевой спекулянт, играющий на понижение’.

«Таким образом, — делает вывод А.О. Иванов, — не существует ответа на вопрос о том, какой из этих способов лучше. В каждом отдельном случае переводчик решает эту проблему исходя из целого ряда факторов. И в первую очередь, исходя из характера текста и той роли, которую играет данная реалья в его смысловой структуре» [Там же].

Необходимость в применении различных способов передачи безэквивалентной лексики обуславливается еще и тем, что соотношение словарного состава контактирующих языков и объемов семантических полей слов, даже имеющих аналогию в обоих языках, различное. Семантическое соответствие между лексическими единицами контактирующих языков (русского и немецкого) Р. Самигуллина сводит к следующим трем основным типам:

1. Полное соответствие (Москва — *Moskau*, азот — *Stickstoff*);
2. Частичное соответствие (минута молчания — *die Gedenkminute*) (букв.: ‘минута памяти’);

3. Отсутствие соответствия (щи — *schtschi*) [Самигуллина 1988: 47]. «Не мал круг безэквивалентной лексики, — отмечает Р. Самигуллина, — в башкирском языке в сопоставлении с русским и немецким языками. Таковыми являются, например, слова, обозначающие названия некоторых видов народных музыкальных инструментов (*курай, кумыз*), блюд национальной кухни (*сәксәк, кымыз*), костю-

мов (*сэжмән, камзул*) и др.». Автор выделяет следующие способы передачи безэквивалентной лексики.

1. Транслитерация — передача буквами переводящего языка (далее — ПЯ) (язык, на который осуществляется перевод) графической формы слова оригинала: транскрипция — передача правилами ПЯ звуковой его формы. Например, название башкирского блюда «*бишбармак*» при названном способе передачи будет выглядеть так: «*bishbarmak*». Эти способы не раскрывают значения слова «*бишбармак*». Без соответствующего пояснения оно оказывается непонятым. Неизвестными остаются характерные особенности национального блюда. Этот способ наиболее приемлем при передаче слов, обозначающих имена собственные, названия газет, журналов, например: *Салават Юлаев* — Салават Юлаев — *Salawat Julajew*, *Агидел* — Агидель — *Agidel*;

2. Калькирование — дословная передача безэквивалентной лексики, которая также не всегда служит приемлемым способом. Являясь удачным способом передачи в одних случаях, калькирование не может являться таковым в других. Например, вполне оправдан дословный перевод названия башкирского национального танца «*Өс таган*» на русский язык как «Три брата», на немецкий — «*Drei Bruder*».

Однако нельзя ограничиться дословной передачей названия национального блюда «*бишбармак*» на русский язык словосочетанием «пять пальцев», на немецкий — «*funf Finger*». В данном случае калькирование не раскрывает значения слова «*бишбармак*». Отсутствие соответствующего пояснения значения слова «*бишбармак*» может привести к искаженному пониманию исторических обычаев башкирского народа. В таких случаях используется следующий способ передачи безэквивалентной лексики.

3. Описательный (разъяснительный): *бишбармак* — это название блюда национальной кухни тюркских народов, изготавливаемое вовсе не пятью пальцами и не из пяти пальцев (как это некоторым кажется), а из больших порций цельного мяса и нарезанного небольшими квадратиками раскатанного теста. Это блюдо называют «*бишбармак*» символично только потому, что раньше его употребляли в пищу пятью пальцами, без ложки.

Другие примеры: башк. *кашмау* (нем. *kaschmau*) ‘женский головной убор, украшенный бисером’; башк. *елән* (нем. *Jelen*) ‘женский халат без воротника’; *кушъяулык* (нем. *kuschjaulyk*) ‘два объединенных платка’ и т.п.

Описательный способ передачи безэквивалентной лексики громоздкий, неэкономный, но убедительный и обеспечивает полное понимание значения слова.

4. Приближенный (уподобляющий) перевод — подыскивание соответствия в ПЯ для лексических единиц ИЯ, не имеющих в ПЯ точных соответствий. Так, например, башкирское слово «*колаксын*» (нем. *kolaksyn*) близко к слову «ушанка». Однако, в отличие от обычной ушанки, эта башкирская меховая шапка, прикрывающая шею до плеч. Или слово «*әрәмә*» (тюрк. ‘древесный кустарник, растущий на болотистых лугах’) часто переводится на русский язык словом «урема» (нем. *Urema*) (тюрк. ‘лиственные леса, растущие на поймах рек’), что лишь приблизительно соответствует слову ИЯ.

Использование данного слова требует определенных комментариев к переводу, чтобы обеспечить доходчивость значения безэквивалентной лексики.

5. Трансформационный перевод — это способ передачи путем преобразования синтаксической структуры предложения, замены лексических единиц другими с целью достижения точности перевода и звучности текста. Так, например, башк. *сыңрау торна* (букв. 'поющий журавль') на немецкий переведен в смысле 'журавлиная песнь' (*Das Liedder Kraniche*).

Как видим, имеют место различные способы передачи безэквивалентной лексики. Возможны и их комбинации в зависимости от особенностей обозначаемого данным словом предмета или явления. Знание их позволит выбрать наиболее оптимальный вариант перевода или их комбинации: транслитерации и описательного перевода; калькирования и приближенного перевода и т.п. [Самигуллина 1988: 47–49].

Основная трудность перевода с одного языка на другой связана также с несовпадением объема лексических значений и лексической сочетаемости слов в двух языках. Так, К.З. Закирьянов выделяет три типа отношения лексической сочетаемости слов в русском и башкирском языках: 1) полное совпадение ($AB=AB$, где одинаковыми буквами обозначены эквивалентные слова разных языков): *ак кар* 'белый снег', *ауыл тормошо* 'сельская жизнь'; 2) частичное совпадение ($AB=AC$): *тауык куз* (букв. 'куриный глаз') 'куриная слепота', *бөзрә тал* (букв. 'кудрявая ива') 'плачущая ива'; 3) полное несовпадение ($AB=CD$): *арткы ишек* (букв. 'задняя дверь') 'черный ход', *эрмесек һыуы* (букв. 'творожная вода') 'молочная сыворотка' [Закирьянов 1996: 61–62].

Совпадение в одних и несовпадение в других случаях лексической сочетаемости слов в башкирском и русском языках объясняются характером взаимоотношений между предметом (явлением) объективной действительности, понятием и словом: объективная действительность отражается в сознании людей в понятиях, содержание понятий часто одинаково во всех языках, различается способ выражения понятий в том или ином языке.

Для более глубокого изучения реалий необходима их классификация. «В языковедческих науках, в том числе и в переводоведении, — пишет Г.Д. Томахин, — классификация реалий-слов основана, естественно, на лингвистическом принципе. В зависимости от языкового уровня реалии могут быть словами (имена собственные и имена нарицательные) или фразеологизмами (устойчивые фразеологические единицы, крылатые слова, образные выражения)» [Томахин 1981: 66]. Автор расклассифицировал реалии по следующим группам: реалии — имена собственные (географические названия, названия личностей), реалии — имена нарицательные (географические, этнографические, общественно-политические).

«Кроме вышеуказанной классификации реалий, — делает вывод Г.Д. Томахин, — они могут также делиться по своим коннотативным значениям, то есть в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита. Объектом лингвострановедения являются общенациональные

реалии, известные всем носителям данного языка и культуры в данную историческую эпоху» [Томахин 1981: 69].

Выявление национально специфической лексики на уровне реалий и понятий может осуществляться путем сопоставления словарных и текстовых материалов.

Нами предпринята попытка показать национально-специфические особенности лексики на уровне реалий и понятий на материале сравнения русского и башкирского языков.

Возможны два пути отбора лексического материала, идущие:

- 1) от текста, то есть в динамике процесса функционирования языка;
- 2) от словарей, в которых зафиксирована соответствующая лексика в статике.

Источники первого плана позволяют выявить специфическую лексику языка с точки зрения ее употребления. Например, в произведениях башкирских писателей, переведенных на русский язык, встречаются реалии, которых невозможно перевести на русский язык одним словом: «По светящемуся, как девичий свадебный елян, звездному небу плывет полная луна» [Биишева 1968: 5]. В таких случаях основным способом перевода как семантических лакун, так и безэквивалентной лексики является описательный перевод. Например: *Елэн* (елян) ‘верхняя легкая одежда на подкладке и без застежки в виде халата без воротника; женская шьется в талию, иногда украшается монетами и вышивками; мужская — без сложных украшений’.

Фронтальный просмотр широкого круга источников — произведений художественной литературы (оригинальной и переводной), специальной учебной, научной и научно-популярной литературы о Башкортостане, отражающей историю, быт, обычаи, самосознание и духовность народа, показал, что в текстах на русском языке систематически употребляются слова из башкирского языка. Одни из них тюркизмы, то есть слова, заимствованные русским языком из тюркских языков. Например, *түбәтәй* (тюбетейка) ‘круглая или острроверхая шапочка с вышитыми или ткаными узорами’; *бәрхәт түбәтәй* (‘бархатная тюбетейка’); *сигеүле түбәтәй* (‘вышитая тюбетейка’). Как отмечает С. Шитова, согласно мусульманским обычаям, мужчина, особенно если он был немолодым, не показывался на людях с непокрытой головой. Роль повседневного головного убора принадлежала тюбетейке — небольшой плотно облегающей голову тканевой шапочке на подкладке. Тюбетейка была первым головным убором в жизни мальчиков: ее начинали носить в раннем детстве [Шитова 1995: 87].

Вторая группа слов свойственна только башкирскому языку. Например: *курай* (курай) ‘башкирский духовой музыкальный инструмент типа открытой продольной флейты’.

Безэквивалентную лексику башкирского языка, выявленную на материале художественных произведений башкирских писателей, переведенных на русский язык, произведений русских писателей о Башкортостане, специальных работ по истории и культуре Башкортостана (учебной, научной и научно-популярной), можно сгруппировать по следующим тематическим группам:

1. Административно-территориальное деление: *аймак* (аймак) 1) ‘род или родовое подразделение в структуре родоплеменной организации башкир’. Рас-

пространен на северо-востоке Башкортостана, в Зауралье (у племен сальют, катай, табын, кудей, айле и др.); реже на западе Башкортостана; 2) 'территория рода, части рода или волости' [БКЭ 1996: 109]. Например: «Не потому ли один из трех аймаков аула до сих пор называют узбекским или иногда сартским?» [Киекбаев 1981: 6]; *ара* (ара) 'родовое подразделение, обычно население одного аула'. На юго-востоке и юге Башкирии для обозначения родовых подразделений применялся только термин *ара*, а лишь изредка — *уру* или *тюба*. Например: «Вместе с несколькими стариками он обходит каждую семью, каждую ара и отбирает скот для жертвоприношения — во имя тенгри, даровавшего роду спасение от врагов, избавление от гибели в каменном ущелье» [Хакимов 1982: 384].

2. Этнографические родоплеменные отношения: *катай* (катай) — название одного из башкирских племен, ядром которого были роды *оло катай* (*улу катай*), *бала катай* (бала катай), *ялан катай* (ялан катай), *инйэр катай* (инзер катай); *табын* (табын) — название одного из башкирских племен. Например: «Новый кубаир подхватили не только молодые, но и знаменитые старые сэсэн, от становья к становью шел он, пролетал долинами Сакмары и Яика, перевалил через Уральский камень и достиг Аслыкуля, оттуда — кочевий катайцев и табынцев» [Хакимов 1988: 174].

3. Религиозная лексика: *карый* (карий) 'знаток, чтец корана'. Например: «Надеялись, что он станет карыем, хазретом или даже ишаном» [Бишева 1968: 210]; *мулла* (мулла) 1) 'мусульманское духовное лицо'; *указы мулла* 'указной мулла'. 2) *уст.*, *разг.*: 'грамотный, образованный, ученый'; *ул бик мулла кеше ине* 'он был грамотным человеком' [БРН 1996: 444]. Например: «Мулле, мазину тоже скажите. Пусть придут яназу читать» [Бишева 1968: 194].

4. Названия месяцев мусульманского лунного года: *мөхәэрәм* (мухаррам) 'название первого месяца мусульманского лунного года'; *шағбан* (шагбан) 'название восьмого месяца мусульманского лунного года'. Например: «Если золото-серебро и хлеб, испрошенный им долг, придут не позже месяца шагбан, эмир уже в будущем году сможет отправить за реку Итиль шесть-семь туменов» [Хакимов 1982: 293].

5. Названия лиц: *акһакал* (аксакал) (*букв.* 'белобородый') 1) 'старейшина'; *ырыу акһакалы* 'аксакал рода'; 2) человек, признанный своими заслугами в какой-либо области [БРН 1996: 20]. Например: «Тогда один аксакал сказал: — Они наши родичи. Возьмем к себе, выделим землю» [Ибрагимов 2018: 265]; *сәсэн* (сэсэн) 'башкирский народный поэт-импровизатор, певец'. Например: «Односельчане, особенно молодежь, любили его за то, что он был искусным кураистом, певцом и сэсэн» [Бишева 1968: 204].

6. Обряды, праздники, традиции: *һөйһөн*, *һыйһөн* (хойхон) 'скот в подарок (от жениха в честь переезда невесты в его дом)'; *һөйһөн туйы* 'пир в честь переезда в дом жениха'. *Һыйһөн* (*һөйһөн*) известен и на северо-востоке Башкирии, в бассейне р. Ай. И здесь он был одним из обязательных условий брачного договора. Приводили барана непременно живым, только все это происходило на главных свадебных торжествах — *туй*. На свадьбе резали двух животных,

одного — предназначенного специально для свадьбы, другого, и это всегда особо оговаривалось, — для обряда *һөйһөн*. Существовала прибаутка:

Туйлык өсөн бер һарык,

Һөйһөн өсөн бер һарык.

‘На свадебную трапезу — одна овечка,

Для *һөйһөн* — еще одна’ [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 25];

һабантуй (сабантуй) — национальный весенний праздник; *букв.*: ‘праздник плуга’. Проводится после окончания весеннего сева, перед косовицей. Например:

«— Однажды, после весеннего сева, — начал Сальман-агай, — тоже был сабантуй в районном центре» [Бишева 1972: 8].

7. Предметы домашнего обихода: *урын* (урын) ‘место, куда убираются днем перины, кошмы, одеяла, подушки’. *Урын аягы* ‘деревянная подставка для постельных принадлежностей’; *урын бауы* (или *таҫмаһы*) ‘широкая лента, сотканная из разноцветной шерсти или украшенная вышивкой с кистями для скрепления сложенных постельных принадлежностей’ [Самситова 2006: 96]. Например: «Янеш и Емеш с тревожным любопытством устали на муллу, прячась за урыном — горкой из подушек и одеял, сложенной на большом сундуке и перетянутой сверху вниз широкой узорчатой лентой» [Бишева 1968: 17–18]; *яндау* (яндау, янтау) ‘сосуд из цельного полого дерева с вставным дном, обычно из липы или осины (ведерки для сбора ягод, переноски катыка, айрана, кумыса)’. Например: «Гильман вытащил из шалаша заткнутый за лубок узелочек с остатками хлеба, взял янтау — деревянный сосуд, в котором утром принес катык» [Киекбаев 1981: 65].

8. Национальная одежда, украшения: *кыйһырак* (кыйһырак) ‘вид кожаной обуви на мягкой подошве, с коротким холщовым голенищем’. Например: «Низкую меховую обувь из конской или коровьей шкуры (*кыйһырак*) с небольшим холщовым верхом надевали зимой охотники на северо-востоке Башкортостана» [БКЭ 1996: 345]; *иңһәлек* (инсалек, инхалык) ‘женское украшение в виде широкой ленты с монетами, прикрепляемое на затылке и свисающее ниже пояса поверх кос’. Например: «Вначале он услышал звон серебряных монет на инхалыке» [Ибрагимов 2018: 279].

9. Башкирские национальные блюда: *бауырһак* (баурсак, бауырхак) ‘мелкие шарики из теста, замешенного на яйцах, сваренные в масле’. Например: «Сама Сарбиямал крутилась у очага, жаря бэрэмсы, баурсаки, раскатывая тесто к бишбармаку» [Бишева 1968: 283]; *кымыз* (кумыс) ‘питательный и лечебный напиток из перебродившего кобыльего (реже верблюжьего) молока’. Например: «Кумыс пьем, долго живем и всегда молодые будем!» [Байрамов 1982: 102].

10. Народное творчество: *бәйет* (баит) ‘поэтическое произведение, повествующее о каком-либо значительном событии; песня-сказ’. Например: «Много у меня слов, которые следовало бы написать, но на этом письмо заканчиваю и завершаю его баитом» [Киекбаев 1981: 257]; *озон көй* (узун-кюй, озон-кюй)

‘долгая протяжная песня’. Узун-кюя является вершиной певческого искусства башкирского народа. Напевы протяжных песен отличаются драматизмом и психологической глубиной. Для мелодий узун-кюя свойственны виртуозность и импровизационность. Их стилевыми особенностями являются: развернутость и большой диапазон (до двух октав и выше), широкая распевность и богатая мелодичная орнаментика. Форма напева узун-кюя — мелодичный период, охватывающий полустрофу поэтического текста. По жанрово-тематическому признаку узун-кюя делятся на лиро-эпические: о борьбе против колониального гнета («Урал», «Салават»), об армейской службе и военных походах («Армия», «Эскадрон»), о кантонных начальниках («Кулуй-кантон», «Абдулла-ахун», «Азамат-кантон»), о беглецах и ссыльных («Бейеш», «Буранбай», «Шагибарак»); лирические: о природе («Хандугас», «Камолек»), о социальном неравенстве («Мал»), о женской доле («Таштугай», «Гильмияза», «Зульхиза»), о любви («Салимакай»), о жизни («Калды», «Прожитая жизнь»). Узун-кюи традиционно исполняются в сопровождении курая и имеют инструментальные (курайные, реже скрипичные) версии [БКЭ 1996: 583]. Например: «Тимербай, видя, что парни находятся под впечатлением озон-кюя, чтобы расшевелить их, запел частушки, тут же сочиняя их на ходу» [Бишева 1968: 224].

11. Музыкальные инструменты: *кыл-кумыз* (кыл-кумыз, кыл-кубыз) ‘струнный смычковый инструмент, относящийся к классу хордофонов’. Кыл-кумыз является древним родственником скрипки; только при игре он не прикладывается к плечу, а ставится на колено вертикально. Кыл-кумыз сегодня почти не встречается в музыкальном быту башкир, его заменила скрипка, которую многие пожилые исполнители держат вертикально, подобно старинному прототипу. Сейчас башкирскими мастерами ведется работа по восстановлению этого музыкального инструмента [БНМИ 1989: 12]. Например: «В древности кыл-кубыз применяли баксы (шаманы) для изгнания духов при лечении больных, исполняя ритуальные песни харнау (*харнау*)» [БКЭ 1996: 425]; *хорнай* (сорнай, сурнай) ‘музыкальный инструмент, относящийся к классу аэрофонов’. Сорнай — сигнальный инструмент из рога длиной около 200–350 мм с 2–4 пальцевыми отверстиями. Различают два вида сорная: мундштучный и язычковый [БКЭ 1996: 425].

12. Военная лексика: *азернэ* или *азернэ ян*, *азернэ йдйэ* (азерна, азернэ) *ист.* ‘лук особо крепкого изготовления с использованием волчьей жилы, рога и т.д.’ Например: «Возьми колчан, лук-азернэ, богатырскую пику» [Ибрагимов 2018: 636]; *яһак* (ясак) — ‘дань, уплачиваемая на основе соглашения, договора’. Рядовые башкиры находились под двойным гнетом. Их угнетало, в первую очередь, феодальное государство. Они платили в царскую казну поземельный налог — ясак, выполняли военную службу и подводную повинность. Ясачные люди — это рядовые общинники, которые были лично свободными, трудились в своем хозяйстве, отчасти — в хозяйстве феодалов. Они одновременно несли основные повинности в пользу феодального государства [ИБ1 1996: 62]. Например: «Вместе платили ясак, вместе несли караульную службу» [Ибрагимов 2018: 265].

13. Мифологическая лексика: *Акбузат* (Акбузат) ‘легендарный крылатый конь’, от *акбуз ат* ‘серая лошадь’. По сведениям арабского путешественника Ибн-Фадлана, башкиры поклонялись тринадцати богам, среди них выделялся «особый бог лошадей». Следы поклонения коню мы находим в башкирском героическом эпосе «Урал-батыр», где чудесные крылатые кони Акбузат и Сарат возведены в ранг богов-небожителей. Акбузат является конем Хумай — дочери небесного царя Самрау, рожденной от его жены Кояш (Солнце), а Сарат принадлежит дочери Самрау — Айхылу, рожденной от жены Ай (Луны). В сказаниях «Урал-батыр» и «Акбузат» богатырский конь Акбузат выступает в роли покровителя героя и родоначальника земных лошадей. Божественный конь Акбузат после гибели своего батыра, по велению Хумай, спускается с неба на землю и пригоняет на Урал небесных коней, которых приручают башкиры [Сагитов 1984: 74]. Например:

«Только тот не хотел поддаваться —

Не смогли Акбузата догнать» [УБ 1986: 72]; *Гомай* (Хумай) ‘священная птица, приносящая счастье’. По восточным поверьям, тот, чьей головы коснется тень Хумая, станет великим повелителем [Самситова 2006: 156]. Например:

«И пусть на радость всем его владельца

Коснется тень волшебного Хумая!» [Акмулла 2006: 46].

14. Домашние животные: *аргымак* (аргамак) ‘верховая лошадь восточной породы’. Например: «Сердце лихорадочно колотилось, как у аргамака, проскакавшего сотню верст» [Биишева 1990: 90]; *конан* (конан) ‘жеребец-трехлетка’. Например: «Потому он стукнул еще раз по сундуку и выкрикнул: — Один конан!» [Биишева 1968: 397].

15. Названия объектов физической географии, явлений природы: *акман-токман* (акман-токман) ‘поздний весенний буран с мокрым снегом’. Например:

«Еще зима акман-токман пророчит,

Морозец злых позиций не сдает,

Но первый день весны на грани ночи

Уже свою мелодию ведет» [Филиппов 2002: 339].

16. Чин, титул человека, родственные отношения: *унгар* (унгер) *уст.* ‘вооруженная стража хана’; *ут курше* (ут курше) ‘самый близкий, рядом живущий сосед’. Например: «Хоть он, может, и твой ут курше — самый ближний сосед по огню — все выпросит подробно» [Карим 2008: 18].

17. Объем, величина, местность, расстояние, промежуток времени: *тур* (тур) 1) а) ‘передний угол (комнаты)’; *тургә узыу* ‘пройти в передний угол’; б) ‘почетное место (в гостях, на сборищах и т.п.)’; *тургә менеп ултырыу* ‘воссесть на почетном месте’; 2) ‘передний’; *тур булма* ‘передняя комната’ [БРН 1996: 651]. Например: «Мулла Ахмадулла оставил у входа резиновые галоши, зеленую тросточку и, не снимая чалмы и чапана, прошел в тур» [Биишева 1968: 17]; *батман* (батман) ‘старинная мера веса’; *ике батман ярма* ‘два батмана крупы’.

Раньше батман служил определенной мерой емкости или веса, в начале XX века этим именем называли сосуд вместимостью около пуда меда [Руденко 2006: 131]. Например: «Но так как недовольный латыш и после сговора продолжал ворчать, Ахмади пообещал вдобавок пять батманов дегтю» [Киекбаев 1981: 13].

18. Движение, труд человека: *салымлау*, тж. *аяклау II* (салымлау) ‘мотать, сматывать пряжу или нитки в моток определенной длины (например, в длину от ладони до локтя или от носка до колена)’; *ыратыу* (ырату) ‘делать более скорым, быстрым, продуктивным (ход работы, движения), продвигать вперед (работу)’.

19. Характер, состояние, внутренний мир человека: *ирк* (ирк) *уст.* ‘внутренний мир человека’; *кеселек* (кеселек) ‘уважительное отношение, почтение к старшим по возрасту, должности’; *кеселек күрһәтеу* ‘оказать почтение, уважить’.

20. Плата за пользование имуществом, используемая на благотворительные цели: *гәрнис* (гэрнис) ‘плата (за пользование сепаратором, мельницей и т.п., обычно в виде обрабатываемого продукта)’; *гәрнискә бойзай биреу* ‘заплатить пшеницей’; *имәлтә* (имәлтә) *этно.* ‘имущество, скот (собранные родовой общиной или деревней для оказания помощи пострадавшему или нуждающемуся)’; *имәлтә йыйыу* ‘собирать помощь’ [Самситова 2006: 179].

21. Завещания, воспоминания: *аманат* (аманат) 1) ‘то, что доверено хранить как святыню’; *аманат итеп биреу* ‘доверить что-либо хранить, передать на хранение как святыню’; 2) ‘завещание предков’; *аманат итеп әйтеу* ‘завещать что-либо как обязательное условие для выполнения’; *инселәу* (инселяу) ‘завещать, предназначать кому-либо (обычно скот)’.

22. Эмоциональная лексика, речевые высказывания: *һөйөнсө* (суюнчэ) 1) примерно соответствующее: ‘радость!’ (произносится, когда сообщается о радостном известии, за которое обычно полагается вознаграждение); 2) ‘вознаграждение за радостное известие’ [Самситова 2006: 187]. Например:

«— Пляши, агай! — скажу тебе тогда я

И суюнчэ потребуу с тебя» [Гарипов 1981: 150]; *афарин* (афарин) — *межд.* выражает одобрение чьих-либо действий, слов и т.п.: ‘Браво! Здорово! Молодец!’
Например:

«— Афарин! — закричали белобородые старцы» [Ибрагимов 2018: 232].

23. Слова, связанные с приготовлением пищи: *турта* ‘накипь, образующаяся при варке мяса (пена, грязь на поверхности кипящей жидкости)’; *үңәз* ‘отстой на дне и стенках молочной посуды’.

24. Игры: *Айыу-буре юк икән* ‘Нет ни медведя, ни волков’ — игра, широко распространенная среди детей младшего возраста. Дети выбирают одного «медведя». Ему обозначают маленький круг — «берлогу». На расстоянии 20 метров от «берлоги» обозначается большой круг. Он считается «домом» детей. Дети выходят из дома и коллективно направляются за ягодами в сторону, где живет «медведь». В это время «медведь» прячется. Во время сбора ягод дети порют коллективно:

*Еләк йыйтам, как коям
Әсәйемә буләккә.
Бында еләк күп икән,
Айыу-буре юк икән.*

‘Собираю ягоды, сделаю пастилу
В подарок матери.
Ох и много ягоды тут,
Ни медведя, ни волков нет’.

В это время «медведь» выбегает из берлоги и начинает ловить детей. Дети убегают от него в сторону своего «дома». Пойманный игрок становится «медведем». Игра начинается вновь [Галяутдинов 1995: 196]; *Сокоп туп* (‘Мяч в лунке’) — название игры с мячом (в один ряд выкапываются ямки по числу участников, ведущий катит мяч по ямкам; в чью ямку попадает мяч, тот должен попасть в кого-либо из разбегающихся участников и при попадании получить очко; набравший большее количество очков побеждает) [Самситова 2006: 199].

Таким образом, нами были рассмотрены в общих чертах подходы к безэквивалентной лексике в лингвистике: собственно лингвистические, культурологические, переводческие. Без знания безэквивалентной лексики невозможно понять реалии и специфические слова-понятия других народов. Через безэквивалентную лексику мы постигаем культуру, обычаи, традиции народов. Реалии и понятия, существование которых в конечном счете объясняется расхождением двух культур, обладают наиболее интенсивной культурной окраской и служат для наименования различных национально-особенных предметов и явлений материальной и духовной жизни данного языкового коллектива.

Литература

- Аверьянова 1981 — *Аверьянова И.Е.* К определению понятия национально-окрашенной лексики // Языковая норма и вариативность: Сборник научных тезисов. Днепропетровск. 1981. С. 3–8.
- Акмулла 2006 — Мифтахетдин Акмулла: [стихотворения (на рус. яз.)]. Уфа: Китап. 2006.
- Байрамов 1982 — *Байрамов А.* Годы возмужания. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1982.
- Бархударов 1975 — *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М. 1975.
- Бишшева 1968 — *Бишшева З.А.* Униженные. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1968.
- Бишшева 1972 — *Бишшева З.А.* Будем друзьями. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1972.
- Бишшева 1990 — *Бишшева З.А.* У Большого Ика. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1990.
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. М. 1991.
- БКЭ 1996 — Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия». 1996.
- БНИИ 1989 — Башкирские народные музыкальные инструменты. Буклет. Уфа. 1989.
- БРН 1996 — *Ураксин З.Г.* Башкортса-русса һүзлек. М.: Дигора, Русск. яз. 1996.
- Вайсбурд 1972 — *Вайсбурд М.Л.* Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. № 3. С. 98.
- Верещагин, Костомаров 1980 — *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М. 1980.

- Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. 2005.
- Влахос, Флорин 1980 — *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М. 1980.
- Воробьев, Саяхова 2006 — *Воробьев В.В., Саяхова Л.Г.* Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие / Элективный курс для 10, 11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир. 2006.
- Галютдинов 1995 — *Галютдинов И.Г.* Поиграем вместе, друзья. Уфа. 1995.
- Гарипов 1981 — *Гарипов Р.* Возвращение. М.: Современник. 1981.
- Глушкова 1987 — *Глушкова Э.К.* К проблеме семантизации безэквивалентной лексики // Русский язык за рубежом. 1987. № 1. С. 47–49.
- Денисов 1971 — *Денисов П.Н.* Страноведение и учебные словари // Страноведение и преподавание русского языка как иностранного: Тезисы докладов Международного симпозиума. МГУ. 1971. С.47.
- Закирьянов 1996 — *Закирьянов К.З.* Некоторые особенности перевода с башкирского языка на русский // Республиканская научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Дж.Г. Киекбаева. Уфа. 1996. С. 61–62.
- ИБ1 1996 — *Акманова И.Г.* История Башкортостана. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 г. Учебник для 8–9 кл. Уфа. 1996.
- Ибрагимов 2018 — *Ибрагимов Г.Г.* Кинзя. Уфа: Китап. 2018.
- Иванов 1985 — *Иванов А.О.* Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. Л. 1985.
- Иванов 2006 — *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика: Учебное пособие. СПб. 2006.
- Карим 2008 — *Карим М.* Долгое-долгое детство. Уфа: Китап. 2008.
- Киекбаев 1981 — *Киекбаев Дж.* Родные и знакомые. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1981.
- КЛЭ 1971 — Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М. 1971.
- Молчановский 1985 — *Молчановский В.В.* Теоретическая разработка и практическая реализация лингвострановедческого аспекта русского языка как иностранного (Аналитический обзор). М.: ИРЯП. 1985.
- Муллагалиева, Саяхова 2003 — *Муллагалиева Л.К., Саяхова Л.Г.* Русский язык как родной: Учебное пособие для учителей и учащихся общеобразовательных школ. Уфа. 2003.
- Руденко 2006 — *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап. 2006.
- Сагитов 1984 — *Сагитов М.М.* Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа. 1984. С. 74–81.
- Самигуллина 1988 — *Самигуллина Р.* Особенности передачи безэквивалентной лексики с башкирского на русский и немецкий языки // Башкортостан укытыусыһы. 1988. № 12. С. 47–49.
- Самситова 2006 — *Самситова Л.Х.* Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка. Уфа: Китап. 2006.
- Самситова 2018 — *Самситова Л.Х.* Безэквивалентная лексика башкирского языка: Монография. Уфа: Башк. энцикл. 2018.
- Саяхова 2006 — *Саяхова Л.Г.* Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку и учебники нового поколения: Методическое руководство для учителей русского языка (5–11 классы). Уфа: Китап. 2006. С. 22–24.
- СИС 1979 — Словарь иностранных слов. М. 1979.
- Томахин 1980 — *Томахин Г.Д.* Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. 1980. № 6. С. 47–50.
- Томахин 1981 — *Томахин Г.Д.* Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 1. С. 64–69.

- Томахин 1984 — *Томахин Г.Д.* Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) Дисс. ... д.ф.н. Москва. 1984.
- УБ 1986 — Урал-батыр. Башкирский народный эпос. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1986.
- Филиппов 2002 — *Филиппов А.П.* Было в памяти воскресло. Уфа: Китап. 2002.
- Хакимов 1982 — *Хакимов А.Х.* Кожаная шкатулка. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1982.
- Хакимов 1988 — *Хакимов А.Х.* Плач домбры. М.: Сов. Писатель. 1988.
- Чернов 1958 — *Чернов В.Т.* Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык. М. 1958.
- Шатков 1952 — *Шатков В.Г.* Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык. М. 1952.
- Шерина 2010 — *Шерина Е.А.* Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): Дисс. ... к.ф.н. Томск. 2010.
- Шитова 1995 — *Шитова С.Н.* Башкирская народная одежда. Уфа: Китап. 1995.

*А.Д. Субраков*¹

Фразеологизмы с соматизмами в хакасских народных сказках²

Изучение словарного состава любого языка представляет большой интерес как с точки зрения чисто языковедческой, так и в связи с тем, что слова любого конкретного языка являются названиями определенных предметов, понятий и явлений. Как следствие, возникает необходимость тематической группировки имеющихся в языке слов, облегчающая, во-первых, их изучение, во-вторых, помогающая разобраться в соответствующих вещах и понятиях, которые выражаются при помощи данных слов.

Слова, относящиеся к названиям частей тела человека, составляют значительную часть лексики современного хакасского языка. Становится очевидным, что они должны быть подвергнуты всестороннему лингвистическому анализу. Такая необходимость вызвана еще и тем, что до сих пор тюркологами, в частности в хакасском языкознании, соматическая лексика не была предметом подробного специального лингвистического анализа. Имеющиеся весьма немногочисленные исследования являются преимущественно отдельными статьями, охватывающими узкий круг слов.

Что касается тюркского языкознания, наиболее значительная и интересная работа по этой тематике — это кандидатская диссертация Кудайбергена Жидебаева, который рассматривает анатомические названия как особую тематико-лексическую группу казахского языка [Жидебаев 1977: 10]. Сравнительному исследованию ряда анатомических терминов в тюркских языках посвящена статья Ф.Г. Исхакова [Исхаков 1962: 8]. Для обнаружения алтайской проформы анатомических названий В.Д. Колесникова в своих исследованиях подвергает сравнительному анализу слова из тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских

---

¹ Субраков Александр Дмитриевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ad-subrakov@mail.ru

² Работа подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственно-го задания РАНХиГС.

языков. Ею проводится анализ морфологического состава слов, семантических, этимологических особенностей соматизмов [Колесникова 1972: 71–103].

В хакасском языкознании некоторые упоминания о соматических словах встречаются в работах А.Н. Чугунковой, М.Д. Чертыковой, К.Н. Бичелдей, Т.Г. Боргояковой, Т.Н. Боргояковой, В.А. Боргоякова, И.Л. Кызласова и др. В исследованиях упомянутой группы ученых-хакасоведов соматические названия были привлечены не как отдельная лексико-семантическая категория, а в процессе изучения остальной части лексики хакасского языка.

Изучая лексику, в нашем случае названия частей тела, нельзя не обратить внимания на то, что соматическая лексика легко и широко образует устойчивые словосочетания и выступают как опорный элемент идиом и фразеологических сочетаний.

Из лингвистических исследований известно, что в хакасском языке устойчивых словосочетаний с участием соматической лексики немало. Так, в кратком хакасско-русском фразеологическом словаре (автор-составитель Т.Г. Боргоякова) из представленных 1064 фразеологизмов 434 фразеологические единицы имеют в своем составе соматизмы.

По мнению К. Жидебаева, одни анатомические названия в своем движении в языке более свободны, другие более связаны или же более ограничены в своих возможностях. В своем исследовании он пишет, что названия наружных частей тела чаще встречаются в образовании устойчивых словосочетаний, чем внутренних [Жидебаев 1977: 20]. Об этом же пишет О. Назаров. С его точки зрения, названия наиболее жизненно важных частей тела активно участвуют в образовании фразеологизмов [Назаров 1972: 31]. Х.Ё. Ким в своей работе о фразеологизированных единицах с компонентами-соматизмами в системе языковой картины мира пишет, что «исследователи выделяют две основные группы: ядерные и периферийные. В ядерную группу входят фразеологизмы с соматизмами, имеющие высокую фразеобразовательную активность. К периферийной группе отнесены фразеологические обороты, имеющие низкую фразеобразовательную активность. Лексемы: “голова”, “сердце”, “глаза”, “душа”, “рука”, “нога” относятся к первой группе с активным процессом создания фразеологизмов Периферийную группу представляют слова: “бок”, “шея”, “пуп”, “темя”, “жилы”, “брови”, “кости”» [Ким 2016: 102].

По мнению Вакка, подобное различие зависит от важности значения той или другой части тела для жизненной деятельности человека, названием которой выступает данное конкретное слово. Он же пишет, что физиологически бесполезных частей тела нет, однако человечество в истории своего развития разделяет их на первостепенные и второстепенные [Вакк 1964: 9].

Изучение языка того или другого народа дает возможность собрать информацию о прошлом этого народа. В этом отношении слово является живым свидетелем истории человечества. Я. Grimm, обращая внимание на такую способность языка, писал: «Наш язык — это также наша история. <...> Из всех человеческих изобретений, которые люди тщательно охраняли и по традиции передавали друг

другу, которые они создали в согласии с заложенной в них природой, язык, как кажется, является величайшим, благороднейшим и неотъемлемейшим достоянием» [Гримм 1964: 65, 68].

Несомненно, наиболее ярко богатство языка проявляется в фольклорных произведениях: сказках, пословицах, поговорках, героических сказаниях, былинах и эпосах.

Основной целью данного исследования является выявление и описание хакасских устойчивых сочетаний, в состав которых включены фразеологизмы с соматизмами.

Вслед за А.О. Кармышаковым под соматической фразеологической единицей (СФЕ) в нашей работе понимается воспроизводимый, синтаксически неразложимый, образный фразеологизм, состоящий из двух или более компонентов, значение которых не совпадает с общим смыслом всего оборота. Ведущим или зависимым компонентом этого фразеологизма является слово, обозначающее не только внешние физические формы организма человека или животного (голова, рука, нога, живот и др.), но и элементы сердечно-сосудистой, пищеварительной и других систем (кровь, селезенка, мозг, печень и т.п.) [Кармышаков 1992: 14].

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить СФЕ в хакасских народных сказках;
- 2) рассмотреть национально-культурную специфику употребления фразеологических единиц с соматическим компонентом.

При анализе материала автор опирался на научные исследования в области лингвистики и смежных с ней наук: лингвокультурологии, этнолингвистики. Решению задач послужили методы исследования: теоретико-аналитический, поисковый, описательный, анализ по семантическим компонентам.

Новизна исследования заключается в том, что в работе впервые анатомические названия рассматриваются как особая тематико-лексическая группа хакасского языка. До сих пор функционирование соматизмов в фразеологизмах хакасского языка не было предметом специального исследования.

Источником анализа послужили хакасские народные сказки.

Хакасские народные сказки показывают историю хакасского народа, его многовековой опыт, оригинальную материальную и духовную культуру. В них хранится информация об историческом устройстве общества, обрядах и ритуалах, законах и нормах жизни, особенностях этноса.

Изучением фольклора хакасского народа занимались многие ученые-лингвисты. В дореволюционный период фундаментальное изучение хакасского фольклора связано с именем В.В. Радлова. Богатейшие фольклорные материалы, собранные в результате его поездки по Хакасии в 1863 году, опубликованы в труде «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Крупнейшим собирателем и исследователем хакасского фольклора был Н.Ф. Катанов. В конце XIX в. он записал почти все фольклорные жанры. Наряду с тувинским и тофаларским фольклором, хакасские записи вошли в IX том «Образцов народной литературы тюркских племен» (1907).

В советское время исследованием хакасского фольклора занимались М.А. Унгвицкая, В.Е. Майногашева, Д.И. Чанков, П.А. Трояков, Т.Г. Тачеева, В.И. Доможаков, А.А. Кенель, А.К. Стоянов и др. В работе «Хакасское народное поэтическое творчество» (1972), составителями которых были М.А. Унгвицкая и В.Е. Майногашева, впервые дана характеристика, классификация и периодизация жанров хакасского фольклора. В настоящее время изучением актуальных вопросов современного хакасского языка занимаются сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ).

В 1956 году Хакасское книжное издательство выпустило в свет книгу «Хакас чонының нымахтары» ('Хакасские народные сказки', составитель В.И. Доможаков), которое было использовано в исследовании. В книге собраны 35 сказок, охватывающих различные сферы жизни, начиная с бытовых и заканчивая волшебными сюжетами. В примечаниях написано, где, когда и кем была рассказана та или иная сказка.

На материале хакасских народных сказок методом сплошной выборки были выявлены 82 фразеологизма. Среди них обнаружены 21 фразеологизм с соматическими единицами.

Найденные фразеологические единицы с соматизмами условно можно разделить на:

а) выражающие состояние души человека (грусть, любовь, отчаяние и др.);

Например, отчаяние. В предложении *Позы, тізең, пазын чаба тудынып, агыл сагыснаң сагынып, аллыг көксінень күрезіп одырчадыр* [ХНС 1956: 56] 'Сам же он, в отчаянии обхватив голову руками, сидит задумавшись'. Фразеологизм *агыл сагыснаң сагынарға, аллыг көксінень күрезерге* букв. 'пришедшую (в голову) думу думать, широкой грудью бороться' показывает отчаяние человека, крайнюю степень чувства безвыходности и безысходности. Этому фразеологизму в русском языке больше всего соответствует фразеологический оборот «вешать голову» [СиЭА].

Истерика. Фразеологизм *харах чазын хан идерге, пурун суун пус идерге* букв. 'из слёз кровь делать, из воды, текущей из носа, делать лед' указывает на орущего, неистово плачущего, во весь голос завывающего человека. В русском языке для определения такого человека используют фразеологизм «реветь белугой» [СиЭА]. Фразеологизм *харах чазын хан идерге, пурун суун пус идерге* 'из слёз кровь делать, из воды, текущей из носа, делать лед' можно разделить на две части: *харах чазын хан идерге* 'из слёз кровь делать' и *пурун суун пус идерге* 'из воды, текущей из носа, делать лед', но смысл словосочетаний от этого не изменится. Они также будут показывать на громко плачущего человека. Это можно увидеть на примере *Хайырғас аны көріп, харах чазын хан идип, улуг чобагда чазызар настырыбысхан* [ХНС 1956: 21] 'Обливаясь горькими слезами (букв. 'делая кровь из слёз'), Хайырғас (имя собст.) ушел в степь'.

Когда две смысловые части фразеологического оборота объединяются, то они как бы усиливают друг друга и описывают уже человека, бьющегося в истерике: *Оолахтың чачазы харах чазын хан итче, пурун суун пус итче — туңмазын*

ыстинча [ХНС 1956: 3] ‘Старшая сестра в истерике не разрешает брату ехать на битву’.

Обожание, любовь. Для выражения обожания, поклонения к кому-либо в хакасском языке иногда используется фразеологизм *істі хайыларга*, который дословно переводится как ‘внутренности тают’. Это можно увидеть на примере *Хайырғастынъ, тізень, Абахай Пахтага көрп, істі хайыл чөрчең* [ХНС 1956: 18] букв. ‘У Хайырғаса (имя собст.) внутренности таяли от вида Абахай Пахта (имя собст.)’. В данном случае лексема *істі* используется в переносном значении ‘душа’, ‘сердце’ и идиома *істі хайыларга* ‘сердце тает’ обозначает сильную любовь парня к девушке. Это предложение можно перевести как ‘Хайырғас был без ума от Абахай Пахта’. Больше всего хакасскому фразеологизму *істі хайыларга* соответствует русские фразеологизмы «быть без ума» или «влюбиться без памяти» [СиЭА].

Гнев, радость, веселье. Фразеологизм *өкпе пазынарга* букв. ‘легкие давить’ в хакасском языке обычно используется в отрицательном, негативном значении ‘подавлять, сдерживать гнев, раздражение, обиду’. Например, *Магаа мындаг махтанчыктар, активтер кирек чоғыл — өкпезін пазынарга арага ісчедіп, кібіртенген ол* ‘«Мне такие хвастуны, активисты не нужны!» — выпивая водку, бормотал он, чтобы подавить гнев’ [Боргоякова 1996: 53]. На примере, найденном в хакасских народных сказках, значение фразеологизма *өкпе пазынарга* несколько другое. Он показывает, что герой, смеясь, не может остановиться и буквально катается по земле, задыхаясь от приступа смеха: *Көрдімөк, — тінче түлгү, хатхырган өкпезін пазын полбин* [ХНС 1956: 139] ‘«Видела, видела», — говорит лисичка, сама от смеха не может оправиться’. Этому фразеологизму в русском языке больше всего соответствует фразеологический оборот «давиться от смеха» [СиЭА].

Благосклонность. Среди фразеологизмов, выражающих состояние души человека, в хакасских народных сказках также встречается фразеологическая единица *чаг наарлыг поларга* букв. ‘быть жирной печенью или сальной печенью’. В хакасско-русском фразеологическом словаре *чаг наар* букв. ‘сальная печень’ указывает на доброту, милосердие [Боргоякова 1996: 122]. В примере, найденном в хакасском фольклоре *Хайдаг даа полза ипчі кізее ир кізі чаг наарлыг поладыр* [ХНС 1956: 27] ‘Как ни посмотри, но все же мужчина всегда более благосклонен к женщине (к просьбе)’, фразеологизм *чаг наарлыг поларга*, использованный в хакасских народных сказках, указывает не на доброту, а больше на благосклонность, может быть даже на снисхождение. Аналогичных фразеологизмов, передающих смысл хакасского фразеологизма *чаг наарлыг поларга*, в русском языке не нашлось.

б) показывающие состояние тела человека (голод, усталость и др.);

Соматические фразеологические единицы, описывающие состояние тела, оказались наиболее распространенными среди выявленных.

Например, фразеологизмы про усталость, немощ. В предложении *Ирлік-Айна, азахтаң ас пазып, аянаң көп таянып пастабысхан* [ХНС 1956: 6]

‘Со временем Ирлік-Айна (имя собст.) стал меньше на ноги опираться, руками чаще стал об землю держаться’ можно выделить фразеологизм *азахтаң ас пазарга, аянаң көп таянарга* букв. ‘меньше ногами ступать, опираться больше на ладони’, который показывает, что человек с трудом двигается от усталости, измученности. Этому фразеологизму в русском языке больше всего соответствует фразеологический оборот «на ватных ногах» [СиЭА].

В примере *Пола-пола ол азах сани чөрібіскен* [ХНС 1956: 26] ‘Со временем (собака) стала еле ноги волочить (от голода)’ фразеологизм *азах сани* букв. ‘считая ноги’ указывает на крайнюю степень истощения животного, показывает, что собака уже не может стоять на ногах от голода. Фразеологизму *азах сани* больше всего соответствует фразеологический оборот «еле ноги волочить» [СиЭА] в русском языке.

Молодой возраст, неокрепшее тело, неопытность. В хакасском языке на неокрепшее тело молодого человека, указывают фразеологизмы *пилі хатхалах* букв. ‘спина еще не затвердела’ или *холы тыыгалах* букв. ‘руки еще не окрепли’. Так говорят преимущественно о подростках. В примере, найденном в хакасских народных сказках: *Ол ам даа кічіг андаг харбастарга, пилі хатхалах, холы тыыгалах, — тінче* [ХНС 1956: 3] ‘«Он еще маленький, чтобы участвовать в битве, спина еще не затвердела, руки еще не окрепли», — говорит она’, — два данных выше фразеологизма: *пилі хатхалах, холы тыыгалах* букв. ‘спина еще не затвердела, руки еще не окрепли’, объединившись и усиливая друг друга, описывают совсем юного мальчика, не достигшего зрелого возраста. Этому фразеологическому обороту в русском языке наиболее соответствует фразеологизм «молоко на губах не обсохло» [СиЭА].

Крепость тела, взросление. И наоборот, когда хотят показать человека, который самодостаточен и не нуждается в посторонней помощи, используют фразеологизмы *пилі хат парган* букв. ‘спина затвердела’ или *холы тыып парган* букв. ‘руки окрепли’. Как и другие фразеологизмы, эти выражения имеют синонимы. В хакасских народных сказках было найдено два примера, указывающие на крепость тела. В первом случае *Азах пазып тыыганда, оларга Күн Арыг чаачах ит пирген* [ХНС 1956: 11] ‘Когда они (братья) окрепли Күн Арыг (имя собст.) сделала им по луку’ используется фразеологизм *азах пазып тыырга* букв. ‘твердо на ногах стоять’, указывающий на то, что братья достаточно выросли и окрепли, чтобы охотиться на диких зверей. Хакасский фразеологизм *азах пазып тыырга* аналогичен русскому «крепко встать на ноги» [СиЭА].

Во втором примере *Сигіс пүөр, сиирлері хатып, харахтары ханнанып, харнылары улам алгып, улам ачын полыбысханнар* [ХНС 1956: 26] ‘Восемь волков со временем окрепли, стали еще более алчными, еще более ненасытными’ фразеологизм *сиир хатарга* (букв. ‘жилы твердеют’) показывает на вошедших в силу волков. Указанный фразеологизмом хакасы используют для того, чтобы описать сильного, крепкого, вошедшего в силу мужчину. Этому фразеологическому обороту в русском языке наиболее соответствует фразеологизм «входить в силу» [СиЭА].

Алчность, ненасытность. В этом же предложении *Sigis püür, сиирлері хатып, харахтары ханнанып, харнылары улам алгып, улам ачын польбысханнар* [ХНС 1956: 26] ‘Восемь волков со временем окрепли, стали еще более алчными, еще более ненасытными’ можно выделить другой фразеологизм *харахтары ханнанарга* букв. ‘глаза кровью наливаются’, указывающий на неистовость, иступленность жаждущих крови волков. Хакасы используют это выражение еще тогда, когда описывают состояние человека в страшном гневе, ярости, ожесточении.

На этом же примере *Sigis püür, сиирлері хатып, харахтары ханнанып, харнылары улам алгып, улам ачын польбысханнар* [ХНС 1956: 26] ‘Восемь волков со временем окрепли, стали еще более алчными, еще более ненасытными’ можно выделить еще один фразеологизм *харын алгирга* букв. ‘брюхо стало еще больше’, описывающий ненасытность, прожорливость волков. В русском языке этому фразеологизму соответствует «ненасытная утроба» [СиЭА]. Этот же смысл несет фразеологический оборот, указанный в предложении *Хубай Хус хычалыг, итке харны тоспас, ханга сухсуны ханмас пол парган* [ХНС 1956: 26] букв. ‘Хубай Хус (кличка собаки) не может мясом насытиться, рот его не может кровью утолиться’. Фразеологизм *итке харны тоспас, ханга сухсуны ханмас* букв. ‘живот не может мясом насытиться, рот не может кровью утолиться’ также указывает на хищность, алчность. Предложение *Хубай Хус хычалыг, итке харны тоспас, ханга сухсуны ханмас пол парган* можно перевести как ‘Хубай Хус стал ненасытным на свежее мясо и на свежую кровь’.

Голод, бедствовать. В примере, найденном в хакасских народных сказках, *Мының алнында чабал харныңа даа сыдабачааң хайза? — тiп сырбалып одыр садыгычы* [ХНС 1956: 24] ‘«Ты же в прошлом даже себя прокормить не мог? (букв. ‘Ты же в прошлом даже со своим брюхом не справлялся?’)», — придирается к нему продавец’ фразеологизм *чабал харыңа сыдабасха* букв. ‘со своим брюхом не справляться’ указывает на голодного, живущего в скудности человека, который не может себя прокормить. Хакасскому фразеологизму *чабал харыңа сыдабасха* в русском языке более близок по смыслу фразеологизм «перебиваться с хлеба на воду» [СиЭА].

Сытость. В предложении *Ам Абананъ Түлгүчек ікөлөнъ, игірлеріне ит толдырып, пүгүрлеріне мұн толдырып, көглес парирлар* [ХНС 1956: 130] ‘Теперь только медведь и лисица вдвоем дальше гуляют, наедаются досыта’ фразеологизм *игірлеріне ит толдырарга, пүгүрлеріне мұн толдырарга* букв. ‘впадины мясом наполнить, возвышенности бульоном залить’ показывает состояние сытости, полной удовлетворенности в еде. Русские фразеологизмы «до отвала», «от пуза», «набить живот» [СиЭА] соответствуют этому фразеологизму.

Опьянение. Еще один пример, показывающий состояние тела человека дан в предложении *Арага күстіг ниме — кемге сыдабас? Искен ит ізеен туста, Ир Тохчын чөпке кір чөрібіскен* [ХНС 1956: 28] ‘Водка — сильная вещь — всех сбивает с ног. Пьяный (букв. ‘когда тело разогрелось’) Ир Тохчын дал свое согласие’. Фразеологизм *ит ізирге* букв. ‘тело подогревается’ показывает крайнюю степень опьянения, когда человек напился до невменяемости. В русском

языке фразеологизмы «под мухой», «нализаться», «до положения риз» [СиЭА] также указывают на опьянение человека.

в) описывающие человеческие отношения (приятельские отношения, негативные отношения);

Например, дружбу. В предложении *Удур-төдiр олар хыныс чөрцеңнер, удур-төдiр турызып, хабыргадаң хайыс чөрерге аасхыныс салганнар* [ХНС 1956: 109] ‘Дружили они и договорились во всем помогать друг другу’ фразеологизм *хабыр-гадаң хайыс чөрерге* букв. ‘ребром поддерживая друг друга’ показывает на побратимство, приятельские отношения двух ранее незнакомых между собой людей. Этому фразеологизму в русском языке больше всего соответствует фразеологические обороты «плечом к плечу», «бок о бок», «закадычные друзья» [СиЭА].

Негативное отношение. Фразеологизм *хуруг тiл* букв. ‘пустой язык’ в хакасских народных сказках используется в двух значениях.

В первом случае в предложении *Икi хуруг тiл кiзi таллап алып, азых-түлүк, арага тимнеп Сибiчекненъ Сибдейексер ыза пирген* [ХНС 1956: 15] ‘Приготовив гостинцы, (хан) нашел двух болтливых людей и отправил их к Сибiчеку и Сибдейеку (имена собст.)’ фразеологизм *хуруг тiл* букв. ‘пустой язык’ используется в значении речистый, умеющий уговаривать. В данном случае предложение *Икi хуруг тiл кiзi таллап алып, азых-түлүк, арага тимнеп Сибiчекненъ Сибдейексер ыза пирген* можно перевести как ‘Приготовив гостинцы, хан нашел двух сладкоречивых людей и отправил их к Сибiчеку и Сибдейеку’.

На втором примере можно увидеть негативное отношение к человеку, не сдержанному на язык. Предложение *Хуруг тiл — хоңалтах өдiкciң син, — тiпче* [ХНС 1956: 135] ‘«Пустозвон ты», — говорит он’ показывает негативное отношение говорящего к собеседнику. Фразеологизм *хуруг тiл* букв. ‘пустой язык’, усиленный словосочетанием *хоңалтах өдiк* букв. ‘сапог на босу ногу’, используется хакасами, когда хотят указать на чрезмерно говорливого, празднословного человека. Этому фразеологическому обороту в русском языке больше всего соответствует фразеологизмы «длинный язык», «балаболка», «пустозвон», «болтливый как сорока» [СиЭА]. В настоящее время словосочетание *хуруг тiл — хоңалтах өдiк* букв. ‘сплошной язык — сапог на босу ногу’ употребляется в речи хакасов как поговорка.

При анализе хакасских народных сказок также можно выделить соматический фразеологизм, который передает идею одиночества в более широком контексте.

Предложение *Хабыргадаң хайызар чагыннары чоғыл, тустаң турызар туганнары чоғыл* [ХНС 1956: 3] букв. ‘Ближих нет, чтобы ребро подставили, родственников нет, чтобы вовремя помогли’ само является фразеологическим оборотом и служит для обозначения круглых сирот или одиноких людей без родных и близких. Фразеологизм чаще всего используется в ситуации, когда безродному человеку очень трудно и некому прийти на помощь в эти тяжелые для него минуты. В русском языке в определении таких обстоятельств используют фразеологизм «некому плечо подставить» [СиЭА].

Соматизм *хол* в хакасских фразеологизмах, найденный в фольклорных текстах, может употребляться в тех ситуациях, когда на первый план выходит значение «подчинение», «зависимость от кого-либо». В примере *Че хайди идер зе, ханның холы хатыг, кізі чірі күстіг* [ХНС 1956: 16] ‘Что поделаешь, рука у хана тверда, чужая земля сильна’ фразеологизм *ханның холы хатыг, кізі чірі күстіг* букв. ‘рука у хана тверда, чужая земля сильна’ показывает, что приказы, тем более царя, не обсуждаются. Этому фразеологическому обороту в русском языке подходят фразеологизм «слово царя тверже сухаря» [Филатов 1987].

Как видно из приведенных выше примеров, в соматических фразеологических единицах хакасского языка смысловым центром в большинстве случаев является одно стержневое слово. Вокруг этого стержня располагаются остальные элементы фразеологической единицы по степени валентности. Такими стержнями являются соматизмы *азах* ‘нога’, *ит* ‘тело, мясо’, *харах* ‘глаз’, *харах час* ‘слеза’, *хабырга* ‘ребро’, *харын* ‘живот’, *хол* ‘рука’ и др.

Также можно сказать, что соматические фразеологизмы в хакасских народных сказках показывают национальную специфику хакасского языка. В исследованных фразеологизмах отражается языковая картина мира хакасов, проявляются представления, связанные с обычаями, традициями, бытом и культурой хакасов.

В заключение хотелось бы отметить, что фразеологизмы с соматизмами в фольклорных текстах хакасов требуют еще более тщательного аналитического исследования, в результате чего, возможно, откроются еще более интересные пласты знаний о соматической лексике хакасского языка.

Литература

- Боргоякова 1996 — *Боргоякова Т.Г.* Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Учебное пособие. Абакан: Издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 1996.
- Вакк 1964 — *Вакк Ф.О.* О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореферат дис. ... к.ф.н. / АН Эстон. ССР. Отд-ние обществ. наук. Таллин: [б. и.]. 1964.
- Гримм 1964 — *Гримм Я.* Немецкая грамматика // Истории языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / Сост. В.А. Звегинцев. М.: Просвещение. 1964. С. 56–68.
- Жидебаев 1977 — *Жидебаев К.* Анатомические названия в казахском языке: Автореф. дис. ... к.ф.н. (10.02.06) / АН КазССР. Ин-т языкознания. Алма-Ата: [б. и.]. 1977.
- Исхаков 1962 — *Исхаков Ф.Г.* Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. IV. Лексика. М. 1962. С. 5–68.
- Кармышаков 1992 — *Кармышаков А.О.* Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н / Кыргыз. гос. ун-т. Бишкек. 1992. 24 с.
- Ким 2016 — *Ким Х.Ё.* Фразеологизированные единицы с компонентами-соматизмами в системе языковой картины мира. Дис... к.ф.н.. М.: МПГУ. 2016. 224 с.
- Колесникова 1972 — *Колесникова В.Д.* Названия частей тела человека в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Сб. ст. Л.: Наука. 1972. С. 71–103.

-
- Назаров 1972 — Назаров О. О причинах фразообразовательной активности соматизмов в русском и туркменском языках // Вопросы лексики и фразеологии. № 5. Ашхабад. 1972. С. 29–33
- СиЭА — Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru> (дата обращения 13.03.2022)
- Филатов 1987 — Филатов Л.А. Про Федота-стрельца, удалого молодца. <https://www.culture.ru/poems/33195/pro-fedota-strelca-udalogo-molodca> (дата обращения 25.03.2022)
- ХНС 1956 — Хакасские народные сказки (на хакасском языке). Абакан: Хакасское книжное издательство. 1956.

С. Учгюль¹
М. Йылмаз²

Слово *helal* и его производные в турецком языке: коммуникативно-прагматический аспект

Арабское слово *حلال* *halal* относится к числу терминов, встречающихся в священной книге мусульман Коране и в исламской литературе. Значимость этого понятия состоит в том, что оно регулирует повседневную жизнь мусульман, занимая важное место в системе исламских ценностей, соотносится со всем, что разрешено и допустимо для мусульман. В арабско-русском словаре Х.К. Баранова приводятся следующие значения этого слова: «разрешенный», «законный»; «полный», «неотъемлемый»; «законное действие» [Баранов 2001: 189]. В турецком языке это арабское заимствование используется в фонетической форме *helal* в значениях «законный», «легальный», «соответствующий».

В исламском праве термин «*халяль*» толкуется как разрешенные действия и деяния — это заключение брака, разрешение на употребление в пищу, получение дохода от торговой операции, которая выполнена в соответствии с нормами шариата. Синонимы слова «*халяль*» — *mübah* и *caiz* обозначают разрешенные деяния, совершение которых не предписывается, но и не запрещается шариатом. Если «*мубах*» совершен с благими намерениями, то расценивается как богоугодный поступок — это еда, питье, сон и т.д. [Али-заде 2007: 486]. «*Джаиз*» означает в исламском праве действие, совершение или несвершение которого является одинаково приемлемым и дозволенным, т.е. не запрещается, но и не попадает в разряд желательных. Различие между синонимами разъясняется таким образом: «Хотя между такими терминами, как “*джаиз*” и “*мубах*”, есть некоторые различия, они часто используются как синонимы слова “*халяль*” и выражают действия, которые налогоплательщик может или не может совершать». [Али-заде 2007: 486].

---

¹ Учгюль Севинч — профессор, доктор филологических наук, Университет Эрджиек, г. Кайсери, Турция; преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; sevinc@erciyes.edu.tr

² Йылмаз Мехтап — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; mhtppolat@gmail.com

Антонимом слова «халаяль» является «харам» (*haram*) в значении «запрещенное», «недозволенное». Это широкое понятие, затрагивающее все сферы человеческой деятельности. «Согласно шариату, совершающих харам (недозволенное) ожидает строгое наказание и в этой жизни, и после смерти (мучения в аду). Избегающие харама из-за страха наказания получают “благословение Всевышнего Аллаха”; отрицающие недозволенное, с точки зрения шариата, автоматически переходят в разряд неверных» [Ислам: иллюстрированная энциклопедия 2009: 57].

В толковых словарях современного турецкого языка приводятся следующие значения слова *helal*:

- [прилагательное] — дозволенный с точки зрения религии, не противоречащий правилам религии, не запрещенный с точки зрения религии, антоним «харама»;
- [прилагательное] — соответствующий правилам и традициям;
- [наречие] — в соответствии с правилами и традициями;
- [существительное] — метафорическое наименование супруги [Türkçe Sözlük 2011: 1080; Devellioğlu 2005: 353; Püsküllüoğlu 2008: 845].

В турецком языке со словом *helal* образованы устойчивые словосочетания и поговорки. Несмотря на то, что *helal* изначально является исламским термином, в настоящее время в Турции он используется в повседневной речи представителями разных слоев населения независимо от принадлежности к этническим группам, возраста и уровня образования. Слово *helal*, не имея эквивалента в русском языке, в значении «разрешенная пища» понятно носителям русского языка, даже не исповедующим ислам.

Иностранцы, изучающие турецкий язык, и переводчики должны принимать во внимание не только основное значение *helal*, но и стилистические особенности этого слова, сферы его употребления и возможный контекст. У *helal* можно выделить 3 основных значения:

1. В религиозном значении — «правильный», «разрешенный», «соответствующий Корану».

Olmaz. Allah bu ayırımlar konusunda gayet açık olmamızı istiyor. Yoksa ne haram diye bir şey olurdu, ne helal [Şafak 2009: 277] ‘Ни в коем случае. Аллах хочет, чтобы мы четко проводили границы этих различий. Иначе не было бы ни харама / запрещенного, ни халаяля / дозволенного’.

Küçüğün olsaydı tabii haramdı. Evlenemezdin. Çünkü senin oğlunun kızıyla evlenmen gibi bir şey olurdu. Ama büyük olunca... O zaman helâldir. İsteddiğini yaparsın! [Tanrınar 1969: 41] ‘Конечно, если бы она была моложе тебя, то это был бы харам. Ты не смог бы жениться. Потому что это всё равно, что жениться на дочери своего сына. Но если она старше... Тогда это халаяль / правильно. Ты можешь делать то, что хочешь!’³

2. В повседневном употреблении — ‘заработанный честным путем, в поте лица, разрешенными в исламе способами, нужный, необходимый’.

³ Все переводы выполнены авторами исследования.

Bu adamcağızlar helal para alıyorlardı doğrusu... Allah, iki tarafa da kuvvet versin [Güntekin 1997: 41] ‘Эти люди на самом деле получали халяльные / честные деньги... Да придаст Аллах сил обеим сторонам’.

Hanım, benim evime bir şeycik olmaz. O, helâl parayla yapıldı [Gürpınar 1972a: 10] ‘Госпожа, с моим домом ничего не случится. Он построен на халяльные / честные деньги’.

Часто в таком значении понятие *helal* употребляется вместе с антонимом *haram*.

Allah bize helalimizden gün görmeyi nasip etmemiş, biz de harama düşerek dünya ziyafetinden birkaç lokma yaladık [Gürpınar 1999: 58] ‘Аллах не дал нам познать праведных радостей жизни, и мы впали во грех и позволили себе вкусить (букв. лизнуть) прелестей мирского наслаждения (букв. застолья)’.

Açlık, sefalet yüzünden erdemler, üstün değerler boğuluyor; dünyayı kötülük, fitne kaplıyor; helâl, haram ayırt edilmiyor... [Gürpınar 1968: 13] ‘Голод и нищета душат добродетели и высшие ценности; зло и раздор пронизывают мир; стираются границы между дозволенным и запрещенным...’.

3. В значении «разрешенный в пищу», то есть относящийся к продуктам питания, которые приготовлены и продаются по правилам ислама.

“Şu ‘helal’ çikolataların da adları var mı?” diye sordu meşhur gazeteci [Şafak 2016: 243] ‘«Этот ‘халяльный’ шоколад тоже как-то называется?» — спросил известный журналист’.

Bıçağın ucuyla yağdan kes de efendilere koklat... Çeşni helâldır [Gürpınar 1945: 144] ‘Отрежь масло кончиком ножа и дай господам его понюхать... Приправа халяльная’.

Her türlü şekerleme, dondurma, patates cipsi ve çikolata ürününün — üzerinde helal yazanların bile — eve girmesini yasaklamıştı [Şafak 2016: 32] ‘Он запретил приносить в дом все виды сладостей, мороженого, картофельных чипсов и шоколадных изделий, даже с халяльной маркировкой’.

Производные слова и фразеологизмы с *helal*

1. Ряд фразеологизмов используется при расставании в качестве просьбы о прощении собеседником и его благословении: *hakkını helal etmek* и *helalleşmek* ‘отпустить с миром’, ‘простить за все’, ‘освободить от всяческих обязательств’, *[birisinden] helallik almak* ‘получить благословление у кого-то’, *helallik dilemek*, *helallik istemek* ‘просить благословление у кого-то’, *[birisıyla] helalleşmek*. Попрощаться и попросить прощения особенно необходимо перед посещением святых мест — Мекки и Медины.

Hakkınızı helal ediniz, gidiyorum çocuklar... [Gürpınar 1999: 239] ‘Благословите меня и прощайте, ребята, я уезжаю...’.

Baba Zaman'ın odasına varıp, hakkını helal etmesini istedim [Şafak 2009: 117] ‘Я пошел в комнату Баба Замана и попросил меня благословить и простить за всё’.

Gitmiş öteki dervişlerle helalleşmiş [Şafak 2002: 120] ‘Он пошел и попрощался с другими дервишами’.

Bu sabah şafak sökerken Baba Zamanla helalleşip yola çıktım [Şafak 2009: 116] ‘Сегодня утром на рассвете я попрощался с Баба Заманом и отправился в путь’.

Отдельно отметим фразеологическую единицу *hak helal etmek* ‘благословить и простить’, которая также является частью религиозных ритуалов. Мусульманский похоронный обряд представляет собой поэтапный процесс, в котором похоронная молитва (*cenaze namazi*) имеет особое значение. Молитву совершает имам мечети, и все находящиеся в мечети мужчины присоединяются к ней. После молитвы имам обязательно спрашивает у родственников и присутствующих о возможных долгах покойного, которые тот не успел выплатить при жизни, или возможных долгах присутствующих покойному. Имам просит, чтобы те, кто имел с покойным некие проблемы — например, ссорился с ним, был обижен, обидел и т.п., — высказали вслух свое прощение или непростение. Всё это заключено во фразе, с которой имам обращается к присутствующим: *Hakkınızı helal ediyormusunuz?* ‘Прощаете ли вы покойного? Отпускаете ли его в мир иной с миром?’ Присутствующие дают свое согласие, подтверждают, что они прощают покойного, отвечая: *Helal olsun!* Только после этого похороны считаются признанными.

İçinizden incinmiş olanlar var ise helâl etsinler [Gürpınar 1984: 98] ‘Если среди вас есть те, кому покойный причинил боль, пусть они простят’.

Данное выражение можно использовать не только непосредственно на похоронах, но также в любом разговоре знакомых о покойном.

Tayfur Bey, zevceniz size ömür... Cenabıhak gafû-rü'r-rahîmdir. Ona hakkınızı helal ediniz... [Gürpınar 2021: 341] ‘Тайфур-бей, ваша супруга покинула вас... Да простит Всевышний ее своей милостью. И вы простите ее’.

Kaynanamı çok severim. Son nefesi vermezden önce yetişip de helallaşamadım [Gürpınar 1999: 240] ‘Я очень люблю свою свекровь. Я не успела попрощаться с ней до того, как она испустила свой последний вздох’.

Таким образом, основное значение этих фразеологизмов можно сформулировать следующим образом: «прощать», «освобождать от каких-либо обязательств, не претендуя ни на что», а наиболее близким русским фразеологизмом является «отпускать с миром», «отпускать с Богом».

Другим распространенным значением этого фразеологизма является «выразить благодарность за бескорыстную помощь». При этом не обязательно имеются в виду материальные долги: это может быть уход, забота, внимание, потраченное время, любовь — все хорошее и доброе. Одновременно с этим человек может просить прощения за нехорошие поступки, совершенные непреднамеренно.

Her mezeyi müşkülpesent bir tadımcı gibi dener, yavaş yavaş sindirirdi. “Kumar oynamam, çalıp çırpmam, sigara içmem, karı kız peşinde koşmam, ne rüşvet aldım, ne hırsızlık ettim, alnum ak; kimselere zarar vermem, yalan dolan desen yoktur kitabımda; herhalde Allah bu garip kuluna akşamları bir kadehçik içmeyi çok görmez, bu kadar günahı da helal etsin bana” derdi ara ara [Şafak 2016: 30] ‘Он пробовал каждую закуску как привередливый дегустатор и медленно ее переваривал. «Я не игрок, не разбойник, не курю, за женщинами не бегаю, взятку не беру, не ворую, совесть моя чиста. Я никому не причиняю вреда, никто не скажет, что я кого-то обманываю, ничего такого за мной не водится. Думаю, Аллах не будет считать за грех, что его бедный слуга по вечерам выпивает по рюмочке, так что пусть он простит мне этот грех», — говорил он время от времени’.

Цель использования этого фразеологизма заключается в том, чтобы подчеркнуть, что люди прощают друг другу любые взаимные долги.

Madam, Matmazel birkaç gün ve gece şurada bir arada bulunduk. Belki hak huk geçmiştir. Helâl ediniz. Her din haktır. Bizi duadan unutmayınız [Gürpınar 1968: 132] ‘Мадам, мадемуазель, мы вместе находились здесь несколько дней и ночей. Возможно, между нами были какие-то трения. Не взыщите. Каждая религия от Бога. Не забывайте нас в молитве’.

Çektiğin emekleri helal et, umarım ki bana darılmazsın [Kemal 2004: 87] ‘Пусть твои усилия будут благословенны, надеюсь, ты не обидишься на меня’.

Başına gelenlerin sebebinin Havva Hanım’a yaptığı muameleden ileri geldiğini itiraf etmiş ve hakkını helal etmesi için ona yalvarmıştı [Adivar 2000: 44] ‘Он признался, что причиной того, что с ним произошло, было его отношение к госпоже Хавве, и взмолился, чтобы она благословила и простила его’.

2. Слово *helalim* означает ‘мой законный муж / моя законная жена’, но чаще употребляется в отношении женщин. Использование этой лексической единицы подчеркивает тот факт, что, согласно религии, Аллах запрещает супружеской паре отношения с другими, и только отношения между супругами являются дозволенными.

“Sen benim helalimsin,” demişti bu evde birlikte geçirdikleri ilk akşam kurdukları raki sofrasında usul usul demlenirken [Şafak 2002: 157] ‘«Я считаю тебя своей женой», — сказал он, пока они хмелели от раки за столом, который они накрыли в первый вечер, проведенный вместе в этом доме’.

Bugünkü buluşma döşeginde birbirine haram olan vücutlar, bir yıl önce birbirinin helaliydi. Helalinde lezzet bulamayanlar harama döndükten sonra birbirlerine kıymetli oldular [Gürpınar 1999: 375] ‘Тела, которые на ложе сегодняшней встречи были не дозволены друг другу, всего год назад были благословлены Аллахом. Те, кто не познал вкуса союза в то время, когда состояли в благословенном браке, стали вдру ценны друг для друга тогда, когда их близкие отношения стали запретными’.

Allahtan kork Ferhunde... Kendi helâl malım olan şu vücuda dokundurmak değil bakmaya bile izin vermiyorsun [Gürpınar 1984: 155] ‘Побойся Аллаха, Ферхунде... Ты не позволяешь мне не то, чтобы прикасаться, но даже смотреть на это тело, которое было благословлено для меня Аллахом’.

Дети, рожденные в благословенном Аллахом браке, называются *helalzade* ‘ребенок, рожденный в законном браке’. Это слово к настоящему времени перешло в разряд архаизмов и употребляется или как фамилия или в исторических сериалах, фильмах и литературных произведениях. С другой стороны, слово *helalzade* указывает на честность, воспитанность и правильный образ жизни человека.

İmanına yandığımın dünyası... işte budur bu!.. Sofuya cennet, bize dünya sefası... «Helâlzade»lere açlık... [Gürpınar 1968: 196] ‘Мир, в котором я горел за веру ... Вот он!.. Подвижникам нужен рай, а нам — мирское наслаждение. А на долю праведников выпадает голод’.

3. Фразеологизм *helal olmak* многозначен и чаще всего употребляется в форме повелительного наклонения 3 л. ед. числа: *Helal olsun!* с восклицательной интонацией, букв. ‘Пусть будет благословенно!’. Фразеологизм *helal olmak* имеет следующие значения:

а. *Helal olsun!* может быть синонимично слову *aferin* ‘молодец!’, ‘браво!’. Это выражение похвалы, одобрения человеку, обладающему какими-либо положительными качествами, делающему что-либо очень хорошо, умело, ловко.

Helal olsun aileme de bana da. Ailem olmasa ben yapamazdım bunları [Batur 2016: 343] ‘И я, и моя семья молодцы! Если бы не семья, я бы не смог сделать этого’.

Annenle konuştun ya, bir acayıplik yoktu. Senin sayende ilk defa İstanbul’a geliyorlar. Valla dayımı buralara getirdin ya, helal olsun sana! [Şafak 2006: 283] ‘Ты же говорила с мамой, ничего страшного не случилось. Благодаря тебе они впервые приедут в Стамбул. Ты [большая] молодец! Всё-таки привезла моего дядю сюда’.

Helal olsun! Demek sonunda başardı [Şafak 2009: 327] ‘Браво! Значит, наконец, ему это удалось’.

б. *Helal olsun!* может означать ‘Пусть будет во благо, на пользу!’, часто — в отношении пищи, напитков, всего того, чем пользуется человек:

Aferin, Allah hepinizden razı olsun. Vatanin ekmeği hepinize helal olsun... [Kemal 2004: 86] ‘Молодцы, благослови вас всех Бог. Да будут ваши усилия во благо родины благословенны!’

Yorgunsun, hoş gelmişsin / kara gece nöbetinden hoş gelmişsin / yat uyu yerin hazır / hak etmişsin uyukuy / helâl olsun uykun... [Uyar 2011: 409] ‘Ты устал, с приездом! Ты пришел с ночного дежурства, добро пожаловать / иди спать, уже застелена твоя кровать / ты заслужил сон / пусть твой сон будет благословенен’.

Иногда для усиления значения перед фразеологизмом используется выражение *ananın ak sütü gibi* ‘как белое материнское молоко’, обычно для того, чтобы подчеркнуть, что не жаль потраченного, отданного, того, чего лишился, например:

Sana bıraktığım bu miras ananın ak sütü gibi helal olsun [Gürpınar 1967: 68] ‘Пусть наследство, которое я оставляю тебе, будет благословенно, как молоко твоей матери’.

в. *Helal olsun!* может означать ‘На здоровье!’ и использоваться в качестве ответа на высказанную человеком благодарность за заботу, угощение, гостеприимство и т.д., совершенные по доброй воле и безвозмездно, например:

Son hizmette bulundum. Helal ve hoş olsun... [Gürpınar 1967: 58] ‘Я оказал последнюю услугу покойному. Пусть это будет ему во благо’.

г. *Helal olsun!* может иметь значение ‘сделанный во имя всевышнего или ради него’, например:

Zavallı herif pek âlimdi ama sidik zoruna tutulmuştu. Altına şilte dayandıramazdık. Öldü, neme lâzım helâl ve hoş olsun... [Gürpınar 1984: 96] ‘Бедняга был очень хорошим ученым, но он страдал недержанием. Мы не успевали менять под ним белье. Он умер, какое мне дело? Пусть покоится с миром’.

д. *Helal olsun!* может использоваться с иронией, выражать под видом похвалы осуждение за поступок, достойный неодобрения, порицания, упрека, например:

Ufak kitabevleriyle de çalıştık ve bazılarında ödeme alamadık; satılmayanları iade etmedikleri gibi sattıklarının parasını da vermediler. Ne yapalım helal olsun! Bütün dileğim Türkiye'ye yayılmasıydı [Batur 2016: 399] ‘Мы сотрудничали и с мелкими издательствами, некоторые нам даже не платили; не возвращали нам непроданные книги, и не платили нам за проданные. Ну ничего не поделаешь, бог с ними! Всё, чего я хотел, — чтобы эти книги разошлись по Турции’.

е. *Helal olsun!* может иметь значение ‘не жаль’ о потраченном, отданном или том, чего лишился, например:

Yol güzel, tarlalar cömert / Helal olsun yol parası [Eyuboğlu 1974: 221] ‘Дорога красивая, поля щедрые / не жаль истраченных на путешествие денег’.

ж. В случае, когда кто-то поперхнулся во время еды, питья *Helal olsun!* может означать ‘пусть еда или питье пойдут на благо’, а также с отрицанием — в значении проклятия:

Kaçayım diyorum, herif izbandut gibi kuvvetli, kollarının arasından kurtulamıyorum. Bağırсан, çağırсан olmaz. Neyse, helali hoş olmasın, Beyefendi benden birkaç öpücük aldı [Gürpınar 1974: 12] ‘Я собираюсь сбежать, но мужик силен, и я не могу вырваться из его рук. Но кричать, поднять шум нельзя. Ну что ж поделать, чтоб ему пусто стало, господин получил от меня несколько «поцелуев»’.

Hay helal ve hoş olmasın bunca yıldır verdiğimiz emekler [Gürpınar 1972: 233] ‘Пусть же усилия, которые мы тратили столько лет, пропадут пропадом!..’

İlahi, analık hakkım, emzirdiğim süt helal olmasın... [Gürpınar 1945: 45] ‘Честное слово, пусть моя материнская любовь, мое материнское молоко, пропадет пропадом...’

4. Фразеологизм *helal kılmak* имеет значение ‘сделать, признать дозволенным, разрешенным с точки зрения ислама’, однако может использоваться с отрицанием в противоположном смысле в качестве проклятия ‘запретить, считать запретным, харамом’.

Dünya nikahı seni benden başka bir kadına helal kılamaz... [Gürpınar 1967: 140–141] ‘Земной брак не сможет сделать тебя дозволенным для отношений с другой женщиной’.

5. Фразеологизм *helal süt emmek* ‘быть вскормленным халяльным молоком’ характеризует человека как честного, правдивого, не способного на низкие поступки, происходящего из достойной, благородной семьи.

Ne diyecağım ağam. Emrindir. Bize uymak düşer. En güzelini, en iyisini sen düşünürsen. Mahmud’a Güllüshan’dan iyi kız bulunur? Hemi de ağa kızıdır. Helâl süt emmiştir [Mungan 1980: 62] ‘Что я могу сказать, мой господин? Приказывайте. Наше дело — повиноваться. Если ты думаешь о самом лучшем, о самом хорошем. Можно ли найти лучшую девушку для Махмуда, чем Гюллюшан? К тому же она дочь достойного человека. Она и честная, и благородная’.

Hay Allah senden razı olsun efendi birader... Çok şükür, hele bir helal süt emmişe tesadüf ettim [Gürpınar 1972: 277] ‘Да благословит тебя Аллах, брат... Слава Богу, мне встретила честная женщина’.

Allah vere de bir helal süt emmişe düşeydi... [Gürpınar 1945: 79] ‘Бог милостив, пусть ей попадется честный человек’.

6. Фразеологизм *helal yoldan, helalinden para kazanmak* имеет значение ‘зарабатывать деньги честным путем, жить честно’.

Bu adamcağızlar helal para alıyorlardı doğrusu... Allah, iki tarafa da kuvvet versin [Güntekin 1997: 41] ‘Эти бедняги на самом деле зарабатывали деньги честным трудом... Да придаст Аллах сил обеим сторонам’.

7. Фразеологизм *kanı helal olmak* используется в значении ‘пролить кровь кого-либо не будет считаться грехом’.

Benim buraya girdiğim gibi biri bizim eve girse, kanını helal sayar öldürürdüm [Kemal 2004: 28] ‘Если бы кто-то вошел в наш дом так же, как я вошел сюда, я бы счел оправданным убийство и убил бы его’.

Ey ahali, onların kanı kafirlerin kanı gibi helaldir [Adivar 2000a: 20] ‘О люди, пролить их кровь — не грех, так же как пролить кровь неверных’.

O kendini Hacı Fettah Efendi’nin ‘bıyksızlar, yakalıklar’ diye tavsif ettiği ve ‘kanlarının helal’ olduğunu söylediği sınıftan addediyordu [Adivar 2000a: 21] ‘Он считал себя принадлежащим к тому классу, который Хаджи Феттах Эфенди описывал как «те, у кого нет усов и, кто носит воротнички» и говорил, что «пролить их кровь не грех»’.

[Hemen koşup dayısının ayaklarına kapanarak] Aman dayıcığım, beni öldürmek istiyorsanız kanım size helal olsun, başka şekilde öldürünüz [Gürpınar 1972: 296] ‘[Сразу бежит и падает к ногам дяди] О, дядюшка, если вы хотите убить меня, то Аллах вас не осудит, убейте меня другим способом’.

Evvelâ Allaha, sonra onlara yalvar. İsa Peygamberin katillerini affettiği gibi kanlarını sana helâl etsinler, cehennemlik kadın... [Gürpınar 1984: 308] ‘Сначала зови к Аллаху, а потом умоляй их. Пусть, исчадь ада, они простят тебе свою пролитую кровь, как Иисус простил своих убийц...’

Как показывают приведенные примеры, семантика слова *helal*, его дериватов и фразеологизмов, в состав которых оно входит, представляется трудной для описания, поскольку складывается в процессе сложного взаимодействия явлений разных уровней: религиозных представлений, непосредственного контекста употребления, коммуникативной характеристики речевой ситуации в целом, а также статуса ее участников. Использование вышеназванных слов и фразеологизмов тесно связано с языковой традицией, историческими процессами, особенностями менталитета. Также приведенные примеры употребления слова *helal* демонстрируют, что оно часто лишается своего религиозного содержания.

Возвращаясь к проблеме понимания значений и эквивалентов слова *helal*, отметим, что существующие словарные описания недостаточны, так как не учитывают всех возможных употреблений, и во многом некорректны, потому что описывают значения слова «списочным» образом, не учитывая семантических нюансов и семантической производимости одних значений на базе других.

Дальнейшее направление исследования этой лексемы, а также ее производных может проводиться в плане уточнения передаваемых ей значений, в том числе, с привлечением методов корпусной лингвистики, что представляется важным не только в теоретическом, но и в практическом плане, так как подобное описание будет весьма полезно для лиц, изучающих турецкий язык как иностранный, и для переводчиков.

Литература

- Али-заде 2007 — *Али-заде А.* Исламский энциклопедический словарь. Ансар. 2007.
 Баранов 2001 — *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М. 2001.
 Adıvar 2000 — *Adıvar H.E.* Mor Salkımlı Ev. Özgür Yayınları. 2000.
 Adıvar 2000a — *Adıvar H.E.* Vurun Kahpeye. Özgür Yayınları. 2000.
 Batur 2016 — *Batur E.* Raffi Portakal: Portakal'ın Yüzyılı. Doğan Kitap. 2016.
 Develioğlu 2005 — *Develioğlu F.* Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lûgat /Yay. haz. A.S. Güneycal. 22. bsk.. Ankara: Aydın Kitabevi. 2005.
 Eyüboğlu 1974 — *Eyüboğlu B.R.* Dol Karabakır Dol. Bilgi Yayınevi. Ankara-İstanbul.1974.
 Güntekin 1997 — *Güntekin R.N.* Kızılıcak Dalları: Bütün Eserleri 15. 1997.
 Gürpınar 1945 — *Gürpınar H.R.* Tesadüf. Hilmi Kitabevi. 1945.
 Gürpınar 1967 — *Gürpınar H.R.* Cadı. Atlas Kitabevi.1967.
 Gürpınar 1968 — *Gürpınar H.R.* Eşkiya İninde. Atlas Kitabevi.1968.
 Gürpınar 1972 — *Gürpınar H.R.* Hazan Bülbülü. Atlas Kitabevi.1972.
 Gürpınar 1972a — *Gürpınar H.R.* Kuyruklu Yıldızın Altında Bir Evlenme. Atlas Kitabevi. 1972.
 Gürpınar 1974 — *Gürpınar H.R.* Gulyabani. Atlas Kitabevi.1974.
 Gürpınar 1984 — *Gürpınar H.R.* Cehennemlik. Atlas Kitabevi. 1984.
 Gürpınar 1999 — *Gürpınar H.R.* Deli Filozof. Özgür Yayınları.1999.
 Gürpınar 2021— *Gürpınar H.R.* Dirilen İskelet. Türk Dil Kurumu. 2021.
 Kemal 2004 — *Kemal N.* Vatan Yâhut Silistre. Bordo Siyah. 2004.
 Mungan1980 — *Mungan M.* Mahmud ile Yezida. Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.1980.
 Pamuk 2011 — *Pamuk O.* Sessiz Ev. İletişim. 2011.

- Püsküllüoğlu 2008 — *Püsküllüoğlu A.* Türkçe Sözlük. Can. 2008.
- Şafak 2002 — *Şafak E.* Bit Palas. Metis. 2002.
- Şafak 2006 — *Şafak E.* Baba ve Piç. Metis.2006.
- Şafak 2009 — *Şafak E.* Aşk / Çev. K. Yiğit Us. Doğan Kitap. 2009.
- Şafak 2016 — *Şafak E.* Havva'nın Üç Kızı / Çev. O. A. Korugan ve E. Şafak. Doğan Kitap. 2016.
- Tanpınar 1969 — *Tanpınar A.H.* Beş Şehir. Milli Eğitim Basımevi. 1969.
- TDV İslam Ansiklopedisi — TDV İslam Ansiklopedisi [URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/helal>] (дата обращения: 22.08.2021).
- Türkçe Sözlük 2011 — Türkçe Sözlük / Haz.: Şükrü Halük Akalın ve başk. 11.bsk. Ankara. Türk Dil Kurumu. 2011.
- Uyar 2011 — *Uyar T.* Büyük Saat. Yayı Kredi Yayınları. 2011.

М.Д. Чертыкова¹

Хакасские глаголы *оңар-* и *оңна-* в концептуальном пространстве понимания

Ментальный аспект человеческой деятельности представляет собой наиболее сложную и многослойную систему. При этом различные пропозиции ментальной деятельности — знание, мышление, мнение, внимание, догадки, понимание и другие — являются взаимопроникающими и взаимодополняющими звеньями одного ментального процесса. Находясь в постоянном движении, ментальные процессы соотносятся друг с другом, трансформируются в определенные эпистемические структуры, например, статическое состояние *понимать / понять* обозначает переход от отсутствия определенного знания (*непонимания / незнания*) к его достижению и обладанию (*пониманию / знанию*). Как писала Н.Д. Арутюнова: «<...> во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепцию и суждения, знание и веру» [Арутюнова 1989: 7]. В языковом отражении такая особенность ментального действия обнаруживается в малочисленности и, как следствие данного факта, многозначности репрезентирующих лексем, в частности, глагольной лексики.

Один из видов ментального действия — понимание — тоже неоднородно: оно включает в себя различные признаки рациональных умозаключений и реализуется соответствующими конкретизаторами. Являясь результатом усиленных ментальных операций, понимание также требует от субъекта таких сопутствующих психических функций, как способность к размышлению, анализу, обобщению, суждению и т.д. «Понимание (постижение истины) не является по своей сути единым процессом и реализуется в большом количестве разнородных ситуаций. Эти ситуации различаются по способу достижения понимания. Понять что-то можно: а) проанализировав некоторый набор полученных данных (при

---

¹ Чертыкова Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова; chertikova@yandex.ru

этом реализуется понимание как пропозициональное достижение); б) самостоятельно объяснив для себя суть явление (понимание как уяснение); в) вникнув в объяснения другого лица (понимание объяснения)» [Дмитровская 1985: 99].

Глаголы со значением понимания, как одна из семантических категорий ментальных глаголов, объединенных категориально-лексической семьей «осуществление ментальной / интеллектуальной деятельности», не раз становились объектом исследования в разноструктурных языках, особенно, в русистике [Дмитровская 1985; Сандиго-Гросс 1991; Иомдин 1999; Каныгина 2012 и др.]. В этих и других работах применялись различные подходы к описанию базовых глаголов *понять / понимать* с точки зрения особенностей интенционального объекта и ситуаций, их субъектно-объектных, количественно-качественных характеристик, а также основных семантических и прагматических свойств иррационального понимания. Обычно глаголы со значением понимания описываются в рамках лексико-семантической группы глаголов ментальной (или интеллектуальной / умственной) деятельности [Булыгина, Шмелев 1989; Гуднов 2013 и др.]. Названные глаголы выражают процессы интеллектуальной деятельности в целом и указывают на отдельные специфические аспекты познания окружающей действительности (*понимать, догадываться, знать, помнить* и т.д.). Лингвисты в семантике глаголов со значением понимания выделяют следующие дифференциальные семы: антропоцентричность, контролируемость / неконтролируемость, результативность, необратимость, кратковременность / длительность, непредсказуемость, индивидуальность субъекта [Дмитровская 1985; Иомдин 1999; Каныгина 2012]. Б.Л. Иомдин в русском языке отдельно выделил и составил лексикографический портрет глаголов иррационального понимания типа *осенило (озарило), предчувствовать, догадаться* и др., обозначив их семантические свойства. Также автор в ситуации понимания выделяет следующие метафоры понимания: свет (*пролить свет, светлый ум* и др.), удар (*ударить в голову, пронзила мысль* и др.), видение (*видеть* в значении «понимать», «прозреть» и др.), обретение (*схватывать, уловить мысль* и др.), продвижение (*допереть, догонять, дойти* и др.) и т.д. [Иомдин 1999]. Из сказанного следует, что лексические единицы со значением понимания, обладая множеством интегральных и дифференциальных сем, образуют целое концептуальное пространство, взаимодействующее с другими категориями мыслительной деятельности.

В тюркских языках функционально-семантический, этимологический и сравнительный анализы отдельных глаголов со значением понимания производились в рамках семантического поля глаголов интеллектуальной деятельности [Дмитриев 1952; Кулиев 1983; Саналова 2020; Чертыкова 2021 и др.]. Только в хакасском языке М.Д. Чертыковой выделена и описана подгруппа глаголов со значением понимания и их производных с акцентированием внимания на явлении многозначности в их семантической структуре, покрывающей все необходимые процессы, соприкасающиеся с данным понятием [Чертыкова 2014].

Как известно, в тюркских языках ментальные глаголы при свойственной им многозначности и малочисленности имеют внутрисистемный пересекающийся

характер, с развитыми гипо-гиперонимическими, синонимическими отношениями, пронизывающими данную структуру насквозь и сверху донизу. Помимо глаголов **оңна-** и **оңар-** в хакасском языке контекстуальное значение понимания могут реализовывать и другие ментальные глаголы: **пiл-** ‘знать’; **хабын-** «1) *возвр.* от *хабарга* ‘хвататься, цепляться за что-л.’; 2) ‘спохватиться’; *пiр ниме хабын-масха* ‘ничего не подозревать (не спохватываться)’; *тузында хабынарга* ‘спохватиться вовремя’; *сагыс хабынарга* а) ‘опомниться’; б) ‘задуматься’» [ХРС 2006: 770]; **сис-** «то же, что и **сизiн-** (в 1 знач.); *мал-хус чир тiтiрiрiн сисче осхас* ‘оказывается, животные предчувствуют землетрясение’; 2) ‘разгадывать, отгадывать что-л.’; *сиспектi сизерге* ‘отгадывать загадку’» [ХРС 2006: 463]; **сизiн-** «1) ‘чувствовать, предчувствовать, чуют’; 2) ‘догадываться, понимать’; ‘замечать что-л.’; 4) ‘остерегаться кого-л., чего-л.’» [ХРС 2006: 463–464] и др. [Чертыкова 2021: 38–45]. В данном исследовании ставится целью рассмотрение частотных и многозначных глаголов **оңна-** и **оңар-**, в своих основных лексико-семантических вариантах (далее — ЛСВ) транслирующих понимание, и выявление их функционально-семантических и когнитивных особенностей.

Доминантным глаголом со значением понимания в хакасском языке является **оңна-** «1) ‘понимать, усваивать что-л.’; 2) ‘замечать, примечать что-л.’; *тогыста кiн ирткенiн оңнабинчазың* ‘на работе не замечаешь, как и время проходит’» [ХРС 2006: 305]. По семантическому сходству первичных ЛСВ к данному глаголу близок **оңар-** «‘понимать, разуметь что-л.’; ‘вникать в суть чего-л.’; *кiзi кoңнiн оңарарга* ‘понять настроение человека’» [ХРС 2006: 303]. В отличие от указанных словарных данных в семантической структуре глагола **оңна-** мы выделяем 5 взаимопересекающихся ЛСВ: «1) понимать что-л. в результате умственных операций; 2) постигать суть вещей в результате умственного напряжения; 3) замечать (чаще в отриц. форме); 4) уметь; иметь способность к чему-л.; 5) помнить что-л.». В семантической структуре глагола **оңар-** мы выделяем 4 ЛСВ: «1) понимать что-л. в результате умственных операций; 2) улавливать суть каких-либо явлений и событий (чаще употребляется в составе сложного глагола с **пол-** ‘быть’ в отрицательной форме); 3) осознавать (окружающее), соображать (с трудом), употребляется чаще в отрицательной форме; 4) осознавать, давать себе отчет» [Чертыкова 2014: 146–147]. Данные однокоренные глаголы относятся к общетюркскому лексическому фонду: *аңа* ‘разуметь, понимать’: *уқиш хош жітітіп сөзімні аңа* ‘напрягши ум, уразумей мои слова’ (Юг В 18); *tirigdin ölüğçiqarurkörürsenmunî ketañ* ‘ты увидишь, [как] он из живого сделает мертвого, пойми [же] хорошо это’ (Юг С 18) [ДТС 1969: 46]; *аңла-* ‘понимать’: *olsözüganladı* ‘он понял эти слова’ (МК I 290); *özüm ögränür — mü anî anlajın* ‘разве сам я узнаю, пойми я это’ (QBN 290 10); *аңла- бил- нарн.* ‘понимать, уразумевать’: <...> [ДТС 1969: 47]. Как видим, в отличие от древнетюркской и других тюркских лексических параллелей, хакасские глаголы обозначаются начальным звуком *а-*. В других тюркских языках данный глагол также является основным репрезентантом понимания, например, в тат.: **аңлау-** *перех.* «1) *в разн. знач.* ‘понимать / понять (задачу, причину, объяснение учителя, трудного подростка)’;

‘познавать / познать (цену здоровья, душу, намерение человека)’; ‘постигать / постигнуть, постичь (тайну чего, запутанную схему, сложную систему)’; ‘улавливать / уловить (связь между событиями, тонкость политики, главную мысль книги)’; ‘схватывать / схватить, ухватывать/ухватить (быстро, медленно)’ <...>» [ТРС 2007: 360–361]; карач.-балк.: *анъыларгъа* «1) ‘понимать кого-что; сознавать, осознавать; осмыслять, познавать что; соображать что’; <...>; 2) ‘чувствовать, ощущать что’; <...>; 3) ‘знать что’; ‘разбираться в чем’; <...>; 4) ‘трактовать, истолковывать, интерпретировать что’ <...>» [КБРС 1989: 68]; каз.: *аңгар* ‘понимать’, *мәселенің қайда жатқанын аңғарасыз ба?* ‘Понимаете, в чем дело?’ [РКС2 2007: 148] и др. Очевидно, что все глаголы образованы путем присоединения к исходным основам *аң-* / *оң-* глаголообразующих аффиксов: *-на*; *-ар*; *-лау*. Соответственно, хакасские варианты глаголов *оңар-* и *оңна-* образованы от исторически возможного корня *оң-* при помощи глаголообразующих аффиксов *-ар* и *-на*. В хакасском языке данный корень не имеет самостоятельного употребления. Однако встает вопрос об исторической взаимосвязи этих глаголов с омонимичными лексемами: *оң I* «1) удача, везение. *Оң ползын* ‘к счастью’. *Оң ползын* ‘пусть [тебе] повезет’»; *оң II* «1) правый; *оң хол* ‘правая рука’; 2) лицевой; *Истің оң сари* ‘лицевая сторона ткани’» [ХРС 2006: 303]. Обычно понимание ассоциируется у человека с приобретением новых знаний / информации и с постижением истины. Думается, что в это логическое содержание могли бы включаться и такие благоприятные и позитивные понятия, как «удача» и «правый».

Соотношение мыслительного процесса и зрительного восприятия наблюдается во многих языках. К примеру, в русском языке глаголы *понимать* и *видеть* синонимичны в определенных контекстных условиях: *Как я понимаю [вижу], вы не хотите работать*. Однако смешение мыслительного и зрительного аспектов часто получают развитие в семантике одного слова. В ряде тюркских языков, например, в киргизском, казахском, татарском, значение понимания дает также глагол *аңда-*. В киргизском языке *аңда* «1. понимать, вникать; *эй, ага-уни болгон көп чүлүк, аңдаңарчы бу кепти!* фолькл. ‘О родичи мои! Вникните вы в эту речь!’; 2. *южн.* примечать, наблюдать; *аңдабаган төө көрбөйт погов.* ‘ненаблюдательный (и) верблюда не видит’» [КРС11985: 59]. Как показывает данная словарная статья, в южнокиргизских диалектах глагол *аңда-* получает несколько иное метафорическое употребление, поскольку в его семантике усматривается смешение мыслительного и зрительного процессов. Визуальная концентрация внимания на одном объекте обеспечивается дополнительными знаниями о нем. Выразителем первичного зрительного компонента является хакасский однокоренной глагол *аңды-* «1) смотреть пристально, смотреть в упор; всматриваться; уставиться глазами; *прост.* глазеть <...>; 2) разглядывать, рассматривать; <...>» [ХРС 2006: 66].

Многозначные глаголы *оңна-* и *оңар-* при присоединении отрицательного аффикса *-ба* (или *-бин*) обычно выражают нахождение субъекта в состоянии непонимания: *Че позым даа оңнабинчам, нас поларбын ма мыннаң маңат* (Хт, 11) ‘Но я сам не понимаю, смогу ли писать лучше’. *Мин аң улусханын на истипчем,*

че *nir dee nime körbинчем, nir dee nime оңнабинчам* (Кч, 49) ‘Я слышу только вой волков, но ничего не вижу и ничего **не понимаю**’. *Ипчи кизи, чорых чöрген кизиң чоогын оңарбин, агаа хайыг даа салбаан* (По, 49) ‘Женщина не обращала внимания на путешественника и **не понимала** (букв. не понимая) его рассказа’. *Ниме, ниме? Кемнең сурынарзың? — оңарбаан Петя* (По, 112) ‘Что, что? У кого будешь просить? — **не понимает** Петя’. *Оңарбинчазың ма, палам? — хучахтапча, палазын чагын тартып алып, уучазы* (Ат, 74) ‘**Не понимаешь**, дитя [мое]? — прижимая к себе, обнимает внука бабушка’.

Кроме того, нахождение субъекта в физиологическом состоянии забывтья или потери сознания обозначается чаще глаголом **оңна-** в отрицательной форме. *Аннаң андархызын Мукул чахсы оңнабинча* (Ит, 159) ‘Что было дальше, Мукул **плохо помнит** (букв. хорошо не помнит)’. *Айкан аныңзар, харах албин, чикелеп салганын позы даа оңнабинча* (Ат, 26) ‘Айкан и сам **не помнит** (не осознаёт), что уставился глазами на него’.

Также глагол **оңна-** в форме настоящего времени выражает значение «помнить». При этом он управляет объектом, выраженным именем или придаточным предложением с заглавным словом в форме винительного падежа. *Миниң изенминдiме ол ниме нандырганын мин оңнабинчам* (Ат, 38) ‘Я **не помню**, что он ответил на мое приветствие’. *Хайди оңнабинчазың, пiлбес полгазың ма?* (Хч, 3) ‘Как **не помнишь**, пьяный был что ли?’ Как известно, сфера памяти идентифицируется сильными и слабыми уровнями фиксации хранения информации. В языковой репрезентации данного явления глаголы со значением памяти могут сочетаться с наречиями, конкретизирующими хорошую и / или плохую память, как например, русск. *хорошо [плохо, еле-еле, отчетливо и т.д.] помнить*. В нашем случае также глагол **оңна-** в значении «помнить» сочетается с соответствующими конкретизаторами, выражающими качество памяти: *Ол күннердеги хорылыстарны Рикки сала-пула ла оңнаан* (По, 267) ‘Рикки еле-еле **помнил** суматоху тех дней’. *Нинче күн паргабыс — чахсы оңнабинчам* (У, 33) ‘Сколько дней ехали — **хорошо не помню**’. *Мин зе анзын кичеегидеги ле чили оңнапчам* (У, 17) ‘Я-то это **помню, как будто вчера** [это было]’.

В отношении глагола **оңна-** интересен факт того, что в настоящем времени и в отрицательной форме на **-бин** он выражает значение «не помнить», но в прошедшем времени с аффиксом отрицания **-ба** выражает значение «не заметить»: *Оңнабаам, хынза, ирткен дее полар* (Хч, 17) ‘**Не заметил**, может, и проходил’. *Пу най ла чапсыстыг хабарны оңнабасчыхпыс таа, сынап ол алгым устагчы В.М. Торосовха теелбеен полза* (Хч, 3) ‘Эту любопытную историю мы бы и **не заметили**, если бы она не касалась известного руководителя В.М. Торосова’.

Глаголы **оңна-** и **оңар-** наиболее ярко реализуют признак понимания (и / или непонимания) в сочетании с наиболее распространенными в тюркских языках служебными компонентами — вспомогательными глаголами. «Вспомогательный глагол — это глагол, функцией которого является передача дополнительной грамматической и семантической информации в соединении со смысловым глаголом в составе аналитической конструкции» [Тазранова 2017: 243]. При сочета-

нии со вспомогательными глаголами **оңна-** и **оңар-** принимают форму деепричастия на **-ып**, но у глагола **оңар-** при сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами данный аффикс часто выпадает, например, **оңар(ып) пол-; оңар(ып) сал-; оңар(ып) хал-**. Подобные образования в тюркских языках принято называть аналитическими. Таким образом, рассматриваемые глаголы образуют аналитические конструкции в сочетании со вспомогательными глаголами:

а) **пол-** ‘букв. быть’, который в семантику сложного глагола добавляет сему возможности / невозможности совершения действия. *Хайди піске мындаг хысха-чах чуртасты оңар поларга* (Чт, 7) ‘Как нам **понять** такую короткую жизнь’. Часто аналитические конструкции **оңар пол-** и **оңнап пол-** используются с аффиксами отрицания: в настоящем времени (**-бин**), в прошедшем и будущем временах (**-ба**) и выражают невозможность понимания. *Мин оларның чоогынаң сыгара пір дее ниме оңар полбаабын* (Тко, 93) ‘Из их разговора я **не смог** ничего **понять**’. *Хызычахха нога хыртыстанчатханын ол позы даа оңнап полбинча* (Х, 36) ‘Он и сам **не может понять**, почему так раздражается на девочку’.

б) **ал-** ‘букв. брать’, который передает результативность и завершенность действия. При этом действие маркировано оттенком «для себя», т.е. в пользу говорящего или же другого лица. *Кикчін сыннары — ол олох тигір хучагы. Аны оңнап алган кізі киненге кірбес* (Ат, 28) ‘Вершины гор (букв. вершины беркута) — это то же, что и объятие неба. Тот, кто это **поймет**, никогда не ошибется’. *Мин сценада чарым на күснең тогынарга чарабазын чахсы оңарып алгам* (Хчк, 117) ‘Я хорошо **понял** (освоил), что на сцене нельзя работать вполсилы’.

в) **сал-** ‘букв. класть, положить’. При сочетании с данным вспомогательным глаголом **оңар-** выступает в значении «понимать» с ярко выраженным оттенком завершенности (законченности) процесса: *М.Г. Торосов Августавтиң сынчых кізі полганын орта оңар салган* (Хчк, 27) ‘М.Г. Торосов правильно **понял**, что Августав — достойный человек’. В значении «заметить» глагол **оңнап сал-** также выражает оттенок завершенности (законченности) процесса: *Доржи тайым сах андох оңнап салтыр минің істімде ниме полчатханын* (Ат, 38) ‘[Мой] дядя Доржи сразу заметил, что творилось в моей душе’. *Пісті оңнап салзалар, арғыстарына сағба идерлер* (Хчк, 40) ‘Если **заметят** нас, [они] дадут знать [своим] друзьям’. Помимо завершенности и результативности действия (приложенных мыслительных усилий), **оңнап сал-** и **оңар сал-** при сочетании с наречиями типа *кинетін* ‘вдруг’, *сах андох* ‘тут же’ эксплицируют семы «мгновенность» и «внезапность»: *Немец тілін мин пілбинчем, че палых тілін, тізең, сах андох оңар салдым* (По, 97) ‘Я не знаю немецкого языка, но язык рыб я **тут же понял** (освоил)’. *Іче-паба тун хыстарының хоных хонар тузы чит килгенін кинетін не оңар салганнар* (Кх, 137) ‘Родители **вдруг поняли**, что пришло время выходить замуж их старшей дочери’.

г) **хал-** ‘букв. остаться’. Как отмечает А.Р. Тазранова, алтайский глагол «*кал*» ‘оставаться’, присоединяясь к деепричастиям, означает окончание действия, причем «действующий предмет, совершивший это действие, остается в этом же положении» [Тазранова2017: 245]. В нашем случае аналитические конструкции

с данным вспомогательным глаголом, как правило, выступают в отрицательной форме. *Мин илбек көөлениске урунган полгам, че аны оңарбин халгам* (Ат, 38, 114) ‘Я встретил великую любовь, но я ее **не понял**’. Более интенсивно используется аналитическая конструкция с деепричастием в отрицательной форме **оңнабин хал-** в значении «не заметить», которое ранее мы отметили в семантической структуре глагола **оңна-**. *Тамкы тартарга саңай кірібіскеніңні оңнабин да халчазың. Хабынзаң — орай* ‘Даже и **не заметишь**, как привыкнешь к курению. Как опомнишься — уже поздно’. *Пірсінде оолах, аңнап парып, пір дее нимее учурабин, ах тасхылның сынынаң азып парганын оңнабин халтыр* (Хп, 110) ‘Однажды мальчик на охоте никого не встретив, даже и **не заметил**, как перевалил через склон белоснежной высокой горы’. *Ойнапчатхан олганнарны көріп, иней күн чабыс тўс парганын даа оңнабин халган* (Ат, 44) ‘Старушка, наблюдая за играющими детьми, и **не заметила**, как опустилось солнце’. Аналитическая конструкция **оңнабин хал-** ‘не заметить’, хоть и относится к ментальным действиям, точнее к его отсутствию, дистанцируется от семантики понимания. В отличие от синтетического **оңнаба-** (**оңна-** + аффикс отрицания **ба-**) ‘не заметить’ **оңнабин хал-** ‘не заметить’ обладает признаком кратковременности и мгновенности. Историческое развитие многозначности «понимать» → «заметить» в семантической структуре глагола **оңна-** обусловлено общим признаком приобретения информации / знаний, при массе других отличительных когнитивных и семантических характеристик.

Различные и несколько отличные от концепта «понимание» виды ментальных пропозиций выражают и производные глаголы, образованные при помощи аффикса страдательного залога **-ыл** (**оңарыл-**) и аффикса возвратного залога **-ын** (**оңарын-**). Эти глаголы обозначают:

а) процесс выхода субъекта из физиологического или эмоционального состояния забытья (*опомниться, очухаться, прийти в себя*). Здесь глаголы **оңарыл-** и **оңарын-** часто выступают сказуемыми в форме условно-временного деепричастия на **-са / -за** или на **-ганда / -генде**, замыкающего придаточную часть сложно-подчиненного предложения. *Паза ла оңарылзам, мин пöримні суурыбох салтырбын* (Хч, 9) ‘Когда я **опомнился**, оказывается, я тоже снял [свою] шапку’. *Пазагы күнде оңарынзам, ибде чатчам* (Хч, 52) ‘Когда очнулся на следующий день, оказывается, лежу дома’. *Оңарын килгенде, күн ишр пол партыр* (Ит, 160) ‘Когда **опомнился**, оказывается, уже наступил вечер’. Придаточная и главная части подобных предложений транслируют разные пропозиции: в первой части — процесс выхода субъекта из состояния забытья, во второй — действие, происходящее в этот момент независимо от воли субъекта. Также эти глаголы выступают в главной части предложения, а в придаточной части могут описываться ситуации / события, предшествующие или же способствующие процессу выхода субъекта из состояния забытья. *Хачан кем-де холымны тың сыстада тудыбысханда, оңарыл килгем* (Д, 24) ‘Когда кто-то крепко сжал [мою] руку, я **опомнился**’.

б) процесс осознания чего-л., прояснения сознания субъекта. *Той-пайлар соонаң амды оңарылча: ирі арага ісче* (Чч, 110) ‘После всяких свадеб и праздни-

ков она **осознала**: муж стал алкоголиком'. *Хысхачах, че чүрекке сише, оңарылдыра чыхыг пирген хачы* (Хчк, 20) 'Председатель дал короткий, но очень **понятный**, достающий до сердца наказ'. *Ол ла кун, аар уйгуда ла чили, синнең чуртаанымны оңарылгам* (Ат, 56) 'Только в этот день я осознала, что жила с тобой как в тяжелом сне'. Отметим, что данный вариант реализации глагола **оңарыл-** является наиболее употребительным, поскольку пропозициональная природа понимания / осознания исходит из внешних факторов, чему способствует и залоговый признак. Глагол же **оңарын-** в силу возвратной семантики (возвратный показатель **-ын**) и заикленности субъекта на внутреннем состоянии чаще реализует значение «процесс выхода субъекта из физиологического или эмоционального состояния забвения». В отличие от **оңарын-**, глагол **оңарыл-** может реализовать и значение «понимать»: *Михаил, пасхаларыох чили, ыырчының полган на халиин оңарыларга харасча* (Тс, 58) 'Михаил, как и другие, старается раскусить [понять] каждый шаг врага'.

Как мы уже отмечали, аналитическая форма глагола со вспомогательным глаголом **пол-** 'быть' с отрицанием на **-ба** или **-бин** наиболее ярко выражает значение непонимания: *Якоп хакас тілін өтіре піліп настабысхан даа полза, ол чоох нимедеңер парчатханын оңарыл полбаан* (Тс, 5) 'Якоп, хоть и знал хорошо хакасский язык, но **не мог понять**, о чем идет этот разговор'. *Кем, мин ме? — оңарыл полбин халган анзы* (Чч, 29) 'Кто, я что ли? — **не понял** тот'. *Ана Агбай чоохтан сыхты. Хай чоохтарын Онсар оңар полбин халча* (Пт, 24) 'Вот стал говорить Агбай. Онсар **не может понять** его слова'. В последних двух предложениях сложный глагол состоит из трех компонентов: **оңар(ыл) полбин хал-**, где **хал-** указывает на локализацию во времени, точнее, на определенный отрезок в прошедшем времени. Вспомогательный глагол **пол-** 'быть' (с аффиксом будущего времени **-ар**) в сочетании с основным глаголом в прошедшем времени может выступать и с модальной нагрузкой «наверное»: *Син, Орис, профсоюз ниме полчан оңарылды поларзың* (О, 40) 'Ты, Орис, **наверное осознала (разобралась)**, что такое профсоюз'.

Как показывает анализ материала, в семантике глаголов **оңарыл-** и **оңарын-** наблюдается принципиальных различий. Идентичность выражаемых ими значений обусловлена тем, что субъектом действия является лицо, выраженное именем в именительном падеже. При глаголе в форме страдательного залога субъект обычно выражается именем в орудийном или дательном падеже. В данном же случае глагол **оңарыл-** «1) опомниться; 2) осознать» имеет возвратное значение. Авторы «Грамматики хакасского языка», ссылаясь на наблюдения Н.А. Баскакова в каракалпакском языке, отмечают, что «тенденция к стиранию семантического различия между некоторыми формами страдательного и возвратного залога, которые постепенно сливаются в одну категорию возвратно-страдательного залога, характерна и для хакасского языка» [Грамматика 1975: 176].

Одним из характерных особенностей понимания, как активного мыслительного процесса, является уточнение степени переработки / освоения субъектом полученного знания и / или информации. «Понимание как пропозициональное

достижение, базируясь на обработке достаточного или недостаточного количества исходных данных, преобладании интуитивного или рационального момента, может характеризоваться со стороны ясности и четкости полученных представлений, а также степени уверенности человека в их истинности <...>» [Дмитровская 1985: 102]. В таких случаях допускается сочетание глагола с наречиями, выражающими степень (градацию) пропозиции — мыслительных усилий, например, *чахсы* ‘хорошо’, *өтіре* ‘четко’, *сала ла* ‘чуть-чуть’, *көмес* ‘немного’, *читіре* ‘достаточно’, *читкіченимес* ‘недостаточно’, *сала-сула* ‘немного’; ‘кое-что’ и др. *Сибирьнің тархынын читіре оңарарга кирек* (Ат, 39) ‘Историю Сибири нужно понимать в достаточной мере’. *Че көббк ле оңнидырзар ни сірер урус киреенде. Мин зе ну киректі сала-сула оңнидырбын. Көзім тирим ме?* (По, 227) ‘Много ли вы понимаете в деле драки. Я-то в этом деле кое-что понимаю. Показать?’ *Мин аны чохсы оңарчам: ол, колхозха кірбин, пос алынча чуртап, пайирга харасча* (Тко, 15) ‘Я его хорошо понимаю: он, не вступая в колхоз, хочет быть одиноличником и таким образом разбогатеть’. *Пістің орындағы кічичегес настызастар ікі пасха чүстіг полганын чохсы оңарылчам* (Хч, 49) ‘Я хорошо понимаю, что наши местные начальнички все двуличные’. *Мин чохсы оңарыл полбаам. Хайдаг андаг марыг полчаң?* (О, 40) ‘Я не совсем понял. Что за соревнование такое?’

Различные степени забывтья или осознанности действительности эксплицируются контекстуальными уточнителями типа *түстегі ле чілі* ‘как во сне’, *салапула* ‘немного’, *пүлес* ‘смутно’ и т.д. *Смена тоозылган. Мачай нандыра парчатханын түстегі ле чілі оңарча. Харахтары чабылып, Коляның соонча аар хаалаан* (Т, 31) ‘Смена закончилась. Как шли обратно, Мачай осознал, как во сне. С закрытыми глазами он тяжело шагал за Колей’.

В русском языке глаголы со значением понимания часто реализуют призыв к пониманию, «как усвоению “чужого” — моральных норм, советов, — которые должны лечь в основу деятельности субъекта <...>» [Дмитровская 1985: 101], например, *вы поймите...*; *услышь меня...* (в значении *пойми меня...*), *ты должен понять...* Однако для хакасского языка такие выражения нетипичны. В нашей картотеке обнаружен лишь один пример подобного рода, такого порядка, но мы считаем его калькированным с русского языка: *Сірер оңнаңар, тогынчаң кізілер тың кирек полчалар. Чист кізілер, тізең, уламох* (Ат, 38) ‘Вы поймите, работники очень нужны, особенно, молодые’. По нашим наблюдениям, в речевой коммуникации хакасов подобные императивные выражения редки, обычно призыв к пониманию не эксплицируется. Иногда желание передавать свои объяснения заменяется образно-ассоциативными фигурами речи, например, *Хыйгага — пір чоох, алыга — муң чоох (посл.)* ‘Умному — одно слово [и он поймет], глупому — тысячи слов [и он не поймет]’.

Способы выражения объекта — результата понимания разнообразны и соответственно семантике глагола могут представляться именем или субстантивом с выраженной или невыраженной формой винительного падежа, придаточным предложением с заглавным словом в форме винительного падежа. При выраже-

нии процесса выхода субъекта из физиологического или эмоционального состояния забытья (*опомниться, очнуться*) глаголы *оңарыл-* и *оңарын-* становятся безобъектными и нуждаются в обстоятельственной характеристике.

Таким образом, мы рассмотрели использование наиболее частотных однокоренных глаголов *оңна-* и *оңар-* в хакасском концептуальном пространстве понимания. Данные глаголы относятся к лексико-семантической категории ментальных глаголов, в системе которых популярно явление многозначности — единство лексико-семантических вариантов, связанных отношениями семантической деривации. Тем самым эти глаголы в своей семантической структуре имеют определенные признаки семантики понимания, а также принимают на себя семантическую нагрузку взаимодействующих участков ментального поля, например, реализация значений «помнить» глаголом *оңна-* в настоящем времени и «заметить» в отрицательной форме и прошедшем времени. Также несколько отличные от семантики понимания процессы выражают глаголы *оңарыл-* и *оңарын-*, страдательный и возвратный залоговые признаки которых почти сливаются. Новые аспекты понимания осуществляют и глаголы *оңна-* и *оңар-* в сочетании со вспомогательными глаголами, которые добавляют в семантику сложного глагола свои семантико-грамматические элементы. Рассмотренные наиболее частотные глаголы отражают лишь небольшую часть семантического пространства понимания в хакасском языке, с которым остальные ментальные глаголы соприкасаются в пределах своей полисемантической структуры.

Литература

- Арутюнова 1989 — Арутюнова Н.Д. Полагать и видеть (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука. 1989. С. 7–30.
- Булыгина, Шмелев 1989 — Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука. 1989. С. 31–54.
- Грамматика 1975 — Грамматика хакасского языка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1975. 420 с.
- Гуднов 2013 — Гуднов Р.Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. н. Специальность: 10.02.01. СПб. 2013. 28 с.
- Дмитриев 1952 — Дмитриев Н.К. Глаголы речи в языках тюркской группы. Глаголы мышления. Глаголы действия. Глаголы движения // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М. 1952. 580 с.
- Дмитровская 1985 — Дмитриевская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 98–107.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1969. 676 с.
- Иомдин 1999 — Иомдин Б.Л. Семантика глаголов иррационального понимания // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 71–90.

- Каныгина 2012 — *Каныгина Н.В.* Семантическая структура глаголов понимания в русском и английском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 185–190.
- КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 тыс. слов / Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики. М.: Русский язык. 1989. 832 с.
- КРС1 1985 — Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40000 слов. Кн. 1. А-К. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии. 1985. 504 с.
- Кулиев 1983 — *Кулиев Г.К.* Лексико-семантическое развитие глаголов мышления в тюркских языках (на материале огузских языков) // Советская тюркология. 1983. № 4. С. 3–12.
- РКС2 2007 — Русско-казахский словарь. Том 2. О-Я. Алматы: Арыс. 2007. 640 с.
- Саналова 2020 — *Саналова Б.Б.* Лексико-семантические параллели в алтайском и киргизском языках (на материале ментальных глаголов) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки, 2020. № 6–2. С. 145–151.
- Сандиго-Гросс 1991 — *Сандиго-Гросс Э.* Поле понимания в современном английском языке. Характерологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 1991. 28 с.
- Тазранова 2017 — *Тазранова А.Р.* Вспомогательные глаголы в алтайском языке // Грамматика современного алтайского языка. Морфология. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Горно-Алтайск. 2017. С. 243–250.
- ТРС 2007 — Татарско-русский словарь. 56000 слов, 7400 фразеологических выражений. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. 2007. https://www.studmed.ru/view/tatarsko-russkiy-slovar_a3725780f1c.html (дата обращения 02.01.2022)
- ХРС 2006 — Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука. 2006. 1114 с.
- Чертыкова 2014 — *Чертыкова М.Д.* Глагольная репрезентация смыслового поля «понимание» в хакасском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Выпуск 11. 2014. № 2. С. 145–153.
- Чертыкова 2021 — *Чертыкова М.Д.* Ментальные глаголы в хакасском языке. Монография. Абакан: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова». 2021. 160 с.

Язык письменных памятников

*А.А. Глашев*¹

Уйгурская версия буддийской легенды о демоне Атаваке

Письменные памятники VIII–XIII вв. на уйгурском языке (главным образом рукописи) в библиотечных хранилищах Российской академии наук сегодня составляют довольно солидный фонд, состоящий из более чем 4000 рукописей, фрагментов, ксилографов, различных артефактов и предметов с надписями. Формирование и изучение этого фонда началось в 90-е гг. XIX в. и продолжалось вплоть до второй половины XX в. усилиями таких исследователей и энтузиастов, как С.Е. Малов, В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, П.К. Козлов, Н.Ф. Петровский, Д.А. Клеменц, В.И. Роборовский, Н.Н. Коротков и др. Особую ценность представляют уйгурские юридические и хозяйственные документы, опубликованные В.В. Радловым в 1928 г., так как в отличие от буддийских и манихейских литературных и религиозных памятников, юридические документы (долговые расписки, контракты, деловые письма, жалобы и судебные иски, финансово-хозяйственные и бухгалтерские документы и т.п.) дают бесценную информацию об образе жизни, питании, одежде, семейно-брачных и имущественных отношениях, орудиях труда, домашнем хозяйстве и быте древних тюрков. В условиях, когда на древнеуйгурском языке практически не известно ни одного исторического сочинения (и это странно при большом объеме религиозной литературы), эти документы приобретают для тюркологов первостепенное значение в качестве источника информации не только по указанным сферам жизни древних тюрков, но и для лингвистов, изучающих древнетюркскую лексику. Неудивительно, что Д.М. Насилов особо отмечал, что древнеуйгурские рукописи, сосредоточенные в рукописном отделе ЛО ИВАН СССР, имеют огромную ценность и представляют исключительный лингвистический интерес [Насилов 1970: 96]. Ценные памятники также хранятся в зарубежных фондах, среди которых особо следует отметить Берлинское собрание уйгурских рукописей.

---

¹ Глашев Ахмед Алабиевич — соискатель ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; a.glashev@mail.ru

Переводить буддийские тексты тюрки начали довольно рано. Китайские источники сообщают о том, что в 574 г. в связи с пожеланием одного из тюркских каганов император Северного Цзи приказал буддийскому монаху перевести на язык тюрков «Нирвана сутру» (санск. *Mahāparinirvāṇa sūtra*), описывающую последние дни Будды Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни, и распространить этот перевод среди них, дабы способствовать обращению тюрков в буддизм [Васильев 1980: 54; Liu Mau-tsaï 1958: 43]. Это ценное свидетельство китайского источника, по мнению Д.Д. Васильева, также говорит о широком распространении грамотности среди древних тюрков. После блестящих открытий экспедиций в Центральной Азии в конце XIX в. мир узнал о значительном своде тюркских рукописей, написанных, помимо древнетюркского рунического письма, также согдийским, сирийским, брахми, манихейским и уйгурским шрифтами. Самым большим сводом являются древнеуйгурские материалы, состоящие из различных по размеру и сохранности свитков и ксилографов, книг, написанных на бумаге курсивом или полукурсивом. По своему содержанию эти памятники представляют собой переводные произведения религиозной литературы (манихейской, буддийской, христианской), различные юридические и хозяйственные документы, рукописи гадательного, астрологического и медицинского характера. Среди этих памятников наиболее значительными являются такие рукописи, как уйгурская версия «Сутры Золотого Блеска» (санскр. *Suvarṇaprabhāsa* सुवर्णप्रभासोत्तमसूत्रेन्द्रराज, уйг. *Altun jaruq*), два сводных текста с буддийским покаянием в грехах, уйгурским письмом, четыре буддийские легенды уйгурским письмом, опубликованные Мюллером, перевод буддийской сутры «*Tiṣastvustik*» (хранится в Санкт-Петербурге), опубликованной В.В. Радловым и др.

Однако ряд довольно неплохо сохранившихся рукописей и представляющих большой интерес как в лингвистическом, так и в историческом плане, остаются вне поля зрения отечественных тюркологов. И здесь особо следует выделить уйгурское изложение буддийской «Легенды о демоне Атаваке», которая сохранилась в Берлинской коллекции уйгурских рукописей в составе фрагментов из разных книг в виде листов большого формата с дыркой для шнура. Ф. Мюллер скомпилировал отдельные манускрипты из разрозненных фрагментов, взятых из разных книг в соответствии с их содержанием. Так же и разбираемая нами легенда состоит из 12 листов, которые происходят из разных рукописей (книг). Уйгурский текст этого памятника был издан А. Габэн в 1959 г. в Берлине под редакцией Тадеуша Ковальского. Несмотря на то, что работа вышла уже после смерти Ковальского, его активное участие в подготовке издания данного манускрипта сделало это издание качественным, так как он хорошо владел караимским, широко привлекал материалы карачаево-балкарского языка в своих исследованиях. «Легенда о демоне Атаваке», несомненно, представляет большой интерес для тюркологов, так как содержит не только архаичную тюркскую лексику, но и заимствования из согдийского и санскрита в уйгурском оформлении, что иногда дает нам основание говорить даже о санскритском адстрате в языке уйгурско-буддийских письменных памятников.

Для тюркологического исследования этого памятника важно дать краткую справку об образе Атаваки и его месте в древнеиндийской культуре. Легенда рассказывает о популярном персонаже в буддизме — демоне Атаваке (санскр. *Алавака*), который является якшей или духом, ассоциируемым с деревьями (санскр. *yakṣa यक्ष*). В древнеиндийской мифологии якши своиравные, но, в целом, доброжелательные существа, хотя иногда они вредят людям, иногда становятся сексуально агрессивными и даже кровожадными, олицетворяющими разрушительные силы природы. Якши часто являются хранителями сокровищ, которые спрятаны под землей или в корнях деревьев. Они могущественные маги и оборотни, а также непобедимые воины и предводители воинства. Главным среди якшей является Кубера, который правит в мифическом гималайском царстве под названием Алака. Якшам часто воздавали жертвоприношения, как божествам-покровителям города, района, озера или колодца. Культ якшей вместе с культурами нагов (змеиных божеств), богини плодородия и женского начала уходит своими корнями в глубокую древность [Matt Stefon 2020]. Неудивительно, что образ якшей был очень популярен в древнеиндийском искусстве, особенно в скульптуре, и, по мнению специалистов, этот образ в искусстве предшествовал образу бодхисатв и брахманских божеств. В сонме якшей (духов) Атавака занимал особое место, что, возможно, во многом и определило для уйгурских духовных лиц необходимость изложения легенды о нем на уйгурском языке. Атавака также считался «царем мудрости». Первоначально, еще до появления Будды, Атавака был людоедом, жившим в густом и темном лесу Атави (санскр. *Āṭavi अटवी*). Атавака обладал магическими силами и одним взглядом мог сломить волю любого человека и сделать его послушным. Как-то, во время охоты в этом лесу, местный царь проходил мимо большого дерева, в листве которого обычно жил Атавака. Чтобы спасти свою жизнь, царь пообещал Атаваке передавать ему тела всех преступников в качестве жертвы. Однако вскоре преступников в окрестностях города совсем не осталось, и каждая семья была вынуждена приносить в жертву демону одного ребенка, чтобы не гневить его. Через некоторое время в городе остался один единственный ребенок — сын царя, который был вынужден покориться судьбе. Однако в этот процесс вмешался Будда, который вошел в логово Атаваки и сел на его трон. Атавака, узнав о Будде, полетел к своему дворцу и пытался применить все свои сверхъестественные силы, включая одно из четырех самых мощных в мире разрушительных видов оружия, Душавудха, но не смог заставить Будду сойти с трона. Тогда Атавака вежливо попросил Будду сойти с трона, и Будда подчинился, но тут демон сказал ему вернуться обратно, и Будда вновь подчинился. Так демон проделал четыре раза, но на четвертый раз Будда отказался повиноваться ему. Тогда демон предложил Будде испытание, по которому он должен был задать ему тридцать вопросов, и, если Будда не сможет ответить на какой-либо вопрос, Атавака вырвет его сердце и овладеет его умом. Однако Будда ответил на все вопросы Атаваки, который был поражен его мудростью. На демона снизошло просветление, он стал сотопанной (санскр. *sotāpanna*,

śrotāpanna, кит.-санскр. 入流), т.е. увидевшим дхарму и вставшим на светлый путь перерождения, и поклонился Будде. На рассвете слуги царя прибыли к дворцу демона и привели мальчика в качестве очередной жертвы, но Атавака, на их удивление, взял мальчика и передал его Будде. Будда благословил мальчика и вернул его слугам царя. Этот мальчик впоследствии станет одним из главных учеников Будды среди мирян и будет известен в легендах под именем Хастака Атавака (*Hastaka Ātavaka*, санскр. *Haṭṭhaka Ālavaka*). Узнав о том, что Атавака уверовал, жители города построили ему храм. Атавака занимает важное место в махаянской традиции буддизма. Это важный момент, ибо именно махаяна была воспринята тюрками, прежде всего уйгурами. Одним из самых важных произведений в махаянской среде уйгуров, переведенных ими на уйгурский язык, была уже упомянутая нами выше «Сутра Золотого Блеска», известная у уйгуров под названием *Altun jaruq* («*Altun jaruq onluq jaruq jaltıraqlı kopta kotirilmış nom iliki atlıq nom*» ‘«Сияющая золотым блеском, над всеми превознесённая царь-книга»’). Это переложение на уйгурский язык не санскритского оригинала, а китайского перевода важнейшего буддийского махаянского сочинения «Сутра Золотого Блеска», которая была переведена на китайский язык с санскрита в VII в. буддийским монахом Ицзином. Поэтому переложение легенды на уйгурском языке было естественным следствием распространения махаянской школы среди уйгуров. Однако и сам образ Атаваки не мог не привлечь внимание тюрков. Этот образ соответствовал как их воинским традициям, так и древней форме тенгрианства. Согласно махаянской традиции, Атавака признавался «Царем Мудрости» и одним из восьми «Великих Полководцев» небесного царя Вайшраваны и после просветления получил имя Атавака Махаякшасенапати, что в переводе с санскрита означает ‘Великий якша Генерал Атавака’. Атавака изображался в синем цвете (иногда в черном или красном) с четырьмя руками или четырьмя головами и восемью руками, шестью головами и восемью руками, восемнадцатью головами и тридцатью шестью руками. Атавака мастерски владеет всеми видами оружия, особенно ваджрой и мечом. Этот образ просветленного бога-воина, героя не мог не привлечь тюрков. Образ Атаваки соответствовал и образу Тенгри. Намек на это мы находим в одном из самых ранних сообщений о культе Тенгри у древних тюрков — «Истории агван» Моисея Каганкатваца, который ярко описывает религию гуннов на Северном Кавказе во второй половине VII в. Это свидетельство очень ценно, так как явно передано очевидцем происходившего. В главе XL второй книги «Истории агван» говорится о почитаемом гуннами (савирами) громадном и чудовищном боге-герое Тангрихане: «<...> бог Куар производил искры громоносных молний и эфирные огни <...> Также они (гунны — А.Г.) приносили в жертву жареных лошадей какому-то чудовищному, громадному герою, называя его богом Тангрихан...» [Патканян 1861: 193]. В уйгурской версии «Биографии Сюань-Цзана» *täŋri-ħan* ‘небесный император’ употреблено в качестве эпитета китайских императоров [Тугушева 1980: 27, 119]. Имя «Тангрихан» носили также некоторые каганы. Известно, что сына Бильге-кагана звали *Täŋri-ħan*. На этом

основании В. Гукасян считает, что это указывает на то, что «громадный герой» не кто иной, как один из героизированных предков хазарских каганов [Гукасян 1971: 249]. Это сообщение древнеалбанского источника отражает самое архаичное состояние древнетюркского тенгрианства, когда образ верховного бога еще окончательно не отделился от его антропоморфного образа — непобедимого героя-воителя. В этой связи интересно, что более поздний автор Михаил Сириец (1126–1199) пишет о религии тюрков: «Исповедуют они единого небесного бога <...> И даже до сего дня, если спросят человека из тех, кто не сведущ, то он отвечает и говорит: «*qan thanгри*». А «*qan*» на их языке означает — ‘небесная синь’, а «*thanгри*» — ‘бог’. Они полагают, что небо есть единственный бог» [цит. по: Гусейнов 1962: 184; Chabot 1910: 568–570]. Здесь уже мы имеем явный намек на полное нивелирование антропоморфного образа Тенгри. Становится понятной цель изложения буддийской легенды на уйгурском языке: возбудить интерес к буддизму у широких слоев населения. Поэтому сам уйгурский вариант легенды следует отнести к тому времени, когда в представлении уйгуров образ Тенгри еще неокончательно утратил свой архаичный антропоморфный образ. Автор мастерски использует слово *tänri* [tɒri] во всех значимых словосочетаниях духовного содержания, часто используя его вместе с санскритским эквивалентом: *tänrim* ‘мой Господь!’ (обращение), *tänri burxan* ‘божественный Будда’, *tänri tänrisi burxan* ‘бог богов Будда’, *tänri baḫši* ‘Наставляющий (на путь истины) Бог’ (учитель), *vaiširvani tänri* ‘один из четырех небесных царей’, ‘владыка якшей (демонов)’, *ḫormuzta tänri* ‘Индра’ (царь богов), *višnu tänri* ‘Бог Вишну’, *kün tänri* ‘Солнце (обожествленное)’, *ay tänri* ‘Луна (обожествленная)’, *qut tänrisi* ‘Кубера’ (божество богатства и удачи), *tänriler iligi* ‘Царь Богов’, *tänriniñ qizi* ‘богиня-дева’, *tänri täg* ‘богоподобный’ (о кагане), *tänri yiri* ‘песнь, распеваемая богами’, *üstünki tänrilär* ‘верховные боги’ [Gabain 1959: 51] и др. По количеству использования слова *tänri* относительно объема самого текста этот памятник лидирует среди всех древнеуйгурских письменных памятников. Так, например, в ряде уйгурских памятников это слово не используется либо использовано значительно реже [Müller 1908], [Радлов 1913–1917]. Как мы можем увидеть из приведенных примеров, в памятнике наблюдается влияние не только буддийской и тохарской терминологии, но и манихейско-согдийской: *ḫormuzta* < ман.-согд. *ḫormuzda*. Таким образом, несомненно, рассматриваемый нами литературный памятник представляет большой интерес также с лингвистической точки зрения, так как содержит богатый материал для тюрколога, о чем говорят другие примеры использования санскритской терминологии. Несмотря на то что в древнеуйгурском языке есть свой богатый духовный лексикон, автор перевода часто использует санскритские эквиваленты этих слов из буддийского оригинала. Например, в нескольких местах использовано слово *asanki* < санскр. *asamkhyeya* आसन ‘бесконечность’, ‘бесчисленный’ [Gabain 1959: 10, 14]. Во второй строке легенды говорится: «<...> *tükäl bilgä tñri tñrisi burxan asankilïy yolta bodistvlar yorïyïn yorïyur ärkän bo muntay çadiklïy iş iślâp burxan qutïn bulmiši*». Невзирая на то что начало

рукописи повреждено, ее первое предложение вполне понятно, и мы предлагаем следующий перевод: «<...> совершенно мудрый господин Будда на пути добродетели, так же, как он следовал по пути бодхисаттв, выполнил джатаку (букв. ‘выполнил работу по перерождению’) и достиг состояния будды». И здесь не обойтись без пояснений с учетом содержания учения махаянской школы для точного перевода текста. Уйгурское *bodistvlar yoriyün yoriyur* нужно понимать не иначе, как в том смысле, который придается «пути бодхисаттвы» именно в махаянском буддизме, и это очень важно. В махаяне понятие бодхисаттвы принципиально иное, нежели в других школах. Здесь «путь бодхисаттвы» связан с состраданием, жертвенностью, но без ухода в нирвану. Тем самым адепт остается активным участником сансары, и все его деяния происходят посреди сансары. Именно так и просветлел демон Атавака — в водовороте мирских страстей. Интересным и показательным санскритским термином является *čadik* (санскр. *jātaka* **जातक** букв. ‘рожденный’) [Кочергина 1987: 909], который употреблен в четвертой строке легенды. Для понимания того, почему автор здесь употребил именно санскритский оригинал, нужно обратиться к переводам других памятников, например, восьми буддийских легенд: «*Sudasumi elig tīltaṃtaṃ qī čadikīṃ nomlaju beräjin* — ‘я изложу повествование о прежнем перерождении Будды, связанном (с жизнью в образе) царя Судасуми’» [ДТС 1969: 135], [Müller 1922: 62]. В буддийских текстах термином *дžáтатака* **जातक** *jātaka* ‘рожденный’ обозначаются древнеиндийские притчи о земных перевоплощениях Будды [Кочергина 1987: 909]. Известно 547 джатак, которые входят в «Суттапитаку» («Собрание текстов»), в буддийский канон «Типитака». Поэтому неудивительно, что переводчик при переводе на уйгурский язык восьми буддийских легенд отказался от использования уйгурских эквивалентов и использует именно санскр. *jātaka* **जातक** в значении ‘перерождение’ или ‘повествование о перерождении’ (‘притча о перерождении’), считая его, видимо, важным термином оригинала, который не имеет точного эквивалента в древнетюркских диалектах. Почему? Представляется следующая логика переводчика: многие термины в буддийских притчах стали священными и наполненными иным, более глубоким смыслом, чем их первоначальное значение, превратившись в сакральные, и передать эту сакральность буддийских терминов простой заменой слова из языка перевода невозможно. И подтверждением этому является следующее место (строка 43) в другом уйгурско-буддийском фрагменте («История о большой обезьяне» и *Padmāvati*): «*tözüm oylum tängri burxan asankiliṃ jolta jorjür erkän čadik qilmišin sözläjin* — ‘о мой благородный сын, я расскажу о том, как совершал перерождения божественный Будда, когда он находился (букв. шел) на длительнейшем пути (жизни)’» [ДТС 1969: 135]. Словосочетание *čadik qilmišin* (‘совершал перерождение’) состоит из тюркизированного санскр. *jātaka* (уйг. *čadik*) и уйг. *qilmišin* ‘делать’, ‘совершать’. Это же словосочетание мы встречаем в «Сутре Золотого Блеска»: «*ol čadikig qitūqta* — ‘когда [принц] совершал это перерождение’» [ДТС 1969: 135]. Еще более интересным в этом предложении является словосочетание *asankiliṃ jolta* (букв. ‘на очень долгом

пути'). Если в словосочетании *čadik qilmišin* использование слова *čadik* тюркизированной санскр. *jātaka* **जातक** вместо уйгурского *tuγ* (*муэ*), неточно передающего все содержание буддийского термина, вполне объяснимо, то употребление автором тюркизированной санскр. *asamkhya* (др.-тюрк. *asankiliy*) еще более интересно, так как может говорить о формировании санскритского адстрата в древнетюркском языке. Ведь в этой части предложения автор вполне мог использовать уйг. *uzun jolta*. Таким образом, мы, возможно, имеем здесь попытку создания искусственного особого диалекта уйгурского языка для религиозной службы и литературы.

Интересно, что в «Легенде о демоне Атаваке» слово 'муж', 'человек', 'воин' переведено только уйгурскими словами *är* и *ärän* [Gabain 1959: 20, 28]. Язык легенды максимально приближен к народному уйгурскому языку, что еще раз подтверждает важную миссию, которую автор уйгурской версии возлагал на этот памятник. В тексте же уйгурского перевода буддийской легенды «Чаштана» в строках 14–18 употреблено санскритское слово *kṣatrik*: «*anī körüp čštani ilig bæg yüräkin qatrunup tongalar bəgītäg kṣatrik bəglär mǎngiz mǎnglǎp qorqinčsüz ayinčsüz köngülin ol yäklär arasinta kirip bardī* — 'Увидев это, царь Чаштана укрепил своё мужество, приняв доблестный вид, сравнимый с командиром (князем) кшатриев, и бесстрашно бросился в гущу демонов'» (перевод автора) [Müller 1931: 8]. Примечателен тот факт, что, несмотря на наличие в уйгурском языке слова *är* (*ärän*) в значении 'муж', 'мужчина', 'воин', употребляется именно санскр. *kṣatriya* (*kṣatrik*) **क्षत्रियि** 'кшатрий'. Можно предположить, что переводчик намеренно использовал замену уйг. *är* на санскр. *kṣatrik*, желая ярче показать мужество царя в борьбе против демонов. Кшатрии являются представителями второй по значимости (после брахманов) варны древней Индии, состоявшей из владетельных воинов. Из этой варны в Древней Индии обычно выбирались раджи. Своим главным покровителем кшатрии считали бога войны Индру (санскр. **इन्द्र**). Кшатрии были не только элитой древнеиндийского общества (как и брахманы), но и олицетворением необыкновенной храбрости и мужества. Поэтому неудивительно, что переводчик старается эмоционально усилить описание битвы с демонами путём замены тюркского слова санскритским. Данный факт наводит на размышления о том, что перевод этого текста предназначался, скорее всего, уже для адептов махаянской школы, а не для простого народа. Представляет интерес и то, что слова из санскритского оригинала для обозначения отдельных «существ, обитающих в небесах» в ряде мест, здесь не сопровождаются словом *täñri*, как в «Легенде о демоне Атаваке». Это же мы находим в «Сутре Золотого Блеска», где слово *abasvar* (скр. *ābhāsvara* **आभास्वर**) 'божественная сущность', 'существа, обитающие в небесных областях, называемых *rūpa-brahma-loka*' также употребляется самостоятельно без *täñri*: «*abasvar atliγ ariy jaruqluy ünlüg täñri jerintä* — 'в месте (пребывания) божеств с чистым сиянием и звонкоголосых, называемых *ābhāsvara*'» [ДТС 1969: 2], [Малов, Радлов 1913]. Всё это хорошо показывает, что язык «Легенды о демоне Атаваке» более чистый, в нем заметно меньше

заимствований из санскрита и согдийского, больше архаичных лексики и грамматических форм, которые в современных тюркских языках сохраняются только в верхне-балкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Например, в верх.-балк. д., так же, как в языке легенды, сохранилась древняя специфическая форма личного местоимения 3-го лица *aŋar* вм. *aŋa* в литературном языке [Глашев 2016: 57], которая встречается и в древнетюркских рунических памятниках (Памятник в честь Кюль-Тегина, малая надпись) [Малов 1951: 28]. В.Г. Кондратьев отметил эту форму как особенность древнетюркских рунических текстов [Кондратьев 1964: 84]. Некоторые формы языка легенды присутствуют только в верх.-балк. д., в алтайском языке и как диалектизм в киргизском языке, например, желательная форма первого лица на *-n* вм. *-m*: уйг. *köräyin (köräyin ämti aniñ kücün* ‘посмотрю (проверю) я теперь на его силу’ [Gabain 1959: 20] — верх.-балк. д. *koräyin* (вм. лит. *köräyim*) ‘я посмотрю’ [Глашев 2016: 57], что наблюдается и в древнетюркских рунических текстах (например, Памятник в честь Тоньюкука: *Bän äbgärü tüsäjin* ‘Я хочу отправиться домой’) [Кондратьев 1964: 80]. Это говорит о важности данного памятника также для изучения истории ряда современных тюркских языков.

Мы уже отмечали, что эти переводы имели вполне определённую цель — распространение буддизма среди тюрков, но не огнем и мечом, а именно «буддийскими» методами. Несмотря на то, что язык легенды максимально приближен к «народному тюркскому языку» для более лёгкого достижения этой цели, он также содержит тюркизованную санскритскую терминологию. Это говорит о том, что перед нами высокохудожественный и высокопрофессиональный перевод буддийских текстов на уйгурский язык, выполненный явно носителем языка, что позволяет сделать вывод о высокой грамотности и образованности среди тюрков, которые могли воспринимать и понимать исходные китайские и санскритские тексты. Д.Д. Васильев отмечает по этому поводу следующее: «Наблюдения над различными видами надписей позволяют привести целый комплекс аргументов в пользу мнения о весьма широком для кочевой культуры тюрков распространении грамотности. Большое число эпитафийных надписей, существенно различающихся индивидуальными графическими особенностями и переборами в орфографии, использование рунической письменности в целях буддийской религиозной пропаганды среди тюрков, утилитарное назначение ряда надписей и метки-имена (а не только тамги) на бытовых предметах, находки надписей на утвари и снаряжении с трапезными или воинскими пожеланиями, многочисленные наскальные граффити Центральной Азии, Алтая и Казахстана в настоящее время уже представляют собой достаточно обильный материал для систематизации и дифференцированного исследования палеографии рунического письма» [Васильев 1980: 58].

Необходимо отметить, что перевод на русский язык буддийских памятников на уйгурском языке представляет определённую трудность, если переводчик предварительно не изучил буддийскую литературу и основы буддийской фило-

софии. Так, в недавно опубликованном интересном манускрипте *Sitātapatrā dhāraṇī* на уйгурском языке авторы в сноске № 61 уйгурского текста поясняют: «санскр. *yakṣa*, ‘класс вредоносных божеств’» [Кылыч Дженгиз, Туранская 2020: 17]. Однако якши не всегда представляются в виде вредоносных божеств, даже чаще как добрые существа полубожественной природы, сопровождающие бога удачи и изобилия Куберу [Игнатъев 2018: 207]. Тем более что в оригинальном тексте *Sitātapatrā dhāraṇī* употреблено не санскр. *yakṣa*, а уйг. *yek* ‘злая сила (злой дух)’ (кар.-балк. *джек*, верх.-балк. *зек*). Между тем в «Легенде о демоне Атаваке» употребляются как уйг. *yek*, так и санскр. *yakṣa* (*yakīṣi*). Все это говорит о необходимости введения хотя бы краткого курса по истории буддизма для студентов-тюркологов, чтобы дать им прочные навыки в нелегком деле перевода древнеуйгурских памятников. В.В. Радлов в свое время особо обратил на это внимание, готовя перевод уйгурской версии «Сутры Золотого Блеска». С.Е. Малов в предисловии к изданию перевода этого памятника писал: «В.В. Радлов считал этот перевод далеко несовершенным. Специалисты по буддизму найдут в нем много недочетов. Но и сам переводчик предназначал свой труд не для них. Перевод сделан тюркологом и для тюркологов. Уйгурская редакция “Сутры Золотой Блеск” — первое по объему сочинение на тюркском языке со сложным догматическим буддийским содержанием. Уйгурская версия не есть точный перевод с китайского языка, а свободное переложение и изложение. Разобраться в этих сложных, несколько искусственных, переводных тюркских оборотах — чрезвычайно трудная вещь, и в этом отношении перевод В.В. Радлова, при всех его недочетах, несомненно, окажет большую пользу изучающим его тюркологам» [Radloff 1930: II]. Разбираемая нами «Легенда о демоне Атаваке» во много раз короче «Сутры Золотого Блеска», язык ее заметно проще, но именно в этом ценность данного памятника. Как видим, В.В. Радлов особо отмечает, что «Сутра Золотого Блеска» не является точным переводом оригинала, а свободным переложением или изложением на уйгурском языке. Это особенно чувствуется при прочтении текста, разбираемой нами легенды, что также говорит о ее ценности не только в лингвистическом, но и культурологическом отношении для изучения буддийской культуры древних тюрков. Текст «Легенды о демоне Атаваке» явно местного происхождения, написанный на основе личных знаний автора об этом персонаже буддийских легенд. Этот раздел истории не только собственно уйгуров, но и истории древних тюрков в широком смысле остается совершенно не изученным.

Приведенный анализ свидетельствует о том, что древние тюрки, особенно уйгуры, довольно рано установили тесные контакты с древнейшими мировыми религиозными и философскими центрами. Переводы буддийских текстов на тюркские языки являются самыми ранними на территории России и имеют большое значение для истории нашей страны. Назрела необходимость издания свода всех этих текстов с профессиональным переводом на русский язык и подробным словарем. Задача эта не из легких, о чем хорошо говорят существующие переводы ряда текстов, в которых часто встречаются спорные моменты. Но без

изучения школ и течений буддизма, распространенных среди древних тюрков, включая сирийское христианство и манихейство, эта задача практически невыполнима.

Литература

- Васильев 1980 — *Васильев Д.Д.* О распространении грамотности у древних тюрков // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М. 1980.
- Глашев 2016 — *Глашев А.А.* Верхне-балкарский (малкарский) диалект карачаево-балкарского языка // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XI: Материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. Д.М. Насилов, Е.А. Оганова. М. 2016. С. 56–65.
- Гукасян 1971 — *Гукасян В.* Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского // Структура и история тюркских языков. М. 1971.
- Гусейнов 1962 — *Гусейнов Р.А.* О тюрках IV–VII вв. в зоне Кавказской Албании // Вопросы истории Кавказской Албании. Баку. 1962.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л. 1969.
- Игнатъев 2018 — Махабхарата. Маусала-парва. Махапрастханика-парва. Сварга-арохана-парва. Пер. с санскрита, предисловие и комментарий. М. 2018.
- Кондратьев 1964 — *Кондратьев В.Г.* Формы и значения падежей в языке памятников тюркской рунической письменности // Вопросы грамматики языков стран Азии. Л. 1964.
- Кочергина 1987 — *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. Под ред. В.И. Кальянова. М. 1987.
- Кылыч Дженгиз, Туранская 2020 — *Кылыч Дженгиз А., Туранская А.А.* Древнеуйгурские фрагменты *Ṣitātaparā dhāra*¹ в коллекции Государственного Эрмитажа // Письменные памятники Востока. Том 17. № 4 зима 2020. Выпуск 43. СПб. 2020. С. 5–23.
- Малов 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л. 1951.
- Насилов 1970 — *Насилов Д.М.* Изучение памятников древнеуйгурского языка // Тюркологический сборник за 1970 г. М. 1970. С. 93–110.
- Патканян 1861 — Моисей Каганкатваци. История Агван. Пер. с др.-арм. К. Патканяна. СПб. 1861.
- Радлов 1913–1917 — *Радлов В.В., Малов С.Е.* *Suvarnaprabhasa* (Сутра «Золотой блеск»). *Bibliotheca Buddhica*. XVII. Вып. I–VIII. СПб. 1913–17.
- Тугушева 1980 — Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. Транскрипция, перевод и примечания Л.Ю. Тугушевой. М. 1980.
- Chabot 1910 — *Chronique de Michel le Syrien*. Ed. par. J.-B. Chabot. t. IV. 1910.
- Liu Mau-tsai 1958 — *Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kü). Bd. 1. Wiesbaden. 1958.
- Müller 1922 — *Müller F.W.K.* Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII). APAW. 1922. № 2.
- Müller 1931 — *Müller F.W.K. und A. von Gabain*. Uigurica IV // SPAW, Berlin. 1931. S. 675–727.
- Müller 1908 — *Müller F.W.K.* Uigurica I. 1. Die Anbetung der Magier, ein christliches Bruchstück. 2. Die Reste des buddhistischen Goldglanz-Sūtra. Ein vorläufiger Bericht // APAW. Berlin. 1908.
- Radloff 1910 — *Radloff W.* Tišastvustik. Ein in Türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra // *Bibliotheca Buddhica*. XII. СПб. 1910.
- Gabain 1959 — *Gabain A. von*. Türkische Turfantexte X. Das Avadāna des Dāmons Āṭavaka. Bearbeitet von T. Kowalski. Berlin. 1959.
- Matt Stefon 2020 — *Matt Stefon*. Yaksha, Hindu mythology. <https://www.britannica.com/topic/yaksha> (дата обращения 01.04.2022)

**Еврейские этноэидемы караимского этнолекта
крымскотатарского языка в респонсах
М.С. Казаса «Тув таам» (1835)**

Караимы — последователи религиозного течения в иудаизме, возникшего на Ближнем Востоке в VIII в. Караимская доктрина построена на отказе от устной религиозной традиции и на буквальном понимании канонических текстов. Караимы не допускают превалирования комментариев над текстом, что отражено в Талмуде, называемом в раввинистической религиозной терминологии «устной Торой», и считают священными только книги Ветхого Завета (ТаНаХа), в религиозной терминологии — «письменной Торы». Отсюда и происходит их самоназвание *караим* — от древнееврейского корня *кара* со значением ‘читать’, то есть ‘читающие’ («письменную Тору»).

Караимское учение распространилось по всему Ближнему Востоку и за его пределами с крупнейшими историческими центрами в Иерусалиме, Каире и Константинополе (Стамбуле). Миграционные пути привели караимов также и на Крымский полуостров, что, согласно письменным источникам, произошло не позднее третьей четверти XIII в. [Кизилов 2011: 114–117]. Историческими местами проживания караимов до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. являлись города Солхат (Крым, Старый Крым), Каффа/Кефе (Феодосия), Чуфут-Кале, Мангуп-Кале и Гезлёв (Евпатория). Из Крыма в XIV и XV вв. караимы переселились на территории современной Литвы и Западной Украины, создав два анклава так называемых западных караимов. В отличие от них, караимов, проживающих в Крыму, и караимов-выходцев из Крыма в наше время принято называть крымскими караимами. Все вместе представляют собой общность, именуемую «восточноевропейские караимы».

Проживая в Крыму и являясь подданными Крымского ханства и Османской империи, караимы стали тюркоязычными, переняли быт, традиции, образ жизни окружающего их населения, одним словом, в культурном отношении были полностью ассимилированы, сохранив при этом религиозную самоидентификацию

---

¹ Ельяшевич Вячеслав Алексеевич — руководитель Местной религиозной организации «Караимская религиозная община города Симферополя»; eljashevitch@yandex.ru

и древнееврейскую книжную культуру. Согласно многочисленным свидетельствам посещавших Крым путешественников, в повседневной жизни караимы практически не отличались от крымских татар, что отмечали и сами караимы, изучавшие свою национальную культуру. Например, об этом мы можем прочитать у создательницы первой в истории караимской этнографической выставки в 1893 г. в Одессе Рахиль Семеновны Исакович: «Живя среди татар, караимы ничуть не отличались в своей домашней жизни от последних. Жилье караима, его одежда и обычаи — это почти те же жилье, одежда и обычаи татар» [Исакович 1893: 6]. Такого же мнения придерживался и известный педагог и общественный деятель Илья Ильич Казас, написавший в «Общих заметках о караимах» следующее: «Живя в продолжение многих веков под владычеством татар, караимы переняли от них не только язык, но и одежду, образ жизни, некоторые суеверия и многие бытовые обычаи» [Казас 1911: 49].

Что касается именно языка караимов (в частности крымских караимов) с его историческими названиями *лешон Кедар* (т.е. ‘язык Кедара’²), *лешон татар* (т.е. ‘татарский язык’), «чагатайский язык» [Ельяшевич 2020: 6–9], то следует сказать, что вопрос его классификации до сих пор является дискуссионным. Советские тюркологи, такие как Н.А. Баскаков и К.М. Мусаев, неоднозначно оценивали место языка крымских караимов в большой семье тюркских языков и были непоследовательны в его классификации. Например, К.М. Мусаев в своем фундаментальном труде «Грамматика караимского языка» (1964) не выделял язык крымских караимов из крымскотатарского языка, однако позже, в 1977 г., он использует понятие крымского диалекта караимского языка [Мусаев 1964: 3; Мусаев 1977: 8]. По классификации Н.А. Баскакова язык крымских караимов относится к караимскому языку, но позже, в «Караимско-русско-польском языке» он дает ему следующую характеристику: «значительно ассимилирован с крымскотатарским языком, с которым он имеет различия главным образом в лексике» [Баскаков 1960: 150; КРП 1974: 5]. Современные исследователи классифицируют язык крымских караимов как этнолект крымскотатарского языка, и данной классификации мы будем придерживаться в нашем исследовании [Ельяшевич 2020: 11–15]. В то же время следует сказать, что среди самих караимов преобладает точка зрения о самостоятельности их языка в качестве крымского диалекта караимского языка. По лексико-фонетическому составу язык крымских караимов — это смешанный огузско-кыпчакский язык.

Одним из отмеченных основных отличий языка крымских караимов от крымскотатарского языка является лексика, как это видно из приведенной выше цитаты Н.А. Баскакова. Действительно, если мы обратимся к караимским текстам — а это единственное, что мы можем сделать при изучении данного языка, совершенно вышедшего из употребления, — то увидим, что при всём сходстве с крымскотатарским языком в нём присутствует, хотя и крайне незначительная по объему, но устойчивая к ассимиляции лексическая прослойка на древнееврей-

² Библейским именем Кедар (сын Измаила) в еврейской традиции было принято называть кочевников, которые в случае с крымскими караимами были тюрками.

ском языке (иврите). Из общего числа древнееврейской лексики можно выделить еврейские и, в частности, караимские этноэидемы, то есть лексемы, которые имели глубокую историческую связь с определенной этнической группой, с национальным самосознанием и не имели языковых эквивалентов. Главным образом существование таких этноэидем и делало разговорный язык крымских караимов, который они сами называли «татарским языком», этнолектом крымскотатарского языка. В качестве примера еврейской этноэидемы можно привести термин *мача* (*маца* в произношении крымских караимов) — специальный хлеб без закваски (дрожжей), изготавливаемый на праздник Песах. К сугубо караимским этноэидемам можно отнести термин *шалом* — общественное торжество, устроенное по поводу какого-либо знаменательного события или в честь кого-либо (*шалом алмакъ* ‘устроить шалом’), *мидраш* ‘религиозная школа’ или *эрби* (разг. от *рабби*) — человек, прошедший полный курс обучения в религиозной школе и получивший право быть учителем, в широком смысле учитель.

В целом все этноэидемы в караимском этнолекте крымскотатарского языка мы можем условно разделить на три группы: 1) лексемы, не имеющие тюркских эквивалентов или имеющие в редких, исключительных случаях, например, *мичва* ‘заповедь’; 2) лексемы, которые имеют тюркские эквиваленты и могут быть взаимозаменяемы в зависимости от разных условий, например, *шева берахот* (евр.) и *дюгюн* (тюрк.) ‘бракосочетание’; 3) билингвальные слова и словосочетания, состоящие из древнееврейских и тюркских компонентов. Например, *хаста берахасы*³ — молитва о здравии, где *хаста* (тюрк.) ‘болезнь’ и *бераха* (евр.) ‘благословение’. Буквальное значение ‘благословение больному’. Надо отметить, что в текстах на караимском этнолекте крымскотатарского языка морфологическое словообразование с участием древнееврейских лексем осуществляется при помощи тюркских морфем, например, «*нави́лер се́фферлеринь бу диль илен яздылар*» (‘книги пророков писали на этом языке’).

По политическим причинам в советское и постсоветское время в работах, посвященных языку крымских караимов, вопрос еврейских этноэидем не рассматривался. Например, он полностью отсутствует в двух знаковых для караимов изданиях — в «Очерках грамматики караимского языка (крымский диалект)» О.Я. Прик и в «21 уроке караимского языка (крымский диалект)» Г.С. Ялпачика [Прик 1975; Ялпачик 2004]. В более поздних публикациях западных исследователей он также подробно не рассматривался, хотя отмечалось присутствие древнееврейской лексики в переводах библейских текстов и молитв, написанных на караимском этнолекте крымскотатарского языка [Jankowski 2003: 139; Jankowski 2003: 119–120; Smętek 2016: 229–232].

Если в культурном отношении, как уже говорилось, крымские караимы были ассимилированы с крымскими татарами, то в религиозном отношении они сохранили полную самостоятельность: караимская община (евр. *каһал*, ар. *джамаат*) вплоть до начала XX в. представляла собой не что иное, как религиозное

³ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены древнееврейские основы.

сообщество, вся жизнедеятельность которого была строго подчинена предписаниям религии. Поэтому караимские этноэидемы, как мы писали выше, связаны прежде всего с религиозным самосознанием караимов. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, древнееврейская лексика характерна главным образом для текстов религиозного характера: например, польский тюрколог и востоковед Генрик Янковский утверждает, что влияние древнееврейского языка можно наблюдать только в религиозных и близких к ним по содержанию караимских текстах. С небольшими оговорками, с этим утверждением в принципе можно согласиться [Jankowski 2003: 119].

Если же обратиться к светской литературе крымских караимов, которая получила распространение в XIX в., то мы обнаружим, что присутствие в ней древнееврейской лексики крайне незначительно. Например, в одноактной пьесе А.И. Катыка (1883–1941) «Яны яка, эски тон» («Новый воротник, старая шуба»), то есть в художественном произведении, напрямую не связанном с религией, используется всего шестнадцать древнееврейских лексем, как-то: *Тора* ‘Пятикнижие Моисея’, *эрби* (*эрбака*) ‘учитель’, *меламмед* ‘учитель’, *газзан* ‘священнослужитель’, *гевир* ‘предводитель общины’, *габбай* ‘староста общины’, *манег* ‘выборный общины’, *шаммаш* ‘служба в молитвенном доме’, *мидраш* ‘религиозная школа’, *шалом* ‘общественное торжество’, *Шалом аলেখем!* (приветствие), *Йимма шемо везихро!* (ругательное выражение), *шаббат* ‘суббота’, *зехер* ‘поминальная молитва’, *микраджы* ‘ученик начальных классов’, *йол берахасы* ‘молитва путнику’ [Катык 1921]. Первые семь лексем — это названия общественных должностей, типичные этноэидемы, которые не имели тюркских эквивалентов вне зависимости от условий. К ним относятся также и термины *шаббат*, *шалом*, *зехер* и *мидраш*. Приветствие *Шалом аলেখем!* (букв. ‘Мир вам!’) и ругательство *Йимма шемо везихро!* (букв. ‘Да сгинет имя и память о нем!’) также являются типичными для караимов. Интересны термины *микраджы* (евр. *микра* ‘чтение’, и тюрк. аффикс *-джы*, т.е. ‘читающий, обучающийся чтению’) и *йол берахасы* (тюрк. *йол* ‘путь’, и евр. *бераха* ‘благословение’), состоящие из древнееврейских и тюркских морфем и относящиеся по нашей классификации к третьей группе этноэидем. Отдельно от всех стоит использующийся в пьесе термин *тефсир*, имеющий арабское происхождение, который караимы заимствовали у тюркоязычного населения, но придали ему свой специфический смысл (‘перевод Торы’).

Еще одна пьеса, хорошо известная практически всем караимам в начале XX в., двухактная пьеса Аарона Иосифовича Леви (1873–1926) «Ахыр земан» («Последние времена») очень показательна в отношении бытования древнееврейской лексики и этноэидем в просторечье, народном языке, на котором она написана. Во всём произведении мы находим всего пять этноэидем: *Тора*, *шаббат*, *эрби*, *шаммаш* и *мидраш*, если не считать встречаемого один раз самоназвания «караим» [Леви 1911].

Очевидно, что для максимального охвата караимских этноэидем нам следует обратиться к религиозным текстам, однако здесь мы сталкиваемся с исследовательской проблемой, которая заключается в том, что караимские авторы в рели-

гиозных произведениях пользовались книжным древнееврейским языком и сохранилось буквально несколько письменных памятников религиозного содержания, написанных на караимском этнолекте крымскотатарского языка. Одним из таких являются респонсы вероучителя из Чуфут-Кале Мордехая Соломоновича Казаса (ок. 1779–1835) под названием «Тув таам» («Благоразумие»), которые были изданы в караимской типографии в Евпатории в 1835 г. в брошюре «Чуф деваш» («Сотовый мед») [Казас 1835]. В еврейской культуре респонсы — это жанр галахической литературы, в котором излагаются основы веры и религиозного законодательства в форме вопросов и ответов, в еврейской терминологии *шээлот у-тиувот* («вопросы и ответы»). Следуя всем законам этого жанра, Мордехай Казас, может быть, впервые в истории караимов отошел от традиции и написал его не на древнееврейском, а на доступном разговорном крымскотатарском языке — или, вернее сказать, на караимском этнолекте крымскотатарского языка, понятном для учеников, освоивших начальный базовый курс обучения в мидраше. Безусловно, это было сделано с целью сделать обучение юношей в караимской религиозной школе (мидраше) более доступным, как об этом, собственно, и сказано в подзаголовке сочинения — «*Йисраэль эвлядарына яш икен огретмеге бордж олган шейлер*» («Что необходимо знать молодым израильтянам»). Подобные случаи популяризации религиозных знаний при помощи крымскотатарского языка известны в истории крымских караимов. В качестве примера можно привести «Таргум ТаНаХ» (перевод Ветхого Завета), в предисловии к которому сообщается о том, что вся община пожертвовала деньги на издание Священного Писания на «татарский язык», «чтобы читать и понимать» его [Сефер Таргум Тора 1841].

Итак, рассмотрим караимские этноэидемы на примере респонсов Мордехая Казаса «Тув таам». Книга состоит из семнадцати глав, то есть из семнадцати вопросов и, соответственно, из такого же количества коротких и развернутых ответов, содержащих основные знания, которыми, по мнению Мордехая Казаса, должен обладать юноша. Это и происхождение караимов, символы веры, если выражаться христианской терминологией, календарь и многое другое. В настоящем исследовании мы приведем несколько глав и некоторые фрагменты для того, чтобы продемонстрировать присутствие в них этноэидем. Все фрагменты цитируются в транслитерации и переводе автора. Еврейские этноэидемы приводятся в соответствии с произношением крымских караимов (например, не «мицва», а «мичва», не «бней Йисраэль», а «бене Йисраэль») [Ельяшевич 2018].

Сочинение Мордехая Казаса начинается с короткого вопроса и такого же короткого ответа:

Шээля 1: Сен не син?

Тещува 1: Инсан эвляды.

Перевод:

Вопрос 1: Кто ты есть?

Ответ 1: Человеческий сын.

Следует обратить внимание на вторую главу книги, посвященную теме атрибутов Бога и отношению человека с Богом. Из 173 слов в ней всего 3 гебраизма, и два из них являются этноэидемами: *Тора*, *гахам* ‘мудрец, вероучитель’. Лексема *тэва* ‘природа’ в данном случае означает природу, атрибут Бога. Следует отметить, что в данной главе, как и во всем тексте респонсов, традиционно слово Бог (евр. *Элохим*) передается через арабское *Алла* (*Allah*), за исключением нескольких случаев из двенадцатой главы, где его заменяет слово тюркского происхождения *Тенгри* (не является теонимом). По причине существующего запрета произносить вслух имя Бога (тетраграмматона), на письме, не считая библейских текстов, оно обозначалось исключительно в сокращенной форме и заменялось произносимым словом *Адонай* ‘Господь’. В тексте респонсов часто используется этноэидема *Алла Таале* ‘Всевышний Бог’, которая встречается также и в других текстах [Катык 1921: 3].

Шээля 2: Инсан эвлядына не иктиза дыр бильмея?

*Тецува 2: Инсан олгъан кимсе иптыда яраткъан Аллаһыны бильмели ве да-лыгъына⁴ бирлигине инанмалы ситки⁵ гёнюль илен. Ве дайима онъа мектюб вермели шукюр этмели. Ве эмирине муту(?) олмалы, асы олмамалы. Ве джумля дуньяны ёктен вар эттигине инанмалы. Ве гъэр шей къадир олдыгъына инанмалы. Тэванынъ хокюминден бышары иш ишленмез. Ве дуньянынъ илькинден согъуна дегин билир. Ве дуньяда бильмедиги назар этмедиги шей олмаз. Ве онъа бир шей бензетмек олмаз. Ве бир кистет⁶ ве бир мекян къарарламакъ олмаз. Ве бир ишине инсанынынъ акъылы эришмез. Ве Аллаһынъ ишинде бир къусурлыкъ олмаз. Джумля иш хакъа ве догъру дей инанмалы. Онынъ учюн дуньяда бир шей акъыла зыт олса онъа гёчленмемели. Зира Аллаһынъ акъылы бизим акъылымыздан юстетир⁷. Онынъ учюн чокъ тарен сырларыгъы анълайим дей дюшунмамалы. Анълайим дир икен акъылындан айырылды. Онынъ учюн гъахамлар дедилер ки сизе аджайып олгъан шейлерини тергеме⁸ дегин. Ве санъа оратыкъ олгъан шейлерини язма. Неге язин варыдынъы иса онъа анъла. Лязим дегиль санъа тергеме сырларыны. Ве **Тора** дейир: «Ки сакъланынъыз озонизге чыкъмамакка дагъына да данма кыйырына⁹ барча¹⁰ ол дангъан дагъына олма ольду-рулсын будыр».*

Перевод:

Вопрос 2: Человеческому сыну что необходимо знать прежде всего?

Ответ 2: Человеческому сыну необходимо знать, что он создан Богом. Искренне верить в Его провидение и единство и всегда приносить ему благодарность. Исполнять Его заповеди и не преступать их. Необходимо верить в то, что весь мир создан из ничего. Необходимо верить в Его всемогущество. [Необходимо верить, в то, что] без Его воли ничего не совершается, и ничто не скрыто от него. И все в мире от на-

⁴ Talih — судьба, рок (тур), в крымскотатарском языке — талий.

⁵ Sitk (sidik) — правда, правдивость, искренность (тур).

⁶ Kisvet — одежда, внешний вид (тур).

⁷ Üstermek — передавать, вручать, отдавать.

⁸ Тергямек — изучать, исследовать [КРП 1974].

⁹ Кыйыр — край [Русско-караимский словарь 2005].

¹⁰ Барча — всё [КРП 1974].

чала и до конца Ему известно. И нет ничего подобного Ему. И в делах Бога нет никакого изъяна, и они не постижимы для человеческого разума. Необходимо верить в то, что все дела его справедливы и истинны, и потому не следует приписывать Ему пришедшие на ум противоречия в этом мире. Потому что нельзя сравнить Его разум с нашим. Поэтому очень глубоких тайн нам невозможно понять. Поэтому мудрецы говорят, что если что-либо будет от тебя сокрыто, то не следует это записывать, ибо то, что записано, становится понятным. Не следует тебе постигать непостижимые тайны. Ибо сказано в Торе: «...берегитесь восходить на гору и прикасаться к краю ее; всякий, кто прикоснется к горе, должен умереть»¹¹.

Четвертая глава посвящена этническому происхождению караимов, которую мы тоже приведем полностью:

Шээя 4: Сен ханги милеттен син дилинь хангидир?

Тешува 4: Иври тукъумыдан мен. Авраамнынъ огълы, Йичхак Йичхакнынъ огълы, Иаков Иаковнынъ¹² эвлядларындан мен. Миллеттима Йисраэльдирлер. Ве дилимиз лешон коदेशдир.

Перевод:

Вопрос 4: Ты из какого народа, и какой твой язык?

Ответ 4: Я из еврейского народа. Я происхожу от сыновей Авраама, Исаака и Якова. Мой народ — это народ Израиля, и наш язык — это священный язык.

Интересно, что автор использует слово *иври* — еврей, а не Израиль, однозначно указывая этим на происхождение караимов. Следует также обратить внимание на этноэйдему *лешон коदेश* (букв. ‘священный язык’) — исключительно этот термин используется караимами для обозначения древнееврейского языка.

В девятой главе излагается традиционная караимская историография возникновения караимизма, которая заслуживает нашего внимания с точки зрения имеющих в ней этноэйдём, поэтому, несмотря на значительный объём, мы процитируем ее полностью:

Шээя 9: Сен дедин ки мин бене Йисраэль¹³ ден мен. Бене Йисраэль¹⁴ фуркъа фуркъа халкъдыр. Шомроним¹⁵ дейлен халкъ вар. Караим дейлен халкъ вар. Раббаним¹⁶ дейлен халкъ вар. Хангисинден сен ве бунларынь бевле айры дюшемлерининъ аслы не дир?

Тешува 9: Мин караим¹⁷ халгынден мен бизе бене Микра¹⁸ деделер. Ве бене Йисраэльнинъ бевле айры дюшемлерининъ аслы будыр. Апатында Шеломо на-мелех,

¹¹ Исход, 19:12.

¹² Авраам, Исаак и Иаков — прародители еврейского народа.

¹³ Букв. ‘из сыновей Израиля’ (евр).

¹⁴ Сыновья Израиля (евр).

¹⁵ Самаритяне (евр).

¹⁶ Раввинисты, еврей-талмудисты (евр).

¹⁷ Из караимов (евр).

¹⁸ Бене Микра — историческое самоназвание караимов (евр).

*алеhem ha-шалом*¹⁹, олдыктан сонъра огълы гюнюнде *Йисраэль Рехавам*²⁰ гъа дарылып докъуз *шевет*²¹ хелек къадар айрылып *Йеровам бен Неват*²² ынгы хан эттилер. Салт *шевет Йегуда*²³ ве *шевет Биньямин*²⁴ ве *коген*²⁵ лер ве *леви*²⁶ лерининъ чогуу ве *отаки(?) шевет* леринде *хасид*²⁷ лери *Йерушалайм*²⁸ дан *малхут бет Давид*²⁹ иден айрылмайип *Рехавам бен Шелом*³⁰ ны хан эттилер эки ханлыгъа болундылар. Бир бирине зыт олдылар ве *Йаровам бен Неват*³¹ даа дюшонди ки герчек *Йисраэль Рехавам* гъа дарылып мени хан эттилер лякин *Йерушалайм гъа шалош регалим*³² чыкынджа *бет ha-микдаш*³³ ны ве *малхут бет Давид*³⁴ ни горунунджа акъыллары авар. «Мени олдудурлар» — дей къоркъуп Аллаһа гъа асы олды³⁵ эки эгель³⁶ ятты бирин *Бет Эльде*³⁷ бирин *Данда*³⁸ къойды. «*Йерушалайм гъа чыкъманыз хаг*³⁹ этмея эгеллер олдыгъы ере гелиниз» — деди. Ве *коген* лер педах этти «Ве *тишири*⁴⁰ айныда хаг этмениз *хешван*⁴¹ айныда эттиниз» — дей, тамбех⁴² этти. Нихайет⁴³ *Йерушалайм гъа чыкъманы ве аз гечирди. Йисраэльде онынъ сёзюне бакътылар Аллаһа асы олдулар ве Йаровам бен Неват* олдыктан сонъ гелен ханларда ве ёл илен гездилер. Ве фена мундар⁴⁴ *даат*⁴⁵ ёллары илен гезенлер олды. Ве *гой*⁴⁶ леринъ овде *кохавим ве-маззалот*⁴⁷ нынъ арадындан гезинлер олды. Аллаһ онлара *навилер* ёллып о къадар тамбех динлемедилер. Акъыбат⁴⁸ онлары *Ашишур*⁴⁹ нынъ элине варды. *Мелех Ашишур*⁵⁰ онлары эсир этти топракълара гётюрди. Не *даат* даа не тарз даа дирлер хаберемиз

¹⁹ Царь Соломон, мир ему (евр.).

²⁰ Рехавам (Ровоам) — сын царя Соломона, основатель Иудейского царства.

²¹ Шевет — колено (племя) (евр.).

²² Иеровоам сын Невата — израильский царь, первый царь Северного Израильского царства.

²³ Колено (племя) Иуды (евр.). Одно из двенадцати колен Израиля.

²⁴ Колено (племя) Вениамина (евр.). Одно из двенадцати колен Израиля.

²⁵ Коген — священнослужитель в Храме.

²⁶ Леви — представители колена Леви, обязанностью которых была работа в Храме.

²⁷ Хасид — праведник (евр.).

²⁸ Иерусалим (евр.).

²⁹ Царство дома Давида (евр.).

³⁰ Рехавам (Ровоам) сын Шеломо (Соломона).

³¹ Иеровоам сын Невата.

³² Три главных праздника, в которые евреям предписано являться в иерусалимский Храм.

³³ Храм Соломона (евр.).

³⁴ Царство Давида (евр.).

³⁵ Асы олмакъ — бунтовать [КРП 1974].

³⁶ Эгель — телец, божество для поклонения (евр.).

³⁷ Бет Эль (Вифлеем) — город в Древнем Израиле.

³⁸ Дан — город в Древнем Израиле.

³⁹ Хаг — праздник (евр.).

⁴⁰ Седьмой месяц еврейского календаря.

⁴¹ Восьмой месяц еврейского календаря.

⁴² Тамбех этмек — наставлять, учить.

⁴³ Nihayet — наконец [Турецко-русский словарь 1975].

⁴⁴ Мурдар.

⁴⁵ Даат — знание (евр.).

⁴⁶ Гой — нееврей, иноплеменник (евр.).

⁴⁷ Идолопоклонники (евр.).

⁴⁸ Возможно — «наконец» [Радлов 1893].

⁴⁹ Ассирия (евр.).

⁵⁰ Царь Ашшура (ассирийский царь) (евр.).

экътыр. Ве о топракъларынъ халгин гетирди эреч Йисраэль⁵¹ ге кьойды отурты ве онларда эреч Йисраэльде асланларынъ аювларынъ зорундан эвленмедиклеринден бу ернинъ тылсымы Тора⁵² дыр дей когенлер гетиртип Тора окъуп Йисраэль дини дутар⁵³ эдилер. Лякин гене генди песел⁵⁴ лерина тапуныр едилер ере ве даа онлара Йисраэльден сюрюн ве фена къалибли адамлар гедуп кьошулды. Санвалат⁵⁵ гиби Товия гиби. Ве Антигну⁵⁶нынъ талмидлери Чадок ве Бейтус гедуп. Онлара рав олдылар бу дедегъымыз шомроним халгъы дыр. Онынъ учюн онлара чаддуким ве бейтусим дырлар. Бунлар сифре ха-кодем⁵⁷ ден салт Тора Йегошуа⁵⁸ ны окъурлар гъайры шей бильмезлер ве шехер онешке⁵⁹ олам ха-багъа⁶⁰ Машиахъа⁶¹ техъя метим⁶² ге инанмазлар. Ве дюрлю-дюрлю даатлары вардыр. Раббаним халгъы даа будыр ки не гюню Йисраэльден наоха⁶³ калкты ве бет шени⁶⁴ де малхе Яван⁶⁵ Йисраэльге хасмын олды Торанынъ зиккарон⁶⁶ джоймая истедилер чокъ гъахам ве чокъ хасид гестилер. Чокъ йыллар Тора окъумасы баталь⁶⁷ олды. Халкъ джахиль⁶⁸ къалды Тора ёлун юругун бильген адам сейрек⁶⁹ къалды ве онларда базы мичва⁷⁰ ларнынъ пирушин⁷¹ де бири бирине кьыл олмадылар. Вара-вара(?) бири-бири илен зыт дюштилер акъыбет малхе Хашмонаимни⁷² гюнюнде бири бирине кьылыч чектилер чокъ гъахамлар зайи⁷³ эттилер о къадар олду ки Янай ха-мелех⁷⁴ нин гюнюнде алай эки гъахам къалды. Бири Йегуда бен Табай, алеhem ха-шалом, бири даа Шимон бен Шатах⁷⁵. Йегуда бен Табай ханынынъ досту эди ве онынъ дааты хахъ эди онъа дегмеди. Лякин Шимон бен Шатах зыты эди кьыйны олдугъындан дегмеди кьоркуп Мысыра кечти. Онда дюрлю-дюрлю даатлар дюрлю-дюрлю пирушлар акъылындан эджит этти. Ве Мысырда эреч Йисраэлынънъ халкъ вар эди зира Ирмеяху ха-нави⁷⁶ нин, алеhem ха-шалом, гюнюнде сёзюне диньлемайып Мысыра гелдилер.

⁵¹ Земля (страна) Израила (евр.).

⁵² Пятикнижие Моисея (евр.).

⁵³ См. гл. тутмакъ.

⁵⁴ Песель — идол (евр.).

⁵⁵ Санвалат — правитель самаритян (евр.).

⁵⁶ Антигон из Сохо, иудейский законоучитель III в. до н.э.

⁵⁷ Священные (канонические) книги (евр.).

⁵⁸ Книга Иисуса Навина (евр.).

⁵⁹ Шехер онеш — воздаяние за грех (евр.).

⁶⁰ Олам ха-ба — будущий (загробный) мир (евр.).

⁶¹ Машиах — Мессия, спаситель, который принесет спасение народу Израила (евр.).

⁶² Техъя метим — воскрешение мертвых (евр.).

⁶³ Пророчество (евр.).

⁶⁴ Бет шени — Второй Храм, построенный после разрушения Храма Соломона в 348 г. до н.э. (евр.).

⁶⁵ Еврейское название Греции.

⁶⁶ Зиккарон — память (евр.).

⁶⁷ Прекращать (евр.).

⁶⁸ Gahil — неграмотный, невежда [Турецко-русский словарь 1975].

⁶⁹ Seyrek — редкий [Турецко-русский словарь 1975].

⁷⁰ Мичва — заповедь (евр.).

⁷¹ Пируш — толкование, объяснение.

⁷² Хасмонеи — правители Иудеи в 166–37 гг. до н.э.

⁷³ Zauı — утрата, утраченный [Турецко-русский словарь 1975].

⁷⁴ Александр Яннай — второй иудейский царь из династии Хасмонеев.

⁷⁵ Йегуда бен Табай и Шимон беш Шатах — иудейские законоучители II в. до н.э.

⁷⁶ Пророк Иеремия (евр.).

Ве араларына **нави шекер**⁷⁷ дейлен сакъат **даалы** адам вар эди онларадан къалма **ве ле-мляхат ха-шамаим**⁷⁸ ге эденлери вар эди онлардан къалма араларында чокъ дюрлю сакъат **даатлары** вар эди. **Шимон бен Шатах** онларангы огренди орталыкъ этишкен сонъ **Йерушалайм** гъа гельди башлады **даатларынь** ве **пирушларынь** беянге⁷⁹ чыкъармая. Ве бунлары **каббала**⁸⁰ илен билирим **халаха ле-Моше ми-Сини**⁸¹ дей чокъ халгыны инандырды халгынынъ джахиллери онъа мейил вердилер. Ве **Йегуда бен Табай** онынъ **даатларынь** бузмая чалышты баша чыкъмады зира халгынынъ чогу онъа мейл вердилер. Ве бираз даха енгиль ёл гестирди **хамон ха-ам**⁸² гъа йорыкъ чокъ халкъ онынъ артындан **геттилер салт** акъыл сахаблары Аллаһадан къоркъан хасидлери **Йегуда бен Табай**ынъа динъледилер **Шимон бен Шатахынынъ** ёланларына къыйырыммадылар⁸³. Вара-вара бири-бири илен (?) башладылар. (?) этмек илен зыт олдылар айры дюштилер **Шимон бен Шатахынынъ талмид**⁸⁴ лер онынъ **халахаларынъ** къабул эттилер онынъ **даат** илен гездилер **бет Гиллель** дейлен бунлардыр **Йегуда бен Табай талмидлер** онынъ **пирушларына** горе туттылар **бет Гиллельнин** зар **халаханынъ** къабул этмедилер **бет Шаммай** дейлен онлар дыр. Чокъ вакыта (?) бэвле **махлукат** олуп гездилер сонъ **рав Йегуда ха-насинин** гюнюнде **Мишнаны** яптылар о вакыт дувы(?) атар(?) эдилер ве бири бирининъ **шехита**⁸⁵ ларынъ ер эдилер. Сана дорт бин дорт юзунджи йылында дуньянынъ яратылыгъына **рабену Анан ха-наси, алеhem ха-шалом**⁸⁶, гюнюнде темелли айырылары къыз алып вармасыны ве **шехиталарыны** ямасыны **херем** эттилер ве **Мишна** гъа **Талмуд** гъа инангъанлара **раббаним** къоштылар яны башлары **гъахамларынынъ** джевапларына багъландыклары учюн **Мишнада Талмудда** язылгъан **халахаларынъ** яланыда вардыр герчегиде вардыр джумлеси **халаха ле-Моше ми-Сини** дегиль дир **Микра**⁸⁷ дан къувети олмаян ве зыт олгъан **халахалар** гъа инанмамыз деянлере **караим** къоштылар, яны **Микра** сахаблары демектир ве араби дилинде окъмушлар демектир. **Раббан гъахамлары** бизе хасымлыкларындан ве хасталыкларындан каны ёлу **чадуким** ве **миним**⁸⁸ дейлер. Амма къалбында феналыкъ олмайинлер **чадуким** башкъа дыр **караим** башкъа дыр дейрлер **гъахамларынынъ халахаларыны** яны **Мишна** гъа **Талмуд** гъа къайыл олмадыклары учюн **чадуким** дедилер дей. Гендилери экрар эдинлери(?) вардыр ве бизим **гъахамларымыз** дахи **Мишнаны Талмудыны** джумлеси яландыр демиирлер(?) къайта бизе **Мишна** окъумая бордж эттилер. Зира джевап чогу бизим бабаларымызынынъ ве эски **гъахамларымызынъ** дыр. Лякин **Шимон бен Шатах** ве **рав Акиванынъ** ве онлара бензер асилеринъ джевапларынъ къарыштырып булаштырдылар.

⁷⁷ Лжепророк (евр.).

⁷⁸ Царице небес (евр.).

⁷⁹ Веуан etmek — сообщать, извещать [Турецко-русский словарь 1975].

⁸⁰ Здесь в значении «устное предание», «устная Тора».

⁸¹ Закон, данный Моисею на горе Синай (евр.).

⁸² Множество народа (евр.).

⁸³ Къыйырмакъ — повернуться [КРП 1974].

⁸⁴ Талмид — ученик (евр.).

⁸⁵ Шехита — ритуальный убой скота (евр.).

⁸⁶ Наш учитель Анан Ганаси — законоучитель VIII в., основатель караимского учения.

⁸⁷ Микра — Писание (евр.).

⁸⁸ Еретики (евр.).

Перевод:

Вопрос 9: Ты сказал, что принадлежишь к сыновьям Израиля. Но сыновья Израиля разделяются на три народа: самаритяне, караимы и раввинисты. К кому из них ты принадлежишь?

Ответ 9: Я принадлежу к караимам, нас еще называют бене Микра. После смерти царя Соломона, мир ему, во дни его сына Ровоама отделились девять колен Израиля и призвали Иеровоама сына Невата на царство. Только колено Иуды и колено Вениамина, большинство когенов и левитов, а также праведники из других колен не отделились от царства дома Давида и остались верны царю Ровоаму сыну Соломона. И раскололся Израиль на два царства, и началась между ними вражда.

Иеровоам боялся, что царство вернется к истинному царю Израиля Ровоаму, когда народ будет ходить на праздники Господа в иерусалимский храм. «Убьют меня!» — сказал он, и восстал против Господа, и сделал двух тельцов, и поставил одного в Вефиле, другого в Дане. «Не ходите в Иерусалим, — сказал он, — приходите на праздники к двум тельцам, которых я сделал!». И назначил когенов и сказал им: «Отмечайте праздник не в месяце тишири, а в месяце хеиван». Израиль прислушался к его словам. Восстав против Господа, после смерти Иеровоама сына Невата цари пошли по этому пути. И встал Израиль на путь зла, и пошел вслед за иноплеменниками и язычниками, а посланных Господом пророков не слушал. И, наконец, отдал (Господь) израильтян в руки Ассирии, который их пленил и переселил на свою землю, а народ той земли переселил на землю Израиля. И люди эти в стране Израиля, страдая от львов и медведей(?), постигли тайну Торы, переселив когенов и читая Тору, они стали принимать веру Израиля, продолжая при этом поклоняться своим идолам. Спустя время к ним присоединились изгнанные из Израиля жестокосердные люди, такие как Санвалат и Товия. Затем к ним примкнули Цадок и Бейтус, ученики Антигона, и это были те самые самаритяне, о которых мы говорили. А ученики Антигона — это саддукеи и боэтусеи. Они из всех священных книг читают только Тору и Книгу Иисуса Навина, а других совсем не знают, не верят в воздаяние за грехи, в загробную жизнь, в приход Мессии и воскресение мертвых.

А вот кто такие раввинисты. Когда в Израиле прекратилось пророчество, и во время Второго Храма греческие цари враждовали с Израилем и хотели, чтобы он забыл Тору, тогда погибло много мудрецов и праведников. Много лет Тору не читали, и народ стал невежественным, очень мало осталось людей, ходящих путями Торы, да и те не знали объяснения некоторым заповедям. И начались между ними разногласия, и, наконец, во время царей Хасмонеев обнажили друг против друга меч, и тогда было потеряно много мудрецов. И во время царя Янная осталось всего два мудреца — это Йегуда бен Табай, мир ему, и Шимон бен Шатах. Йегуда бен Табай был другом царя, и учение его было истинным. Шимон бен Шатах стал соперничать с ним, и, боясь возмездия, бежал в Египет. В Египте в то время жили израильтяне, которые не прислушались к словам пророка Иеремиши, мир ему. И был среди них несчастливый человек, называемый лжепророк, который распространил ложное учение, и служили они царице небес. И у них было много ложных знаний. Там, в Египте, Шимон бен Шатах стал распространять свое учение, а затем отправился в Иерусалим и стал там обучать знаниям и толкованиям. Он стал говорить, что Моисею на горе Синай было дано в качестве закона устное предание, и многие невежественные люди поверили ему и приняли его учение. А Йегуда бен Табай старался опровергнуть это учение, потому что большинство народа ему поверило. И так началось разделе-

ние среди израильтян: ученики Шимона бен Шатаха, которые приняли его закон и получили от него знания, стали называться «дом Гиллеля», а ученики Йегуды бен Табая, которые следовали его толкованиям, и не приняли чуждый закон Шимона бен Шатаха, стали называться «дом Шаммая».

Спустя много лет после этого, во время рава Йегуды *ха-наси*, был создан Талмуд, который еще больше разделил людей. Однако же, тогда еще вступали друг с другом в родство, и у всех была одна *шехита*. И вот, в четыре тысячи четырехсотом году от сотворения мира, во времена нашего учителя Анана *ха-наси*, мир ему, произошел окончательный раскол, и тогда уже было запрещено вступать в родство (с раввинистами — В.Е.) и соблюдать одну *шехиту*. Тех, кто поверил в Мишну и Талмуд, стали называть «раббаним», то все есть те, кто опирались не на Тору Моисея, данную на горе Синай, а на написанные в Талмуде и Мишне как лживые, так и истинные законы, выведенные из толкований глав мудрецов. А их противники, те, кто не принял эти законы, стали называться именем «караим», что значит «владельцы Писания», а на арабском языке значит «читающие». Раввинистические мудрецы из-за неприязни к нам стали называть нас саддукеями и еретиками. Но для нас самих это неприемлемо, так как между караимами и саддукеями есть различие, они (раввинисты — В.Е.) нас так называют, потому что мы не приняли их законов, то есть Талмуд и Мишну. Однако наши мудрецы, несмотря на всю ту ложь, которая есть в Талмуде и Мишне, ставят нам в обязанность читать их. Ведь большинство толкований, имеющих в них, — это толкования наших предков и наших древних учителей, вперемешку с ложными толкованиями Шимона бен Шатаха, рава Акивы и других подобным им мятежникам.

В данной главе мы видим большее количество этноэдем по сравнению с предыдущими, что не удивительно, учитывая ее историческое содержание. Очень характерна, например, этноэдема *Алеhem ха-шалом* ‘Мир им!’, которая обычно употреблялась после имени праотцов, израильских царей и пророков, ключевых фигур в еврейской истории и умерших религиозных авторитетов. Это очень устойчивая еврейская этноэдема, которую можно сравнить с басмалой (бисмиллях) у мусульман. Помимо многочисленных собственных имен персонажей израильской истории, мы видим такие этноэдемы, как *мичва* ‘заповедь’, *нави* ‘пророк’, *чаддык* ‘праведник’, *мелех* ‘царь’, *хасид* ‘благочестивый’, *гахам* ‘мудрец’, *рабену* ‘наш учитель’, *шехита* ‘ритуальный убой скота’, *коген* ‘священник’, *халаха* ‘религиозное право’, *эрэч Йисраэль* ‘земля Израиля’ и многие другие. Из общего числа древнееврейской лексики из данной главы можно выделить несколько лексем, которые, по нашему мнению, к этноэдемам не относятся. Например, лексема *мелех* ‘царь’ легко заменяема словом «падишах» с тем же значением. А вот лексему *эгель* ‘телец’ следует, наверное, отнести к этноэдеме, поскольку в данном случае это не просто телец, а божество в виде тельца, идол, которому поклонялись отступившие от веры в единого Бога израильтяне.

Целых три главы — 14, 15 и 16 — посвящены еврейскому календарю. В еврейских и караимских общинах календарный вопрос относился к категории религии, так как от правильно рассчитанной даты новолуния и, соответственно, даты субботы или праздника зависело правильное исполнение божественной

заповеди, а исполнение заповедей является квинтэссенцией религии Израиля. Примечательно, что все названия месяцев и праздников, вопреки распространенному у крымских караимов мнению о якобы бытовавших их тюркских эквивалентах, приводятся исключительно в древнееврейском произношении. Для примера приведем фрагмент, посвященный одному из трех главных праздников (*шалаш регалим*) караимов — празднику Песах.

Песах

*Нисан айнынъ он дордунджы гюню хамеч дагъын шей къалдырмамалы уйинде ве хокъум гечен мюлькюнде бир дурлу хамеч дагъын тей булунмамалы ве дахи генди мюлькюнде дутмайып гойге веруп сакълатмамалы. Хамеч дедигимиз алты дурлы шейден олыр: богдай, арпа, чавдар, юлаф, къаплы, тери. Бунларда нэ вакъыт сув дегерсе о вакъыт хамеч сайылыр. Бунлардан олгъан хамечини джоймакъ борджу-дыр. Бунлардан башкъа гъайры шейден хамеч олмаз. Ве нисаннынъ он бешинджи гюню хагъ **на-мачот** дыр **моэд** дыр **шаббат** гиби бир дурлу иш шилемек джаиз дегильдир салт йемек пиширип йемек джаиз дыр. Ве **мача** йемели яны айытланмыш захрадан темиз дегирменде ун чекмели. Темиз савутта хамур басып койуна тиз ягъ бир шей къоймайып юпка кумач гиби япып чапук пиширмели хамеч олмасын. Ве бу айнынъ йигирми биринджи гюнюнинъ акшамына дек **хамеч** йемемели салт **мача** пиширип **хамеч** олмайан йемеклер илен йемели.*

Перевод:

Песах

В четырнадцатый день месяца нисана ничего из квасного (хамеч) не должно быть оставлено ни в доме, ни во дворе, нельзя хранить его у себя, а надо отдать голям. То, что мы называем «квасное», получается из шести продуктов: пшеница, ячмень, рожь, овес, полба, кожа. Как только эти продукты взаимодействуют с водой, они считаются за квасное. И всё квасное, полученное от этих продуктов, должно быть убрано. Из остальных же продуктов квасное не получается. А в пятнадцатый день месяца нисана праздник мацы⁸⁹, как и в шаббат, в этот день не разрешается работать, разрешена только работа по приготовлению еды. Надо есть мацу, то есть в чистой мельнице перемолоть отборное зерно в муку, в чистом сосуде замесить тесто, не добавляя в него бараньего жира, раскатать подобно куску ма-терии на юбку и быстро испечь. До вечера двадцать первого дня этого месяца нельзя есть квасное, надо печь мацу и есть только то, что не является квасным.

Как видим, в данном фрагменте используется несколько этноэдем: *нисан* (первый месяц в году по еврейскому календарю), *Песах* и *хаг на-мачот* (название праздника), *хамеч* ‘квасное’, *мача* ‘опресноки’, *шаббат* ‘суббота’ и *моэд* ‘праздник’. Все они относятся к первой группе по нашей классификации, за исключением термина *моэд*, который в некоторых случаях мог заменяться тюркским эквивалентом арабского происхождения «байрам» («Песах байрамы», например) и, таким образом, относится ко второй группе.

⁸⁹ Т.е. Песах.

Ниже мы приводим в алфавитном порядке основные этноэидемы из респонсов М.С. Казаса, за исключением имен собственных, цитат из ТаНаХа (которые за редким исключением не переводились), терминов из грамматики древнееврейского языка, которые можно вынести в отдельный список, названий месяцев и праздников.

Адонай Таале — ‘Всевышний Бог’

Алеhem ha-шалом! — ‘Мир им!’

арбаа ве-эсрим — (букв. ‘двадцать четыре’) 24 канонические книги ТаНаХа (Ветхого Завета), в общем смысле ТаНаХ

асара икарим — (букв. ‘десять корней’) ‘десять основ (символов) веры’

бене Йисраэль — ‘сыновья Израиля’

бене Микра — ‘сыны Писания’, историческое название караимов

бераха — ‘благословение’

бет ha-микдаш — ‘Храм Соломона’

бет шени — ‘второй Храм’

галут — ‘жизнь в изгнании’

гахам — ‘мудрец’, ‘ученый’

гой — ‘иноплеменник’, ‘не еврей’

дикдук — ‘грамматика’

зэхут — ‘заслуга’

иври — ‘еврей’

каһал — ‘община’

коген — представитель рода священников из израильского колена Леви

леви — ‘левит’, представитель израильского колена Леви (Левит)

лешон кодеш — (букв. ‘священный язык’) древнееврейский язык

лувах — ‘скрижаль’

малхут — ‘царство (Израиля)’

маскил — ‘образованный’

мача — ‘опресноки (маца)’

Машиах — ‘Мессия’

мигдаль — ‘(Вавилонская) Башня’

Микра — ‘(Священное) Писание’

минһаг — ‘обычай’, ‘традиция’

мичва — ‘заповедь’

Мишна — Мишна (свод законов, часть Талмуда (см.))

моэд — ‘праздник’

нави — ‘пророк’

нави шекер — ‘лжепророк’

навоһа — ‘пророчество’

олам ha-ба — ‘будущий, загробный мир’

пешат — ‘простой смысл (Писания)’

пируш — ‘толкование (Писания)’

- раббан** — ‘раввинист’
рабену — ‘наш учитель’
рав — ‘раввин’, ‘учитель’
раша — ‘грешник’
рош ходеш — ‘новолуние’
севель ха-йеруша — (букв. ‘бремя наследия’) караимская религиозная традиция
сефер — ‘книга’, ‘свиток’
сиддур — ‘молитвенник’
сифре ха-кодеш — ‘священные (канонические) книги’
талмид — ‘ученик’
Талмуд — Талмуд, свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма
техья метим — ‘воскрешение мертвых’
тефилла — ‘молитва’
тешува — ‘покаяние’
Тора — ‘Пятикнижие Моисея’
Тора шель бааль пэ — ‘Устная Тора (Талмуд)’
халаха — ‘религиозное право’
хиккеш — ‘принцип аналогии’
ха-шгаа — ‘Божественное Провидение’
хаг — ‘праздник’
хамеч — ‘квасное’
хасид — ‘благочестивый’
херем — ‘запрет’, ‘отлучение (от общины)’
чаддык — ‘праведник’
чедака — ‘милостыня’
шаббат — ‘суббота’
шалаш регалим — три паломнических праздника в иудаизме (Песах, Шавуот, Суккот)
шевет — ‘колени (Израиля)’
шехер онеш — ‘воздаяние за грех’
шехита — ‘ритуальная резка скота’
шофет — ‘судья’
эмуна — ‘вера’
эреч Йисраэль — ‘земля Израиля’

Итак, на примере сочинения Мордехая Казаса «Тув таам» мы продемонстрировали роль караимских этноэидем в тексте религиозного характера на караимском этнолекте крымскотатарского языка первой половины XIX в. На основе этого материала мы можем говорить об этноэидемах из словарного запаса религиозно образованного караима — это термины из области религии, истории и языка Израильского народа. С точки зрения социологии еврейские этноэидемы

в письменной, а также — с большой долей вероятности — и в устной речи крымских караимов являлись маркером образованности, а с точки зрения лингвистики — наиболее выразительными признаками караимского этнолекта крымскотатарского языка.

Литература

- Баскаков 1960 — *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М. 1960.
- Ельяшевич 2018 — *Ельяшевич В.А.* Особенности произношения *лешон кодеш* (иврит) у крымских караимов как результат влияния крымскотатарского языка // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. С. 21–28.
- Ельяшевич 2020 — *Ельяшевич В.А.* Проблемы классификации разговорного языка крымских караимов и перспективы ее решения // Научный вестник Крыма. 2020. № 2 (25).
- Исакович 1893 — *Исакович Р.С.* Два слова о караимах по поводу караимской комнаты г-жи Р.С. Исакович. Одесса. 1893.
- Казас 1835 — *Казас Мордехай бен Шеломо.* Чуф деваш. Гезлёв (Евпатория). 1835.
- Казас 1911 — *Казас И.И.* Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4. С. 38–71.
- Катык 1921 — *Катык А.И.* Яны яка, эски тон. Евпатория. 1921 (машинопись).
- КРП 1974 — *Баскаков Н.А., Зайончковский А., Шаниал С.М.* Караимско-русско-польский словарь. М. 1974.
- Кизилов 2011 — *Кизилов М.Б.* Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь. 2011.
- Леви 1911 — *Леви А.О.* Ахыр зэман. СПб. 1911.
- Мусаев 1964 — *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М. 1964.
- Мусаев 1977 — *Мусаев К.М.* Краткий грамматический очерк караимского языка М. 1977.
- Прик 1976 — *Прик О.Я.* Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала. 1976.
- Радлов 1893 — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб. 1893.
- Сефер Таргум Тора. Гезлёв (Евпатория). 1840.
- Турецко-русский словарь. М. 1975.
- Ялпачик 2004 — *Ялпачик Г.С.* 21 урок караимского (крымский диалект). Учеб. пособие. Симферополь. 2004.
- Jankowski 2003 — *Jankowski H.* Position of Karaim among the Turkic Languages // *Studia Orientalia*. 95. 2003. P. 131–153.
- Jankowski 2003 — *Jankowski H.* Position of Karaim among the Turkic Languages // *Studia Orientalia*. 95. 2003. P. 109–130.
- Smętek 2016 — *Smętek D.* Some lexical and phonological features of the language of a Crimean Karaim Bible translation // *Türk dilleri arařtırmaları*. 26.2. 2016. P. 227–240.

*Н.Н. Телицин*¹

**Несколько замечаний
к прочтению рунической надписи из Интикуля**

В данной статье речь пойдет об одной интересной надписи, найденной летом 2016 г. сотрудницей Кемеровского университета Анной Николаевной Мухаревой при обследовании одного из курганов могильника раннего этапа тагарской археологической культуры в степи на границе Хакасии и Новоселовского района Красноярского края, недалеко от озера Интикуль (Интиколь) [Осава 2017: 55].

О самом могильнике стало известно в 1986 г. в результате экспедиции ЛО Института археологии АН СССР, которая проводила обследование территории между селами Тесь, Большая и Малая Иня (Минусинский р-н). В опубликованных результатах экспедиции можно найти следующее описание: «На юге Красноярского края раскопан один курган в тагарском могильнике, расположенном в 3,5 км к востоку от оз. Интиколь. Могильник состоит из восьми курганов высотой 0,5–1,5 м и еще одного, высотой 3 м, стоящего в 1 км к западу от основной группы» [Боковенко 1988: 220–221].

На одной из каменных плит красновато-коричневого песчаника в ограде кургана размерами 110×90×17 см расположена надпись руноподобными знаками-резами, состоящая из двух строк. Первая строка состоит из 15 знаков и имеет длину 26 см, вторая — из 13 знаков и имеет длину 23 см. Высота знаков в среднем около 2 см, ширина — около 1 см. Обе строки читаются от основания плиты кверху. Нанесена поверх фигур оленей [Осава 2017: 53]. В общей сложности по прорисовке, составленной А.Н. Мухаревой и уточненной позднее Т. Осовой, надпись насчитывает 28 знаков-рез (рис. 1).

---

¹Телицин Николай Николаевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; n.telitsin@spbu.ru

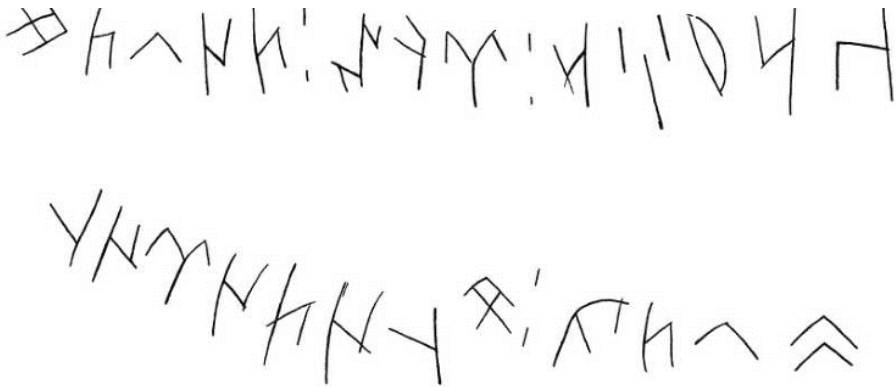

Рис. 1. Надпись на могильнике из Интикуля

Т. Осаевой предложено следующее прочтение надписи, датировав ее IX–X вв.:

Транслитерация

QRYGR : RKN : TUŠTM

TŠTG : BÐGUTURUD

Транскрипция

qar yagar : erkin : tüštim

taš teg : bāñü törüñ

‘Снег идет, (я) эркин упал.

Камню подобно (ты) вечным возродись!’

Причем сам текст, по мнению исследователя, оказался довольно необычным и важным во многих отношениях, поскольку среди известных древнекыргызских эпитафий титул «эркин» не встречался.

На первый взгляд против такого варианта возразить трудно, если бы не два факта, на которые следует обратить особое внимание при анализе как исторической канвы, так и лексико-морфологических особенностей такого небольшого текста.

Первый из них — исторический и касается термина *эркин/иркин*. Титул встречался среди кочевников в том числе и «дотюркютской» эпохи, например, жужаней (жуань-жуаней) [Кычанов 1997: 77; Крадин 2000: 80–94; Никифоров 2010: 356–357; Clauson 1972: 225]. В «тюркютскую» эпоху данный титул носили главы многих телесских племен, входивших в уйгуро-огузскую конфедерацию (байырку, доланьгэ, курыканы и др.) [Никифоров 2010: 356]. Интересно наблюдение о соответствии титулу *эркин* в китайских летописях титулов *сы-цзинь* 侯斤 (*сы-гинь, и-цзинь*) [Тишин 2019: 137].

Следовательно, рассматриваемый титул, являясь одним из традиционных титулов среди кочевого населения степей, встречался в административной системе жуаньжуаней (IV–VI вв.), Первого и Второго тюркских каганатов (VI–VIII вв.), а после их распада — являлся высоким официальным титулом Уйгурского каганата (VIII–IX вв.). В «древнетюркютскую» эпоху его носили вожди племен, занимавшие в административной системе более низкое положение, чем эльтебер, и имевшие менее 10000 воинов [Mori 1963: 293–322; Mori 1965: 31–56]. Можно встретить также указание на то, что «<...> у Киданей, во главе каждого из восьми родов, составлявших это племя, находился его глава с титулом эркин» [Лунли 1979: 345–346].

Однако относительно кыргызских племен Енисея информация о титуле *эркин* встречается лишь при упоминании событий после подчинения кыргызов Уйгурскому каганату. По «Синь Таншу» [Синь Таншу 1975] в период «уйгурского правления» кыргызский правитель получил «новый» титул Бильге Тонг Эркин (毗伽頓頡斤 — *Pí jiā dùn xié jīn*) [См.: Бичурин 1950: 355]. По всей видимости, этот титул указывал на подчиненное положение кыргызского правителя, что «<...> было связано с тяжелым военным поражением кыргызов в 758 г., т.к. до уйгурского господства и после освобождения от него титул правителя енисейских кыргызов был более высоким» [Осава 2017: 55].

Если, вслед за Т. Осавой датировать надпись у озера Интикуль IX–X вв., то возникает вопрос о возможности использования титула, навязанного врагами для унижения кыргызского правителя, от которого «избавились» после освобождения от уйгурского владычества уже в 840 г. Сам факт непринятия титула «эркин» кыргызами можно подтвердить тем, что ни в одном енисейском памятнике он не отмечен при упоминании титулатуры кыргызских племен ни до образования, ни в период существования Кыргызского каганата. Следовательно, употребление титула в «кыргызскую эпоху» невозможно допустить применительно к указанному этносу.

Второе замечание вызвано переводом, предложенным Т. Осавой. При проведении лексико-морфологического анализа нельзя упускать, во-первых, на соотнесение времен в первой строке текста:

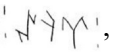
qar yagar : erkin : tūštim

yag-ar — *-r* «непрошедшее» («настоящее-будущее») время 3 лицо единственное число, с указанием «на **обычное** действие, простирающееся в будущее» [Кондратьев 1981: 83; СИГТЯ 1988: 404–405].

tūš-ti-m — «прошедшее» время 1 лицо единственное число с явно выраженным значением передачи факта совершения действия без каких-либо дополнительных значений [Ср.: Кондратьев 1981: 82–83].

Сложно представить передачу событий «...обычно идет снег... я, эркин, упал...», где нет согласования во *временных* отношениях приводимых событий. В данной ситуации ожидается использование приемлемой для тюркского синтаксиса: первое событие уточняет последующее. Логичнее было бы ожидать, что

yagar в данном контексте является «обстоятельством», т.е. событием или явлением, уточняющим или дополняющим другое, основное событие или явление. Исходя из этого форму *yagar* следует считать нефинитной (или инфинитной) глагольной формой. Однако в материале древнетюркских памятников употребление *-r* как нефинитной формы можно отметить лишь в составе обстоятельственной глагольной формы с морфемой *-r erkän* [Телицин 1987: 10–18; Erdal 2004: 341, 458, 478; Телицин 2011: 179–230]. Если допустить, что в данном тексте присутствует такая форма, то первую строку текста можно было бы интерпретировать как «*qar yagar erkän tüštim*» ‘Когда шел снег, я упал’. Тем более, что ‘*:rkn:*’ , прочитанное как слово *эркин*, можно интерпретировать и как *erkän*. Раздельное начертание, т.е. наличие «словоразделов» справа и слева, не может служить «строгим правилом» выделения его в отдельное слов. Для енисейской руники допустимо наличие знака «словораздела» даже между знаками, передающими знаменательные и служебные морфемы. Например, в Е 1, Е 6 [ДТС: XXIII] и других.

Следует отдельно разобрать и *tüštim*. Соглашаясь с предложенным прочтением, вместе с тем постараемся провести анализ значений и смыслов, передаваемых глаголом *tüš-*. Как отмечалось в приведенной выше статье (со ссылкой на G. Clauson), глагольная форма *tüš-* «имеет обычно значение ‘to meet’ and ‘to settle down, to retire, withdraw, to dismount, fall’» [Осава 2017: 55]. Древнетюркский словарь приводит схожие варианты: 1. ‘падать, валиться на землю’, 2. ‘слезать, сходить, спешиваться’, 3. ‘останавливаться, делать остановку’, 4. ‘выпадать (о зубе)’, 5. ‘выпадать (о граде)’, 6. ‘попадать, оказываться’ [ДТС: 582]. Смысла ‘погибать’ или ‘умирать’ не отмечается.

Можно сделать предположение о том, что в исследуемом тексте глагол *tüš-* использован автором строк для описания ситуации, когда путник совершает привал во время своего путешествия по причине снегопада.

Еще одно возражение относится к переводу *törüñ* из второй строки. Перевод ‘(ты) возродись’ противоречит тому, что *törüñ* представляет собой форму повелительного наклонения глагола *törü-*, но 2 лица множественного числа *-ñ* (второй вариант *-ñiz*).

Подводя итог проведенным рассуждениям, предлагаем следующий вариант перевода:

qar yagar erkän tüštim
taš teg bähü törüñ

‘Я сделал привал (?), когда шел снег
Будьте вечными камню подобно’

Такой вариант интерпретации позволяет учесть и те традиционные воззрения, которые возникли в древние времена у народов, населявших эти земли, и впоследствии сохранились у современных хакасов [Бурнаков 2014: 256–267].

Литература

- Clauson 1972 — *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford: Oxford University Press. 1972. 989 p.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill Academic Publishers. 2004. 575 p.
- Mori 1963 — *Mori M.* 護雅夫. On the Ssü-li-fa 俟利斡 (Iltäbär) and the Ssü-chin 俟斤 (Irkin) Titles of the T'ieh-lê 鉄勒 Tribes. Tōyō Gakuhō [東洋學報] (Reports of the Oriental Society). 1963. Vol. 46. No. 3. P. 293–322 (in Japanese with English abstract on p. 1).
- Mori 1965 — *Mori M.* On Chi-li-fa 俟利斡 (Eltäbär/Eltäbir) and Chi-chin 俟斤 (Irkin) of the T'ieh-lê 鉄勒 Tribes. Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture [Tōhō Gakkai (東方学会)]. 1965. No 9. P. 31–56.
- Бичурин 1950 — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 382 с.
- Боковенко 1988 — *Боковенко Н.А., Кузьмин Н.Ю., Курочкин Г.Н., Павлов П.Г., Савинов Д.Г.* Работы Среднеазиатской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М. 1988. С. 219–223.
- Бурнаков 2014 — *Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц.* Образы камня и кургана в религиозно-мифологических воззрениях хакасов (конец XIX–XX век) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Археология и этнография. 2014. Т. 13. № 3. С. 256–267.
- ДТС — *Древнетюркский словарь.* Редакторы В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: «Наука», Ленинградское отделение. 1969. 678 с.
- Кондратьев 1981 — *Кондратьев В.Г.* Грамматически строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ. 1981. 192 с.
- Крадин 2000 — *Крадин Н.Н.* Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока. Владивосток. 2000. С. 80–94.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература. 1997. 320 с.
- Лун-ли 1979 — *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В.С. Таскина. М.: Наука. 1979. 608 с.
- Никифоров 2010 — *Никифоров В.М.* Титул Эркин // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН. 2010. С. 355–363.
- Осава 2017 — *Осава Т., Мухарева А.Н., Есин Ю.Н.* Новая руническая надпись на севере Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (17). 2017. С. 53–56.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука. 1988. 560 с.
- Синь Таншу 1975 — *Синь Таншу* (新唐书. 中华书局出版社, 1975). Новая история династии Тан. Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. 1975.
- Телицин 1987 — *Телицин Н.Н.* К характеристике деепричастий в древнеуйгурском языке // Советская тюркология. Баку. 1987. № 6. С. 10–18.
- Телицин 2011 — *Телицин Н.Н.* Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб. 2011. С. 179–230.
- Тишин 2019 — *Тишин В.В.* Фрагмент китайского источника о тюркской титулатуре (перевод и комментарий) // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 137.

Сравнительно-исторические исследования

Ş.H. Akalın¹

Türk Atasözlerinin Tarihsel Kaynakları

Günümüzde Türk atasözlerinin açıklamalı sözlüğüne gerek basılı kitap olarak gerek sanal ortamda elektronik sözlük olarak ulaşmak mümkündür. Çeşitli yaş gruplarına, öğrenim düzeylerine göre hazırlanmış çok sayıda atasözleri sözlüğü bulunuyor. Çağımızdaki bütün bu eserlerin geçmişe doğru gittikçe atasözü derlemeleri, Oğuznameler ve manzumeler olarak çeşitlenen el yazması eserlere dayandığı görülmektedir. Hiç kuşkusuz bu özlü sözler sözlü gelenekte yüzyıllarca yaşadktan sonra yazıya geçirilmişlerdir. Ancak atasözlerinin şifahi dönemdeki biçimlerine ulaşmak mümkün olmasa da yazılı kaynaklardan başlayarak Türk atasözlerinin izlerini ortaya çıkarmak söz konusu olabilmektedir.

Bilinen en eski dönemlerden başlayarak Türkçede *sav*, *deme*, *atalar sözü*, *mesel*, *darbimesel* (çokluğu *durubuemsal*) ve günümüzde de *atasözü* diye adlandırılan söz varlığı öğeleri uzun deneme ve gözlemlere dayanılarak söylenmiş ve halka mal olmuş, öğüt verici nitelikte söz olarak tanımlanır [TDK 2019: 180]. Yüzyıllardır kullanılan bu kalıp sözler toplumun bilgeliğini, deneyimlerini, dünya görüşünü ve anlatım gücünü yansıtır. Hiçbir değişikliğe uğramadan kuşaktan kuşağa aktararak yaşayan, değişerek varlığını sürdürenler bulunduğu gibi unutulup yok olan ancak tarihsel yazılı kaynaklarda kalan atasözleri de vardır [Aksan 2004: 33]. Birçok atasözlerinin zamana yenik düşmesinin nedenleri konu edindiği ve açıklık getirdiği bir durumun artık toplum yaşamında yerinin kalmaması, sözcüklerinin eskimesi, kullanım sıklığının azalması ve söz varlığında canlılığını yitirmesidir.

Günümüze ulaşan en eski yazılı kaynaklarda atasözlerine rastlanması bu özlü sözlerin köklerinin insanlık tarihi kadar eski olduğu düşüncesini uyandırmaktadır.

¹ Akalın, Şükrü Halûk — Prof. Dr., Hacettepe Üniversitesi Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü Öğretim Üyesi (Ankara, Türkiye); sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr; shakalin@shakalin.net

Atasözlerinin ilk olarak ortaya çıkışları konusunda yer ve zaman bakımından kesin bilgi vermek mümkün değildir. Küçük topluluklar hâlindeki avcı-toplayıcı toplumlarda veya dilin ortak bir iletişim sistemi özelliği kazanmasıyla birlikte, kısacası insanlık tarihinin en erken çağlarından bu yana atasözleri var olmalıdır [Çobanoğlu 2004: 1–2]. Bir kültürde atasözü olarak adlandırılan dil birimleri, bir dil topluluğunun söylemlerinde sıklıkla tekrarladığı sözlerin doğal ortamda gelişmiş ve gelişmekte olan koleksiyonunu oluşturur. Atasözleri geleneksel, özlü, kalıplaşmış, mecazi, değişmez yapılarıyla tanınan birimlerdir. Karakteristik olarak tam bir sözce oluşturmak, konuşmaya katkıda bulunmak veya bir konuşmada edim gerçekleştirmek için kullanılırlar. Bu özellik, onları kalıp ifade, deyim, ikileme vb. tam cümle olmayan öğelerden ayırır [Norrick 2014: 7]. Dil bilgisi bakımından atasözleri neredeyse tamamen donmuş öğelerdir. Bunun temel nedeni, atasözlerinin yaşamla ilgili deneyimleri ve genellemeleri aktaran tam cümleler olmasıdır. Atasözlerinde yüklem zamanı bile değiştirilemez [Svensén 2009: 192]. Buna karşılık söz dizimi açısından ölçünlü (standart) atasözlerinin yanı sıra sözcükler açısından deşikeleri bulunan atasözlerinin varlığı da şaşırtıcı değildir.

Türklerin binlerce yıllık deneyimleriyle oluşmuş, sınamalarıyla doğruluğu kanıtlanmış atasözleri büyük bir söz hazinesi ve kültür zenginliği olarak kuşaktan kuşağa aktarılarak günümüze ulaşmıştır. Atasözleri sözlü gelenekte yaşayarak varlığını sürdürdüğü gibi çeşitli dönemlerde yazıya geçirilerek kayıt altına alınmıştır. Bu yazılı kaynaklar arasında doğrudan doğruya atasözlerinin yer aldığı derlemeler de bulunmaktadır, «Dede Korkut Kitabı» gibi atasözlerine yer veren edebî kaynaklar da, Ercilasun biri Berlin’de diğeri Petersburg’da bulunan iki atasözü yazmasının «Oğuzname» adını taşımasından hareketle atasözlerinin kayıp olduğu varsayılan «Oğuzname»’nin bir bölümünü oluşturduğu düşüncesini de ileri sürmüştür. Ercilasun’a göre [2019: 7] Türklerin ve Oğuzların sözlü, efsanevi tarihi, Dede Korkut boyları ve atasözleri nehir destan «Oğuzname»’nin üç ayrı parçasını oluşturmaktadır.

Türklerin İslam dinini kabul etmelerinden sonra kuşaktan kuşağa aktarılan atasözlerinin Kuran’da geçmese bile onun hükümlerine aykırı olmadığı, hatta onun yanında, onunla birlikte gittiği yazmalarda açıkça belirtilmektedir. Böylece atasözlerinin insan, aile, toplum, millet ve devlet hayatında örnek alınacak iletiler taşıdığı, bunların da İslam inancına aykırı olmadığı ifade edilmektedir.

İlk Yazılı Türk Atasözü Derlemeleri

Türk atasözlerinin ilk yazılı kaynağı İkinci Köktürk Kağanlığı döneminde dikilmiş olan yazıtlardır. Bu yazıtlardaki atasözleri Türkiye’de ilk kez Ahmet Caferoğlu [1930] tarafından ele alınmış, Tekin [2003: 20] Sertkaya [1999: 237–239], Karahan [2020] vb. araştırmacılarca da incelenmiştir.

Yazıtlarda geçen bu atasözlerinin yanı sıra X. yüzyıla tarihlenen Köktürk yazısıyla kâğıda yazılmış metin parçaları arasındaki dört parçadan (*fragment*) oluşan atasözleri, Türki atasözlerinin ilk derlemesidir. British Museum British Library Orient 8212/

78–79 numarada kayıtlı olan Köktürk harfli bu yazma parçalarında on dört satır yer almaktadır. Yazmayı ilk kez V. Thomsen çeviri yazısını yaparak yayımlamıştır. Sonrasında F. Hommel, J.R. Hamilton ve L. Bazin tarafından işlenen metin parçaları üzerinde Türkiye’de de çeşitli araştırmacılar durmuştur. Ancak Hamilton ve Bazin’in metin tamiri yaparak ortaya koyduğu çalışmadan yararlanarak bu atasözlerini Türkçedeki anlamlarıyla ilk kez yayımlayan Sertkaya olmuştur:

özining ölmez [etining öljür ‘özün (benliğin) ölmez, vücudun ölür’
tanıklıg sab tamğalıg bitig ‘tanık huzurunda söylenen söz damgalı senet niteliğindedir’
işidmişte, körü körmiş yig ‘kendi gözleri ile görmek kulaklarıyla işitmekten yeğdir’
ming kişi yüzün bilgince bir kişi atı(n) bilgü ‘bin kişiyi yüzünden tanımaktansa bir kişiyi adı ile bilmelidir’
azmazun tip yirçi yarattı yangılmazun tip bilgüg urtı ‘yolunu şaşdırmamak için kılavuz yarattı, yanılmasin diye bilge kişi yarattı’
azmaz yirçi yangılmaz bilge unuımaz ötügçi yangılmaz bitkeçi ‘yolunu şaşdırmayan kılavuz, yanılmayan bilge kişi, unutmayan savunucu, yanılmaz yazıcı (en değerli dört kişidir)’
bilgelig yangılmaz yirçilig azmaz ‘bilge kişisi olan yanılmaz, kılavuzu olan yolunu şaşdırmaz’
yangılmasar bilge bol[maz] azmasar yirçi bolmaz ‘yanılmak olmasaydı bilge kişi olmazdı, yolu şaşdırmak olmasaydı kılavuz olmazdı’
[yangı]lma[z b]itkeçi yok [a]zmas yirçi yok ‘yanılmayan yazıcı yok, yolunu şaşdırmayan kılavuz yok’
tütünc[süz oı yoı tü]ni küni ökü[nç yoı] ‘dumansız ateş yok, gece gündüz üzülmeyin anlamı yok’
[közü]nük arıı yok [közüngü arıı bar] ‘pencerenin ardı (arkası) yok, aynanın ardı (arkası) var’
[: : alın ars]lan tuı[ar küçin kele~kü]gü tuımaz ‘(kişi) hile ile aslan tutar güç ile sıçan tutamaz’
ötüglüg öljür ötügi ölmez] ‘istekli (kişi) ölür isteği ölmez’

Thomsen’in çeviri yazısını yaptığı ancak tam olarak çözümlenemediği için anlaşılabilen bölümde de muhtemelen üç veya dört atasözü bulunmaktadır [Sertkaya 1983: 276–279].

Uygur Harfli Yazma Atasözü Derlemesi

Uygur harfli metinler arasında yer alan ve Turfan Yazmaları T II Y 19’da (U. 560) kayıtlı bulunan mecmuanın çeşitli sayfalarında bazıları birkaç kez tekrarlanan atasözleri bulunmaktadır. Sertkaya [1983: 281–283] tarafından da işlenen bu manzum atasözlerini ilk kez Arat [1965: 274–275] yayımlamıştır:

erdemlig kişi erdini birle tüz ol / erdemsiz kişi etük içindeki ulyak birle tüz ol
‘erdemli kişi cevherle birdir, erdemsiz kişi çizmenin içindeki taban astarı ile birdir’

buyanlığı kişi burkanlar birle tüz ol (~erür) buyansız kişi bun bakır birle [tüz ol] (~erür)
‘iyilik yapan kişi burkanlarla birdir, iyilik yapmayan insan boş bakır ile birdir’

yamğur yagsa kedgüñg bolsun yapıñgu kergek / yavuz kişi yakın kelse apıñgu kergek
‘yağmur yağsa giyeceğin olsun örtünmek gerek, kötü kişi yakın gelse korunmak gerek’

Paris Bibliotheque Nationale Pelliot, Chinois, Touen-Houang 298^v’de kayıtlı on yedi satırlık belgede birkaç atasözü yer almaktadır [Sertkaya 1983: 283–284]:

kuruğ taşda kaplan bolmaz kuduğ suvida balık bolmaz
‘kuru taşta kaplan olmaz, kuyu suyunda balık olmaz’

king ton opr(a)maz keñg(e)şlik bilig art(a)maz
‘geniş elbise yıpranmaz, danışılmış (denenmiş) bilgi bozulmaz’

keyik neçe yol bilse avcı anca al bilir
‘geyik ne kadar yol bilse avcı o kadar hile bilir’

bilge neçe qarisa bilig savı y(a)ñgılmaз arkar neçe qarisa kaya yol-ı y(a)ñgılmaз
‘bilge ne kadar yaşlanırsa yaşlansın bilgi dolu sözü yanılmaz, yaban koyunu ne kadar yaşlanırsa yaşlansın kayaların üzerinde yolunu kaybetmez’

Atasözü derlemelerinin günümüze ulaşabilmiş parçacıkları olduğunu düşündüğümüz bu örneklerin yanı sıra çeşitli konulardaki Uygur metinlerinde anlatılan olayı, değinilen konuyu ve dile getirilen düşünceyi güçlendirmek, daha açık hâle getirmek amacıyla yer yer kullanılan atasözleri de bulunmaktadır.

En eski Türk atasözlerinin yer aldığı Köktürk ve Uygur harfli yazmalarda metin tamirinde başvurulan kaynak «Divanu Lugati’t-Türk»’tür. Kâşgarlı Mahmud, eseri «Divanu Lugati’t-Türk»’te madde başı olarak sözlüğüne aldığı söz varlığı öğelerini tanıklamak üzere manzum parçaların, örnek cümlelerin yanı sıra atasözlerine de yer vermiş, böylece üç yüze yakın atasözünün tanıklanmasını sağlamıştır. «Divanu Lugati’t-Türk»’te 251’den 320’ye kadar değişen sayılarda atasözü bulunduğu ileri sürülmüştür. Bu çeşitliliğin nedeni deyimlerin atasözü sayılıp sayılmaması, tekrarlanan atasözlerinin toplama dâhil edilip edilmemesidir. En son Ercilasun [2020: 175–203], Kâşgarlı Mahmud’un derlediği ve eserindeki madde başı sözcüklerin tanıklanmasında kullandığı atasözlerini özgün biçimleriyle, günümüz Türkçesine bire bir aktarmasıyla ve Kâşgarlı’nın Arapça açıklamasının Türkçeye çevirisiyle birlikte yayımlamış, bunları Matti Kuusi’nin yöntemine göre sınıflandırmıştır. Ercilasun’a [2020: 58] göre tekrarsız atasözlerinin toplam sayısı 266’dır:

taz keligi borkçike
‘kel borkçüye gelir’

kuş kanatın er atın
‘kuş kanadıyla er atıyla’

Doğrudan doğruya atasözü derlemesi olmasa da sözlüğünde madde başı yaptığı sözcüklerin anlamlarının daha açık bir biçimde anlaşılması amacıyla Türki atasözlerini eserinde örnek olarak veren Kâşgarlı Mahmud adı bilinen ilk derleyicidir.

Yusuf Has Hacib'in Türk devlet geleneğini, Türk töresini, dünya görüşünü, insan yaşamından kesitleri öğüt verici bir tarzda ortaya koyan eseri *Kutadgu Bilig*'de atasözleri ve deyimler de yer almaktadır. Ancak *Kutadgu Bilig*'de manzum olarak işlenen atasözleri metin içerisinde âdeta erimiştir. Bu bakımdan *Kutadgu Bilig*, daha sonraki çağlarda görülecek olan atasözlerinin yer aldığı pendname, nasihat destanı vb. manzum eserlerin öncülü olmakla birlikte Yusuf Has Hacib şairlik gücünü gösterme eğilimiyle atasözlerini değiştirerek eserinde işlemiştir. Eserin tamamı öğüt verici nitelikte olması bakımından hemen hemen her cümlesi benzer özellikler gösteren özlü sözlerdir. Bununla birlikte Yusuf Has Hacib'in atasözü olduğunu vurguladığı sözleri *türkçe meşel* 'Türkçe atasözü', *türk buyruğu* 'Türk buyruğu', *idi kiçki söz* 'çok eski söz' nitelendirmeleriyle eserinde kullandığı görülür:

idi kiçki söz ol meşelde kelir
ata ornı atı oğulka kalır [Arat 1979: 27]
 'çok eski bir söz meselden gelir
 babanın yeri, adı oğluna kalır'
kişi körki söz ol bu söz ök telim
yorı edgü sözlüg kişig ög tilim [Arat 1979: 42]
 'Kişi süsü sözdür, bu söz çok çeşitli
 Durma dilim, öv iyi sözlü kişiyi'
meşel keldi türkçe mungar menğzetür
anı sözledim men muni yangzatur
ukuš körki til ol bu til körki söz
kişi körki yüz ol bu yüz körki köz
tili birle yalnguk sözi sözlenür
sözi yakşı bolsa yüzi süvlanur [Arat 1979: 42]
 'Mesel var Türkçe buna benzer
 Onu söyledim ben bunu yansıtır
 Akıl süsü dildir, dilin süsü söz
 Kişinin süsü yüzdür, yüzün süsü göz
 Diliyle insan söyler sözünü
 İyi söz ağartır söyleyenin yüzünü'

«Atebetü'l-Hakâyık»'taki Atasözleri

Edib Ahmed bin Mahmud Yükneci'nin XIII. yüzyılın ikinci yarısında kaleme aldığı sanılan «Atebetü'l-Hakâyık» XIV. yüzyıl sonları veya XV. yüzyıl başlarında yeniden düzenlenmiş ve eldeki en eski nüshası 1444 yılında istinsah edilmiştir. Arat'ın

[1951: 8] da belirttiği gibi Türk-İslam kültür çevresi içerisinde bireylerin eğitimi için düzenlenmiş olan esasları Türkçe ve manzum olarak tekrarlayan bir ahlak kitabıdır. Böyle bir kitapta öğüt verici atasözlerinin de kullanılmamış olması düşünülemez. Edib Ahmed, ayet ve hadislerle belgelendirdiği düşünceleri arasında öğüt verici atasözlerine de yer vermiştir. Okuyanın yararlanması için nadir sözlerle kitabını süslediğini yazan Edib Ahmed atasözlerini açıkça anlaşılacak bir biçimde manzum hâle getirmeye çalışmıştır:

*bezedim kitabı ne vadir sözün
bakıglı okıglı asıg alsu tip* [Arat 1951: 47]

«Atebetü'l-Hakâyık»'taki atasözlerini Oy, Arat yayımını esas alıp «Divanu Lugati't-Türk», «Kitâb-ı Atalar» gibi kaynaklarla karşılaştırarak işlemiştir [1972: 157–161]:

*bilig birle bulnur sa'adet yolu 'saadet yolu bilgi ile bulunur' «DLT»: kut belgüsi
bilig
edebler başı til küdezme 'edeblerin başı dili gözetmektir' «DLT»: erdem başı til
küdezilse bu til küdezlür özüng 'dil korunursa kendin korunmuş olursun' «Kitâb-ı
Atalar»: dil epsem olsa baş esendür
arımaz neçe yusa kan birle kan 'kanı kan ile yıkasalar temizlenmez' «DLT»: kanıg
kan bile yumas*

Derleyicisi Bilinmeyen Atasözü Derlemeleri

Süleymaniye Kütüphanesi Yazmaları: Eski Anadolu Türkçesi dönemine ait ilk atasözü derlemesi hicri 885 (miladi 1480/1481) yılında yazıya geçirilmiş olan «Kitâb-ı Atalar»'dır. Yazma eserdeki atasözleri Velet İzbudak tarafından notlarla, açıklamalarla, atasözlerinin günümüzdeki biçimleriyle ve küçük bir sözlükle birlikte «Atalar Sözü» adıyla yayımlanan bu derlemede altı yüz doksan beş atasözü bulunmaktadır [İzbudak 1936: 7]. Bugün Süleymaniye Kütüphanesi Fatih Bölümü 3543 numarada kayıtlı yazmanın içerisinde 115^b-136^a varaklar arasında yer almaktadır. Yazma *hazâ kitâbu atalar bifermâyed oğullara* başlığından sonra besmele ile başlamaktadır. Eserin girişinde de atasözlerinin önemi açıklanırken insanoğlunun Hak sözüyle iş görmesi, diyeceği her sözü aklıyla tartarak söylemesi öğütlenmektedir. Sözlerin derleyicisi kitapta çok sözün söylendiğini, akli olanın doğru sözü bulduğu yerde alması gerektiğini belirttikten sonra atasözlerinin Kur'an'a girmediğini ama onunla birlikte yan yana gittiğini belirtir. Atasözlerinin hakikatle buluştuğunu, yeryüzünde söylenmemiş söz olmadığını, söylenmiş sözlerin de gönle yazılması gerektiğini ifade eden derleyici bütün bu sözlerin açıkça bilinmesi, kullanılması için esere «Atalar Kitabı» adını verdiğini yazmaktadır:

âdemî oldur ki haq söz-ile amel eyleye her sözi kaçaru varur akl-ıla ol söyleye sözüüm çok dürlü dürlü her biri bir süretten gelür aklı olan haq sözi bulduğı yirde alur atalar sözi kur'âna girmez yanınca yilişür pes bu söz ol söze haqıkatde bulışur söylenmemiş söz cihânda her giz olmaya söylenmiş göñliye yaz söylenen girü gelmeye cihânda gizli söz olmağı-çün aşikâr ol sebebden ad verildi buna kitâb-ı atalar [İzbudak 1936: 4].

Eserin derleyicisi hicretin sekiz yüz seksen beşinci yılında bu kitabı yazdığını kaydeder. Sonra da *geldük imdi atalar sözün söyleyelüm her biri ne dimiş ögüdini şerh eyleyelüm* diyerek atasözlerini sıralamaya başlar. Her atasözünden önce yazılan *atalar eydür* ‘atalar der’ sözü ile ardından gelen cümlenin atasözü olduğu belli edilmiştir. Atasözlerinin önemini vurgulayan sözler öncelikli olarak giriş sözlerinin hemen ardından sıralanmıştır:

ulu sözi yirde kalmaz ‘ulu sözü yerde kalmaz’
ulusın bilmeyen tañrısın bilmez ‘ulusunu bilmeyen Tanrı’sını bilmez’
ulularuñ sözi kur'âna girmez illa yanınca yiler ‘uluların sözü Kur’an’a girmez mutlaka yanında koşar’
ulular ögüdün ıtımayan uluyu qalur ‘ulular ögüdünü tatmayan uluyup kalır’

Atasözlerinin toplumumuzdaki önemini belirten bu dört atasözünden sonra hayat tecrübeleri içeren özlü sözler tam bir konu sınıflaması olmasa da benzer anlamlar içeren, aynı sözlerin kullanıldığı atasözleri art arda sıralanmıştır ancak bu tam bir tutarlılık göstermez. Örneğin ilk dört atasözünden sonrakiler şunlardır:

öñin anlamayan soñın tañlar ‘bir işi baştan anlamayan sonunda şaşakalır’
tag ne kadar yüce-y-ise yol üstünden aşar ‘dağ ne kadar yüceyse yol üstünden aşar’
anasın gör kızın al kıyısın gör bezin al ‘anasına bak kızını al, kenarına bak bezini al’
yol bilmezseñ yola git ‘yol yöntem bilmezsen yolculuk yap’
yola gitmeyeni yöne getirürler ‘yola gelmeyeni yola getirirler’

Eserde altı yüz doksan beş atasözü bulunmaktadır. Velet İzbudak’ın çeviri yazısını yaptığı, anlamlarını verdiği, notlarla açıkladığı ve sözlüğünü hazırladığı bu atasözlerini Türk Dil Kurumu yazmanın tıpkıbasımıyla birlikte 1936 yılında yayımlamıştır. Oy [1972: 185–215] bu atasözlerinden müstehcen olanları çıkararak 643’ünü abece düzeninde, bazılarını da kısa açıklamalarla vermiştir.

Bu eserin bir nüshası Paris’teki Bibliothèque Nationale de France el yazmaları bölümünde Turc 237 numara ile kaydedilmiştir. «Ruzname-i Şeyh Vefa» adının da geçtiği ve kütüphane kayıtlarında müstensihinin bu adla anıldığı el yazması «Kitâb-ı Atalar» olarak katalogda yer almaktadır. 1526 yılının Mart ayının başlarında istinsah edilen yazma elli iki varaktan oluşmaktadır. «Kitâb-ı Atalar» 4^b-27^b varakları arasındadır. Bu nüshayı ilk kez tanıtan, eserdeki beş yüz elli üç atasözünü Süleymaniye

nüshası ile karşılaştıran Boratav [1954] olmuştur. Nüshalar üzerinde çalışan Böler'e göre [2017: 362] Paris nüshasında bin iki yüz atasözünün kaydedildiği bilgisi dikkate alındığında derlemede dört yüz on dokuz atasözü daha bulunmalıdır. Süleymaniye nüshasında bulunup da Paris nüshasında yer almayan atasözü sayısı yüz yirmi ikidir. Paris nüshasındaki seksen beş atasözü ise Süleymaniye nüshasında yoktur. Buna göre her iki nüshada beş yüz yetmiş dört ortak atasözü vardır. Durmuş'a [2020: 25] göre ise Fatih nüshasıyla bire bir aynı veya benzer 459 atasözü bulunmaktadır. Paris'teki nüshada bulunup da Süleymaniye nüshasında bulunmayan doksan dört atasözü belirlenmiştir. Her iki nüshadaki toplam tekil atasözü sayısı 789'dur.

Süleymaniye Kütüphanesinin Esad Efendi Bölümünde 2733 numarada kayıtlı yazmanın 51^a-67^a varakları arasında elifba düzeninde sıralanan atasözlerinin derlenip yazıya geçirilmesi Ceyhan'a [2011: 186] göre XV. yüzyılın ikinci yarısı ile XVI. yüzyıl arasındadır. Türk atasözlerinin elifba düzeninde sıralandığı bu derlemede her harfle başlayan sözler bir bap kabul edilmiştir. «Dede Korkut Kitabı»nın başlangıcında geçen *allāh allāh dimeyinçe işler oñmaz* 'Allah Allah demeyince işler iyi olmaz' sözüyle başlayan yazmadaki atasözlerine birkaç örnek:

uğrı güçlü olsa ev iyessin dutar 'hırsız güçlü olsa ev sahibini tutar'

uşağı işe gönder özün ardınca git 'çocuğu işe gönder, ardınca sen de git'

belāya şabr iden murādın tapar 'belaya sabreden muradına erer'

baş sinsa börk içinde kol sinsa yeñ içinde 'baş kırılrsa börk içinde, kol kırılrsa yen içinde'

söz gümüşden olsa dinmemek kızıldandır 'söz gümüştense konuşmamak altındandır' [Ceyhan 2011: 187]

Kütüphanenin Fatih Bölümü 5424 numarada kayıtlı yazmanın 96^b-98^a varakları arasındaki «Min Darbi'l-Emsâl Ata Sözi Türkî Niçe Nasihatdur» başlıklı derlemede yüz seksen dört atasözü yer almaktadır. Bu atasözlerini açıklamalarla yayımlayan Buluç'a göre [1978: 11] yazmadaki en ileri tarih hicri 1084 (miladi 1673) yılı dikkate alındığında eser, XVII. yüzyılın ikinci yarısından kalma olmalıdır. Yazmada geçen atasözlerinin genellikle gelişigüzel derlenmiş gibi görünse de birbiriyle ilgili kavramlar yan yana geçebilmektedir. Buluç yazmada üç sayfa kadar tutan atasözlerini abece sırasında düzenleyerek yayımlamıştır: *açuk boğaz aç kalmaz* 'açık ağız aç kalmaz', *atlar depişdügi yérde eşek cansuz düşer* 'atlar tepişir, arada eşekler ezilir', *bir kez sürçen atıñ boynı urulmaz* 'bir sürçen atın başı kesilmez', *nā-kes ile cömerdüñ harcı birdür* 'nekesle cömerdin harcı birdür', *yağsuz çırāğ yanmaz* 'yağsız kandil yanmaz' [Buluç 1978: 12–21].

Berlin Devlet Kütüphanesi Yazmaları: Kütüphanenin Doğu Koleksiyonunda Diez Fol. 25 numarada kayıtlı «Atalardan kalma ve gerek Hoca Nasreddin Efendi azîz-i merhûmun hikmet ve nasihat-âmiz durûb-ı emsâl-i dürer-engizleridür» başlıklı bir sayfalık el yazmasının XV–XVI. yüzyıllara ait olabileceği düşünülmektedir. Yalnızca birkaç atasözünün Nasreddin Hoca nüktelerinden kaynaklandığı görülmektedir: *ağçayı peşin viren çalar düdügi* 'parayı veren düdüğü çalar'. Diğer atasözleri arasında *ulu sözi*

diğlemeyen uluya kalır ‘ulularının sözlerini dinlemeyen uluyup kalır’; *edebi edebsiz[den] öğren, eşeri olmayanın yirinde yiller eser* vb. yer almaktadır. İki yüz altmışın üzerinde atasözünün bulunduğu yazmada yer yer Arap mesellerinin çevirileri de verilmiştir [Ceyhan 2011: 188–189].

Aynı kütüphanenin anılan koleksiyonunda Diez A. 8.121 numarada kayıtlı olan ve cildinin üstünde *kitāb-ı naşreddīn h^vāce ve ʿarb-ı meşel iki küçük kitābdur* başlığını taşıyan yazma muhtemelen hicri 1050 (miladi 1640) yılında istinsah edilmiştir. Adından da anlaşılacağı üzere yazmanın bir yönü Nasrettin Hoca fıkraları diğer yönü ise atasözleri derlemesidir. Yazmanın 63^a varağında *hazā ʿdurübü’l-emşāl* başlığı altında atasözleri elifba düzeninde sıralanmıştır. Atasözleri kırmızı mürekkeple konulan işaretle birbirinden ayrılmıştır. Yazma, ilk sayfasındaki *harfū’l-elif* başlığı altında sıralanan

*aç ‘ayu oynamaz
açık başa destür yok
açık boğaz aç kalmaz
ecel geldi baş ağrısı bahāne
açlıktan ölmekden ise kul olup şatılmak yegdür
ahmak dostdan ‘akıllu düşmān yegdür
ahmak oldur ki bir düşdiği kuyuya gene düşe*

atasözleriyle başlamakta ve atasözlerinin ilk harfine göre tasnif edildiği elifba düzeninde devam etmektedir.

Berlin Devlet Kütüphanesindeki bir diğer yazma Ms. Or. Quart 1502 numarada kayıtlı mecmuanın 66^b-93^a varakları arasındaki *risāle-i ʿdurüb-i emşāl tertīb-i hurūf-ı hicā* başlığını taşımaktadır. Atasözlerinin ne zaman derlendiği bilinmemektedir. Ceyhan [2011: 197] aynı mecmuadaki metinlerde yer alan bilgilerden yararlanarak mecmuanın XVIII veya XIX. yüzyılda yazıya geçirilmiş olabileceği görüşünü ileri sürer. Yazmadaki atasözleri *ana hakkı tanrı hakkı* ile başlamakta *yalnız uçan kuşa zeval olmaz* atasözü ve *yaş deri gibi kanğı yaña çekseñ oraya gider* deyimile sona ermektedir. Yazmadaki diğer atasözleri arasında *dil esen baş esen; kız anaya çeker oğlan dayıya; nā-merdūñ başı göge erse yine nā-merd; her deli velī olmaz* vb. ilgi çekici örnekler bulunmaktadır [Ceyhan 2011: 198].

Berlin Devlet Kütüphanesindeki bir diğer atasözü derlemesi ise Ms. Or. Quart 1988 numarada kayıtlı bulunan yazma eserin derkenarındadır. Yazılışı 1642 yılında tamamlanan yazmanın 422^a varağından başlayıp 425^a’ya kadar devam eden derkenarda üç yüz otuz sekiz atasözü belirlenmiş ve çeviri yazılı olarak yayımlanmıştır [Çiçekler ve Çiçekler 2018]. Derleme, *bu faşl dahı atalar sözi beyānındadur zıkr olunur* başlığından sonra konusu bakımından benzerlikler gösterenlerin birbirinin ardından sıralandığı atasözlerinden oluşmaktadır:

*iş odur kim allāh onara
yalıñu[z] taş dīvār olmaz
yalıñuz elin sesi çıkmaz*

*kul haṭāsız olmaz każāya kałkan olmaz
każā vardım dimez
atılan ođ girü dönmez
iki pā[d]-şāh bir vilāyete hükm itmez
iki arslan bir mīş[e]de olmaz*

Yakın zamanda Özer [2021], Berlin Devlet Kütüphanesinde bulunduğunu belirttiği bir başka atasözü yazmasını yayımlamıştır. Kütüphanede A. Octav. 113 numarada kayıtlı olduğu anlaşılan ve yetmiş altı sayfadan oluşan yazmanın başında *hüve 'l-mu 'ın* başlığı bulunmakta ve ardından atasözleri elifba düzeninde sıralanmaktadır. Her atasözünün ardından gelen *dimişler* sözü ile atasözleri birbirinden ayırt edilmektedir. Özer, yazmanın çeviri yazılı metnini yayımlamış, yazım ve dil özelliklerini incelemiş, yazmadaki atasözlerini diğer kaynaklarla karşılaştırmış ve dil bilgisi ile atasözleri dizini hazırlamıştır:

*at evde oldukça öñdül almaz
at ile torbayı çekişdirme
et ile tırnađ arasına girme
at tepişir ara yirde eşek ölür
at geçdi meger al ola at kaldı meger al
at yirine eşek bağlama
et her ne kadar arık ise etmek üstünde hem yaraşur
ata san 'atı ođula mīrāşdır
atalar sözi kur 'āna girmez amma yanınca leng leng yeler
atalar sözini tıtmayanı yabāna atalar [Özer 2021: 54]*

British Museum Yazması: Kütüphanede Harl. 5486'da kayıtlı «Emsāl-i Türkiyye» adlı atasözü derlemesi hicri 1072 (miladi 1661) tarihli bir mecmuanın ilk on varağında yer almaktadır. Elifba sırası gözetilmeden hareketli nesihle yazılan atasözlerinin karşı sayfalarında Ceyhan'a [2011: 196] göre XVII. yüzyıl İngiliz yazısıyla Latin harflerine çevrilmiş biçimleri bulunmaktadır:

damla damla göl olur aňla; şabr ile koruk halvā olur; dost ile yi iç alış viriş eyleme; ne virürseñ elünle o gider sentünle; il için kıyu kazan ākıbet kendü düşer.

Türk Dil Kurumu Kütüphanesi Yazmaları: Türk Dil Kurumu Kütüphanesinin Yazma ve Nadir Eserler Bölümünde Yz. A 105 numarada kayıtlı olan yazmanın 25^b-29^b varakları arasında *darb-ı meşel-i müstā 'mele* başlıklı bir atasözü derlemesi bulunmaktadır. Yazmanın ön kısmı tamamlanamamış bir Emrî Divanı nüshasıdır. XVI. yüzyıl sonrasına ait olduğu anlaşılan ve istinsah yılı, müstensihi belli olmayan yazmada yarım kalmış gazeller, kasideler vardır. Yazmanın 25^b varağından itibaren *darb-ı meşel-i müstā 'mele* başlığından sonra kısmen elifba düzeninde sıralanan atasözleri yer almaktadır:

*darb-ı meşel-i müstā 'mele
 allāh diyen mahrūm qalmaz
 otuz iki dişden çıkan otuz iki ağıza yayılır
 iki karpuz bir koltuğa sığmaz
 il ile gelen düğün bayram
 il geçdiği köpriden biz de geçeriz
 öküz öldi ortaklık ayrıldı
 eyülerden eylik öyren
 ile kuyu kazma kendin düşersin
 aşağa tükürsem sakalum yukarı tükürsem yüzüm*

Yazmanın 29^b varağının sonunda mim harfiyle başlayan atasözleri tamamlanmadan ve geri kalan harflerle başlayan atasözlerine geçmeden *murdāra mudāra gerek* atasözünü yarım bırakarak nüsha bitmektedir. Bu durum, derlemenin son sayfalarının eksik olduğunu göstermektedir:

*müft sirke baldan tatludur
 metā '-ı himmete endāze olmaz
 misāfir ammā ne kāfir
 misāfirinij geç gelüp tiz gitdiği eyüdür
 mühür kimde ise süleymān odur
 murdāra mudāra [gerek]*

Sayfa kenarlarına yazılmış olanlarla birlikte derlemede yaklaşık yedi yüz atasözü bulunmaktadır.

Kütüphanede Yz. A 361 numarada kayıtlı «Durūb-i Emsāl-i Müstamele» adlı derleme ise geçen yüzyılın ilk yarısına ait olduğu anlaşılan çizgili deftere el yazısıyla elifba düzeninde yazılmış atasözlerinden oluşmaktadır. Defterin ilk sayfasında derlemenin adının hemen altında Arap harfleriyle Emrī yazısı ve ayrıca içerisinde soru işareti bulunmaktadır. Bu da, derlemenin Yz. A 105 numarada kayıtlı yukarıda tanıttığımız yazmanın sonundaki bölümden kopya edildiğini, söz konusu yazmanın başında Emrī Divanı bulunması nedeniyle böyle bir kayıt düşüldüğünü göstermektedir.

«Dede Korkut Kitabı» ve «Oğuzname»'lerdeki Atasözleri

Türk edebiyatının anıtsal eseri «Dede Korkut Kitabı»'nın başlangıcında toplu hâlde ve kitabı oluşturan boyların içinde çeşitli yerlerde atasözleri bulunmaktadır. Bu atasözleri Oğuzların yaşayışlarını, dünyayı algılayışlarını, insanlar arasındaki ilişkilere bakış açılarını gösteren ipuçları taşımaktadır. «Dede Korkut Kitabı»'ndaki atasözlerinin benzerleri kısaca «Oğuzname» diye adlandırılan yazmalarda da geçmektedir. Gökyay [2004: CCXLVII] bu atasözlerinin eleştiri ve alay üslubuna bürünmüş bir biçimde

Oğuzların günlük hayatına ait gözlemleri bize vermekte olduğunu, kişilerin ahlakını düzeltmek yolunda öğütlerle birlikte kötü insanların niteliklerini anlattığı görüşündedir.

«Dede Korkut Kitabı»'ndaki atasözlerini «Türk Dili» dergisinde yayımlanan iki yazısında [VI/61; VI/65] ele alan Oy daha sonra atasözlerini konu alan kitabında [1972: 162–167] düzeltmelerle bu atasözlerini yeniden yayımlamıştır. Oy'a göre «Dede Korkut Kitabı»'nın Dresden ve Vatikan nüshalarının giriş bölümünde otuz sekiz, hikâyelerinde ise yirmi iki atasözü geçmektedir. Girişteki ilk beş atasözü:

*allāh allāh dimeyinçe işler oñmaz
kādir tañrı virmeyinçe er bayımaz
ezelden yazılmasa kıl başına kazā gelmez
ecel va 'de irmeyinçe kimse ölmez
ölen ādem dirilmez çıñan cān girü gelmez
Hikāyelerde geçen birkaç atasözü,
ana haqqı tañrı haqqı
aslan enügi yine aslandur
at işler er öginür, yayan erin umudu olmaz
evvel āñir uzun yaşuñ uçı ölüm
oğlan kuş yürekli olur*

Berlin Devlet Kütüphanesi «Oğuzname»'si: Kütüphanede Diez A quart. 31 numara kayıtlı yazmanın iç kapağının iki ayrı yerinde *oğuznāme ya 'ni ðurüb-i emşāl ve türkīce ðarb-ı meşel dirler* açıklamaları yazılıdır. Yazmanın 1^b varağında ise *hāzihi er-risāletu min-kelimāti oğuzname el-meşhūr bi-atalar sözi* başlığı altında besmeleden sonra gelen ve içinde yer yer atasözlerinin bulunduğu girişte Dede Korkut'un adı da geçmektedir. Yazmanın 41^b'ye kadar devam eden ve «Oğuzname»'nin tamamlandığının belirtildiği bölüme kadar olan sayfalarında iki binin üzerinde atasözü bulunmaktadır. Aynı yazmanın sonlarında IV. Murad'ın cülus tarihinin kaydedilmiş olmasını değerlendiren Ercilasun'a [2019: 83] göre yazma 1623 yılında veya bundan birkaç yıl sonra yazılmış olmalıdır. Yazmadaki atasözlerine örnek olmak üzere dört yüz atasözünü ilk kez H. F. von Diez Almanca çevirisi ile birlikte yayımlamıştır. Bu yazmadaki atasözlerinden birkaç örnek:

*iki istemeyince bir bulunmaz
sözi verenden alan uslu gerek
varlı(nuñ) çirkin kızın almağdan fakıruñ cimri güzel kızın almak yegdür
atdan düşen yā allāh dimiş eşekden düşen evyāh dimiş
çok bilen çok kazāya oğrar
kız doğuran erkek de doğurur
baş sınığı bōrk içindedür kol sınığı yiñ içindedür
ñayır işi uzatma şerre dōne belki şer işi uzat ki ðayra dōne [Ercilasun 2019: 306–309]*

Petersburg Devlet Üniversitesi Doğu Fakültesi Elyazmaları Bölümü «Oğuzname»'si: Kütüphanede Ms. O. 1364 numarada kayıtlı yazma *hazā kitābu oğuznāme* başlığını taşımaktadır². Kütüphane kataloğunda eserin adı «Kitāb-ı Oğuznāme Mecma'u'l-Emşāl-i Türki» olarak kaydedilmiştir. Demirbaş numarası ise İNV 121/70'tir.

Yazmanın son sayfasında müstensihin *fi sene 9* kaydından istinsahının hicri 1009 yılında recep ayının dördüncü günü iki namaz arasında tamamlandığı anlaşılmaktadır. Bu durumda yazmanın tamamlandığı tarih en erken 9 Ocak 1601 olmalıdır. Kütüphaneye intikal edinceye kadar yazmanın birkaç el değiştirdiği gerek üzerindeki mühürlere gerek *ex-libris* kayıtlarından görülmüyor. Yazmanın ilk sayfasında sahibinin adının gösteren mühür silinmiştir, 33^a'da 11. satırda iki atasözü arasına vurulmuş mühürde *ya müfettihü'l-ebvab iftah lena hayre'l-bab* duasının üstünde ise Mustafa adı bulunmaktadır. Bu kişi yazmanın ilk sahibi olabilir. Kitabın iç kapağında ise Latin harfleriyle en üstte «*Ex-libris Stanislai de Pichel*», altında *Evgenii Timaeff* adları yazılıdır. Bu adların hemen altında Arap harfleriyle yazılan iki satırda Muhammed Ali adı okunmaktadır. Ancak öncesinde ve sonrasında bu adın sahibinin unvanı veya lakabı olan sözler ne yazık ki okunamamaktadır. Bu satırın altında da Arap harfleriyle acemice yazılan *yevgeni timayefin kitāblarından* yazısı bulunmaktadır. Yukarıda ikinci satırda Latin harfleriyle adını yazan kişi bu kez de Arap harfleriyle adını okuduğu gibi yazmaya çalışmıştır. Ardından da o yılın tarihini 1864 olarak Arap rakamlarıyla göstermiştir. Aynı el, aynı mürekkeple biraz aşağıya bu kez *kitāblardan evgeni timayef* kaydını düşükten sonra hemen altına د س ض غ harflerini yazmıştır ki ebced hesabına göre bu harflerin karşılığı olan sayılar da soldan sağa olmak üzere 1864 yılını göstermektedir. Bu ilgi çekici yazılış biçimlerinden ve Latince *ex-libris*'in Türkçede 'kitaplardan' sözünün karşılığı olduğunu bilmesinden Yevgeni Timayef'in Türkçeye ilgi duyan meraklı bir kitap sever olduğu anlaşılıyor. Sayfanın en altında ise yazma ters çevrildiğinde yine acemi bir el tarafından yazılmış olan *Süleyman Beğ Hazretleri*, onun altında *Evvel Allah Muhammed Ali* sözleri okunmaktadır. Bu kayıt da kitabın eski sahiplerinden birinin Süleyman Beğ olduğunu göstermektedir. Eserin adı yazmanın 1^b'deki başlığında kırmızı mürekkeple *hazā kitābu oğuznāme* olarak yazılıdır. Bu başlığın hemen üzerinde ise mavi mürekkeple nesih hattıyla *stanislais de piçelştin (?)* yazısı bulunmaktadır. Bu adın da ilk sayfadaki *ex-libriste* adı geçen kitabın sahiplerinden birine ait olduğu anlaşılıyor.

Yazmayı ilk kez Əlizadə 1987 yılında Bakü'de o dönem Azerbaycan'da kullanılmakta olan Kiril harfleriyle yayımlayarak gün ışığına çıkarmıştır. Bayat [1992] da bu çalışmayı Latin harflerine çevirmiş, atasözlerini çeşitli kaynaklarla karşılaştırıp İstanbul'da yayımlamıştır. Yüce [2005], yazmadaki atasözlerinin bir bölümünün yanlış okunduğunu, müstehcen görülenlerin ise bu yayınlara hiç alınmadığını belirterek yazmanın yeni bir yayımını yapacağını bildirmiştir. Əlizadə'nin [2006] eseri Bakü'de bir kez de Azerbaycan'ın yeni elifbasıyla yayımlanmıştır. Demir [2018] de Berlin ve

² «Oğuzname»'nin Petersburg nüshasının sayısal ortama aktarılmış biçimini ve kütüphanedeki kayıt bilgilerini gönderen Doç. Dr. Elena Oganova ve Doç. Dr. Nikolay Telitsin'e yürekten teşekkür ederim.

Petersburg Oğuznamelerinden seçtiği atasözlerinin günümüz Türkçesine aktarılmış biçimlerini kitabına almıştır. En son Ercilasun [2019: 309–315] Əlizadə, Bayat ve Demir'in yayımlarından yararlanarak bu atasözlerinin bir bölümünü eserinde değerlendirmiştir.

Yazmada elifba düzeninde sıralanmış yaklaşık iki bin atasözü bulunmaktadır. Elif harfinden başlayarak sıralanan atasözlerinde madde başı olan harfler kırmızı mürekkeple yazılmıştır:

[1^b] elif¹ atalaruñ sözi qur'āna girmez ammâ qur'ān yanınca liñ liñ yalışur
 atalar sözün² dutmayan yabāna atılır
 atalar eyitmiş haq ta'ālā müslümānları ğurbetde hastalıqdan ve yigit³likde
 ölümde ve pırlıkde yoğşulluqdan şaqlasun
 atalara babam öldi⁴ iş başuñda düşmiş dimişler anam öldi öksüz olmışsin dimişler
⁵oğlum öldi yüregüñe oq tokunmuş dimişler amma kızum öldi harcından
 kurtılmışsin⁶ dimişler 'avretüm öldi döşegün yeñilenmiş dimişler
 atalara at qaldı dimişler⁷ kula-y-ıdı ola dimişler at uçdı dimişler toru-y-ıdı ola
 dimişler er qaldı⁸ dimişler tül 'avret oğlu-y-ıdı ola dimişler atalara düşmān
 geldi dimişler⁹ al atlu ahında şakar kılıçlaşsun dimiş
 allāh allāh dimeyinçe işler oñmaz
¹⁰allāh işin bilür
 allāh yüze yoğşullıqın göstermesün
 allāh begün yoğşullıqın [göstermesün]
¹¹allāh ta'ālī kullarını qaşık bir düşman şerrinden şaqlasun
 allāh sağ gözi şol¹² göze muhtāc eylesesün
 allāh öldürmedüqin kimse öldüremez
 evde bir olınca¹³ yābānda biñ olsun
 iç acısın taban acısı çıkarur
 aç āmān bilmez
 eyü söze ne tanışık
 od-ıla pambuğun ne oynı var
 at-ıla bıçağun ne eviti [2^a] var

Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi *Oğuzname*'si: Kütüphanenin Revan Bölümünde 1390 numarayla kayıtlı olan Yazıcıoğlu Ali'nin *Tevârih-i Âl-i Selçuk* adlı eserinin başındaki 65 satırlık *Oğuzname*'de de atasözü niteliğinde cümleler bulunmaktadır. Ercilasun'un [2019: 70] hikmetli sözler ve ozana övgü diye nitelediği bu bölüm ikinci sayfanın başındaki ilk beş satırda yer almaktadır. Tezcan'a [2020: 23] göre yazmanın başındaki bu *Oğuzname*'yi ilk kez fark eden Rıdvan Nafiz [Edgüer], geniş bir özetle ilk kez yayımlayan ise 1932 yılında Ahmet Zeki Velidi [Togan] olmuştur. Edgüer'in çalışması 1934 yılında yayımlanmıştır. Orhan Şaik Gökyay 1938 yılındaki *Dede Korkut* yayımında bu *Oğuzname*'yi de eklemiştir. Daha sonra pek çok araştırmacı bu metnin yayımını yapmış, üzerinde çalışmıştır. En son Tezcan'ın çeviri yazı, dizimli metin, notlar vb. bölümlerden oluşan ancak yarım kalan çalışması ölümünden sonra eşi Nuran Tezcan tarafından yayımlanmıştır:

*yir öjinden yimegin yılan bilür
 burlu(?) yonca dadın borsuğ bilür
 yedi dere koğusın dilkü bilür
 çuvaldız kıymetin nevgeri bilür
 ağır yüküñ hengini katır bilür
 yidi yollar ayırdın deve bilür
 er ağırın er yeynisin eren bilür
 kara başa ağrı gelse beyni bilür
 geñ yerler otağın geyik bilür
 datlu suyuñ dadın kulağ bilür
 er nâkesin er cömerdin ozan bilür [Ercilasun 2019: 317]*

Topkapı «Oğuznamesi»'ndeki bu *bilür* atasözleri «Dede Korkut Kitabı» ve atasözü derlemelerindekilerden farklıdır. Tezcan'a [2020: 131] göre ozanın bu *bilür* atasözlerini sıralamaktaki amacı, bunların sonuncusu olan atasözünü için zemin hazırlamaktır. Ozan, bu sonuncu sözle açıkça fakat nezaketle kendisine verilecek bahşışın bol olmasını rica etmektedir.

Derleyicisi Bilinen Atasözü Derlemeleri

Fehim, «Durûb-i Emsâl-i Türkî»: İstanbul Üniversitesi Nadir Eserler Kütüphanesi TY 2932 numarada kayıtlı Fehim-i Kadim külliyyatındaki 73^a–77^b varakları arasında bulunması dolayısıyla bu atasözünü derlemesinin XVII. yüzyıl divan şairlerinden Fehim-i Kadim'e ait olduğu kaynaklarda dile getirilmektedir. Atasözünü derlemesini yayımlayan Ekinci [2015: 165–166], «Durûb-i Emsâl-i Türkî»'nin Fehim-i Kadim'e mal edilmesi nedenleri üzerinde durmuş, yazmadaki temmet kayıtlarından hareketle külliyyatta Fehim'in eserlerinin tamamlandığını bildiren kayıttan sonra gelen eserlerin şaire ait olamayacağı hususunda şüphesini belirtmiştir. Yazmada altı yüz doksan üç atasözü, deyim, alkış, kargış, nida, ayet ve hadis çevirisi ile Arapça ve Farsça kelimikibarlar bulunmaktadır. Bu söz varlığı elifba düzeninde sıralanmıştır. Ekinci [2015: 166] istinsah kaydı bulunmayan yazmanın Fehim-i Kadim'in yaşadığı dönem (ölümü 1648) veya sonrasında tertip edildiği düşüncesindedir. Aşağıdaki örnekler Ekinci'nin yayımından alınmıştır:

*allâh diyen mahrûm kalmaz
 azacığ aşım gavğasız başım
 alan bir kıldan alır
 edebi edepsüzden öğren
 işte eşek işte nerdübân
 eski dost düşmen olmaz
 eski düşmen dost olmaz
 il geçdüğü köpriden sen de geç
 açma kutununun kapığını*

Mustafa Nedim, «Tuhfetü'n-Nedim»: Millet Yazma Eser Kütüphanesi Ali Emîrî Koleksiyonu'nda 34 Ae Edebiyat 137 (istinsahı h. 1126 m. 1714) ve 34 Ae Edebiyat 138 numarada kayıtlı iki nüshası bulunan atasözleri derlemesidir. Derlemeyi ilk kez «Hayat» dergisinin 12 Mayıs 1927 tarihli 24. sayısındaki İlim Hareketleri köşesinde «Edebiyat ve İctimaiyat Noktalarından Mukayyet: Halkiyata Ait Bir Eser» başlıklı yazısında tanıtan Ali Canib Bey [1927] olmuştur. Yazmanın dibacesinde kendisini el-Hac Mustafa bin Hacı Osman eş-şehir bi'Nedim olarak tanıtan derleyici, XVIII. yüzyıl şair ve yazarlarından. Eserdeki atasözleri elifba düzeninde birinci ve ikinci harflerine göre sıralanmıştır:

durübü'l-emtāl fi harfü'l-elif
 [ت] *et ne kadar arık ise etmek üzerine yakışur*
etmek elden su gölden
atıñ ürkegi yigidiñ korkağı
at binenüñ kılıç kuşananıñ
atda karın yigitde burun
at tepişür eşek ölür
 (ج) *aç ile eceli gelen söyleşür*
 (د) *edebi kimden öğrendüñ edebsüzden*
 (ذ) *erenlerüñ sağı solı olmaz*

Eserde Arapça, Farsça atasözleri, bilmeceler, çeşitli beyitler de yer almaktadır.

Müstakimzade Süleyman Sadeddin Efendi, «Hurûf ile Müretteb Durüb-ı Emsâl»: XVIII. yüzyıl bilginlerinden Müstakimzade (1717–1788) «Mecelletü'n-Nisab», «Devhatü'l-Meşayih», «Tuhfe-i Hattatin» vb. biyografi eserlerinin yanı sıra atasözlerimizi ve deyimlerimizi toplayarak kültürümüze kazandırmıştır. Yılmaz'a göre [1999: 237] Müstakimzade'nin derlemesinde bulunan dört yüz kırk dokuz atasözü ve deyimden yüz yirmi birine bugüne kadar yayımlanmış eserlerde rastlanmamıştır. Müstakimzade'nin eserinin günümüze üç nüshası (Süleymaniye Kütüphanesi Esad Efendi Bölümü 3740; Pertev Paşa Bölümü 614. İstanbul Üniversitesi Kütüphanesi Yıldız Bölümü 3702) ulaşmıştır. Eserin mukaddimesi olmadığından Müstakimzade'nin atasözlerini ve deyimleri derleme amacı, yöntemi konularında bilgi sahibi değiliz. Yılmaz [1999], Süleymaniye Kütüphanesindeki iki nüshayı karşılaştırarak atasözleri ve deyimleri abece düzeninde yayımlamış, incelediği derleme ve sözlüklerde geçmeyen söz varlığı öğelerini eğik yazı ve * işareti ile belirtmiştir. Şeylan [2016] da makalesinde eserdeki atasözlerini elifba düzeninde atasözleri derlemeleri ve sözlükleri ile karşılaştırarak sıralamıştır:

iki el bir baş içündür
ekābirde gönül olmaz
el elden üstündür arşa çıkınca
iki karpuz bir koltuğa sığmaz
el elin āyinesidür
ilk uran okçudur

uyumakla menzil alınmaz

açacak kan tamarda тұрмаз [Şeylan 2016: 79]

Doğrudan doğruya atasözlerimizin derlenerek belirli bir düzen içerisinde sıralanması, örneklendirilmesi ve nihayet anlamlarının verilmesi, açıklamalarının yapılması, dizinlerinin çıkarılması çalışmaları XIX. yüzyılın ikinci yarısıyla başlar. Ancak ilk örnekler atasözleri ve deyimlerin birlikte yer aldığı, anlamlarının açıklanmadığı abece sırasında verilen atasözü ve deyim derlemeleri niteliğindedir.

Halis Efendi, «Turfetü'l-Emsal»: Eserinde kendisini Muhammed Halis b. Ahmed et-Tosyavi olarak tanıtan yazar, Arslan'a [2019: 31] göre XVIII. yüzyılın sonu ile XIX. yüzyıl başlarında yaşamıştır. Memleketi Tosya'ya gittiğinde buradaki dostlarına bir muhabbet nişanı bırakmak amacıyla “Türki durub-i emsali” derleyerek bunları “Hevayi” tarzı, “Kadı Girnek” edası ve “Nasreddin Hoca” fıkraları benzeri bir söyleyişle yazdığını, çeşitli beyit ve ibarelerle süsleyerek açıklamaya çalıştığını belirtmiştir. Eserini mensur olarak kaleme alan, zaman zaman manzum parçalara da yer veren Halis Efendi madde başı olarak 76 atasözü kaydetmiştir. Bu atasözlerini açıklarken ayet ve hadislere de yer vermiş, açıklamalarda kullandığı diğer atasözleriyle birlikte eserdeki toplam atasözü sayısı yüz yirmi sekize ulaşmıştır. Örneğin *göriñen köy kılazuz istemez* atasözünün açıklamasında *güneş balçıkla sıvanmaz* atasözüne de değinilmektedir. Eserde 60 deyim de bulunmaktadır. Atasözleri ve deyimlerin elifba düzeninde sıralandığı eser nasihatname türündedir. Arslan [2019] eserin Türkiye kütüphanelerindeki dört nüshasına dayalı olarak eleştirili metin yayımını gerçekleştirmiştir.

Çelebioğlu Abdülhalim Hakkı, «Atalar Sözü»: Türk Dil Kurumu Kütüphanesindeki etütler arasında bulunan ve yaklaşık iki bin sayfa olan iki ciltlik eser Etüt/104-1, 2 numarada kayıtlıdır. Yazar eserini «Savlar Sınavlar ve Kaide-i Kadimeler», «Vesaik-i Medeniye ve İlmiyeden Madud Olunan Örf ve Adat ve Millî Kanun-ı Kadim-i Felsefi Cöngü», «Durub-i Emsal-i Türkân», «İlmî ve Hikemî Tecrübeleri ve Tahkiyeli Sözler», «Atalar Sözü Mecmuası» adlarıyla da anmaktadır. Kırım Türklerinden Çelebioğlu Abdülhalim Hakkı'nın 1898 yılında el yazısıyla yazmaya başlayıp 1920 yılı sonlarında tamamladığı eserde elifba düzeninde sıralanmış atasözleri, deyimler, özdeyişler, öğüt verici sözler, söz kalıpları, alkışlar, kargışlar vb. söz varlığı öğeleri yer almaktadır. Çelebioğlu bazı atasözleri, deyimler vb. için açıklamalar yapmış, örnekler vermiştir. Rika hattıyla yazılmış olan eser üzerinde E. Alemdar, R. Temel, S. Türksoy lisansüstü tezler hazırlamışlardır.

Türk Tarih Kurumu Kütüphanesi Hüseyin Görbil, «Atalar Sözü Külliyyatı»: Yazmanın açıklamasında *Atalar Sözü, Darb-ı Meseller, Tabirler, Cinaslar, Kinayerler, Tekerlemeler, Dilekler, İlençler, Nükteler ve Bunların Şevahidi, Müeyyideleri, Takviyeleri Mahiyetindeki Fıkralar Vesaire* bilgisi verilmektedir. Kütüphanede Y/693 numarada kayıtlı olan külliyyat, rika hattı ile çizgili kâğıda kurşun kalemle yazılmıştır. Eserin yazarı yirmi dosya içindeki derlemesinin ilk sayfalarında atasözleriyle ilgili olarak kaynaklarda verilen bilgilerin değerlendirmesini yapmakta, bu bölümü yazarken yararlandığı kaynakların adlarını anmaktadır. Bu bölümde esere konu olan söz varlığı

öğelerine verilen örneklerin alındığı kaynaklar da sıralanmıştır. Eser hakkında İslamoğlu'nun [2010] tanıtma ve inceleme yazısı vardır.

Ali Ulvi Ermiş, «Türk Hikemiyatı Atalar Sözü»: İstanbul Büyükşehir Belediyesi Atatürk Kitaplığında Bel.Yz.K.0621 numarada kayıtlıdır. Siyah mürekkeple ve rika hattı ile yazılan derlemenin her sayfasında 17 satır bulunmaktadır. Yazmanın tamamı 215 varaktır. Elifba düzeninde ilk iki harfine göre sıralanan söz varlığı içerisinde atasözleri, deyimler, özlü sözler, hazır söz kalıpları yer almaktadır. Anlam verilmemiştir ancak bazı atasözlerinin üzerine sonradan kurşun kalemle açıklamalar yazıldığı, bazı sözcüklerin anlamlarının belirtildiği, bazı atasözlerinin de üzeri çizilerek düzeltildiği görülmektedir.

Yazıldığı bilinmesine rağmen bugüne kadar ele geçmemiş atasözü derlemelerinden de söz edilmektedir. Örneğin Hanif İbrahim Efendi'nin Türkçede kullanılan darbimeselleri içeren ve 1761 yılında hazırladığı belirtilen «Durub-i Emsal» adlı esere veya nüshalarına henüz rastlanmamıştır. Çaylak Tevfik'in yazdığını belirttiği fıkra, folklor muhtevalı ve günlük yaşayışla ilgili olduğu anlaşılan «Durûb-i Emsâl-i Nisvân» adlı eseri de yayın alanına çıkamamıştır.

Sonuç

Türk atasözlerini konu edinen sözlükler, araştırmalar son yıllarda artış göstermiş, yeni yayınlar ortaya konulmuştur. Bu yayınlarda Türk atasözlerinin yazıya geçirildiği ilk dönemden itibaren değişime uğramış biçimleri bulunduğu gibi sonradan ortaya çıkan atasözleri de dikkat çekmektedir. Bugüne kadar sınırlı sayıdaki araştırmada yalnızca birkaç atasözünün tarihsel kaynaklardaki biçimlerinin süreklilikleri, değişimleri ve değişkeleri üzerinde durulduğu görülmektedir. Oysa biz, Türk atasözleri üzerine yapılacak çalışmalarda öncelikle en eski dönemlerden başlayarak yazma atasözü derlemelerinin bir veri tabanına dönüştürülmesi ve atasözlerinin karşılaştırmalı olarak incelenmesinin daha sağlıklı ve yararlı sonuçlar vereceğine inanıyoruz. Böylece Türk atasözleri tarihsel kaynaklarda belirlenen değişkeleriyle birlikte belirlenmiş olacak ve sonraki kaynaklarda ne tür değişikliklere uğradığı, hangi atasözlerinin daha sonra ortaya çıktığı görülebilecektir. Bu uğurdaki çalışmalarımızın bilgisayar destekli olarak yürütüldüğünü ve yazmalardaki Türk atasözleri derlemi (*corpus*) üzerindeki çalışmamızın sürdüğünü haber vermekten mutluluk duyuyoruz.

Kaynakça

- Aksan 2004 — *Doğan A.* Türkçenin Sözcüğü. Ankara. 2004.
 Ali Canib 1927 — *Ali Canib.* Edebiyat ve İçtimaiyat Noktalarından Mukayyet: Halkiyata Ait Bir Eser // *Hayat.* 1927. 1/24. S. 3–4.
 Arat 1951 — *Arat R.R.* Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki Atebetü'l-Hakayık. İstanbul. 1951.
 Arat 1965 — *Arat R.R.* Eski Türk Şiiri. Ankara. 1965.

- Arat 1979 — *Arat R.R.* Yusuf Has Hacıp Kutadgu Bilig I Metin. Ankara. 1979.
- Arslan 2019 — *Arslan M.* Hâlis Efendi Turfetü'l-Emsâl Açıklamalı Atasözleri Sözlüğü. Ankara. 2019.
- Bayat 1992 — *Bayat A.H.* Samed Alizade Oğuzname (Emsâl-i Mehmedalî) XVI. yy.da Yazılmış Türk Atasözleri Kitabı. İstanbul. 1992.
- Böler 2017 — *Böler T.* Kitâb-ı Atalar Sözi Adlı Eser Üzerine // Atatürk Üniversitesi Türk Dili ve Edebiyatı Araştırmaları / Makaleler. Erzurum. 2017. S. 339–370.
- Buluç 1978 — *Buluç S.* Eski Bir Elyazmasında Bulunan Türk Atasözleri // Ömer Asım Aksoy Armağanı. Ankara. 1978. S. 11–26.
- Caferoğlu 1930 — *Caferoğlu A.* Orhun Abidelerinde Atalar Sözü // Halk Bilgisi Haberleri. 1/3. S. 43–46.
- Ceyhan 2011 — *Ceyhan A.* Bazı Yazma ve Basma Atasözü Derlemeleri // Dil ve Edebiyat Araştırmaları. 4. S. 175–225.
- Çiçekler 2018 — *Çiçekler A.N., Çiçekler E.B.* Berlin Devlet Kütüphanesinde Bulunan XVII. Yüzyıla Ait Bir Mecmuadaki Türk Atasözleri Derlemesi // Dil ve Edebiyat Araştırmaları. 18/18. S. 341–356.
- Durmuş 2020 — *Durmuş O.* Türkçenin Basılı İlk Atasözü Kitabı: G. B. Donado'nun Derlediği Türk Atasözleri. Ankara. 2020.
- Ekinci 2015 — *Ekinci R.* Fehîm-i Kadîm'e Mâl Edilen Bir Atasözleri Kitapçığı: Durûb-ı Emsâl-i Türkî // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. 15/1. S. 163–185.
- Ercilasun 2019 — *Ercilasun A.B.* Nehir Destan Oğuzname (Oğuz Bitig). İstanbul. 2019.
- Ercilasun 2020 — *Ercilasun A.B.* Divânu Lugâti't-Türk'teki Şiirler ve Atasözleri. İstanbul. 2020.
- Əlizadə 2006 — *Əlizadə S.* Oğuznamə. Bakı. 2006.
- Gökyay 2004 — *Gökyay O.Ş.* Dedem Korkudun Kitabı. İstanbul. 2004.
- İslamoğlu 2010 — *İslamoğlu A.* Türk Tarih Kurumu Kütüphanesi'nde Bulunan El Yazması Bir Eser: Atalar Sözü Külliyyâtı // Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 51/1. S. 273–293.
- İzbudak 1936 — *İzbudak V.* Atalar Sözü. İstanbul. 1936.
- Karahan 2020 — *Karahan A.* Tonyukuk Yazıtındaki Atasözleri ve Deyimler // Atasözleri ve Deyimler Üzerine İncelemeler. Ankara. 2020.
- Norrick 2014 — *Norrick N.R.* Subject Area, Terminology, Proverb Definitions, Proverb Features // Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Warsaw-Berlin. 2014.
- Oy 1972 — *Oy A.* Tarih Boyunca Türk Atasözleri. İstanbul. 1972.
- Oy 1991 — *Oy A.* Atasözleri // TDV İslam Ansiklopedisi. IV. S. 44–46.
- Özer 2021 — *Özer Ş.* 15.–16. Yüzyıla Ait Anonim Bir Atalar Sözü Kitabı (Berlin Nüshası). Çanak-kale. 2021.
- Sertkaya 1983 — *Sertkaya O.F.* Eski Türk Atasözleri Üzerine // Şükür Elçin Armağanı. Ankara. 1983. S. 275–291.
- Sertkaya 1999 — *Sertkaya O.F.* Eski Türklerin Kağan Seçimi Üzerine Göktürk Yazıtlarındaki İki Atasözü // İlmî Araştırmalar. 8. S. 233–240.
- Svensén 2009 — *Svensén B.* A Handbook of Lexicography. Cambridge. 2009.
- Şeylan 2016 — *Şeylan A.* Müstakîmzâde Süleymân Sâdeddîn'in Durûb-ı Emsâl Adlı Eserinin Işığında Atasözlerinin Târihî Seyri ile Eserdeki Atasözlerinin Tespiti ve Tasnifi // Beykent Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 9/1. S. 72–101.
- TDK 2019 — *TDK.* Türkçe Sözlük. Ankara. 2019.
- Tekin 2003 — *Tekin T.* Orhon Yazıtları Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. İstanbul. 2003.
- Tezcan 2020 — *Tezcan S.* Topkapı Sarayı Oğuznamesi. İstanbul. 2020.
- Yılmaz 1999 — *Yılmaz A.* Müstakim-zâde ve Durûb-ı Emsâlinin Türk Edebiyatındaki Yeri ve Önemi // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 6. S. 225–271.
- Yüce 2005 — *Yüce N.* Bir Yazmanın Yayımındaki Bazı Eksiklikler // İlmî Araştırmalar. XX. S. 173–182.

*Т.В. Лосева-Бахтиярова*¹

К вопросам истории и перспективы узбекской лингвистической терминологии

Лингвистическая терминология тюркских языков, как и любых других языков мира, является открытой системой, непрерывно пополняющейся новыми образованиями. Это объясняется, в том числе, влиянием экстралингвистических факторов, например, определенных исторических и политических событий, возникновением новых направлений в лингвистике, новых методов лингвистических исследований, что предполагает необходимость изучения состояния терминологической системы как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

Материалом для нашей работы послужили учебные пособия и словари узбекского языка с начала XX в. (оригиналы некоторых из них имеются в библиотеке автора) до наших дней, написанные как российскими, так и узбекскими специалистами; данные государственных программ, направленных на развитие узбекского языка и совершенствование языковой политики на 2020–2030 гг., исторические документы, беседы с информантами — преподавателями и учеными высших учебных заведений Ташкента и Бухары.

Охарактеризовать современное состояние и обозначить перспективы развития лингвистической терминологии невозможно без описания того, какой вклад внесли языковеды прошлого в развитие данной проблемы, без изучения истоков лингвистической терминологии интересующего нас языка, основных этапов развития системы терминов, характера языковой политики в тот или иной период.

Фундамент современной узбекской лингвистической терминологии был заложен в 20–30-е гг. XX в. Именно в это время начались процессы узбекизации терминов: в более ранний период большинство научных — в том числе лингвистических — терминов было арабского происхождения.

В конце XIX — начале XX вв. в Туркестане стали появляться учебные пособия нового типа — взамен турецких (османских), а также татарских грамматик.

---

¹ Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; uni_philology@yahoo.com

Следует отметить, что основные учебники по общеобразовательным предметам в первых новометодных школах Туркестана были преимущественно казанского издания на татарском языке — ввиду крайней малочисленности, иногда и вовсе отсутствия соответствующей учебной литературы на среднеазиатских тюркских языках, а также ориентации на татарский язык как «общетюркский», исходящей из определенных кругов татарской буржуазии. Среди первых учителей были и педагоги из крымских татар. Так, открытие первого новометодного мактаба в Самарканде в 1893 г. связано с именем известного крымскотатарского просветителя Исмаилбея Гаспринского.

Первые научные описания живых местных тюркских языков в конце XIX — начале XX вв. связаны с именами русских ученых и просветителей. Перу Н.П. Остроумова, В.П. Наливкина, М.С. Андреева принадлежали первые практические пособия по изучению сартовского языка (сартами называли часть оседлого населения Средней Азии — в отличие от кочевого и полукочевого; термин перестал использоваться после 1924 г.) [Остроумов 1898; Наливкин 1898; Наливкин 1884; Андреев 1896].

В 1925 г. в Ташкенте выходит «Введение в изучение узбекского языка» Е.Д. Поливанова — талантливого лингвиста, профессора первого в регионе Среднеазиатского государственного университета, участвовавшего, в том числе, в формировании новой литературной нормы узбекского и других тюркских языков и создании латинизированного алфавита для этих языков — т.н. яналифа.

Вышеперечисленные исследователи-ориенталисты, заложившие основы узбекской лингвистики в современном понимании этого слова, однако, не затрагивали проблему создания лингвистической терминологии на собственно узбекском материале. Все термины: деепричастие, падеж, составные глаголы, залог и т.д., — приводятся в работах на русском языке. Между тем на протяжении 20–30-х гг. XX в. именно русские специалисты нередко брали на себя разработку узбекской терминологии. Несколько лет назад в руки автора статьи попали одни из самых первых словарей сельскохозяйственной терминологии, выпущенные в Узбекистане в 30 гг. XX в. В предисловии к наиболее раннему из них (1931 г.) агроном профессор Ю. Плотников пишет: «Местных специалистов для составления хорошей и меткой терминологии пока нет, а нужда в ней весьма насущна, поэтому я взял на себя инициативу составления терминологии в моей специальности» [Плотников 1931: 5].

В 1924–1930 гг. в Ташкенте были опубликованы два учебника А. Фитрата — историка, филолога, драматурга, поэта, главы общества «Чагатайские беседы»: «Sarf. O‘zbek tili qoidalari to‘g‘risida tajriba» и «Nahv. O‘zbek tili qoidalari to‘g‘risida tajriba», которые переиздавались шесть раз. Именно в них мы встречаем первые примеры обновленной узбекской лингвистической терминологии. А также в опубликованной годом ранее в журнале «Туркистон» работе Элбека (псевдоним поэта, ученого, автора учебников и хрестоматий по узбекскому языку Машрика Юнусова) «Lug‘at va atamalar». В ней, как и в пособиях Фитрата, рекомендовалось вместо арабских терминов употреблять собственно узбекские,

например, арабское *odot* заменялось на *qo 'shimcha* «аффикс», *modai asli* на *o 'zak* «корень», *zamid* на *olmosh* «местоимение» и т.д. Тюркское *atama* заменило арабское *istiloh* «термин», бытовавшее до 1920-х гг.

Помимо вышеупомянутых работ, в создании и унификации лингвистических терминов особая роль принадлежала написанному в 1939 г. учебнику, авторами которого стали А. Усманов и Б. Авизов «O'zbek tili grammatikasi. I qism. Fonetika va morfologiya».

В это же время на государственном уровне шли горячие споры по поводу создания и употребления лингвистических терминов в узбекском и других тюркских языках. На I Всесоюзном тюркологическом съезде, состоявшемся в Баку в 1926 г., вопросы терминологии были особенно актуальны. Восьмое заседание съезда носит название «О принципах образования научной терминологии в тюркских языках». Среди ученых в тот период выделялись четыре основных течения, представители которых условно назывались панисламистами, европеизаторами, народниками и пантюркистами. Первые являлись сторонниками сохранения арабско-персидских терминов и дальнейшего пополнения лексики за счет заимствований из арабского языка; вторые придерживались идеи введения русских и европейских заимствований; третьи считали необходимым создание терминов на основе исконно тюркского материала, пусть даже искусственным образом; и, наконец, четвертые выступали за создание единой научной терминологии для всех тюркских языков, выработку общетюркского литературного языка и предлагали создать общетюркское научное бюро, которое занималось бы изучением трудов классиков европейской филологии с целью использования этого опыта в тюркологии. Наибольшую поддержку получила точка зрения языковых народников: в случае отсутствия готовых слов в живом разговорном языке для выражения новых и/или сложных понятий предписывалось прибегать к словообразованию из корней родного языка. Признавалось, что и после всестороннего использования диалектических богатств народного языка все же в нем окажутся пробелы, которые можно будет заполнить только заимствованиями из других языков: западноевропейских, русского и других тюркских. Однако, по мнению народников, не стоит отказываться от тех арабских и персидских элементов, которые стали уже «родными» для тюркских языков и заменить которые исконными формами не представляется возможным. Таким образом, должно было быть три основы в создании научной — в том числе лингвистической — терминологии: арабо-персидская, общетюркская и европейская, включая русскую.

Большинство лингвистических терминов, возникших в тот период, употребляются и в наши дни.

В ранних учебниках узбекского языка фонетике уделялось сравнительно мало внимания, соответственно, и фонетические термины встречались в незначительном количестве. Так, понятие «гласный звук» в работах Элбека и Фитрата передавалось термином *cho 'zg'i* (< *cho 'zmoq* 'растягивать, тянуть'). Элбек также использует термины *tovush harfi* и *tovushliq* (< *tovush* 'голос'). В 1926 г. впервые отмечается термин *unli*. Здесь мы сталкиваемся с проблемой синонимии в лингви-

стической терминологии. Это стало традицией с 20–30-х гг. XX в. и наблюдается на современном этапе развития узбекского языка. Причиной явилось то, что с продолжающимися функционировать старыми арабскими терминами синонимичный ряд пополнялся, как было сказано выше, новыми образованиями на исконном материале — главным образом, путем калькирования и употребления в качестве термина общеупотребительных слов, а позже — вошедшими в узбекский язык через русский из других языков. Термины *cho'zg'i* и *tovushliq* не прижились, а *unli* и *tovush harfi* (а также *unli tovush*) продолжают обозначать понятие гласного звука. Для передачи термина «согласный звук» в то время использовались слова *unsiz* и *undosh*. Последнее, появившееся в учебнике Усманова и Авизова, употребляется и сейчас. В грамматиках Фитрата и Элбека «ударение» обозначалось термином *bosim*, в наши дни его заменило слово *urg'u* — впервые фиксируется в учебнике Усмонова и Авизова (*so'z urg'usi*). Там же мы отмечаем термины *sonorlar* «сонорные», *shovqinlilar* «шумные», *portlovchilar* «взрывные», *bo'g'in* «слог», актуальные и сейчас.

Раздел «морфология» представлен в учебниках 20–30-х гг. XX в. куда большим числом терминов, основная их часть образована на собственно узбекском материале. Такие термины, как *qo'shimcha* «аффикс», *ot* «имя существительное», *o'zak* «корень», *qo'shma ot* «сложное существительное», *ko'plik* «множественное число», *birlik* «единственное число», *sifat* «прилагательное», *sifatdosh* «причастие», *fe'l* «глагол», *olmosh* «местоимение» используются в современном узбекском языке. *Belgi* — «падеж» в грамматике Фитрата — уже в пособии Усманова и Авизова был заменен на *kelishik*.

Появление синтаксической терминологии узбекского языка во многом обязано одноименной работе Фитрата. Как и в случае с фонетикой и морфологией, большая часть терминов используется по сей день: *gap* «предложение», *kesim* «сказуемое», *ega* «подлежащее», *nuqta* «точка», *qo'sh nuqta* «двоеточие».

Конец 1930-х — 1940-е гг. характеризуются появлением терминов, пришедших в узбекский язык через русский: *tochka* вместо и наряду с *nuqta*, *sintaksis* вместо *nahv*, *skobka* вместо *qavs*, *termin* наряду с *atama*, *omonim* вместо и наряду с *shakldosh*.

В 1940 г. в Ташкенте выходит «Программа и методическое пособие по узбекскому языку» А. Гулямова, которое можно считать первым узбекско-русским словарем грамматических терминов. Работа составлена в порядке следования разделов грамматики, большая часть представленных в ней терминов используется в наши дни.

Начиная с 1950-х гг. появляется ряд работ советских исследователей, посвященных описанию актуальных на тот момент узбекских лингвистических терминов, способам их образования и классификации: А.К. Боровков, В.В. Решетов, Л.В. Решетова, А.М. Щербак, Г. Юнусов, З. Маъруфов. В 1950 г. выходит «Краткий русско-узбекский справочник по лингвистической терминологии» В.В. Решетова, а в 1966 г. — словарь лингвистических терминов, составленный О.С. Ахмановой.

В это же время узбекская лингвистическая терминология все больше приспосабливается к терминологии русского языка, наблюдается рост интернационализмов. И если в советский период такое пополнение словарного запаса узбекского языка в целом рассматривалось как развитие и усиление, русский язык определялся как неиссякаемый источник обогащения национальных языков, а отказывающиеся от советско-интернациональных терминов и заменяющие их «выдуманными новообразованиями» именовались буржуазными националистами, в 1990-х гг. ситуация изменилась. Всё чаще стала звучать точка зрения, что большинство таких терминов не соответствует узбекскому звуковому строю и нормам произношения; терминов, пришедших через русский язык, стало настолько много, что понять их значение без словаря современным учащимся все труднее; отбор терминов должен соответствовать закону о государственном языке. Так, Указ Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева от 20 октября 2020 г. о мерах по дальнейшему развитию узбекского языка и совершенствованию языковой политики в стране в 2020–2030 гг., в числе прочего, предусматривает сохранение чистоты государственного языка, повышение его авторитета в качестве языка науки, создание 15 лингвистических, отраслевых терминологических и толковых словарей, обогащающих лексику узбекского языка, поощрение научных исследований по изучению богатого духовного наследия, жизни и деятельности ярких представителей джадидизма.

Общественное мнение привлекается к факту, что узбекский язык так и не стал терминологически богатым, попытка вести научную или политическую дискуссию упирается в серьезную нехватку современной терминологии на узбекском языке, вследствие чего нередко приходится переходить на русский или английский языки.

Многие лингвистические термины, пришедшие в узбекский язык через русский, продолжают существовать: *grammatika*, *sintaksis*, *fonetika* и др. Однако за последние 20–30 лет отмечается процесс — пусть и не слишком активный — их замены собственно узбекскими или же возврат к старым арабским терминам. Например, *uziv* вместо «графика», *imlo* вместо «орфография», *shevashunosliq* вместо «диалектология», *nuqta* вместо «точка», *qo'shtirnoq* вместо «кавычка», *ikki nuqta* вместо «двоеточие», *qavs* вместо «скобка», *atama* вместо *termin*. В некоторых случаях указанные термины употребляются параллельно, однако тенденцией, как нам видится, выступает дальнейшая национализация терминов. Важной задачей продолжает оставаться работа по упорядочиванию, унификации и стандартизации лингвистических терминов, закреплению наиболее удачных вариантов в современном литературном языке.

Литература

Андреев 1896 — Андреев М.С. Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище. Ташкент. 1896.

Ахманова 1966 — Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. 1966.

- Бабамуродова 2002 — *Бабамуродова Ш.Э.* Роль Элбека в развитии узбекского языкознания. Ташкент. 2002.
- Газиев 1941 — *Газиев Х.* Грамматика узбекского языка: синтаксис. Ташкент. 1941.
- Гулямов 1940 — *Гулямов А.* Программа и методическое пособие по узбекскому языку. Ташкент. 1940.
- Решетов 1950 — *Решетов В.В.* Краткий русско-узбекский справочник по лингвистической терминологии. Ташкент. 1950.
- Решетова 1966 — *Решетова Л.В.* Грамматическая терминология узбекского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1964.
- Наливкин 1884 — *Наливкин В.П.* Грамматика сартовского языка Андижанского наречия. Казань. 1884.
- Наливкин 1898 — *Наливкин В.П.* Руководство к практическому изучению сартовского языка. Самарканд. 1898.
- Остроумов 1898 — *Остроумов Н.П.* Материалы к изучению наречия сартов русского Туркестана // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 1898.
- Первый всесоюзный тюркологический съезд 2011 — Первый всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку. 2011.
- Плотников 1931 — *Плотников Ю.* Сельскохозяйственная терминология. Выпуск I. Терминология по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений. Ташкент. 1931.
- Поливанов 1925 — *Поливанов Е.Д.* Введение в изучение узбекского языка. Ташкент. 1925.
- УП-6084-сон 20.10.2020. О мерах по дальнейшему развитию узбекского языка и совершенствованию языковой политики в стране [электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5058375> (дата обращения: 21.03.2022 г.)
- Хаджиев 2002 — *Хаджиев А.* Толковый словарь лингвистических терминов. Ташкент. 2002.
- Якубов 1991 — *Якубов И.М.* Анализ эквивалентности лингвистических терминов русского и узбекского языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1991.
- Elbek 1923 — *Elbek.* Lugʻat va atamalar. Toshkent. 1923.
- Usmon, Avizov 1939 — *Usmon O., Avizov B.* Oʻzbek tili grammatikasi. I qism. Fonetika va morfologiya. Toshkent. 1939.
- Fitrat 1924–1930 — *Fitrat.* Sarf. Oʻzbek tili qoidalari toʻgʻrisida tajriba.
- Fitrat 1924–1930 — *Fitrat.* Nahv. Oʻzbek tili qoidalari toʻgʻrisida tajriba. Toshkent. 1924–1930.

*С.А. Мызников*¹

**Некоторые аспекты
этимологического анализа тюркизмов
в финно-угорских языках**

Данное исследование является своего рода продолжением этимологической работы в финно-угорских и тюркских этноязыковых ареалах, при учете возможного влияния русских диалектных данных. В предыдущих исследованиях² при анализе параметров дифференциации диалектных русских слов тюркского и финно-угорского происхождения учитывались, среди прочего, факты контактов финно-угорских и тюркских языков между собой в различные периоды своего развития. В данной работе речь пойдет об анализе данных финно-угорских и тюркских языков на территории северо-западной части России, Поволжья и Приуралья — в основном ареале прибалтийско-финских и пермских языков. И если прибалтийско-финские языки вряд ли могли иметь прямое взаимодействие с тюркскими, только, вероятно, через посредство других языков, то обско-угорские, пермские, волжские языки в ходе своей истории в такие контакты вступали, что и отразилось на составе их лексических систем.

---

¹ Мызников Сергей Алексеевич — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы РГПУ им. А.И. Герцена; myznikovs@rambler.ru

² Мызников С.А. Финно-угризмы или тюркизмы (этимологизация русских диалектных слов и определение конечного источника) // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 27. Секция уралистики. СПб., 2001. С. 10–14. Мызников С.А. О некоторых аспектах взаимодействия тюркских и финно-угорских языков на русском фоне // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук Анны Владимировны Дыбо. М.: Тезаурус. 2009. С. 235–238. Мызников С.А. Некоторых аспектах проявления тюркского воздействия на лексическом уровне (на материалах русских говоров и финно-угорских языков) // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск: Издательство «Удмуртский университет». 2009. С. 681–689. Многие разработки этимологических версий были проделаны в книге — Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М., СПб.: Нестор-История. 2019.

Проблема тюркских заимствований в финно-угорских языках имеет давнюю традицию изучения. Имеются общие работы: «Turkic Influence on the Uralic language» [Rona-Tas 1988], исследования, посвященные анализу этой проблемы в отдельных языках: в обско-угорских — «Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen» [Paasonen 1902], в марийском языке: «Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen» [Räsänen 1923], «Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen» [Räsänen 1920], «Марийско-тюркские языковые контакты» [Исанбаев 1979]; [Исанбаев 1980]; [Исанбаев 1989]; [Исанбаев 1994]. Имеются работы по анализу тюркских данных в пермских языках: «Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen» [Wichmann 1903], «Türkische Lehnwörter in den permischen Sprachen und im Tscheremissischen» [Räsänen 1935]. Имеются обширные исследования удмуртско-тюркских языковых контактов, которые получили освещение в ряде работ: «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков» [Максютова 1967], В.И. Алатырева [Алатырев 1988], В.К. Кельмакова [Кельмаков 1965; Кельмаков 1974; Кельмаков 1976], в монографическом исследовании «Удмуртско-тюркские языковые контакты» [Тараканов 1982].

Проблемы контактирования разносистемных языков и анализ результатов такого рода взаимодействия на уровне заимствованного лексикона прежде всего рассматриваются на этимологическом уровне, поскольку в дальнейшем теоретическое осмысление возможно только на базе верифицированных версий. В имеющихся к настоящему времени этимологических словарях по финно-угорским языкам представлено немало тюркских данных. Так, например, в «Этимологическом словаре финского языка» [SKES] имеется 374 отсылки к тюркским материалам. Анализируя эти материалы, можно констатировать, что часть лексических данных тюркского происхождения в прибалтийско-финские языки вошла через русское посредство: *kasari* ‘медная руда, медный котелок’, ср. русск. *казан*, тюрк. *kazan* ‘котел’ [SKES: 168].

Фин. *kolpakko* ‘шляпа, ночной колпак’, люд. *kolpak*, *kolpakko*, *koupakko* ‘ночной колпак’, ‘абажур’, саам. *kolpehk* ‘вязаная шерстяная шапочка’ из русск. *колпак* ‘высокий конусообразный головной убор’, ‘чепец’, при тюркских первоисточниках, тюрк. *kalpak* ‘вид головного убора’ [SKES: 212].

Фин. *pohatteri* ‘сильный, могучий человек’, кар. *pohatteri* ‘силач’, ливв. *bohat't'eri*, *bohateri* ‘силач, богатырь’, люд. *bohattir'* ‘герой’, вепс. *bohatiir* ‘герой, силач’ из русск. *богатырь*, которое традиционно возводится к тюркским источникам [SKES: 586–587].

Следует отметить, что в тюркском и финно-угорском лексиконе имеются сходные единицы, которые на этимологическом уровне не имеют однозначной трактовки: фин. *akka* ‘старая женщина, жена; бабушка, мать отца или матери’, кар. *akka*, люд. *ak*, *akku* ‘то же’, вепс. *ak* ‘жена’, причем авторы SKES отмечают наличие сходных данных в индоевропейских языках — санскрите, греческом, латинском [SKES:13]. Кроме того, мордовские, марийские и пермские данные трактуются ими как заимствования из чувашского языка: чуваш. *akka* ‘старшая сестра’, при морд. *aka* ‘старшая сестра, тетя’, мар. *ākā*, *aka* ‘то же’, удм. *ak*, *aka*

‘старшая сестра’ [SKES: 13]. Следует отметить, что коми *akan'* ‘кукла’, при том, что вторая часть слова (*-ань*) является уменьшительно-ласкательным суффиксом, рассматривается как прибалтийско-финское заимствование, принимая во внимание территорию его распространения, оно бытует только в самых северо-западных диалектах коми-зырянского языка, носители которых некогда жили в соседстве с заволочкой чудью [КЭСКЯ: 31–32]. Обско-угорские данные, ср. хант. *akan'* ‘кукла’, явно восходят к влиянию коми языка [SKES: 13] (см. также: [Егоров ЭСЧЯ: 23], [Федотов ЭСЧЯ 1: 31]. Др.-тюрк. *ekā* ‘старшая сестра; тетя’ [ДТС: 167]).

Еще один пример подобного рода. Некоторые данные имеют не вполне ясные соответствия как в тюркских, так и в финно-угорских языках, ср. чуваш. *карта* ‘изгородь, загородка, хлев (не бревенчатый)’, при татар. *кертэ*, башк. *кэртэ* ‘изгородь, ограда, загородка, хлев’ с возможной мотивацией на тюркской почве [Федотов ЭСЧЯ 1: 232]. Ср. также татар. *карды*, башк. *карзы* ‘загон для скота’ [Исанбаев 1989: 132]. Финно-угорский материал также обширен, ср. коми *карта* ‘хлев’, ‘крестьянская надельная земля’, коми удор. ‘часть дома, где находится дом с сеновалом’ [ССКЗД: 149]. Вихман считает коми слово древним чувашским заимствованием [Wichmann 1903: 69]. Авторы КЭСКЯ полагают, что коми *карта* ‘дом, хозяйство’ заимствовано из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kartano* ‘двор, большое имение, усадьба’ [КЭСКЯ: 118]; в последних это гнездо германского происхождения, ср. готск. *garda* ‘огороженное место для скота’ [SSAP 1: 318]. Ф.П. Филин полагает, что на русской почве «термин этот — заимствование из мордовского (ср. морд. *кардаз*) и первоначально употреблялся в районах соприкосновения с мордовским населением, позже проник (отчасти) и на северо-восток» [Филин 1936: 128]. Б.А. Серебренников относит морд. эрз. *кардаз* ‘двор’ к лексемам балтийского происхождения, ср. литов. *gardas* ‘стойло, загородка’ [Серебренников 1965: 243]. П. Аристе возводит к балтийским источникам мордовские данные: мокш. *карда* ‘хлев’, эрз. *кардо* ‘то же’ [Аристе 1973: 3]. Бутылов относит мордовские данные, мокш. *калдаз*, эрз. *кардаз* ‘скотный двор’ к татарским источникам, ср. татар. *кардаз* ‘загон для скота’ [Бутылов 1998: 102]. Имеются осетинские данные, ср. осетин. *кэрт* ‘двор’, явно связанное с анализируемыми данными [ОРС]. Таким образом, трудно сказать, идет ли речь в данном случае о гомогенных или гетерогенных в этимологическом плане данных.

Наименование моли также представлено сходными данными неясной природы, ср.: фин. *koi*, люд., вепс. *koja*, водск. *koi*, эст. *koi*, морд., эрз. *ki*, мар. *kije*, удм. *kej*, манс. *kij*, *käj*, хант. *kej* ‘моль’ [SSAP 1: 384], [Хакулинен: 9]; при тюркских данных: турец. *güve*, азерб. *güvä*; туркм. *güje*; кумык. *güe*, казах., ног., каракалп. *küje*, татар., башк. *küja* [СГТЯЛ: 186]. Ср. также татар. *көя* ‘моль’ [Ганиев 2004: 203].

В некоторых случаях для тюркских данных можно предложить возможность связи с финно-угорскими источниками, которые ранее не попадали в сферу внимания исследователей при выработке этимологических версий.

Ср., например, пермские данные, к которым примыкают русские диалектные: коми *баля* ‘ягненок’, ‘овца’, *бальö* ‘детское, овца’, *баль-баль* ‘возглас, которым подзывают овцу или ягненка’ [КЭСКЯ: 36–37]. Авторы КЭСКЯ отмечают, что

слово коми *баля* ‘ягненок, овца’ встречается во всех диалектах и послужило источником для манс. *pal'ä* ‘баран, овца’, при удм. *pil'i* ‘ягненок’, возможно, восходящем к общепермским источникам [КЭСКЯ: 36–37]. (См. также: [Аникин 1997: 117], [Хаузенберг 1972: 84].) Имеются также данные метафорического переноса: коми *берба-баля* ‘пушистые сережки ивы’, *бадь-баля*, *коля-баль* ‘ветка ивы с цветковыми почками, пушистые белые цветковые почки ивы’ [ССКЗД: 19] и русск. диал. *бальки* ‘ветви ивы’ [СРГБ: 15]. На наш взгляд, приведенные в сопоставлении с русскими диалектными материалами данные коми языка являются результатом более позднего семантического развития. В сферу внимания этимологов не попадал тюркский материал, ср. тюрк. *bala*, употребляемое во множестве современных тюркских языков, при его древнем значении ‘детеныш животного, птенец’, при татар. диал. *bälä* [СГТЯЛ: 306]. Таким образом, широкое распространение слова в тюркских языках и маргинальное в финно-угорских предполагает первичность тюркских источников, ср. также азерб. *бала* ‘дитя, детеныш’ > лезгин. *бала* ‘ребенок, детеныш’ [Джидалаев 1990: 123]. Такого рода взаимодействие уже ранее наблюдалось на других сходных лексических данных: мар. *шорык* ‘овца’ [РМС: 265], при татар. *сарык* ‘овца’ [Хоз. Тат.: 126]. Русский диалектный материал имеет в качестве источника предположительно данные коми языка. См. также: [Кривошекова-Гантман 1981: 51]. А.К. Матвеев также приводит факты, которые свидетельствуют в пользу коми происхождения слова *баля* для русских диалектных данных: исследуемое слово известно во всех пермских языках и имеет много производных (ср. коми-зырян. *баля* ‘ягненок’, коми-перм. *баля* ‘овца’, коми *барба-баля* ‘пушистые почки на вербах’, коми *баля* ‘ромашка’, коми *баль-баль* ‘подзывной клич для овец’ [Матвеев 1964: 287]).

Еще один сходный пример. Ср. коми *сырп* ‘плавная сеть’, которое авторы КЭСКЯ выводят из манс. *sirp* через русское посредство, при этом сопоставляют мансийские данные с фин. *suurja*, *surja* ‘мешкообразный невод’ [КЭСКЯ: 269]. Авторы SKES, приводя слова *suurja* ‘мешкообразная плавная сеть, которую используют при ловле лосося и сига’, *surja* ‘небольшой невод на лосося’, сравнивают с мансийскими данными без указания на происхождение финских слов. На тюркской почве имеется чуваш. *сёр* ‘ловить рыбу бреднем’, др.-тюрк. *сүр*, татар. *сөр* ‘ловить рыбу бреднем, неводом’ [Егоров ЭСЧЯ: 189]. Также сопоставляется название верши *сурпа* у алтайцев туба, которое сходно с челканским словом *шурба* ‘верша’, с томско-карагасским *сурпа* ‘плетеная ловушка’ и мансийским *сурпы* ‘сетная ловушка’ [Бельгибаев 2004: 53].

Тюркские по происхождению материалы имеют также фиксации и в русских говорах Северо-Запада, однако по своим ареальным характеристикам — они фиксируются в различных частях региона без образования территориально сгруппированных данных, причем часто без возможности опоры на какой-либо автохтонный тюркский тип. Хотя следует учитывать, например, что татары являются давними автохтонами в различных регионах России, причем следует учитывать наличие татарского этноса в Слободском районе Кировской области вокруг н. п. Карино, отчего называются каринскими. Карино расположено в ниж-

нем течении р. Чепцы, впадающей в Вятку в непосредственной близости от носителей коми языка [Тепляшина 1973: 43]. Исходя из этого, требуется учитывать возможности русского посредства, например, для единиц тюркского происхождения в прибалтийско-финских, пермских языках.

Причем следует отметить, что в большинстве случаев данные финно-угорского и тюркского происхождения составляют в русских диалектах основной массив слов неисконного происхождения, хотя в большинстве случаев они фиксируются изолированно друг от друга, расходясь тематически и ареально. Кроме того, различен и статус этих двух иноязычных пластов в общерусской макроструктуре. Лексика финно-угорского происхождения вошла только в маргинальные севернорусские говоры со вторичным распространением в русских говорах Сибири.

Приведем некоторые случаи этимологического прочтения лексического материала, когда имеются данные на тюркской, финно-угорской и русской почве.

Широко представлены прибалтийско-финские единицы, относящиеся к терминологии ткачества: ср. вепс. *torvik*, *turik* ‘вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов’ [СВЯ: 578, 585], вепс. южн. *tord* ‘приспособление для наматывания ниток, выдолбленное из осинового обрезка бревна’, фин. *torvi* ‘труба, трубка, горн’ [ФРС: 651], фин. диал. *torvikko* ‘деревянная посуда’, ‘кулек, трубнообразный сверток (полотна, бересты и т.п.)’ [SKES: 1537], ливв. *torvi* ‘рожок’, ‘рулон полотна’ [СКЯМ: 385], кар. твер. *torvi* ‘постав, рулон полотна’, ‘пастушья труба, рожок’ [СКЯП: 301], ижор. *torvi* ‘рожок, горн (во флотском оркестре)’ [IMS: 593], водск. *toro* ‘труба’ [VKMS: 343], эст. диал. *tõri*, *tõrv* ‘деревянный пастуший рожок’ [SKES: 1358], — где в основе лежит ‘труба, трубка, рожок’ — значения, вероятно, являющиеся вторичными. Представлены сходные материалы, в которых доминирует семантика — ‘приспособление для наматывания пряжи’, отмеченная в вепсских (см. выше), в финских диалектах, ср. фин. диал. *tuurikka* ‘рама, на которую перематывают нити основы’ [SKES: 1442], кар. твер. *tuwrikka* ‘тюрик, катушка для наматывания пряжи с воробов’ [СКЯП: 311], кар. сев. *tuurikka* ‘катушка ниток’ [SKES: 1442], при сходных данных коми языка, ср. коми верхнесысол., вым., нижневьчегод. *тюрик* ‘катушка для ниток’, удор. *турак* ‘вьюшка, приспособление для разматывания пряжи’, ижем. *тюречка* ‘катушка для ниток’, при том что в коми языке для лексемы *тюрук* зафиксировано значение ‘тюк’: *дõра тюрук* ‘тюк холста’ [КЭСКЯ: 294]. В коми языке это гнездо рассматривается как производное от глагола, ср. коми *тюрны* ‘катиться’ [КЭСКЯ: 294], при сходных вепсских данных, ср. вепс. *turuda* ‘катиться’ [СВЯ: 585]. Авторы SKES прибалтийско-финское гнездо: фин. *tuurikka*, карело-фин. *tuuritella* ‘мотать, наматывать’ и другие карельско-вепсские материалы с вокализмом на [u], — возводят к русскому диалектному влиянию, а данные русских говоров, в свою очередь, — к влиянию коми языка [SKES: 1442]. А.Е. Аникин, анализируя в основном сибирские русские материалы, резонно предполагает, что источник коми слов *тюрик*, *тюрук* — в русском языке, а русские данные восходят, по его мнению, к источникам тюркского типа, ср. алт. *tür-*, татар. *tör-* ‘скручивать, сворачивать’ [ЭСТЯ 1980: 319–320; Аникин 2000: 578]. Причем фиксация русских диа-

лектных данных преимущественно в северорусском не исключает первоисточник тюркского типа, хотя и не как единственно возможный. Безусловно, ряд диалектных данных севернорусского ареала и смежных территорий представляют первичный источник тюркского типа: *тюрíк* ‘кулек, пакет’ (Волог., 1896. Киров., Коми АССР, Яросл., Костром., Холмог. Арх.) [КСРНГ], *тури́к* ‘кулек, пакет’ (Мещов. Калуж., Борович. Новг.) [КСРНГ], *тюрíк* ‘головная повязка крестьянских девок, имеющая вид колпака’ (Волог.) [Доп. Опыт], *тюрíк, тюричо́к* ‘женская прическа в виде собранных на затылке и заколотых волос’ (Онеж. Арх.) [КСРГК], *тюрíк* ‘редька’, ‘репа’ (Онеж. Арх.) [КСРГК], ср. тюрк. *türük*, турец. *dürük* ‘сверток, свиток’ [Фасмер 4: 137]. [Шипова: 340].

В русских говорах имеются также материалы более близкие по форме и семантике источникам тюркского типа: *тюрíюк* ‘сумка из писчей бумаги, какие делают школьники’ (Костром.), ‘мешок или вообще сума’ (Нижегор.), ‘колпак мешком, надеваемый на преступника при смертной казни’ [Даль]. Действительно, значение ‘кулек, пакет’ и лексика с подобной семантической реализацией представляет тюркский этимологический тип, тогда как сходные значения можно трактовать по-разному. Так, например, *тюрíк* ‘женская прическа и т.д.’ можно трактовать как метафорический перенос, но более вероятно то, что эта единица является гетерогенным омонимом прибалтийско-финского типа, ср. фин. *tuuru, tuurika, tuurake* ‘вздохмаченные волосы’, причем на финской почве это гнездо рассматривается как исконное [SKES: 1443]. Сюда же относится ливв. *tuwrupiä* ‘растрепанная голова’ [СКЯМ: 395].

Приведем некоторые примеры, в отношении которых можно говорить о тройственном русско-тюркско-финно-угорском взаимодействии.

Русск. диал. *алдыр* ‘ковш’ (Чуваш.) [Мышкин 1977], при чуваш. *алтӑр* ‘ковш’; и далее *алды́ром* ‘жадно, большими глотками, большой ложкой, большим ковшом (пить, хлебать)’: — *Алдыром так и дует пиво-то* (Казан.) [СРНГ 1: 233]. Является адвербиальным образованием от субстантива *алдыр*, широко представленного в языках Поволжья, ср. мар. *алдыр алтыр, алдэр* ‘большой деревянный ковш (долбленный)’, которое рассматривается как чувашское заимствование, ср. чуваш. *алтӑр* ‘большой деревянный ковш (долбленный)’ [Гордеев ЭСМЯ 1: 83]. На чувашской почве слово *алтӑр* ‘большой деревянный ковш, употребляемый при пивоварении; лоток, сыпка, по которой зерно сыплется на жернов’ мотивировано глаголом *алт-* ‘рыть, долбить’. В других тюркских языках, кроме башкирского, ср. башк. *алдыр* ‘большая деревянная чаша (ковш)’ не представлено [Федотов ЭСЧЯ 1: 37]; вполне возможно, что в последнем могло проявиться воздействие марийских переселенцев в Башкирию. Кроме того, на марийской почве имеется версия об иранском источнике слова *алдыр* и дальнейшем распространении через марийское посредство в чувашский и башкирский языки, включая в это гнездо коми *дар*, удм. *дуры* ‘разливательная чашка’ [КЭСЧЯ: 87].

Русск. диал. *алом* ‘плата за невесту со стороны жениха, калым’: — *Пропить и взять алом*. Яран. (Кугушерское) Вят., 1897. *Нонче невесты вздорожали: алом рублей 40–60*. Яран. Вят. [СРНГ 1: 240]. *Алым* ‘деньги, которые по старым кре-

стьянским обычаям в некоторых местностях давались родителями жениха родителям невесты на свадебные расходы; калым' Яран. Вят. [СРНГ 1: 242]. «Алым (позаимствовано у черемисов), кладка, т. е. деньги, которые даются родителями жениха родителям невесты на свадебные расходы и на подарки жениховой родне» Яран. Вят. [СРНГ 1: 242]. В Яранском районе Кировской области до сих пор проживают марийцы, поэтому вполне сопоставимо с мар. *алом* 'калым', при татар *алим* 'покупка', причем на лексему *алым* 'калым', как марийское проникновение зафиксированную близ г. Санчурска (Вятская губерния), не раз указывалось [Гордеев ЭСМЯ 1: 91]. Ф.И. Гордеев предполагает чувашскую основу марийского слова, ср. чуваш. *хулъм, холъм* [Гордеев ЭСМЯ 1: 91]. М.Р. Федотов подтверждает чувашскую этимологию марийских данных, мар. луг. *олно*, мар. горн. *алны, алым* [Федотов ЭСЧЯ 2: 354]. А.Е. Аникин, не учитывая этноязыковую ситуацию региона, предполагает сопоставление с *калым* с утратой начального [к] [Аникин 2007: 176].

Аргыш — обоз из нескольких десятков и более саней, запряженных оленями и привязанных одни за другими: — *Самоеды перевозят аргышом в русские и зырянские селения свою рыбную и звериную добычу*. Мезен. [Подвысоцкий: 2]. Слово известно с XVI в.: *Аргыши ходили на обѣ стороны безо всякие зацѣпи и задержанья*. Гр. Ив. Гр. ногаск. кн., 1536. *Аргышами на оленях*. Пам. сиб. ист. 1711 [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 46]. Слово сопоставлялось с коми данными, ср. коми *argyš* 'олений обоз' [SYRW: 4], [Фасмер 1: 84]. Однако, исходя из тюркского первоисточника, ср. уйг. *aryuš* 'караван', тел., шор., леб. *aryuš* 'спутник' [Радлов 1: 301], материалы коми языка вряд ли следует рассматривать как этимологически первичные. (См. также: [Фасмер 1: 84; Аникин 1997: 95, 96; Шипова 1976: 36].) Ср. также татар. диал. *aryš*, башк. диал. *aryš*, алт. диал. *aryuš* 'караван' [СГТЯЛ: 538]. Хотя авторы КЭСЯ не исключают, однако, возможности, что локальное архангельское слово заимствовано из коми языка, ср. коми ижем., печор. *аргыш* 'олений обоз из пяти-семи грузовых нарт' [ССКЗД: 12; КЭСЯ: 33], но смущает отсутствие данного слова в удмуртском языке, что определяет следующий вывод направления заимствования: тюрк. > русск. > коми.

В отношении языков Поволжья можно сказать, что в ряде случаев имеются фиксации сходных или этимологически гомогенных данных. В отношении анализа лексики языков этого региона большая работа была проделана Р.Г. Ахметьяновым, который определил термин *общая лексика*, подразумевая некоторое число слов, употреблявшихся в татарском, башкирском, чувашском, марийском и удмуртском языках к началу XX в. и имеющих взаимосвязи, причем обладающих общими особенностями фонетики и семантики в речи взрослого моноязычного (в основном) населения. Например, *общая лексика* материальной культуры и общественных отношений включает в себя до 700 слов [Ахметьянов 1989: 3].

В отношении некоторых данных имеются различные точки зрения на их происхождение: ср. татар. *бәрәңге* 'картофель', при чуваш. *паранкă*. М. Рясенен не вполне понятно на какой основе сопоставляет турец. *фирänk* 'европеец' с татарским словом [Räsänen 1969: 146], [Радлов 4: 1942, 1951], при мар. *пареңе*, удм.

баранги ‘картофель’, ср. также русск. *паренка* ‘вареная (пареная) репа’ [Федотов ЭСЧЯ 1: 386], [Егоров ЭСЧЯ: 143]. Ср. также татар. совр. *баранге* ‘картофель’, русск. диал. *бараньга́* ‘картофель’, Башкирия; *бараньги* ‘клубни картофеля’, Багаряк. Челяб., 1964 [СРНГ 2: 108].

Л.П. Сергеев доказывает, что чуваш. *паранкă* издавна означало различные дикорастущие растения со съедобными частями [Сергеев: 53–63]. Р.Г. Ахметьянов все же до конца не исключает марийские данные, что мар. *паринкы* ‘картофель’ действительно испытало влияние русского слова *паренька* ‘пареная репа’ (возможно, и картофель) [Ахметьянов 1989: 53–54].

Еще один случай, когда финно-угорские и тюркские данные следует анализировать наряду с русскими диалектными.

В.Г. Егоров, рассматривая чувашское слово *куштан* ‘мирод, кулак’, делает вывод о его неясном происхождении, сопоставляет с русским *кошт* ‘содержание, иждивение’ [Егоров ЭСЧЯ: 122]. И. Боричевский к своим материалам делает пометку — вотяцкое (удмуртское) слово [Боричевский 1842–1847], [КСРНГ]. «Коштáнник, коштáн — мирод, живущий на мирской кошт, счет (но может быть это слово и с чувашского или пермяцкого), ходатай по мирским делам, холок; горлан и коновод на сходках; плут и обманщик, ябедник, пролаз и тяжебник: — Мирод он, коштан, а без него не проживешь!» «Коштáнить, коштáнничать — промышленять коштанством, быть коштаном, миродничать, быть ходатаем, ходатком и урядчиком за крестьян, коноводить в происках и тяжбах, сводить счета с чиновниками» вост. [Даль 2: 183]. В СРНГ представлены варианты коштáн, каштáн ‘ходок по крестьянским делам’ Казан., Пенз., Вят., Самар., ‘крикун, горлопан, спорщик, зачинщик, заправила на мирских сходках’ Самар., Симб., Казан., Вят., Перм., Оренб., ‘хитрый, пронырливый, оборотистый человек’ Перм., Казан., Тобол., Симб., Ветл. Костром. [СРНГ 15: 155]. Данное гнездо имеет различные версии происхождения. В. Бурнашев, предполагает, что в данном случае «от слова кошт, ибо содержится этот адвокат на мирской кошт» [Бурнашев]. В.И. Даль идет вслед за В. Бурнашевым [Даль 2: 183]. М. Фасмер предлагает для этого гнезда тюркскую этимологию, сопоставляя их с чувашскими данными [Фасмер 2: 361]. М.Р. Федотов идет вслед за М. Фасмером [Федотов ЭСЧЯ 1: 319]. В тюркских языках сходные материалы представлены в татарском языке: *коштан* ‘делец, заправила’, ‘ябедник’, ‘клеветник’, в башкирском: *куштан* ‘льстец, подхалим’ [Егоров ЭСЧЯ: 122]. Финно-угорские данные рассматриваются как результат тюркского влияния, ср. мар. *коштан* ‘своенравный, себялюбивый, злой’, удм. *куштан* ‘гордый, спесивый’, ‘щеголь, зазнайка’ [Федотов ЭСЧЯ 1: 319].

В ряде случаев данные многих финно-угорских источников имеют сходные единицы, которые вполне сопоставимы с тюркскими источниками. Например, М.Р. Федотов предполагает, что чувашское слово *вай* могло войти из марийского языка, имеющего точные соответствия в других финно-угорских языках: мар. *вий* ‘сила, мощь’, морд. *вий* ‘сила’, удм. *ёзовиё* ‘полный (сил, энергии); здоровый’, коми *йöзви*, фин. *voima* ‘сила, мощь; крепость’, хант. *вей, вег*, манс. *вай* ‘то же’ [Федотов ЭСЧЯ 1: 104]. Чувашские варианты: *вай, вуй, вой, вый* ‘сила, мощь’

рассматриваются как единицы древнетюркского происхождения *uji (др.-тюрк. *и-* ‘мочь’) [Ramstedt: 19]. В.Г. Егоров не дает определенной версии, по его мнению, «слово это в лексике современных тюркских языков стоит изолированно, или оно происходит от др.-тюрк. *у* ‘мочь’, ‘иметь силу’, ‘быть в состоянии сделать что-л.’, или заимствовано из финно-угорских языков [Егоров ЭСЧЯ: 48]. Следует отметить, что финское гнездо *voima* рассматривают только на прибалтийско-финской почве [SKES: 1805–1806].

Некоторые данные фиксируются в основном в пермско-вятском регионе, ср. мар. луг. *албаста*, *алваста* ‘злой дух, кошмар’ — употребляется как бранное слово; удм. *албасты* ‘злой дух’, *албасти* ‘нечистая сила в виде скелета (sic), рогатая без мяса и кожи’, *албаст* — ‘так вотяки (удмурты) называют дедушку домового; по их мнению, он живет в пустых избах и банях’ [Гордеев ЭСМЯ 1: 83]. В пермских языках эти данные рассматриваются как татарские заимствования, ср. татар. *албасты* ‘злой дух, обитающий дома’, при монг. *албасты* ‘домовой, злой дух’ [Гордеев ЭСМЯ 1: 82]. Ср. также удм. *албасты* ‘злой и все-сильный дух; черт, дьявол; домовый’, ‘нечисть’ [Алатырев: 78], *albasti* ‘злой дух, который обычно обитает в хлеву или в бане; он пугает людей привидениями, мучает их кошмарами и удушьем и (по представлению их) ест с кожей и волосами’ [Мункачи]. Рассматривалось как тюркское заимствование, ср. татар., казах., кыпч., крым.-татар., тур. *albasty* ‘злой дух’ [Радлов 1: 434], чагат. *albasti*. Ср. также казах. *албасты* ‘ведьма; дьявол; нечистая сила’ [Бектаев КРС: 41], башк. *албасты* ‘по поверью, чудище в облике женщины’ [БШКРС 1996: 23]. См. об этой группе: [Päsänen 1923: 20; Paasonen 1908: 3]. Марийские данные М. Рясänen возводит к чувашским источникам [Räsänen 1969: 14], против чего возражает В.И. Алатырев [Алатырев: 79]. Формы русск. диал. *алпаста*, *алпасту*, *алпаста*, *алпаст*, — объясняются на чувашской почве [Федотов ЭСЧЯ 2: 35–36]. Ср. также прямые русские диалектные данные, заимствованные из чувашского языка: *албас* ‘название злого духа’ (Чувашия), *албасты* ‘дух дома’, при чуваш. *алпаста* ‘дух дома’ [Мышкин: 1977].

Марийско-чувашское языковое взаимодействие также имеет многочисленные реализации в лексиконе обоих языков, так, например, в чувашском языке, по нашим данным, из этимологического словаря М.Р. Федотова были выявлены следующие соответствия из финно-угорских языков: коми язык — 89 фиксаций, финский — 39, мокшанский — 55, эрзянский — 58, удмуртский — 247. Больше всего данных представлено по марийским материалам, ср. марийский луговой — 398, горный — 492.

Например, в современном марийском языке фиксируется *морен*, *мерап* ‘заяц’, рассматриваемое как композит: < *ма* ‘земля’ + *хорен* [Егоров ЭСЧЯ: 122; Федотов ЭСЧЯ 2: 318]. Марийская форма далее послужила источником для чуваш. *морен*, *морин*, *мор’ан*, *мәрик*, *мёрик* ‘заяц’ [Ашмарин ў: 273, 275, 317]. См. также: [Räsänen 1969: 274–275]. Ср. также др.-чуваш. *хорян* / *хурян* ‘заяц’, причем следует отметить, что чуваш. *куян* ‘заяц’ является заимствованием из смежных тюркских языков, ср. татар., башк. *куян* ‘заяц’ [Федотов ЭСЧЯ 2: 319; СГТЯЛ: 164].

В ряде случаев данные поволжских языков находят соответствие на прибалтийско-финской почве, ср. чуваш. *šorkame, səlgeṃs* ‘женское украшение, застежка на груди’ [Шипова: 412]. М. Фасмер, анализируя русск. диал. *шáркома* ‘черемисский кожаный женский нагрудник, вынизанный чешуйкой монетками; монисто, ожерелье’ [Даль 4: 622], говорит о заимствовании из марийского через чувашское посредство, ср. мар. *šalkama* ‘брошка’, при морд. эрз. *šulgamo* ‘застежка на груди’ Имеются также финские данные: фин. *solki* ‘застежка’ [Фасмер 4: 409]. Авторы SSAP отмечают марийский источник чувашского слова, при мар. стар. *šolkama* ‘нагрудная брошь’ [SSAP 3: 196]. Авторы КЭСЖЯ рассматривают реконструкцию перм. **s'olka* ‘связка, застежка, заколка, соединение’ В финно-угорском контексте: морд. мокш. *сюлгам* ‘брошка’, эрз. *сюлгамо* ‘застежка (принадлежность женского костюма)’, при саам. *šulgum* ‘застежка, пряжка’, эст. *sõlg* ‘брошь’ [КЭСЖЯ: 273].

В основном в финно-угорских языках Поволжья имеются данные терминологии родства, которые восходят к тюркским источникам. Ср. морд. мокш. *альгяй* ‘обращение к старшему деверю’. Для обращения старшего брата у мордвы-мокши отмечаются следующие лексемы: *альняка, алька, аляка, алиньга*; слово *альгя* употребляется также для обозначения деверя, реже — шурина [Мордва 2004: 379], оно восходит к татарским источникам, ср. татар. *агалы-сеңелле* ‘брат с сестрой’, *агалы-эне* ‘братья, старший брат с младшим’. Причем сходные данные фиксируются в русских говорах: *алда́й* ‘брат’ Нижегород. [СРНГ 1: 233]; *альга́й* ‘старший деверь’ Инсар. Пенз. [СРНГ 1: 245].

Приведенные в общем плане финно-угорские данные, с точки зрения их контактов с тюркским языковым континуумом, конечно, представляют собой возможные варианты анализа, когда требуется тщательное внимание не только к прямым контактирующим языкам и предполагать возможное языковое посредство или какую-то степень участия при адаптации заимствований в исконный лексикон. Хотя, вне всякого сомнения, неоднозначный материал потребует в дальнейшем уточнения этимологических версий на широких данных, что в конечном итоге может привести к определению (по возможности) конечных источников. Однако об этом можно будет говорить при выяснении достаточно полного репертуара однотипных единиц с их сходной ареальной привязкой и выяснении их места на языковой автохтонной почве.

Литература

- Алатырев 1988 — Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. 778 словарных статей. / Под ред. В.М. Вахрушев, С.В. Соколов. Ижевск. 1988.
- Аникин 2000 — Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2 изд., испр. и доп. М., Новосибирск. 2000.
- Аникин 2007 — Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. А-Аяушка Выпуск 1. М. 2007.

- Аристе 1973 — *Аристе П.* Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы марийского языкознания. 1973. Вып. III. С. 3–7.
- Ахметьянов 1978 — *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М. 1978.
- Ахметьянов 1981 — *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М. 1981.
- Ахметьянов 1989 — *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М. 1989.
- Бектаев КРС — *Бектаев К.Б.* Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алма-Ата. 1995.
- Бельгибаев 2004 — *Бельгибаев Е.А.* Традиционная материальная культура челканцев бассейна реки Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). Барнаул. 2004.
- Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабрично-заводского, промыслов и быта народного. СПб. 1843–1844. Т. 1–2.
- Бутылов 1998 — *Бутылов Н.В.* Тюркские заимствования в мордовских языках. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Саранск. 1998.
- БШКРС — Башкирско-русский словарь. Ред. Ахмеров К.З., Баишев Т.Г., Каримова Г.Р. М.: ГИС. 1958.
- Ганиев 2004 — *Ганиев Ф.А.* Татарско-русский словарь. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Около 25 000 слов. Под ред. профессора Ф.А. Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство. 2004.
- Гордеев ЭСМЯ — *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола. 1979–1983. Т. 1–2.
- Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М., СПб. 1880–1882. Т. 1–4.
- Джидалаев 1990 — *Джидалаев Н.С.* Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М. 1990.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука. 1969.
- Егоров ЭСЧЯ — *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашиздат. 1964.
- Иванов, Тужаров — *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола. 1971.
- Исанбаев 1979 — *Исанбаев Н.И.* Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствованных существительных в марийском языке // СФУ. 1979. XV. 2. С. 76–83.
- Исанбаев 1980 — *Исанбаев Н.И.* Татарские лексические заимствования и их типы // Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола. 1980. С. 127–148.
- Исанбаев 1989 — *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. Марийский НИИЯЛИ / Науч. ред. Г.С. Патрушев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1989.
- Исанбаев 1994 — *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2: Словарь татарских и башкирских заимствований. Науч. центр финно-угроведения; Марийский НИИЯЛИ. Йошкар-Ола. 1994.
- Кельмаков 1965 — *Кельмаков В.К.* Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кукуморского диалекта удмуртского языка // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкознания; Коми фил. Сыктывкар. 1965. С. 53–55.
- Кельмаков 1974 — *Кельмаков В.К.* Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка // Сов. тюркология. 1974. № 3. С. 53–60.
- Кельмаков 1976 — *Кельмаков В.К.* Форманты тюркского происхождения в личных именах южных удмуртов // Ономастика Поволжья / АН СССР. Ин-т этнографии; Морд. гос. ун-т. Саранск. 1976. Вып. 4. С. 95–99.

- Кривошекова-Гантман 1981 — *Кривошекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // *Этимологические исследования.* Свердловск. 1981. С. 46–62.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН).
- КЭСКЯ — *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар. 1999.
- Максютова 1967 — *Максютова Н.Х.* Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // *Вопросы финно-угорского языкознания.* Ижевск. 1967. Вып. IV. С. 149–153.
- Матвеев 1964 — *Матвеев А.К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta linguistica.* Budapest. 1964. Т. 14. F. 3–4. С. 285–315.
- Мордва 2004 — Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск. 2004.
- Мышкин 1977 — *Мышкин З.Ф.* Лексические заимствования из чувашского языка в русском тексте // *Русский язык в Среднем Поволжье.* Сб. статей. Выпуск 2. Чебоксары. 1977. С. 11–23.
- ОРС — Осетинско-русский словарь, 5-е изд.-е. Около 30 тыс. слов. Владикавказ. Алания. 2004.
- Радлов — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб. 1899–1911.
- СВЯ — *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка. Л. 1972.
- СГТЯЛ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. 1997.
- Сергеев — *Сергеев Л.П.* Чувашские диалектные названия картофеля и их география // *Диалекты и топонимия Поволжья.* Чебоксары. 1972. С. 53–63.
- Серебренников 1965 — *Серебренников Б.А.* История мордовского народа по данным языка // *Этногенез мордовского народа.* Саранск. 1965. С. 237–257.
- СКЯМ — *Макаров Г.Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск. 1990.
- СКЯП — *Пунжина А.В.* Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск. 1994.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. 1975–2015.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии / Под редакцией З.П. Здобновой. Уфа: Гилем. 2008.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–52. М., Л., СПб. 1965–2021.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар. 1961.
- Тараканов 1982 — *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удм. кн. изд-во. 1982.
- Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т.И.* Удмуртское влияние на патронимию каринских татар // *СФУ.* 1973. IX, 1. С. 43–47.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. 1964–1973. Т. 1–4.
- Федотов ЭСЧЯ — *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары. 1996.
- Филин 1936 — *Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии // *Труды Института языка и мышления имени Н.Я. Марра.* VI. Серия Slavica. № 1. М.; Л. 1936.
- Хакулинен — *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. М. 1953–1955. Ч. 1, 2.
- Халиков 1995 — *Халиков Н.А.* Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань. 1995.
- Хаузенберг 1972 — *Хаузенберг А.-Р.* Названия животных в коми языке. (Сравнительно-исторический анализ). Таллин (Академия наук Эстонской ССР. Институт языка и литературы). 1972.
- Шипова — *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука. 1976.

- ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д”. М. 1980.
- IMS — *Inkeroisurteiden sanakirja*. Toimit. R.E. Nirvi // *Lexica societatis fenno-ugricaе*, XVIII. Helsinki. 1971.
- Paasonen 1902 — *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen // *FUF*. 1902. B. II. H. 2. S. 81–137.
- Ramstedt — *Ramstedt G.J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen / G.J. Ramstedt // *Journal de la société finno-ougrienne XXXVIII*. Helsinki. 1922–1923. S. 1–34.
- Rona-Tas 1988 — *Rona-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic language // *The Uralic Language. Description, History and Foreign Influence*. Leiden. 1988. P. 742–780.
- Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // *MSFou*. XLVIII. Helsinki. 1920.
- Räsänen 1923 — *Räsänen M.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // *MSFou*. L. Helsinki. 1923.
- Räsänen 1935 — *Räsänen M.* Türkische Lehnwörter in den permischen Sprachen und im Tscheremissischen // *Finno-Ugrische Forschungen*. Bd. XXIII. 1935. S. 103–107.
- Räsänen 1946 — *Räsänen M.* Der wolga-bolgarische Einfluss im Westen im der Lichte der Wortgeschichte // *MSFou*. XXIX. 1946.
- Räsänen 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki. 1969.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki. 1955–1981.
- SSAP — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1–3. Helsinki. 1992–2000.
- SYRW — *Wichman Y., Uotila T.E.* Syrjänischer Wortschatz // *LSFU*. VII. Helsinki. 1942.
- VKMS — *Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki. 1995.
- Wichmann 1903 — *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Memories de la Societe Fenno-Ougrienne*. V. XXI. Helsinki. 1903. XXVIII.

Сокращения языков и диалектов

азерб. — азербайджанский	мар. горн. — горное наречие марийского языка
башк. — башкирский	мар. луг. — луговое наречие марийского языка
вепс. — вепский	морд. — мордовский
диал. — диалектный	мокш. — мокшанский
др.-тюрк. — древнетюркский	манс. — мансийский
др.-чуваш. — древнечувашский	русск. — русский
казах. — казахский	татар. — татарский
кар. — карельский	тел. — телеутский диалект алтайского языка
каракалп. — каракалпакский	турск. — турецкий
кар. твер. — тверской диалект карельского языка	туркм. — туркменский
крым.-тат. — крымско-татарский	тюрк. — тюркский
кумык. — кумыкский	удм. — удмуртский
леб. — лебединский диалект алтайского языка	уйг. — уйгурский
ливв. — ливвиковский диалект карельского языка	фин. — финский
люд. — людиковский диалект карельского языка	хант. — хантыйский
мар. — марийский	чуваш. — чувашский
	шор. — шорский
	эст. — эстонский

Е.М. Напольнова¹
К.А. Верхова²

О процессе формирования турецкого литературного языка

Процесс формирования турецкого литературного языка (ТЛЯ), начавшийся в первой половине XX в., активно продолжается в настоящее время. Его история тесно связана с историей османского литературного языка, и в обоих можно чётко проследить черты, характерные для других литературных языков (ЛЯ) донационального и национального периодов.

Интерес к истории ЛЯ как отдельному направлению языковых исследований появился в 30-е гг. XX века, когда лингвисты начали уделять внимание не только структурной, но и функциональной стороне языка. Изучение истории ЛЯ неразрывно связано с историей культуры, письменности, литературы, науки каждого народа, а общие закономерности определяются природой ЛЯ, его разнообразными коммуникативными функциями, социальной и функциональной стратификацией [СФСЛЯ 1977: 3].

ЛЯ признаётся одна из форм существования языка, противостоящая в рамках функциональной парадигмы территориальным и социальным диалектам, полудиалектам и койне, составляющая вместе с ними в каждый момент истории единое коммуникативное целое. ЛЯ характеризуется набором дифференциальных признаков, степень выраженности и соотношение между которыми могут быть различны как для разных языков, так и для разных периодов истории одного языка. Отдельные дифференциальные признаки постепенно вырабатываются в ходе развития конкретных языков [ОЯ 1970: 505].

Основной чертой ЛЯ является его обработанность, упорядоченность, отбор языковых средств, «отсутствие спонтанности речевого произведения» [Гухман, Семенюк 1977: 441], при этом характер, приемы, уровень обработанности могут быть различны в зависимости от специфики текста, условий его создания, обра-

---

¹ Напольнова Елена Марковна — кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА имени М.В. Ломоносова; elenapolnova142@mail.ru

² Верхова Ксения Александровна — аспирант, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; xeni96muse@mail.ru

зования автора и других факторов. Не менее важным признаком ЛЯ является его полифункциональность, т.е. способность ЛЯ выступать в качестве коммуникативного средства в различных сферах общения. Набор функций ЛЯ обуславливается конкретными социально-историческими условиями и зависит от языковых и экстралингвистических факторов.

Территориальный диалект является на определённом этапе общественного развития единственной формой существования языка. Он типологически лишен многофункциональности и стилистического разнообразия [ОЯ 1970: 511]. С развитием общественных отношений складываются наддиалектные формы — городские койне, полудиалекты, культурные диалекты, создающие основу литературно-письменной традиции и оказывающие влияние на формирование и развитие литературных языков [Виноградов 1967: 62]. Следующей эволюционной ступенью становятся «письменно-литературные языки с ограниченной поливалентностью» [Типы 1981: 17], а затем — национальные литературные языки, которые способны обеспечивать все сферы коммуникации — науку, образование, государственное управление юриспруденцию, художественную литературу и т.д. Степень полифункциональности ЛЯ, т.е. использования в различных коммуникативных сферах, определяется особенностями общественных отношений на каждом историческом этапе. Лишь на самых поздних этапах ЛЯ проникает и в обиходно-разговорную сферу [СФСЛЯ 1977: 43].

Для начальных этапов в истории ЛЯ характерна узкая, ограниченная образованными слоями социальная база, т.е. группа людей, которая пользуется данной формой языкового существования и участвует в её создании и развитии. В процессе эволюции ЛЯ социальная база расширяется, и в эпоху возникновения и развития наций социальной базой ЛЯ становится вся нация.

В силу того, что на раннем этапе своего развития ЛЯ не обладает достаточными средствами для обслуживания той или иной коммуникативной сферы, объем его функций как в донациональный, так и в национальный периоды может быть сужен использованием в определенных коммуникативных сферах «чужого» ЛЯ, а статус «своего» ЛЯ связан с распределением коммуникативных функций между ним и «чужим» ЛЯ [СФСЛЯ 1977: 41]. Сфера применения, широта функций чужого языка, степень его влияния на формирующийся ЛЯ всегда зависят от совокупности социальных, исторических, политических, культурных причин. «Свой» и «чужой» языки всегда подвержены в разной степени взаимному влиянию, результаты которого также могут быть различны [СФСЛЯ 1977: 39]. Процесс замены «чужого» ЛЯ «своим» всегда сопровождается более или менее острой социальной борьбой [СФСЛЯ 1977: 41].

Обслуживание ЛЯ разных сфер коммуникации в обществе обуславливает наличие функционально-стилистического и жанрово-стилистического варьирования [СФСЛЯ 1977: 57]. Исследование ЛЯ в этом направлении должно показать, как лингвистически выражаются отдельные стили и жанры, какие особенности имеет единый ЛЯ в каждом из них. К стилистическим средствам относятся инвентарь языковых средств, их отбор и группировка, причины чего уходят корнями

ми в глубинные отношения между отдельными языковыми подсистемами и пластами [СФСЛЯ 1977: 113].

ЛЯ предполагает наличие нормы, т.е. совокупности «наиболее устойчивых традиционных реализаций элементов языковой структуры» [ОЯ 1970: 555]. На ранних этапах эволюции языка представления о литературной норме складывались стихийно — ее критерием могла служить существовавшая традиция или употребление определенных языковых форм населением наиболее развитых в культурном отношении областей. Часть явлений разных уровней, характерных для литературных языков, могла вообще отсутствовать в живом разговорном языке.

Понятие нормы определяется особенностями ее компонентов и характером их соотношения в конкретном языке. Норма не исключает наличия вариативных способов выражения. Отбор, регламентация, не очень последовательные, стихийные на раннем этапе развития ЛЯ, допускающие достаточно широкую вариативность, в более поздние периоды его развития становятся более жесткими, заменяются сознательной кодификацией [ОЯ 1970: 567]. Постоянная эволюция ЛЯ, завоевание им новых коммуникативных сфер, внутреннее развитие языка в целом и ЛЯ, внешнеязыковые воздействия ведут к постепенному изменению нормы, так что она так же динамична, как и вся языковая система.

Важной характеристикой ЛЯ является его наддиалектность, которая выражается в отказе от использования диалектных структурных элементов или в совмещении признаков нескольких диалектов и в функционально-стилистическом обособлении, которое выражается в использовании особой лексики и фразеологии, свойственных исключительно ЛЯ и обновляющихся в ходе его эволюции, а также особых синтаксических конструкций, средств выражения подчинительной связи и словоизменительных моделей, отличных от разговорно-бытовых.

Основу ЛЯ может составлять один из диалектов, выделившийся не в силу своих структурных особенностей, а по историческим, политическим, социальным причинам. Чаще всего это т.н. «культурный диалект» значительного культурного центра или сплав элементов нескольких диалектов, объединённых в систему нового уровня. В ЛЯ могут проникать разнодиалектные элементы, за счет чего возникающая система содержит набор признаков, не характерных ни для одного из диалектов в отдельности. Кроме того, в ЛЯ обычно присутствует большое количество элементов, вообще не имеющих места ни в одном из диалектов данного языка. Постепенно ЛЯ выходит на новый функциональный уровень и обособливается даже от тех территориальных диалектов, которые в свое время составили его основу [Ярцева 1972: 191].

ЛЯ зачастую начинали складываться в условиях, когда уже существовала более ранняя литературная традиция или высокопрестижная чужая традиция, игравшая роль эталона. Степень влияния престижной литературной традиции и конкретные формы его проявления зависят от условий экстралингвистической ситуации и особенностей соотношения между литературными традициями — новой и старой.

Анализ составляющих ЛЯ не должен быть целью исследования. Наряду с прослеживанием разноуровневых исторических изменений основное внимание необходимо сосредоточить на том, как те или иные языковые средства обеспечивают выполнение литературным языком его основной функции — быть главным коммуникативным средством всего общества.

История турецкого языка (ТЯ) традиционно находилась в центре внимания как турецких, так и иностранных лингвистов. Его основу составил язык огузо-сельджукских племен, в X–XI вв. мигрировавших из Центральной Азии в Малую Азию, результатом чего стало создание в XII в. государства Сельджукидов, которое впоследствии распалось на несколько княжеств-бейликов. Один из них стал центром образовавшегося в XIV в. Османского государства и, позже, Османской империи. Основными этапами развития османского языка признаются староанатолийско-турецкий или староосманский (XIII–XV вв.); среднеосманский (XV–XIX вв.) и новоосманский (XIX–XX вв.).

В Сельджукском государстве функции ЛЯ выполняли арабский как язык религии и персидский, которым владели представители высших слоев общества. Первые письменные памятники XIII–XIV вв. на староанатолийско-турецком языке — это поэтические произведения, в той или иной степени насыщенные арабо-персидскими заимствованиями. Их язык не может рассматриваться в качестве ЛЯ по причине ограниченности его функций, отсутствия сознательного нормирования, однако в памятниках присутствуют отдельные языковые факты, которые могут расцениваться не как диалектизмы, а как элементы престижных литературных языков, включённые в произведения с целью придания им высокого стиля. Наряду с заимствованной лексикой это, например, форма повелительного наклонения на *-gil/-gil*, характерная для среднеазиатской литературной традиции и не зафиксированная ни в одном из современных диалектов ТЯ [Напольнова 1995].

В период бейликов (XIII — первая половина XIV вв.) местная знать, в отличие от Сельджукидов, не владела персидским языком, и по этой причине был сделан определенный шаг в направлении к функциональному многообразию: были созданы переводы не только произведений религиозного содержания (например, Коран), но и текстов практической направленности — по медицине, ювелирному делу и другим направлениям, в которых наряду с арабской и персидской терминологией использовалась и специальная лексика из народного языка [Özkan 2017: 152].

На всех этапах османского языка функцией арабо-персидских лексических заимствований было не только восполнение недостающей тюркской лексики, но и создание высокого стиля.

Материалом исследований османского языка являются письменные произведения различной стилевой и функциональной направленности, однако параллельно с ними существовали другие функциональные типы языка — бытовой язык городского населения и язык крестьянства, в большей степени сохранявшие тюркскую основу и диалектные черты. Художественная литература также была

представлена двумя направлениями — *Divan Edebiyatı* ‘дворцовая литература’ и *Halk Edebiyatı* ‘народная литература’. Кроме того, Османская империя являлась многонациональным государством, что определяло наличие других языков и написанных на них литературных произведений и документов.

В середине XIX — начале XX вв. углубление многостороннего кризиса в Османской империи обусловило необходимость проведения буржуазных реформ в различных сферах, а также поставило на повестку дня потребность в сближении бытового и письменного языка.

Господствующими литературными языками в Османской империи продолжали оставаться арабский и персидский, однако их положение было несопоставимо с положением других языков: «... в Османской империи и османском обществе арабский и персидский не рассматривались как иностранные, а считались языками исламского сообщества, культуры и цивилизации, иностранными же для османцев считались французский, немецкий, английский, русский и другие» [Акалын 2020]. Периодическая печать также была многоязычной — некоторые газеты, печатавшиеся на территории Османской империи в XIX — начале XX вв., такие как *Takvim-i Vakayi* и *Semerâtu'l-Fünûn*, издавались, помимо османского, также и на арабском языке; газеты *Ahtar*, *Hekmat*, *Sorayyâ* и *Parvareş* издавались полностью на персидском языке [Pistor-Hatam 2003].

Из западных языков с конца XVIII в. особое место приобрел французский, который в связи с европейской политикой Османской империи и проводимыми реформами в определенных сферах, например, в сфере науки и техники, постепенно даже обошел арабский и персидский, а в XIX в. владение французским стало обязательным условием продвижения по карьерной лестнице в государственных учреждениях [Davison 1994].

Несмотря на то, что в ряде сфер использовались иностранные языки, османский язык, без сомнения, являлся типичным литературным языком донационального периода, поскольку обладал такими признаками как наличие письменности, обработанность, отбор языковых средств, использование в различных коммуникативных сферах (государственное управление, юриспруденция, образование, пресса), сознательное нормирование и кодифицированность. В отношении османского и, позже, ТЯ понятие кодифицированности традиционно соотносилось прежде всего со словарным составом. В период Танзимата начинается активная лексикографическая деятельность: помимо словарей [Акалын 2020], большую роль в становлении языковой нормы и определении направлений развития языка сыграли работы деятелей литературы и науки: например, статья Н. Кемаля «Некоторые общие рассуждения о литературе на османском языке» [Yavuzarslan 2004]. Присутствие большого количества заимствований препятствовало функционированию османского в качестве общенационального, то есть обуславливало узость его социальной базы. Ограниченность функций османского языка проявлялась также в частичном осуществлении официальной переписки с использованием местных диалектов; публикация законов, государственных ежегодников и официальных газет параллельно на нескольких языках [Ekinci 2014].

Провозглашение Турецкой Республики в 1923 г. стало результатом победы в войне за независимость (1920–1922 гг.), в ходе которой был предотвращен раздел европейскими государствами значительной территории Османской империи. Формирование национального буржуазного государства требовало объединения нации, для чего был необходим общенациональный язык. М.К. Ататюрк стал инициатором реформы языка, именуемой также «языковой революцией» (*dil devrimi / inkilabı*), которая завершила функционирование османского языка как ЛЯ и начала процесс формирования ТЛЯ.

1 ноября 1928 г. был объявлен переход на латинский алфавит, и уже 1 декабря газеты начали использовать латиницу (первоначально параллельно с арабицей). В 1932 г. по инициативе М.К. Ататюрка было основано *Türk Dili Tetkik Cemiyeti* ‘Общество исследований турецкого языка / тюркских языков’, позже переименованное в Турецкое лингвистическое общество (*Türk Dil Kurumu*), включавшее в себя несколько комиссий — лингвистическую, этимологическую, грамматическую, терминологическую, лексикографическую [Lewis 1961]. Деятельность Общества была направлена главным образом на замену арабо-персидской лексики на тюркскую за счет введения в ЛЯ диалектизмов, слов из тюркских памятников, создания неологизмов на основе тюркских корней и морфологических элементов. На начальном этапе не предполагалось замещение западноевропейских заимствований. Глубина начатых преобразований отражена в названии книги британского лингвиста Дж. Льюиса «Трагический успех: реформа турецкого языка» [Lewis 1999], в котором слово «трагический» подчеркивает сожаление о разрыве между старым и новым ЛЯ.

Таким образом, смена ЛЯ в Турецкой Республике фактически была осуществлена революционным путем и, как это отмечалось для ряда ЛЯ, сопровождалась подъемом национального самосознания и стремлением к объединению нации для противодействия иностранной интервенции.

Функционально-стилевое разнообразие ЛЯ формируется по мере его развития. Положение ТЯ как единственного официального закреплено в статье 3 Конституции Турецкой Республики 1982 г. ТЯ используется в юриспруденции и общенациональных средствах массовой информации, сформировалась собственная литературно-художественная традиция. Во всех этих сферах в той или иной степени задействована как заимствованная арабо-персидская (в максимальной степени — в юриспруденции) и европейская лексика (в максимальной степени — в точных и естественных науках), так и неологизмы (в максимальной степени — в общественных науках). ТЯ превалирует в сфере образования, однако вследствие сформировавшейся в османский период традиции главным образом в крупных городах существует значительное количество учебных заведений разных уровней, как государственных, так и частных, в которых обучение ведется полностью или в основном на иностранных языках — английском, французском, немецком, итальянском и испанском.

Ислам продолжает оставаться важной составляющей общественной жизни Турции, как и в других мусульманских странах, однако была предпринята по-

пытка перевести и эту сферу на национальный язык, которая, однако, не увенчалась успехом: с 1941 по 1950 г. действовал запрет на чтение азана (призыва к молитве) на арабском языке [Başgöz 1998].

Главной чертой научного языка всегда является использование специальной терминологической системы. «Национально-языковое оформление НКМ (научной картины мира — *Е.Н.*) может быть полным, фрагментарным и может отсутствовать вообще. Это зависит от нескольких факторов. Во-первых, когда и на каком языке осуществлялось первичное накопление знаний в данной области, на каком языке изначально формулировались базовые понятия ... Во-вторых, это зависит от того, насколько интенсивно данная область знания в последующем разрабатывалась учеными, представляющими тот или иной языковой социум, сложилась ли на этом языке собственная научная школа, собственная научная традиция» [Корнилов 2003]. Использование в технической сфере в османский период главным образом иностранных языков, а также положение английского языка как международного в сфере науки привели к замедлению формирования национальной терминологической системы, хотя первые шаги на этом пути были сделаны самим М.К. Ататюрком: к настоящему времени в ТЯ полностью закрепились геометрические термины, впервые использованные в написанном лично им в 1936–37 гг. учебнике геометрии.

На современном этапе развития научных знаний формирование собственной терминологической системы фактически означает искусственное создание турецких эквивалентов иностранных терминов, включая западные (основным способом при этом является калькирование), их апробацию, в том числе путем издания специальных словарей, и отсеивание неудачных (подробнее о разработке научной терминологии см. исследование Босфорского университета [ВВ 2015]). Этот процесс развивается чрезвычайно активно, но крайне хаотично. В сфере точных, естественных наук и медицины он, как правило, ограничен объективными причинами, и поэтому охватывает лишь базовую и научно-популярную часть терминологии, но лингвисты и в целом гуманитарии последовательно продвигаются в указанном направлении. Отрицательную роль, несомненно, играет то, что в течение многих десятилетий (фактически до 1982 г., когда Совет по высшему образованию дал разрешение на открытие кафедры лингвистики в Анкарском университете) языковые исследования, вектор которых задавался Турецким лингвистическим обществом, практически были ограничены рамками тюркологии, находились под давлением политических факторов и носили в основном описательный и текстологический характер.

При всей хаотичности процесса формирования национальной терминологической системы как следствия отсутствия координации между отдельными отраслевыми научными центрами, в целях стандартизации был подготовлен ряд методических материалов [Ödemir 1992; Saritosun 1992; Zülfikar 1991].

Различные аспекты процесса создания неологизмов в ТЯ рассмотрены в огромном количестве научных трудов и публицистических статей, в дополнение к которым хочется высказать предположение, что распространенность в совре-

менном языке словообразовательной модели сложных глаголов, состоящих из именной части и вспомогательных глаголов, по всей вероятности, обусловлена активностью этого способа словообразования в османском языке, где именная часть обычно представляла собой заимствование.

При всей важности лексических преобразований вне внимания исследователей до сих пор остается другой важнейший аспект языковых изменений, происходивших на протяжении почти столетия — процесс формирования синтаксиса ТЛЯ, обусловленный необходимостью развития конструкций, приспособленных для построения и адекватного понимания распространенных, синтаксически осложненных предложений с сохранением особенностей тюркского строя. Идея о важности синтаксиса в наивной форме отразилась в высказывании одного из депутатов турецкого парламента в 1930-х гг.: он назвал порядок слов в ТЯ, при котором глагол находится в конце предложения, фактором, замедляющим развитие Турции, и предложил перейти к европейскому порядку слов с глаголом после подлежащего в начале высказывания [Sertkaya 2010].

В сфере синтаксиса арабо-персидское влияние ограничивается в ТЯ наличием немногочисленных словосочетаний по модели персидского изафета, которые фактически приобрели лексико-фразеологический характер (например, *ilan-ı aşk* ‘объяснение в любви’). Под влиянием персидского языка минимизировалось количество перифрастических и аналитических конструкций, являющихся характерной чертой и одним из важных элементов многих тюркских языков: в ТЯ осталось два их типа — сочетание причастных форм с глаголом *ol-* и деепричастных форм с глаголами *dur-*, *ver-*, *gel-*, *kal-*.

В лингвистике не сложилось единого мнения о базисе ТЛЯ — был ли это «вульгарный» вариант османского языка, «стамбульский диалект» или говор городского населения Анкары, — однако так или иначе функционально всё это были варианты бытового языка, для синтаксиса которого характерны сочинительная связь, ограниченная глубина предложений, отступления от стандартного порядка слов, экспрессивность и ряд других особенностей, неприемлемых для ЛЯ. Аналогично тому, как в большинстве современных ЛЯ источником для развития кодифицированных норм становились именно письменные формы, включая язык художественной литературы, естественным источником для развития синтаксиса ТЛЯ стали литературные произведения в том числе и османского периода, в которых с художественными целями был задействован максимально широкий спектр языковых средств, тем более что ряд писателей активно использовали их, являясь сторонниками сближения языка литературных произведений с народным.

На этапе развития отдельных функциональных стилей ТЛЯ возникала необходимость не только создания лексических, но и отбора синтаксических и морфологических средств, отвечающих назначению этих стилей. В качестве примера «опробованных» путей формирования характерных черт официально-делового стиля ТЛЯ можно привести активное использование глагольного времени на *-mAktA-* в документах начала XXI в., употребление десемантизированного (в от-

личие от разговорно-бытового языка [Напольнова 2017]) показателя индикатива *-Dir* в качестве формального маркера официально-делового стиля; развитие глагольного имени на *-(y)İş* как морфологического средства, позволяющего упростить синтаксис сложных предложений [Напольнова 2018]. Также в ряде случаев отчетливо наблюдается отказ не только в разговорном, но и в ЛЯ от одноаффиксного изафета в пользу безаффиксного (например, *Bahariye sokak, Türk öğrenci*).

Важнейшей особенностью и несомненным отличием ТЛЯ от ряда литературных является то, что период его активного формирования пришелся на время беспрецедентного ускорения информационных потоков и бурного развития масс-медиа. Для более четкого понимания, какое влияние данные факторы оказывают на становление и восприятие ТЛЯ, обратимся к исследованиям, посвященным развитию других ЛЯ на современном этапе.

Процесс демократизации различных ЛЯ, начало которого приходится на XIX–XX вв., активно продолжается в настоящее время. Распространение сети Интернет и расширение массовой коммуникации способствуют активному вовлечению в процесс коммуникации представителей различных слоев населения и различной языковой культуры. Исследователи отмечают значительное воздействие на ЛЯ массового сознания, а также социально-политических изменений, постмодернистских тенденций и др., что приводит к сосуществованию в ЛЯ языковых средств «различной, нередко противоположной стилистической окраски» [Солганик 2010]. В качестве авторитетного и полноправного представителя ЛЯ рассматривается язык СМИ. Принимается во внимание, прежде всего, его «срединное» положение между разговорно-бытовым языком и различными функциональными стилями ЛЯ, с которыми он активно взаимодействует; широкий охват средствами массовой информации читающей и зрительской аудитории, а также их основное назначение — во-первых, информирование об актуальных событиях и проблемах, во-вторых, формирование общественного мнения, позиции читателей и зрителей относительно обсуждаемых явлений и проблем. Через печатные, электронные, радио- и телекоммуникационные средства язык массовой коммуникации естественным образом синтезирует не только стили ЛЯ, но и нелитературные явления в национальном языке, образуя новое функционально-стилевое единство, занимающее промежуточное положение между ЛЯ и национальным языком [там же].

В турецкой лингвистике на данный момент отсутствуют работы, освещающие воздействие масс-медиа на ЛЯ, поэтому для анализа того, как воспринимается роль СМИ в условиях современного развития ЛЯ, рассмотрим труды исследователей русского ЛЯ, где наблюдается поляризация точек зрения. Так, А.М. Пешковский противопоставлял язык газеты, относимый им к «низшим литературным образованиям», языку классической художественной литературы, в XIX–XX вв. считавшемуся образцом русского ЛЯ. В 1950-е гг. Н.И. Конрад, напротив, отмечал, что язык СМИ «путем сохранения стандартных, усредненных значений в нем» становится «общим, объединяющим языком нации» [Казак 2012]. В XXI в.

вопрос о роли СМИ часто рассматривается в контексте «засорения» ЛЯ: Е.А. Гингель указывает на снижение социальных и профессиональных требований к языку масс-медиа, что приводит к «разъединению» языковой нормы и «неизбежному снижению языковой культуры» [Гингель 2008]; в то же время О.Б. Сиротинина акцентирует внимание на таком языковом процессе как самоочищение, который также является одним из факторов развития ЛЯ [Сиротинина 2013]. Г.Я. Солганик, анализируя точки зрения исследователей, отмечает важность нормативного аспекта для языка масс-медиа, однако в целом его оценка положительна: «Язык СМИ, публицистика обогащают русский язык, насыщая речь оценочными оборотами, формируя отточенную речь мысли <...> расширяя возможности его выражения, в частности увеличивая потенциал интеллектуально и эмоционально-оценочных средств» [Язык СМИ 2003].

Среди многообразия жанров и средств масс-медиа роль основного компонента выполняет газетно-публицистический стиль. Периодическая печать представляет собой старейший вид СМИ, на базе которого формировались основные стилевые черты и приемы массовой коммуникации, которые впоследствии стали применяться и в других средствах. По мнению ряда лингвистов, именно газетный текст стал своеобразным пространством для складывания новой литературной нормы: английского ЛЯ — в XVIII–XIX вв. [Гальперин 1958], русского ЛЯ — в советский и постсоветский период [Язык СМИ 2003]. Особую роль газетного стиля среди СМИ обуславливает и сохраняющаяся актуальность газеты — как в печатном, так и в электронном формате — в современном мире, а также наличие массивного корпуса текстов, превосходящего текстовый массив любых других видов СМИ. Всё вышесказанное, как утверждают исследователи, позволяет рассматривать публицистический стиль как образец языка массовой коммуникации [Казак 2012], а в более широком смысле — как один из основных репрезентантов ЛЯ.

К числу стилевых черт газетно-публицистического стиля относятся понятность и актуальность текста, эмоциональность изложения, обеспечиваемые за счет использования разнообразных языковых средств, в том числе стилистически сниженной разговорной и жаргонной лексики, терминологии, неологизмов, заимствований, художественных средств выразительности [Евтюгина 2018]. Таким образом, коммуникативные цели языка СМИ способствуют его высокой проницаемости по сравнению с такими стилями ЛЯ, как научный, официально-деловой и книжный, что, в свою очередь, обеспечивает более быстрое проникновение в ЛЯ новых языковых средств и их фиксацию в качестве нормы. В то же время такие стилевые черты публицистического текста, как лаконичность и сжатость изложения, стандартизованность, доступность его для быстрого восприятия обуславливают отбор лексических и грамматических языковых средств, наиболее отвечающих данным его особенностям. В жанрах газетно-публицистического стиля, таких как очерк, фельетон, газетная статья, заметка, рецензия, репортаж, интервью, в разной степени используются приемы и средства, присущие другим стилям ЛЯ, а также нелитературным формам национального языка.

Развитие языка прессы в Османской империи началось с появления первых периодических изданий в конце XVIII в. на местных языках провинций. В качестве образца для подражания выступили газеты, издаваемые французскими типографиями и на французском языке, такие как *Bulletin Des Nouvelles* и *Symrreen*; тематика, а также система публицистических жанров заимствовалась из западноевропейской прессы. Первым образцом публицистики на османском языке стала газета *Takvim-i Vakayi*, издание которой началось с 1830-х гг., однако расцветом османской журналистики принято считать 70–80-е гг. XIX в., поскольку именно в это время возникло большое количество газет и журналов различной общественно-политической направленности. Газеты и журналы также сыграли значительную роль в демократизации языка художественной литературы и его письменной фиксации: так, первым в истории турецкой прессы художественным изданием стал журнал *Servet-i Fünûn*, появившийся в 1890 г. Период правления султана Абдулхамидом II, начало XX в. были отмечены усилением цензуры и контроля над печатью, что способствовало возрастающей политической активности общества и развитию прессы в отдаленных провинциях Османской империи.

После провозглашения в 1923 г. Турецкой Республики центральным печатным СМИ стала газета *Cumhuriyet*, издающаяся и в современной Турции (как в печатном, так и в электронном варианте); после восстания шейха Саида в 1925 г. вплоть до установления многопартийной системы в 1946 г. периодическая печать находилась под жестким государственным контролем. В течение второй половины XX в. взаимоотношения между властями и СМИ неоднократно претерпевали значительные изменения, что, в свою очередь, сказывалось на структуре турецких медиа, однако наиболее распространенным средством получения информации для населения Турции являлась печатная публицистика. В настоящее время популяризация сети Интернет способствует переходу СМИ на электронные платформы: газеты и журналы имеют собственные интернет-сайты, страницы и каналы в социальных сетях с наибольшим охватом аудитории. Несмотря на это доминирующая роль в масс-медийном пространстве отведена печатным периодическим изданиям наряду с телевидением [Ермолаева, Икинджи 2018]. Современные турецкие СМИ характеризуются ярко выраженной территориальностью: 81% печатных турецких газет составляют местные газеты, т.е. распространяемые в пределах провинции, города или района и выполняющие роль посредника между читателями и различными институтами [Масумова, Юсупова, Давыдов 2020]. С точки зрения жанровой направленности медийный текст может быть отнесен к новостным, аналитическим или художественно-публицистическим материалам; в настоящее время наблюдается размывание границ между различными жанрами, также присутствуют черты унификации жанровой системы по образцу американских печатных СМИ [Байбатырова 2010]. Примеры современных публицистических текстов на ТЯ наряду с художественными включены в существующие корпуса ТЯ языка (например, Национальный корпус турецкого языка).

Всё вышесказанное обуславливает актуальность исследования языковых процессов на основе публицистических текстов, что способствует решению вопроса

о том, может ли их язык рассматриваться в качестве репрезентанта современного ТЛЯ. С точки зрения общеупотребительности язык турецкой прессы безусловно соответствует такому статусу. Для того, чтобы говорить о характере сознательного нормирования и кодификации языка турецкой прессы, необходимы целенаправленные исследования, которые до настоящего времени не привлекли внимания турецких лингвистов: так, на данный момент единственным трудом, освещающим особенности турецкой грамматики на примере медиатекстов, является учебное пособие Х. Полата для арабоязычных иммигрантов [Polat 2018]; также известен ряд работ, касающихся лексического состава языка турецкой прессы. В российской тюркологии опубликовано значительное количество статей, монографий и учебных пособий, посвященных лингвистическим и стилистическим особенностям СМИ [Оганова, Воробьева 2012; Репенкова 2014; Софронова 2019]. Отдельные языковые характеристики текстов турецких медиа освещены в работах О.А. Алексеевой, которая, в частности, целенаправленно рассматривает вопросы словарного состава новостных сообщений, способов выражения темпоральности, пунктуационных особенностей текстов. В ходе исследования турецкого новостного медиатекста лингвист делает вывод о клишированности используемого языка на грамматическом и лексическом уровне [Алексеева 2020; 2021].

В настоящее время нами проводятся исследования, затрагивающие функционально-стилистические аспекты синтаксиса сложного предложения в языке турецкой прессы на материале публицистических текстов различных жанров второй четверти XX в. и первой четверти XXI в. Отмеченные в ходе исследований языковые изменения позволяют сделать выводы о высокой активности процессов перестройки синтаксической сферы, состоящих в постепенном переходе от лексико-синтаксических средств выражения причинно-следственной, противительной и уступительной семантики к морфологическим и лексическим, а также в сокращении числа используемых средств в диахроническом срезе. Труды отечественных лингвистов в области синтаксиса других тюркских языков [Абумова 2002; Шамина 2004], хотя и не основываются целенаправленно на материале СМИ и сконцентрированы исключительно на современном состоянии языков, содержат выводы, сходные с закономерностями, выявленными нами на базе языка турецкой прессы.

Обобщая всё вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что лексический состав языка современной турецкой прессы не демонстрирует существенных отличий от большинства других функциональных сфер ТЛЯ — везде наблюдается отказ от разноязычных заимствований и замена их на искусственно создаваемые неологизмы на тюркской основе. Более актуальным представляется вопрос о синтаксисе языка турецких СМИ как в синхронном состоянии, так и в диахроническом аспекте. Для проведения исследований по данному вопросу необходимо привлекать материалы различных жанров, поскольку новостные тексты в силу использования ограниченного набора лексических и грамматических средств не могут служить репрезентантом языка СМИ и, соответственно, ТЛЯ. Такое направление исследований, во-первых, позволит выявить общие тенденции

развития синтаксиса ТЯ в целом, сформирует базис для сопоставительных исследований тюркских языков и впоследствии позволит определить объективные и субъективные факторы, способствующие происходящим изменениям. Во-вторых, синтаксические особенности языка СМИ в сопоставлении с особенностями текстов другой функционально-стилистической направленности, в том числе литературных произведений современных авторов, помогут создать общую актуальную картину синтаксиса современного ТЛЯ. В-третьих, исследование синтаксических процессов на базе турецких медиатекстов различной жанровой наполненности позволит решить вопрос о том, насколько язык турецких СМИ может считаться репрезентантом ТЛЯ.

Литература

- Абумова 2002 — *Абумова О.Д.* Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке: дисс. ... к.ф.н. Новосибирск, 2002. 198 с.
- Акалы 2020 — *Акалы Ш.Х.* Новые разработки в турецкой лексикографии: электронные и онлайн-словари Турецкого лингвистического общества // Вопросы тюркской филологии Вып. XIII: Материалы Дмитриевских чтений. М., 2020. С. 35–49.
- Алексеева 2020 — *Алексеева О.А.* Лексико-грамматические особенности прямой и косвенной речи в турецких новостных материалах // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Казань, 2020. Т. 162, № 5. С. 9–25.
- Алексеева 2021 — *Алексеева О.А.* Синтаксические особенности турецких новостных материалов // *Литера*. М., 2021. № 10. С. 44–60.
- Байбатырова 2010 — *Байбатырова Н.М.* Современная пресса Турции: жанровые особенности в условиях исламизации и секуляризации общества: автореферат дисс. ... к.ф.н. Санкт-Петербург, 2010.
- Виноградов 1967 — *Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967.
- Гальперин 1958 — *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
- Гингель 2008 — *Гингель Е.А.* Русский язык и общество в новом веке: роль СМИ в засорении русского языка // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 5. С. 62–64.
- Гухман, Семенюк 1977 — *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории // Известия ОЛЯ, т. 36, 1977. № 5. С. 435–446.
- Евтюгина 2018 — *Евтюгина А.А.* Функциональная стилистика: учебное пособие. Екатеринбург, 2018.
- Ермолаева, Икинджи 2018 — *Ермолаева С.Ю., Икинджи К.О.* Культурная трансформация информационного пространства Турции: современные тенденции развития телевидения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 217–233.
- Казак 2012 — *Казак М.Ю.* Язык газеты: учебное пособие. Белгород, 2012.
- Корнилов 2003 — *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
- Масумова, Юсупова, Давыдов 2020 — *Масумова Н.Р., Юсупова Е.Е., Давыдов С.А.* СМИ и рынок коммуникаций в Турции // Международные коммуникации. № 1-2 (14). 2020. <https://intcom-mgimo.ru/2020/2020-14/turkey-mass-media-telecommunication-market> (дата обращения: 18.03.2022).

- Напольнова 1995 — *Напольнова Е.М.* История турецкого литературного языка XIII–XIV вв. Начальный период: автореферат дисс. ... к.ф.н. М. 1995.
- Напольнова 2017 — *Напольнова Е.М.* Глагол *dur-* и другие средства выражения состояния неподвижности в современном турецком языке // *Российская тюркология*. 2017. № 1–2 (16–17). С. 86–99.
- Напольнова 2018 — *Напольнова Е.М.* Отглагольное имя на *-(y)iş* и развитие семантики турецких глаголов. // *Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений, посвященных памяти Дмитрия Михайловича Насилова*. М. 2018. С. 79–94.
- ОЯ 1970 — *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. М., «Наука», 1970.
- Оганова, Воробьева 2012 — *Оганова Е.А., Воробьева С.Н.* Турецкий язык: учебное пособие по переводу турецко-русской прессы. М. 2012. 309 с.
- Репенкова 2020 — *Репенкова М.М.* Турецкий язык в газетном дискурсе: учебное пособие по переводу турецких и русских газетных текстов. 2-е изд. М. 2020. 207 с.
- Русановский 1970 — *Русановский В.М.* Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка // *Вопросы языкознания*. 1970. № 4. С. 54–68.
- Сиротинина 2013 — *Сиротинина О.Б.* Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // *Экология языка и коммуникативная практика*, 2013. № 1. С. 177–193.
- Солганик 2010 — *Солганик Г.Я.* Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2010. № 5. С. 122–134.
- Софронова 2019 — *Софронова Л.В.* Турецкий язык-I. Общественно-политический перевод: учебное пособие. М. 2019. 343 с.
- СФСЛЯ 1977 — *Социальная и функциональная стратификация литературных языков*. М., «Наука». 1977.
- Типы 1981 — *Типы наддиалектных форм языка*. М. 1981.
- Шамина 2004 — *Шамина Л.А.* Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Новосибирск, 2004. 334 с.
- Язык СМИ 2003 — *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. Володина М.Н. М., 2003. 471 с.*
- Ярцева 1972 — *Ярцева В.Н.* Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях // *Энгельс и языкознание*. М., 1972. С. 189–207.
- Başgöz 1998 — *Başgöz İ.* Türkçe Ezan // *Türkiye'de Laikliğin Sosyal ve Kültürel Kökleri*. Bilanço Yayıncılık, 1998. S. 45.
- BB 2015 — *Türkçe, Yeni Bilim Terimlerine Kavuştu | Boğaziçi'nde Bilim*. 2015. <https://bogazicindebilim.boun.edu.tr/node/23> (дата обращения: 07.02.2022).
- Davison 1994 — *Davison R.H.* On dokuzuncu yüzyıl Osmanlı reformlarına araç olarak fransız dili. www.dergipark.org.tr/tr/pub/ctad/issue/25230/266684 (дата обращения: 07.02.2022).
- Ekinci 2014 — *Ekinci E.B.* Osmanlı Devleti'nin Resmî Dili Var mıydı? <https://www.ekrembugraekinci.com/article/?ID=487&osmanli-devleti%E2%80%99nin-resm%C3%AE-dili-var-miydi-> (дата обращения: 07.02.2022).
- Karal 2017 — *Karal E.Z.* Osmanlı Tarihinde Türk Dili Sorunu, Tarih Açısından Bir Açıklama. Ankara, 2017. 32 s.
- Lewis 1961 — *Lewis B.* The emergence of modern Turkey. London, 1961. 568 p.
- Lewis 1999 — *Lewis G.* The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. Oxford University Press, 1999. 203 p.
- Ödemir 1992 — *Ödemir E.* Terim Hazırlama Kılavuzu. İstanbul, 1992.
- Özkan 2017 — *Özkan S.H.* Osmanlı Devleti'nde Eğitim Dili ve Yabancı Dil Meselesi // *Eğitime Bakış*. Sayı: 39. 2017. S. 53–58.

-
- Pistor-Hatam 2003 — *Pistor-Hatam A.* Osmanlı Devletinde Farsça Süreli Yayınlar (1876–1910) // *Kebikeç*. Sayı: 16. Ankara, 2003. S. 71–75.
- Polat 2018 — *Polat H.* Yabancılar için Kitle İletişim ve Basın Türkçesi (Arapça Açıklamalı ve Uygulamalı). İstanbul, 2018. 256 s.
- Saritosun 1992 — *Saritosun N.* Terim Hazırlama Kılavuzu. İstanbul, 1992.
- Sertkaya 2010 — *Sertkaya O.F.* Bay, Bayan, Bayin ve Sayin Kelimeleri Üzerine. <https://docplayer.biz.tr/215649506-Bay-bayan-bayin-ve-sayin-kelimeleri-uzerine.html> (дата обращения: 07.02.2022).
- Yavuzarslan 2004 — *Yavuzarslan P.* Türk Sözlükçülük Geleneği Açısından Osmanlı Dönemi Sözlükleri ve Şemseddin Sâmî'nin Kâmûs-ı Türkî'si // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. Sayı 44, 2. Ankara, 2004. S. 185–202.
- Zülfikar 1991 — *Zülfikar H.* Terim Sorunları ve Terim Yapma Yolları. Ankara, 1991. 213 s.

*Л.А. Шамина*¹

**Тувинский язык
в лингвистическом пространстве Сибири:
история и современность**

На территории Сибири в постоянном взаимодействии находятся многочисленные языки, которые входят в различные языковые семьи и макросемьи. Результат этого взаимодействия и характеризует лингвистическую ситуацию региона в каждый конкретный период времени.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки состояния грамматической системы тувинского языка в динамическом аспекте. На уровне простого предложения рассматриваются аналитические конструкции финитного сказуемого. На уровне бипредикативных конструкций (БПК) рассматриваются аналитические конструкции сказуемого зависимой предикативной единицы (ЗПЕ).

Все выбранные явления исследуются в неглубокой диахронии: от первых публикаций на тувинском языке до настоящего времени. Прослеживаются изменения, произошедшие в системе соответствующих конструкций в указанный период.

Начало научному изучению тувинского языка было положено в 1861 г. выдающимися востоковедами Н.Ф. Катановым и В.В. Радловым. Н.Ф. Катанов на основе собранного большого фактического материала и непосредственного наблюдения над живой тувинской речью написал первую научную грамматику тувинского языка [Катанов 1903]. Собранный им языковой материал опубликовал В.В. Радлов [Радлов 1907].

Новый период в изучении тувинского языка начинается с середины 20-х годов XX в. в связи с подготовкой и созданием тувинской письменности. С конца 20-х годов и до настоящего времени исследователи в разных аспектах изучали и изучают фонетику и грамматику тувинского языка. Результаты этих работ нашли отражение в монографических исследованиях Ш.Ч. Сата [1955, 1960]; в «Грамматике тувинского языка (фонетика и морфология)» Ф.Г. Исхакова, А.А. Пальм-

---

¹ Шамина Людмила Алексеевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН; shamina_la@mail.ru

баха [Исхаков, Пальмбах 1961], в учебнике тувинского языка Е.Б. Салзынмаа [Салзынмаа 1980]. В многочисленных работах Д.А. Монгуша всесторонне исследуются формы времени тувинского глагола, детально описывается семантика частиц и определяется их роль в предложении [Монгуш 1959, 1963, 1989, 1998 и др.]. В работах по синтаксису и диалектологии М.В. Оюн (Бавуу-Сюрюн) [1983, 2018 и др.], монографиях К.А. Бичелдея, посвященных тувинской фонетике [Бичелдей 2001а, 2001б], даны исчерпывающие сведения о состоянии соответствующих разделов грамматики и фонетики.

Активно изучалась тувинская лексика в работах [Чадамба 1974; Татаринцев 1976, 1987]. Серьезное внимание обращалось на создание словарей. Первый Тувинско-русский словарь вышел в 1955 г. В 1968 г. под редакцией Э.Р. Тенишева вышел Тувинско-русский словарь (22000 слов); Тувинско-русский фразеологический словарь Я.Ш. Хертека — в 1975 г.; Русско-тувинские словари 1953 г. (22000 слов) под редакцией А.А. Пальмбаха и 1980 г. (32000 слов) под редакцией Д.А. Монгуша; Этимологический словарь тувинского языка Б.И. Татаринцева, в пяти томах, выходил с 2002 по 2018 гг.; Толковый словарь тувинского языка в двух томах [Словарь 2003, Словарь 2011].

Различным аспектам тувинской грамматики посвящены диссертационные исследования Ч.С. Ондар [1999], Н.Ч. Сэрээдар [1995], А.В. Байыр-оол [2009], А.Б. Хертек [2013], Б.Ч. Ооржак [2014].

В действующей прекрасной, написанной видными учеными-тюркологами грамматике нашли отражение практически все вопросы морфологии тувинского языка. Это первичное описание актуально и сейчас. Но язык и наука о нем не стоят на месте. Сам тувинский язык, конечно, изменился за 61 год, но не настолько, чтобы из-за этого переписывать всю грамматику.

Язык не просто называет то, что есть в культуре, но и сам развивается в культуре, порождая новые структуры, строящие тувинскую картину мира.

Изменились не столько факты языка, его формы и закономерности, сколько понимание этих фактов, глубина проникновения в материал. То, что более столетия тому назад оставалось неясным или даже совсем неосознанным, теперь осмыслено, отражено в описаниях, статьях и книгах.

1. Исследования тувинского синтаксиса

Новые знания о тувинском синтаксисе рассеяны по разным изданиям и доступны только узкому кругу специалистов. Каждое специальное исследование в области языка направлено вглубь какого-то избранного автором «предмета», в то время как общий уровень знания в более широкой области практически почти не повышается. Это повышение происходит постепенно, появляются новые теоретические концепции, позволяющие под единым углом зрения рассмотреть относительно независимые, на первый взгляд «пестрые», факты.

В данной работе мы даем очень краткий обзор синтаксических исследований в период 80-х–2000-х годов XX в. и начала XXI в.² На уровне бипредикативных конструкций учеными-сибиреоведами рассматривались синтаксические структуры разных семантических типов [Предикативное склонение 1984; Структурные типы 1986; Шамина 2001; 2019: 314–320].

В тюркских языках имеется богатая система бипредикативных конструкций (БПК) разных функциональных классов: такисные и каузальные, актантные и определительные. В каждом функциональном типе выделяются три структурных типа конструкций: синтетические, с зависимым предикатом в инфинитивной форме, аналитические, с зависимым предикатом в финитной форме и аналитическим средством связи союзного типа, аналитико-синтетические, с инфинитивной формой зависимого предиката и аналитическим средством связи.

Значительную роль играет аналитическое конструирование и в бипредикативных конструкциях, многие из которых строятся при помощи союзов и других аналитических крепов.

1.1. Аналитические структуры сказуемого ЗПЕ такие, в которых инфинитивные формы выполняют функцию члена предложения — сказуемого — в сфере зависимой предикации. Эти структуры содержат одну или несколько инфинитивных форм и не содержат финитного компонента. В БПК тувинского языка выделяется пять структурных типов аналитических структур, существенно отличающихся друг от друга.

Структурные схемы представляем в виде:

$AK Tv=PART= // =CASE POSTP / PRTCL$; $AK Tv=PART V= // =CASE$;
 $AK Tv=n V= // =CASE$; $AK CV + CV$; $AK Tv=PART / CV + Tv=COND$.

1. $AK Tv=PART= // =CASE POSTP / PRTCL$

К простой (синтетической) морфологической конструкции зависимого сказуемого, т.е. к причастно-падежной форме или причастно-внепадежной, может прибавляться аналитический показатель, обычно уточняющий, а иногда и существенно модифицирующий ее значение. Это могут быть частицы, послелогои и служебные имена.

² Говоря о работах по тувинскому синтаксису, я напомним о рабочем заседании в ТувНИИЯЛИ (примерно май-июнь) 1980 г., на котором в очередной раз обсуждали проблему написания 2-й части тувинской грамматики, составлялся рабочий план — проект синтаксиса. На этом заседании присутствовали профессор: д. филол. н. Майя Ивановна Черемисина, д. филол. н. Шулуу Чыргал-оолович Сат, к. филол. н. Доруг-оол Алдын-оолович Монгуш, аспиранты (ныне доктора фил. н.) Мира Викторовна Бавуу-Сюрюн, Людмила Алексеевна Шамина.

О написании новой грамматики мы тогда не говорили. Позднее (1988 г.) на кафедре общего языкознания НГУ вышла Программа «Культурное наследие народов Сибири и русского народа» с подпрограммой «Языки народов Сибири: лингвистическое описание», исполнение которой предполагалось в 2005 г. В этой брошюре и был опубликован проект грамматики тувинского языка, часть 2-я — синтаксис, о котором я уже сказала [Программа 1988].

- (1) *Черле ындыг, кандыг-даа херек болган соонда, үр болган тудум, ону кылган кижилерниң серемчилели кошкап, бир-ле черден чугаа үнүп кээр* (КБ: 94).
 ‘Всегда так, после всякого дела, с течением времени, сделавшие это люди теряют осторожность, и откуда-нибудь слух пойдет’.

2. АК $Tv=PART$ $V_{AUX}=//=CASE$

Этот тип АК представляют сочетания причастий во внепадежной форме с вспомогательными глаголами *тур=* ‘стоять’ и *чор=* ‘идти’. В роли знаменательного компонента таких аналитических структур выступают только два причастия: прошедшего времени на *=ган* и предполагаемого будущего (каритивного) на *=галак*. Вспомогательные глаголы принимают грамматические показатели лица и падежа. В данной структурной схеме реализуется только местный падеж. Состав вспомогательных глаголов ограничен: нами отмечены только глаголы *тур=*, *чор=*, *чыдыр=*.

- (2) *Эрес даң чыраалак чорда, бичии када кум кылган* (Кудажы: 38).
 ‘Эрес, когда заря еще не взошла, немного вздремнул’.

3. АК $Tv=n$ $V_{AUX}=//=CASE$

Данную структурную схему реализуют АК сказуемого ЗПЕ, выраженные сочетанием деепричастия на *=n* основного глагола с кругом вспомогательных глаголов в формах местного и дательного падежа. Эту аналитическую форму принимает глагол в соответствии с тем аспектуальным, реже — модальным значением, которое необходимо для описания самой зависимой ситуации и не обусловлено непосредственно ролью данной предикативной единицы (ПЕ) в составе БПК. Когда такая аналитическая форма оказывается в позиции зависимого сказуемого, именно вспомогательный глагол в ее составе принимает те показатели, которых требует соответствующая модель БПК, например, форму причастия на *=r* или на *=ган* в местном, дательном падежах.

- (3) *Буян Куу-Дагның эдээнге дүжүн турда, Барык унунда кызар от чок болган* (Кудажы: 10).
 ‘Буян к подножию Куу-Даг спустился, когда в стороне Барыка горевших огней не было’.

4. АК $Tv=CV$ $Tv=CV$

Этот тип представлен сочетанием деепричастий, оформляющих первый и второй компоненты АК сказуемого ЗПЕ.

- (4) *А сен шээрленип тура, бажың дүгүн шеверленип, арның чуп ал* (ЧД-Ч: 31).
 ‘А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твоё’.

5. АК $Tv=PART / =CV$ $Tv=COND$

Первый компонент АК может быть выражен причастием или деепричастием, а второй — глагольным предикатом в форме условного наклонения на *=sa*.

- (5) — *Кырган-ачай, мээң малдарымны кымнар оорлааш дөрбеттерге садыпканын бил=ир болзуңарза, меңээ айтып берип көрүңерем* (КБ: 94–104).
 ‘Дед, если знаете, кто украл мой скот и продал дорбетам, скажите мне’.

Важнейшие структурные особенности ПЕ, построенных по принципу зависимости предикации, заключаются в том, что в роли сказуемого здесь используются инфинитные формы глагола.

Сказуемое ЗПЕ может быть выражено АК: сочетанием либо причастия в форме одного из косвенных падежей с послелогом или в форме неопределенного или родительного падежа со служебными именами; либо деепричастия с вспомогательными глаголами в соответствующих грамматических формах. Вспомогательные глаголы в составе АК инфинитного сказуемого используются редко и в меньшем количестве, нежели в АК финитного сказуемого.

1.2. Аналитические структуры финитного сказуемого — в простом предложении (ПП) представлены двумя типами АК: глагольными и именными.

По структуре глагольные АК, различаясь типом грамматической формы первого компонента, могут быть двухкомпонентными, или бивербальными (БВК), и многокомпонентными. Многокомпонентные АК в тувинском языке представлены трех– четырех– и пятикомпонентными структурами. Они предстают как структурные и семантические усложнения БВК, выражают более сложные отношения. БВК являются структурной основой для многокомпонентных конструкций, выступая в их составе в качестве бивербальной конструкции основы (БКО). БКО, сочетаясь со свободным компонентом, который может предшествовать ей или следовать за ней, принимает определенную инфинитную форму по требованию финального вспомогательного компонента.

Первый компонент БВК может быть выражен деепричастием или причастием. Второй компонент представляют вспомогательные глаголы.

- (6) *Балдырым ырбаңайнып турар* (ССА: 12)
 ‘Икры мои дрожали’.
- (7) *Аныяктар база-ла таныыр болгаш арга-сүмезин айтырып ап чоруур* (КБ:104)
 ‘Молодые тоже его знают и берут у него совет’.
- (8) *Чамдык кижилер отче кайган алгаш туруп бергеннер* (К. кт: 13)
 ‘Некоторые люди, пристально смотря на огонь, стояли (потрясенные)’.

Процесс нарастания количества компонентов может осуществляться также за счет вхождения в состав АК модальных частиц *иргин, ийин, эвеспе оң, эвеспе аан*, по одной и в комбинациях. Частицы могут присоединяться как к двух-, так и

к многокомпонентным АК, внося дополнительные оттенки смысла (экспрессивную модальность, степень уверенности говорящего в реальности происходящего действия и др.).

- (9) *Ара-албатызын кыра таварып дизээлеп маңнап чедип келген туруп тур эвеспе аан* (Х-К, 228)

‘Подданных истребив, наезжая, наступая, прискакал, оказывается’.

По семантике АК могут передавать различные значения: аспектуальные, модальные, временные и др. Аналитические аспектуальные показатели — бивербальные конструкции — являются наиболее распространенным средством выражения способов глагольного действия. Поэтому именно эти аналитические (акциональные) формы и конструкции в тюркских языках оказались наиболее изученными [Юлдашев 1965; Насилов 1989].

Изучение аспектологических проблем по отношению к тюркским языкам было связано, в первую очередь, с необходимостью интерпретировать семантику и определить грамматический статус аналитических глагольных сочетаний с первым компонентом в форме деепричастия и вторым компонентом — вспомогательным глаголом.

Способы глагольного действия в тюркских языках Южной Сибири (ТЯЮС), кроме аналитических, могут выражаться и синтетическими формами.

- (10) *Сугже безин маңнаар кижги ховартай берген* (К. кт: 11)

‘Даже к воде люди перестали бегать’.

Синтетические показатели аспектуальности в ТЯЮС изучены в меньшей степени. Это объясняется отчасти небольшим их количеством. В тувинском, алтайском и хакасском — это форма многократного действия на =*гыла* (хак. =*хла*), тувинская форма на =*ывыт*.

- (11) *Бызааларың ыдывыт, уруум, ыттазыннар*

‘Отпусти телят, дочь, пусть пасутся’.

В якутском языке синтетические формы представлены сравнительно большим количеством — 13 форм [Харитонов 1960: 45].

Разного рода аналитические конструкции составляют весомую часть общего фонда «форм» тувинского языка. Найти ответ на вопрос: какие сферы языка обслуживаются синтетическими формами и когда, в связи с чем говорящие используют формы аналитические? Количественное соотношение простых и аналитических глагольных сказуемых в современных тувинских текстах и другие вопросы еще нуждаются в ответах. Получение объективной информации о рассматриваемой проблеме языка на современном этапе, внесение ясности и четкости в классификацию этих форм — структурную и функциональную — задача новой академической грамматики.

Итак, в настоящее время, как и 61 год назад, перед тувиноведением стоит всё та же задача: создать новое грамматическое описание тувинского языка, академическую грамматику, которая подведет итоги развития знаний о тувинском языке за последние более чем полстолетия. Создание такой грамматики является важным событием не только для специалистов-языковедов, но и для народа, носителя этого языка. Подводя итог работам исследователей тувинского языка, грамматика является важным этапом в развитии самого языка.

Главное назначение новой грамматики — показать язык, осветить новым теоретическим пониманием все языковые факторы, т.е. представить современное знание о языке. Но она должна также осознать и оценить тенденции развития языка, т.е. показать, что в нем возникает и укрепляется в общем употреблении, а также и то, что уходит, вступает в конкуренцию с новыми формами, с новыми способами передачи некоторого содержания и отступает, сужая сферу употребления и, возможно, приобретая статус стилистического средства языка.

Новое лингвистическое знание предполагает новые взгляды на формы тувинского языка и отношения между ними. Тем самым требуется и новая структура самой грамматики. Традиционный взгляд на уже известные факты — не единственно возможный. А отсюда открываются новые пути движения лингвистической мысли — не только вширь, к новым, ранее не замеченным фактам, но и вглубь, к выявлению новых связей между известными фактами, к раскрытию механизмов и закономерностей жизни, функционирования языка.

Коллектив исследователей тувинского языка не столь многочисленный, чтобы успеть наработать научную продукцию, позволяющую сделать актуальной задачу переработки сложившихся грамматических представлений. Но более полувека — с момента выхода «Грамматики тувинского языка» Ф.Г. Исхакова и А.А. Пальмбаха прошел 61 год [1961], а фундаментальный труд Н.Ф. Катанова, который называют первой тувинской грамматикой, вышел более ста лет назад [1903] — это уже достаточный срок. И этот срок написания новой грамматики давно уже наступил. Исследователи-тувиноведы осознают некоторое «отставание» «Грамматики тувинского языка», вышедшей в 1961 г. и даже не имеющей раздела «синтаксис», от современных теоретических представлений и требований практики: школьно-вузовского преподавания, повседневной «службы языка», издательского дела, радиовещания и других культурно-языковых потребностей. Если потребность осознана, она должна быть удовлетворена.

Тогда открывается возможность увидеть картину в целом и отразить ее в грамматическом описании языка. Вот именно эта задача — осознать то новое, что накоплено учеными за эти годы, и показать язык таким, каким он не мог быть увиден и показан более 60 лет назад, но уже может быть показан теперь, в 20-х гг. XXI в. — и стоит перед новой грамматикой тувинского языка.

Конечно, новая современная грамматика — это корпусно-ориентированная грамматика. Возможность полного описания синтаксиса тувинского языка, верификации полученных выводов в настоящее время дает работа с корпусами текстов, использование количественных методов анализа.

Традиционные лингвистические методы анализа текста в сочетании с методами корпусной лингвистики не только значительно ускоряют процесс обработки материала, но и повышают качество анализа, объективность и достоверность получаемых результатов. В настоящее время электронный корпус текстов тувинского языка [Корпус], созданный силами группы исследователей центра Тюркология ТувГУ, руководимого, до недавнего времени, д. филол. н. М.В. Бавуу-Сюрюн, позволяет основывать исследования на точных эмпирических данных, широко используется молодыми учеными в диссертационных разработках по тувинскому языку и литературе.

Литература

- Бавуу-Сюрюн 2018 — *Бавуу-Сюрюн М.В.* История формирования диалектов и говоров тувинского языка. Автореф. дисс.... д.ф.н. Новосибирск. 2018.
- Байыр-оол 2009 — *Байыр-оол А.В.* Частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов (в сопоставлении с якутским и хакасским языками). Автореф. дисс.... к.ф.н. Новосибирск. 2009.
- Бичелдей 2001a — *Бичелдей К.А.* Фарингализация в тувинском языке. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов. 2001.
- Бичелдей 2001b — *Бичелдей К.А.* Звуковой строй диалектов тувинского языка. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов. 2001.
- ГТЯ 1961 — *Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А.* Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во восточной литературы. 1961.
- Катанов 1903 — *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: типолитография Императорского Университета. 1903.
- Корпус — <http://www.tuvancorpus.ru/?q=node/25> (дата обращения 01.07.22)
- Монгуш 1963 — *Монгуш Д.А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 1963.
- Монгуш 1998 — *Монгуш Д.А.* Частицы как компонент аналитических сказуемых (на материале тувинского языка) // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск. 1998. Вып. 4. С. 122–153.
- Насилов 1978 — *Насилов Д.М.* О грамматической интерпретации бивербальных конструкций // Советская тюркология. 1978. № 3. С. 10–13.
- Насилов 1989 — *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука. 1989.
- Ондар 1999 — *Ондар Ч.С.* Причастные аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке: Автореф. дисс. ... к.ф.н. Новосибирск. 1999.
- Ооржак — *Ооржак Б.Ч.* Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры. 2014.
- Оюн 1988 — *Оюн М.В.* Определительные конструкции в тувинском языке. Автореф. дисс. ... к.ф.н. Алма-Ата. 1988.
- Программа 1988 — Культурное наследие народов Сибири и русского народа (целевая комплексная программа исследований, 1989–2005 гг.). Новосибирск: Изд-во НГУ. 1988.
- Радлов 1907 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб. 1893–1911. Т. 1–4.
- РТС 1953 — Русско-тувинский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1953.

- РТС 1980 — Русско-тувинский словарь. М.: Русский язык. 1980.
- Салзынмаа 1980 — *Салзынмаа Е.Б.* Учебник тувинского языка. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 1980.
- Сат 1955 — *Сат Ш.Ч.* Тувинский язык. Грамматический очерк // Тувинско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1955. С. 615–722.
- Сат 1960 — *Сат Ш.Ч.* Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 1960.
- Серээдар 1995 — *Серээдар Н.Ч.* Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке. Автореф. дисс.... к.ф.н. Новосибирск. 1995.
- Словарь 2003 — Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д.А. Монгуша. — Новосибирск: Наука. 2003. Т. 1.
- Словарь 2011 — Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д.А. Монгуша. — Новосибирск: Наука. 2011. Т. 2.
- Татаринцев 1987 — *Татаринцев Б.И.* Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука. 1987.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. 2000. Т. 1.
- Татаринцев 2002 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 2.
- Татаринцев 2004 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. 2004. Т. 3.
- Татаринцев 2008 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. 2008. Т. 4.
- Татаринцев 2018 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. 2018. Т. 5.
- ТРС 1955 — Тувинско-русский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1955.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. 1968.
- Харитонов 1960 — *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960.
- Хертек — *Хертек Я.Ш.* Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1975.
- Хертек 2013 — *Хертек А.Б.* Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ. 2013.
- Чадамба 1974 — *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл.: Тувинское книжное издательство. 1974.
- Черемисина и др. 1984 — Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука. 1984.
- Черемисина и др. 1986 — Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск. 1986.
- Шамина 2001 — *Шамина Л.А.* Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001.
- Шамина 2019 — *Шамина Л.А.* Тувинский синтаксис в сибирском лингвистическом контексте // «Sözüm munda qalır, bağı bu özüm...». Scripta in memoriam D. M. Nasilov / коллективная монография. Отв. ред. Е.А. Оганова. М.: ООО «Издательство МБА». 2019. С. 314–320.
- Юлдашев 1965 — *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках М.: Наука. 1965.

Источники

- КБ — Кыргыз Балчый. Үүлгедигниң ялазы. «Кызыгаар» с. 94–104. Кызыл, 2008.
К.кт — К.-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-хем. Красный том. Кызыл, 2002.
Кудажы — Кудажы К.-Э. Чогаалдар чынддызы. Кызыл, 1975.
ССА — С. Сарыг-оол. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 1978.
Х-К — Хунан-Кара // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1997. С. 54–297.
ЧД-Ч — Чаа Дугуржулга-Чагыг. М. 2001.

Глоссы

- CASE* — падеж;
COND — условное наклонение;
CV — конверб;
PART — причастие;
POSTP — постпозитив;
PRTCL — частица;
V — глагол;
Tv — основа глагола;
// — позиция грамматического лица.

**О некоторых семантических соответствиях
арабо-персидских заимствований
в башкирском и турецком языках**

Возникновение и дальнейшее развитие иноязычной лексики в любом языке, как известно, может быть вызвано как внутренними, так и внешними, или экстралингвистическими фактами, в связи с чем изучение лексического состава языка становится той сферой, которая может способствовать изучению культуры, истории и этнографии обоих контактирующих языков и народов.

Изучение арабо-персидских заимствований в тюркских языках в сравнительном плане представляется весьма интересным, поскольку обобщение фонетических, лексических и морфологических особенностей данного пласта лексики каждого в отдельности языка тюркской языковой семьи, выявление общности и различий этих явлений находятся в тесной связи с различными аспектами контактирования как генетически родственных, так и разносистемных языков. Анализ результатов взаимодействия разносистемных языков в плане заимствований позволяет выйти на решение ряда проблем исторической лексикологии и лексикографии. Данная научная задача также неизбежно влечет за собой вопрос времени и характера контактирования тюрков с носителями арабского и персидского языков, выявления различных в плане хронологии слоев заимствования и способов их проникновения.

Весьма сложной в отношении тюркских языков представляется проблема точного определения источника заимствования: это связано не только с тем, что арабский и персидский язык имеют ряд общих лексем на фоне длительного исторического взаимодействия (о влиянии среднеперсидского на арабский см. например [Белкин 1975]), но и различными способами заимствования этого пласта лексики — непосредственно, опосредованно, устным или письменным путем. Кроме того, точное определение источника заимствования может быть затруднительно и в связи с тем, что в самом языке-источнике может существовать не-

---

¹ Эжба Зарема Назировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН; zaremaekba@iling-ran.ru

сколько слов, в достаточной степени близких по значению и звучанию, и, тем самым, одинаково претендующих на роль прототипа заимствования. Встречаются и случаи полного отсутствия определенных лексем в заимствуемом языке. Так, например, в персидском языке фиксируются так называемые «ложно арабские слова»: «Они создаются как на базе арабских корней, так и на базе согласных звуков неарабских корней, и только внешне по своим лексико-грамматическим моделям совпадают с арабскими масдарами и причастиями, именами места, профессии, прилагательными: *фаләкәт* ‘несчастье’, ‘бедствие’, ‘катастрофа’, *шерәкәт* ‘участие’, ‘кампания’, ‘общество’, *ғәзәвәт* ‘суждение’, ‘мнение’, *хәдҗәләт* ‘смущение’, ‘стыд’, *хәрраф* ‘речистый’, ‘говорливый’, ‘болтливый’, *шәрүр* ‘злбный’, ‘упрямый’, *мәғбур* ‘захороненный’, ‘похороненный’ и т.д. Подобного рода слова образованы от трехгласных арабских корней по живым моделям. Они имеют значения, вытекающие из значений данных корней, и поэтому могут быть понятны носителям арабского языка, хотя в самом арабском языке они не употребляются» [Рубинчик 1999: 222].

Как известно, в арабском языке основу слова (глагола или связанного с ним имени) составляет трехбуквенный корень, состоящий только из согласных, сочетание которых несет в себе определенную идею или смысл, но не является самостоятельным словом. Добавление к нему гласных (а иногда и согласных) в определенном порядке и в строго определенных позициях образует слова уже с конкретным лексическим значением. Месторасположение этих добавочных фонем в слове строго зафиксировано, и сочетание их с согласными корня поддаются изображению в виде формул, напоминающих алгебраические [Майзель 1945: 7]. Соответственно, все словообразование в арабском языке строится по определенным формулам, которые представляют собой правила сочетания дополнительных гласных с согласными корня в строго определенных позициях. Например, от корня *hkm*, который содержит в себе идею «судить», при помощи долгого *a* между первым и вторым согласным корня и краткого *i* между вторым и третьим согласным образуется действительное причастие *hakim* ‘судящий’, которое вошло во многие тюркские языки в значении ‘судья’. По такой же схеме образованы *tabip* ‘врач’, *talib* ‘ученик’, *ṣahit* ‘свидетель’, *galim* ‘ученый’ и мн. др. — фактически, подобные слова заимствовались в тюркские языки в форме арабских субстантивированных причастий. От корня *hml*, выражающего идею «носить», в арабском образуется причастие *hamil* ‘несущий’ (ср. тур. *hamile* ‘беременная’, т.е. букв. ‘несущая’) и т.д.

Как известно, лексика является наиболее подвижной частью языка и больше других языковых уровней подвержена иноязычному влиянию. Что касается арabo-персидских заимствований башкирского языка, то они пришли в язык двумя путями: устным и письменным. Наиболее интенсивное проникновение арабских заимствований в башкирский язык, как и в другие тюркские, ученые связывают с исламизацией тюркских народов. Однако, если проникновение арабских элементов в тюркские языки Средней Азии, Малой Азии и Кавказа получает особенно интенсивный характер уже с IX в., то башкиры даже к X в. еще не были мусульманами. Распространение ислама среди башкир заняло несколько столе-

тий и закончилось не ранее, чем в XIV–XV вв. До этого времени арабские лексические элементы заимствовались преимущественно устным путем, а с конца XV в. — начала XVI в. двумя путями — устным и письменным. Ученые отмечают, что наиболее ранние башкирские тексты на арабской графике были составлены в XVI в., хотя дошли до нас в более поздних вариантах [Кузеев 1974: 8]. Персидские заимствования проникли раньше, чем арабизмы: Т.М. Гарипов указывает на наличие в топонимии бассейна рек Белой и Ашкардара определенного иранского пласта [Гарипов 1972: 24], а Н.Д. Гарипова приводит иранские названия злых духов в доисламских верованиях башкир: *аждаһа* ‘дракон’, *пәрей* ‘нечистая сила’, *дейеү* ‘див’ и др. [Гарипова 1973: 84]. Правда, этимология слова *аждаһа* была пересмотрена в пользу ее возможного авестийского происхождения (от теонима *Ажи-Дахака* ‘змеедракон’) в более поздних исследованиях [Хисамитдинова 2019: 107]. Определенный ряд лексем иранского происхождения обнаруживается и в мифологической лексике башкирского языка, относящейся к достаточно древнему доисламскому периоду — прежде всего это весьма распространенное *хужа* ‘хозяин’ (от перс. *خواجه*) в составе сложных имен в значении ‘дух-хозяин’: *Урман хужаһы* ‘дух-хозяин леса’, *Ер хужаһы* ‘дух-хозяин земли’, *Ямғыр хужаһы* ‘дух-хозяин дождя’ и мн. др. (всего 26 наименований по разным диалектам и говорам), *бәрей*, *пәри* ‘бес, нечистая сила’ (от перс. *بری*) и т.д. (см. подробнее об этом [Хисамитдинова, Эмба 2020: 114]).

Наиболее значительное влияние арабо-персидские заимствования из всех тюркских языков оказали на турецкий язык: многочисленные и разнообразные пласты этой лексики вошли как в литературный, так и в разговорный язык, встроившись практически во все языковые уровни. Многочисленные термины не только религиозного, административного и правового обихода, но также и научная терминология, вплоть до кемалистской революции были арабскими [Иванов 1973: 3]. Для середины XX в. языковую ситуацию С.И. Майзель описал следующим образом: «Передовицы многих стамбульских газет содержат не менее 50% арабских слов, и если в разговорном языке этот процент арабских слов ниже, то зато в научной литературе он поднимается до 80% и выше» [Майзель 1945: 3]. Позднее приходит эпоха, способствующая возникновению пуристических тенденций, под влиянием которых происходит постепенное освобождение турецкого языка от арабских и персидских заимствований (см. подробно об этом [Иванов 1973: 4–5]). Результатом этого процесса стало существенное очищение турецкого языка от арабо-персидского влияния, вследствие чего количество соответствующей лексики значительно уменьшилось по сравнению с тем литературным языком, на котором была создана турецкая классическая литература, но ее количество все еще продолжает оставаться значительным.

Работая над базой данных арабо-персидских заимствований в башкирских диалектах, нам удалось обнаружить многочисленный пласт лексики, которая для башкирского языка считается устаревшей, но, по нашим наблюдениям, активно употребляется в современном турецком языке. Нам показалось интересным провести межъязыковые семантические соответствия в этих языках, относящихся к разным подгруппам: как известно, башкирский относится к кыпчакским, а турецкий —

к огузским языкам. Так как примеры таких употреблений весьма многочисленны, остановимся подробно только на нескольких, наиболее показательных из них.

Так, например, баш. *мантик* (от ар. منطق) в значении ‘логика’ и производное от него *мантики* ‘логичный’ (от ар. منطقی) отмечены в словаре как уст. кн. и сопровождаются примерами из классической художественной литературы: *Кайза бында мантик бэйләнеше? Агасы карама булгас, ауылдың исеме лә Карамалы булырға тейеш түгелме ни?* (Ә. Хәкимов) ‘Где здесь логическая связь? Если дерево называется вяз, то разве деревня не должна называться Карамалы?’ [АСБЯ 2014: 201]². Можно было бы предположить, что лексема скорее всего была заимствована через книжные источники и, соответственно, употреблялась исключительно в письменной речи, однако на активное ее употребление в прошлом свидетельствует ряд производных: *мантиклык* ‘логичность’, *мантиксы* ‘логик’ (преподаватель логики в медресе), *мантикһыз* ‘нелогичный’, *мантикһызландырыу* ‘обесмысливание’, *мантикһызланьу* ‘быть алогичным’. Все эти слова отмечены в словаре как устаревшие. В современном языке употребляется заимствованная из лат. через рус. лексема *логика* и ее словоизменительные формы: *логика булмау* ‘отсутствие логики’, *логикага нигезләнгән* ‘логический, логичный’ (букв. ‘основанный на логике’), *логикага нигезләнгән булыу* ‘логичность’ и т.д. [РБС 1964: 347]. В современном турецком лексема *mantık* в значениях ‘логика’, ‘смысл’ является общеупотребительной: *güpegündüz ışık yakmakta mantık yoktur* ‘нет смысла среди бела дня жечь свет’, имеет ряд производных: *mantığa sığmaz* ‘нелогичный’ (букв. ‘не влезающий в логику’), *imisel mantık* ‘логистика’, *sunî mantık* ‘формальная логика’, *mantıkçılık* ‘логичность’, *mantık dışı* ‘бессмысленный’ (букв. ‘находящийся за пределами логики’), *mantıklı* ‘логичный’, ‘разумный’, *mantıköncesi* ‘примитивный’ (букв. ‘до-логический’), *mantıksal* ‘логический’, *mantıksız* ‘нелогичный’, ‘поступающий неразумно (о человеке)’, *mantıksızlık* ‘нелогичность’ [БТРС 1998: 604]. Как видим из примеров, большая часть производных слов образована при помощи тюркских словообразовательных элементов, а также аналитическим путем. Приведем пример употребления из художественной литературы: *Daha başlangıçta bu garip rastlantıların mantıksal sonuçunu kıza söylemişti* ‘Еще в самом начале он сказал девушке о логическом результате этого странного совпадения’³.

Баш. уст. кн. *манзара* (от ар. منظره) приведены в словаре в следующих значениях: 1. вид, зрелище, пейзаж: *Тәбиғәттең ошо манзараһын мең йәннәттән артык күрәмен* (М. Фәйзи) ‘Вот этот природный пейзаж мне кажется в тысячу раз лучше, чем райский; *Шул ук манзаралар, күренештәр — үзе яқын, үзе алышта* (Ф. Туғызбаева) ‘Эти же пейзажи, виды — и близко, и далеко’. 2. событие: *Үткән көн манзаралары күз алдынан үтте* ‘События прошедшего дня прошли перед глазами’; 3. занавеска, занавесь, штора: *сәхнә манзараларыны төшөрөү* ‘опустить занавес сцены’; *ишек манзараһы* ‘дверная занавеска’ [АСБЯ 2014: 196]. Все эти значения для современного башкирского языка зафиксиро-

² Здесь и далее переводы на русский язык словарных статей и примеров из художественной литературы с башкирского и турецкого языков выполнены автором исследования.

³ Çetin Altan. Küçük Bahçe. İnkılap Kitabevi. 1998, s. 39.

ваны как устаревшие, хотя, как видим, сопровождаются примерами употребления не только из литературных источников, но и из разговорного языка. Русско-башкирский словарь предлагает следующие эквиваленты данных значений: вид (в значении ‘местность, пейзаж’) — *күренеиш* (от баш. основы *күреү*- ‘видеть’): *Памир күренеиштәре* ‘виды Памира’ [РБС 1964: 85–86]; событие — *вақиға* (от ар. واقعة): *тарихи вақиға* ‘историческое событие’ [РБС 1964: 800]; занавеска, штора — *пәрзә* (от перс. پرده), *шаршау: тәзрә пәрзәһе* ‘оконная занавеска’ [РБС 1964: 228, 957]. В турецком лексема *manzara* широко используется как в прямом, так и в переносном значениях: 1. вид, пейзаж, панорама; картина: *ne manzara var!* ‘какой вид!’, *manzara kartı* ‘видовая открытка’, 2. *перен.* картина, зрелище: *ekonomik durumumuzun bugünkü manzarası* ‘сегодняшняя картина нашего экономического положения’, *garip bir manzara!* ‘странная картина’, ‘странное зрелище!’, имеет ряд производных: *manzaralı* ‘с видом на что-л.’, ‘имеющий (открывающий) красивый вид’: *deniz manzara konforlu daireler* ‘комфортабельные квартиры с видом на море’, *manzarasız* ‘не имеющий никакого вида’, ‘невзрачный, неприглядный’ и др. [БТРС 1998: 604]. По нашим наблюдениям, слово очень активно употребляется как в повседневной речи, так и в художественной литературе. Приводим диалог из рассказа известного турецкого писателя Азиза Несина:

— *Bize layık değil ama, apartman olsun...*

— *Manzarası?*

— *Kasvetli olmasın aman, Lebi derya olursa memnun oluruz.*⁴

‘— Нам не подходит, нужна квартира...

— Вид?

— Главное, чтобы он не был мрачным, если получится с видом на море, будем признательны’.

Среди башкирских слов встречаются лексемы арабо-персидского происхождения, которые уже не употребляются в литературном языке, но они сохранены в диалектах и которым находят семагические соответствия в турецком языке. Так, например, на почве лит. кн. уст. *кибер* ‘гордость, надменность’ (от ар. كبير) в диалектах развился ряд значений, не характерных литературному языку: с-з. *кибер* ‘неблагожелательный’ (соотв. лит. *иззелекһез*), ср-урал. *кибер* ‘упрямый’ (соотв. лит. *тишкәре*), ай. *кибереһез* ‘непослушный’ (соотв. лит. *тыңнауһыз*); еще в трех говорах лексема *киберһез* имеет значение ‘несуразный, несимпатичный’ (соотв. лит. *йәмһез, һөйкәмһез*), но употребляется в различных фонетических вариантах: миас. *кибереһез*, арг. *киберһез*, сал. *киберһеһ* [ДСБЯ 2002: 141]. В данном случае различия в согласных на конце слова отражают общие диалектные соответствия представленных говоров. В турецком ей соответствует лексема *kibir* в значении ‘гордость, высокомерие, надменность, спесивость’: *kibirine dokunmak* ‘задеть чье-л. самолюбие’, *kibirine yediremedi* ‘ему не позволила гордость’ [БТРС 1998: 549–550], т.е. ровно в том значении, которое для

⁴ Aziz Nesin. Kıracıya maşallah // Fil Hamdi. Adam Yayınları. 12. Basım. 39 s.

башкирского языка устарело. Баш. лит. уст. *кәриб* (от ар. قريب) в значении ‘близкий, ближний’, ‘родственник’, точно в таком же значении употребляется в турецком *karip* ‘близкий, ближний’, ‘родственник’ [БТРС 1998: 516] и сохранился в тук-соран. и ыргыз. говорах башкирского языка в форме *кәрип* и в дем. говоре в форме *кәриб* в значении ‘родня’ [ДСБЯ 2002: 174]. Устаревшее для башкирского языка слово *марза* (от перс. مرز) в значениях ‘цена’, ‘объем’, ‘норма’ сохранилось в кызыл. говоре со значением ‘критерий’ [ДСБЯ 2002: 229] и имеет параллель в турецком *marda* с семантическим сдвигом ‘товар низшего качества’, ‘товар с браком’, ‘некачественный товар’ [БТРС 1998: 604]. В целом, предварительная статистика для башкирского языка показывает, что в диалектах арабо-персидских заимствований в активном употреблении несколько больше, чем в литературном языке.

Так как примеры такого рода весьма многочисленны (база данных на сегодняшний момент находится в разработке и планируется быть размещенной в открытом доступе в качестве электронного ресурса), можно говорить о некогда существовавшем общем лексическом фонде арабо-персидского происхождения для кыпчакских и огузских языков, который со временем претерпел определенные изменения как для отдельных групп языков, так и для каждого языка в частности. Основными факторами такого процесса мы бы считали экстралингвистические причины: так, для башкирского языка, начиная примерно с 20–30-х гг. XX в., в связи с известными политическими событиями (Октябрьской революцией 1917 г. и последующим вхождением Башкирии в состав СССР в качестве автономной республики) основным источником заимствования становится русский, а через него в язык приходят и общие для всех индоевропейских языков слова. Для турецкого языка в определенном смысле отправной точкой стало образование республики в 1923 г., которое повлекло за собой соответствующие изменения в языке, в частности, попытку очистить его от арабо-персидских заимствований путем искусственно образованных неологизмов по определенным моделям, которая, однако, имела весьма своеобразный характер (см. подробно об этом [Иванов 1973: 4–5]).

В целом, несмотря на огромные различия в употребительности заимствований арабо-персидского происхождения для каждого из сравниваемых языков, их можно рассматривать для обоих языков как старый иноязычный пласт лексики, давно прекративший свой количественный рост. В то же время активная часть такой лексики воспринимается носителями как исконные слова родного языка. Что касается устаревшей лексики, она требует разграничения на историзмы и архаизмы, подробного изучения причин выхода из активного употребления и возникновения или не возникновения синонимов или эквивалентов на почве ресурсов родного языка, и в этом процессе большую роль может играть сравнительно-сопоставительный анализ подобного рода заимствований внутри языковых групп.

В заключении приведем справедливый тезис о том, что «никогда нельзя будет до конца понять семантические процессы в языке, сдвиги в значениях слов, закономерности семантических преобразований, если игнорировать описываемую словами объективную реальность» [Гак 1971: 91].

Список сокращений:

ар. — арабский язык
 баш. — башкирский язык
 диал. — диалектное
 кн. — книжное
 лат. — латинский язык

лит. — литературное
 перс. — персидский язык
 рус. — русский язык
 тур. — турецкий язык
 уст. — устаревшее

Диалекты и говоры башкирского языка:**Восточный диалект:**

ай. — айский говор
 арг. — аргаяшский говор
 кызыл. — кызыльский говор
 миас. — миасский говор
 сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект:

дем. — демский говор
 ыргыз. — иргизский (ыргызский) говор
 сред. — средний говор
 ток-соран. — ток-соранский говор
 ср-урал — средне-уральский говор

С-з — северо-западный диалект

Литература

- АСБЯ 2014 — Академический словарь башкирского языка (в 10 т.) (Башкорт теленең Академик һүзлеге). Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Том VI (Л-Ө). Уфа: Китап. 2014.
- ДСБЯ 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка (Башкорт теленең диалекттары һүзлеге). Уфа: Китап. 2002.
- БТРС 1998 — Большой турецко-русский словарь (Büyük Türkçe Rusçe Sözlük). М.: Русский язык. 1998.
- Белкин 1975 — *Белкин В.М.* Арабская лексикология. М.: Изд-во Московского университета. 1975.
- Гак 1971 — *Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М. 1971. С. 86–113.
- Гарипов 1972 — *Гарипов Т.М.* Старотюркские письменные памятники Башкирии // Советская тюркология. 1972. № 4. С. 36–45.
- Гарипова 1973 — *Гарипова Н.Д.* Персидские элементы в именах башкир // Ономастика Поволжья. Уфа. 1973. Вып. 3. С. 81–85.
- Иванов 1973 — *Иванов С.Н.* Арабизмы в турецком языке. Л. 1973.
- Кузеев 1974 — *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М. 1974.
- Майзель 1945 — *Майзель С.И.* Арабские элементы в турецком языке. М. 1945.
- РСБ 1964 — Русско-башкирский словарь (Русса-Башкортса һүзлек). М.: Советская энциклопедия. 1964.
- Рубинчик 1999 — *Рубинчик Ю.А.* Структурные типы заимствований арабских заимствований в персидском языке // Общее и восточное языкознание. М. 1999.
- Хисамитдинова 2019 — *Хисамитдинова Ф.Г.* Об этимологическом словаре башкирского языка (ЭСБЯ) // Российская тюркология. 2019. № 1–2 (22–23). С. 97–110.
- Хисамитдинова, Эмба 2020 — *Хисамитдинова Ф.Г., Эмба З.Н.* Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 111–129.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Современный литературный процесс в Турции

*О.Н. Каменева*¹

Художественные особенности творчества Серай Шахинер

Современная турецкая литература представлена большим количеством оригинальных и талантливых писателей, которые предлагают читателю широкий выбор произведений различного уровня и различных жанров от исторических романов до комиксов. При таком разнообразии начинающему писателю нелегко создать свою читательскую аудиторию. Однако появление молодой турецкой писательницы Серай Шахинер не осталось незамеченным широкой публикой, она стала ярким явлением в современной турецкой литературе, и в литературных кругах даже появился термин «Литература Серай Шахинер». С. Шахинер — автор нескольких сборников рассказов и трех романов, некоторые из которых отмечены литературными премиями.

Серай Шахинер родилась в Бурсе в 1984 г., выросла в Стамбуле. В 2007 г. закончила отделение журналистики на факультете связей с общественностью Стамбульского университета, в 2011 г. в университете Мармара (Турция) получила степень магистра по направлению «Кинематография». Работала корреспондентом в журнале «*Nauvan Dergisi*» и газете «*BirGün*». Время от времени она подрабатывала официанткой, продавщицей, швеей. Приобретенный жизненный опыт помог ей в дальнейшем максимально достоверно изображать действительность и создавать реалистичные образы своих героев.

Серай Шахинер всегда мечтала писать. Жалела, что она не родилась русской, поскольку ей очень нравилась русская литература. Она начала писать еще в детстве и уже тогда собиралась стать писателем. В 2006 г. она отправила свой рассказ на ежегодный конкурс молодых писателей имени Яшара Наби Наира, и он был отмечен в категории «Достойно внимания». Этот рассказ дал название пер-

---

¹ Каменева Ольга Николаевна — тьютор Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; olga.kameneva@list.ru

вому сборнику писательницы «Невеста» (Gelin Başı), который увидел свет в 2007 г. [Sanal Sınıf]. Следующий сборник рассказов «Вниманию женщин» (Hanımların Dikkatine) Серай Шахинер выпустила в 2011 г., а в 2012 г. он был удостоен литературной премии имени Юнуса Нади. В 2014 г. вышел первый роман С. Шахинер «Антабус» (Antabus) и в 2016 г. еще один сборник рассказов «Пропусти рекламу» (Reklamı atla). Роман «Раба» (Kul), опубликованный в 2018 г., получил одну из наиболее значимых наград в турецкой литературе — премию Орхана Кемала как лучший роман года. Последний сборник рассказов С. Шахинер «Один — один» (Her Yek) вышел в 2019 г., он был выпущен в количестве 30 тысяч экземпляров (обычно даже произведения известных писателей издают в количестве не более 5 тысяч экземпляров) и представлен на Измирской ярмарке. В 2021 г. был опубликован последний роман «Сестрица Юлькер» (Ülker Abla). Рассказы и романы С. Шахинер были драматургически переработаны и поставлены на сцене театров «Şehir Tiyatroları» и «Tiyatro Boyalı Kuş». А роман «Антабус», поставленный на сцене «Tatbikat Sahnesi», в 2016 г. получил особую премию Джевата Фехми Башкута на конкурсе «Afife Tiyatro Ödülleri». В том же году роман «Раба» был поставлен на сцене театра «Тоу».

С. Шахинер отличается активной жизненной позицией. Работая в газетах и журналах, она писала статьи на злободневные социальные темы, выступала против отступления от светских принципов в образовании и других сферах жизни. В статье «Раньше здесь были обычные лицеи» (Buraları eskiden hep düz liseydi) она критиковала обилие мусульманских лицеев, в которые сплошь и рядом переделывали обычные светские школы. Отстаивая свою точку зрения, она позволила себе критические замечания в адрес сына президента Турции Р.Т. Эрдогана Билала Эрдогана, который в основном руководил этим процессом. С. Шахинер задавала вопрос, с какими же баллами он закончил Гарвардский университет, если ничего оттуда не вынес. По обвинению в оскорблении личности она была оштрафована и отстранена от написания сценария к сериалу, над которым работала.

С. Шахинер — одаренный человек, она не только пишет книги, но и играет на музыкальных инструментах, сочиняет музыку, рисует. Многогранность таланта писательницы проявляется в ее произведениях, многим из которых свойственны музыкальный ритм и визуальность. С. Шахинер передает чувства, эмоции, обстановку и даже события через музыкальный ритм, краски, звуки и даже вкусовые ощущения, задействует все органы чувств, что обеспечивает создание яркой, почти осязаемой картины. Недаром ее рассказы и романы легко перерабатываются в сценарии полнометражных фильмов и сериалов, в театральные постановки. Член совета директоров профсоюза писателей Турции Тахир Шилкан на вручении С. Шахинер премии Орхана Кемала сказал, что у Серай Шахинер особый, женский взгляд, ее острый глаз замечает мелкие детали и позволяет показать повседневную жизнь во всех тонкостях.

По словам самой С. Шахинер, большое влияние на ее творчество оказали признанные мастера турецкой малой прозы Орхан Кемаль и Саид Фаик. Как и

в произведениях этих писателей, герой С. Шахинер — «маленький человек», оказавшийся один на один со своими проблемами [Feridun Andaç]. С. Шахинер тщательно подходит к созданию образов героев. От задумки до публикации произведения может пройти 10 лет, некоторые из рассказов она переписывает по несколько раз. Приступая к созданию характера, она пользуется советом своего учителя по рисованию — сто раз посмотри, один раз нарисуй. Гуляя по улице, беседуя с соседями, она старается запоминать все детали — ведь никогда не знаешь, что пригодится для нового рассказа. Для каждой новой истории она словно бы создаёт отдельного автора. Она пропускает персонаж через себя, вживается в него, испытывает те же чувства, что и испытывает герой, и чувства эти очень разные [Sanal Sinif].

Для каждого произведения С. Шахинер продумывает и создает особое композиционное решение. В своих интервью писательница часто говорит о том, что больше всего на свете она боится потерять новизну, повториться, поэтому для каждой новой книги она ищет новый голос. В целом рассказ — это та литературная форма, которой С. Шахинер отдает предпочтение, ее романы небольшие по объему и их можно было бы отнести к повестям. Она постоянно находится в творческом поиске новых форм и средств выражения.

Первый роман «Антабус» имеет ярко выраженную социальную направленность. Героиня романа — молодая женщина Лейла. За свою короткую жизнь она испытала многое: была изнасилована хозяином ателье, куда семья отправила ее работать, когда ей было всего 15 лет, потеряла ребенка, будучи жестоко избитой отцом, насильно выдана замуж за человека намного старше ее и постоянно подвергалась издевательствам и побоям своего мужа. Доведенная до отчаяния, она попыталась подать жалобу на жестокое обращение, но полиция потребовала двух свидетелей и посоветовала ей вернуться к мужу. Значительно более сильный интерес полицейские проявили к тому, что женщина рассказала о муже, разорвавшем турецкие деньги — ведь это оскорбление государства. Молодая женщина сталкивается с равнодушием ее собственной семьи, соседей, властей, общества, оставшегося глухим по отношению к ее проблемам. С. Шахинер предлагает в романе два варианта развития сюжета, однако ни тот, ни другой вариант не являются способом решения проблемы. В первом варианте героиня выбрасывается из окна вместе со своей дочерью и еще не родившимся ребенком, во втором она убивает своего мужа и, хотя суд ее оправдывает, в глазах общества она навсегда останется убийцей. В романе поднимаются серьезные проблемы турецкого общества, в котором, несмотря на всеобщее образование и рост культуры, обладание женщинами правом избирать и быть избранными, турчанки все еще остаются бесправными существами, скованными традициями семейного уклада.

Если в «Антабусе» С. Шахинер затрагивает социальные проблемы и описывает экстремальную ситуацию, в которой героиня выражает протест, что позволяет отнести роман к течению социального реализма, то в дальнейшем писательница отходит от этого и обращается к теме «маленького человека», который не пытается бороться с системой, а скорее плывет по течению. На первый план

выступают сиюминутные тревоги, мелкие бытовые проблемы. Большое влияние на творчество С. Шахинер оказал признанный мастер короткого рассказа турецкий писатель Саид Фаик, представитель социально-психологического течения. С. Шахинер даже посвящает ему один из рассказов, эпиграф гласит: «Со скромным приветом Саиду Фаику в честь 70-летия написания рассказа “Четыре плюса” (Dört Zait)» [Шахинер 2019: 97]. В произведениях социально-психологической прозы писатели не выдвигают острых и масштабных проблем, не исследуют причин социальных противоречий, им не свойственно открытое неприятие действительности [Репенкова 2008: 17].

Произведения С. Шахинер о тех, кто встречается нам каждый день по дороге на работу, в кафе, в магазинах, в транспорте и кого мы зачастую не замечаем. Герои рассказов и романов С. Шахинер — бездомные подростки, одинокие старики, посудомойки, официанты — простые, обычные люди, которые окружают нас в повседневной жизни. Все подчеркивает их заурядность. Их представления о любви составлены по фильмам, мечты о будущем основаны на сказках, модели поведения скопированы с рекламных роликов, оптимизм выучен по популярным книгам по психологии.

Описывая привычные жизненные ситуации, С. Шахинер старается в их заурядности найти нечто необычное и оригинальное. Часто образы, которые она создает, собирательные. С. Шахинер практически никогда не описывает внешность своих героев, мы не знаем, какой у них цвет волос или глаз, нам неизвестно, привлекательны ли они внешне или нет.

Героиня романа «Раба» Мерджан — как раз и представляет собой такой собирательный образ. Она — уборщица в многоквартирных домах. Уборщица — некая единица, имеющаяся в каждом доме, в каждом учреждении. Уборщицы есть везде, но присутствия их мы часто не замечаем и вряд ли узнаем их, если случайно встретим на улице. Существует определенный стереотип, как должна выглядеть уборщица — платок на голове, длинная юбка, майка или рубашка навыпуск. Именно так выглядит Мерджан, и она прекрасно понимает, что, если она попросит кого-нибудь заменить ее на работе, этого никто не заметит. Любопытно, что С. Шахинер проверила это на своем опыте. Она взяла ведро и тряпку, повязала косынку на волосы и начала мыть лестницу в доме, где она жила. Соседка, которую она попросила налить ей воду в ведро, даже не взглянула на нее, никто не узнал ее.

В жизни Мерджан, которая зарабатывает тем, что моет лестницы, все происходит по принципу подъем-спуск. Возникает ощущение, что жизнь Мерджан и есть сама лестница: то вверх, то вниз. Сначала надежда и подъем, потом спуск и разочарование. Снова очередное усилие и снова подъем, и снова разочарование. Иногда лестница меняет направление, как в эпизоде на площади Саматья: спускаясь по лестнице, Мерджан ощущает себя деловой женщиной, поднимаясь, становится прежней уборщицей Мерджан-ханым. Верхние этажи связаны с мечтами Мерджан. На верхних этажах живут дамы, у которых есть мужья и которые носят белые домашние тапочки, украшенные пухом, и у которых есть специальные складные столики, где можно сесть и переодеть обувь. На вторых и третьих

живут многодетные семьи. Игрушки для детей также продаются на втором этаже торгового центра.

Нижний этаж связан с разочарованиями. Ее квартира в полуподвале, и с каждым годом, после того как кладут очередной слой асфальта, окошко становится все меньше и меньше. Мерджан помнит, как раньше в него заглядывало солнце и можно было видеть, как мальчишки гоняют мяч. Теперь только туфли прохожих. Кажется, что она постепенно спускается под землю.

Ощущение лестницы создается и художественными средствами. Повтор — прием, характерный для творчества С. Шахинер, который она использует с большим мастерством, — создает впечатление однообразного движения, движения степа. Она использует повтор как рефрен, присказку: пожертвовала петуха — муж не вернулся, второй раз удалила волосы — муж не вернулся, на программе «Давай поженимся», все уже переженились — а муж не вернулся, муниципалитет разрушил старые дома и на их месте построил новые — муж не вернулся, начали реставрировать мечеть, куда ходила Мерджан, — муж не вернулся... Муж ушел от Мерджан, но она ждет его возвращения, и бесконечно долгое ожидание отражается визуально даже в художественном оформлении книги: одна за одной следуют несколько пустых страниц, на каждой из которых только по одной фразе. И это тоже напоминает движение по лестнице: пустой пролет — табличка на двери, снова пустой пролет, снова табличка и снова пустота.

Последняя глава разбита на пять частей, по количеству этажей, которые моет Мерджан. Она начинает с пятого этажа, постепенно спускаясь вниз, проходит мимо квартир, за дверьми этих квартир все, о чем мечтает Мерджан и чего у нее нет. Здесь живут обеспеченные люди, многодетные семьи, образованные студенты. Мерджан проходит мимо всего этого. Она поднимается, протирает перила, моет пролет, спускается, выплескивает грязную воду на улицу, снова поднимается на следующий этаж, снова протирает перила, снова спускается, снова выплескивает воду и так от этажа к этажу, до цокольного этажа.

Лейтмотив — художественный прием, которым часто пользуется С. Шахинер. В романе «Раба» лейтмотив — лестница, в «Антабусе» — бесконечные побои, в рассказе «Желтый свет» (Sarı Işık) из сборника «Один — один» (Her Yek) — гул флуоресцентной лампы в больнице, который постоянно возвращает мысли его героини Тюркан в прошлое и т.д.

С точки зрения оригинальности художественных решений примечателен сборник «Один — один», в котором С. Шахинер объединила 12 рассказов. В каждом из рассказов писательница фокусируется на двух основных моментах: на выстраивании игры (уловки) и средствах коммуникации.

Герои рассказов сборника — маленькие люди, которым жизнь подстроила ловушку, им выпала самая маленькая комбинация в кости «один — один». Ситуация, в которой они оказываются, ведет к поражению, но они находят из нее выход и вопреки всему продолжают жить. Героев объединяет то, что они не несут свой проигрыш как флаг, делая рекламу из своего горя, пытаясь извлечь из этого выгоду. Они не используют бедность, как источник дохода, поражение, как

нечто предрешированное заранее, свою правоту, как козырь. Они не хотят выглядеть лучше, чем есть, они хотят, чтобы их история была представлена такой, какой она является на самом деле. С. Шахинер пишет о тех, кто хочет быть как все. Основной художественной особенностью рассказов является то, с какой точностью писательница создает характеры персонажей и описывает их поведение в кризисной ситуации. Понимая, что могут проиграть, герои все-таки вступают в игру. Срабатывает защитный рефлекс, человек мобилизуется, его ум становится изворотливее, изобретательнее, и он находит выход. При этом герои С. Шахинер не идут на поводу у стандартных представлений о правильных и неправильных поступках, но идут на риск, иногда проявляя недюжинную смелость, чтобы спасти себя в данный момент. С. Шахинер не идеализирует своих персонажей. Она не судит и не оправдывает их, но становится на их сторону, влезает в их шкуру. Герой каждого рассказа прибегает к какой-либо уловке, чтобы выбраться из создавшейся ситуации [Yekta Kopan].

Героиня рассказа «Линия горизонта» (Ufuk Çizgisi) Бехийе, защищая свою репутацию, по громкоговорителю раскрывает всей деревне секреты местных женщин и девушек.

Тюркан из рассказа «Желтый свет» (Sarı Işık) продает место умершего мужа на кладбище, чтобы обеспечить себе существование на ближайшие пару лет.

Главный герой рассказа «Обед персонала» (Personel yemeği) Эмирхан готов подставить своих коллег в ресторане, чтобы стать главным официантом.

Беспризорники, которые ходят на поминки к незнакомым людям, чтобы утолить голод, бабушка, которая выдумывает различные проблемы и болезни лишь для того, чтобы дети и внуки пообщались с ней, девушка, которая не хочет делать селфи, а ищет человека, которого можно было бы попросить ее сфотографировать, потому что селфи расскажет всем о ее одиночестве. С. Шахинер исследует отношения «человек — улица», отношения, которые человек выстраивает с окружающим миром. Герои рассказов незнакомы, но они близки друг другу по духу. Все они ищут выход, чтобы остаться на плаву, извлекая знание из уроков жизни, полученных на улице. Писательница сталкивает героев с внешним миром, заставляет их вступать в отношения с этим миром и наблюдает, как они из этого выбираютя.

Отношения героя с окружающим миром С. Шахинер выстраивает через средства коммуникации. Писательница руководствуется теорией канадского культуролога и философа Герберта Маршалла Маклюэна, автора книги «Медиа — это сообщение: перечень последствий». Г.М. Маклюэн считается классиком по изучению роли коммуникации в культуре. По его теории, медиа является продолжением человека. Клише и стереотипы, которые распространяются книгами, фильмами, СМИ, оказывают влияние на личность человека и формируют ее.

Форма коммуникации может быть любой — сказка, телефон, громкоговоритель, газета, музыка, иностранный язык и даже гул флуоресцентной лампы. Через средства коммуникации герой выстраивает отношения с окружающим миром. Рассказы в сборнике расположены в зависимости от степени сложности средства коммуникации, которое в них обыгрывается. В первом рассказе таким инстру-

ментом выступают сказки, подчеркивающие связь между поколениями и общий культурный код. Далее громкоговоритель, телевизор, телефон, средства массовой информации, в предпоследнем — очки для сна, позволяющие видеть запрограммированные сны. Завершает сборник С. Шахинер рассказом, в котором в качестве средства коммуникации она выводит беседу. Этот тип коммуникации, по мнению писательницы, остается самым важным. Какие бы новые технические средства связи ни появлялись, ничто не заменит разговор.

В соответствии с выбранным средством коммуникации С. Шахинер выстраивает повествование и использует соответствующие художественные средства.

Язык С. Шахинер красочен и разнообразен. Она мастерски сочетает речь автора с внутренним голосом персонажа. Для придания большей выразительности тексту она пользуется лексическими повторами, фразеологизмами, разговорной лексикой. Важное место в жизни и творчестве С. Шахинер занимает музыка. Это находит свое отражение в особой музыкальности, ритмичности повествования.

Создавая рассказ «Линия горизонта», С. Шахинер по пять часов в день играла на дарбуке. Один и тот же бесконечно повторяющийся мотив, то слегка набирая темп, то немного замедляясь, становится нитью, на который нанизывается повествование [Yekta Koran]. Однообразие деревенского пейзажа передается путем повтора одних и тех же названий цветов: «Желтый. Желтый. Коричневый. Бурый. Квадрат. Неправильный квадрат» и через пару предложений снова: «Желтый. Коричневый. Бурый...» [Шахинер 2019: 19]. Невыносимую скуку деревенской жизни подчеркивает перечисление одними и теми же короткими фразами ежедневных деревенских дел, текущих по нескончаемому кругу с разной периодичностью: «Соленья. Липкий. Горизонт. Желтый. Муж. Аллах Акбар. Полдень. Горизонт. Желтый. Поля. Квадрат. Неправильный квадрат...» [Шахинер 2019: 20]. Без конца повторяющийся ритм становится навязчивым, вызывает раздражение и желание изменить, переломить ситуацию, услышать новые ноты. Героиня попадает под влияние этого ритма, невыносимость такого существования подталкивает ее к измене мужу. Понимая, что вскоре все станет известно, она решается на отчаянный, смелый и рискованный шаг — она поднимается на минарет и рассказывает всей деревне о похождениях местных девушек и женщин. Кульминация рассказа звучит заключительным аккордом. В ответ на недоумение мужа Бехийе заявляет, что ее имя стали трепать в деревне. Муж поверил ей, через некоторое время они уезжают.

В арсенале художественных средств, используемых С. Шахинер, не последнее место занимают лексические и грамматические формы турецкого языка. Использование просторечных форм, присказок, особых словечек позволяют создать правдивый реалистичный образ. Путем обыгрывания грамматических форм, как, например, многократное использование одной и той же причастной формы в заключительном рассказе сборника «Один — один», писательница создает свой особый стиль: «Они не боялись быть теми, кто, увидев базилик, легонько глядят его рукой и вдыхают его запах, оставшийся на ладони, теми, кто бросают монетки уличным музыкантам, теми, кто каждый раз, проходя по туннелю Хашима

Ихджана², решают купить велосипед, а как только выходят из него, забывают об этой мечте.

Они не боялись быть теми женщинами, которые с завернутым в листок бумаги сэндвичем в руке, замерев перед витриной магазина распродаж, представляют себя Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани», которая смотрит на витрину ювелирного магазина» [Шахинер 2019: 157].

Интересное художественное решение находит С. Шахинер для первого рассказа сборника под названием «Феличита». Герои рассказа беспризорные ребята, у них нет имен, в рассказе они проходят как 17-летний и 19-летний. Кроме друг друга у них никого нет. Один совсем не помнит своего отца, а второй не желает его вспоминать. Оба попали в детдом уже достаточно взрослыми детьми, и надежды, что их усыновят, не было. Мальчики знают все сказки, но ни одна из них не была рассказана им их родителями. Сказки читали им посетители, которые приходили в приют по воскресеньям, и набор этих сказок случаен. Сказка — это мечта, фантазия, но именно через сказки мальчики выстраивают связь с окружающим миром. Они живут вне времени и пространства, они живут в сказке. Композиция рассказа выстроена в соответствии с этой идеей.

Рассказ начинается с прически: «В некие времена, в некоем районе, который не упоминается в рекламных фильмах о Стамбуле, в котором ни один свободный предприниматель не решился завести свое дело, название которого не увидишь на рекламных щитах о продаже квартир, где нет даже часовщика, да и никого важнее кузнеца, в городе, где никто из родившихся здесь не был старше 30 лет, куда автобус приезжает раз в два часа, да и то не по расписанию... жили были один 17-летний и один 19-летний...» [Шахинер 2019: 9].

Рассказ условно разбит на небольшие главы-отрывки, каждый отрывок начинается эпитафией — строкой из какой-либо сказки. Сюжет развивается параллельно этим эпитафиям.

Например, за эпитафией «Когда я качал своего деда в колыбели» следует рассказ о том, как ребята придумали своеобразный способ пропитания, такой же несуразный, нелогичный, невозможный, как и строка из сказки. Когда они узнают о смерти мужчины, они идут к нему в дом на поминки — велика вероятность, что их накормят.

За эпитафией «Вслед за кроликом Алиса залезла в дыру и стала падать, на стенах висели картины» рассказывается о том, как ребята заходят в дом и по количеству обуви перед дверью определяют квартиру, где жил покойный. Их впускают в дом. Глядя на фотографии на стене и на лица присутствующих в комнате, мальчики вычисляют жену покойного и подходят к ней, чтобы выразить соболезнования.

Эпитафия «Раскройся скатерть самобранка» раскрывает эпизод, где ребятам дают по чашке плова — традиционного блюда на похоронах. Им удается к месту

---

² Naşım İçsan Geçidi — подземный переход в Стамбуле в районе Фатих, где находится самый большой рынок велосипедов.

вставить фразу о привычках покойного, которую они подслушали, проходя мимо кухни. Никто в результате не догадывается, что они и не знали никогда покойного, но, чтобы избежать дальнейших расспросов, они незаметно уходят.

Эпиграф «Золушка уронила туфельку, сбегая по лестнице» предвещает сцену, когда мальчишки, спрятавшись за углом дома, ждут традиционного выноса обуви покойного. Ботинки не подходят ни тому, ни другому.

Эпиграф «А что стало с котом в сапогах, так и жил он в свое удовольствие все девять кошачьих жизней» предшествует сцене, когда мальчишки решают вернуться за ботинками — ведь в них можно ходить, примяв задники. Однако в одном ботинке уже устроился котенок, и у них рука не поднимается выбросить его из башмака.

И они идут дальше, напевая и обмениваясь шуточками, идут не потому, что им куда-то нужно идти, а только потому, что им негде остановиться. Они вновь слышат зауспокойную молитву. «Хоть бы покойником оказался мужчика», — говорит один другому. «Не говори так, — это грех» [Шахинер 2019: 18].

Образы ребят-беспризорников собирательные, но для них существует прототип. В 1970–80 гг. на экраны телевизоров вышла передача о беспризорных детях, один из них пел песню Аль Бано и Ромины Пауэр «Феличита», пел по-своему, так, как воспринял слова на слух. С тех пор мальчика прозвали Феличита Мехмет. Через несколько лет он снова попал на экраны телевизоров. В его жизни мало что изменилось, он все также бродяжничал, принимал наркотики и снова пел все ту же песню. Имя «Феличита Мехмет» стало в Турции нарицательным для беспризорных подростков, потерявших ориентиры в жизни. Так возникло название рассказа.

Критики и читатели особо отмечают тонкий и добрый юмор, остроумный и точный язык С. Шахинер. У ее героев острый глаз, они наблюдательны, способны подмечать забавные мелочи и точны в своих суждениях. По предметам, которые люди оставляют перед дверью, Мерджан составляет портреты их хозяев. От ее острого взгляда не ускользают многие детали. Она не может не заметить годами хранящийся детский горшок и рядом мужские башмаки сорок первого размера, принадлежащие тому, кто им пользовался. Нурджан из рассказа «Обед персонала», подьедающая остатки с тарелок клиентов, по тому, что заказал и в каком виде оставил еду человек, может многое рассказать о характере и жизни этого человека. Герои С. Шахинер сохраняют чувство юмора и способны смеяться даже в самых отчаянных ситуациях. В романе «Антабус» Лейлу, только что вышедшую из больницы, после того как ее зверски избил отец и у нее случился выкидыш, приходит проведать девушка из ателье. Обе обмануты одним и тем же молодым парнем. Девушка ждет от него ребенка, он обещал жениться, а сам сбежал в армию. И хотя одна страдает от моральной и физической боли, а вторая не представляет, что же теперь с ней будет, Лейла не теряет способности пошутить по поводу того, что в ателье наблюдается всплеск рождаемости. Рассказ «Себаре» (Sebare)³ представляет собой небольшую зарисовку — сценку из турецкой жизни, вечер в пивной, где проводят свое свободное время мужчины.

³ Sebare (C Bare) — музыкальный знак, обозначающий размер такта.

Когда-то кто-то из завсегдатаев пивной провозгласил: «Майка на теле — залог здоровья!». С тех пор каждый завсегдатай, входя в заведение, спрашивает: «Майка есть?» И все остальные как по команде расстегивают верхнюю пуговицу рубашки и показывают край белой майки: «Есть» [Шахинер 2019: 83]. Эта и подобные сценки невольно вызывают улыбку у читателя. С. Шахинер не ставит своей целью рассмешить читателя, скорее через юмор она позволяет герою расслабиться, отстраниться от проблемы, посмотреть на нее со стороны и лучше понять: когда все будет позади, он сможет рассказывать об этом, как о чем-то смешном. «Я пытаюсь с помощью юмора победить судьбу. Никто не победит человека, если его основное оружие смех» [Feryal Öney].

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что сюжет произведений С. Шахинер в основном лишен динамики и острых моментов. В некоторых рассказах можно говорить об отсутствии сюжета. Выбор рассказа как основной литературной формы не случаен. Рассказ позволяет приостановиться, задуматься, посмотреть внимательнее, сфокусироваться на обстоятельствах. Акцент делается на глубоком психологизме образов «маленьких людей», которые представлены как жертвы жизненных обстоятельств. Они расценивают свое положение как выпавшую им судьбу, и, если и пытаются побороть эти обстоятельства, то только на данный момент. Они не связывают свои беды с проблемами общества и не выступают против социальной несправедливости. Внутренний мир героев раскрывается через авторскую речь, которая часто переходит во внутренний монолог героя. Образы, созданные С. Шахинер, часто собирательные, но благодаря тщательно продуманному тексту, точному подбору описанных выше художественных приемов, вниманию к психологическим нюансам они приобретают объем, осязаемость и реалистичность. Особенно стоит отметить трогательное отношение и любовь к своим героям самой С. Шахинер.

Литература

- Репенкова 2008 — Репенкова М.М. От реализма к постмодернизму. Современная турецкая проза. М. 2008.
- Шахинер 2014 — *Şahiner, Seray*. Antabus. İstanbul. 2014.
- Шахинер 2017 — *Şahiner, Seray*. Kul. İstanbul. 2019.
- Шахинер 2019 — *Şahiner, Seray*. Hepyeck. İstanbul. 2019.
- Feryal Öney — Çiçekli Perdelerin Ardı Bölüm 90 // Feryal Öney — Seray Şahiner. <https://www.youtube.com/watch?v=H2TxuP43uCc> (дата обращения 03.03.2022).
- Feridun Andaç — Seray Şahiner'in anlatı aynasına yansıyan... Cumhuriyet gazetesi, 20.02.2022. <https://www.cumhuriyet.com.tr/kitap/seray-sahinerin-anlati-aynasina-yansiyani-feridun-andacin-yazisi-1908734> (дата обращения 24.02.2022).
- Sanal Sınıf — Seray Şahiner ile Röportaj (Sanal Sınıf). https://www.youtube.com/watch?v=4HA_2o8wfcc (дата обращения 01.03.2022)
- Yekta Kopan — Yekta Kopan'la Yazar Söyleşileri — Seray Şahiner | HepsiTV. <https://www.youtube.com/watch?v=DfIrYAYE9to> (дата обращения 30.03.2022)

Bir İnsanın Yeniden Doğuşunun Öyküsü: Ferit Edgü'nün «O» / «Hakkâri'de Bir Mevsim» Adlı Romanı

Bu çalışmada, Ferit Edgü'nün (1936–) «O», diğer adıyla «Hakkâri'de Bir Mevsim» romanı incelenecektir. Araştırma konusunu belirlerken motivasyon kaynağı, yazarın Türkçeye yaklaşımı ve sanat anlayışı olmuştur. Ferit Edgü, Türk edebiyatının ayrıksı sesi olmayı başarmış yenilikçi yazarlardandır: Eserlerindeki lakonik anlatımı, üslup arayışları, kurgu yaparken ve anlatı araçlarını kullanırken sergilediği denemeci yaklaşımı onun sanatının belirgin özellikleridir. «O»'yu/ «Hakkâri'de Bir Mevsim»'i incelenmeye değer kılan ise, Ferit Edgü'nün henüz genç bir yazarken karşılaştığı (kendi ifadesiyle, yazarın yeniden doğmasına neden olan [web. Edgü: Yazmak, Yalnızlığa Karşı Tepkidir]) gerçeklerin kurmacaya dönüştüğü süreçleri somut olarak izlemeye olanak veren eserlerden biri olmasıdır. İlave olarak eser, Onat Kutlar (1936–1995) tarafından beyaz perdeye uyarlandıktan sonra (1982) içeriğinin hararetli tartışmalara yol açması, devamında filmin yasaklanması, kısa süre sonra bu yasaklı filmin uluslararası dört ödüle birden layık görülmesi² ve tüm bu gelişmelerin okurun sanat algısında fark edilebilir bir kırılmaya neden olması da dikkate değerdi. Ferit Edgü'nün münferit eserleri ve/veya genel olarak sanatı incelenirken yazarın estetik algısını zenginleştiren unsurlar (resim, seramik ve felsefe alanında aldığı eğitim), ait olduğu 1950 kuşağının sanat anlayışı göz ardı edilemez. Bu bağlamda, bu çalışmadaki değerlendirmeler, salt inceleme için seçilen roman «O»'dan/ «Hakkâri'de Bir Mevsim»'den metne bağlı analiz yöntemiyle elde edilen verilerle değil, yazarın 1950 kuşağıyla, dönemin edebiyat dergileriyle ve edebiyat çevreleriyle olan etkileşimi de dikkate alınarak yapılacaktır. Benimsenen bu yaklaşımla hedeflenen, Ferit Edgü'nün çağdaş Türk edebiyatındaki yerini net olarak gösteren özgün bir tablo resmetmektir.

Yazarın gerçek adı İsmail Ferit Edgü'dür. Uzmanların ortak görüşü, Ferit Edgü'nün 1950 kuşağının en üretken ve yenilikçi yazarlarından biri olduğu yönündedir. Bu görüşün temel dayanağı, yazarın bugüne kadar gerçekleştirdiği sanat

¹ Karaca, Birsen — Prof. Dr., Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih — Coğrafya Fakültesi Kafkas Dilleri ve Kültürleri Bölümü Başkanı (Türkiye); bkaraca@ankara.edu.tr

² «Hakkâri'de Bir Mevsim» filminin aldığı ödüller: CICA Ödülü (1983), Fibresci Ödülü (1983), Interfilm Otto Dibelius Film Ödülü (1983), Berlin Film Festivali Gümüş Ayı Ödülü (1983).

faaliyetleri ve yayımladığı eserleridir. Çok yönlü bir sanat insanı olan Ferit Edgü adından daha çok öykü ve deneme yazarı olarak söz ettirmiş olsa da yazdığı şiir, roman, monografi, biyografi, aforizmalar, yaptığı çeviriler, resim ve sanat eleştirileriyle de araştırmacıların ilgi odağındadır. Bunlara ilave olarak yayıncıdır: Sahibi olduğu «Ada Yayınları»'nda (1976–1990) çok sayıda eseri okurla buluşturmuştur. Ayrıca Türkiye'nin sayılı resim koleksiyoncularındandır.

Yeri gelmişken Ferit Edgü'nün resim sanatıyla olan güçlü bağından da kısaca bahsetmek gerekcek, çünkü yazarın estetik algısının oluşumunda devam ettiği resim ve sanat tarihi öğreniminin rolünü görmezden gelmek olanaksızdır. En azından, Ferit Edgü'nün resim sanatı aracılığıyla edindiği damıtılmış estetik zevkin, eserlerinin karakteristiği olan lakonik anlatımı beslediği (1940'lı yılların edebiyatındaki değişim rüzgârlarının adı olan Garip Hareketi ile olan ilişkisini de unutulmamak koşuluyla [Çelik 2020:9]) vurgulanmalıdır. O, tablolarını sözcüklerle resmeder ve resmettiği tabloda hiçbir sözcüğü/rengi yersiz kullanmaz³. Bunu da zaman zaman en fazla üç dört cümlelik pusulalar, sözlü halk edebiyatından maniler, İran edebiyatından rubailer veya Japon edebiyatında bir şiir türü olan haikudan vd. yararlanarak yapar ve son derece başarılı öyküler kurgular. «Pusulalar» adlı öykü bu varsayımı destekleyen somut örneklerdendir. Bu eserde anlatılan öykü temizlikçi bir kadının işverenine yazdığı pusulaların içeriğindeki mesajlar üzerine kurgulanmıştır. Bunlar tek taraflı yazılmış pusulalardır. Temizlikçi kadın yazdığı pusulaların hiçbirine cevap almaz, aslında böyle bir beklentisi de yoktur, çünkü bu işinin bir parçasıdır. Sayfalarındaki cümle sayısı bir ile üç arasında yoğunlaşan «Pusulalar»ın sayfa sayısı (toplam 81 sayfadır) ile cümle sayısı arasındaki fark çok fazla değildir. Eserin ilk sayfası şöyle: «Memet abi dolaptaki süütün tarihi geçmiş içme ölürsün» [Edgü «Pusulalar» 2018: 59].

Yazarın resimle olan ilişkisine tekrar dönersek, Ferit Edgü, henüz İstanbul Güzel Sanatlar Akademisi Resim Bölümü'nde öğrenciyken son sınıfta açılan bursluluk sınavını kazanarak seramik kimyası alanında öğrenim görmek üzere Almanya'nın Münih şehrine gitmiş (1958), oradan da 1959–1964 yılları arasında kalacağı Paris'e geçmiş, burada Academie Feu'da seramik öğrenimi görmüş, eş zamanlı olarak Sorbonne'da felsefe ve Louvre'da da sanat tarihi kurslarına katılmıştır. 1964 yılında vatani görevini yapmak için Türkiye'ye dönmüş ve askerliğini yedek subay öğretmen olarak yapmıştır: Görev yerleri Hakkâri'nin Pirkanis köyü ve Ankara'nın Beypazarı ilçesidir. Pirkanis köyü bu çalışma boyunca sık sık anılacak, çünkü yazar için yeni bir algı kapısının açılmasını sağlayan uygun ortam bu köydeki yaşam koşullarıyla oluşmuştur.

Ferit Edgü'nün de dâhil olduğu 1950 kuşağıyla Türkiye'de edebiyat dünyası geçmişte hiç olmadığı kadar renkli bir zemine kavuşmuştur. Bu tespiti, hem edebiyatçılar (genel olarak sanatın hemen hemen her kolunda ürün veren sanatçılar) hem de edebiyat dergileri bağlamında yapmak mümkündür. Dönemin genel görüntüsünü resmedebilmek için on — on iki yıl kadar geriye gitmek gerekcek. Çünkü söz konusu çok renkliliğin ana arteri, Hasan Âli Yücel'in (1897–1961) Millî Eğitim Bakanlığı yaptığı yıllarda (1938–1946) projelendirerek uygulamaya koyduğu

³ Not: Yazarın kendisi de yazmak eylemi ile resim yapma süreçlerinin benzerlik gösterdiğinden bahseder. Bkz. [Yiğit 2007: 30–31].

eğitim ve kültür kurumlarının ürünleriyle doludur. Hasan Âli Yücel'in projeleri, Türkiye'de sanatın Batı ile ilişkisini güçlendiren bir karaktere sahiptir. Örneğin, onun döneminde kurulan Tercüme Bürosu'nun faaliyetleriyle dünya klasikleri hızlı bir şekilde Türkçeye kazandırılmıştır. Mehmet Tahir Öncü'nün verilerine göre, 1940'lı yıllarda çeviri faaliyeti önceki yıllara oranla beş kat artmıştır [Öncü 2018: 250–261]. Tercüme Bürosu tarafından Türkçeye kazandırılan dünya klasiklerinin ve öncü yazarların temsil ettiği sanat akımlarının içselleştirilmesi ve ulusal edebiyattaki yansımaları 1950'li yıllarda yoğunlaşmaya başlayacaktır. Buna ilave olarak, Hasan Âli Yücel'in İsmail Hakkı Tonguç'la birlikte yaşama geçirdiği bir başka proje de köy enstitüleridir. Bu enstitülerin 1950'li yıllarda vermeye başladığı mezunlarından bazıları sanat dünyasına girmeye başlamıştır. Fakir Baykurt (1929–1999), Mahmut Makal (1930–2018), Emin Özdemir (1931–2017), Adnan Binyazar (1934–), İsa Başlıoğlu (1936–2018) gibi pek çok Köy Enstitüsü çıkışlı öğretmen, ilerleyen yıllarda yazar, akademisyen ve ressam olarak bu gruba katılmıştır. Bunun bir yansıması olarak Türk edebiyat tarihinde ilk kez taşra, sanat eserlerinde dışardan yapılan gözlemlerle değil, entelektüel alt yapısı taşra yaşamından edindiği bilgi ve deneyimler üzerine kurulmuş yazar, şair ve ressamların bakış açısıyla resmedilmeye başlanmıştır [Narlı 2013: 293].

Ferit Edgü taşralı bir yazar değildir. Dolayısıyla o da taşrayı gözlemlerine dayanarak anlatan bir yabancıdır. Onu farklı kılan, taşrada gözlemlendiği gerçeklikleri öykülerken içine düştüğü yabancı çevrede kendisini tanımaya ve çevresiyle iletişim kurmaya çalışan bir entelektüelin bakış açısından sunmasıdır. Bunun somut örnekleri «Ben ve Ben» / «Kimse» (1976), «O» / «Hakkâri'de Bir Mevsim» (1977), «Doğu Öyküleri» (1995) ve «Yaralı Zaman» (2007) adlı eserleridir. Bu eserlerde anlatılan öykülerin arkasında yatan gerçeklikse, Ferit Edgü'nün 1964 yılında yedek subay öğretmen olarak askerlik görevini yerine getirmek için gittiği Hakkâri'nin Pirkanis köyünde deneyimlediği taşra yaşamına aittir.

* * *

Türk edebiyatının çağdaşlaşma serüveni Tanzimat Dönemi'nde (1839–1876) Batılılaşma adı altında başlamıştır. Bu dönemde ve daha sonra da bir süre Batı edebiyatının niteliklerinde sanat ürünleri vermek çağdaşlaşmanın tek ölçütü olmuştur: Bu süreçte etkileşiminden daha çok tek taraflı bir etkilenmenin söz konusu olduğundan bahsedilebilir. Örneğin, Türk edebiyatında roman türü, yazarların/şairlerin Batı edebiyatıyla, özellikle de Fransız edebiyatıyla XIX. yy.'da başlayan temasları sonucunda görülür. Makalenin inceleme konusu bağlamında Batılılaşma faaliyetlerinin sonuçlarından bir diğeri de ilk edebiyat dergilerinin yayın hayatına bu dönemde girmesidir.

Çağdaş Türk edebiyatına ait ilk ürünler başlangıçta okurlarına bilim dünyasından bilgi aktaran gazetelerin sayfalarında ulaşmıştır. Örneğin, uzun soluklu ilk edebiyat dergisi, «Servet» gazetesinin eki olarak yayına başlayan «Servet-i Fünûn»'dur (1891–1944). Bu ad, derginin başlangıçtaki içeriğinin fen olduğu algısını uyandırıyor ki bu isabetli bir yorumdur⁴. Nitekim «Servet-i Fünûn»'un edebiyat dergisi niteliğine bürünmesi, 1896 yılında Tevfik Fikret (1867–1915) derginin yönetimine girince olur.

⁴ «Servet-i Fünûn» dergisiyle ilgili detaylı bilgi için bkz. [Andı 2006: 534].

Geçmişte olduğu gibi, Cumhuriyet Dönemi'nin ilk çeyreğinde de yazar ve şairlerin Batı edebiyatlarını, özellikle de Fransız edebiyatını özgün metinlerden takip ettikleri ve edebiyat akımlarından etkilendikleri gözlemlenir. Bu etkilenmenin dozajı ile ilgili alınan tepkilere Ferit Edgü gibi Mavi hareketinin temsilcilerinden olan Orhan Duru'nun (1933–2009) «Saldırı» («Yeni Ufuklar» 113 /Ekim 1961/: 14–16) başlıklı yazısında verdiği cevap şöyledir:

«Taklitçilik yaptığımız yok ama gerekirse taklitçilikten çekinmeyiz. Batıdan gelen bütün etkilere kapımız ardına kadar açıktır. Batının edebiyat akımlarını izlemekte, onlardan etkilenmekte bir sakınca görmüyoruz. <....> Öte yandan öncül bir düşünceye bağlılığımız yoktur. Gözlemler ve deneyler yapıyoruz. Bugünkü durum bizi böyle yazmaya zorluyor» [Aktaran: Dirlikyapan 2007: 59].

Batı edebiyatlarında etkin olan akımları takip etme konusunda gösterilen çabanın yanı sıra, Türk edebiyatının çağdaşlaşma sürecini hazırlayan koşulların özgünlüğü de şair ve yazarları arayışlara yöneltmiş, bunun sonucunda da ulusal edebiyata özgü oluşum ve akımlar doğmuştur. Edebiyat dergileri, çağdaşlaşma (Batılılaşma) sürecinin her aşamasında Türk edebiyatındaki yeni oluşumlara ve akımlara öncülük etmiştir: Aynı sanat görüşünü paylaşan ve aynı edebiyat akımlarını takip eden yazar ve şairlere gerekli kültürel ortam edebiyat dergilerinin sayfalarında sunulmuştur. Öyle ki, zaman zaman yeni edebiyat hareketleri derginin yazar kadrosu tarafından başlatılmış, devamında da grup ve edebî akım derginin adıyla anılır olmuştur: Hisarcılar ve Maviciler bu konuda verilebilecek iki somut örnektir. Sırası gelmişken, sanat profillerini Türk edebiyatının sorunları ve tartışma konularıyla şekillendirmiş edebiyat hareketlerinin temsilcilerine ev sahipliği yapmış edebiyat dergileri ve topluluklardan bazılarını anmak yerinde olacaktır. Zira bu hareketler, aynı zamanda çağdaş Türk edebiyatının bireyselleşmesi yönünde atılan adımlardır. Aşağıda edebiyat dergileri ile edebiyat akımları arasındaki organik bağı gösteren birkaç örnek yer alacak: «Servet-i Fünûn» dergisinin etrafında toplanan Servet-i Fünûn edebiyat topluluğu, takip eden yıllarda Fecr-i Ati Topluluğu, «Genç Kalemler» dergisinde buluşan Yeni Lisan Hareketi temsilcileri, «Hisar» dergisi yazarlarının Hisarcılar olarak anılması, «Varlık» dergisinin Garip Akımı (I. Yeni Şiir Akımı) için sayfalarını açması, «Mavi» dergisi II. Yeni Hareketi olarak da anılan Mavicilerin sanat anlayışını yansıtmaları vd. Bu noktada, okurun merakı Ferit Edgü'nün yayın yaptığı edebiyat dergilerine yönelecektir. «Ahmet Yesevi Üniversitesi Türk Edebiyatı İsimler Sözlüğü»nde yazarın eserlerini yayımladığı dergilerle ilgili şu bilgiler bulunmaktadır: «Kaynak» (1948–1956), «Mavi» (1952–1955), «Yeni Ufuklar» (1953–1976), «Şairler Yaprağı» (1954–1957), «Pazar Postası» (1951–1959), «Dost» (1957–1973), «Yeni Dergi» (1964–1975), «Eylem», «Papirus» (1960–1981), «Ant» (1967–1971), «Soyut» (1965–1977), «Milliyet Sanat» (1972–1980) ve «Vatan» (1923–1925/1940–1942/1942–1944/1945–1960). Bu dergileri tek bir sanat çizgisine yerleştirmek olanaksız görünüyor.

* * *

1950 kuşağı yazarları arasında Türk edebiyatının ve düşün dünyasının geleceğini şekillendirecek entelektüeller vardır: Bunlardan biri de Ferit Edgü'dür. Yazarın edebî kişiliğiyle ilgili, «Kaynak» dergisinde yayımlanan şiirlerine işaret edilerek şiir türünde yayımladığı ilk eserlerinde Garip Akımının etkisinin görüldüğü, daha sonra Garip şiirine tepki olarak doğan Mavi Topluluğunda yer aldığı sıkça aktarılan bilgilerdir. Ferit Edgü ise, sanatın işlevi ve kendisinin sanat anlayışıyla ilgili «İnanç İş» başlıklı yazısında şöyle der:

«Ben sanat alanında öyle on yılda, yirmi yılda bir kuşakların çıkacağına inanmam. <...> Yazmaya başladığım ilk günlerde sanatın toplum sorunlarıyla ilgilenmesinin zorunlu olduğunu sanıyordum. Çok geçmeden böylesi bir sözcülüğü başaramayacağımı anladım. Bir sözcülük yaptımsa, o sıralarda yapmışımdır, şimdi değil.» [Edgü «İnanç İş» 1957: 944]

Buna ilave olarak, Ferit Edgü'nün edebî akımlarla ve edebiyat topluluklarıyla olan ilişkisi, yazarın sürekli bir arayış içinde olduğu gerçeği unutulmadan değerlendirilmelidir.

1950 kuşağını edebiyat eleştirisi alanında temsil eden Doğan Hızlan'ın kendi kuşağıyla ilgili söyledikleri de dönemin konjonktürünü resmetmesi açısından burada anılmaya değerdir: Edebiyata yaklaşımlarında, Batı ve Türk edebiyatlarını algılayışlarında ve özümseyişlerinde ortak değer yargılarına sahip değiller ama edebiyata saygının onurlu bir iş olduğunun bilincinde ve farkındalar. Hepsinin yetiştirme tarzı, edebiyata bakışları farklı ama asgari müştereklerde buluşmayı biliyorlar [Hızlan 2019].

* * *

Ferit Edgü'nün 15 Ekim 2021 tarihinde TED Koleji öğrencileriyle yaptığı söyleşide anlattıklarına göre, Pirkanis köyüne gitmeden önce Anadolu'nun doğusundaki yaşam koşulları hakkında bilgi sahibi değildir, hatta görev yeri olan bu köyün varlığından da haberdar değildir. Pirkanis'in gerçekleriyle tanışmadan önce ise dünya kültür başkenti olan Paris'te yaşamaktadır. Olay şöyle gelişir: 1960'lı yıllarda Türkiye'de öğretmen açığı ile ilgili sorununa çözüm üretmek amacıyla üniversite mezunlarının askerlik görevlerini yedek subay öğretmen olarak yapmaları için gerekli yasal bir düzenleme yapılmıştır. Ferit Edgü, bu projeden yararlanır. Ona göre, bu çok akıllıca düşünülmüş bir projedir: Böylece hem askerlik görevini yapacak hem ülkenin doğusunu tanıyacak hem de bilgi birikimini öğrencilerine aktarabilecektir. “Büyük bir coşkuyla” görev yerine gitmek için yola çıkar. İlk durağı Diyarbakır'dır, sonra Van'da konaklar, nihayetinde Hakkâri'ye ulaşır. Şehir, karlı dağlarla çevrelenmiş bir arazide kuruludur. İlk iş olarak Milli Eğitim Müdürlüğünden görev yerini öğrenir: Burası Pirkanis köyüdür. Çevreyi tanımak ve okulda kullanması gereken araç gereçlerin temini için on beş gün kadar şehirde kalır. Bu süreçte buraya kendisi gibi yedek subay öğretmen olarak gelen diğer gençlerle tanışır. Ve ilk şokunu yaşar: Hakkâri'de kitapçı yoktur. Burada kaldığı sürede yanında getirdiği kitaplarla yetinmek zorundadır. Millî

Eğitim Müdürlüğü tarafından öğrencilerine dağıtması için gerekli kitap ve kırtasiyeler temin edildikten sonra Pirkanis köyüne gitme vakti gelmiştir. Ancak, onu götürecek yegâne taşıtın şehre alışveriş yapmak üzere gelmiş olan muhtarın atı olduğu açığa çıkar. Hayatında ilk kez ata binecektir ve köye tek başına gitmek zorundadır, çünkü muhtarın şehir merkezindeki işleri henüz bitmemiştir. Dolayısıyla onu görev yerine götürecek olan yegâne rehberin, üzerine bindiği attan başka bir canlı olmadığı geçeğiyle yüz yüze kalmıştır. Üstelik Pirkanis bir dağ köyüdür ve yol çok meşakkatlidir. Tüm bu olumsuzluklara karşın at, öğretmeni Pirkanis köyüne, muhtarın evine kadar götürür. Bu köyde yaşam, özellikle de Ferit Edgü'nün kalmak zorunda olduğu kış aylarında çok çetindir. Kardan yollar kapanır, geceleri köyün içine kurtlar iner, tüm bunlara ilave olarak evlerde yaşam için gerekli olan hiçbir konfor yoktur: Elektrik sistemi ve su şebekesi yoktur, tuvaletler evlerin dışındadır, muhtarın evi hariç, meskenler tek odalıdır. Elbette öğretmenin kalacağı modern ve güzel bir lojman ve öğrenciler için bir okul vardır. Lakin temel yakacak malzemesi tezektir. En büyük sorun ise, öğretmenin öğrenciler ve köylülerle iletişim kurabileceği ortak bir dil yoktur [TED Ankara Koleji Yazar Buluşmaları]. Ferit Edgü'nün beklemediği bir anda yüz yüze kaldığı dil sorunu, başlangıçta bir tercüman, sonrasında da isteklerini olabildiğince kısa cümlelerle formüle etme zorunluluğunu doğurur. Ayrıca büyük bir coşkuyla aktarmak istediği bilgi birikimine talep yoktur ve uzun vadede de böyle bir talep olmayacaktır. Aylar boyunca yaşamına tam anlamıyla suskunluk hâkim olacaktır. Öğretmen için bu suskunluğu göreceli olarak bozan, dış dünyadan bilgi almasına olanak veren tek şey, gelirken yanında getirdiği radyo olacaktır.

Ferit Edgü'nün Pirkanis'te tanıştığı gerçeklerin kurmacaya dönüşmesi sanat yaşamının tamamına yayılmış gibidir. Yazar, Pirkanis'i konu alan ilk eserini on iki yılda yazmıştır, son eserini ise 43 yıl sonra. Bu eserler sırasıyla «Ben ve Ben» / «Kimse», «O» / «Hakkârî'de bir Mevsim», «Doğu Öyküleri» ve «Yaralı Zaman»'dır. İlk ikisi roman, diğer ikisi ise öykü türünde yazılmış eserlerdir. Bu eserlerden «Ben ve Ben» okurla hiç buluşmadan adı yazar tarafından «Kimse» olarak değiştirmiştir [TED Ankara Koleji Yazar Buluşmaları].

«Kimse» gerçeğin kurmacaya dönüşüm sürecini izlememize olanak veren ilk eser olması açısından önemli. İki bölümden oluşan bu romanda anlatılan öykü, bir dağ köyünde görev yapan bir öğretmenin kış mevsimi boyunca iç seslerinden ikisinin birbirleriyle yaptığı konuşmalar üzerine kurgulanmıştır. Üçüncü ses, istenmeyen ses, birinci bölümün sonunda diyaloga girmek istiyor ancak çabuk bastırılıyor: «Üçüncüsü, üçüncü bir ses gibi konuşmaya başladı./Kes sesini» [Edgü 1980: 112]. Ferit Edgü, «Kimse»'de kendi yalnızlığını öykülendirmiştir. Romanda anlatılan konu ile arasına mesafe koyabilmek için de iç diyalog tekniğine başvurmuştur. Buna karşın, iç kapakta ve eserin son paragrafında, eser boyunca anlatılanların yazarın yalnızlığının öyküsü olduğu net olarak okura hissettirilmektedir: İç kapakta romanın adının hemen altında, anlatılan öykünün mekânla (Pirkanis'le) ve Ferit Edgü'nün bu mekânda (Pirkanis'te) yaşadıklarıyla olan bağıni açık eden detaylı bilgiler verilmektedir:

«Belli bir sürede
 (bir karakış boyu)
 belli bir noktada
 (ülkemizin doğusunda)
 on üç haneli, yüz on dört nüfuslu Pirkanis adlı dağ köyünde)
 anmak, ansımak, anlamak, sormak,
 karşılık aramak
 ve özellikle yaşamı sürdürürebilmek için
 yapılmış konuşmalardan seçmeler
 ya da
 bir monolog'un, diyalog'a
 dönüştürülmesi çaba(lama)sı»
 [Edgü 1980: 5]. (İtalik yazı yazara aittir)

Alıntıda verilen bilgiden de anlaşılacağı üzere Ferit Edgü yine bir yenilik peşinde. Öncelikli olarak kitabın geleneksel iç kapak formatını bozarak sıra dışı bir uygulamayla eserin içeriği hakkında net bilgiler veriyor ve bu bilgiler kurmacadan çok uzak, gerçekle bire bir örtüşüyor. İkinci olarak, romanlara özgü olan geleneksel düz yazı görünümünü bozarak düz yazıya şiir türüne özgü grafiksel bir görünüm kazandırıyor. Eserlerinin bütünü değerlendirilmeye alındığı zaman Ferit Edgü'nün kendi sanatı içinde bu uygulamayı gelenekselleştirmiş olduğu gözlemlenir: Belki bir iki istisna çıkabilir ama onun düz yazı eserleri grafiksel olarak şiir görünümündedir. Yazarın bir başka özelliği de eserlerinin hacmi konusunda ve sözcükleri kullanırken son derece ekonomik bir tutum sergilemesidir: Ferit Edgü minimalist bir yazardır ve onun hem öyküleri hem de romanları hacimsel olarak minimal eserlerdir. Pirkanis'i konu alan romanlarında ve öykülerinde de bu uygulama bozulmuyor.

«O»'nun kaderi «Kimse»'den farklı bir çizgide gelişti. «O» çok geniş çevrelerde, zaman zaman edebiyatla bağı çok zayıf olan edebiyat dışı gruplarda bile tartışıldı. «O»'ya gösterilen bu ilgi, eser beyazperdeye uyarlanınca başladı. Bu arada «O»'nun içeriği tartışılırken «Kimse»'nin hiç gündeme gelmemesi, ilginç bir araştırma konusu olarak incelenmeyi beklemektedir.

«O»'yu beyaz perdeye aktaran ekipte Ferit Edgü de bulunuyordu. Buna rağmen film, romanın içeriğini değil, lakin estetik özelliklerini yansıtmaktan çok uzaktır. Yazarın yukarıda anılan söyleşisinde anlattıklarına göre, ekipten film için «O» adının uygun olmadığı görüşü geliyor, Ferit Edgü de Fransız şair Arthur Rimbaud'nun (1854–1891) «Cehennemde Bir Mevsim» kitabından esinlenerek filme «Hakkâri'de Bir Mevsim» adını veriyor. Yazarın tercihiyle de kitabın daha sonra çıkan baskılarında iki isim birden kullanılmaya başlıyor. Gerçekte bu isimlerin hepsi, «Ben ve Ben» de «Kimse» de «O» da «Hakkâri'de Bir Mevsim» de Pirkanis'te yaşananların özeti olabilecek nitelikte: «Ben ve Ben»'de eser kişinin kendi iç sesine yöneldiği, «Kimse»'de eser kişinin içine düştüğü yeni ortamda bilinmeyene dönüştüğü, «O»'da eser kişinin öteki olarak algılandığı, «Hakkâri'de Bir Mevsim»'de ise Hakkâri'nin Arthur Rimbaud'nun Cehennem'inin yerini aldığı mesajları okunuyor ki bu konu birimlerinin hepsi yukarıda anılan eserlerde işleniyor.

«O» / «Hakkâri'de bir Mevsim» toplam 196 sayfalık bir hacme sahip. Eserin ilk sayfası epilog için ayrılmış: Bu, Carlos Castenada'nın «Journey to Ixlan» adlı kurmaca anısından yapılan uzunca bir alıntı. Bu epilogda Kızılderili bir büyücü ve genç bir etnolog arasında geçen bir konuşma yer alıyor. Konuşmanın içeriğinde düş kurmanın gücüne ve düşünle gerçek arasındaki sınırın ne kadar geçirgen olabileceğine vurgu yapılıyor:

«KIZILDERİLİ BÜYÜCÜ: “Hiç kuşkusuz, düş gerçeğin ya kendisidir.”

GENÇ ETNOLOG: “Yani şu anda yaptığımız şey kadar mı gerçek.”

KIZILDERİLİ BÜYÜCÜ: “İlle de bir karşılaştırma istiyorsan, daha da gerçek derim.”» [Edgü 2011: 7] (İtalik yazı yazara aittir).

Epilogda verilen mesaj Pirkanis'te yaşanan gerçeklerin «O»'da / «Hakkâri'de bir Mevsim»'de düşe dönüştüğü şeklinde okunabilir. Bu düşüncenin doğruluğunu test etmek için ilk etapta “Ön ve Sonsöz” başlıklı bir giriş bölümünü mercek altına alalım. Bu bölüm iki alt bölümden oluşuyor. İlki «A/ Hak. kenti», ikincisi ise «B/Kazadan Sonra» olarak adlandırılmış. Birinci alt başlıkta kentin coğrafi konumu, fiziki yapısı, demografisi ve anlatıcının üzerinde bıraktığı izlenimler hakkında bilgi veriliyor. İkinci alt başlıkta ise eser anlatıcısı hakkında verilen bilgiler var.

«A/ Hak. kenti

Hak. kentim

Çileli gözlerin

Cüzzamlı derin

ve–kar ile devam eden adın.

İrtifa bin altı yüz metre. Nüfus on bin

Yarısı asker.

Ne yolun var, ne suyun–

Yarlar arasında akan ve yazda doğru dağlarla eriyen karlarla bir-

likte taşan Zap'ını saymazsak» [Edgü 2011: 9] (İtalik yazı yazara aittir).

Yukarıdaki metinde de görüldüğü üzere «O»'da, reel yaşama ait bilgiler kısmen şifrelenmiştir: Anlatılan mekânın, içinden Zap Suyu'nun geçtiği Zap Vadisi'nde kurulu bir şehir olduğu söyleniyor. Okur «hak» ve «kar» hecelerini ilk anda bir arada okumayı akıl edememiş olsa bile arayışı uzun sürmeyecek ve resmedilen yerleşim yerinin «Hakkâri» olduğu anlaşılacaktır. Aynı bölümün ikinci alt başlığı olan «B/Kazadan Sonra»da ortaya çıkan anlatıcı, bir deniz kazası sonucu 2.100 rakımlı bir dağın tepesinde kurulmuş bir yerleşim yerinde buluyor kendini, tıpkı Nuh'un Gemisi ile ilgili anlatılan kadim efsanede olduğu gibi (nitekim eserin sonunda, 195. Sayfada Nuh'un Gemisi'ne de açık bir gönderme yapılmaktadır):

«Benim teknem, nerede, ne zaman battı, ansımıyorum.

Kendimi bulduğum yer, sonradan bir Turizm Rehberi'nde okuduğum ve şu sözcüklerle anlatılan yere çok benziyordu:

Doğusunda İran, Güneyinde Irak devletleri sınıрыyla, kuzeyinde Van ve batısında Siirt vilayeti toprakları bulunan Hakkâri vilayeti <...>»

[Edgü 2011: 13] (İtalik yazı yazara aittir).

Okur, yaptığı çıkarımın doğru olduğundan artık emin, ancak bu kez anlatıcı bildiği şeylerin gerçekliğinden çok emin değil. Bu nedenle de bir Turizm Rehberi'nde okuduklarıyla kendi bildiklerini kıyaslıyor ve tıpkı okur gibi bir çıkarımda bulunuyor ama kesin bir bilgi doğrulama söz konusu olmuyor. Anlatıcının bu ikircikli durumu, okura bir kurmaca okumakta olduğunu unutmaması gerektiğini duyumsatıyor.

Eser «Ön ve Sonsöz»'ün ardından iki büyük bölüme ayrılıyor. Daha sonra da bu bölümler özel adları olan ve Roma rakamlarıyla kesintisiz sıralanan altmış beş alt bölüme ayrılıyor. Bu alt bölümlerde anlatılan öykülerle roman, duvarlarında altmış beş tablonun sergilendiği bir resim galerisinin işlevini görüyor sanki: Tabloların her biri bir taraftan kendi içinde barındırdığı öyküye ev sahipliği yapıyor, diğer taraftan da hep birlikte bir üst öykünün kurgusunu oluşturuyor.

«O» / «Hakkâri'de bir Mevsim»'de anlatılanların kurmaca olduğu esrin son bölümünde («LXI/Tansık»), bu kez eser kişilerinden Halit tarafından okura bir kez daha hatırlatılır ama bu kez de eser anlatıcısı okurun kafasında doğabilecek acaba sorusunu güçlendirecek argümanlar sunar.

«Bütün anlattıklarımı yazdın değil mi? diyor Halit.

Evet, diyorum.

İnanarak mı? diyor.

İnanarak, diyorum.

Ama tümü yalandı onların, diyor.

Tümü de yalan olabilir mi Halit? diyorum. Ne kadar yalan söylersen biraz da gerçeği söylersin.

Gülüyorum.

Senin denizciliğin, başından geçenler, bize anlatılan masallar gibi, diyor.

Ama ben size bir şey anlatmadım, diyorum.

Başkaları anlattı, diyor. Ama ben hiçbir zaman inanmadım <...>»

[Edgü 2011: 193].

Elbette kurmaca metinde gerçekte olmayan şeyler de var. Örneğin, Hakkâri'de bir kitapçı yoktur, öğretmenin dükkanına gittiği ve harita aldığı Süryani kitapçı yazarın imgelem dünyasında üretilmiştir. Buna karşın, yazarın yukarıda birkaç kez anılan söyleşisinden öğrendiğimize göre eserdeki isimlerin hepsi gerçeğe örtüşüyor: muhtar da Zazi de Halit de vd.

Sonuç olarak. Ferit Edgü, Hakkâri'de, «O»'da anlattığı gibi, «yabancılar arasında bir yabancıdır». 1999 yılında «Milliyet Sanat»'ta, «İşte Deniz Maria» adlı kitabını konu alan ve «İşte'leri Toplayan Bir Kitap» başlığıyla yayımlanan röportajında Hakkâri'de ikinci doğumunu yaşadığını, oraya gittiğinde kendisini ait olmadığı bir dünyada bulunduğunu, bu deneyimin yazarlığında bir dönüşüme neden olduğunu söyler: Burada kaldığı süreçte, duygu ve düşüncelerin sözcükler olmadan da aktarılabilceğini öğrenmiştir. Bu yeni çevresinde yazara yabancı olan yalnızca kültür değildir. O, vahşi doğaya da ait değildir. Dokuz ay boyunca doğayı örten ve bir insan boyunu aşan karın mutlak beyazlığı, gecelere hâkim olan mutlak karanlık, iliklerine işleyen dondurucu soğuk, karanlıkta köye inen kurtları kovalayan köpek havlamalarını dinlemek gibi yaşamında ilk kez deneyimlediği pek çok şey vardır burada. İçine düştüğü yalnızlıkta ona yardım eden ise yalnızca düş gücüdür. Bu bir yana, «Yazı düşsel bir eylemdir onda. Yoz bir ortamda birey olma aykırılığıdır. Olayın gerçeğini bir dil eylemiyle düş çeviriverir. Olayın dilini bir dil olayıyla gerçekleştirir. Olayları, gözlerini kapadığında daha iyi gördüğünü söyler bir yerde. Gözü kapalı yazmak, bir düşü yazıyla gerçekleştirme biçimidir» [Yalçın 2018: 37]. Murat Yalçın'ın yukarıdaki son cümlesi polemik konusu olabilir, zira Ferit Edgü, kalemini esin perisine teslim etmiyor ama onu yok da etmiyor, o bu konuda son derece bilinçli bir kullanıcı. Ferit Edgü bir üslup ustasıdır ve edebiyat yaşamının her evresinde dil, bir başka ifadeyle «dil içindeki cevheri» bulmak onun temel kaygısı olmuştur.

Tartışmasız bir başka gerçek ise, «O» / «Hakkâri'de bir Mevsim», «<...> yazarın, malzemeye ve tarza verdiği önemi ortaya koyan bir roman <dır>» [Aytaç 1912: 213]. Bu tespit, Ferit Edgü'nün diğer eserleri için de yapılabilecek doğrulukta. Çünkü o, eserlerini yazarken «nasıl?» sorusunun peşinde olan bir yazardır. «O»'da da / «Hakkâri'de Bir Mevsim»'de de deneyimlediği gerçekleri anlatmak uğruna benimsediği estetik değerleri feda etmiyor. Eseri değerlendirilirken unutulmaması gereken tek gerçek, kurmacada anlatılanların gerçeklikle bağı ne kadar güçlü olursa olsun, «O»'nun / «Hakkâri'de Bir Mevsim»'in bir sanat yapıtı olduğudur.

Kaynakça

- Andı 2006 — *Andı K. Servet-i Fünûn Mecmuası // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. Cilt. 4. Sayı. 7. 2006. S. 533–544.*
- Aytaç 2012 — *Aytaç G. Çağdaş Türk Romanı Üzerine İncelemeler. Doğubatu. Ankara. Eylül 2012.*
- Bolat 2020 — *Bolat S. 'Pazar Postası' ve 'İkinci Yeni' şiiri. 21 Haziran Pazar 2020 // https://www.gazeteduvar.com.tr/kultur-sanat/2020/06/21/pazar-postasi-ve-ikinci-yeni-siiri (erişim tarihi 27.03.2022).*
- Çelik 2020 — *Çelik S. O/ Hakkâri'de Bir Mevsim ile Şato Romanlarının Genetik ve Tipolojik Yöntemlerle Karşılaştırılması, T.C. Yeditepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Karşılaştırmalı Edebiyat Bölümü (Yüksek Lisans Tezi). İstanbul. 2020.*
- Demir 2012 — *Demir A.Z. Hasan Ali Yücel Döneminde Dil ve Çeviri Çalışmaları. 29 MAYIS 2012 SALI// http://pralidemir.blogspot.com/2012/05/hasan-ali-yucel-doneminde-dil-ve.html (erişim tarihi 27.03.2022).*

- Edgü 2021 — *Edgü F.* TED Ankara Koleji Yazar Buluşmaları — Ferit Edgü (Hakkâri'ye gidiş öyküsü) // https://www.youtube.com/watch?v=8X3LIGCZ_tU (erişim tarihi 20.03.2022).
- Edgü 2018 — *Edgü F.* «Pusulalar». Kazâ Sözleri ve Öteki Metinler. Kırmızıkedî. İstanbul. 2018.
- Edgü 2018 — *Edgü F.* Yazmak, Yalnızlığa Karşı Tepkidir...// <https://www.youtube.com/watch?v=Zy4WUE7JQR4> (erişim tarihi 27.03.2022).
- Edgü 2011 — *Edgü F.* O / Hakkâri'de bir Mevsim. Sel Yayıncılık. İstanbul. Ekim 2011.
- Edgü 1980 — *Edgü F.* Kimse. Ada Yayınları. İzmir. 1980.
- Edgü 1957 — *Edgü F.* İnanç İşi // *Yeni Ufuklar*. Cilt. 5. Sayı 44 (60). Mayıs 1957. S. 944–948.
- Hızlan 2019 — *Hızlan D.* Edebiyatta 60 Yıl: Ferit Edgü. İstanbul Kültür Üniversitesi // https://www.youtube.com/watch?v=_2R52rpn-rg (erişim tarihi 27.03.2022).
- Narlı 2013 — *Narlı M.* Romanlar ve Taşralar: Türk Romanında Taşra Algıları Üzerine Bir Değerlendirme // *Bilig*, KIŞ 201. Sayı. 64 // <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/234349> (erişim tarihi 27.03.2022).
- Öncü 2018 — *Öncü M. T.* Türkçeye Çevrilen Alman Edebiyatına Genel Bir Bakış // *Diyalog*. Sayı. 2018/1. S. 250–261// <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/506466> (erişim tarihi 27.03.2022).
- Uçar 2007 — *Uçar A.* 1950'ler Türkiye'sinde Edebiyat Dergiciliği: Poetikalar ve Politikalar (Yüksek Lisans Tezi). Bilkent Üniversitesi Ekonomi ve Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara. 2007. <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0003306.pdf>
- Yalçın 2018 — *Yalçın M.* Gerçek Acemilikleri Sahte Ustalıkla Yeğlemek // *Notos*. 2018/2. Sayı. 69. S. 38–39.
- Yiğit 2007 — *Yiğit L.* Ferit Edgü'nün Roman ve Öykülerinde Yapı ve Tema, T.C. Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Yeni Türk Edebiyatı Bilim Dalı. Van. 2007.
- Ahmet Yesevi Üniversitesi Türk Edebiyatı İsimler Sözlüğü, <http://teis.yesevi.edu.tr/madde-detay/edgu-ferit> (erişim tarihi 27.03.2022).
- «İşte'leri Toplayan Bir Kitap», *Milliyet Sanat*, <https://www.milliyet.com.tr/kultur-sanat/isteleri-toplayan-kitap-5231756> (erişim tarihi 27.03.2022).

**«Расщепленный» герой романистики
Хакана Гюндая**

Х. Гюндай — один из известных современных турецких прозаиков. Он родился 29 мая 1976 г. на острове Родос. Внук известного турецкого политика (депутата ВНСТ) и государственного чиновника Ахмеда Фаика Гюндая (1884–1967) Х. Гюндай начальную школу закончил в Бельгии. После окончания лицея имени Тевфика Фикрета в Анкаре был зачислен на переводческое отделение (французский язык) филологического факультета университета Хаджеттепе (Анкара), однако через год уехал в Бельгию и поступил на отделение политических наук Брюссельского свободного университета (Universite Libre de Bruxelles). Завершил высшее образование в Анкарском государственном университете на факультете политических наук.

Х. Гюндай — автор известных реалистических романов, осложненных элементами постмодернизма. В частности, часто встречающийся постмодернистский прием — показ «распадающейся» человеческой личности — представлен в романах: «Кинйас и Кайра» (Kinyas ve Kaуra, 2000), «Сарган» (Zargana, 2002), «Выродок» (Pіç, 2003), «Увольнение со службы. Жизнь, проходящая между гениальностью и сумасшествием» (Azil, Deha Ve Delilik Arasinda Seyreden Bir Hayat, 2007), «Вред» (Ziyan, 2009), «Мало» (Az, 2011), «Снег покрыл следы» (Kar İzleri Örttü, 2012), «Еще» (Daha, 2013), «Замир/Сущность/Суть/Местоимение» (Zamir, 2021). Цель данного исследования — проследить, как «распад» личности проявляется в реалистическом повествовательном дискурсе.

Дебютный роман «Кинйас и Кайра», объемное повествование на 534 страницах, представляет собой дневник двух 29-летних приятелей, турок по происхождению, которые сами придумали себе эти необычные имена. Оба молодых человека были выходцами из добропорядочных семей. У Кайры, например, отец был дипломатом, и по долгу его службы семья долгое время жила в Люксембурге. Кайру направляли учиться в лучшие школы Стамбула [Günday 2020: 210].

---

¹ Репенкова Мария Михайловна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; mmrepenkova@rambler.ru

У Кинйаса семья была попроще и менее состоятельная, отец бюрократ-чиновник, женился не по любви, а по наставлению родственников, первые годы у него были проблемы с молодой женой, но потом супруги свыклись [Günday 2020: 211]. В 21 год Кинйас и Кайра сбежали из Турции в Африку и прожили там 8 лет. Эти 8 лет они обозначали в своем дневнике под заголовком трех «к»: кровь (kan), кокаин (kokain) и пуля (kurşun) [Günday 2020: 370]. Причиной побега из Турции у них обоих было нежелание оставаться в родной стране из-за страха перед службой в армии. Кайра, отучившись три года на медицинском факультете университета, официально отказался служить в армии. Из-за этого его даже лишили турецкого гражданства. У него произошел конфликт с семьей, посчитавшей его отказ трусостью. Семья отказалась от него. Кайра уехал, посчитав, что если бы он остался с родителями, то попал бы либо в психбольницу, либо в тюрьму [Günday 2020: 128]. Кинйас закончил университет по другой специальности, но в армии тоже боялся служить. Его пугала служба в замкнутой военной части и жизнь в казарме. Друзья, которые дружили с детства (хотя дружбой это можно было назвать весьма условно, более это было похоже на вынужденное совместное времяпрепровождение), т.к. дружили их семьи, решились на побег из страны, не предупредив родителей и своих братьев-сестер (у Кинйаса младшая сестра Тугба, у Кайры старший брат). Без денег и средств к существованию они оказались на африканском континенте.

Кинйас и Кайра были вместе, хотя ненавидели друг друга. Они считали, что не похожи друг на друга [Günday 2020: 241]. Они не верили друг другу [Günday 2020: 242]. Неоднократно пытались убить друг друга [Günday 2020: 242]. Даже на один стакан воды они смотрели по-разному [Günday 2020: 260]. И все же было то, что их объединяло и они понимали это: «Мы были двумя чудовищами, считающими мир узким для себя. Два раздутых мозга, не вмещающихся в один континент» [Günday 2020: 260]. Они носили одежду только черного цвета [Günday 2020: 344].

Об их внешности почти ничего не говорится. Доминантные портретные черты Кайры описывает Кинйас, который неоднократно подчеркивает, что для его друга характерны длинные черные волосы: «У него были длинные черные волосы, отвратительный профиль. И только необыкновенной красоты глаза, выглядывавшие странными на его неприятном лице» [Günday 2020: 239]; «Длинные до плеч волосы Кайры» [Günday 2020: 284]. Практически ту же портретную характеристику дает себе и сам Кайра: «Мой стиль — это длинные прямые волосы, ухоженные усы, черные рубашка, пиджак и брюки, а также пистолет, который я привык использовать в любую минуту. Других привычек в жизни у меня нет» [Günday 2020: 305].

Здесь, в Западной Африке, в городе Абиджане (Кот-д'Ивуар/Берег Слоновой Кости), они становятся преступниками, занимающимися продажей крупных партий наркотиков в Европу. По роду своей деятельности им часто приходится идти и на другие преступления: грабежи, убийства своих поделщиков и конкурентов, а также людей, случайно попадающихся на их преступном пути. Фактически, эти два героя обладают монструозными сущностями. Они — воплощение зла, кон-

центрируемого на земле. Личности асоциальные. Они дают начало целой галерее образов асоциальных личностей, появляющихся в последующих романах писателя. В то же время они — пример того, как разные герои, воплощающие разные человеческие характеры, по мере развития повествования переплетаются, «прорастают» друг в друга и в конечном итоге начинают представлять одного и того же «распавшегося» человека в его разных ипостасях. В Кинйасе концентрируется неумное желание жить, несмотря на смертельное заболевание (он носитель ВИЧ). В Кайре, несмотря на то что он здоров и физически, и психически, берет верх стремление к смерти. Он запирается в комнате и в одиночестве отказывается от пищи, наблюдая, как угасает его мозг.

Как уже отмечалось, в композиционном отношении роман состоит из трех частей, представляющих собой дневник двух друзей, который они послали молодому турецкому начинающему писателю Хакану Гюндаю. Вводя в повествование образ самого себя, Х. Гюндай стремится придать тексту романа максимальную достоверность и реалистичность. Писатель против воли авторов дневника опубликовал их записи. В первой части Кинйас и Кайра пишут по очереди (по главам). Часть называется «Кинйас, Кайра и жизнь». Во второй части приводятся записи Кайры. Часть называется «Путь Кайры». В третьей части под названием «Путь Кинйаса» приводятся записи Кинйаса.

Жизнь вне человеческих законов делает двух турок с придуманными ими же именами настоящими монстрами, безжалостно убивающими самих себя и всех, кто находится рядом. В первой части Кинйас и Кайра в Кот-д'Ивуаре продают огромную партию кокаина бельгийскому дипломату Альберту и с полученными деньгами бегут нелегально в Мексику, спрятавшись в трюме корабля. В Мексике убивают и грабят американского гражданина Мишеля Голдмана и его дочь, знакомятся с начинающим писателем из Турции Хаканом Гюндаем и возвращаются на самолете в Турцию. В Турции бродят по Стамбулу и Анкаре с поддельными французскими паспортами, размышляя о возвращении в Африку. Однако внезапно из отеля, где они живут, уходит Кинйас. Он просит друга его не искать.

Вторая часть романа посвящена тому, как Кайра возвращается в Западную Африку, грабит и убивает людей (незнакомых и своих же сообщников), входит в столкновение с крупнейшей в Африке бандитской группировкой во главе с Самуэлем Пиноу, у которого крадет два грузовика с оружием. Наконец, договаривается с бандитами, отдает им оружие и за убийство друга афроамериканца Амидоу Али (настоящее имя Джулиан Хайл) — мусульманина с американским паспортом — получает огромную сумму денег (2,5 миллиона долларов) и уезжает в Гамбию. Там он покупает дом, нанимает девушку-служанку негритянку Аниту и начинает готовиться к «смерти рассудка», заперев себя в темной комнате большого дома. Путь Кайры — это путь к смерти. Он намеренно отказывается от жизни и хочет умереть, не принимая еды и не общаясь с другими людьми. В конце главы он через своего приятеля в Абиджане француза Лупинга получает записи Кинйаса, которые собирается соединить со своими записями и отправить молодому писателю Хакану Гюндаю.

Третья часть романа — это записи Кинйаса. Из них выясняется, что настоящее имя героя Толга, что он возвращается в родительский дом в Анкаре и выбирает жизнь. Он стремится освободиться от бандитского прошлого, восстанавливает документы, получает освобождение от армии, начинает лечиться от вируса ВИЧ, которым он заразился в Мексике, собирается жениться на подруге сестры, студентке Мелис. Жизнь Кинйаса/Толги коренным образом меняется. Он помогает вылечиться от наркотической зависимости приятелю детства и своему нынешнему начальнику Салиху. Он вообще хочет создать центр по реабилитации наркозависимых. Когда Толга полностью освобождается от сидящего в нем самом Кинйаса («Я — Толга, я ненавижу Кинйаса, сидящего во мне, т.е. себя самого, я хочу от него избавиться») [Günday 2020: 500]), он перестает писать и отправляет свои записи в Африку к Кайре, чтобы тот, прочитав дневник, спасся от смерти и от своего прошлого.

В структурном отношении дневниковые записи двух друзей обладают сложной внутренней динамикой. Калейдоскоп событий их бурной жизни сменяется размышлениями о Боге, о политических катаклизмах на африканском континенте, в Мексике и в Турции, о знакомых и соучастниках их преступлений (продавец ковров и наркотиков турок Мюмтаз-баба; американец, торговец опиумом, контрабандист Амидоу Али; бельгийский дипломат, замешанный в контрабанде наркотиками Альберт; владелец кафе в западной Африке, француз Лупинг; бывший боксер, ныне контрабандист Фернанд; швейцарский еврей, Аль Капоне Африки Самуэль Пиноу; араб-христианин, владелец автобусной фирмы и контрабандист Феридун; работник крупнейшего отеля в Абиджане, портье негр Коффи; семнадцатилетняя проститутка-негритянка Анита и многие другие). Друзья постоянно размышляют и анализируют то, что с ними происходит. Из этих размышлений становится ясно, что каждый из них стремится к своему счастью: у Кайры счастье заключается в смерти, у Кинйаса — в жизни. По сути, как уже отмечалось, их жизни до того переплетены, что оба героя представляют собой одного противоречивого человека, в котором борются противоположные сущности. Как бы далеко Кинйас и Кайра ни находились друг от друга, они являются единым целым, не мыслящим себя без другого.

В романе «Увольнение со службы» повествуется о двух годах жизни еще одной асоциальной личности — сумасшедшего юноши Асиля Яшаяна (28–30 лет), которые он провел частично со своими родителями (университетскими преподавателями) у себя дома, а частично один (в клинике для умалишенных, в отелях разных городов, включая столицу Анкару, где он писал речи для депутата парламента, в отеле на берегу моря). Конец его жизни трагичен: его линчевала толпа на площади маленького прибрежного городка, поскольку он украл у хозяев отеля их пятилетнего сына Яхью (увел с собой в неизвестном направлении, а затем их нашел отец мальчика).

В романе нет сюжета как такового. Показаны лишь разные состояния психически неуравновешенного Асиля, чья личность буквально «рассыпается» на глазах у читателя. Он выступает то наркоманом и алкоголиком, то медиумом, то

провидцем возможных вариантов жизни других людей, то писателем, то режиссером, то спичрайтером, то похитителем ребенка. Он все время разный, он меняется. Он не может оставаться одним и тем же. Асиль скрывает свою истинную сущность от других людей, врет о себе, выдает себя за другого. Кто он на самом деле, не знают даже его родители. Он гений или злодей? Или он одновременно и тот, и другой? Ясно только то, что его «Я» множественно и противоречиво. Асиль постоянно разговаривает и спорит с самим собой, со своим непокорным «Я».

Х. Гюндай сумел создать необычный текст, полный противоречий и противоположностей, постоянно меняющихся местами и замещающих друг друга. Если бы в произведении присутствовала текстуализация и цитатность, то подобный текст был бы похож на постмодернистский палимпсест. Но это не постмодернизм, хотя центризм в тексте романа Х. Гюндая движутся и расслаиваются. В романе все в динамике, нет устойчивых положений. Как и в постмодернизме, название не соответствует содержанию романа. Слово «Azil» в переводе с турецкого означает «увольнение со службы», но главного героя ни откуда не увольняют, поскольку он нигде никогда не служил. Второе значение этого слова с арабского «выливание семени мужчины на поверхность женщины при половом акте, с целью предотвратить беременность». Но и излияния семени в романе тоже нет, возлюбленная Асиля умерла еще до начала повествования. Он страдает и мучается, не хочет без нее жить, хочет умереть. Избегает интимных отношений с другими женщинами. В то же время подобное завершение полового акта не предполагает появления детей, продолжения рода. А у Асиля в конце романа появляется продолжатель — маленький Яхъя, у которого, как и у Асиля, разного цвета глаза (синий и зеленый; у Асиля — карий и голубой). Мальчик, как и Асиль, не от мира сего. Он слышит внутри себя голоса. Можно сказать, что название романа противоречит самому содержанию текста, как противоречит жизнь главного героя самому существу человека: он не хочет жить, хочет, чтобы его убили или стремится сам совершить самоубийство. Недаром существование Асиля в романе названо «нетасть» (*yokavar*), т.е. он живет и не живет одновременно. Он не держится за жизнь: отвечает на угрозы его убить словами «Сколько дадите денег, чтобы меня убить?» или «Вам это делать не нужно. Я сам совершу самоубийство. Но сколько вы заплатите?» [Günday 2014: 167].

Название романа «Azil» созвучно имени главного героя Asil. Не совпадает только одна буква. Т.е. то, да и не совсем то. Похоже, да не то. Точно так же и сам герой: он похож на всех тех людей, за которых он себя выдает, но он другой, не такой как они. Множественность трактовок названия, «открытость» его значения — это то, что Х. Гюндай берет от постмодернистских техник. Это пример использования современной турецкой реалистической литературой кодов постмодернизма.

Множественность природы Асиля выражается в том, что он ведет себя и как сумасшедший, и как нормальный человек. Он — гений и злодей одновременно. Он — это одно лицо и несколько лиц. Например, у него есть придуманный им же самим двойник Адиль Олмез, который пишет вместе с ним роман, снимает

фильм. Если соединить два имени, то получится *Asil Yaşayan Adil Ölmez* ‘Живущий благородно справедливо не умирает’. Писатель любит играть словами, особенно именами собственными. Сама жизнь героя далека от благородства. Его смерть — справедливое возмездие за то, что он издевался над окружающими.

Сумасшедший Асиль отвергает семью, государство, Бога [Günday 2014: 152]. У нет прошлого, он его не помнит. У него нет будущего, т.к. он не придает ему значения. Он ведет бесконечные беседы с внутренним «Я», которое от него отделено и управляет его существованием, жизнью, его нетаесть. Его «Я» может делать все, не советуясь с Асилем. Связь Асиля и его «Я» «органическая, а не чувственная» [Günday 2014: 147]. В конце жизни он перестает слышать свое «Я», перестает узнавать окружающих, решается на самоубийство, но перед этим настраивается на то, чтобы убить родителей для того, чтобы не доставлять им горе собственной смертью.

Существование Асиля — это одновременно существование гения и злодея. Он очень быстро пишет книги. Буквально за несколько дней из-под его пера выходят три гениальных произведения (публицистика о сотворении мира — «Обезьяна Бога»; два романа — «Освобождение» и роман без названия про грабителя складов). Литературные критики считают, что он создает новый стиль письма, придумывает новые турецкие слова. Асиль прославился своим творчеством, его «разрывают на части» репортеры и издательства. Но он перестает писать. Снимает на добытые обманном путем деньги скандальный документальный фильм «До какой степени ты плохой?». В фильме исследуется глубина падения разных людей (проститутка, продавцы детских порнографических фильмов, те, кто призывает к войне на городских улицах и др.), показывается, насколько низко они пали. Асиль пишет гениальные речи для купленного им депутата Халима (деньги на это он также получает благодаря невероятно наглой афере: обманывает богатую вдову, расписав ей, как будет создавать центр нетрадиционной медицины / центр медиумов, медитаций): речи об ограничении свободы слова, об узаконивании взяток, уменьшении числа школ, о разрешении продажи и использования наркотиков и т.п. Речи блистательные, но содержание их ужасно, совершенно не соответствует демократическим принципам и правовой структуре государства. Депутаты одурманены речами Халима, без усталости аплодируют ему. Останавливает эту парламентскую вакханалию только смерть депутата Халима от передозировки наркотиков. Постепенно парламентарии начинают приходить в себя, в парламенте начинается расследование деятельности Халима, в результате которого узнают, кто писал депутату речи. Правоохранительные органы возбуждают иск против Асиля, за ним начинается погоня, он бежит на берег моря в небольшой отель. Его фото как преступника показывают по телевидению.

Эксперименты Асиля происходят на разных уровнях. Он постоянно экспериментирует над собой: работает медиумом, предсказывает варианты жизни для людей, пишет книги, снимает фильмы, становится спичрайтером для депутата парламента, пьет алкоголь, принимает наркотики и т.п. Он постоянно экспериментирует над людьми: на уровне единичных людей (подталкивает их к совер-

шению преступлений и снимает об этом фильм), на уровне целой страны (призывает депутатов в парламенте принимать антигуманные законы).

Злодейство Асиля проявляется в попытках убить своих родителей, в доведении до самоубийства Гонджи, своей первой клиентки или же по второму варианту развития романских событий в убийстве Асилем Гонджи (он ее сам задушил)², в краже маленького сына Яхьи у хозяев прибрежного отеля. Он всё время выдает себя за другого: Адиля Олмеза, преподавателя университета и др. Постоянно врет всем, не говорит о своих истинных намерениях. Врет Шефике (богатой вдове) о создании им Центра для медитации и выманивает у нее огромное количество денег.

Цель Х. Гюндая — показать нестабильное, раздробленное сознание человека нашего времени и изучить возможности такого сознания. Показать, в каких условиях возникает подобное сознание. Этим Х. Гюндай будет заниматься и дальше в своем творчестве. Недаром в романе «Вред» он даже использует то же имя главного героя — Асиль.

В 2005 г. автор выпустил первую пьесу «Оправка/Сердечник» (Malafa). В 2020 г. Х. Гюндай совместно с художником-иллюстратором и одновременно своим кузеном Эмре Орхунум выпускают роман-комикс «Крови, колено, крови» (Kana Diz Kana) (работа над книгой началась в 2008 г. и в турецкой редакции она вышла через 12 лет). Роман «Вред» в 2009 г. получил турецко-французскую литературную премию. Роман «Мало» в 2011 г. получил премию «Лучшее сочинение года», которую журнал «Dünya Kitap» присуждает с 1993 г. В 2015 г. роман Х. Гюндая «Еще», переведенный на французский язык как «Encore»/«Еще», получил французскую премию Prix Médicis как лучший иностранный роман 2015 года. Этот же роман стал первой турецкой книгой, которая была отмечена на книжном Берлинаре, проходившем в рамках Берлинского кинофестиваля в 2014 г.

Роман «Вред» имеет сложную сюжетно-композиционную структуру. Он представляет собой записи солдата срочной службы Асиля Конушту, служившего в жандармерии, о последних шести месяцах его пребывания в армии. Асиль пишет от своего лица и от лица Зии Хуршита, который якобы является к нему во время его боевых дежурств и рассказывает о своей жизни. Не сразу становится понятно, что Зия Хуршит приходит к солдату лишь в воображении Асиля. Зия Хуршит (1892 — 14 июля 1926) — это историческая личность. Он был турецким политическим деятелем периода национально-освободительной войны (1919–1923 гг.) и первых лет построения республики. Он был участником Эрзерумского конгресса (23 июля 1919 г.) в составе делегации от Трабзона. Он был депутатом от Лазистана в Национальном меджлисе первого созыва. Знал Ататюрка, работал в иностранной комиссии меджлиса. Он же впоследствии перешел в оппозицию к кемалистам (стал членом Прогрессивной республиканской партии/*Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası*) и участвовал в июне 1926 г. в измирском покушении на Ата-

² Для романа характерна многовариантность развития сюжетных ходов.

тюрка. Жизнь Зии Хуршита, который приходит к солдату из далекого прошлого, комментируется Асилем. Иными словами, жизнь Зии Хуршита приводится в романе сквозь призму восприятия современного молодого человека. В то же время автор всячески стремится создать впечатление того, что Хуршит говорит о себе сам, а Асиль лишь комментирует его слова. Встречи Асиля и Хуршита передаются в настоящем времени. Отсчет глав идет в обратную сторону от 10 до 0. 0 — это день, когда солдат должен был демобилизоваться из армии. Каждая глава — это время, остающееся/уменьшающееся до демобилизации.

Но в романе есть и третий пласт повествования. Это повествование от третьего лица. Оно ведется в прошедшем времени. В нём главенствует безличный повествователь, рассказывающий о том, как Асиль фантастическим образом оказывается в далеком прошлом, в котором он встречается с Зией Хуршитом. Этот повествователь вступает в действие, начиная с нулевой точки, от которой время сначала останавливается, а потом начинает «идти в минус», вспять, в прошлое, в 1926 г. демобилизации солдата Асиля не происходит, поскольку он оказывается в тюрьме за убийство, и теперь его пространство ограничено уже не просто забором воинской части, а стеной камеры. Безличный повествователь описывает каждый день Зии Хуршита: приходы к нему в номер гостиницы Асиля и уговоры сдать власть, принятие Зией уговоров Асиля и увещание им одного из заговорщиков донести на всех в полицию, арест всех причастных к несостоявшемуся покушению на Ататюрка, заключение в тюремной камере, суд и казнь. Безличный повествователь буквально развенчивает некоторые истории Зии Хуршита, говоря о том, что они были лишь плодом воображения самого Асиля. Он критикует Асиля и за то, что солдат по глупости искалечил свою жизнь и попал за решетку. Но, по сути, и этот повествовательный пласт принадлежит солдату Асилю, поскольку все повествование — это его записи в блокноте.

Асиль Конушту — психически нездоровый человек. Когда он стоит в наряде в сторожевой будке на холоде в минус 26–30 градусов в отдаленном восточном районе страны, где пространство воинской части отгорожено с одной стороны тюрьмой, а с другой — безбрежными снегами и горами, он принимает решение совершить самоубийство. Но в это же время его начинают посещать видения дальнего родственника Зии Хуршита, повешенного кемалистами в июле 1926 г. Асиль является внучатым племянником Хуршита, о чем в семье солдата всегда замалчивалось, как будто бы Зии Хуршита вообще не было на свете. Зия беседует с Асилем, отговаривает его от самоубийства и рассказывает о своей жизни (учеба в Германии, влюбленность в Янину, знакомство с немецким художником Георгом Гроссом, чтение книги Ницше «*Esse Homo*» / «*Се человек*», «*Вот человек*», участие в национально-освободительной войне, спасение отца и старшего брата, работа в первом созыве турецкого парламента, знакомство с Ататюрком, переход в оппозицию из-за разногласий с лидером страны, чей культ личности становится все более явственен, разгром оппозиции кемалистскими властями, подготовка к покушению на Ататюрка группы заговорщиков, арест заговорщиков властями, смертная казнь Хуршита и др.). Из записей Асиля становится ясно,

что он сам ушел со второго курса университета, когда после прочтения книги Ницше «*Esse Homo*» начал по ночам видеть один и тот же кошмар о том, что он убивает из пистолета Ататюрка. В 18 лет он попал в армию на восток страны, в те районы, где вели боевые действия курдские сепаратисты. Асиль с трудом переживал невыносимые условия жизни: холод, голод, бесконечные караульные дежурства, издевательства командиров. Здесь солдаты превращались буквально в зверей, вынужденных бороться за собственное выживание.

Тема тяжелых условий службы на востоке страны не нова и актуальна для турецкой беллетристики. Она раскрывается в романе З. Ливанели «Счастье» (Mutluluk, 2002), в котором одна из сюжетных линий посвящена солдату-срочнику Джемалю, служившему в подразделении спецназа в горах на юго-востоке Турции. Тяжесть бытовых условий, суровость климата и смертельная опасность, которой он подвергался в ходе борьбы с курдскими партизанами, психически надломил парня, сделали из него «духовного инвалида» [Репенкова 2020: 57].

В романе Х. Гюндая показано, как невыносимые условия существования, лишаящие людей человеческого облика, толкают солдат жандармерии на совершение убийства. В одно из дежурств Асиль вместе с тремя товарищами убивает сержанта, не позволившего солдатам зайти в сторожевую будку и погреться у печки-буржуйки. Точнее, убивает не Асиль, а Шамиль. Но Асиль предлагает сжечь труп, закопать его подальше от части в снегу и таким образом уничтожить следы. Они так и поступают, потом спокойно встречают пришедший им на смену караул. Однако сержанта очень скоро начинают искать, и преступление открывается. Всех четверых сажают в тюрьму, Асиль получает восемь лет заключения. Сидя в тюремной камере, он мысленно переносится в прошлое страны, в 1920-е гг. и представляет себя уговаривающим Зию Хуршита не совершать убийства Ататюрка и сдать власть. Асиль считает, что ему удастся убедить своего родственника, но власти оказываются суровыми по отношению к заговорщикам, состоявшимся убийцам — выносится решение о казни через повешение. События 1926 г. и измирское покушение на Ататюрка становится темой и романа А. Умита «Прощай, моя прекрасная родина» (Elveda Güzel Vatanım, 2015) [Ümit 2015]. Эта тема рассматривается как пример уничтожения оппозиции кемалистским руководством страны. Герой романа, бывший иттихадист³, разочаровавшись в идеалах революционной борьбы, в ноябре 1926 г. в номере стамбульского отеля «Пера Палас» пускает себе пулю в лоб [Репенкова 2020: 129–182].

Как уже отмечалось, структурно главы романа располагаются под номерами, которые представлены в обратном порядке: от 10 до 0 — служба Асиля Конушту в армии. Ноль — это дата, когда солдат должен был демобилизоваться, ее он проводит уже в тюрьме. И далее от 0 до -23, когда он сидит в тюрьме и продолжает писать дневник уже не в той тетради, которая была у него в армии, а в блокноте, который ему в камеру принес военный психиатр. В минусовых записях Асиль выступает безличным повествователем и говорит о том, что многие

³ Иттихадист — член турецкой буржуазно-националистической партии «Иттихат ве Теракки» (Единение и Прогресс), партии младотурок, правившей Османским государством с 1908 по 1918 гг.

события о жизни Зии Хуршита солдат придумал сам, в основном это касается жизни Зии в Германии. Развенчиваются безличным повествователем и последние месяцы жизни Зии Хуршита, связанные с покушением на Ататюрка, в котором Зия якобы выступал организатором. Исторически доказано, что в измирском покушении Хуршит не был главным действующим лицом. Организаторами являлись Сары Эфе Эдип и Абдюлькадир, которые накануне покушения покинули Измир. Это напугало другого заговорщика Гиритли Шевки, который и донес о готовящемся покушении властям. Далее на суде участников заговора помиловали. Лишь на следующий день в камере Зие Хуршиту сообщили о решении об их смертной казни.

Название романа можно трактовать как вред, который наносит человеку окружающая его несправедливая действительность. Она калечит человека, делает его духовным и психическим инвалидом (человеком с изъяном). Заставляет «раздваиваться» (я — не я, я — другой), что в конечном итоге приводит к трагедии (смерти, тюремному заключению). Раздвоение личности Асиля (он экстраполирует на себя личность Зии) оценивается героем-солдатом как то, что в него вошла мятежная душа его предка. Он считает, что может сам разобраться с несправедливостью в армии. Поэтому он и участвует в убийстве сержанта. В свое время Зия также решил сам покончить с культом личности Ататюрка, постепенно превратившимся в диктатора. Однако вторым важнейшим вопросом произведения звучит вопрос: вправе ли человек принимать решение о жизни-смерти другого? Не может ли убийство другого еще больше искалечить человеческую жизнь, чем сама несправедливая реальность?

Роман «Еще» в сюжетно-композиционном отношении близок к роману «Вред». Повествование также представляют воспоминания двадцатитрехлетнего психически нездорового юноши по имени Газа, который слышит голоса и разговаривает с невидимым собеседником. Газа с девяти лет оказался вовлеченным в преступный бизнес своего отца Ахада, занимавшего транспортировкой нелегальных мигрантов из Ирана, Ирака, Сирии, Афганистана, Ливии и др. стран через Турцию в Грецию, а далее в страны Западной Европы. Мигрантов группами по 30–50 человек перевозили через границы в фургонах, принадлежавших главе преступной группировки Арузу. Он переправлял нелегалов через всю страну на запад в район Измира, где живой товар передавался отцу и сыну, проживавшим в небольшом поселке Кандалы недалеко от Измира. Жили они на Грязной улице. Дом достался им от деда по материнской линии. Отец имел большой фургон, заправившийся на замок. Официально отец в грузовике-фургоне перевозил овощи и фрукты, а его фирма называлась «Логистические услуги Ахада — грузоперевозки свежих овощей и фруктов». В этом фургоне под прикрытием властей горodka и осуществлялась дальнейшая транспортировка нелегалов до побережья Эгейского моря, чтобы их далее на судах перевезти в Грецию. Некоторых мигрантов отправляли в Стамбул, где они работали либо на текстильном производстве, либо в криминальном бизнесе (женщины становились проститутками). На какое-то время мигрантов прятали в подвале сарая Ахада. Под сараем был построен

громадный резервуар/подвал для воды, оборудованный для проживания нелегалов. За нелегалами в подвале следил мальчик Газа, подвергавшийся со стороны мигрантов издевательствам и даже насилию. После недельных отсидок нелегалов в подвале на грузовике Ахада отец с сыном отвозили их в район Измира, где их забирали судна двух греческих капитанов (они называли себя «корсарами») Дардора и Хармина (имена ненастоящие, они сами себе их придумали, уподобляясь средиземноморским корсарам). В преступную группировку были вовлечены начальник жандармерии района — главный сержант Ядыгяр и глава муниципалитета городка, которым Ахад регулярно платил взятки.

Отец Газы был человеком жестоким. «Ради дела» он мог запросто убить любого, кто представлял опасность для его бизнеса, и он это делал неоднократно. Особенно это касалось нелегалов, которые во время опасного путешествия на Запад гибли, и нередко по вине Ахада. Для него главным оставались деньги. Безжалостность, жестокость Ахада свела в могилу мать Газы. Отец во время беременности бил женщину цепями. Она ненавидела мужа и еще не родившегося ребенка, которого она после родов решила закопать живым на кладбище. Отец помешал ей это сделать, после чего убил, всем же (в том числе сыну) сказал, что она убежала от него в поисках лучшей жизни. Ее труп Ахад закопал под деревом в своем саду. Через девятнадцать лет Газа, уже после смерти отца, нашел останки матери, которую узнал по платью. Это было единственное платье женщины, в котором она была запечатлена на фотографии. Рядом с трупом матери Газа нашел железный сейф отца, в котором тот хранил все свои «заработанные» деньги.

Так же, как и герой романа «Вред», герой этого романа оказался косвенно причастным к гибели людей: один нелегал из Афганистана по имени Джума из-за мальчика задохнулся в кузове машины; другой нелегал-афганец по недосмотру Газы был убит в подвале своими же соотечественниками. Но самое главное — из-за Газы погиб отец и пятьдесят человек нелегалов, которых отец с сыном в грузовике везли к морю. Ахад и Газа ехали в кабине и ожесточенно спорили о том, куда могла уйти мать Газы после родов. Газа еще тогда не знал, что отец ее убил. Однако Газа догадывался, что отец издевался над матерью и обвинял его в этом. Отец оторвал взгляд от дороги, и грузовик врезался в скалу. На горной дороге погибли все, кроме Газы. Он скатился в пропасть, и на него упала гора трупов афганцев из открывшегося кузова машины. Без еды и питья пятнадцатилетний мальчик пролежал 13 дней, после чего его нашел пастух и сообщил властям. Газа попал в больницу, сознание его помутилось. Он с трудом мог себя контролировать. Прокурор попросил Газу рассказать о преступной деятельности отца и всей группировки. Мальчик же по малолетству был признан непричастным к преступлениям и оправлен в Стамбул для продолжения учебы в интернате. Главу жандармов с главой муниципалитета городка арестовали.

Далее жизнь Газы, как и жизнь героя романа «Вред», постоянно развивалась в замкнутом, ограниченном пространстве: учеба в стамбульском интернате, затем в частном лицее, жизнь в общежитии, палата психбольницы в Анкаре, подвал сарая в Кандалы, номера в гостиницах Измира... Прогрессировала и болезнь

Газы: он не мог дотрагиваться до людей и не позволял дотрагиваться до себя; не мог оставаться наедине с человеком, не мог разговаривать с людьми. Если кто-то случайно его касался, то это приносило ему ужасную боль, он начинал дрожать и кричать. Поэтому Газа предпочитал изоляцию от людей. Успокоение приносили лишь таблетки морфина сульфата (анальгетик на основе опиума).

Всю жизнь Газы определяло слово «еще». По-турецки оно звучит как «daha». Это было единственное слово, которое знали нелегалы, перевозимые отцом в грузовике. Они протягивали руки из грузовика и крича: «Еще!», просили воды. Газа постоянно слышал это слово и сидя около подвала с нелегалами в собственном доме. Лежа 13 дней под трупами среди скал, Газа слышал, как кто-то рядом кричит: «Еще!», и был уверен, что он не один выжил в автокатастрофе. Автор романа играет словами. Имя отца мальчика Ахад (Ahad). Если прочитать это слово в обратную сторону, то получится «daha». Именно отец и нелегалы искалечили жизнь ребенка, сделали его духовным инвалидом. Он всю жизнь стремился убежать от отца и от его бизнеса, но этот бизнес ломал его жизнь, он замкнулся в своей болезни и стал ходячим трупом (без настоящего, будущего и прошлого). В конце романа остается неясным, погиб Газа или остался в живых, поскольку в него из автомата Калашникова стрелял маленький мальчишка-афганец в афганской долине Бамиан, куда Газа приехал из Турции.

Газа не просто слышал голоса внутри себя, он страдал от того, что не мог жить среди людей, не мог социализироваться. Он старался изучать людей. Один из его опытов по изучению людей начался еще в 15 лет, когда он сидел в сарае и наблюдал посредством видеокамер и компьютера за несколькими десятками афганцами в подвале. Он специально подстроил события так, чтобы нелегалы-афганцы выбрали среди себя главного. Им оказался бывший студент Растин. С Растином Газа и производили опыты над людьми в течение двух недель, пока отец уехал договариваться о поставке нового товара. Управление Растина и Газы нелегалами (они разыгрывали то демократию, то диктатуру) привело к тому, что обитатели подвала убили одного из своих соотечественников. Это очень разозлило Ахада, когда тот вернулся домой и узнал, что «товар» испорчен.

А другой опыт был осуществлен после того, как Газа стал свидетелем линчевания бывшего преступника на измирской площади толпой горожан. После этого он отправился в тур по миру (Тур линча): Ближний Восток, Северная Африка, Балканы, материковая Европа, Англия, где старался найти случаи расправы людей над своими соотечественниками. В Англии он даже погнался за арабским мальчиком вместе с подвыпившими друзьями из паба, чтобы совершить линчевание (самосуд). Но догнав первым мальчика, только до него дотронулся и отпустил. Последней поездкой Газы стала поездка в Афганистан, в Бамианскую долину, в которой талибы взорвали две гигантские статуи Будды. Газа стоял в нишах статуй, и в нем снова заговорил афганец Джума, которого он с детства не слышал. Тот благодарил Газу за то, что он привез его на родину. Вдруг Газа увидел напротив себя пятнадцатилетнего мальчика с автоматом Калашникова в руках. Мальчик выстрелил ему в плечо. Казалось ли это Газе, или на самом деле —

трудно определить. Это могло быть очередное видение. Видение самого себя в детстве. А могла быть и настоящая смерть.

Основная проблема в романе — одиночество человека в этом мире, невозможность общения с другими людьми. Болезненное состояние одиночества и «расщепление» человеческого сознания.

Роман «Мало» по своей художественной структуре более традиционен, чем романы писателя, о которых шла речь выше. В нем события развиваются в хронологической последовательности. В нем нет острой социальной проблематики, характерной для предшествующих книг. Нет сдвига временных и пространственных пластов и движения времени вспять. Но тема человеческого одиночества, кричащего, доводящего до отчаяния, до «распада», «расщепления» человеческой личности по-прежнему на первом плане. Человек по имени Дерда (Дерда — в переводе с турецкого «увы, жаль» *поэт.*, это женское и мужское имя) двулик, двуедин в женской и мужской ипостасях. Он нестабилен, поворачивается к читателю то женским, то мужским началом. Сюжетно это выражается в том, что в романе последовательно показаны нелегкие судьбы двух тезок-сирот, 11-летних детей-подростков (мальчика и девочки), прошедших через суровые жизненные испытания и соединившихся в сорокалетнем возрасте.

Роман трехчастен. В первой части рассказывается про девочку Дерду (Derdâ), которая родилась в деревне Ятырджа на Востоке Турции и в 11 лет была продана матерью в тарикат (братство, орден) Хизметчи. Ее увезли в Лондон и выдали замуж за Безира — сына одного из руководителей тариката шейха Убейдуллаха. Безир оказался садистом. Он на пять лет закрыл Дерду в квартире и издевался над ней, пока однажды она не сбежала. Безир же в тот день был убит Регаиром — отцом Дерды, представителем враждебной тарикату бандитской группировки. Регаир — профессиональный убийца — входил в преступный мир Лондона, в котором наркотическая мафия слилась с радикальным исламом. Члены братства Хизметчи также торговали наркотиками. Некоторые из них занимались и террористической деятельностью (например, Безир готовил взрыв в лондонском метро). Но внешне всё было законно: например, отец Безира Убейдуллах имел мебельные фабрики в Лондоне.

Убевая, Дерда сначала попала в среду садомазохистов (Станли Лоурел и Оливер Харди/Митч), затем оказалась среди наркоманов и стала наркозависимой (она получала наркотики, кололась героином, работая в курдской банде во главе с Кара Т., который в свою очередь работал на Регаира. Регаир, схваченный полицией, погиб в тюремной камере). Снялась в порнофильме, где ее насиловали 52 мужчины. В шестнадцать лет она оказалась в реабилитационном центре для наркоманов под Лондоном. Там за ней ухаживала волонтер, бывшая реанимационная медсестра Энн. Имя Энн (Anne) читается по-турецки как «мама». Дерда привязалась к Энн, а та — к девушке. После окончания срока реабилитации Энн взяла девушку к себе в дом, и они начали жить вместе. В 18 лет Дерда закончила в Эдинбургском университете филологическое отделение по специальности английская литература.

Вторая часть повествует о мальчике 11 лет Дерде (Derda). В турецком языке в женском имени на конце стоит буква «â», в мужском — «a». Дерда родился в окраинном стамбульском квартале (геджеконду), примыкающем к кладбищу (Edirne kapı Şehitliği Sakızağacı Mezarlığı). Стена кладбища служила стеной его жалкой лачуги. Отец мальчика сидел в тюрьме за разбой. Мать умерла от рака, и он, боясь, что его как сироту отдадут в интернат, расчленил труп матери украденным топором (тяжелое тело ему было не под силу поднять и похоронить целиком) и по частям похоронил на кладбище в разных могилах. Жил он на то, что убирал могилы, просил милостыню у посетителей кладбища. Однажды, наблюдая за одной из могил, как впоследствии выясняется известного турецкого романиста Огуза Атая (1934–1977), он стал свидетелем тайных встреч члена ордена Хизметчи Таййара, который, затаив обиду на шейха Гази, доносил о его деятельности в Лондоне представителю английской разведки МИ6. Шейх Гази должен был сделать Таййара своим преемником, так как тот в свое время спас ему жизнь, заслонив собой от пули. Но шейх назначает преемником своего сына Хыдыра Ариффа. Таййар оскорблен. Начинает сотрудничество с МИ6 в обмен на хороший гонорар и вид на жительство в Лондоне. Дерда не понимает действий мужчин около могилы, они что-то кладут и вынимают из специальной урны. Но частенько мальчик ворует из этой урны деньги и даже неведомые ему бумаги (читать и писать Дерда не умеет, он никогда не ходил в школу).

После возвращения из тюрьмы отца Джелиля, Дерда (а ему уже 16 лет) избегает отца и уходит из дома. Он работает на складе нелегальной типографии и развозит по точкам продажи книги. На одной из таких точек работает студент-математик Сарухан, который учит Дерду читать и дает почитать роман Огуза Атая «Дисконтактные» (Tutunamayanlar, 1972), на обложке которого он видит те же фамилию и имя, которые он видел на камне могилы, за которой ухаживал на кладбище, и у которой встречались таинственные мужчины — Огуз Атай.

Книга настолько поражает юношу, что переворачивает весь его мир. Он считает, что люди (писатели и читатели) того времени не признавали талант великого автора, поэтому он и умер таким молодым от тоски. И хотя окружающие и объясняли Дерде, что умер романист от опухоли головного мозга, Дерда и слушать ничего не хотел. Виноватыми в смерти О. Атая он считал писательский мир того времени (1970-х гг.). Мечтал отомстить за любимого писателя людям. Выбил на пальцах двух рук татуировки из букв имени и фамилии писателя. Он часто приходил к могиле Огуза Атая, ухаживал за ней, поливал цветы. Разговаривал с писателем, делился своими бедами.

В один из дней Таййар, который, как оказывается, ушел из тариката и стал владельцем той подпольной типографии, где работал Дерда, позвал в свой дом Дерду. Подростка туда привез помощник Таййара Исрафиль. Когда Дерда ехал на машине Исрафиля, он впервые в жизни увидел Босфор и мост через Босфор, по которому они проехали. Таййар и Исрафиль уговорила Дерду убить некоего Чопчу (мусорщика) Ханифа, поскольку тот хотел подмять под себя бизнес Таййара. Они дали ему в руки пистолет, научили стрелять. Но вдруг Дерда узнал

в Таййаре одного из тех, мужчин, которые пять лет назад приходили на могилу Огуза Атая и у которых он воровал деньги. Дерда убил из пистолета Таййара и Исфафиля. Затем с пистолетом на такси отправился в район Бейоглу, где в писательском кафе «Чорак» убил одного пожилого журналиста и ранил двух преклонного возраста романистов.

Дерда проходил психиатрическую экспертизу. Врачи не смогли прийти к единому мнению относительно его психического состояния. Его судили. Дерду посадили на двадцать четыре года. Передачи в тюрьму ему передавал сначала Чопчу Ханиф, в благодарность за то, что остался жив, а после его смерти сын Ханифа. Так сын передал ему телефон, в который были закачены фильмы. Дерда начал смотреть эти фильмы и наткнулся на порнофильм с Дердой, где ее насильовали 52 человека. Девочка-подросток с огромными глазами поразила его. Он в нее влюбился и решил, что будет искать после освобождения.

Третья часть посвящена взрослым Дерде и Дерде. Через двадцать лет Дерда вышел из тюрьмы и на могиле Огуза Атая встретил женщину, которая ждала его там. Это была Дерда. Она передала ему письмо, которое он прочитал здесь же на могиле. В письме рассказывалось про жизнь Дерды, о том, как она жила с Энн, как та умерла от инсульта, но перед смертью рассказала Дерде историю своей жизни. 22 декабря 1976 года в реанимации больницы, где она работала, встретила турка, который лежал после операции на мозг. Это был Огуз Атай, который отговорил ее от самоубийства и придал ей веры в жизнь. Женщина влюбилась в него и до конца жизни осталась ему верна. Она даже ездила в Стамбул и посетила его могилу, где закопала письмо писателю. Дерда, прослушав историю Энн, а в то время она уже стала профессором эдинбургского университета, занимающимся английской литературой, поняла, что она ничего не знает об Огузе Атае. Начала через интернет собирать о нем сведения. Наконец, наткнулась на нашумевшее убийство в Бейоглу Дерды. Заинтересовалась им, влюбилась в него. Начала ждать его освобождения из тюрьмы. После встречи сорокалетние Дерда и Дерда уезжают в Эдинбург и живут там счастливо еще двадцать лет.

Расшифровка названия романа содержится в письме Дерды, которое она передает Дерде на кладбище. Заключительные строки его гласят: «Потому что я и Огуза Атая прочитала, и тебя узнала... Ты можешь сказать, насколько хорошо ты можешь узнать человека по его фотографиям, по газетным сообщениям? Ты прав. Наверное, очень мало... Тогда я должна сказать следующее: я знаю тебя мало... Мало... Ты тоже заметил? Слово «мало» (az) малюсенькое слово. Только две буквы «А» и «Z». Но между ними огромный алфавит. Есть десятки тысяч слов и сотни тысяч предложений, написанных этим алфавитом. Даже те слова, которые я хотела тебе сказать, но не смогла написать, расположены между этими двумя буквами. Одной — в начале, другой в конце. Но их словно бы создали одну для другой. Чтобы они шли рядом друг с другом и читались вместе. Словно бы это является моментом преодоления каждой из букв, которая стоит между ними, моментом прохода через каждую из них. Как будто именно это мы (я и ты) и делали всю свою жизнь.

Поэтому, видимо, мало (az) больше, чем много (çok). Видимо, слово «мало» обретает размеры целой жизни, оно размером с жизнь и смерть! Видимо, я тебя мало знаю, значит, знаю тебя больше, чем себя! Значит, пусть я даже тебя и не знаю, я сделаю все, чтобы узнать. Видимо, мало означает все. И, видимо, это та единственная вещь, которую я и собиралась тебе сказать...» [Günday 2015: 349].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что «расщепленный» герой Х. Гюндая формировался с первых романов писателя в образах его необычных, неоднозначных, одиноких персонажей, прошедших через невероятные превратности судьбы. В романах «Кинйас и Кайра» и «Мало» разные ипостаси «расщепленного» сознания данного героя (мужское/мужское в «Кинйасе и Кайре» и женское/мужское в «Мало») материализуются в отдельных личностях, т.е. «расщепление» доходит до максимума. В романах «Вред», «Еще», «Увольнение со службы» «расщепленное» сознание героя остается в пределах одной личности. Но эта личность, как правило, не жизнеспособна, она не может существовать среди людей. Поэтому она либо погибает («Еще», «Увольнение со службы»), либо оказывается за решеткой в тюрьме («Вред»).

Литература

- Репенкова 2020 — Репенкова М.М. Турецкие писатели переходной эпохи. Литературные портреты. М.: Наука — Вост. лит. 2020. 327 с.
- Az — Hakan Günday [Электронный ресурс] — URL: <https://hosvakit.wordpress.com/2012/05/31/az-hakan-gunday/> (дата обращения: 03.05.2020)
- Hakan Günday Hakkında Yorumlar [Электронный ресурс] — URL: <https://kidega.com/yazar/hakan-gunday-003674> (дата обращения: 03.05.2020)
- Günday 2009 — Günday H. Ziyân. İstanbul: Doğan Kitap. 2009. 338 s.
- Günday 2013 — Günday H. Daha. İstanbul: Doğan Kitap. 2013. 417 s.
- Günday 2014 — Günday H. Azil. Deha ile delilik arasında seyreden bir hayat. İstanbul: Doğan Kitap. 2014. 215 s.
- Günday 2015 — Günday H. Az. İstanbul: Doğan Kitap. 2015. 355 s.
- Günday 2020 — Günday H. Kinyas ve Kayra. İstanbul: Doğan Kitap. 2020. 533 s.
- Livaneli 2018 — Livaneli Z. Mutluluk. İstanbul: Doğan Kitap. 2018. 376 s.
- Ümit 2015 — Ümit A. Elveda Güzel Vatanım. İstanbul: Everest Yayınları. 2015. 556 s.

Л.В. Софронова¹

Идиостиль Семы Кайгусуз

Сема Кайгусуз (род. 1972) — современная турецкая писательница, известная не только турецкому читателю, но и за пределами своей страны. Британская газета «Гардиан» считает ее «...значимой фигурой в турецкой современной литературе благодаря ее многочисленным произведениям, в которых смешано повседневное, историческое и мистическое с лирическим гуманизмом» [Savaş 2019]. Первые ее рассказы были опубликованы в середине 90-х гг. XX в. и были сразу отмечены почетной литературной премией Яшара Наби 1995 г., присуждаемой молодым литераторам. С. Кайгусуз включена в когорту лучших современных турецких литераторов. Ей посвящена глава в «Словаре персоналий турецкой литературы» [TEIS 2019], ее имя упоминается среди писателей-новаторов в кандидатской диссертации по турецкой новеллистике 1990–2005 гг. Лейлы Бурджу Дюндар [Dündar 2007: 134]. По мнению составителей «Словаря...», «...новеллистка, воспользовавшись потенциалом устного творчества, написала свои рассказы в стиле сказки и ее языком, а в наши дни она предстает перед нами как романист, который наряду с защитой своей идентичности и в дополнение к стилистике устного народного творчества обогатила свои романы мифологией, текстами из священного писания и историческими персонажами» [TEIS 2019]. Вышесказанное свидетельствует о значимости для турецкой прозы творчества Семы Кайгусуз и об актуальности его изучения.

Основной задачей нашего исследования является выделение основных черт идиостиля Семы Кайгусуз на основе анализа ее рассказов из трех сборников: «Застарелое пятно» (*Sandık Lekesi*, 2000), «Колодец плененных слов» (*Esir Sözcükleri*, 2004), «Меланхолик» (*Karaduygun*, 2012). Наше понимание идиостиля писателя основывается на определении В.В. Виноградова как «своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но представляющей структурное единство системы средств и форм словесного выражения в ее развитии» [Виноградов 1954: 169]. По его мнению, «в стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все исполь-

---

¹ Софронова Лариса Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России; lvs877@gmail.com

зованные художником языковые средства» [Там же: 169]. Рассмотрение специфических черт стилистики писателя в их совокупности и взаимопроникновении в контексте анализа авторского идиостиля несомненно способствует широкому и многоаспектному охвату поставленной задачи. Существует несколько подходов к анализу идиостиля, такие как семантико-стилистический, лингвопоэтический, системно-структурный, коммуникативно-деятельностный и когнитивный. Принимая во внимание художественно-эстетические особенности творчества Семы Кайгусуз, можно заключить, что наиболее полно раскрыть своеобразие творчества писательницы позволяет именно семантико-стилистический подход, который может быть эффективно дополнен когнитивным анализом произведений, но этот ракурс должен быть реализован в отдельном исследовании.

Творчеству Семы Кайгусуз посвящен специальный выпуск № 6 журнала «Монограф». Большой резонанс вызвали два романа Семы Кайгусуз: «Молитвы, упавшие на землю» (*Yere Düşen Dualar*, 2006) и «Место на твоём лице» (*Yüzünde Bir Yer*, 2009). Первый роман писательницы привлек внимание критиков своеобразной постмодернистской картиной отражения действительности. Второй роман вызвал мощную волну откликов благодаря затронутой в нем теме курдского восстания в г. Дерсиме и его жестокого подавления в 1937–1938 гг., события тех лет долгое время замалчивались властями. Поэтике этого романа посвящена статья М.М. Репенковой [Репенкова 2020], это — единственная до настоящего времени работа в российском литературоведении, посвященная творчеству Семы Кайгусуз.

Что касается новеллистики писательницы, то ее сборники рассказов анализировались в ряде статей турецких литературоведов. Так, в статьях Озджана Кайа [Kaşa 2016] и Фахри Оза [Öz 2016] рассматриваются рассказы из сборника «Точка насыщения» (*Doyma Noktası*, 2002). В то время как Фахри Оз дает общую характеристику произведений, входящих в сборник, отмечая их основную черту — изображение человека, пережившего потрясение, душевную травму, Озджан Кайа выделяет некоторые концепты, характерные для художественной картины мира Семы Кайгусуз, подробно рассматривая процесс физической и духовной трансформации личности, переходящей из состояния голода в состояние насыщения и наоборот. В статье Эрхана Кыванча [Kıvanç 2016] анализируется рассказ «Сын гадюки» (*Engereğin Oğlu*) в психоаналитическом ракурсе. Главной идеей произведения критик считает реализацию эдипова комплекса во взаимоотношениях действующих лиц. Энсер Йылмаз в своей статье [Yılmaz 2021] сосредотачивает внимание на проблеме исторической памяти, выделяя в новеллистике Семы Кайгусуз ряд фольклорных образов, связанных с природой, таких, как змея, сова, дрозд, можжевельник, могильник, и сопоставляет их семантическое наполнение в фольклоре и в рассказах писательницы. Также критик касается и обрядов имянаречения и обрезания волос, молитвы о дожде, понятия оберега и значения желтого цвета, исследуя их семантику в исторической перспективе.

Следует упомянуть и о магистерских дипломных работах, посвященных рассказам Семы Кайгусуз, в них преимущественно рассматривается тематическое своеобразие произведений. Широтой охвата творчества писательницы отличает-

ся исследование Лейланы Йенер [Yener 2010], которая прослеживает ее творческий путь от рассказов к романам и выделяет характерные черты: фольклорную стилизацию и образность, мистицизм, повествование вне времени и пространства, но во взаимодействии с природой. На основе вышеприведенного обзора существующих исследовательских работ, посвященных новеллистике Семы Кайгусуз, мы можем констатировать, что до настоящего времени авторский идиостиль на материале ее новеллистики не был предметом научного исследования, что позволяет нам сделать вывод о новизне предпринимаемого нами анализа.

Сборник рассказов «Застарелое пятно» вышел в свет в 2000 г., и ему была присуждена почетная литературная премия Джевдета Кудрета. Сборник открывает рассказ под названием «На полпути от середины» (*Ortadan Yarısından*), так же назывался и первый сборник рассказов Семы Кайгусуз 1997 года. Тем самым писательница нарушает общепринятый принцип, когда наиболее значимый рассказ сборника дает название всей книге. Благодаря такому приему читатель заинтригован нераскрытым в книге названием и путем пробуждения любопытства побуждается к чтению следующего произведения. В то же время рассказ с прецедентным названием раскрывает иное значение, чем предполагал читатель, исходя в своих умозаключениях исключительно из поверхностного смысла словосочетания в заглавии. Из одноименного со сборником рассказа мы узнаем, что словосочетание в названии связано с раной главного персонажа произведения Омера-бея посередине живота, которая, как живое существо, растет и гниет, производя невыносимое зловоние и пожирая изнутри больного. По словам его жены, «у всех на глазах умирает человек от середины» (*Göz göre göre orta yerinden ölüyor adam*) [Kağusuz 2018: 13]. Читатель видит Омера-бея уже в пограничном состоянии: ни мертвого, ни живого. Поэтому возникает другая возможная интерпретация названия «середина на половину», характеризующая незаконченность действия. В то же время надо упомянуть об ассоциативной связи слова *yarısından* со словом *yarasından* ‘из его раны’, так как именно рана находится в фокусе происходящего. Подобный прием расположения новелл используется и в следующем сборнике рассказов «Точка насыщения», который открывается большим по объему, чем другие, произведением под прецедентным названием «Застарелое пятно». Изначально понятие *sandık lekesi* ‘пятно от сундука’ ассоциативно в восприятии читателя связано со словом *çeyiz* ‘приданное’. Приданное невесты копится по мере взросления девочки и обычно хранится в сундуке, когда же оно не востребовано, от затхлости покрывается желтоватыми пятнами, которые по-турецки и называются пятнами от сундука. В период написания рассказа в Турции была популярна песня Гюльбен Эрген под этим же названием, в которой есть строки:

Benim de saçında beyazlarım var artık

Çeyizlerim safran sarı sandık lekesi [Ergen 2002]

‘И в волосах моих уже седина,

Мое приданное в шафранно-желтых пятнах от сундука...’

В одноименном рассказе герой бродит по Стамбулу и вспоминает свое детство, юность. То есть понятие «застарелое пятно» имеет иную трактовку — воспоминание, которое невозможно стереть из памяти. На этом сборнике рассказов цепочка взаимосвязей прерывается, автор больше не прибегает к этому приему вовлечения читателя, видимо, он сыграл уготовленную ему роль.

Возвращаясь к сборнику рассказов «Застарелое пятно», заметим, что процесс энтропии, сопровождаемый запахом разложения, описанный в первом рассказе «На полпути от середины» и характерный для постмодернистской парадигмы, задает тон всему сборнику, в рассказах которого неоднократно ведется речь о смерти и перерождении. Но той незримой нитью, на которую нанизаны все произведения книги, становится запах в своих разных ипостасях, что позволяет нам говорить об ольфакторной образности новеллистики Семы Кайгусуз.

Наиболее ярким рассказом, полным драматизма, является «Сын гадюки». Запахи существуют в нем наряду со звуками. Они доминируют в завязке и в развязке действия, передавая его динамику и усугубляя драматизм. В кульминационной части основную роль играют звуки. В основе сюжета рассказа — смертельное противостояние ядовитой змеи и беззащитного ребенка. В первых строках мы узнаем о приходе змеи в самый красивый дом деревни, который наполнен запахом арабского мыла (*arap sabunu kokusu*), исходящим от мокрого пола, и смутным запахом молока (*belli belirsiz süt kokusu*), свежим запахом йогурта (*yoğurdun taze kokusu*). Это ольфакторное описание сопровождается неотчетливым звуком шуршащего плюща. Двухлетнего ребенка Азема сопровождают звуки лепета и смеха.

Çocuk savunmasız, engerek kıvrıla kıvrıla yaklaşıyor. Zilver'den sallantılı bir mirıltı, Azem'in çapaklı sözcüklerine karışıyor, yılan geliyor. Açık pencerelerde daniel tüller kımıldıyor, yılan sürtündüğü otları çıt çıt kırıyor. Islak basamakları aşır çocuğun yanına varıyor. Azem'in küçük ayaklarını kokluyor önce, sütlü, pembeli bir koku [Kaygusuz 2018: 29].

‘Ребенок беззащитен, гадюка приближается извиваясь. Зильвер издает неясное бормотание, оно смешивается с отрывистыми словами Азема, змея идет. В открытых окнах трепещет кружевной тюль, трава, приминаемая змеей, хрустит. Минуя мокрые ступени, приближается к ребенку. Сначала нюхает его маленькие ступни, молочно-розоватый запах’.

В приведенном отрывке, ведущем к кульминационному противостоянию ребенка и змеи, развитие ситуации дается через звуки: едва различимое бормотание матери ребенка Зильвер, отрывистые слова Азема, трепетание колышущегося тюля, хруст травы, приминаемой змеей. Гадюка характеризуется исключительно своими действиями: приближается извиваясь, приходит, ползет, приминает с хрустом траву, подбирается к ребенку, миновав ступени, нюхает ноги. И молочный розоватый запах ног ребенка усиливает ощущение невинности и беззащитности мальчика перед надвигающейся опасностью. Далее наступает тягостная тишина,

в которой слышен лишь звук kloкочущей сливы (*fokurdayan erik*) в кастрюле на плите. В описании развития действия писательница прибегает к антитезе. Азем хватает змею — мать пронзительно вскрикивает. Мальчик стискивает змею — она издает хриплый звук (*kütür kütür bir ses*). Смех ребенка — беззвучный плач матери и змеи. Теперь глаголами характеризуются действия ребенка: скручивает, раскачивает, трясет, сильнее сжимает, хватает, разжимает пальцы. Последние действия сына сопровождаются дрожащим голосом матери и финальным падением мертвой гадюки со шлёпающим звуком (*şaklama*). Тем самым, активная роль вторгшейся в семейную идиллическую картину змеи и ее противостояние матери и ребенку сменяются активной ролью мальчика и совместным сопереживанием змеи и матери. Гадюка из врага превращается в жертву. В развязке сюжета фигурируют нытье и плач мальчика на фоне удушающего запаха газа (*bunaltıcı gaz kokusu*). Характеристика образности этого рассказа была бы неполной без эпитетов и метафор, играющих значимую роль в воссоздании образа змеи: *soktu mu kurşun sızısıyla ineten zehirli engerek* ‘ядовитая змея, которая если уж укусит, заставит стонать как от пули’, *siyah koca bir canavar* ‘черное огромное чудовище’, *bir kayış, bir kırbaç, ışıl ışıl bir kılıç* ‘пояс, хлыст, сверкающий меч’, *gümüş bir ışık* ‘серебряный свет’, *gecenin en koyu yerinden gömlek giymiş* ‘надела рубашку из самого темного места ночи’, *piril piril siyah incelerle işlenmiş bir kuyu prensi* ‘принц колодца, украшенный черным жемчугом’. Образ ребенка решен на цветовом контрасте к облику гадюки. Акцентируется белый цвет: *yüzü mermer kadar beyaz* ‘лицо, белое как мрамор’, *gözlerinde çakıl taşları* ‘в его глазах блеск гальки’, *üstünde papatyadan daha beyaz don* ‘на нем трусы белее ромашки’. Состояние матери выражается метафорическими и сравнительными оборотами, где важную роль играет глагол: *Kayı bir odun gibi indi beline* ‘Тревога легла, как бревно, на ее поясницу’, *gözleri buz tutmuş, dişleri kenetlenmiş, dudakları kanyor, için için inliyor* ‘ее глаза заиндевели, зубы стиснулись, губы кровоточили, внутри все стонало’.

Köyün minaresi yerli yerinde nasıl duruyorsa Zilver de öyle durdu. Sanki kadının bacakları yerin üç kat dibine uzanmıştı, sanki bütün köy omuzlarına binmiş, dağlar belini sarmıştı. Kaskatıydı [Там же: 30].

‘Как стоит на своей земле деревенский минарет, так и Зильвер стояла. Будто ноги женщины вросли в землю на три этажа, будто вся деревня взгромодилась ей на плечи, а ее стан сковали горы. Окаменела’.

В вышеприведенных примерах также реализованы и синтаксические стилистические приемы — анафорический повтор слова *sanki* ‘будто’ в начале двух составных частей сложносочиненного предложения. Абзац, где описывается смерть гадюки, построен на аналогии, при этом используется эпитифора для акцентирования параллельных действий матери и змеи, которые теперь находятся по одну сторону баррикад после того, как змея не стала нападать на ребенка, схватившего и душившего ее, а предпочла умереть:

Zilver de öyle durdu. Engerek de...Zilver de ağlıyordu, engerek de...Zilver düştü düşecek, engerek de [Там же: 30].

‘Зильвер так стояла. Гадюка тоже... И Зильвер плакала, и гадюка тоже... Зильвер вот-вот упадет, и гадюка тоже’.

Последний абзац рассказа, где говорится о погребении змеи, устроенном благодарной матерью, изобилует сравнениями, призванными подчеркнуть почет и уважение, которые стремилась выразить Зильвер гадюке:

Altın bir zinciri alır gibi aldı engereği, kız kardeşini sever gibi sevdi...oğlunun ellerini okşarcasına okşadı... Kendi atasına, biricik anasına nasıl hürmet ederse, işte öyle gömdü onu. Engereğin hakkını yemedi, kim kimin canını aldı, kim kimin canını bağışladı, bunu en iyi Zilver biliyordu [Там же: 31].

‘Она взяла гадюку, как берут золотую цепь, полюбила, как любят сестру...погладила, как гладят руки сына... И погребла ее, как если бы оказывала почести своему отцу и единственной матери. Не посягнула на права гадюки, кто кого лишил жизни, кто кому ее подарил, это лучше всех знала Зильвер’.

Мы находим в вышеприведенном тексте сравнения, выраженные при помощи депричастия на *-()rcAsInA*, послелога *gibi* ‘как’, условной модальности с вопросительным местоимением в составе условного предложения, содержание которого противопоставляется главному. К тому же мы видим здесь также инверсию: *aldı engereği* ‘взяла змею’, *gömdü onu* ‘похоронила ее’. В последнем предложении присутствует частичная анафора (*kim-kimin*). Все перечисленные нами стилистические синтаксические средства способствуют созданию особого сказового стиля повествования, достижению мелодичности и плавности речи. Необходимо также упомянуть об эпитетах, которые не столь многочисленны, как сравнения и метафоры, но играют немаловажную роль в рассказе: *mayhoş bir ılıklik* ‘кисло-сладкое тепло’, *kuru kızgınlık* ‘оголтелая (глухая) злость’, *neşeli bir gürültü* ‘веселый шум’, *ateşli avucuyla* ‘огненной хваткой’, *geçikmiş bir öfke* ‘запоздалый гнев’, *güzel manzarlı bir mezar* ‘живописная могила’.

Другой рассказ, привлечший наше внимание своим художественным своеобразием, называется «Юлерзик» (*Yülerzik*). Это выдуманное автором термин из ботаники, созвучный названию растения *üzerlik*². На наш взгляд, он также может ассоциироваться со словом *güleryüzlü* ‘радушный’, ‘приветливый’, подобная параллель оправдана в связи с тем, что иногда Сема Кайгусуз прибегает к перестановке слогов, букв при генерировании своих неологизмов. Гюлджан Кючукаталай в своей работе называет словотворчество писательницы языковыми искажениями (*dil sapmaları*), потому что считает, что С. Кайгусуз преднамеренно трансформирует известные слова, а не создает новые [Küçükatalay 2019: 160]. Следует отметить, что писательница в своем творчестве часто обращается к словам, которые не понятны турецкому читателю, так как фигурируют в диалектах, или уста-

² *peganum harmala* — гармала обыкновенная или могильник.

рели и вышли из обихода (например, название сборника рассказов *karaduygun* ‘меланхолик’).

Рассказ «Юлерзик» написан как обращение к читателю на «ты» в дружеской манере, полон предостережений и советов. Вместе с тем, в нем всесторонне описано растение как в энциклопедической статье: место и условия произрастания, внешний вид, отличительные черты, его назначение и применение. Но автор при этом очеловечивает растение:

Sen gitmek üzeresin, yülerzik ise duruyor, seni beklemiyor, bunu sakın unutma... [Каугусуз 2018: 59].

‘Ты собираешься уйти, а юлерзик стоит, тебя не ждет. Смотри не забывай об этом...’

Yüzerliği daha çok bir oğlan çocuğuna benzetebiliriz. Aksi, kıskanç, mızıkçı bir oğlana... O cılız gövdesinde, her an kavga çıkaracak bir duruş vardır, beklenmedik bir odunsuluk [Там же: 59–60].

‘В большей степени мы можем сравнить по сходству юлерзик с мальчиком. С перечасим, завистливым, ноющим мальчиком... В этом тщедушном теле скрывается поза, которая в любой момент может привести к ссоре, неожиданная одревенелость’.

Олицетворяя растение, писательница наделяет его такими эпитетами: *konuşkan bir bitki sayılmaz* ‘не считается разговорчивым растением’, *ağırbaşlı bu çiçeklerin* ‘серьезные цветы’, *hikmetli duruşuyla* ‘с мудрым видом’. Его описание построено на антитезе как таковой, но в большинстве случаев она реализуется не уступительными конструкциями, а передается через обращение к читателю с предостережением от нежелательных действий, выраженным повелительным наклонением второго лица единственного числа, усиленным словом *sakın* ‘осторожно’, ‘смотри не...’ с междометием или без него, тем самым, антитеза основывается на противопоставлении советов автора предполагаемым действиям читателя: *şüphelenme sakın* ‘смотри, не сомневайся’; *bunu sakın unutma* ‘смотри, не забудь’.

Ondan morlu, kırmızı gösterişli çiçekler bekleme sakın [Там же: 60].

‘Смотри, не жди от него фиолетовых, красных броских цветов’.

В рассказе мы находим и сопоставление выдуманного юлерзика с реальным растением — нигеллой ‘*çöreatu*’³:

Elbette daha önce çöreatunu öğrenmişsen. Yülerzikten önce hiçbir şey görmemiş gibi davranmalısın. Yoksa sana ilk kızan çöreatu olacaktır [Там же: 60].

‘Конечно же, ты раньше познакомился с нигеллой. Ты должен себя вести так, будто до юлерзика ничего раньше не видел. Иначе первым, кто на тебя рассердится, будет нигелла’.

³ *Nigella damascene* - нигелла, чернушка дамасская.

Как мы уже видели в предыдущем рассказе, С. Кайгусуз склонна часто использовать сравнения, преимущественно с послелогом *gibi* ‘как’. В этом плане данный рассказ не является исключением:

Çoğu bitki kökleri, yeni doğan bebekler gibi birbirine benzer. Yüleriğin kökü ise kenger kökü gibi kalındır [Там же: 62].

‘Корни большинства растений похожи друг на друга как новорожденные младенцы. Корень юлерзика толстый, как у чертополоха’.

Сравнения могут также быть построены на оборотах со вспомогательными словами *sanki* ‘словно’, ‘будто’, *tıpkı* ‘точь-в-точь’.

Yüleriğ sanki usturaya vurulmuş başıyla üzgün üzgün bakar sana [Там же: 61].

‘Юлерзик огорченно смотрит на тебя будто бы с обритой головой’.

Bitkiler tıpkı insan onuruna benzerler [Там же: 61].

‘Растения, как люди, похожи в своем достоинстве’.

В данном рассказе автор также прибегает и к анафоре:

Belki ikiyi geçer, belki sen onu gördüğün zaman, ondan bizim bilmediğimiz başka şeyleri de öğrenebilirsin [Там же: 59].

‘Возможно будет больше двух (его тайн), возможно, когда ты его увидишь, ты сможешь узнать от него иные факты, о которых мы не знаем’.

Примечательно то, что редко применяемый в турецком языке в силу его грамматико-синтаксического строя анадиплосис (подхват) находит свое воплощение в этом рассказе:

Aslında bunun bir önemi yok, önemli olan hangi gerekçeyle yüleriğe ulaşmak istediğini kavramandır [Там же: 63].

‘В действительности это не важно, важно твое осознание желания добраться до юлерзика и под каким предлогом’.

С. Кайгусуз часто использует различного рода инверсии, например, редко встречающуюся инверсию оборота цели:

Zaten gün gelir, bir bitki gibi durmak gerekebilir, hayatın olanaklarını daha iyi fark edebilmek için [Там же: 59].

‘Собственно говоря, придет день, ему необходимо стоять, как растению, чтобы лучше разбираться в возможностях жизни’.

Обращение к читателю, как правило, реализуется при помощи вводных конструкций, содержащих повелительное наклонение, например: *bil ki* ‘знай, что...’, *unutma ki* ‘не забывай-ка, что...’. Для оживления разговора с читателем о расте-

нии автор прибегает к следующим вводным оборотам: *olur ya* ‘случается, что...’, *bu elbette ki* ‘это несомненно, что...’, *ne yazık ki* ‘как жаль, что...’. Каждое предложение финального абзаца начинается с вводного оборота:

Ne yazık ki, aşkarı nasıl kullanacağını söyleyemeyiz. Doğrusu bugüne dek gereğinden fazlasını söyledik bile...Bundan sonrasını sen bilirsin, ister durur, ister gidersin [Там же: 63].

‘Как жаль, но мы не можем рассказать, как применять ашкяр. По правде говоря, мы уж и так до сегодняшнего дня сказали больше, чем необходимо... Дальше ты сам знаешь, или останешься, или уйдешь’.

Все вышеперечисленные синтаксические средства призваны придать экспрессию повествованию, эмоционально раскрасить описание, преподнесенное в форме дружеской беседы.

Не могла писательница обойтись без акцента на звуки и запахи и в этом рассказе. Они не являются ведущими в развитии сюжета, но без них характеристика растения была бы неполной:

Her şeyi duyabilirsin, kuşların çağılığını, çoban otlarının çingirtisini, uzaktan gelen rüzgarın uğultusunu...Ceviz ağacınının ağır rayihasını duyumsarsın. Oysa bu kalabalıktan bir an önce kurtulmalı, yülerzikten ötesini görmemelisin. Unutma ki, bildiğin birçok şey bir gün ayağına takılabilir [Там же: 63].

‘Ты все можешь услышать: щебетание птиц, шелест пастушьей сумки, завывание далекого ветра...Ты ощутишь тяжелый аромат дерева грецкого ореха. Но как можно быстрее, ты должен избавиться от всего этого, ты не должен видеть ничего, кроме юлерзика. Не забудь, что многое, что ты знаешь, однажды может повиснуть лишним грузом на твоих ногах’.

Следующие словосочетания характеризуют запах в рассказе, который сопровождает переход растения из одного состояния в другое: *acı bir duman* ‘горький дым’, *hafif bir koku* ‘легкий запах’. *Bütün dönüşümler kötü kokar* ‘Все превращения пахнут плохо’.

Отказ раскрыть секрет применения вещества, полученного в результате подробно описанного процесса поиска растения, добывания его корня и сжигания во имя получения некоей субстанции, называемой автором *aşkâr* «ашкяр», преследует цель заинтриговать читателя, которому предлагается следующий за этим в сборнике одноименный рассказ, повествующий о применении полученного вещества или теста, как называет его писательница. Читатель призван задуматься о понятии ашкяр. В словарях существует слово *aşkar* без диакритического знака над *a*, обозначающее гнедую лошадь, рыжего человека, темно-красный цвет. Поставив диакритический знак над буквой *a*, писательница отмежевалась от имеющихся значений слова, назвав придуманную субстанцию из корня несуществующего растения. Несомненно то, что у читателя возникают ассоциации со словами *aşk* ‘любовь’, *aşikâr* ‘очевидный’. Но интрига остается.

Содержание рассказа «Ашкяр» таково: мать Гюльсюм моет в ванной с горячей водой дочь Джанан. Из недоговоренностей и намеков в разговоре дочери с матерью мы узнаем, что на честь Джанан было совершено покушение, виновника-соседа убили ножом в сердце, и девушке предстоит со всей семьей идти завтра на его похороны. Совершаемое матерью мытье дочери горячей водой, доставляющей последней страдания, характеризуется автором как некая битва между ними, *öfkeli arınma anı* ‘момент гневного очищения’, подчеркивается злость и остервенение матери, исполняющей этот обряд.

Anasının bütün ağırlığını gene omuzlarında hissetti, bir suçluluk, bir iğrenme, bir öfke bindi sırtına. Gülsüm'den yayılan baharatlı ter kokusu, suyun buharını, sabunun keskin tadını, alevin karanlık isini delip kızın burnuna doldu [Там же: 68].

‘Она снова ощутила весь вес матери на своих плечах, какая-то вина, какое-то презрение, какой-то гнев обрушились на ее спину. Терпкий запах пота, распространявшийся от Гюльсюм, пар от воды, резкий вкус мыла, пронзив мглу пламени, ударили девушке в нос’.

Отдельным участником этого действия и виновником происшедшего являются шикарные длинные, иссиня-черные волосы Джанан, которые «каждый юноша квартала, распалившись, хотел разочек погладить» (*mahalledeki delikanlıların körüklenerek bir kez okşamak istediği saçlar*) [Там же: 70]. В начале процесса мытья они пассивны. После мытья и ополаскивания ашкяром волосы как бы оживают, их состояние передается через глаголы, характеризующие их самостоятельные действия:

Canan'ın gece karası saçları, Gülsüm'ün canlı parmaklarının arasında bağımsızlaşır özgürlüğünü ilan etti. Dalgalanarak bağırmaya, kahkahalar atmaya, sağa sola zıplayıp kıvrılmaya başladı. Gülsüm, taze şıvgasının saçlarını, kınalı yapınacağının, küçük ceylanının o dar alnını, kaşının karasını, elmacıkkemilerini, kahve koyusu boynunu, talihsiz dudaklarını, meme uçlarındaki badem rengi halkalarını, kıvrımlı kasıklarını seyretti. Aşkarın son damlasına kadar kızını sevdi [Там же: 70].

‘Волосы Джанан ночной черноты, высвободившись из подвижных рук Гюльсюм, заявили о своей независимости. И начали кричать, извиваясь, смеяться, закручиваться, подсакивая то вправо, то влево. Гюльсюм следила за свежей струей волос, за попоной цвета хны, за узким лбом маленькой лани, за чернотой бровей, за скулами, за шеей насыщенного кофейного цвета, за несчастными губами, за кружками цвета миндаля вокруг сосков груди, за завитками внизу живота. Она любила свою дочь до последней капли ашкяра’.

В этом рассказе присутствуют и запахи, и звуки, но ведущую роль играет цвет, именно он позволяет нам со всей яркостью воспринять происходящее.

Так описываются волосы Джанан после мытья ашкяром:

Akşamın ayazı becerekli bir hırsız gibi kızın saç diplerinde dolanıyordu. Canan'ın saçları aşkarın ışığıyla, kırmızı bir sis olup, yüzünün çevresinde usulca oynaşıyordu [Там же: 71].

‘Вечерний холод пробрался до корней волос, как умелый вор. Волосы Джанан, пронизанные светом ашкяра, стали красным туманом и искусно заиграли, обрамляя овал ее лица’.

Джанан, виня в происшедшем свои волосы, отрезает их под корень. Но ее действия совершаются как бы бессознательно, всем теперь правит ашкяр, и настроением матери, и судьбой волос, и поведением Джанан. После обрезания волос на первый план выходят звуки:

O gece köpekler çok uludu, martılar göbeklerinden çıkardıkları çığlıklarıyla çöpüklere uçtular, yan komşu Firüzan'ın bebeği ateşlendi, bütün gece ağladı. Müezzın sabah ezanında iki kez öksürdü [Там же: 71].

‘В ту ночь собаки долго **выли**, чайки **с внутриутробными криками** слетелись к мусорным кучам, у малыша соседки Ферюзан поднялась температура, и он **плакал** всю ночь. Муэдзин два раза **кашлянул** во время утреннего эзана’.

В этом отрывке определенный трагический настрой и рубленый ритм задают глаголы в конце составных частей первого сложносочиненного предложения и последующих простых.

Сборник рассказов «Колодец плененных слов» состоит из первых неопубликованных и не вошедших в предыдущие книги новелл. Большинство из них повествует о чувствах и событиях из жизни молодых девушек, вступающих во взрослую жизнь. Наше внимание привлек тематически не связанный с другими рассказ «Змеи» (*Yılanlar*) своей поэтичностью и ярко выраженной фольклорной стилизацией. Каким же образом писательнице удастся создать особую атмосферу народной легенды?

Каждый абзац начинается с краткой емкой фразы, задающей смысловую доминанту всему отрывку, и в совокупности эти предложения передают содержание всего рассказа. В первом и третьем абзаце предложение полностью повторяется:

Tek şifası budur.

‘Единственное исцеление — это’.

Так акцентируется главная мысль рассказа-притчи. Инверсия — основной стилистический прием в этом рассказе. Разные члены предложения автором поставлены в конце, хотя для турецкого синтаксиса характерно завершение фразы именным или глагольным сказуемым. Тем самым создается впечатление неза-

конченности мысли, певучести фразы, что позволяет исследователям творчества С. Кайгусуз говорить о поэтичности ее прозы [Küçükatalay 2019: 159]. Именно для поэзии характерна инверсия, она нарушает плавное течение речи, создавая свой ритм, в частности, зависящий от того, какой член предложения выносится за рамки устойчивой структурно-синтаксической модели.

İğrendirici bir duyguydu yutaklarındaki [Kaygusuz 2015: 65].

‘Это было тошнотворное чувство в их глотках’.

В канве повествования также много предложений описательного характера с именным сказуемым. К тому же прием анадиплосиса используется писательницей неоднократно:

«*Aslında hiç sevmedim onu dediler. Dediler de, yılanlıktan kurtuldular* [Там же: 66].

‘«В действительности я его совсем не любила», — **они говорили. Они говорили**, что избавились от змеино́го’.

Иногда автор прибегает к стилистическому приему эллипсиса, заключающемуся в опущении членов предложения, которые легко могут быть домыслены читателем.

Gölgenin en hiç olduğu saatte uyuyan yumurtaları buldular. Yılanların yumurtalarını... [Там же: 65].

‘Они нашли спящие яйца в тот час, когда совсем не бывает тени. Яйца змей...’

Ama kadınlar <...> bir çırpıda içtiler. Yumurtayı kırıp içine bakmaksızın! [Там же: 65].

‘Но женщины выпили <...> одним махом. Разбив яйцо, не посмотрев в него!’

В тексте много восклицательных предложений, используемых для усиления эмоционального впечатления от описываемых действий и состояний и придания большей экспрессии повествованию:

Aman! Ne beklemektir anlatılamaz [Там же: 66].

‘Боже мой! Чего уж тут ждать — не высказать!’

Kadınların karnı büyüdü. Hem nasıl! [Там же: 66].

‘Животы женщин росли. Да еще как!’

Для стиля рассказов этого сборника характерны лексическо-грамматические повторы созвучных глаголов и глагольных форм *beklemek* ‘ждать’, *büyütmek* ‘расти’, использование наречий, построенных на лексическом повторе: *uğrun*

uğrun yaklaşırlardı ‘украдкой приближались’, деепричастия на *-(y)A*, употребляющегося в двусоставной форме: *ovula ovula* ‘растирая’, *döne döne* ‘кружась’, а также фонетических повторов таких, как паронимазия (*kabuk-buruk*), ассонанс (*kuytulara-kuyu kuyulara; uyuyan yumurtaları buldular; gözü-gözle-görülemezdi*).

Сборник рассказов «Меланхолик» привлекает читателя, прежде всего, своим названием. Слово *karaduygun*, по мнению С. Кайгусуз, близко по своему значению к слову *melankolik*, но оно не содержится ни в одном словаре. Писательница слышала это слово в детстве, встречала в стихах. В одном из рассказов сборника она выстраивает цепочку смыслов, несколько искусственно и своевольно подобранных к синонимическому ряду турецких слов, характеризующих человека, испытывающего скорбь, печаль, грусть: *hüzünbaz* ‘скорбящие’ — *melankolik* ‘меланхолики’ — *hüzünlü* ‘опечаленные’ — *kederli* ‘горюющие’ — *karaduygun* ‘испытывающие роковую печаль’ [Кайгусуз 2017: 68–70]. У С. Кайгусуз особые отношения со словарями, по мнению ее друзей, она часто пользуется ими в процессе творчества, но вместе с тем отрицает их значимость для писателя: «Не доверяю словарям, интонация, образ, вес слова лучше всего знают уши. Словарь “утюжит язык”, показывая схожесть, синонимичность ряда слов» [Cömert 2012].

У турецкого читателя, впервые увидевшего слово *karaduygun* на обложке сборника рассказов, оно может вызвать следующую смысловую трактовку при попытке дословного перевода: ‘твое мрачное чувство’, или по аналогии с *karasevda* ‘несчастливая, роковая любовь’ — ‘твое роковое чувство’. Писательница, отвечая на вопрос журналиста, так объясняет это слово: «Карадуйгун — это острый вид существования между скорбью и печалью. Он включает в себя боль от обмирщения, отстранение от мира, чувство ничтожности, открытость всем горестям мира. Это не лишение, а чувство отсутствия» [Cömert 2012].

Этот сборник включает семь рассказов, в которых присутствует автор иногда в роли действующего лица, иногда в роли повествователя. Название произведения иллюстрирует основную сквозную для тематически разрозненных историй тему печали, которую люди, называемые меланхоликами, несут через всю свою жизнь. Таким человеком, по мнению С. Кайгусуз, является современная турецкая поэтесса Бирхан Кескин (род. 1963), которая выступает неким связующим звеном для всех семи новелл и подразумевается главным героем этого произведения, жанровую форму которого сам автор определяет в подзаголовке как «нарратив». Искусно выстроена структура «Меланхолика», подчиненная цели воссоздания непрерывности описываемых отдельных эпизодов: в начале книги идет оглавление, где фигурируют названия рассказов, но сами рассказы не озаглавлены. Каждому из них предшествует глава под номером, обозначенным римской цифрой. В последних абзацах этих глав упоминается название следующего за ними рассказа, выделенное курсивом. В пронумерованных главах, которые являются неким связующим звеном, объединяющим семь рассказов в единый текст, речь идет о поэтессе Бирхан Кескин, которая страдает от бессонницы и преследуемого ее звука, похожего на удары барабана *dannga da dan dan*, иногда превращающегося в *tak tuk tak*. Источник этого звука она постоянно пытается обнаружить.

Читатель в конце концов осознает, что звуки и бессонница связаны с муками творчества. В этих главах изложены также размышления автора на темы смерти, бренности мира, сна, живой природы, болезни, превращений. Лейтмотивом этого сборника является звук, хотя и запах, и цвет как средства воспроизведения особой атмосферы каждого из семи произведений тоже присутствуют. Звучащий мир С. Кайгусуз наполнен такими звуками, как *kedi mırıltıları* ‘мурчание кошки’, *annesinin üfürüklü uykusu* ‘сон матери с присвистом’, *kalın bir inilti* ‘истошный стон’, *haykırışlar* ‘вскрикивания’, *çangırtılar* ‘бряцание’, *dünyanın uğultusu* ‘всемирный гул’, *hırlamalarla havlamalar* ‘лай с рычанием’, *yavrusuna uçmayı öğreten karganın bağırtısı* ‘крики ворон, учащих птенцов летать’, *kurban edilmemiş koyunların meleyişleri* ‘блеяние овец, не принесенных в жертву’, *içimi oyan vahlanmalar* ‘возгласы сожаления, терзающие душу’. Вышеперечисленную и отнюдь не полную палитру звуков дополняют различные эпитеты и сравнения к слову *ses* ‘голос’, ‘звук’: *boğuk bir ses* ‘хриплый голос’, *ışık gibi sesler* ‘свистящие голоса’, *çingirak sesi* ‘его дребезжащий голос’, *kırılğan bir ses* ‘срывающийся голос’, *irkiltici sesler* ‘пронзительные звуки’, *tıkır tıkır gayet sakin ayak sesi* ‘ритмичные звуки тихих шагов’ и к слову *gürültü* ‘шум’: *acayip bir gürültü* ‘странный шум’, *sinir bozucu gürültü* ‘действующий на нервы шум’, *kokuşuk gürültü* ‘смердный шум’.

При этом в рассказах описан и процесс трансформации звуков.

Seslerle kurulu yordu saatler. Güneş ışınlarının eğimine göre sesler kendi kendini yaratıyor; ötüşlerden vızıltılara, kuğurdamalardan tavla şakırtılarına, su çirpintisından böcek ötüşlerine doğru üst üste devinip dönüşüyor, derken köpek havlamalarıyla ansızın kesiliveriyordu [Kaygusuz 2017: 28].

‘Часы заводились звуками. Согласно наклону лучей солнца, звуки сами себя создавали, от щebetанья до жужжанья, от воркованья до стука костей нард, от всплесков воды до трелей насекомых, наслаиваясь друг на друга, они преобразовывались, тем временем неожиданно все прекращалось с собачьим лаем’.

Часто звуковая картина действия дана в противопоставлении с тишиной. Иными словами, С. Кайгусуз и в этом произведении так же, как и в предыдущих, активно использует прием антитезы.

Uzun bir sessizliğin ardından, bu tür sessizliklere tahammül edemeyen Yasemin yapını bir neşeyle havayı dağıtmaya çalıştı [Там же: 84].

‘Вслед за долгим безмолвием Ясемин, не выносившая никаких молчаний, пыталась нарушить тишину деланным весельем’.

Весьма часто автор употребляет производные от корня *ses* ‘звук’ с аффиксом *-siz* (соответствующим по смыслу русской приставке без-): *sessiz* ‘бесшумный’, *sessizlik* ‘безмолвие’, *sessizleşmek* ‘безмолствовать’ и от корня *sus* ‘молчание’:

susma hali ‘состояние молчания’, *suskunluk* ‘молчание’. Писательница часто прибегает к звукоподражательным словам, что усиливает экспрессивность: ...*tangır tungur yaklaşıyordu* ‘приближалась тангыр-тунгур’ (грохоча кастрюлями), ...*tukur tukur bir sesin içinde* ‘при звуке тыкыр-тыкыр’ (строчащей швейной машинки)...*zangır zangır titretiyordu* ‘заставлял дрожать зангыр-зангыр’ (перила лестницы побрякивали).

Надо заметить, что в рассказах С. Кайгусуз не так много эпитетов, но много характеристик действий, передаваемых деепричастиями. В двух нижеприведенных предложениях из рассказа «Два разных куска» (*İki Değişik Lokma*) писательница использовала разные виды деепричастий, отдавая предпочтение двусоставным, построенным на повторе.

Zühal yanıt vermeden hiçkırı hiçkırı koyuverir kendini [Там же: 92].
‘Зюхаль, не ответив, бросилась рыдать’.

Sabah kalkar kalkmaz kavanozdan birkaç kaşık bal yiyor, sonra tekrar uyuyor, uyanınca yine ballanıp evin arkasındaki kavun bostanında bütün gün havada yavrulayan heylicanları seyrediyordur [Там же: 93].

‘Утром, как только встает, ест несколько ложек меда из банки, потом опять спит, проснувшись, снова лакомится медом и весь день на бахче с дынями позади дома наблюдает за хейлиджанами, которые спариваются в воздухе’.

Как мы уже отмечали, для стиля С. Кайгусуз характерно употребление сравнений в разных формах, в том числе выраженных деепричастием на *-AsInA*, многочисленные примеры которого мы находим и в этом сборнике:

Kasanın durduğu masif masa sanki kırk yıldır yerinden kımıldatılmamışcasına bir iz bırakmıştır duvara [Там же: 43].

‘Массивный стол, на котором стоял сейф, оставил след на стене, будто его сорок лет не сдвигали с места’.

Другим деепричастием, весьма характерным для стиля рассказов писательницы, является деепричастие на *-DİkçA*, которое в основном своем значении передает постепенное нарастание интенсивности действия: *yürüdükçe* ‘по мере продвижения’, *sokuldukça* ‘по мере проникновения’, включая наречия *oldukça* ‘довольно’, *gittikçe* ‘постепенно’, образованные от этого вида деепричастий. Можно предположить, что автор стремится создать впечатление от плавно текущего действия, разворачивающегося само по себе, исходя из собственной внутренней природы:

Başını kaldırdıkça ağaç büyüyor, ağaç büyüdükçe kelebekler çoğalıyor [Там же: 104].

‘По мере того, как она поднимала голову, дерево росло, по мере роста дерева бабочек становилось все больше’.

Проведенное нами исследование новеллистики Семы Кайгусуз с целью выявления характерных для ее творчества стилистических средств, придающих своеобразие повествованию и составляющих специфику ее идиостиля, показало, что писательница активно использует звуки, запахи и цвет для создания особой атмосферы действия и передачи динамики развития сюжета. Большую значимость для автора имеет слово как таковое, о чем свидетельствуют использование малоупотребительных слов, авторское словотворчество, многозначные названия отдельных рассказов и сборников. Сложная структура взаимоотношений рассказов одного сборника и связь между отдельными книгами является также характерной чертой творчества писательницы. Стилю С. Кайгусуз присуща лаконичность, мы не встретили большого количества описаний. Характеристика предмета или человека передается краткими по форме выражения и емкими по своему значению лексическими средствами, привлекающими внимание читателя своей необычной сочетаемостью или формой, отличной от общепринятой. Особое внимание писательница уделяет деепричастиям, в частности двусоставным (на $-y(A)$, $-(r/-mAz)$), а также деепричастиям, передающим значение нарастания интенсивности ($-DIkçA$) или обозначающим подобие другому действию ($-(r)rcAsInA$). Наряду с такими средствами художественной выразительности как эпитет, метафора, сравнение, автор часто прибегает к синтаксическим стилистическим приемам: анафоре, эпифоре, анадиплосису, антитезе, эллипсису, инверсии, восклицательным предложениям, вводным конструкциям. Фонетические (ассонанс, паронимазия), лексико-грамматические, синтаксические повторы, звукоподражательные слова создают особую поэтическую мелодику повествования, подобную народному сказу.

Литература

- Виноградов 1954 — Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. №5. С. 167–258.
- Репенкова 2020 — Репенкова М.М. Поэтика романа Семы Кайгусуз «Место на твоём лице» (2009) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 89–95.
- Cömert 2012 — Cömert H. İnsanın yaradılışını kirletiyorlar: Karaduygun — Sema Kaygusuz. 19.03. 2012. <https://www.insanokur.org/karaduygun-sema-kaygusuz/> (дата обращения 22.02.2022).
- Dündar 2007 — Dündar L. B. Edebiyat Sosyolojisi Açısından Türk Öykücülüğü 1990–2005: Doktora Tezi. Ankara: Bilkent Üniv. 2007. 235 s.
- Ergen 2002 — Ergen, Gülben. Sandık Lekesi. <https://www.sarkisozleri.bbs.tr/sarki/26863/sandik-lekesi> (дата обращения 22.02.2022).
- Kaya 2016 — Kaya Ö. Bir Açmış, Bir Tokmuş: Sema Kaygusuz Öykülerinde Dönüşümün Hâlleri // Monograf. 2016. №6. S. 216–241.
- Kaygusuz 2015 — Kaygusuz S. Esir Sözcük Kuyusu: Öyküler. İstanbul: Metis Yayınları. 2015. 93 s.
- Kaygusuz 2017 — Kaygusuz S. Karaduygun: Anlatı. İstanbul: Metis Yayınları. 2017. 108 s.
- Kaygusuz 2018 — Kaygusuz S. Sandık Lekesi: Öyküler. İstanbul: Metis Yayınları. 2018. 85 s.

- Kıvanç 2016 — *Kıvanç E.* Sema Kaygusuz'un «Engereğin Oğlu» Hikâyesinin Psikanalitik Çözümü // Monograf. 2016. N6. S. 242–252.
- Küçükatalay 2019 — *Küçükatalay G.* Sema Kaygusuz öykücülüğü üzerine bir inceleme. Yüksek lisans tezi. Konya: Necmettin Erbakan Üniv. 2019. 188 s.
- Öz 2016 — *Öz F.* Sema Kaygusuz'dan Yaralı İnsan Öyküleri: Doyma Noktası. 16.02.2016. <http://postdergi.com/sema-kaygusuzdan-yarali-insan-oykuleri-doyma-noktasi/> (дата обращения 22.02.2022).
- Savaş 2019 — *Savaş A.* Every Fire You Tend by Sema Kaygusuz review — Turkey's violent legacy // The Guardian. 18.12.2019. <https://www.theguardian.com/books/2019/dec/18/every-fire-you-tend-sema-kaygusuz-review-turkey> (дата обращения 22.02.2022).
- Sema 2013 — Sema Kaygusuz: Ağacın gözüne bakmak. 24.07.2013. <https://oggito.com/icerikler/sema-kaygusuz-agacin-gozune-bakmak-/3405> (дата обращения 22.02.2022).
- TEIS 2019 — Türk Edebiyat İsimler Sözlüğü: Sema Kaygusuz. <http://teis.yesevi.edu.tr/madde-detay/sema-kaygusuz> (дата обращения 22.02.2022).
- Yener 2010 — *Yener L.* Sema Kaygusuz: Hikayeden Romana. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniv. 2010. 86 s.
- Yılmaz 2021 — *Yılmaz E.* Sema Kaygusuz'un Öykülerinde Kültürel Bellek // Eeder. Ekim 2021. Yıl 5. Cilt 5. Sayı 2. S. 494–510.

История и теория литературы

*М.А. Лаврова*¹

О фантастике и фэнтези в турецком литературоведении

Турецкая фэнтези возникла и стала развиваться в 2000-е гг. Рождение этого жанра было подготовлено как уже существующей в Турции традицией, пусть и представленной малым числом произведений, так и знакомством турецкой аудитории с переводами западного фэнтези. Естественно, появление подобных произведений способствовало росту интереса исследователей к фантастике, в том числе к жанру фэнтези, фантастические произведения все чаще стали входить в программы турецких университетов.

Объектом исследования в данном разделе стали существующие в турецком литературоведении подходы к определению фантастики и фэнтези и имеющиеся классификации указанного жанра. Материалом послужили турецкие научные публикации по теме. Целью исследования является описание существующих в Турции в настоящее время подходов к дефиниции фэнтези и ее классификации.

Так как о фэнтези невозможно говорить вне общего фантастического контекста, сначала обратимся к фантастике. Литературовед Нуран Озлюк, посвятившая фантастическому роману диссертацию, применительно к слову «фантастика» использует словосочетания «fantastik roman» или просто «fantastik». Под этими терминами исследовательницей подразумевается жанр (tür), стоящий в одном ряду с готическим романом, научной фантастикой, утопией и антиутопией [Özlük 2011: 19]. У Н. Озлюк слово «fantastik» практически всегда употребляется в значениях «фантастический, фантастика», однако иногда при переводе цитат из иностранных источников в этом же значении у нее появляется и «fantezi».

Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu) в Большом словаре турецкого языка (Büyük Türkçe Sözlük) приводит четыре значения слова

---

¹ Лаврова Мария Алексеевна — студентка 4 курса турецкой филологии кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; mashur678@gmail.com

«fantezi»: 1. Безграничная мечта, фантазия; 2. Разнообразные интересы, увлечения, порядок мысли; 3. Замысловатый, причудливый, витиеватый; 4. Жанр турецкой народной песни в свободной форме [Büyük Türkçe Sözlük 2011: 614]. В турецкий язык слово пришло из французского [Ibid, s. 614] вместе с однокоренным прилагательным «fantastik» — фантастический, которое в языке было зафиксировано гораздо позже. Основное значение обоих слов в языке остается связанным с фантазией и фантастическим. Понятие «фэнтези» как отдельного жанра литературы, стоящего в одном ряду с научной фантастикой, до 2020-х гг. было мало знакомо турецким исследователям. Так, многие турецкие литературоведы, например, Нуран Озлюк [Özlük 2011: 338], Пелин Аслан [Aslan 2015: 17], Вели Угур [Uğur 2011: 136] [Uğur 2019: 857], Наруллах Гёкер, Хикмет Асутай [Göker, Asutay 2019: 504], в отличие от западных коллег, не разделяли понятия «фантастики» (fantastik edebiyat) и «фэнтези» (fantezi edebiyat) и использовали их как синонимичные. Но это не исключало появления серьезных исследований, посвященных фантастике. Так, в 2015 г. вышла монография Пелин Аслан «Роман фантастического жанра между реальностью и небытием в турецкой литературе» (Türkçe Edebiyatta Varla Yok Arası Bir Tür Fantastik Roman). В работе исследовательницы рассматривается история термина «фантастическое» и приводится подход западных литературоведов к определению фантастики. Глубокий и многосторонний анализ делается в отношении классической фантастики и в статье Айдын Эртекин «Что такое фантастическое произведение?» (Fantastik Yazın Nedir?) [Aslan 2010]. Фантастические произведения детской и подростковой литературы исследуются в статьях Хикмета Асутая «Мир фантастики в детской литературе» (Çocuk yazınının fantastik dünyası, 2013), «Понятие фантастики в детской и подростковой литературе» (Çocuk ve gençlik yazınında fantastik kavramı, 2014). Им же анализируются фантастические элементы постмодернистских произведений XXI в. в статье «Фантастическое повествование и Назлы Эрай» (Fantastik Anlatım ve Nazlı Eray, 2000).

Однако встречаются и другие взгляды на понятие «fantezi». Неджет Кесмез использует понятие «fantezi» в двух смыслах. В широком смысле под этим термином им подразумевается фантастика вообще: «В фэнтези может рассказываться о невиданных существах, говорящих животных, живых деревьях, таинственных и сверхъестественных событиях, перемещениях во времени и пространстве, не подчиняющихся законам физики» [Kesmez 2007]. Неджет Кесмез включает в это понятие и сказки, легенды, дестаны, утопию, научную фантастику. Под «fantezi» в узком смысле исследователь подразумевает произведения о выдуманных событиях вроде «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла [Ibid], больше апеллируя к значению «фантазии», чем к значению жанра фэнтези в современном его понимании.

Берна Моран в третьей части своего труда «Критический взгляд на турецкий роман» (Türk Romanına Eleştirel Bir Bakış, 2004) дает определение фантастике, опираясь на работы Цветана Тодорова, однако его дефиниция оказывается шире: «Я буду использовать фантастику как термин для повествования, которое вклю-

чает в себя альтернативный мир вне вселенной, которую мы знаем, не признающий реалистических понятий пространства, времени и персонажа, разницы между живыми и мертвыми» [Moran 2004: 60].

В статье Эмрах Озбая «Романы Терри Пратчетта о Плоском мире как о точке пересечения фантастического и сатирического» (Fantezi Edebiyat ve Hicvin Kesişim Noktası Olarak Terry Pratchett'in Disk Dünya Romanları, 2020) автором подчеркивается, что необходимо разграничивать понятия «fantastik» и «fantezi». Авторское «fantezi» обозначает именно фэнтези как жанр, а не фантастику, хоть это и не выражается четко: «Это жанр, состоящий из невозможных в реальности событий, игнорирующих научные факты. Это история, действие которой происходит в альтернативном или вторичном мире, вбирающем в себя волшебное, сверхъестественное, воображаемое — волшебников, чудовищ, драконов, супергероев» [Özbay 2020: 32]. В работе Пынар Долайкая, посвященной роману «Северное сияние» Филиппа Пулмана, также появляется понятие жанра фэнтези, совпадающее с пониманием жанра европейскими теоретиками [Pınar Dolaykaya 2020: 27]. В этом же значении «fantezi» используется в статье Бакши Ялджин Ялчин о героях в книгах Криса Ван Оллсбурга [Yalçın 2022].

Говоря о существующих классификациях фантастической литературы, следует обратиться к исследованиям Нуран Озлюк, которая разделяет фантастику на два типа: «Первый тип фантастического романа» (Birinci Tür Fantastik Romanlar) и «Второй тип фантастического романа» (İkinci Tür Fantastik Romanlar). К первому типу относятся произведения, основанные на созданном автором вторичном мире с собственной географией и вымышленными народами. К нему Нуран Озлюк причисляет трилогию «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина и тетралогию «Легенды страны Перг» (Perg Efsaneleri, 2002–2005) Барыша Мюстеджапльюглу. Второй тип, по ее мнению, представляют включающие в себя некие фантастические элементы романы, в которых действие происходит в реальном мире. Их цель — развлечь, удивить, взволновать, запутать читателя, заставить его колебаться. Примерами данного типа она называет «Рукопись, найденную в Сарагосе» Яна Потоцкого, «Растворитель» (Çözücü, 2003) Садыка Йемни, «Господство Зюльфийяра» (Zülfikâr'ın Hükümü, 2005) Сайгына Эрсина [Özlük 2011].

Помимо Нуран Озлюк, среди турецких литературоведов предпринимает попытку классифицировать турецкое «fantezi» и Вели Угур. Автор использует термины «fantezi» и «fantastik» как равнозначные, но в своей классификации подразумевает под ними именно жанр фэнтези. К первому типу исследователь относит романы, предметом описания которых является первичный, реальный мир (Birincil Dünyanın Konu Edildiği Fantastik Romanlar). Примерами романов первого типа можно считать «темную» фэнтези и городскую фэнтези. Второй тип фантастического романа повествует о выдуманном, вторичном мире (İkincil Dünyayı Anlatan Fantastik Romanlar). Здесь в качестве примеров В. Угур приводит фэнтези «меча и волшебства» и эпическую фэнтези. В модели первичного мира в реальный мир встраиваются фантастические элементы, в то время как в модели вторичного мира реальность полностью замещается фантастикой, возводятся грани-

цы собственно фантастического пространства и времени. И первый, и второй тип фантастического романа содержат в себе чудесное, чаще всего магию и волшебство. По мнению турецкого исследователя, для фэнтези «меча и волшебства» характерно описание сражений и битв воинов в доспехах, приключений добрых и злых волшебников, наличие различных фантастических существ, таких как драконы. В центре повествования находятся могучие, независимые воины, участвующие в героических битвах. Для эпической же фэнтези типично положение в основу сюжета темы борьбы сил Добра и Зла. В центре повествования — обычные люди, которые в особенных обстоятельствах проявляют исключительные качества, спасают окружающих от опасности, свою страну от мирового зла. В ходе сюжета герои стремятся завладеть предметами-символами силы, в основу фабулы романа автор закладывает тему путешествия. В исследовании В. Угура не проводится четкого различия между фэнтези «меча и волшебства» и эпической фэнтези, поэтому он относит серию «Легенды страны Перг» Б. Мюстеджаплыоглу и к первому, и ко второму типу романа, что делать неправомерно.

Таким образом, можно утверждать, что в целом в турецком литературоведении до 2020-х гг. не существовало понятия «фэнтези» как жанра. Термин «*fantezi*» применялся по отношению к художественной литературе в целом, когда подчеркивалась вымышленность описываемых событий, либо к фантастике как к направлению литературы, в основе которого лежало фантастическое допущение. В 20-х гг. XXI в. в турецких исследованиях стало заметно влияние западных литературоведческих теорий, в которых фэнтези представляется жанром фантастической литературы. Было осуществлено несколько попыток создать классификации фантастики и фэнтези, но в целом теория фантастических жанров в нашем понимании на данный момент в Турции не сформировалась.

Литература

- Aslan 2015 — *Aslan, Ayar P.* Türkçe Edebiyatta Varla Yok Arası Bir Tür Fantastik Roman (1876–1960). İstanbul: İletişim Yayınları. 2015. 351 s.
- Asutay 2013 — *Asutay H.* Çocuk yazınının fantastik dünyası // *Turkish Studies — International periodical for the Languages, Literature and history of Turkish or Turkic.* 2013. S. 265–278.
- Asutay 2014 — *Asutay H.* Çocuk ve Gençlik Yazınında Fantastik Kavramı // *Türk Dili.* 2014. S. 642–652.
- Bakşi 2022 — *Bakşi Y.O.* The Heroes of Chris Van Allsburg in «Jumanji» and «Zathura» // *Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi.* 2022. S. 22–29.
- Büyük Türkçe Sözlük 2011 — *Büyük Türkçe Sözlük, Türk Dil Kurumu Yayınları,* 2011, 2523 s., [http://esgici.net/012_sozluk%20kamus/Buyuk%20Turkce%20Sozluk%20\(TDK\)%20\(PDF,%209%20MB\).pdf](http://esgici.net/012_sozluk%20kamus/Buyuk%20Turkce%20Sozluk%20(TDK)%20(PDF,%209%20MB).pdf) (дата обращения: 20.05.2022).
- Ertekin 2010 — *Ertekin A.* Fantastik Yazın Nedir? // *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* 2010. № 9 (1). S. 35–46.
- Göker, Asutay 2019 — *Göker N., Asutay H.* Türk gençlik yazın türünde fantezi türü ‘Barış Müstecaplıoğlu’ Şamanlar Diyarı. *Kafkas Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* 2019. № 24. S. 501–518.

- Gürsoy 2000 — *Gürsoy Ü.* Fantastik Anlatım ve Nazlı Eray // *Türk Yurdu*. 2000. C. 20. № 15 (154). S. 306–310.
- Kesmez 2007 — *Kesmez N.* Fantezi, Ütopya, Bilimkurgu, Gelecekbilim, Lacivert // *Öykü ve Şiir Dergisi*. Ankara. 2007. № 14.
- Berna 2007 — *Moran B.* Türk Romanına Eleştirel Bakış, İstanbul: İletişim Yayınları. C.3. 2004.
- Özbay 2020 — *Özbay E.* Fantezi Edebiyat ve Hicvin Kesişim Noktası Olarak Terry Pratchett'ın Disk Dünya Romanları // *Erzincan Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2020. 13 (1). S. 31–41.
- Özlük 2010 — *Özlük N.* Türk Edebiyatında Fantastik Roman. Doktora Tezi. İstanbul, İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Yeni Türk Edebiyatı Bilim Dalı. 2010. 404 s.
- Pınar Dolaykaya 2020 — *Pınar Dolaykaya M.M.* Silencing and Voice in Philip Pullman's Northern Lights // *HUMANITAS. Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*. 2020. 8 (15). S. 16–28.
- Veli 2011 — *Uğur V.* Türk Edebiyatında Fantastik Roman // *Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*. 2011. 42 (42). S. 133–154.
- Veli 2019 — *Uğur V.* Edebiyatımızda Yeni Bir Türün Ayak Sesleri: Tarihi Fantezi // *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. C. 8. 2019. Sayı 2. S. 850–877, <https://dergipark.org.tr/pub/teke/issue/46075/580096> (дата обращения: 20.04.2022).

А.В. Образцов¹
А.С. Сулейманова²

Литературная Анкара³

Все тюркские государства Малой Азии всегда были до предела централизованными структурами, существовавшими по принципу «Один господь, один господин, одна столица». Именно поэтому вся политическая и интеллектуальная элита концентрировалась в столицах. Османская империя не была исключением из правил, соответственно динамическим центром ее жизни был Стамбул. Некоторое своеобразие сохраняли бывшие столицы — Конья, Бурса, Эдирне — и крупные центры внутриимперских административных единиц при наличии этнического своеобразия — Багдад, Дамаск, Каир, Салоники и др. Любой имперский администратор, военачальник, интеллектуал, религиозный деятель считал свою карьеру успешной и состоявшейся, только если получал признание и занимал приличествующую должность в столице.

Анкара ведет свою историю с хеттских времен (основана ок. 1200 г. до н.э.). На протяжении своей истории этот город играл важную роль при фригийцах, лидийцах, персах, галатах, римлянах, византийцах и сельджуках. Однако после включения в 1361 г. в состав Османской империи, Анкара постепенно утратила позиции и превратилась в заштатный, провинциальный городок в центре Анатолии. Только после решения парламента молодой Турецкой Республики от 13 октября 1923 г. о переносе в Анкару столицы молодого государства, город обрел новую жизнь с новыми перспективами [Еремеев 2017]. Причем начинать надо было практически с чистого листа, т.к. старый город почти целиком выгорел во время страшного пожара 1916 г. Градостроительные планы разрабатывали немецкие и австрийские архитекторы под руководством Германа Янсена. Иностранному диппредставительству, которые не желали переезжать «в деревню»,

---

¹ Образцов Алексей Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; 0708ural@mail.ru

² Сулейманова Алия Сократовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии; suleymanova2001@mail.ru

³ Данный раздел является развернутой версией статьи о литературной жизни Анкары, подготовленной авторами для образовательного и просветительского портала «Знание».

почти бесплатно предоставлялись лучшие участки в городе. Сегодня Анкара — второй по величине город Турции, ее столица, с населением, которое за неполные 100 лет выросло с 30 000 человек до почти 5 миллионов.

Из анкарских интеллектуалов и литераторов первым приходит на ум Хаджи Байрам Вели (1352–1429) — основатель дервишеского братства «байрамия». Он является известнейшим богословом и проповедником своего времени. Считался непримиримым противником великого Имадеддина Насими/Несими (1369?–1417), чьи хуруфитские взгляды осуждались как еретические. Сохранились сочинения Хаджи Байрама в прозе и несколько стихотворений арузом и хедже. Похоронен в Анкаре у мечети своего имени.

Кроме того, вспоминаются и более чем благожелательные замечания об анкарском интеллектуальном обществе, оставленные известнейшим турецким путешественником и литератором — Эвлией Челеби (1611–1682), который был в Анкаре в апреле 1648 г.

Анкарские краеведы называют имена более чем четырех десятков османских литераторов классической школы, чья жизнь была связана с этим городом [Tonga 2014; Gök 2019]. Однако имена лишь трех-четырёх из них можно найти в средневековых тезкере — биобиблиографических словарях-справочниках: Мейли (1514–1593), Нидаи (XVI в.), Русухи Анкарави (ум. 1631), Шуури (ум. 1693), Сюхейли (XVII в.). Закономерно предположить, что речь идет о локальных знаменитостях, так и не вышедших на общенациональный уровень, т.е. о поэтах, явно второго-третьего уровня, что признают и современные турецкие исследователи.

Иное дело с поэтами-ашиками, сохранявшими приверженность народной системе стихосложения (хедже) и тематическим предпочтениям, характерным для простонародной лирики (любовь, разлука, неустроенность, тоска по дому и т.п.). В XIX в. Анкара становится одним из крупнейших общенациональных центров ашикской культуры. В районе Холм Звездочета (Müncüm Tepesi), вниз по склону от Анкарской крепости (Hisar), где располагались кофейни и питейные заведения, практически ежедневно проходили выступления местных и странствующих ашиков, которые исполняли свои песни под аккомпанемент саза — струнного щипкового инструмента, напоминающего мандолину с длинным грифом. Большинство знаменитых ашиков в период с XIII до XIX вв. бывали в Анкаре: Хасан Деде, Ашик Хюсейн Будаля, Шахи, Каледжикли Мурати, Тюрраби, Хавайи, Алмалыли Ашик Али, Ашик Сулейман, Ашик Зейджани, Мустафа Сами, Алихан Нине, Кыйак Али, Пармаксыз Хюсейн, Дели Боран и многие другие. Их выступления пользовались колоссальным успехом не только среди простых горожан, но и в среде образованных жителей. Вообще создается впечатление, что среди крупных землевладельцев Анкары шло своеобразное соревнование, кто окажет более весомую помощь и поддержку знаменитому ашику. Одним из известнейших меценатов XIX в. был Алишан-бей — выпускник стамбульского медресе, который предпочел придворной карьере жизнь провинциального помещика. Другим известным почитателем ашикского творчества и меценатом был сам губернатор Анкары — Фаик Мемдух Паша. Именно в особняках меценатов останавливались

странствующие ашики, приходя в Анкару. Среди таких гостей были и Токатлы Нури (1820/25–1882), и Джейхуни (1840–1912), и Джемали (XIX в.). Кстати, двое последних даже получили от губернатора грамоту, позволяющую бродить и выступать беспешинно по всему Анкарскому вилайету (губернии).

Самым известным ашиком, последние годы жизни которого прошли в Анкаре, в особняке Алишан-бея, был Дертли (1772–1846), посвятивший своему благодетелю немало строк. В своих странствиях Дертли добирался аж до Египта, имел восторженный прием при дворе в Стамбуле, был обласкан султаном Махмудом II (1808–1839), потерял голос из-за ранения в шею. Похоронен в Анкаре, у мечети рядом со злочным районом своих триумфов.

Гостем Алишан-бея бывал и другой не менее знаменитый ашик — Эмрах из Эрзурума (ум. 1854 или 1860 г.). Будучи образованным человеком, он писал и арузом, и хедже.

В XX в. клубом ашиков стала кофейня Ягджинын Фехми, владелец которой сам был талантливым исполнителем на сазе.

В кон. XIX — нач. XX вв. в Анкаре появляются первые литературные кружки, основными участниками которых были студенты и офицеры анкарского военного госпиталя. Однако заметного продолжения эти начинания не имели.

Новый импульс литературно-художественная жизнь Анкары получает в годы национально-освободительной войны турецкого народа 1919–1922 гг. В это время по приглашению Ататюрка, а отчасти и по зову собственной совести многие литераторы, публицисты и интеллектуалы перебираются в Анатолию из оккупированного Стамбула. Никогда прежде, да и никогда позже, турецкая литература не демонстрировала такого единства во взглядах и позициях. Хотя Анкара была совершенно не готова к роли политического и культурного центра — настолько, что авторы свои новые произведения вынуждены были переправлять и издавать в Стамбуле, — но энтузиазм и вера в правоту своего дела искупали всё. Литераторы создали «Отряд ораторов» (*Hatırlar Kolu*), которые ездили по местам боев, выполняя задачи фронтовых агитаторов и пропагандистов. Среди них можно назвать такие имена как: Юсуф Акчура /Акчурин Юсуф Хасанович (1876–1935), Мехмет Эмин Юрдакул (1869–1944), Халиде Эдип Адывар (1884–1964) и др. К 1921–1922 гг. в Анкаре сложился уже весьма представительный круг патриотически настроенных литераторов. Помимо уже названных, стоит упомянуть такие имена: Якуб Кадри Караосманоглу (1889–1974), Мехмед Акиф Эрсой (1873–1936), Яхья Кемаль Бейтлы (1884–1958), Назым Хикмет (1902–1963), Фарук Нафыз Чамлыбель (1898–1973), Ака Гюндюз (1886–1958), Садри Эртем (1900–1943), Фалих Рыфкы Атай (1894–1971) — и этот перечень можно существенно продлить. Бытовая неустроенность была чудовищна, достаточно сказать, что на весь город была лишь одна гостиница. Ироничные замечания о тогдашней Анкаре мы находим и у Назыма Хикмета, у Фалиха Рыфкы Атая, и у Исмаила Хабиба Севюка (1892–1954) и др. В то же время Халиде Эдип, которая жила с мужем в деревне под Анкарой, вспоминает, как в апреле 1920 г. к ней в гости заехал Якуб Кадри и в разговоре они поделились планами написание произведений

о национально-освободительной войне. Уже в 1920–1930 гг. эти замыслы воплотятся, может быть, в трех самых искренних книгах об этих годах: «Чужак» (Yaban, 1932) Я.К. Караосманоглу, «Огненная рубашка» (Ateşten Gömlek, 1922) и воспоминания «Огненный экзамен турка» (Türk'ün Ateşle İmtihanı, 1962) Х.Э. Адывар. «Огненная рубашка» считается первым романом в турецкой литературе о событиях тех лет.

Заметным явлением литературной жизни того времени было и литературное общество «Обитель холостяков» (Bekârlar Tekkesi), которое объединяло молодых литераторов, квартировавших в старом станноприимном доме для холостых дервишей. Из них, прежде всего, следует назвать Садри Эртема и Фарука Нафыза Чамлыбеля. Другой дервишеской обителью, которая вошла в анналы турецкой истории была «Обитель Таджеддина» (Taceddin Dergâhı), где жил Мехмед Акиф Эрсой. Считается, что именно здесь был написан текст гимна Турецкой Республики — «Марша Независимости» (İstiklâl Marşı).

Важными местами, где встречались, спорили и делились планами и новостями, были анкарские кафе в старом городе: кофейня «Куюлу» (Kuyulu Kahve) и кафе при центральной читальне (Merkez Kütüphanesi), которое регулярно посещали Я.К. Бейтлы, Я.К. Караосманоглу, А. Гюндюз. Здесь бывали и Назым Хикмет вместе с Вала Нуреттином (1901–1967) перед своим отъездом в Москву на учебу. Впрочем, заведений открывалось много, часто в них проводились общедоступные лекции и диспуты. Другим известным местом, где проводились такого рода мероприятия, был городской сад, т.н. «Сад нации» (Millet Bahçesi). Местом шумных собраний и конференций было и «Преподавательское общество» (Muallimler Birliği), где читал лекции даже идеолог пантюркизма Зия Гёкалп (1876–1924). Свообразным литературным клубом могла стать и табачная лавка, как например, лавка табачника Дайко (Dayko'nun Tütüncü Dükkanı), описание которой встречается в романах А. Гюндюза, таких как «Я не убил» (Ben Öldürmedim, 1933), «Кокаин» (Kokain, 1933), «Тайный дневник одного шофера» (Bir Şoförün Gizli Defteri, 1943). Равной популярностью среди новых республиканских чиновников и литераторов пользовалась и «Рюмочная разбойника Хайдара» (Efe Haydar Meyhanesi). Другим местом встречи интеллектуалов стала круглосуточно работавшая кондитерская «Стамбул» (İstanbul Pastanesi), куда в разное время на утренний кофе заглядывали помимо упомянутых литераторов А.Х. Танпынар (1901–1962), Х.Р. Гюрпынар (1864–1944), Нуруллах Атач (1898–1957), Ф.Н. Чамлыбель, С. Эртем, С. Али (1907–1948), Э.Б. Кёйрюрек (1891–1949), А.М. Дыранас (1909–1980) и др.

Несмотря на тяготы военного времени, в будущей столице складывается благоприятная среда для развития новой журналистики и литературы. 6 апреля 1920 г. по указанию Ататюрка Х.Э. Адывар и Юнус Нади (ум. 1991) (основатель и издатель газеты «Республика» /Cumhuriyet/) основали информационное агентство «Анадолу», деятельность которого была направлена на освещение для мирового сообщества хода национально-освободительной войны и реального масштаба разрушительных действий иностранных войск на территории Анатолии.

Официальным печатным органом Сивасского конгресса «Общества защиты прав Анатолии и Румелии» (Anadolu ve Rumeli Müdafaa-i Hukuk Cemiyeti) стала газета «Народовластие» (Hâkimiyet-i Milliye, после 1934 г. носит название «Улус» /Ulus/), с которой сотрудничали поэты Я.К. Бятылы, Ф.Н. Чамлыбель, А. Гюндюз, А.М. Дыранас. Газеты «Народовластие» и «Новый день в Анатолии» («Anadolu'da Yenigün», газета издавалась в Анкаре в период с 1922 г. по 1924 г.) имели литературные разделы, поэтому редакции также становились аренами для литературных дебатов.

Следует сказать, что гонорары в те годы были весьма скромными, и большинство литераторов вынуждены были совмещать писательскую деятельность с преподаванием или госслужбой. Для многих литераторов в динамично развивающейся столице нового государства открываются перспективы государственной службы. Так, Я.К. Бятылы вошел в турецкую делегацию на Лозаннской конференции, позже являлся полномочным послом Турецкой республики в Польше, Португалии и Испании. Я.К. Караосманоглу находился на дипломатической службе в период 1934–1955 гг. Депутатские кресла в турецком парламенте (Великого национального турецкого собрания) занимали: Х.Р. Гюрпынар (мандат 1935–1943 гг.), поэт Ариф Нихат Асья (1904–1957 гг., мандат 1950 г.), А.Х. Танпынар (мандат 1942 г.), Ф.Н. Чамлыбель (мандат 1946–1960 гг.), Я.К. Бятылы (мандат 1923 г.), Ахмет Расим (1864–1932 гг., мандат 1927–1932 гг.), Мемдух Шевкет Эсендал (1883–1952 гг., неоднократно избирался депутатом в период с 1931 г. по 1945 г.), Х.Э. Адывар (мандат 1950–1954 гг.), Р.Н. Гюнтекин (мандат 1939–1943 гг.), Я.К. Караосманоглу (мандат 1942 г.), Четин Алтан (1926/7–2015, мандат 1965–1969 гг.).

Со временем свои двери для литераторов открыли офисы Народно-республиканской партии, Турецкого очага (Türk Ocağı) — патриотического культурно-просветительского общества, общедоступных образовательных учреждений «Народный дом» (Halkevi), Турецкого лингвистического общества, Турецкого исторического общества, Министерства народного образования, средних и высших учебных заведений.

В Анкарском лицее для мальчиков (Ankara Erkek Lisesi, сегодня Анкарский лицей им. Ататюрка) преподавали А.Х. Танпынар и Ф.Н. Чамлыбель. Здесь учились будущие основатели поэтической группы «Треножник» (или «Гарип») Орхан Вели Канык (1914–1950), Октай Рифат (1914–1988). В Анкаре в «Народном доме» произошла их встреча с третьим будущим «гариповцем» Мелихом Джевдетом Андаем (1915–2002). В 1930 г. в издательстве учебного заведения они начали издавать свой первый журнал «Наш голос» (Sesimiz, 1930–1938, всего вышло 8 номеров).

Факультет социальных наук Анкарского университета часто называют местом, где в 1950-е гг. зародилось другое поэтическое течение «Второе новое». Студенты этого факультета Джемаль Сюррейя (1931–1990), Эдже Айхан (1931–2002) и Сезаи Каракоч (1933–2021) являются яркими представителями «Второго нового».

Традиционно (для истории турецкой литературы) творческой атмосферой славилось Бюро переводов при Министерстве народного образования, в котором с 1943 по 1946 гг. работал поэт, писатель и издатель Яшар Наби Наир (1908–1981), который основал крупнейшее издательство «Варлык» (Varlık) и ежемесячный литературный журнал «Варлык» (Varlık Dergisi, с 1946 г. издается в Стамбуле, выходит и по сей день), в котором нашли поддержку поэтические эксперименты «гариповцев» и представителей «Второго нового» и печатались примеры «анатолийского романа» (или другими словами «деревенской прозы»). Anadolu Romanı, Köy Romanı). Среди авторов, чьи произведения нашли место на страницах журнала «Варлык», следует назвать следующие имена: Абдульхак Шинаси Хисар (1888–1963), Атилла Ильхан (1925–2005), Бехчет Неджатигиль (1916–1979), Джахит Сытки Таранджи (1910–1956), Джевдет Кудрет (1907–1992), Неджати Джумалы (1921–2001), Орхан Велик Канык, Саит Фаик Абасыянык (1906–1954) и др.

В 1951 г. Турецким лингвистическим обществом был основан журнал «Турецкий язык» (Türk Dili), который вышел за пределы специального издания и носит общекультурный характер. На его страницах печатались произведения таких писателей и поэтов, как Фазлы Хюсюн Дагларджа (1914–2008), Доган Хызлан (род. 1937), Октай Акбал (1923–2015), Пеями Сафа (1899–1961), Салах Бирсель (1919–1999), Сабахаттин Кудрет Аксал (1920–1993), Нуруллах Атач и др. Журнал выходит до сих пор.

В 1936 г. Неджип Фазлы Кысакюрек (1905–1983) приступил к изданию журнала «Дерево» (Ağaç), идеология которого строилась на истинно национальной, т.е. анатолийской литературе. Всего вышло 17 номеров, на страницах которых печатались писатели, чье творчество началось ещё до основания Турецкой республики. Это А.Х. Танышар, Зия Осман Саба (1910–1957), Джахит Сытки Таранджи (1910–1956).

Среди журналов, выходивших в Анкаре, стоит упомянуть и философский журнал «Кадро» (Kadro), главным редактором которого был Я.К. Караосманоглу.

Собственно анкарским литературным продуктом можно назвать поэтический журнал «Крепость» (Hisar), основатели которого главной целью видели критику поэзии «гариповцев» и развитие «истинно турецкой поэзии», написанной народной слоговой метрикой — хедже. Первоначально 75 номеров журнала вышло в 1950–1957 гг., затем еще 202 номера вышли в 1964–1980 гг. Поэты журнала «Крепость» Мехмет Чинарлы (1925–1999), Мунис Фаик Озансой (1891–1971), Ильхан Гечер (1917–2004), Тургут Озакман (1930–2013) и др. местом своих встреч выбрали уже упомянутую кондитерскую «Стамбул».

Вокруг журнала «Мави» (Mavi) и его основателя Атиллы Ильхана в 1952 г. собралась группа поэтов, которые также выступили с критикой нигилизма поэзии «гариповцев». На страницах журнала Атиллой Ильханом, Оздемиром Нутку (1931–2019), Феритом Эдгю (род. 1936), Орханом Дуру (1933–2009) и Демиром Озлю (1935–2021) были сформулированы новые цели гражданской поэзии.

Роман Я.К. Караосманоглу «Анкара» (1934) считается первым романом-утопией в истории современной турецкой литературы, хотя с полным основанием это определение можно отнести лишь к его третьей части. Главная героиня — Сельма, которая с мужем Нафизом — трусоватым, туповатым и далеким от патриотических идей банковским служащим, бежит из Стамбула в Анкару. Сельма работает санитаркой в госпитале и знакомится с молодым офицером Хаккы-беом, за которого и выходит замуж, уйдя от мужа-конформиста. Вторая часть романа разворачивается в годы после победы в национально-освободительной войне и провозглашения республики. Пожалуй, это самая сильная часть, здесь есть место и сатире, и политическим, и любовным эпизодам. Кроме того, нельзя отказать автору и в определенном предвидении дальнейших путей истории. Герои войны сильно изменились, «забронзовели», обросли жирком благополучия. Те, кто еще вчера поднимали батальоны в бой и вели кавалерийскую лаву в атаку на пулеметы, стали депутатами, чиновниками, бюрократами и земельными спекулянтами. Муж Сельмы страшно горд, когда его спрашивают, не выпишет ли он костюмы из Парижа. В каждой комнате особняка другого героя постоянно играют граммофоны, поскольку ему кажется, что так принято в «европах». Получается, что прав оказался герой первой части — Сунгурлузаде Омер-эфенди, который отрицал любое общественное развитие, если оно не влечет рост его личного благосостояния. Единственными героями, которые сохраняют верность идеалам революции, остаются Сельма и журналист, литератор Нешет Сабиг. Между ними вспыхивает роман и в результате Сельма уходит к Нешету. Третья часть — собственно говоря, действительно утопична: все всё поняли, осознали, и вся нация в едином порыве сплотилась вокруг идеи счастья для всех в Великом Туране, о котором мечтают герои.

Помимо романа «Анкара», столица является важным элементом картины политической жизни в романе «Аяшлы и его квартиранты» (Ayaşlı ve Kiracıları, 1934) Мемдуха Шевкета Эсендала (1883–1952) и произведений турецких писательниц: «Полдень в Йенишехире» (Yenişehirde Bir Öğlevakti, 1973) Севги Сойсал (1936–1976), «Умереть во сне» (Ölmeye Yatmak, 1973) Адалет Агаоглу (1929–2020, род. в Анкаре), «Боль» (Sancı, 1974) Эмине Ышинсу (1938–2021), «Человек, надевший любовь» (Aşkı Giyinen Adam, 2001) Назлы Эрай (1945, род. в Анкаре). Примечателен роман Суат Дервиш (1905–1972) «Анкарский узник» (Ankara Mahpusu, 1968), где противопоставлены Анкара и Стамбул. Герой — Васфи, совершив убийство и отсидев в тюрьме 12 лет, оказывается выброшенным из жизни на тротуары новой столицы, и лишь переезд в Стамбул приносит ему душевный покой и помощь отзывчивых и бескорыстных людей. Абсурдный и гротескный образ «забюрократизированной» Анкары появляется в романе Огуза Атая (1934–1977) «Неприкаянные» (Tutunamayanlar, 1970–71). Известно, что Огуз Атай провел свое детство в турецкой столице, в районе, где жили государственные чиновники, этот факт и нашел свое отражение в произведении.

С 2005 г. в Анкаре два раза в год проходит Анкарская книжная выставка (Ankara Kıtıp Fuarı). Традиционное место проведения — салон «Конгрессиум» Торговой палаты г. Анкара.

Подводя итог, следует отметить, что Анкара, став политико-бюрократическим центром новой Турции, так и не смогла затмить Стамбул как «культурную столицу». Вообще говоря, по легенде, даже Ататюрк в конце жизни признавал, что перенос столицы в Анкару был ошибкой.

Литература

- Еремеев 2017 — *Еремеев Д.Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М.: Квадрига. 2017.
- Cantek 2015 — *Cantek L.* Nedir bu Ankara edebiyatı? <https://medium.com/gazete-solfasol/levent-cantek-le-269134055e8f> (дата обращения 29.05.2022).
- Gök 2019 — *Gök Ö.* Bir Edebî Muhit Olarak Ankara ve Ankara'da Gelişen Edebî Hareketlere Genel bir Bakış // *Türk Dili. Dil ve Edebiyat Dergisi*. Cilt: CXVI. Sayı: 815, 2019, s. 96–99.
- Özınanır 2017 — *Özınanır S.Y.* Turan Tanyer ile Ankara'nın edebiyat geçmişine yolculuk-1 // 24 Saat Gazetesi. <https://www.24saatgazetesi.com/turan-tanyer-ile-ankaranin-edebiyat-gecmisine-yolculuk-1/> (дата обращения 29.05.2022).
- Tonga 2014 — *Tonga N.* Cumhuriyet Ankarası'nın Devraldığı Edebî Miras: Cumhuriyet Dönemi'ne Kadar Ankara'daki Edebiyat Hayatı ve Edebiyat Mahfilleri // *Ankara Araştırmaları Dergisi*, № 2(2), 2014, s. 184–202. https://turkoloji.cu.edu.tr/pdf/necati_tonga_cumhuriyet_donemine_kadar_ankara_edebiyat_mahfilleri.pdf (дата обращения 29.05.2022).

**Обзор тюркской мусульманской поэзии
Средней Азии XI–XII вв.
в свете освоения идей и образов суфизма**

Данный раздел посвящен элементам исламского мистицизма (суфизма) и суфийским мотивам в среднеазиатско-тюркской поэзии эпохи Караханидов. Исследование, некоторые результаты которого представлены вниманию читателей в разделе, имеет своей целью проследить, на каком этапе развития тюркоязычной поэзии Средней Азии в нее стали проникать элементы суфизма, выявить характер и раскрыть содержание этих элементов — тем, образов и терминов суфизма. Изучение тюркоязычной поэзии Средней Азии в указанном ракурсе особенно важно потому, что именно в этом регионе в XI в. впервые начинает развиваться мусульманская литература на тюркских языках. Исследование поможет в дальнейшем определить роль мусульманского мистицизма, его мировоззрения и практики в становлении и развитии тематики, жанров, идейного содержания и образной системы тюркской мусульманской поэзии в последующие (классический /XIV–XVI вв./ и постклассический /XVII–XIX вв./) периоды ее существования.

Условия для возникновения новой (мусульманской) литературы на тюркском языке сложились в XI в. в городах Средней Азии, бывших под властью династии Караханидов. В Бухаре, Самарканде, других центрах Мавераннахра авторитет мусульманского, в основном ханифитского, духовенства был высок еще и в X в., при Саманидах, а при Караханидах, бывших первыми тюркскими правителями, принявшими ислам, возрос еще более, ибо духовные лица были с самого начала верными союзниками династии. Расцвет переживали медресе Бухары и Самарканда, в городах обосновались деятели науки и литературы, писавшие на новоперсидском (*дарви*) и, частично, на караханидско-тюркском (карлукско-уйгурском) языках. Тюркская мусульманская поэзия при Караханидах с самого своего зарождения испытывала на себе влияние новоперсидской литературы.

---

¹ Пылев Алексей Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; pylev_aleksey@mail.ru; a.pylev@spbu.ru

Наряду с этим необходимо отметить, что тюркская культура в целом и зарождавшаяся литература мусульманской направленности на тюркском языке в частности развивались во 2-й половине XI–XII вв. в непростых политических условиях. Власть Караханидов в Мавераннахре в то время уже ослабевала, что в значительной мере было связано с постоянной борьбой с державой Сельджукидов. Внутренней причиной начавшегося упадка караханидской власти было стремление отдельных городов и областей выйти из полного подчинения караханидским ханам [ИУзССР 1967: 382]. В частности, в начале XII в. в Бухаре, бывшей центром мусульманской образованности и культуры, воцарилась особая династия правителей, державшая в своих руках одновременно духовную и светскую власть в городе и окрестностях. Эта династия известна в истории как «Ал-и Бурхан» («Дом Бурханов»), ее члены носили титул *садр-и джихан / садр* (перс. ‘столп мира’) [Там же: 383; Köprülü 1940: 210]. В современной историографии за ней закрепилось название «династия садров». *Садры* происходили из среды образованных и авторитетных ханифитских *факихов* (мусульманских правоведов). Они были распорядителями вакуфного имущества мечетей, медресе, обителей дервишей (*ханаках*); кроме того, они имели в личном владении земли и недвижимость в городе (лавки, караван-сарай и т.д.), участвовали в караванной торговле. *Садры* были одновременно руководителями бухарской общины мусульман и *ра’исами* (правителями) города Бухары. Они сосредоточили в своих руках огромные богатства и считали себя почти независимыми правителями в системе Западного Караханидского каганата [ИУзССР 1967: 383]. Под покровительством *садров* в Бухаре действовали суфийские наставники, принадлежавшие к так называемой хорасанской школе исламского мистицизма, в том числе и шейх Абу ‘Али Йакуб Йусуф ал-Хамадани (1048/1049–1140), послушником у которого был основатель первой тюркской школы суфизма и первый известный тюркоязычный поэт-мистик Ходжа Ахмад Йасави (ум. 1166).

В конце 20-х — начале 30-х гг. XII в. в пределы владений Караханидов вторглись завоеватели — кочевники Каракитаи (Кидани), которые нанесли непоправимый удар власти караханидских правителей. Это объединение племен монгольского происхождения в 1130-х гг. установило контроль над Восточным Караханидским каганатом, а в 1141 г. в битве в Катванской степи под Самаркандом войско Каракитаев разгромило объединенные силы западных Караханидов и сельджукского султана Санджара (1084/86–1157). После этой битвы *гурхан* (правитель) Каракитаев Елюй Даши (1087–1143) захватил Бухару и Самарканд и дошел со своими воинами-кочевниками до Амударьи. В Бухаре Кидани убили *садра* Хисам ад-дина ‘Омара и подчинили династию себе [ИУзССР 1967: 385–386; Фитрат 1991: 21]. Однако завоеватели не стремились полностью ликвидировать власть *садров* (как, впрочем, и других удельных правителей) — им было важно лишь не допустить возрождения здесь влияния Караханидов и Сельджукидов. В Бухаре Каракитаи ограничились тем, что прислали своего наместника, собиравшего дань. Хотя *гурханы* и не уничтожили полностью власть Караханидов в Бухаре и прилегающих областях, они своими поборами, периодическими набегами и поощрением сепаратизма до предела ослабили ее.

Несомненно, что смуты и междоусобицы, вражеские нашествия, терзавшие Среднюю Азию и Казахстан в XI–XIII вв., ложились тяжким бременем на плечи простого народа — земледельцев, скотоводов, ремесленников, мелких торговцев. Нельзя согласиться с мнением Х.Г. Короглы, полагающим, что в Средней Азии в XI–XII вв. «установилось относительное спокойствие» [Короглы 1968: 28]. Представляется верной оценка условий жизни в ту эпоху, данная узбекским писателем, ученым и общественным деятелем Абдурауфом Фитратом (1886–1938) в своей статье об Ахмаде Йасави: «Во время <...> длительных распрей уничтожались посевы, скот лишался выпасов, многие люди изгонялись со своей родины, многие семьи оставались без кормильцев. И неудивительно, что народные массы в тех условиях столь длительное время испытывали горести, теряли веру в жизнь и впадали в состояние отчаянной безнадежности» [Фитрат 1991: 21]. Распри удельных правителей, падение нравов в среде «власть предержащих» и духовенства, страдания народа не могли не отразиться в произведениях зарождавшейся тогда мусульманской тюркоязычной литературы.

Первым известным нам крупным памятником ранней тюркской мусульманской литературы является поэма Йусуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» ('Благодатное знание'), написание которой датируется 462/1069–1070 г. Произведение написано в форме *маснави* (двустихиями с парной рифмовкой), имеет большой объем (свыше 6600 бейтов-двустихий) и носит ярко выраженный дидактический характер. Поэма состоит в основном из диалогов и нравоучительных бесед, которые ведут между собой четыре ее основных персонажа: правитель (*элик*) Күнтогды, его везир Айтолды, сын Айтолды Öгдүлмиш и брат везира — отшельник Одгурмыш. Эти герои воплощают в себе четыре добродетели: Справедливость, Счастье, Разум и Неприязательность (Отрешенность) [Кононов 1983: 508–509]. Произведение отличается яркой образностью и относительно простым языком. Поэма является старейшим из известных нам тюркоязычных сочинений, основанных на мусульманской идеологии. Можно предположить, что ее задачей было создать новую морально-этическую основу для правления в государстве, раздираемом в ту пору внутренними неурядицами. Йусуф Баласагуни, несомненно, имел тюркских литературных предшественников, произведения которых, однако, не дошли до нас. На это указывает тот факт, что автор продемонстрировал блестящее освоение как традиций арабской и персидской поэзии, так и образов тюркского народного творчества и сумел создать произведение, совершенное по форме и глубокое по философскому содержанию.

«Кутадгу билиг» создана в жанре этической поэмы-*маснави*, заимствованном из иранской поэзии, и в ней применен арабо-персидский стихотворный размер — *мутакариб*, стопа которого состоит из одного короткого и двух длинных слогов. Размер соблюдается на протяжении всей поэмы. Применение арабо-персидских размеров мы наблюдаем также в тюркских стихотворных отрывках, относящихся к XI в. и приведенных в словаре «Диван лугат ат-турк» ('Собрание тюркских слов'). Словарь был составлен тюркским ученым-филологом Махмудом Кашгари в Багдаде в 1072–1083 гг. [ИВЛ 1984: 202]. Всё вышесказанное подтверждает

справедливость замечания И.В. Стеблевой о том, что «в основу классической тюркской поэзии легла арабо-персидская метрика, давшая тюркоязычной поэзии теоретические опоры в виде арабо-персидской теории метров, теории рифмы и поэтических фигур» [Стеблева 1976: 5]. Арабо-персидские традиции стихосложения таким образом осваивались тюркской поэзией уже в XI–XII вв.

О литературном языке среднеазиатских тюрок того времени, на котором были созданы «Кутадгу билиг» и стихи из «Дивана» Махмуда Кашгари, существуют разные мнения. Наиболее близкими к истине представляются утверждения А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова и Э.Р. Тенишева. А.Н. Кононов определял этот язык «по династийному признаку» как караханидско-тюркский, а по племенному и культурно-историческому признаку — как карлукско-уйгурский [Кононов 1983: 504]. Н.А. Баскаков считал тюркский литературный язык Караханидов смешанным, образовавшимся у племен и народностей Семиречья и Тянь-Шаня на основе диалекта «хаканских тюрок» (как известно, и Махмуд Кашгари называл этот язык «*хаканиййа*») [Körgülü 1940: 214]. Э.Р. Тенишев высказывал близкую точку зрения: по его словам, это был «искусственный литературно-книжный язык тюркского средневековья» [цит. по: Караев 1983: 256]. Однако, по мнению исследователя, в своей основе язык первых произведений тюркской мусульманской литературы сближается с племенным диалектом чигилей и поэтому может быть определен как «чигиле-уйгурский» [Там же]. Несомненно, язык «Кутадгу билиг», отраженный также в словаре Махмуда Кашгари, оказал влияние и на более поздние произведения тюркской литературы (в частности, на «хикматы» поэта-мистика XII в. Ахмада Йасави и его ближайших последователей).

По своему идейному содержанию поэма «Кутадгу билиг», несмотря на мусульманскую идеологическую основу, в целом произведение светское. Все человеческие добродетели, в том числе и подвижничество служение Богу, автор ставит в зависимость от разума и справедливости [Иванов 1963: 530]. Прославление просвещенного, добродетельного правления, основанного на разуме, — вот основная идея «Благодатного знания». В то же время поэма Йусуфа Баласагуни впервые в истории тюркской литературы по-своему отразила и такое крупное явление мусульманской культуры и философской мысли как суфизм. Благодаря деятельности ряда суфийских подвижников, обладавших поэтическим даром, мистические мотивы в то время распространились в персидской поэзии и не могли не затронуть образную систему и идейное содержание ранней классической поэзии тюрок, развивавшейся в тесной связи с иранскими литературными традициями. В «Кутадгу билиг» суфийские идеи отрешенности от благ сего мира, неучастия в земных делах, отшельнического подвижничества как пути служения Богу и личного спасения проповедует Одгурмыш (букв. 'пробуждающий'), брат везира Айтолды. Он сам ведет жизнь отшельника, всецело отдается воле Бога, отказывается от всех земных желаний. В частности, на убеждения Өгдүлмиша, ставшего везиром после смерти отца, о необходимости «мужу достойному» завести семью и иметь детей, Одгурмыш отвечает притчей одного из известнейших ранних мусульманских мистиков Ибрахима ал-Адхама (ум. между 776–783):

«*Kemə mindi saqyn kisi alyuçy,
Təñiz otra kirdi kemə mingüçi.
Oyul qyz törüsə keməsi synur,
Kemə synsa suvda tirig kim qalur!*»² [Yusuf Has Hajib 1984: 708]

* * *

‘Кто женится, тот словно в лодке плывет,
Выходит он в море бушующих вод.
Детьми обзавелся — в посудине течь,
И как тут от смерти живых уберечь!’³ [Юсуф Баласагунский 1983: 264]

Подобный взгляд на брак и семью, по представлениям крупнейшего суннитского теолога и теоретика суфизма XI–XII вв. Абу Хамида ал-Газали (1058–1111), присущ мистику, находящемуся на восьмой, предпоследней стадии мистического «пути» — *ат-таваккул* (араб. ‘отречение от своей воли’) [Петрушевский 1966: 331; Фомкин 1990: 70]. Для Йусуфа Баласагуни Одгурмыш является «носителем высоких устремлений человеческого духа, мудрости нравственной» [Фомкин 1990: 73]. Автор устами элика Кунтогды и Одгурмышы излагает в своей поэме две точки зрения на предназначение человека, две позиции — активного служения людям, помощи им в земных делах и, посредством этого, служения Творцу; и сознательного ухода от деятельной, в обычном человеческом понимании, жизни ради отшельнического подвижничества, служения Богу «для себя». Поэт считает оба эти взгляда равноправными, одинаково заслуживающими уважения [Иванов 1983: 529; Фомкин 1990: 73]. Однако общий ход повествования и непосредственное художественное впечатление побуждают читателя сделать вывод о том, что автор все же является приверженцем первого пути, воплощенного в словах и делах элика Кунтогды.

Словарь Махмуда Кашгари, как уже отмечалось, содержит ряд поэтических отрывков — образцов тюркской караханидской поэзии XI в. (всего их не менее 50-ти) [Стеблева 1971: 113–243]. По мнению И.В. Стеблевой, некоторые из этих отрывков (два четверостишия и 11 двустиший) «можно рассматривать как самые ранние образцы тюркоязычной суфийской поэзии» [Стеблева 1971: 101]. Действительно, своей формой эти стихи напоминают не образцы фольклора, а, скорее, отрывки из дивана какого-то неизвестного нам тюркоязычного поэта Восточного Караханидского каганата. Возможно, этот поэт был одним из первых проповедников суфийских идей в тюркской среде (сам он мог быть как тюрком, так и иранцем). О суфийском характере этих стихов можно говорить потому, что они содержат взгляды и мотивы, которые впоследствии станут широко распространенными, стандартными в тюркской мусульманской поэзии, проникнутой, как правило, суфийскими идеями. Стихи содержат мысли о быстротечности времени, призывы к аскетизму, жалобы на падение нравов людей, призыв к самосовер-

² Транскрипция текста принадлежит автору настоящего исследования.

³ Поэтический перевод С.Н. Иванова.

шенствованию и предостережение от гордости за уже приобретенные добродетели, что явно перекликается с положениями суфийской школы «людей порицания» (*ал-маламатийа*). Представляется уместным привести в связи с этим текст и перевод следующих поэтических отрывков из «Диван лугат ат-турк»:

*«Ažun tüni kündüzi jəlkin kəçər,
Kimni qaly satyasa küçin kəvər.
Səvinməgil jond, ügür, azıyır, anın,
Altun, kümüš bulnaban ayı tavar»*⁴ [Стеблева 1971: 223]

* * *

‘Ночи и дни этого мира проходят быстро;
Тех, кого они попирают [на своем пути], они лишают сил.
Поэтому не радуйся, лошадей, стада, жеребцов,
Золото, серебро и драгоценное имущество обретая’

*«Ərdəm tilə, ögrənibən bolma küvəz.
Ərdəmsizin ögünsə əntəgüzə əñər»* [Стеблева 1971: 227]

* * *

‘Желай [обрести] добродетель, а обретя [её], не будь гордым.
Когда похваляются, не имея добродетели,
То, встретив трудности, теряются’

Данные поэтические отрывки являются, несомненно, образцами авторской дидактической тюркоязычной поэзии, созданными примерно в одно время с «Кутадгу билиг». Мусульманские мистические мотивы в них указывают как на сильное влияние персидской суфийской литературы на тюркскую поэзию уже в XI в., так и на то, что автором стихов мог быть суфий, один из первых последователей хорасанской школы мусульманского мистицизма, действовавших в тюркской среде.

В конце XII или в начале XIII в., в годы упадка Караханидов, в Фергане создается еще одно дидактическое произведение на тюркском языке — поэма Адиба Ахмада Йугнаки «‘Атабат ал-хака’ик» (‘Порог истин’), известная также под названием «Хибат ал-хака’ик» (‘Дары (сума) истин’). Эта поэма, достоверные списки которой содержат 256 бейтов (более 500 стихотворных строк), посвящена вопросам нравственности и воспитания: она обличает земные пороки (ложь, болтливость, алчность), призывает читателя быть великодушным, щедрым, терпеливым [ИУЛ 1987: 69]. Немало говорится в произведении о бренности земного существования, непостоянстве счастья [ИВЛ 1984: 203]. Основной художественный прием автора произведения — антитеза, противопоставление друг другу добрых, похвальных и злых, порицаемых человеческих качеств: стремление к зна-

⁴ Текст приводится по изданию И.В. Стеблевой. Транскрипция и перевод приведенных отрывков принадлежат автору исследования.

ниям и невежество; щедрость и скупость; неприязнительность и алчность; скромность и высокомерие; осторожность в словах и болтливость; справедливость, соблюдение правителем законов и жестокость, произвол. Поэма «‘Атабат ал-хака’ик» отличается богатством образных средств: ее текст насыщен такими художественными тропами, как метафоры, сравнения. В произведении также широко используется лексическая омонимия, усиливающая выразительность произведения. Это художественное средство стало широко использоваться уже в классический период развития тюркской литературы, в частности, в четверостишиях-*туягах* Низам ад-дина ‘Алишира Нава’и (1441–1501) и Захир ад-дина Мухаммада Бабура (1483–1530).

«‘Атабат ал-хака’ик» Ахмада Йугнаки — это, пожалуй, единственное крупное поэтическое произведение, несомненно, относящееся к караханидскому периоду, ставшее широко известным в Средней Азии в XV–XVI вв. и позднее. Вместе с тем о жизни автора известно немного, это лишь то, что сообщает он сам и переписчики поэмы. В частности, Ахмад говорит о том, что его глаза «были слепыми от рождения» (*‘Туға көрмәс еди Адібниң көзи’*)⁵ [ИУЛ 1987: 70]. ‘Алишир Нава’и приводит некоторые сведения об Адибе Ахмаде Йугнаки в своем произведении о выдающихся суфиях «Насайим ал-махабба» («Дуновения любви»), отмечая, что чувства и талант поэта «делают его сильнее зрячих», а также приводя следующую цитату из его произведения: «Если ты будешь распускать свой язык, тебе сломают зубы» [Там же].

Язык поэмы Йугнаки можно было бы назвать «кашгарским», близким к языку «Кутадгу билиг», но с большим количеством арабо-персидских элементов. По мнению Э.Н. Наджиба, произведение «как бы перебрасывает мост от карлукско-уйгурского языка “Кутадгу билиг” к староузбекскому» [Наджиб 1989: 47].

Поэма Ахмада Йугнаки уже «полностью проникнута духом раннего суфизма» [ИВЛ 1984: 203]. Она, в отличие от «Благодатного знания», наставлявшего властителей на правильный путь в делах государственных, призывает читателя, прежде всего, к спасению своей собственной души, к нравственному совершенствованию, не связанному с конкретной земной деятельностью.

Таким образом, в ранний, «караханидский» период истории тюркской мусульманской классической литературы в Средней Азии появляются произведения как светского, так и религиозного, суфийского характера. Их авторы, используя образы тюркского и персидско-таджикского народного творчества, осваивали форму изложения и поэтическую метрику, присущую арабской и персидской литературам, проникались общемусульманскими идеями. Мощное влияние на тюркскую поэзию уже со второй половины XI в. начал оказывать мусульманский мистицизм (суфизм), произведения персидской поэзии, созданные дервишскими шейхами Хорасана и других областей Ирана, а также сочинения литераторов, которые сами не являлись суфиями, но использовали в своем творчестве идеи и образы мусульманской мистики, создав так называемый «суфийствующий

⁵ Транскрипция принадлежит автору исследования.

стиль». У истоков собственно суфийской поэзии на тюркских языках стояли, в частности, тюркские шейхи XII в., Ходжа Ахмад Йасави и его ближайшие последователи, получившие образование в городах — центрах исламской культуры и писавшие духовные стихи по-тюркски. Духом исламского мистицизма, его образами проникнута практически вся тюркоязычная поэзия последующих веков, вплоть до нового времени.

Литература

- Иванов 1983 — *Иванов С.Н.* О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // *Юсуф Баласагунский*. Благодатное знание / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука. 1983. С. 518–538.
- ИВЛ 1984 — История всемирной литературы / Отв. ред. Х.Г. Короглы, А.Д. Михайлов. М.: Наука. 1984. Т. 2. 672 с.
- ИУзССР 1967 — История Узбекской ССР / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР. 1967. Т. 1. 770 с.
- ИУЛ 1987 — История узбекской литературы / Отв. редакторы А.Х. Хайитметов, З.С. Кедрина. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР. 1987. Т. 1. 486 с.
- Караев 1983 — *Караев О.* История Караханидского каганата (X–начало XIII вв.). Фрунзе: Илим. 1983. 301 с.
- Кононов 1983 — *Кононов А.Н.* Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // *Юсуф Баласагунский*. Благодатное знание / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука. 1983. С. 495–517.
- Короглы 1968 — *Короглы Х.Г.* Узбекская литература. М.: Высшая школа. 1968. 292 с.
- Наджиб 1989 — *Наджиб Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков: XI–XIV вв. М.: Наука. 1989. 281 с.
- Петрушевский 1966 — *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках: Курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1966. 400 с.
- Стеблева 1976 — *Стеблева И.В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука. 1976. 214 с.
- Стеблева 1971 — *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М.: Наука. 1971. 300 с.
- Фитрат 1991 — *Фитрат*. Ахмад Ясавий // Санъат. 1991. № 8. С. 21–22 (на узбекском языке).
- Фомкин 1990 — *Фомкин М.С.* О суфийских мотивах в «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни // Советская тюркология. 1990. № 5. С. 68–74.
- Юсуф Баласагунский 1983 — *Юсуф Баласагунский*. Благодатное знание / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука. 1983. 560 с.
- Köprülü 1940 — *Köprülü M. F.* Ahmed-i Yesevi // İslam Ansiklopedisi. İstanbul: Maarif Matbaası. 1940. 1. Cilt. S. 210–214.
- Yusuf Has Hajib 1984 — *Yusuf Has Hajib*. Kutadoğu Bilik. Millətlər Nəxriyati. 1984. 1370 b. (на новоуйгурском языке).

Башкирская литература в системе тюрко-мусульманской культуры

В истории развития башкирской литературы мы наблюдаем синтез национальных традиций с арабо-тюрко-мусульманскими (Ближний, Средний Восток и Средняя, Центральная Азия) и западными традициями. В связи с этим можно указать на возникновение двух векторов развития: процесс дефрагментации единого евразийского пространства и поиск возможностей диалога между различными этническими и культурными традициями, т.е. «диалог культур» (по М.М. Бахтину). Однако анализируя современную национальную литературу, трудно сказать о преобладании влияния той или иной культуры; развиваясь, они гармонично дополняют друг друга. «Несомненно, взаимоотношение народов, населяющих Россию, особенно тюркоязычных, в том числе и башкир, с Азией, иные, чем народов, скажем, Западной Европы. Исторически они неизбежны, оригинальны, непосредственны <...> Европа и Азия — это, как представляется, два источника нашей сущности, две стороны одной проблемы. Для башкир, развивающихся до революции в русле восточных культур и литератур, азиатские корни и являются, собственно, национальными» [Баимов 2005: 3].

Башкиры с древнейших времен контактировали с народами Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и, соответственно, больше всех они оказали влияние на национальную литературу. В.В. Бартольд отмечает, что, начиная с VI в. н. э., наблюдается оживление исторических связей тюркских племен с персами [Бартольд 1925: 23], затем и арабами. Основой этих связей послужила религия и торговые отношения [Харисов 1973].

На основе исторических фактов можно предположить, что интенсивный культурный обмен между народами происходил с древнейших времен. «В эпоху раннего средневековья на просторах северной Евразии происходили массовые

---

¹ Сибгаатов Флор Шарифуллинович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди Республики Башкортостан; jamachta@mail.ru

миграции и интенсивный культурный обмен, в результате которых среди коренных народов Поволжья и Приуралья стали формироваться тюркско-ханафитская ветвь исламской цивилизации. Ранние контакты населения на территории современной России с миром ислама восходят к VII–XIX вв. Это были традиционные для данного исторического периода связи, основанные на торговле, взаимобмене, центром которых были города Центральной Азии <...> Наиболее ранние свидетельства о связях территории Башкортостана с миром ислама относятся к VIII–IX вв.» [Юнусова 2009: 5].

Башкиры также контактировали с Булгарским государством, вели торговлю с такими европейскими и азиатскими странами, как Киевская Русь, русские княжества, Византия, Средняя Азия, Иран, Аравия, Индия. Это, в свою очередь, содействовало укреплению культурных связей с разными народами.

Распространение ислама на обширной территории до Урало-Поволжского региона оказало существенное влияние на развитие религиозно-дидактической литературы, представляющей значительный пласт в национальной духовной культуре. Однако до настоящего времени в национальном литературоведении отсутствуют специальные работы по комплексному исследованию произведений башкирской литературы на предмет влияния арабо-тюрко-мусульманских культурных традиций. Между тем, их влияние на развитие национальной литературы неопределимо и это требует серьезного анализа и осмысления.

В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть историю развития башкирской литературы в контексте тюрко-мусульманской культуры, выявить те или иные закономерности, традиции и новаторство на определенных этапах развития указанной литературы, в т.ч. и на современном этапе.

§1. Историография изучения темы

Первые системные труды по изучению культурно-литературного наследия башкирского народа в контексте тюрко-мусульманской культуры связаны с деятельностью русских ученых. Например, труд «Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии» В.В. Вельяминова-Зернова посвящен изучению деятельности мусульманского проповедника Хусейн-бека, первого имама на территории современного Башкортостана. Автором описана гробница (кашанэ), приведены надписи, причем на тюрки (в арабской графике) и в переводе на русский язык. Особое внимание ученый уделяет проблеме распространения ислама в Поволжском регионе, приводит сведения о других святых-проповедниках. Для этого он привлекает сведения из рукописной книги «Таварих булгарийа» (История Булгара) Шараф-ад-Дина Булгари, которые также даются в оригинале и в переводе. В заключении автор отмечает сходство этой гробницы с надгробными сооружениями казахов [Вельяминов-Зернов 1859: 257–284]. Ф.П. Егоров в своем труде «Ак-Зиярат» (Белое кладбище) приводит различные предания о Хаджи Хусейн-беке, записанные в Уфимской губернии [Егоров 1900: 93–95]. Народные преда-

ния о нем содержатся и в публикации Р. Игнатьева «Хусейн-бека (Ногайского имама) гробница» [Игнатьев 1869: 54–56]. Продолжением этой темы можно считать труд «Памятники доисторических древностей Уфимской губернии» [Игнатьев 1883].

Полноценным монографическим исследованием является книга «Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам» М.В. Лоссиевского. Автор приводит исторические справки из трудов средневековых арабских ученых и писателей (Мас'уди, Абу-Зейда ал-Балхи, Ахмеда ибн Фадлана, Идриси, Йакута, ад-Димашки), рассказывает о происхождении башкирского народа, о религиозной принадлежности и влиянии ислама на быт, литературу, язык, нравы и обычаи, героико-эпические песни и предания, дает краткие сведения о башкирских писателях XIX в. Абу-л Манихе (А. Каргалы), Гибетулле (Х. Салихов) и др. [Лоссиевский 1883].

Среди башкир также была развита рукописная книжная культура. Например, в 30-е гг. XVIII в. башкирские старшины А. Исякаев, Т. Шаймиев и К. Мулдакаев передали руководителю Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову и историку П.И. Рычкову важные материалы [Усманов 1960: 8, 43]. На распространение рукописных книг среди населения обращали внимание многие русские исследователи нашего региона.

Большая заслуга в изучение духовного наследия мусульманских народов принадлежит Р. Фахретдинову. Важнейшее место в его наследии занимает четырехтомное био-библиографическое сочинение «Асар» (Следы). Первый том начинается с биографий Ибн Фадлана и Хамида бин Идриса ал-Булгари, со времен Булгарского государства и Золотой Орды. В нем собраны сведения по 222 личностям, умершими до 1843 г. Во втором томе приводятся обширные биографические сведения о людях, умерших в 1843–1847 гг. В общей сложности хроника содержит биографии более шестисот улемов (ученых) Урало-Поволжского региона.

Р. Фахретдинов не ограничивается описанием жизненного пути того или иного выдающегося человека. Он по возможности приводит сведения о его родословной (родителях, детях, женах и родственниках), о его наставниках и учениках, о том, в каких медресе он получил образование и др. Таким образом, «Асар» представляет собой масштабную энциклопедию, в которой собраны статьи о мусульманских деятелях Урало-Поволжского региона и всего мусульманского Востока, основанные на до того неизвестных источниках биографического характера.

Философский трактат «Йыуаныс» (Утешение) также содержит ценнейшие сведения об известных деятелях науки, культуры и религии Урало-Поволжского региона и мусульманского Востока. Как и «Асар», трактат является своего рода рукописной энциклопедией. В композиционном плане он построен в виде из 54 философских бесед (меджлес) о жизни, быте, культуре и воспитании. По мнению Г.Б. Хусаинова, рукопись вначале состояла из двух частей с общим объемом 1160 стр., но первая часть в количестве 573 стр. до сих пор не найдена. Вторая, доступная нам часть из 337 лл., начинается с двадцать пятой беседы-меджлеса [Фахретдинов ф. 7].

В сочинении Р. Фахретдинова «Знаменитые женщины» собраны истории о женщинах мусульманского Востока, Поволжья и Приуралья. Биографии расположены по принципу арабского алфавита, а в заключении приводятся классификации указанных женщин по определенному признаку (правительницы, писательницы, слепые и др.).

Книги из серии «Мәшһүр ирләр» (Знаменитые мужи) посвящены жизни и научной деятельности таких выдающихся деятелей мусульманского востока, как Ибн Рушд, аль-Маари, аль-Газали, Ибн Араби, Ибн Таймия, Ибн Фадлан и Ибн Баттута. «Что касается композиционного построения работ биографического характера, то Риза Фахретдин почти всегда стремился к единому стандарту. Его исследования состоят из введения, основной части и заключения. В каждой своей работе Риза Фахретдин не забывает повторять о необходимости и важности биографических исследований» [Байбулатова 2004: 15].

Книги «Шәкертлек әдәбе» (Поведение школьника), «Әдәбе тәғлим» (Обучение воспитанности), «Тәрбиәле бала» (Воспитанный ребенок), «Нәсихәт. Балалар өсөн» (Наставления для детей), «Нәсихәт. Кыз балалар өсөн» (Наставления для девочек) и др. назидательно-поучительные сочинения также можно назвать своего рода педагогическими энциклопедиями.

Фундаментальная работа «Дини үә ижтимағи мәсьәләләр» (Религиозные и общественные вопросы) посвящена вопросам соотношения светских и религиозных основ в культуре и образовании мусульман. Ее основные тезисы во многом совпадают со взглядами М. Абдо, который также стремился совместить основы ислама с современными реалиями развития общества.

Разным аспектам арабо-мусульманской культуры также посвящены труды П.Я. Камалетдинова (Зия Камали), З. Расулева и др.

В дальнейшем исследования в этой области приостановились. В советский период Г. Амантай первым поднял вопрос о том, что башкиры, как и многие другие тюркоязычные народы, имели свою литературу в арабской графике. Например, в статье «Принципы определения национальной литературы» он аргументированно доказал двусоставность дореволюционной башкирской литературы. Религиозно-дидактические произведения он также рассматривал в системе национальной художественной словесности. Однако репрессии 30-х гг. XX в. положили конец научным исследованиям в этой области.

В 1960-е гг. В.В. Виноградов в своем труде «О задачах стилистики» впервые подробно проанализировал идею, тематику и стилевые особенности «Жития протопopa Аввакума» и убедительно доказал, что подобные произведения являются литературно-художественными памятниками [Виноградов 1959: 31]. А.И. Харисов, скорее всего под влиянием его исследований, одним из первых в тюркоязычных литературах рассматривает историю башкирской литературы XVIII–XIX вв. в новом ключе и объективно доказывает, что произведения религиозно-дидактического характера также являются частью национальной художественной словесности [Харисов 1973].

При исследовании истории развития национальной литературы дореволюционного периода ученые в своих монографических трудах не могли обойти тему влияния мусульманской культуры на творчество поэтов и писателей. Вследствие этого отдельные положения нашли отражения в многотомной «Истории башкирской литературы», «Истории башкирской литературы XX в.» и др. научных работах.

В монографии «Судьба жанра», рассматривая процесс формирования и эволюции жанров башкирской прозы, Р.Н. Баимов ставит вопрос о необходимости изучить эту проблему в контексте литератур Востока. «Почти не учитываются, например, многовековые эпические традиции восточных литератур, в русле которых развивались до революции (с древнейших времен) многие фарси-тюркоязычные литературы народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья (в т.ч. и башкирская) <...> Эти многовековые традиции, как собственно национальные, не могут не участвовать в формировании жанров литературы... и по сей день» [Баимов 1984: 320].

В трудах Г.С. Кунафина, посвященных исследованию башкирской литературы XIX — начала XX вв., подробно описывается общественно-политическое и социально-экономическое положение башкир, рассматриваются идейно-тематические особенности башкирских произведений этого периода, приводится биография башкирских поэтов-суфиев [Кунафин 2014].

В монографиях Ф.Ш. Сибгатов рассматриваются отражение коранических мотивов в башкирской литературе [Сибгатов 2001] и проблемы духовной литературы [Сибгатов 2015].

В последние годы были защищены ряд кандидатских диссертаций, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы, связанные с восточными культурными традициями ([Кутляхметов 2004], [Шарафутдинова 2007], [Резяпова 2009], [Байбулатова 2011] и др.).

Таким образом, на данный период в башкирском литературоведении проведены определенные исследования в области влияния восточной литературы на национальную художественную словесность. В то же время проблема рассматривается в общем плане. Исходя из этого, можем констатировать, что в настоящее время отсутствуют труды о влиянии арабо-тюрко-мусульманской литературы на духовную жизнь башкир.

§2. Роль и место арабо-тюрко-мусульманской литературы в духовной культуре башкир Средних веков

Как известно, ислам за довольно короткий исторический период успел распространиться на обширной территории. В Урало-Поволжский регион ислам пришел в X в., а наиболее интенсивное проникновение ислама в регион происходило в XI–XIII вв.

По преданиям, первым принял ислам болгарский хан Алмуш (Алмус). Об этом впервые упоминается в путевых записях Абу Хамида ал-Гарнати. В них говорится, что однажды тяжело заболели Булгарский хан и его жена. Как ни пробовали их лечить, болезнь только усиливалась. Тогда мусульманин обратился к больному хану и ханше: «Если я вас вылечу, вы примете мою веру?» Те ответили: «Примем». Мусульманин их вылечил, и хан принял ислам, а вместе с ним эту религию принял весь его народ [Путешествие 1971: 31].

Позднее данная история нашла широкое отражение в тюрко-мусульманской литературе региона. «Легенда, записанная еще в XII в., имела в башкирской и татарской литературах долгую историю и создала своеобразную традицию. Если в одном случае она продолжала существовать в рукописной и печатной формах, вошла в книги Хисаметдина Муслими, Таджетдина Ялыгула, Гали Сокрыя под одноименным названием “Тауарих-и Булгарийа”, то в другом случае жила в устных преданиях» [Хусаинов 1996: 12]. Сюжет о выздоровлении ханской дочери содержится также в «Рисаляи тауарихи Булгарийа» (Книга истории Булгара) Хисаметдина бин Шарафетдина.

В легенде «Булгарзар һәм башкорттар» (Булгары и башкиры) повествуется о принятии булгарами мусульманства [БХИ 1997: 158–159]. Схожая по сюжету легенда была записана и в Оренбургской области, однако там говорится о том, что параличом болела дочь Уфимского хана, и знахари, вылечив ее, распространили ислам, а казанцы (казанские татары) приняли мусульманство за башкирами [Научный архив. Ф.3].

Знакомство, а затем и принятие башкирами ислама, скорее всего, тоже относится к этому времени. Некоторая информация об этом содержится в записях Ахмада ибн Фадлана. А.П. Ковалевский на основе этих путевых записей приходит к выводу, что башкиры уже к X в. в некоторой степени были знакомы с отдельными постулатами ислама и Корана: «Ибн Фадлан рассказывает, что у них имелись две отличные друг от друга системы религиозных представлений. Одни из башкир считали, что миром управляет верховный бог неба в согласии с двенадцатью богами, ведавшими отдельными явлениями природы. Как видно из контекста, Ибн Фадлан узнал об этой системе верований из личной беседы (через переводчика, конечно) с одним из башкир. Конец его рассказа позволяет предположить, что он вступил с этим башкиром даже в своего рода диспут по вопросу единобожия. Какая именно часть башкир придерживалась данной религиозной системы, Ибн Фадлан не уточняет. Он сообщает лишь неопределенно: “кое-кто из них говорит”. Зато о второй категории более примитивных верований он точно сообщает...» [Ковалевский 1956: 26, 193]. Далее ученый поясняет, что здесь, скорее всего, отражена внутренняя полемика по поводу многобожия, изложенная в сурах 17 и 21 Корана.

К этому времени окончательно определяется территория древнего Башкортостана. На востоке она простиралась от Волги до Белой, на западе входила в земли Булгарского государства [Кузеев 1978: 162]. Ибн Фадлан писал, что, достигнув юго-западных границ страны башкир у реки Кондурча, они после этого шли до

Булгарии еще почти месяц [Ковалевский 1956: 130]. Арабский ученый Ибн-Руста (X в.) писал, что «башкиры — это самобытный народ, который живет на верховьях Волги и Камы, Тобола и Яика по обеим сторонам Уральских гор» [Хвольсон 1869: 598].

Безусловно, для вовлечения башкир в орбиту торгово-экономических и политических отношений необходимо наличие дорог. «Одной из главных причин можно назвать наличие с древнейших времен проторенных дорог на Южный Урал из тех регионов, где впоследствии утвердился ислам. Многочисленные археологические находки показывают, что территория Южного Урала, где башкиры сложились в единый этнос, издревле тяготела к Средней (и даже к более дальнему региону Передней) Азии и имела с древними цивилизациями этих регионов самые тесные экономические, культурные, этнические связи. <...> Оживленные связи между Приуральем и Средней Азией, особенно с Хорезмом, сохранились до эпохи булгаро-арабской торговли. В IX–X вв. н.э. связи между Хорезмом, Средней Азией и Южным Уралом, Прикамьем были особенно интенсивными, что подтверждается безопасностью караванных путей. Таким образом, можно смело утверждать, что между Южным Уралом, где проживали башкиры, и Средней Азией имела хорошо налаженная коммуникационная сеть, т.е. дороги, по которым перемещались не только материальные блага, но и духовные ценности» [Аминев 2018: 17].

Археолог С.А. Плетнева писала о башкирах VIII–XIV вв.: «Другой пример — высокоразвитые культуры прабашкир, близкие по общему уровню развития к культурам соседних государств. Как и аланы, они имели глубокие корни в древности, и традиции их сохранились до наших дней. Объяснить жизнестойкость, силу культур этих, по-видимому, следует ранним оседанием этих кочевников и тесным слиянием их с оседлыми местными племенами. Развитие их текло по определенному руслу, и никакие катаклизмы не могли уничтожить эти вполне сложившиеся степные цивилизации» [Плетнева 1981: 238–239]. По сведениям арабского путешественника Идриси (XII в.), у башкир были города в низовьях Агидели и на Каме, которые вели торговые отношения с разными странами [Археология 1971: 324].

Распространение ислама в различных районах исторического Башкортостана происходило в течение нескольких веков и в разной степени активности. Если на юге исторического Башкортостана, граничащего с мусульманскими центрами Средней Азии, как Бухара, Самарканд, Хорасан, ислам стал утверждаться с X в., то в центральных и северных районах он начал распространяться намного позднее, начиная с XII–XIV вв. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические и археологические сведения.

Во многих произведениях устного народного творчества, как эпосы «Урал батыр» (Урал богатырь), «Акбузат» (Светлый крылатый конь), кубаирах и песнях, основополагающим является тема родной земли. Отсутствие в них мусульманских мотивов, на наш взгляд, объясняется на основе исследований В.Я. Проппа, который считал, что сказки являются источником для изучения явлений куль-

туры, законсервировавшихся в их текстах в качестве реликтов [Пропп 1946]. Т.е. они, как и сказки, появились намного раньше возникновения ислама и потому не испытали его влияния.

Арабизмы, встречающиеся в ряде фольклорных текстов, начали проникать в язык тюрков еще с ранних веков, что объясняется общностью исторических судеб башкирских племен с Ближним и Средним Востоком.

Одним из первых тюрко-мусульманских ученых, общим для башкирского и татарского народов, стал болгарский ученый Якуб ибн Нугман (1058/59, неизв. — 1164, неизв.), который жил в городе Биляр. Некоторые сведения о нем содержатся в записях арабского путешественника ал-Гарнати, которому довелось встретиться с ним и ознакомиться с его сочинением [Путешествие 1971: 31]. В «Исламской энциклопедии» говорится, что Якуб ибн Нугман был одним из крупнейших башкирских ученых [Islam 1942: 328].

Средневековая башкирская литература в лице Кул Гали и др. и определенная часть устного поэтического творчества (дастаны, кисса, легенды, предания, эпические сказания и др.) в идейно-тематическом плане восходят к арабо-тюрко-мусульманским культурным традициям. Кроме того, традиционные книжные сюжеты со временем тоже стали получать местные версии. Исходя из этого, сюжеты и персонажей башкирского фольклора религиозного содержания условно можно разделить на две группы — 1) прямо заимствованные из арабо-тюрко-мусульманской литературы или свободно переложенные, экстраполированные или интерполированные варианты, т.е. национально адаптированные, 2) адаптированные или трансформированные к местным реалиям и синтезированные с национальным фольклором, т.е. воспринимаемые уже как национальные. Таким образом, данную часть устного народного творчества мы можем назвать культурным синтезом национальной и книжной арабо-тюрко-мусульманской культуры.

Необходимо отметить, что мусульманские мотивы преобладают в произведениях общетюркского характера, а также арабо-персидского происхождения. Широкое распространение получили известные сюжеты дастанов и кисса, такие как «Тахир и Зухра», «Йусуф и Зулейха», «Бузъегет», «Тысяча и одна ночь» и др. Они выполняли важные, неразрывные между собой функции. С одной стороны, способствовали распространению среди населения мусульманской культуры, с другой — являлись средством воспитания и обучения, с третьей — заполняли художественный вакуум, ибо в системе жанров башкирского народного творчества почти отсутствовали произведения романтического, любовного и авантюрного характера. Наиболее сильное влияние на устное народное творчество оказали произведения средневековой тюркской литературы — «Кисекбаш китабы» (Книга об Отсеченной голове), «Киссаи-Гали» (Сказание о Гали), «Киссаи-Саитбаттал» (Сказание о Саитбаттале) и др.

В дальнейшем эти произведения при помощи грамотных людей стали заполняться местными версиями, которые только усиливали идеи мусульманства среди народов региона.

Как известно, средневековая тюркоязычная литература имела зональный характер. В его формировании и обогащении участвовали представители многих народов, живущих на обширной территории, в т.ч. и в Урало-Поволжском регионе. «Здесь рождалась своеобразная культура, общая для многих населяющих эти земли племен, основную массу которых составляли тюрки. Создателями этой культуры являлись ученые, писатели, поэты, которые жили на Урале, в Поволжье, Хорезме и Крыму. Путем слияния древнего книжного тюрки с элементами местного кипчакского говора формируется смешанный тюркский литературный язык. Начиная с академика Бартольда, ученые называют его общим литературным языком входивших в состав Золотой Орды узбеков, татар, башкир, казахов, каракалпаков и других тюркских народов» [История литературы 2012: 87].

На тюрки созданы такие дастаны XIV в., как «Хөсрәү үә Ширин» (Хосров и Ширин, 1342) Кутба, «Мөхәббәтнамә» (Книга любви, 1358) Хорезми, «Джүм-джүмә солтан» (Череп султана, 1370) Х. Катиба, «Гәлистан би-т төрки» (Гулистан на тюрки, 1391) С. Сарай и др., которые получили широкое распространение и на территории исторического Башкортостана.

Крупнейший исследователь литературы золотоордынского периода Э. Наджип пишет: «Мы считаем, что в создании этой культуры, этой литературы активное участие принимали предки нынешних татар, башкир, узбеков, казахов, туркмен, ногайцев, каракалпаков и других тюркских народов. Следовательно, эти бесценные памятники культуры и литературы являются их общим достоянием. И все же подобно тому, как прямым наследником литературы на чагатайском языке являются современный узбекский народ, частично — туркмены, точно также наследниками литературы, созданной в Золотой Орде, считаются в основном нынешние татары и башкиры» [Наджип 1957: 94].

В XIII–XIV вв. между Золотой Ордой и Египтом усиливаются политические, экономические и культурные связи. В годы междоусобиц, которые стали происходить в Сарая, в столице Золотой Орды, ряд представителей Урало-Поволжского региона, в том числе и башкиры, вынуждены были уехать в Египет, который с середины XIV в. стал центром науки и культуры. В эпоху правления мамлюков тюрки, которые осели в Египте, стали играть заметную роль в административно-политической, научной и культурной жизни страны. Мурат Рамзи в своей книге «Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» (Нанизывание вестей и оживление преданий о событиях, произошедших в Казани и Булгаре, а также о татарских царях) пишет, что среди высокопоставленных мамлюков было два башкира — Гилметдин Санджар аль-Башкорди стал эмиром, а Насретдин ан-Насыри получил известность как ученый и поэт [Рамзи 1907]. Египетский ученый Амин аль-Холи также подчеркивает, что Насретдин ан-Насыри был видным писателем своего времени: «Известные его поэтические и прозаические произведения получили высокую оценку современников» [аль-Холи 1968: 31].

Большую роль в распространении ислама и вследствие этого арабо-мусульманской культуры в Урало-Поволжском регионе сыграл суфизм, который, вбирая

в себе элементы местных политеистических культов и культурных традиций, был намного ближе к менталитету народа.

Первым известным памятником ранней тюркской литературы является произведение Йусуфа Баласагуни «Кутадғу билиг» (Благодатное знание, XI в.), носящий ярко выраженный дидактический характер. В «Киссаи Йусуф» (Сказание о Йусуфе) Кул Гали, будучи мюридом Ахмета Ясави, также использует суфийские мотивы в качестве средства эмоционального воздействия.

Во второй половине XIV в. возникли ряд произведений суфийского характера «Мухаббатнамэ» (Книга любви, 1358) Хорезми, «Нахдж ал-фарадис» (Путь в рай, 1358) Махмуда ал-Булгари, которые впоследствии также получили популярность в Урало-Поволжском регионе.

Дастан «Мухаббатнамэ» представляет собой собрание отдельных лирических отрывков, связанных единой темой — любви к возлюбленной. В произведении автор использует традиционные для суфийской поэзии изобразительные приемы: образы моря, жемчуга, кудрей волос, живой воды, метафоры мотылька и свечи, соловья и розы, мотивы вина и опьянения, томления души, страдания и др. Эта суфийская символика раскрывает тайну любовной близости лирического героя к Богу. Продолжение этой традиции мы видим в творчестве Ш. Заки (1825–1865). Например, стихотворение «Тэкэт, сабрым калманы» (Изнемог я, больше нет терпенья) для непосвященного будет воспринято как произведение любовно-романтического характера. Только последние две строки показывают, что это не земная любовь, а любовь к Аллаху, доведенной до экстаза, любовного страдания, томления души, экстатического восторга и страсти.

Данные примеры доказывают, что в Средневековье башкиры в культурно-материальном плане достигли определенных высот — были свои города, ученые и писатели, получившие известность не только в родных краях, но и за их пределами.

§3. Литература XVIII–XIX вв. в системе тюрко-мусульманской культуры

В период Крестьянской войны 1773–1775 гг. башкирский народ выдвинул в ряды армии Е. Пугачева более ста старших офицеров, начиная с полковников. Депутат Уложенной комиссии от Исетской провинции Б. Юнаев имел чин фельдмаршала, однако в народной памяти больше всего осталось имя поэта-импровизатора бригадного генерала Салавата Юлаева.

При детальном анализе творческого наследия С. Юлаева мы видим равное соотношение светских и религиозных мотивов. Исходя из контекста его поэтического наследия, мы можем сказать, что религия не занимала особого места в его мировоззрении. Религиозно-мусульманские мотивы выражались в ранних произведениях, преимущественно в пейзажной лирике. Бог не представляется ему решающим вершителем исторических событий или его личной судьбы; лирический

герой восторгается его деяниями, воспринимает Аллаха создателем мироздания и всех красот природы. В произведениях «Тирмәм» (Мой кош), «Һандугас» (Соловей) птицы своим пением восхваляют бога. Среди них «громче всех», «больше всех» славит Аллаха соловей.

Поэт также развивает мотив «Бог и храбрость». В стихотворениях «Яу» (Битва) и «Егеткә» (Юноше) он поднимает тему, как Всевышнему храбрые угодны. Исследование показывает, что данная концепция в определенной степени отличается от общемусульманских. Также мы видим влияние отдельных жанровых традиций арабской поэзии. Например, стихотворение «Яу» по своему идейно-тематическому содержанию напоминает жанр фахр (самовосхваления).

Таким образом, арабо-мусульманские культурные традиции оказались созвучными национальным и нашли положительный отклик в средневековой башкирской общественности.

До Октябрьской революции 1917 г. преподавание в медресе и мектебах основывалось на религиозных традициях. В то же время освоение философии и постулатов ислама велось на примере таких поэтических памятников средневековой литературы, как «Кысса-и Йусуф» (Сказание о Йусуфе) Кул Гали (XIII), «Мухаммадия» М. Челябин (1449), «Бакырған китабы» (Книга Бакырган), «Ахыр заман китабы» (Книга светопреставления), «Хэзрәти Мәрийәм китабы» (Книга о святой Марьям) С. Бакыргани, «Кисасе-л анбия» (Рассказы о пророках, 1311) Н. Рабгузи, «Кысса-и Мансур ал-Халладж» (Сказание о Мансур ал-Халладже, X в.), «Кысса-и Саитбаттал» (Сказание о Саитбаттале), «Кысса-и Гали» (Сказание о Йусуфе) и других. В свою очередь, это оказало большое влияние на мировоззрение шакирдов, ставшими затем не только религиозными, но и общественными и государственными деятелями, поэтами и учеными; т.е., их образование и профессиональная деятельность имела гуманитарное направление. Мы вправе отнести шакирдов начала XX в. к группе национально-демократической интеллигенции («не имевшая прав интеллигенция в полном смысле этого слова») [Атнагулов 1925: 44]. Как пишет И.П. Малютин, в 1911 г. английский журнал «The Moslem» проанализировав учебные планы башкирских медресе, пришел к выводу, что они во многом схожи с учебными планами классических гимназий. Разница была только в изучении языков: вместо латинского и греческого — арабский и персидский языки [Малютин 1999: 96–97].

Творческое наследие Мавля Кулуя (ок. 1630 — нач. XVIII в.) также оставило заметный след в истории развития суфизма в Урало-Поволжье. В произведениях «Ғауариф аз-заман» (Подарки времени), «Гурбатнаме» (Письмо с чужбины), «Тәнзих әл-афкар фи насихәт әл-ахйәр» (Назидания, очищающие мысль), «Мөһиммәт әз-заман» (Важные признаки времени) Г.Усмана (1752–1836) также преобладают мотивы аскетизма, смирения, терпения, отречения от мирских благ, любви к Аллаху и др. Они оказали заметное влияние на творчество последующих поэтов.

Суфии всегда выступали против безмерного обогащения, скряжества и лицемерия. Вследствие этого и в творчестве башкирских поэтов-суфиев слышен голос

человека, под прикрытием суфийской символики протестующего против духовного и социального гнета. Светские мотивы, реалистическое жизненное содержание проявляются в картинах осуждения безнравственности поступков невежественных мулл и ишанов, баев, осуждения пороков многих социальных групп и в предъявлении высоких морально-этических требований к обществу в борьбе за его нравственную чистоту. В произведениях «Шикэйэт» (Жалоба), «Мөнэжэт» (Мунаджат) А. Каргалы (1784–1824), «Тэндэ йэнем» (Душа в теле) Х. Салихова (1794–1867), «Бән Хозаның бер ғәрибе» (Я один из обездоленных людей Бога), «Был һүззе күп язмак кәрәктер» (Об этом нужно писать больше) Ш. Заки заметны мотивы утверждения аскетизма, пессимизма, отказа от материальных благ, борьбы со злом, очищения от соблазнов мирского бытия и страха за свои случайные согрешения перед Богом. Кроме того, в произведениях «Йыһангир ханға» (Жихангир хану), «Ғөбәй байға» (Губай баю), «Хажы Мөхаммәт байға» (Хаджи Мухаммат баю) А. Каргалы иносказание и аллегория перерастают в смелую критику явлений общества, защищают интересы простых людей. Таким образом, образность черпается из суфизма и связывается повседневной жизнью общества.

На Ближнем и Среднем Востоке, Средней Азии существовала традиция «назира» (спор, полемика или подражание) — создавать новые произведения на основе уже известных. Созданное таким образом произведение считалось новым, отражающим определенное воззрение того или иного поэта. «Воссоздание чужого произведения на другой язык в те времена было актом творчества и притом творчества свободного» [Конрад 1972: 325]. Основной принцип заключался в том, что, сохраняя в целом сюжетную линию оригинала, переводчик вводил частичные изменения — свои мысли, комментарии и схожие сюжеты. Например, «Рисәләи Ғәзизә» (Послание Газизе) суфийского поэта Т. Ялсыгула ал-Башкурди состоит из произведения «Субат ал-аджизин» (Опора обреченных) Аллаяра на чагатайском и комментарии к нему на тюрки Урало-Поволжья. Г. Сокорой при создании своей книги «Дибажай Фаиза» (Введение в книгу Фаизы) также опирался на вышеназванное произведение Аллаяра. Такие же методы были характерны и для средневековой русской литературы.

§4. Восточные поэтические традиции в литературе XX — начала XXI вв.

Начало XX в. отличается преломлением известных коранических мотивов. Например, если до этого основное внимание было направлено на моральное «надавливание» на слушателей, на их бескорыстное служению духовным идеям, то сейчас писатели-просветители стремятся заинтересовать читателей сравнительно высокими материальными благами, которых можно достичь только при помощи знаний. При этом ряд мусульманских реформаторов, в том числе тюркских, как Р. Фахретдинов, М. Уметбаев, З. Хади и др. считали, что ислам не противоречит

модернизации мусульманского общества, и призывали активно приобщиться к научно-культурным достижениям запада. Именно в этом они видели выход в преодоление отсталости среди мусульманских народов, в том числе своих соплеменников. Понимая, что именно образование открывает двери в мир материального благополучия, призывали религиозное гармонично совмещать со светским и хорошим знанием русского языка.

Например, повесть «Бэхетле кыз» (Счастливая девушка, 1904) З. Хади (1863–1932) пронизана идеей просвещения, такой актуальной в то время. На наш взгляд, на автора огромное влияние оказала деятельность таких мусульманских реформаторов, как М. Абду и М. Афгани. На примере главного героя произведения Габбаса автор показывает формирование нового человека в обществе.

После 1917 г. актуальным стал вопрос соотношения традиции и новаторства. Например, в произведении Ш. Бабича «Башкорт халкына көйлө хитап» (Поэтическое обращение к башкирскому народу, 1919) восточные литературные традиции и элементы народного творчества гармонично переплетаются, неся в себе новую смысловую нагрузку. Пламенный призыв поэта перейти солдатам на сторону Советской власти был услышан и положительно воспринят ими.

Влияние тюрко-мусульманской культуры отчетливо прослеживается и в советский период, где национальные истоки гармонично переплетаются и с восточными, и с западными традициями русской художественной словесности. «Процесс формирования новой литературы в советский период, конечно же, не был однозначным. Жанровые формы (восточные и западные) скрещивались, входили в структурный, содержательный и стилиевой синтез, ассимилировались. При этом, как и в восточной литературе, наблюдалась значительная роль поэтики фольклора, “орнаментальность” и преобладание поэтических жанров. Аналогичные процессы шли и в эпических, прозаических формах» [Баимов 2005: 404].

В советский период повесть «Кара йөззәр» (Черноликие, 1927) М. Гафури (1880–1934) считалась эталоном атеистической литературы. В ней автор стремится показать вред религиозного фанатизма и невежества. Любящие друг друга Закир и Галима были обвинены в блуде и жестоко наказаны [Гафури 1981].

Используя религиозные предания, в своих произведениях М. Гафури не наделяет их положительными коннотациями, что было связано с адаптацией к новой политической обстановке. В стихотворении «Күк йырзары» (Небесные песни, 1927), как и в поэме «Эзәм үә Иблис» (Адам и Иблис, 1910), мы встречаем тех же Адама и Иблиса, а также образ рабочего. Т.е. это произведение является наизорой (спором) с ранним произведением.

Отзвуки суфийской лирики в той или иной степени находит отражение в творчестве таких поэтов 1960–1990 гг., как Р. Бикбаева, Н. Нажми, Р. Сафина, М. Каримова, К. Аралбая, А. Игебаева, М. Ямалетдинова, Р. Мифтахова, Р. Янбекова, Г. Ахматхужиной, Т. Ганиевой, Т. Карамышевой, Д. Талхиной и др. Больше всего это выражается в форме предопределенности, тленности бытия и призрачности мира, фатализма. В их философской лирике видим восприятия мира и бытия в форме пантеизма.

Тема суфизма находит отражение и в произведениях прозы. В исторических романах «Бөркөт канаты» (Крылья беркута) К. Мергена, «Думбра сыңы» (Звон домбры) и «Дала моңо» (Мелодии степи) А. Хакимова и др. суфии-дервиши выступают как положительные образы. Например, в «Дала моңо» (Мелодии степи) мы видим образ суфия Абрара, наставника, обучающего мистической практике своих адептов. В его религиозно-философском мировоззрении можно увидеть стремление к единению народа, который в дальнейшем мог бы стать опорой в освободительной борьбе против захватчиков.

В турецком фольклоре дервиш также часто выступает как положительный мифологический персонаж: выступает в роли спасителя и советчика. В то же время в некоторых случаях он выступает как отрицательный персонаж. Схожие параллели мы наблюдаем в трагедии «Ай тотолған төндә» (В ночь лунного затмения) М. Карима: например, образ дервиша из Хорасана, объявившего себя посланцем Пророка, порождает зло среди людей. В башкирском языке до сих пор бытует выражение «Хөрәсән ялкауы» (ленивец из Хорасана). Схожий образ дервиша присутствует и в предании «Тайна горы».

А. Аминев (р. 1953) является одним из самых известных современных башкирских прозаиков. Широкую известность получили повести «Кытайгород» (Китай-город), «Мең дә бер ғазап» (Тысяча и одно мучение), «Капка» (Ворота), «Бер кәмәлә» (В одном ковчеге) и др. Герои его произведений — люди, имеющие твердые моральные принципы, верящие в торжество идей справедливости и добра, ставящие интересы общества на первое место и отвергающие верховенство материальных благ. Воспитанный на традициях русской классической литературы, он успешно соединил их с народными и тюрко-мусульманскими, т.е. у него возник удачный симбиоз западной реальности и восточного романтизма. Например, основной темой повести «Бер кәмәлә» (В одном ковчеге, 2010) является тема защиты родной земли, природы и экологии в целом, но она рассматривается через призму библейско-мусульманской легенды.

Главный герой повести Габит — обычный деревенский житель, охотовед. В отличие от многих современников, он мыслит намного масштабнее — беспокоится о будущем. Например, молодого человека волнует судьба близлежащей горы Торатау. Это не только памятник природы, но и одна из священных гор среди башкир, известная еще с языческих времен. С ней связано множество легенд и преданий. Габит боится, что Торатау повторит печальную историю соседней горы Шакетау, которая в 1950 г. была взорвана и стала «месторождением известняков» для ОАО «Сода». Исчезнет не только памятник природы, но и место генетической памяти народа. А как известно, у кого нет истории, нет и будущего.

В повести «Йондоз сәскә» (Цветок-звезда, 2012) так же гармонично сочетаются западные и восточные художественные традиции. В повести несколько уровней толкования или смысловых пластов, в том числе глубинно-психологический, которых можно интерпретировать в рамках научной теории глубинной психологии К.Г. Юнга.

В заключение необходимо отметить, что тюрко-мусульманские культурные традиции и фольклорные сюжеты оказали заметное влияние на жанрово-тематическое обогащение башкирской литературы и культуры в целом. Их влияние устойчиво сохранилось до наших дней, действуя на подсознательном уровне, на уровне архетипов.

Литература

- Аль-Холи 1968 — *аль-Холи А.* Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М. 1968.
- Аминев 2018 — *Аминев З.* Переход башкирского традиционного общества в исламский вариант монотеизма // Проблемы востоковедения. 2018. № 3(81). С. 14–20.
- Археология 1971 — Археология и этнография Башкирии: В 5 т. Т.4 / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа. 1971.
- Атнагулов 1925 — *Атнагулов С.* Башкирия. М.-Л. 1925.
- Баимов 1984 — *Баимов Р.Н.* Судьба жанра. Литературоведческая монография. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1984.
- Баимов 2005 — *Баимов Р.Н.* Великие лики и литературные памятники Востока. Уфа: Гилем. 2005.
- Байбулатова 2011 — *Байбулатова Г.И.* Идеино-художественные и стилевые особенности башкирских саяхатнамэ XVIII — начала XX вв. Дисс. ... к.ф.н. Уфа. 2011.
- Байбулатова 2004 — *Байбулатова Л.Ф.* Источниковая база библиографического свода «Асар» Р.Фахреддина. Дисс. ... к.и.н. Казань. 2004.
- Бартольд 1925 — *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку. 1925.
- БХИ 1997 — *Башкорт* халык ижады. Риүәйәттәр. Легендалар (*Башкирское народное творчество. Предания. Легенды*). Т. 2. Өфө: Китап. 1997.
- Вельяминов-Зернов 1859 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // ЗИРАО. 1859. С. 257–284.
- Виноградов 1959 — *Виноградов В.В.* О задачах стилистики // О языке художественной литературы. М. 1959.
- Гафури 1981 — *Гафури М.* Повести / пер. с башк. А.Борцаговского. М.: Советский писатель. 1981.
- Егоров 1900 — *Егоров Ф.П.* Ак-Зиярат // ПТКЛА. 1900. Год 5-й. С. 93–95.
- Игнатъев — *Игнатъев Р.* Хусейн-бека (Ногайского имама) гробница // ТМАО. 1869. Т. 2. С. 54–56.
- Игнатъев 1883 — *Игнатъев Р.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // СКУГ. 1883. Отд. 5. С. 328–355.
- История 2012 — *История* литературы Урала. Конец XV–XVIII вв. / В.В. Блажес, Е.К. Созина. М.: Языки славянской культуры. 2012.
- Ковалевский 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков. 1956.
- Конрад 1972 — *Конрад Н.И.* Восток и Запад. М. 1972.
- Кузеев 1978 — *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа. 1978.
- Кунафин 2014 — *Кунафин Г.С.* Особенности башкирской литературы XIX — начала XX вв. Уфа. 2014.
- Кутляхметов 2004 — *Кутляхметов А.М.* Особенности развития башкирской литературы начала XX в., 1905–1920 гг. Дисс. ... к.ф.н. Уфа. 2004.

- Лоссиевский 1883 — *Лоссиевский М.В.* Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // СКУГ. 1883. Отд. 5. С. 368–385.
- Малютин 1999 — *Малютин И.П.* Концепция развития башкирской национальной школы // Ватандаш. 1999. № 1. С. 96–97.
- Рамзи 1907 — *Рамзи М.* Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар ('Нанизывание вестей и оживление преданий о событиях, произошедших в Казани и Булгаре, а также о татарских царях'). Т. 1. Оренбург. 1907.
- Наджип 1957 — *Наджип Э.* XIV йөз шагыйре Сәйф Сараи һәм аның заманы ('Поэт XIV века Сайф Сараи и его время') // Совет әдәбияты. 1957. № 4. Б. 92–99.
- Научный архив Ф.3 — *Научный архив УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 63. Д. 56. Лл. 120–121.
- Плетнева 1981 — *Плетнева С.А.* Заключение // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука. 1981. С. 238–239.
- Пропп 1946 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ. 1946.
- Путешествие 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / О.Г. Большаков, А.Л. Монгайт. М.: Наука. 1971.
- Резяпова 2009 — *Резяпова Р.К.* Художественное воплощение образа женщины-мусульманки в башкирской литературе. Дисс. ... к.ф.н. Уфа. 2009.
- Сибгатов 2015 — *Сибгатов Ф.Ш.* Духовная литература башкирского народа. Уфа: Гилем. 2015.
- Сибгатов 2001 — *Сибгатов Ф.Ш.* Башкорт эзбиәтендә Көрһән мотивтары ('Коранические мотивы в башкирской литературе'). Өфө: Гилем. 2001.
- Усманов 1960 — *Усманов А.И.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа. 1960.
- Фахретдинов Ф. 7. — *Фахретдинов Р.* Утешение // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 16.
- Харисов 1973 — *Харисов А.* Литературное наследие башкирского народа. XVIII–XIX вв. Уфа. 1973.
- Хвольсон 1869 — *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. СПб. 1869.
- Хусанов 1996 — *Хусанов Г.Б.* Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа: Гилем. 1996.
- Шарафутдинова 2007 — *Шарафутдинова Л.Р.* Традиции суфизма в башкирской литературе. Дисс. ... к.ф.н. Уфа. 2007.
- Юнусова 2009 — *Юнусова А.Б.* Мусульмане российской империи в начале XX века // Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных органов власти и управления XX–XXI в. Уфа: ГУП РБ УПК. 2009.
- İslam 1942 — *İslam Ansiklopedisi. İslam Alemi Tarih, Coğrafya, Etnografya Ve Biyografya Lügati.* İstanbul. 1942. S. 13.

*С. Учгюль*¹
*К.А. Суриков*²

**Г.Р. Державин: ретроспективный взгляд
на страницы первой в Турции книги
по истории русской литературы авторства
О. Лебедевой**

Выдающийся русский поэт, общественный и государственный деятель Г.Р. Державин (1743–1816) был впервые представлен османскому читателю в 1895 г. в первой работе по истории русской литературы, написанной в Османской империи русской женщиной-востоковедом Ольгой Лебедевой (1854–1928). В отличие от А.С. Грибоедова (1795–1829), А.С. Пушкина (1799–1837), М.Ю. Лермонтова (1814–1841), Л.Н. Толстого (1828–1910), которых в те годы знали по переводам их произведений на турецкий язык с французского и частично с русского языков, читающая турецкая публика познакомилась с именем Г.Р. Державина не по произведениям в переводе, а благодаря биографии в книге по истории русской литературы.

Автора книги Ольгу Лебедеву называли «русской просветительницей», «известным знатоком Востока и восточных языков» [ОЛ], «ориенталисткой, основательницей и председательницей Русского общества востоковедения» [ПР 2004–2011], «открывшей турецкому читателю Пушкина» [Соловьев 2011: 230–231], характеризовали ее как «пропагандиста русской литературы в Турции, убежденного сторонника эмансипации женщин-мусульманок в России и других странах» [Зайцев 2018: 236–241] и «эрудированную женщину, исполненную большой любви к туркам и их культуре» [Макеев 2016].

В отечественной научной литературе сведения об О.С. Лебедевой (коротко, в одном абзаце) впервые даются известным востоковедом-тюркологом В.А. Горд-

---

¹ Учгюль Севинч — доктор филологических наук, профессор, Университет Эрджиес, г. Кайсери, Турция; преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва; sevinc@erciyes.edu.tr

² Суриков Кирилл Андреевич — магистрант Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; k.souricoff@mail.ru

левским в очерке «Русские в османской литературе. Переводы с русского языка» [Гордлевский 1961: 393]. Литературовед, видный исследователь судьбы и творчества Льва Толстого А.И. Шифман писал: посвятив себя благородному делу сближения русской и турецкой литератур, она «была первой, кто познакомил турецких читателей с творчеством Л.Н. Толстого» [Шифман 1971: 365–367]. Известный востоковед, историк Б.М. Данциг высоко оценивал ее роль в сближении России с Турцией и ее переводческую деятельность [Данциг 1976: 301]. В турецких научных кругах же, в связи с реформой алфавита, к сожалению, гораздо позже узнали о деятельности О. Лебедевой. Изучением ее деятельности в Турции занималась профессор Стамбульского университета Т. Олджай³.

Ольга Сергеевна Барщева, известная под именем Ольга Лебедева (Olga de Lebedeff), а также под литературными псевдонимами «мадам Гульнар», «Гульнарханум», «Гюльнар Лебедева» и «Ольга де Лебедева», родилась в 1854 г. в дворянской семье в Казанской губернии. Исследователи жизни О. Лебедевой (Т. Олджай, И. Зайцев и др.) отметили, что сведения о ней крайне скудны. Известно, что ее второй муж Александр Лебедев был казанским городским головой. От этого брака родились трое детей. В пробуждении интереса к языкам и культуре восточных стран большую роль играли известные татарские просветители, ученые-востоковеды Каюм Насыри (1825–1902) и Шигабутдин Марджани (1818–1889), дававшие ей уроки по истории и культуре тюркских и других исламских народов. С Каюмом Насыри Ольга Лебедева занималась в том числе арабским, турецким и персидским языками. Учителя высоко оценили способности О. Лебедевой, ей доверили перевод «Кабус-Наме» иранского царя Кейкабуса, вероятно, при поддержке Каюма Насыри. Затем она передала произведение своему наставнику, который перевел его с оригинала на татарский язык. Перевод О.С. Лебедевой был опубликован в Казани в 1886 г., а исходный текст издан в 1882 г. В деятельности О. Лебедевой прослеживается не только интерес к языкам и культурам народов Востока, но и серьезное профессиональное исследование жизни, истории и культуры этих народов, особенно турецкого, а также стремление усовершенствовать свое знание восточных языков. В эти годы она принимала участие в заседаниях Общества археологии, истории и этнографии Казанского

³ Olcay T. Olga Lebedeva (Madame Gulnar): A Russian Orientalist and Translator Enchants the Ottomans. SLOVO, 2017. Vol. 29. P. 40–71; Ольга Сергеевна Лебедева и ее вклад в русско-турецкие литературные связи // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 1. С. 121–126; Концепция переводов русских художественно-литературных произведений в Турции // International Journal of Russian Studies/ Международный журнал российских исследований. 2010. С. 1–17; К вопросу истории переводов русской литературы в Турции (1923–1960 гг.) // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2004. С. 266–271; Русская литература в Турции // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2003. С. 91–94; Ольга Сергеевна Лебедева: полпред русской культуры в Турции // Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность. XII Конгресс МАПРЯЛ. Гранада, Испания, 2015. Том. 14. С. 489–494; Слава на турците с Рус и руска култура // Ракла с култура кодово. (Сборник VP 65-Годовщина Н. д.ф.н. Диячка Рожкова), Шумен: Фабер, 2016. С. 437–448 (Znakomstvo turok s Rusyu i russkoj kulturoy // In Rakla s kulturni kodove. (Sbornik v čest na 65-godovšina na Prof. dfn. Dečka Çavdarova), Shumen: Faber, 2016. С. 437–448).

университета, где познакомилась с учеными-просветителями того времени, участвовала в конгрессах в разных странах. В период с 1892 по 1912 гг. Лебедева встречалась с востоковедами в Лондоне, Женеве, Париже, Риме, Гамбурге, Алжире и Афинах. Особую роль в жизни О. Лебедевой сыграло ее знакомство с известным турецким писателем, переводчиком и издателем Ахмедом Мидхатом-Эфенди (1844–1912) в 1889 г. на Восьмом съезде востоковедов в Стокгольме. Эта встреча положила начало долгой творческой дружбе. После конгресса в Стокгольме и путешествия по Европе Ахмед Мидхат-Эфенди написал путевые заметки, где неоднократно упоминал О. Лебедеву, ее талант и многостороннюю образованность. Благодаря этим заметкам Лебедева приобрела большую популярность в Стамбуле еще до своего прибытия.

По приглашению Ахмеда Мидхата-Эфенди О. Лебедева посетила Стамбул, куда впоследствии периодически приезжала. Во время этих поездок она много читала о турецкой литературе, общалась с турецкими писателями, учеными, просветителями, знакомилась с образовательной системой, социальным положением турецкой женщины. Она также смогла осуществить свои планы по переводу русской литературы на турецкий язык, написала статьи и первую книгу по истории русской словесности в Турции, познакомила турецких читателей с произведениями русских писателей. Ее переводы (в том числе один в соавторстве) были опубликованы в газетах, а имя стало известным в литературных кругах, она участвовала в литературных вечерах.

О. Лебедева была лично знакома с известной писательницей Фатьмой Алие (1862–1936), а также с поэтессой и писательницей Нигар Ханум (1856–1918), имевшей близкие отношения с дворцом и султаном. Ее обширные знания и увлеченность турецким языком, литературой, культурой и традициями были оценены на самом высоком уровне. Благодаря Ахмеду Мидхат-Эфенди и друзьям в высшем обществе Лебедева смогла добиться популярности и уважения со стороны османской аристократии, проявлявшей к ней интерес за стремление изучать культуру, искусство и обычаи Турции.

В 1891 г. султан Абдул-Хамид II (годы правления: 1876–1909) вручил Ольге Лебедевой Орден милосердия «Nişan-ı Şefkat» Османской империи II степени за заслуги перед востоковедением. Данная награда, учрежденная самим же Абдул-Хамидом II в 1878 г., вручалась женщинам за выдающуюся гуманитарную или благотворительную деятельность, либо же в качестве проявления уважения со стороны падишаха. Среди удостоившихся ордена были знаменитые османские и неосманские граждане. Им была награждена жена Николая II Александра Федоровна (1872–1918). На страницах журнала «Servet-i Fünûn» («Сокровищница знаний») от 20 июня 1891 г. была опубликована похвальная статья «Гюльнар ханым, или так называемая мадам Ольга де Лебедев», а также помещена фотография О. Лебедевой с почетной наградой.

С 1890 г. О.С. Лебедева начала переводить на турецкий язык произведения русских писателей: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др. Она переводила как самостоятельно, так и в соавторстве с Мустафой Решидом. По све-

дениям Т. Олджай [Olcaу 2017: 40–71], в Стамбуле были опубликованы следующие переводы и другие работы Ольги Лебедевой на турецком языке:

- 1891 г.: «Метель» А.С. Пушкина, «Демон» М.Ю. Лермонтова, «Отношение ислама к науке и гетеродоксам» и «Ислам и наука, возражения Ренану» А. Баязитова; «Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения», «Русская литература и Европа или размышления литератора Толстого»;
- 1892 г.: «Кто истинно добрый и счастливый человек?» В.А. Жуковского, «Пиковая дама» А.С. Пушкина, «Ангел» и «Парус» М.Ю. Лермонтова, «Два старика», «Смерть Ивана Ильича» и «Чем люди живы?» Л.Н. Толстого;
- 1893 г.: «Ильяс», «Семейное счастье» Л.Н. Толстого; книга о городе Казань;
- 1895 г.: «Русская литература».

Очевидно, что Ольга Лебедева не ограничивалась только переводами. Благодаря ей читающая публика Стамбула познакомилась с русскими прозаиками и поэтами, успешно переведенными с оригинала или данными в близком к оригиналу пересказе и тщательно отредактированными. Все переводы редактировались Ахмедом Мидхатом [Макеев 2016]. Переводы русской поэзии и прозы Лебедевой имели большой успех, чему во многом способствовала ее кропотливая редакторская работа. Как отмечал Ахмед Мидхат в предисловиях к переводам и письмах к Фатьме Алие, он почти не вносил никаких исправлений и старался сохранить особенность стиля Лебедевой, в отличие от редактора Ахмеда Джебдета, сильно менявшего стиль письма [Олджай 2017: 55]. Первой литературно-критической работой О. Лебедевой стала монография о жизни и творчестве Пушкина «Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения».

Литературоведческий текст на османском языке, посвященный выдающемуся русскому поэту, общественному и государственному деятелю Г.Р. Державину, размещен в последней работе О. Лебедевой — «Русской литературе», изданной в Османской империи в 1895 г. Подходы О. Лебедевой, примененные при изложении биографии и характеристике творчества Г.Р. Державина, интересны с точки зрения историко-литературного и социокультурного контекста эпохи конца XIX в. Важно влияние данной книги как первого источника по русской литературе на османскую культурную среду того периода. Следует отметить, что она содержала сведения не только о творческой биографии Г.Р. Державина, но и о русской культуре в целом.

Во вводной части «Русской литературы», на первых девяти страницах, даны краткие сведения о русской литературе до А.С. Пушкина [Олджай 2010: 126]. В работе содержится 19 заметок об известных писателях, начиная с Симеона Полоцкого, Антиоха Кантемира и заканчивая Львом Толстым. Книга стала первой изданной в Турции историей русской литературы. Её автор заявила о желании познакомить турецких читателей с творчеством выдающихся русских прозаиков и поэтов. В сборник вошли произведения тринадцати поэтов, живших и творивших в XVII–XVIII вв. (М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина), а также специальный раздел, посвященный народным песням.

В этой работе обращает на себя внимание не только широкий охват имен, но и обстоятельный историко-литературный комментарий. О. Лебедева проследила развитие русской литературы до XVIII в., представила зарисовки творчества 19 авторов, в том числе классиков И.С. Тургенева и Н.В. Гоголя. Для читающей турецкой публики это было новое и интересное знакомство.

Были ли какие-то препятствия в работе над книгой, требовались ли определенные критерии в выборе прозаиков и поэтов? Об этом в ее письмах и других источниках не упоминается. Исключение — письмо Льву Николаевичу Толстому от 23 июля 1894 г., в котором О. Лебедева жалуется на цензуру: в условиях «необычайно строгой и нелепой цензуры выбор сочинений очень труден»; а также на то, что ей приходится ограничиться в выборе произведений Л.Н. Толстого.

Несмотря на то, что исследователь деятельности О. Лебедевой в Османской империи Т. Олджай при анализе этой книги отметила: «видимо, она все-таки не была специалистом-литературоведом» и «серьезный анализ произведений в ее работе отсутствует, часто это просто пересказ сюжета <...>», она всё же признала значимость работы О. Лебедевой: «Свою важную роль она уже сыграла в истории. Из этой книги турецкие читатели впервые узнали о 19 важнейших русских писателях» [Olcaу 2017: 58] Действительно, это был литературоведческий обзор, где русские писатели были расположены в хронологическом порядке. Безусловно, нельзя не согласиться с утверждением Т. Олджай: роль О. Лебедевой неопределима. Невозможно также не учитывать ее активную просветительскую деятельность как в области востоковедения, так и русистики.

В книге представлена общая информация о писателях: приведены краткая биография, сведения о происхождении, семейном круге и воспитании. И.В. Соловьева считает: «Начало формирует у читателя ожидания относительно последующего текста. <...> Начало биографии — словарной статьи в справочном издании имеет фиксированную структуру, оформленную в информативном регистре. <...> Финал биографии традиционно оформляется в информативном регистре. <...> биография характеризуется “завершенностью сюжета”, в ней реализованы как категория причинности, так и категория цели (начало и конец соответственно)» [Соловьева 2014: 190].

Дана характеристика основных произведений того или иного писателя, их художественных особенностей. Большая часть монографии посвящена Державину, Ломоносову, Пушкину, Лермонтову и Гоголю.

«Русская литература» завершается кратким заключением (Лахика), в котором отмечено, что кроме названных прозаиков и поэтов, в русской литературе есть много других авторов. Это может свидетельствовать о том, что О. Лебедева собиралась написать еще одну книгу или продолжить знакомить читателей с другими именами русской литературы. Тем не менее, к сожалению, других работ о русской литературе у О. Лебедевой так и не появилось.

В данном исследовании анализируется одна из глав книги — о жизни и деятельности Г.Р. Державина. Автор книги рассказала о нем на шести страницах.

Помимо жизни и творчества Державина, О. Лебедева не оставила без внимания политическую и культурную среду, в которой жил поэт. Поэтому глава начинается с утверждения: «Эпоха Екатерины Великой — это продолжение вереницы реформ, начатых еще при Петре Великом. Слабые и сильные стороны этого периода отразились в творчестве Державина и Фонвизина» [Lebedeva 1895: 7]. Автор не скрывает состояния тогдашней провинции: низкий уровень образовательных учреждений, грубость малограмотных учителей по отношению к ученикам, невежественность, некомпетентность директора, сварливость и враждебность соседей — всё это дает определенное представление о среде, где родился и вырос будущий поэт. В Оренбурге Державин продолжил учебу в школе под руководством немца Розе, обстановка в ней была не лучше. Служба в Преображенском полку, интерес к немецкой поэзии, участие в подавлении Пугачевского восстания, последовавшая за этим отставка, новая работа в Сенате и желание писать стихи описываются в одном параграфе.

Книга О. Лебедевой представляет особый интерес для анализа, поскольку она является трудом исследователя и автора, пишущего на иностранном языке для иностранной аудитории в контексте социокультурных факторов. Она выбрала те факты и события из жизни поэта, которые, с одной стороны, не нарушили целостности информации, а с другой стороны, оказались интересны турецкому читателю. Что помогло Державину — выходцу из семьи со средним достатком, из провинциального городка — состояться и в литературе, и в жизни? Автор привела историю написания и издания оды «Фелица», которую поэт посвятил императрице Екатерине II, говоря о значимости этой оды для поэтической, личной жизни и карьеры Державина [Lebedeva 1895: 25]. В статье о Державине графиня Дашкова (1743–1810) упомянута в качестве директора Академии наук и редактора журнала «Собеседник любителей русского слова», где в первом номере без ведома Державина была опубликована ода «Фелица». Лебедева подчеркнула, что «Императрица очень оценила эту оду, была глубоко тронута, а некоторые ее строфы даже растрогали ее до слез» [Lebedeva 1895: 26].

Публикация оды рассматривается О. Лебедевой как переломный момент в поэтической и государственной карьере Державина. Благодаря оде «Фелица» карьера Державина начала быстро расти, не заставили себя ждать назначения на должности губернатора и члена Сената, депутата при Екатерине II и министра юстиции Российской империи при императоре Александре I.

Ода «Фелица», по словам В. Ходасевича, автора биографии поэта, имела «решительное влияние» на всю жизнь Державина: в одночасье она сделала его знаменитостью и принесла ему «такую шумную литературную славу, какой Россия до сих пор не видывала». Кроме того, «она разом ставила Державина очень высоко, как бы вводила его в круг людей, с которыми императрица шутит» [Ходасевич 1922: 104, 106].

Вслед за жизнеописанием Державина О. Лебедева рассказала о его творчестве, о художественных особенностях произведений поэта. Основные темы его од — предназначение человека, радость, печаль, жизнь, смерть, вечность, судьба,

доля — переданы выразительным языком. Автор подчеркнул новаторство Державина: он выражает свои мысли реалистическим образом и не всегда в высоком стиле, чем отличается от современников. Лебедева пишет: «Но он старался выйти за пределы псевдоклассицизма, то есть следования общепринятым тогда приемам. Например, несмотря на то, что некоторые двуступенчатые классически торжественны и высоки по стилю, также встречается и внезапное обращение к просторечью. Однако в то время это было не принято или запрещено. И здесь очевидно: Державин в мыслях и поэтических чувствах желал отказаться от безвкусных, “пресных”, “шаблонных”, “тривиальных” правил» [Lebedeva 1895: 27].

О. Лебедева, впервые представившая поэта в Турции, выбрала для исследования следующие оды: «Фелица» (1782), «На смерть князя Мещерского» (1779), «Бог» (1784), «Водопад» (1791–1794), «Памятник» (1795) и «Вельможа» (1794). Она посчитала эти оды Державина самыми известными. При этом она отметила, что слово «ода» соответствует турецкому «касыда» [Lebedeva 1895: 27].

О. Лебедева передала краткое содержание оды «Фелица»: киргиз-кайсацкий хан похитил русского царевича Хлора и приказал ему найти розу без шипов — символ добродетели. Царевич Хлор отправился на поиски розы без шипов, символизирующей добродетель или доброго человека, розы, как и добродетель, приносящей людям счастье, а не тревогу и печаль. В этом поиске Царевичу помогала дочь хана по имени Фелица. Сыну Фелицы по имени Рассудок было поручено сопровождать ее. Несмотря на то, что на пути он встречал множество препятствий, Царевичу, наконец, удалось найти «розу без шипов» на вершине горы, преодолев все трудности благодаря своей праведности. Эти метафорические образы означают, что истинное блаженство может быть получено только добром и разумом. По мнению О. Лебедевой, Державин в «Фелице» раскрыл эту идею по-своему. О. Лебедева не выделила сатирический смысл оды, она посчитала необходимым изложить краткое содержание произведения в духе восточной сказки, остановившись на дидактических элементах текста. Хотя исследователь Л.И. Варшавский пишет: «Эта сказка имела совершенно определенный политический смысл — верный путь будущему царю может быть указан только его бабушкой» [Варшавский 1978: 60]. Кроме краткого изложения, О. Лебедева подчеркнула отношение Державина к императрице: он хвалил произведения с дидактическими элементами, обращённые к молодому поколению, прославлял ее за дела по благоустройству (открытие фабрик, школ, строительство зданий и т.д.). В одах поэт торжественно говорит об истинной цели императрицы, во благо народа возвышает ее силу и величие. По мнению Лебедевой, в «Фелице» не обсуждаются вопросы нравственности, она напрямую ничему не учит, но в сердце прочитавшего эту оду человека рождается мысль: он может найти настоящее счастье, лишь руководствуясь разумом и добродетелью. Автор обобщает смысл произведения: «В результате становится понятно, что цель и функция поэзии — служить добру, правде и добродетели, бороться и критиковать тех, кто идет против этого» [Lebedeva 1895: 28].

О. Лебедева коротко рассказала об оде «Смерть князя Мещерского». В оде трогательно описана печаль поэта, услышавшего звон колокола, объявлявшего

о смерти князя. Державин размышляет о смерти и смысле жизни, о своем будущем. Наконец, в оде утверждается, что жизнь — это Божий дар, надо стремиться прожить ее достойно и прилагать к этому усилия [Lebedeva 1895: 29].

Как видно, анализ произведений произведён не подробно, но точно передана суть од с учетом менталитета турецкого читателя.

Лебедева рассказала и о самом известном произведении Державина не только в России, но и во всем мире — об оде «Бог». Как отметил Г.А. Фролов, «в творчестве Г.Р. Державина и в истории русской литературы ода “Бог” занимает особое место не только потому, что это “первое русское произведение, которое стало достоянием всего мира” (Я. Грот), “получившее поистине всемирную славу” (В. Западов). Оно принадлежит ей как важная составная часть русско-европейского и немецко-русского литературного диалога» [Васильев 2017].

Й. Клейн назвал точное количество переводов на иностранные языки: «Со времени первой публикации и по сей день державинская ода была переведена на французский язык 18 раз и на немецкий 9 раз, не говоря о многочисленных переводах на другие языки и русских подражаниях» [Клейн 2004].

Первые строфы оды посвящены восхвалению различных свойств Бога: бесконечности, триединству, вездесущности, неизмеримости, всемогущества, величия. Возвышенным поэтическим языком Державин поет хвалу Богу. Лебедева объяснила суть оды «Бог» следующим образом: в человеке есть искра божественного, и человеческая душа желает найти в себе своего Создателя, все существование человека, насыщенное верой, любовью, бесконечной благодарностью и признательностью, озарено ощущением внутри себя Творца. Нужно отметить, что в оригинале произведения у отдельных глав нет отдельных названий. Композиционно исследователи выделяют три части.

О. Лебедева также четко обозначила три части, составляющих оду: первая — «Фатиха», вторая — «Асил мерам (‘Просьба’)), а третья — «Хатиме (‘Конец’))». Все названия она дала сама и предпочитала такие исламские обозначения, как «Фатиха», что означает первую суру Корана [Lebedeva 1895: 29]. В суре «Фатиха» рассказывается о качествах Бога. В части «Мерам» поэт размышляет о величайших видимых знаках Бога в мире, таких как солнце, и приходит к выводу: они не могут дать полного представления о Всевышнем. Наконец, становится очевидным — неприемлемо сравнение между Всемогущим Богом и материальными вещами, образами, средствами. Державин поднимает человека из небытия, возносит его на высшую ступень и помещает его на границу материального и духовного миров. В результате автор приходит к выводу о том, что мораль является инструментом для передачи добра в божественной и человеческой сущностях. В «Хатиме», употребляя одно из имен Аллаха *ma'bûd-u cemîl-i zülcelâl / مَعْبُودٌ جَمِيلٌ ذُو الْجَلَالِ*, что означает ‘единственный, достойный поклонения, тот, кто обладает высшей красотой и величием (*İbâdetle yegane lâyük, nihâyetsiz güzellik ve haşmet sâhibi olan /Allah/*)’. Автор говорит, что Божье творение не может обрести силу Творца, но оно способно осознать и описать присутствие Бога, что для человека является честью и ценностью [Lebedeva 1895: 30].

В «Водопаде» поэт расстроен внезапной смертью Потемкина в пустынях Бессарабии. Он показывает контраст между вежливостью мужчины и выдержкой человека, одного из величайших вельмож Екатерины. Он описал его особые качества, понимание им справедливости и провозгласил благую природу этого человека. Однако если начало хвалебной речи яркое и волнующее, описывающее величественный образ водопада, то другие части оды состоят из рассуждений, страданий, скорби и желаний [Lebedeva 1895: 30].

Поэт определил ценность собственных стихов в оде «Памятник». По его мнению, слава его поэзии будет длиться до тех пор, пока в мире будут существовать славяне. Он гордится тем, что может передать милосердие, достоинство и доброту императрицы простым языком, понятным каждому. Поэзия несет ответственность за уровень нравственности в обществе и его стремление к совершенству, ее долг — провозглашать этические истины.

В оде «Вельможа» Лебедева передала размышления поэта: настоящего вельможу определяют не титул и богатство, а служение людям, доброта, сострадание, энтузиазм, достоинство, милосердие, честь, забота о подчиненных и правителе, соблюдение правил религии и закона. Он отвергает богатых и высокопоставленных людей, которые смотрят на бедных равнодушно, называя их Сарданапалом. Ода завершается похвалой Петру Великому и Екатерине.

О. Лебедева обратила внимание на стиль поэта, который меняется в зависимости от содержания. Она отметила, что в стихах чувства лирического героя — возбужденность, волнение, страсть, восхищение, эмоции, простота и сила очарования — выражены поэтически элегантно. Часто прием контраста придает стихотворению особую выразительность. В ту эпоху был принят возвышенный стиль выражения. В произведениях упоминаются нимфы, музы, боги, гора — имелся в виду Парнас, считавшийся их обителью. Стиль оды меняется в зависимости от темы и того, кому посвящена ода. Обращение к императрице торжественно, написано в высоком стиле. Лебедева, при упоминании о Екатерине, называла ее «Катрина», как называли ее турки. В тексте Лебедевой встречаются неологизмы (например, *psevdo klasizm*), используется религиозная лексика. Стоит обратить внимание на то, что Державин с одобрением говорит о деятельности императрицы во благо общества: он упоминает ряд написанных ей произведений для молодых людей, построенные по её указу фабрики, школы и множество других зданий.

Глубокое знание О. Лебедевой ислама позволило представить информацию понятным для османской публики образом. Бог переведен как *Cenab-ı Allah*, кроме того, Бог упоминается также и под другими именами: *İlâh, Hâlik, Hüda, Cenab-ı Bârî* и *Cenab-ı Hak, ma'bud Zu-l-Celâl'i* [Lebedeva 1895: 26–29].

Работа О. Лебедевой имеет важное значение как первое исследование, представляющее поэта Державина в Османской империи. Задаваясь вопросом о том, какую информацию автор донесла до османского читателя, исследователь деятельности О. Лебедевой, прежде всего, приходит к выводу: после издания этой книги ожидаемого отклика, к сожалению, не было. Об этом можно судить на ос-

нове того, что до сих пор произведения Державина не переведены на турецкий язык и отсутствуют исследования его творчества.

Другой вопрос, который может волновать исследователя в ходе ретроспективного анализа произведения О. Лебедевой — это оценка работы Лебедевой с точки зрения современного литературоведения. К сожалению, книга не была издана на современном турецком языке и соответственно не вошла в научную орбиту современного турецкого литературоведения. Таким образом, основной причиной, по которой книга осталась без внимания исследователей, является тот факт, что она написана на османском языке арабской графикой.

Каждая личность и творческий человек — это зеркало своего времени. «Человек является продуктом, порождением социокультурной ситуацией своего времени, а, значит, нет никакой возможности отсечь ее от него. Любые действия человека разворачиваются именно в социальной среде, сами по себе они не подлежат трактовке и пониманию» [Базанов 2016: 223].

В данной работе отношение к О. Лебедевой как к автору книги по истории русской литературы формируется, в первую очередь, как к представителю своего времени. Она успешно справилась с задачей, которую поставила перед собой — передать информацию о русской литературе и ее представителях, в том числе о Г.Р. Державине. Державин остался незамеченным во время бурного интереса к переводу русских прозаиков и поэтов в рамках проекта под руководством Хасана Али Юджела в журналах «Tercüman», когда многие писатели переводились и издавались в Турции, а также в «Yazko Çeviri».

Имя и заслуги Г.Р. Державина были оценены В.Г. Белинским: «Поэзия Державина — самое живое и самое верное свидетельство того, до какой степени эта эпоха была благоприятна поэзии и до какой степени могла она дать поэзии разумное содержание. В этом отношении должно обращать внимание не на похвалы Екатерине певца ее, которые, как похвалы современника, не могут иметь той неподозреваемой достоверности и искренности, как голос потомства; но здесь должно обращать внимание на ту свежесть, ту теплоту искреннего и задушевного чувства, которыми проникнуты гимны Державина Екатерине, на тот смелый и благородный тон, которым они отличаются» [Белинский 2008].

К сожалению, профессиональное научно-исследовательское и читательское внимание к литературе XVIII в. не настолько велико, поэтому произведения достойных поэтов той эпохи не были исследованы, а сами произведения не были переведены на турецкий язык. Здесь, конечно, важна позиция критиков и работы историков литературы, утверждавших, что русская поэзия начинается с Пушкина. Поэтому русская литература XVIII в., несмотря на неоспоримый вклад в развитие русской культуры, до сих пор остается не изученной и не переведенной в Турции.

Литература

- Базанов 2016 — *Базанов М.А.* Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 55. 2016. С. 221–235.
- Белинский 2008 — *Белинский В.Г.* Статьи о русской литературе. Сочинения Державина. Статья вторая. <https://ruslit.traumlibrary.net/book/belinskiy-statii/belinskiy-statii.html> (дата обращения 09.08.2021).
- Варшавский 1978 — *Варшавский Л.И.* Екатерина II, Державин и Козы-Корпеш // Памятные страницы. Алма-Ата. 1978. С. 59–72.
- Васильев 2017 — *Васильев С.А.* Недавние переводы поэзии Г.Р. Державина на английский язык для учебных целей. <https://core.ac.uk/download/pdf/222815907.pdf> (дата обращения 02.08.2021).
- Гордлевский 1961 — *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Том II. Язык и литература, М.: Издательство восточной литературы. 1961.
- Данциг 1976 — *Данциг Б.М.* Ближний Восток. Сборник статей. М.: Наука. 1976.
- Зайцев 2018 — *Зайцев И.В.* Две турецкие песни в переводе О.С. Лебедевой (Гюльнар-ханум) // Тюркологический сборник. 2018. С. 236–241.
- Клейн 2004 — *Клейн Й.* Религия и просвещение в XVIII веке: ода Державина «Бог». http://lib.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/23_tom_XVIII/Klein/Klein.pdf (дата обращения 09.08.2021).
- Макеев 2016 — *Макеев А.* Посланица русской культуры. Интервью с Т. Олджай / А. Макеев // Русский мир. Февраль 2016. С. 10–15. <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/pdf/RM02-2016.pdf> (дата обращения 22.06.2021).
- ОЛ — Ольга Лебедева. https://vuzlit.ru/520627/olga_lebedeva (дата обращения 12.08.2021).
- Олджай 2003 — *Олджай Т.* Русская литература в Турции // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2003. С. 91–94.
- Олджай 2004 — *Олджай Т.* К вопросу истории переводов русской литературы в Турции (1923–1960 гг.) // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2004. С. 266–271.
- Олджай 2010а — *Олджай Т.* Концепция переводов русских художественно-литературных произведений в Турции // International Journal of Russian Studies / Международный журнал российских исследований. 2010. С. 1–17.
- Олджай 2010б — *Олджай Т.* Ольга Сергеевна Лебедева и ее вклад в русско-турецкие литературные связи // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. №1. С. 121–126.
- Олджай 2015 — *Олджай Т.* Ольга Сергеевна Лебедева: полпред русской культуры в Турции // Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность. Том 14. СПб.: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ». 2015. С. 489–494.
- Олджай 2016 — *Олджай Т.* Слава на турците с Рус и руска култура. Ракла с култура кодово // Сборник VР 65-Годовщина Н. д.ф. н. Диячка Рожкова. Шумен: Фабер. 2016. С. 437–448.
- ПР 2004–2011 — *Горбунов Ю.А.* Писательницы России (материалы для биобиблиографического словаря). Екатеринбург: Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского. 2004–2011. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/883722> (дата обращения 22.08.2021).
- Соловьев 2011 — *Соловьев В.М.* Русские на чужбине. Неизвестные страницы истории жизни русских людей за пределами Отечества X–XX вв. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф. 2011.
- Соловьева 2014 — *Соловьева И.В.* Специфика автобиографии и биографии как коммуникативно-грамматических типов текста: характеристика рамки // Homo Loquens: актуальные

- вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Вып. 6. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. 2014.
- Ходасевич 1922 — *Ходасевич В.Ф.* Державин. К столетию со дня смерти. 1922. С. 104, 106.
http://derga.vin.ru/critics_93 (дата обращения: 22.06.2021).
- Шифман 1971 — *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. М.: Наука. 1971. С. 365–367.
- Lebedeva 1895 — *Lebedeva G.* Rus Edebiyatı. İstanbul: Adadoryan Matbaası. 1895.
- Olçay 2017 — *Olçay T.* Olga Lebedeva (Madame Gulnar): A Russian Orientalist and Translator Enchants the Ottomans // Slovo. Vol. 29. 2017. P. 40–71.

The collective monograph “Turkic languages and literatures in historical prospect” is prepared by the group of the leading specialists in the sphere of Turkic languages and literary studies presenting respected Turcological centres of Russia and other countries.

The book examines a wide range of actual problems in Turkic linguistics and literary studies. Researches presented in the section “Linguistics” are dedicated to various levels and periods of development of Turkic languages, as well as the results of interaction of Turkic languages with languages from other groups. This section accumulates the achievements in Turkic phonetics, morphology and syntax, lexicology and phraseology and also comprises researches relating to the language of written monuments and comparative historical studies.

The section “Literary Studies” focuses on modern literary process in Turkey as well as historical and theoretical problems of Turkic literatures.

Wide coverage of the issues raised in the book opens up prospects for further productive scientific activity in the field of writing theoretical grammars of Turkic languages and history of Turkic literatures.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

Селютина И.Я. Фонетические маркеры синтеза аналитических конструкций в южносибирских тюркских языках	7
Уртегешев Н.С. Атрибутивно долгие ларингализованные фарингализованные гласные фонемы шорского языка	23

Морфология и синтаксис

Алексеева О.А. Пунктуационные особенности турецкого новостного медиатекста	41
Гибаева М.А. Семантика будущего времени в турецком языке: сравнительный анализ функционирования временных форм на <i>-(y)AcAk</i> , <i>-(o)r</i> и <i>-(I)yor</i> (на материале разговорного турецкого языка)	52
Кадырова О.М. Турецкие конвербы на <i>-IncA</i> : встречаемость, синтаксические свойства, переводные эквиваленты	70
Лебедев Э.Е. О некоторых отличительных чертах в морфологии чувашского языка	81

Оганова Е.А. Категория числа в турецком языке как лингводидактическая проблема	86
Сахатова Г.С. О выражении значения 'чуть было не' в туркменском языке	102
Чугунцова А.Н. Модели изъяснительных полипредикативных конструкций в хакасском языке	108

Лексикология и фразеология

Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М. Лексикографический материал в тюрко-латинской грамматике Иеронима Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (1612)	124
Псянчин Ю.В. К вопросу о роли Мустая Карима в развитии ораторского подстиля башкирского языка	138
Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка: опыт описания реалий и понятий в аспекте межкультурной коммуникации	151
Субраков А.Д. Фразеологизмы с соматизмами в хакасских народных сказках	168
Учгюль С., Йылмаз М. Слово <i>helal</i> в турецком языке: коммуникативно-прагматический аспект	178
Чертыкова М.Д. Хакасские глаголы <i>оңар-</i> и <i>оңна-</i> в концептуальном пространстве понимания	188

Язык письменных памятников

Глашев А.А. Уйгурская версия буддийской легенды о демоне Атаваке	199
Ельяшевич В.А. Еврейские этноэидемы караимского этнолекта крымскотатарского языка в респонсах М.С. Казаса «Тув таам» (1835)	209
Телицин Н.Н. Несколько замечаний к прочтению рунической надписи из Интикуля	226

Сравнительно-исторические исследования

Акалын Ш.Х.

Исторические источники турецких пословиц
(исследование на турецком языке) 231

Лосева-Бахтиярова Т.В.

К вопросам истории и перспективы узбекской лингвистической терминологии 250

Мызников С.А.

Некоторые аспекты этимологического анализа тюркизмов в финно-угорских языках 256

Напольнова Е.М., Верховя К.А.

О процессе формирования турецкого литературного языка 269

Шамина Л.А.

Тувинский язык в лингвистическом пространстве Сибири: история и современность 284

Экба З.Н.

О некоторых семантических соответствиях арабо-персидских заимствований в башкирском и турецком языках 294

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Современный литературный процесс в Турции

Каменева О.Н.

Художественные особенности творчества Серай Шахинер 303

Караджа Б.

История перерождения человека: роман Ферита Эдгю «Он» / «Одно время года в Хяккяри» (исследование на турецком языке) 313

Репенкова М.М.

«Расщепленный» герой романистики Хакана Гюндая 324

Софронова Л.В.

Идиостиль Семы Кайгуруз 340

История и теория литературы**Лаврова М.А.**

О фантастике и фэнтези в турецком литературоведении 357

Образцов А.В., Сулейманова А.С.

Литературная Анкара 362

Пылев А.И.Обзор тюркской мусульманской поэзии Средней Азии XI–XII вв.
в свете освоения идей и образов суфизма ..... 370**Сибгаатов Ф.Ш.**

Башкирская литература в системе тюрко-мусульманской культуры 378

Учгюль С., Суриков К.А.Г.Р. Державин: ретроспективный взгляд на страницы первой в Турции книги
по истории русской литературы авторства О. Лебедевой 394

CONTENTS

Editors' preface	3
------------------------	---

LINGUISTICS

Phonetics

Selyutina I. Phonetic markers of the synthesis of analytical constructions in the South Siberian Turkic languages	7
Urtegeshev N. Attributively long laryngalized pharyngalized vowel phonemes of the Shor language	23

Morphology and syntax

Alekseeva O. Punctuation marks in Turkish news media text	41
Gibaeva M. Semantics of future tense in Turkish: comparative analysis of verb forms with suffixes <i>-(y)AcAk</i> , <i>-(r)</i> and <i>-(D)yor</i> (in spoken Turkish)	52
Kadyrova O. Characteristics of Turkish converbs with suffix <i>-IncA</i>	70
Lebedev E. About some distinctive features in the morphology of the Chuvash language	81

Oganova E.	
Category of number in the Turkish language as a linguodidactic problem	86
Sakhatova G.	
On expression of the meaning 'almost + V' in the Turkmen language	102
Chugunekova A.	
Models of explanatory polypredicative constructions in the Khakass language	108

Lexicology and phraseology

Nurieva F., Petrova M., Sungatullina M.	
Lexicographic material in Hieronymus Megiser's Turkic-Latin Grammar Book «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (1612)	124
Psyanchin Yu.	
Upon the question of the role of Mustay Karim in the development of the oratoric substyle of the Bashkir language	138
Samsitova L.	
Non-equivalent vocabulary of the Bashkir language: the experience of describing realities and concepts on the aspect of intercultural communication	151
Subrakov A.	
Phraseological units with somatisms in Khakass folk tales	168
Üçgül S., Yılmaz M.	
The word 'helal' and its derivatives in the Turskih language: communicative and pragmatic aspect	178
Chertykova M.	
Khakass verbs <i>оңар-</i> and <i>оңна-</i> in the conceptual space of understanding	188

Language of written monuments

Glashev A.	
Uighur version of the Buddhist legend about the demon Atavaka	199
Elyashevich V.	
Jewish ethnoedems of the Karaite ethnolect of the Crimean Tatar language in M.S. Kazas's responses «Tuv taam» (1835)	209
Telitsin N.	
Some remarks on reading the runic inscription from Intikul	226

Comparative historical researches

Akalın Ş. H. Historical sources of the Turkish proverbs (written in Turkish)	231
Loseva-Bakhtiyarova T. The Uzbek linguistic terminology: history and perspective issues	250
Myznikov S. Some aspects of the etymological analysis of Turkisms in the Finno-Ugric languages	256
Napolnova E., Verkhova K. Upon the process of formation of the Turkish literary language	269
Shamina L. Tuvan language in the linguistic space of Siberia: history and modernity	284
Ekba Z. On some semantic correspondences of Arabic-Persian borrowings in Bashkir and Turkish languages	294

LITERARY STUDIES

Modern literary process in Turkey

Kameneva O. Artistik features of Seray Şahiner's works	303
Karaca B. A story of the rebirth of a human being: the roman «He» / «One season in Hakkari» by Ferit Edgü (written in Turkish)	313
Repenkova M. Disintegrated hero in Hakan Günday's novels	324
Sofronova L. Idiostyle of Sema Kaygusuz	340

History and theory of literature

Lavrova M. About the fantastic and fantasy in Turkish literary studies	357
Obraztsov A., Suleimanova A. Ankara and Turkish literature	362

Pylev A.

Review of Turkic Muslim poetry of Central Asia of the XI–XII centuries through
its mastering the ideas and images of Sufism 370

Sibgatov F.

Bashkir literature in the system of Turkic-Muslim culture 378

Üçgül S., Surikov K.

G.R. Derzhavin: a retrospective view of the first book on the history of Russian literature
by O. Lebedeva published in Turkey 394

Научное издание

**ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Коллективная монография

*Утверждена к печати решением Ученого совета
Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Художник

К.А. Верхова

Оформление оригинал-макета

О.В. Волкова

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

П. л. 26,0. Усл. п. л. 33,5.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел. +7 499 270-73-59